

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВНУТРЕННИЙ МИР
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВНУТРЕННИЙ МИР РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

13

Материалы
-й международной
научной
конференции

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НЕМЦЕВ РОССИИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВНУТРЕННИЙ МИР РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Материалы XIII международной научной конференции.
Москва, 21–23 октября 2010 г.

Москва, 2011

УДК 94(=112.2)(47).084.8(082)

ББК 63.3(2)622я43

Г 75

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор А. А. Герман

Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков : Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г. М. : «МСНК-пресс», 2011. – 576 с.

ISBN 978-5-98355-077-3

УДК 94(=112.2)(47).084.8(082)

ББК 63.3(2)622я43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства регионального развития Российской Федерации.

ISBN 978-5-98355-077-3

© АОО «Международный союз
немецкой культуры», 2011

© ЗАО «МСНК-пресс», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Вклад советских немцев в Победу	
Герман А.А. (Саратов). Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу	13
Шульга И.И. (Саратов). Массовый героизм российских немцев на фронте и в тылу противника как проявление патриотизма и гражданской идентичности	22
Солодова В.В. (Одесса). Документальные источники об участии этнических немцев в организованном движении Сопротивления на временно оккупированной территории Одесской и Николаевской областей 1941–1944 гг.	32
Серазетдинов Б.У. (Москва). Участие российских немцев в решении продовольственной программы на рыбном фронте в годы Великой Отечественной войны. На материалах Омской и Тюменской областей	40
Война и национальная политика	
Малиновский Л.В. (Барнаул). Война и национальная политика СССР (Заметки современника событий)	62
Кахаров Н.Н. (Ташкент). Идеологические установки советского руководства в отношении немцев Германии и советских немцев в годы Великой Отечественной войны	66
Депортация, трудовая мобилизация и жизнь на спецпоселении	
Черказьянова И.В. (Санкт-Петербург). Депортация советских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир	77
Скучаева О.Е. (Энгельс). К вопросу о причинах и правовых основаниях депортации немецкого населения из Поволжья	88
Чернова-Дёке Т. (Берлин). Депортация и судьбы кавказских немцев: трагедия 1941 года	98
Абдуллаев Чингиз Али оглы (Баку). Депортация немцев из Азербайджана	118
Конев Е.В. (Новокузнецк). Социально-экономическое и общественное положение немцев-спецпереселенцев Томска в начальный период Великой Отечественной войны	121
Иванов А.С. (Сургут). Спецпереселенцы-немцы на территории Северо-Западной Сибири (1942–1945 гг.): численность и правовой статус	127

Степанов М.Г. (Абакан). Особенности реализации и оценки репрессивной политики в отношении российских немцев в 1941–1945 гг. (на примере Хакасской автономной области)	131
Матвеева Н.В. (Нижний Тагил). Влияние условий труда и жизни на внутренний мир российских немцев-трудармейцев в годы Великой Отечественной войны	145
Фаузер В.В. (Сыктывкар). Немцы в Республике Коми до и в годы Великой Отечественной войны	155

В условиях оккупации

Клец В.К. (Днепропетровск). Идеологический коллаборационизм этнических немцев СССР в годы Великой Отечественной войны	163
Мартыненко В.Л. (Харьков). К вопросу о характере и причинах сотрудничества этнических немцев с оккупационными властями на Украине в годы Второй мировой войны	171
Кретинин С.В. (Воронеж). Бессарабские немцы в 1939–1941 гг.: в поисках своей идентичности	174
Плесская Э.Г. (Одесса). Проблемы национальной идентичности немцев Причерноморья к началу и во время Второй мировой войны	178
Степченко Э.Н. (Киев). Проблемы германизации и немецкой колонизации в исследованиях украинских ученых в оккупированном Киеве (1941–1943 гг.)	186

Германские граждане в СССР в годы войны

Маркдорф Н.М. (Новокузнецк). О политико-просветительской деятельности газеты «Нахрихтен» для немецких военнопленных в западносибирских лагерях (1945–1949 гг.)	193
Мотревич В.П. (Екатеринбург). Благоустройство мест захоронений военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан в Уральском регионе в 1995–2009 гг.	207
Калякина А.В. (Саратов). Саратовская область – территория пребывания немецких военнопленных в 1943–1949 гг.	215
Бахарева О.Я. (Оренбург). Место плена – Чкалов и Чкаловская область .	234

Трансформация гражданской идентичности в военные и послевоенные годы

Шумилова Л.Н. (Энгельс). Трансформация социального статуса и гражданской идентичности партийно-советских руководителей бывшей Республики немцев Поволжья в годы Великой Отечественной войны	242
Месич Т.И. (Докучаевск). Влияние Великой Отечественной войны на гражданскую идентификацию российских немцев и историческую память потомков	248

Бургарт Л.А. (Усть-Каменогорск). Вторая мировая война и немцы-католики в СССР (к вопросу о последствиях)	255
Лиценбергер О.А. (Саратов). Римско-католическая церковь и немцы-католики в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время	281
Великая Т.С. (Саратов). Процесс адаптации советских немцев к условиям спецпоселения (1941–1945 гг.)	287
Ярков А. П. (Тюмень). О немцах Киргизской ССР в контексте 65-летия окончания Великой Отечественной войны	292
Иноятова Д.М. (Ташкент). Гражданская идентичность и внутренний мир советских немцев в Узбекистане в годы войны.	301
Охотников А.Ю. (Новосибирск). Кулундинские немцы и советский пропагандистский дискурс 1960–1970-х гг.: проблемы этнической и гражданской идентичности (на примере кампаний по празднованию 20-летнего юбилея победы над Германией в южных районах Новосибирской обл.)	312
Москалюк Л.И. (Барнаул). Языковое поведение российских немцев, переселенцев военных лет, в Алтайском крае	317
Историческая память и ее трансформация	
Кириллов В.М. (Нижний Тагил). Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения)	322
Смирнова Т.Б. (Омск). Воспоминания российских немцев о войне (по материалам этнографических экспедиций)	350
Блинова А.Н. (Омск). Память о трагическом прошлом, ее сохранение и трансформация в поколениях семей этнических немцев Западной Сибири	355
Байкова О.В.(Киров). Российские немцы в Вятлаге (1942–1947 гг.) (из воспоминаний очевидцев)	360
Гамм Г. (Меккенхайм). О некоторых стереотипах, сложившихся в российско-немецкой публицистике по теме «Российские немцы в годы Великой Отечественной войны»	367
Трагедия военных лет в литературных произведениях	
Ананьева С.В. (Алматы). Трагические страницы истории в романах Г. Бельгера	386
Дятлова В.А. (Красноярск). Тема войны в произведениях немцев Красноярья (на материале стихов В. Эккерта и воспоминаний Р. Майера)	392

Зейферт Е.И. (Москва). «Маленькая поэма» в поэзии
российских немцев: масштабность исторических проблем
(война, депортация) 401

**Проблемы развития гражданской идентичности российских немцев:
исторический опыт второй половины XIX – первых десятилетий XX в.**

Лебедева Е.В. (Санкт-Петербург). От имперского патриотизма
к гражданской идентичности. Немцы России и проблема
формирования общероссийского самосознания
в XVIII – начале XX в. 412

Иларионова Т.С. (Москва). Национальная идентичность и карьера
в истории и современности российских немцев 433

Назарьян Р.Г. (Самарканд). Российские немцы – пионеры исследования
Средней Азии 444

Венгер Н.В. (Днепропетровск). Меннониты и власть в конфликте
1860–1870-х гг.: pros и cons реформ унификации 449

Ходченко Е.Е. (Днепропетровск). Гражданская позиция меннонитов
Канады и США в период Первой мировой войны 467

Алишина Г.Н. (Томск). Дискуссия о лояльности немецких колонистов
в годы Первой мировой войны 478

Нам И.В. (Томск). Планы реорганизации церковной организации
лютеран Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1919 гг.) 483

Волкова Т.П. (Алматы). Особенности формирования советской
партийно-правительственной элиты из среды
немецкого населения Казахстана в 20–30-х гг. XX в. 486

Савоскул М.С. (Москва). Судьба российских немцев в XX веке:
связь истории и географии (этапы миграции по данным
переписей населения 1897–2000-е гг.) 492

**Современные трансформации гражданской идентичности
и состояние исторической памяти о войне и депортации**

Менг К. (Мангейм), Протасова Е.Ю. (Хельсинки).
Русаки в Германии. Изменения культурного самопонимания
российских немцев после переселения в Германию 514

Вормсбехер Г.Г. (Москва). О национальной идентичности
российских немцев: вчера, сегодня... завтра? 531

Массина С.А., Шидо Т.А. (Саратов). Поволжские немцы
глазами современных саратовских студентов
(попытка историко-психологического анализа) 564

Наши авторы 572

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2011 г. исполнилось 65 лет со дня окончания Второй мировой войны и важнейшей ее составляющей – Великой Отечественной войны (за пределами постсоветского пространства она известна как советско-германская война 1941–1945 гг.). Юбилейную дату широко отметили как в России, так и в других странах, прежде всего в тех, которые существенно пострадали от этой войны.

Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев откликнулась на юбилейную дату проведением своей очередной 13-й научной конференции по теме «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков». Тема выбрана отнюдь не случайно.

Для советских немцев (1,4 млн. человек) война, как и последовавшее за ней мирное десятилетие, стали периодом самых суровых испытаний за всю историю их проживания в России.

Немецкому населению пришлось перенести тяготы и лишения, выпавшие на долю всех советских людей, однако их историческое родство с населением страны, ставшей главным противником Советского Союза, предопределило существенные особенности их жизни и существования в военные годы. Самым серьезным испытаниям подверглась их гражданская идентичность, формировавшаяся на протяжении более полутора столетий. Основательно был разрушен их внутренний мир, хоть и существенно деформированный в годы советской власти, но все же сохранявший свои базовые этнические ценности. Важнейшую роль во всех этих процессах играла политика государства.

В условиях, когда возникла серьезная и реальная угроза самому существованию Советского государства и советской политической системе, власть не смогла воздержаться от искушения отождествить «своих» немцев с противником и возложить на них часть вины за негативное развитие событий на фронтах. В существенной мере была воспроизведена ситуация с российскими немцами, имевшая место в годы Первой мировой войны. Однако специфика тоталитарного режима, его общее отношение к своим гражданам как бессловесным винтикам государственного механизма, традиция жестоко наказывать за нелояльность, как действительную, так и мнимую, обернулись для этнических немцев России тяжелейшими страданиями, поставили вопрос о самом существовании советских немцев как народа.

Сформулированная тема конференции позволила осветить очень многие актуальные, но практически не изученные проблемы проявления и трансформации гражданской идентичности, внутреннего мира, современного состояния, а также формирования и трансформации исторической памяти российских немцев и окружающего социума о тяжелой военной поре.

В рамках общей темы конференции оргкомитет акцентировал внимание будущих участников на следующие основные составляющие общей проблемы: исторический опыт проявления гражданской идентичности российских немцев в войнах и иных социально-политических конфликтах прошлого; гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев накануне Великой Отечественной войны, основные факторы, определявшие их содержание; проявление гражданской идентичности российских немцев в первые недели и месяцы войны на фронте и в тылу; трансформации гражданской идентичности и внутреннего мира под воздействием политики Советского государства в отношении российских немцев; вклад российских немцев в общую победу советского народа над фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны; гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев военных лет в исторической памяти потомков.

Тема конференции вызвала активный интерес и обусловила широкий состав участников. В ходе работы конференции ее участниками было сделано немало интересных, отличающихся новизной и оригинальностью докладов, что позволяет считать работу конференции успешной. Это еще один важный шаг на пути глубокого познания образа российских немцев в середине XX века в экстремальных условиях войны и обострившихся взаимоотношений с окружающим социумом.

Материалы конференции сгруппированы в соответствие с теми основными проблемами, которые предлагались для обсуждения.

В первом разделе, «Вклад советских немцев в Победу», показано активное и конкретное участие немцев СССР в борьбе с агрессором на фронте, в подполье и партизанском движении, их самоотверженная работа в советском тылу. Несомненно, советские немцы внесли свой заметный вклад в общие усилия страны и ее народа по достижению великой Победы. Этот вклад мог бы быть и больше, если бы не решение власти воспрепятствовать немцам защищать свою родину с оружием в руках.

Во втором разделе рассматриваются особенности национальной политики советского руководства в годы войны. Выявляется и исследуется ее антинемецкая составляющая, обусловившая на практике ограничение прав «своих» немцев по защите отечества, открытое недоверие к ним и использование их гражданского потенциала главным образом в форме принудительного труда на объектах тыла в условиях, практически совпадавших с условиями жизни и труда заключенных.

В третьем разделе участниками конференции освещается практическая реализация антинемецких теоретических установок власти, выразившаяся в форме тотальной депортации всего немецкого населения в восточные районы страны, трудовой мобилизации в военизированные рабочие отряды и колонны, функционировавшие в десятках наркоматов, осуществлявшие строительство многих важнейших объектов, укреплявших военно-экономическую мощь

СССР и боевой потенциал Красной армии, мощь организации спецпоселения. Исследуются также вопросы формирования немецкого спецпоселения.

Четвертый раздел посвящен жизни советских немцев в условиях нацистской оккупации. Исследуются пределы коллаборационизма в условиях, когда оккупанты пытались использовать этнических немцев в своих политических и иных интересах. Отдельно рассматривается жизнь этнических немцев в условиях румынской оккупации.

Пятый раздел освещает жизнь германских граждан, оказавшихся на территории СССР. Главным образом речь идет о военнопленных и интернированных. Материал раздела позволяет провести сравнительный и очень поучительный анализ отношения власти к оказавшимся в ее руках представителям противника действительного и противника, которого она видела в лице «своих» немцев.

Доклады шестого раздела посвящены исследованию процесса трансформации гражданской идентичности этнических немцев Советского Союза в военные и послевоенные годы под влиянием антинемецкой политики государства. После почти 200-летнего проживания в России немцы все больше стали ощущать себя в собственной стране чужими, и это не могло не влиять на их гражданскую идентичность. В ответ на неза заслуженные унижения горечь, обида, разочарование все больше овладевают ими, все чаще возникает вывод: в СССР будущего для них нет.

В седьмом разделе исследуется историческая память российских немцев, связанная с переживаниями военных лет, рассматриваются ее трансформация под влиянием событий последующих лет, под влиянием изменений гражданской идентичности.

Доклады, помещенные в восьмом разделе посвящены анализу отражения событий военных и первых послевоенных лет в художественной литературе российских немцев. Анализируются произведения крупнейших классиков российско-немецкой художественной прозы и поэзии.

Доклады девятого раздела обращены в довоенное прошлое. Они прослеживают сложный, противоречивый, но, вместе с тем, достаточно успешный путь формирования гражданской идентичности российских немцев. Прослеживается негативное влияние на патриотизм российских немцев политики власти в годы Первой мировой войны, а также советских социалистических экспериментов.

В последнем, десятом, разделе исследуются современные трансформации гражданской идентичности российских немцев, в том числе и эмигрировавших в Германию, на конкретных частных случаях анализируется состояние исторической памяти о войне и депортации среди наших современников. Авторы размышляют о будущем немецкого этноса в России.

Хочется надеяться на то, что материалы конференции вызовут интерес читателей и позволят еще глубже развить феноменологию российских немцев.

VORWORT

2010 jährte sich zum 65. Male die Beendigung des Zweiten Weltkrieges und seines wichtigsten Bestandteils – des Großen Vaterländischen Krieges (außerhalb der Grenzen von Nachfolgestaaten der UdSSR als Deutsch-Sowjetischer Krieg von 1941–1945 bekannt). Das Jubiläumsdatum wurde sowohl russlandweit als auch in anderen Ländern breit begangen, in erster Linie in denjenigen, die von diesem Krieg wesentlich betroffen waren.

Die Internationale Assoziation der Erforscher der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen reagierte auf das Jubiläumsdatum mit der Durchführung ihrer ordentlichen 13. wissenschaftlichen Konferenz zum Thema „Identität und Gefühlswelt der Russlanddeutschen während des Zweiten Weltkrieges und im historischen Gedächtnis der Nachkommen“. Das Thema wurde nicht von ungefähr so formuliert.

Für Sowjetdeutsche (1,4 Mio. Personen) bildeten der Krieg wie auch das darauf folgende friedliche Nachkriegsjahrzehnt einen Zeitraum härtester Leiden in ihrer gesamten Geschichte in Russland.

Der deutschstämmigen Bevölkerung wurden Lasten und Leiden zuteil, wie sie auch von allen Sowjetmenschen durchgemacht werden mussten, jedoch bedingte ihre historische Verbindung mit dem Volk des Landes, das als Hauptfeind der Sowjetunion galt, in den Kriegsjahren wesentliche Besonderheiten für ihr Leben und ihre Existenz. Ihre bürgerliche Identität, die sich im Laufe von mehr als anderthalb Jahrhunderten herausbildete, wurde schwerster Härteprobe ausgesetzt. Auch ihre Innenwelt, die in den Jahren der Sowjetmacht wesentlich untergraben wurde und ihre grundlegenden ethnischen Werte doch zu bewahren vermöchte, wurde dadurch betroffen. Dabei spielte die Politik des Staates die wichtigste Rolle.

Das formulierte Thema der Konferenz erlaubte die Beleuchtung sehr vieler aktuellen, jedoch kaum untersuchten Probleme über die Ausprägungen und Umgestaltung der bürgerlichen Identität, der Innenwelt, aktuellen Stand und Entwicklung und Umgestaltung des historischen Gedächtnisses der Russlanddeutschen und ihrer Mitwelt an diese schwierigen Kriegszeiten.

Im Rahmen des Hauptthemas der Konferenz wurde die Aufmerksamkeit der Teilnehmer vom Organisationskomitee auf die Grundkomponenten des allgemeinen Problems gelenkt, nämlich: historische Erfahrung über die Ausprägungen der bürgerlichen Identität der Russlanddeutschen in Kriegen und sonstigen sozialpolitischen Konflikten der Vergangenheit; bürgerliche Identität und Innenwelt der Russlanddeutschen im Vorfeld des Großen Vaterländischen Krieges, Hauptfaktoren, die ihren Inhalt bestimmten; Ausprägungen der bürgerlichen Identität der Russlanddeutschen in den ersten Kriegswochen und -monaten an der Front und im Hinterland, Transformation der bürgerlichen Identität und der Innenwelt

unter dem Einfluss der Politik des Sowjetstaates gegenüber den Russlanddeutschen, Beitrag der Russlanddeutschen zum gemeinsamen Sieg des Sowjetvolkes über faschistische Eroberer in den Jahren des Großen Vaterländischen Krieges, bürgerliche Identität und Innenwelt der Russlanddeutschen der Kriegsjahre im historischen Gedächtnis der Nachwelt.

Das Thema der Konferenz rief aktives Interesse hervor und bedingte einen breiten Teilnehmerbestand. Im Zuge der Konferenz wurden von ihren Teilnehmern zahlreiche interessante, durch Neuartigkeit und interessanten Approach geprägte Vorträge gehalten, weswegen die Arbeit der Konferenz als erfolgreich bewertet werden kann. Dies ist ein weiterer wichtiger Schritt auf dem Wege tiefgründiger Untersuchung der Gestalt der Russlanddeutschen Mitte des 20.Jh. unter extremen Bedingungen des Krieges und der sich zuspitzenden Verhältnisse mit der Mitwelt.

Der Stoff der Konferenz wird entsprechend den zur Erörterung angebotenen Problemstellungen gegliedert.

Im Abschnitt I „Beitrag der Sowjetdeutschen zum Sieg“ wurde aktive und konkrete Teilnahme der Deutschen der UdSSR am Kampf an der Front, an der Untergrund- und Partisanenbewegung, ihre selbstlose Arbeit im sowjetischen Hinterland gezeigt. Von Sowjetdeutschen wurde zweifelsohne ein beträchtlicher Beitrag zu allgemeinen Bemühungen des Landes und seines Volkes zur Erlangung des Großen Sieges geleistet. Dieser Beitrag hätte auch viel größer sein können, wenn die Deutschstämmigen auf Entscheidung der Macht in der Möglichkeit nicht gehindert wären, ihre Heimat mit Waffen in der Hand zu verteidigen.

Im Abschnitt II werden die Besonderheiten der Nationalitätenpolitik der sowjetischen Staatsführung in den Kriegsjahren betrachtet. Es wird ihre deutschfeindliche Komponente ermittelt und untersucht, die in der Praxis eine Beschränkung des Rechts ihrer heimischen Deutschen auf Verteidigung ihrer Heimat, offenes Misstrauen ihnen gegenüber und Nutzung ihres sozialen Potentials in erster Linie in Form von Zwangsarbeit in diversen Objekten im Hinterland unter Lebens- und Arbeitsbedingungen verursachte, welche denen der Häftlinge in Strafanstalten glichen.

Im Abschnitt III wird von den Teilnehmern der Konferenz die praktische Umsetzung deutschfeindlicher theoretischer Einstellung der Macht untersucht. Diese fand ihren Ausdruck in totaler Deportation der gesamten deutschstämmigen Bevölkerung in die Ostregionen des Landes, Mobilmachung für die Arbeit in kampfruppartig gegliederten Arbeitsgruppen und -kolonnen, die unter Dutzend Volkskommissariaten funktionierten und bei der Errichtung zahlreicher wichtigster Objekte eingesetzt wurden, welche das militärische und Wirtschaftsmacht der UdSSR und das Kampfpotential der Roten Armee bestärkten, sowie in der Organisation von Sonderansiedlungen. Ferner werden die Fragen über das Entstehen deutscher Sonderansiedlungen untersucht.

Der Abschnitt IV ist dem Leben der Sowjetdeutschen unter den Bedingungen der Nazi-Besetzung gewidmet. Es werden die Grenzen der Kollaboration unter Bedingungen untersucht, wo die Besatzer versuchten, Deutschstämmige für ihre politischen und sonstigen Zwecke auszunutzen. Gesondert wird das Leben der Deutschen unter rumänischer Besetzung betrachtet.

Im Abschnitt V wird das Leben deutscher Staatsbürger untersucht, die in die UdSSR verschlagen wurden. Dabei geht es vorwiegend um Kriegsgefangene und internierte Personen. Der Stoff dieses Abschnitts erlaubt eine sehr lehrreiche Vergleichsanalyse des Verhaltens der Macht gegenüber den in ihrem Einflussraum befindlichen Vertretern des effektiven Feindes sowie gegenüber heimischen Deutschstämmigen, die als „Feinde“ abgestempelt wurden.

Die Vorträge des Abschnitts VI sind der Untersuchung der Transformationsvorgänge in der bürgerlichen Identität der Deutschstämmigen der Sowjetunion in den Kriegs- und Nachkriegsjahren unter dem Einfluss der deutschfeindlichen Politik des Staates gewidmet. Nach fast 200-jährigem Leben in Russland fühlten sich Deutsche immer mehr als Fremde im eigenen Heimatland, was ihre bürgerliche Identität zwangsläufig mit beeinflusste. Als Reaktion auf unschuldig durchgemachte Strapazen empfanden sie zunehmend Bitterkeit, Ärger und Enttäuschung, immer häufiger kam der Gedanke auf, sie hätten in der UdSSR keine Zukunft.

Im Abschnitt VII wird das historische Gedächtnis der Russlanddeutschen im Zusammenhang mit den Erfahrungen der Kriegsjahre untersucht und seine Transformation unter dem Einfluss der Geschehnisse der Nachfolgejahre, des Wandels in bürgerlicher Identität betrachtet.

Die im Abschnitt VIII zusammengefassten Vorträge sind der Analyse der Darstellung der Geschehnisse der Kriegs- und ersten Nachkriegsjahre in der schöngeistigen Literatur der Russlanddeutschen gewidmet. Analysiert werden die Werke der größten Klassiker der russlanddeutschen Prosa und Lyrik.

Die Vorträge des Abschnitts IX vertiefen sich in die Vorkriegsjahre. Sie verfolgen den komplizierten, widerspruchsvollen und dabei recht erfolgreichen Weg der Herausbildung der bürgerlichen Identität der Russlanddeutschen. Es wird ein negativer Einfluss der Politik der Macht in den Jahren des Ersten Weltkrieges und sowjetischer sozialistischer Experimente auf den Patriotismus der Russlanddeutschen festgestellt.

Im abschließenden Abschnitt X werden zeitgenössische Transformationsercheinungen in der bürgerlichen Identität der Russlanddeutschen, einschließlich derjenigen untersucht, die nach Deutschland aussiedelten; anhand einzelner konkreter Beispiele wird der Stand des historischen Gedächtnisses unserer Zeitgenossen über den Krieg und die Deportation analysiert. Die Autoren machen sich Gedanken über die Zukunft der deutschen Völkerschaft in Russland.

Es bleibt zu hoffen, dass die Materialien der Konferenz bei der Leserschaft Interesse finden und zur Weiterentwicklung der Phänomenologie der Russlanddeutschen beitragen werden.

Герман А.А. (Саратов)

Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу

К началу Великой Отечественной войны в СССР проживало 1,4 млн. этнических немцев¹.

Основная их часть являлась потомками немцев-колонистов, переселившихся по приглашению российских государей в XVIII–XIX вв. в Поволжье, Причерноморье, Закавказье, окрестности Санкт-Петербурга и другие регионы Европейской России. Позднее часть немцев мигрировала из этих мест дальше на восток – в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию².

Известие о нападении Германии на СССР немецкое население в основном восприняло с возмущением и тревогой. Свидетельством широкого патриотического подъема стали толпы немцев-мужчин, осаждавших военкоматы в Республике немцев Поволжья, других местах компактного проживания. Однако с первого дня войны немцев в массовом порядке в армию не призывали, что вызывало возмущение, особенно немецкой молодежи³.

В действующей армии находились немцы, призванные туда до начала войны. По данным Н.Ф. Бугая в РККА во время войны служило 33516 военнослужащих немецкой национальности, в том числе 1605 офицеров⁴. И хотя с сентября 1941 г. немцев-военнослужащих начали из армии изымать, все же в самые трудные военные месяцы лета и осени 1941 г. они воевали на фронте, и многие из них сумели за этот короткий срок проявить свой высокий патриотизм, продемонстрировать такие качества как мужество, отвага, героизм, высокое воинское мастерство⁵.

Небольшой части немцев в силу различных причин удалось остаться в действующей армии, некоторые, чтобы попасть на фронт, сменили свои немецкие фамилии на русские, украинские, азербайджанские и др. Таким образом, присутствие

---

¹ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. д-тов /Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1998. С. 16.

² См.: Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 1995. С. 29–133, 195–222.

³ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (Далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 32.

⁴ См.: Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 75.

⁵ Среди награжденных в августе 1941 г. правительственными наградами числились – полковник Н. Гаген (орден Ленина), генерал-майор Г. Шульц (орден Красного Знамени), капитан А. Шварц (орден Красной Звезды) и др. См.: Красная Звезда. 1941. 10 августа.

немцев в Красной армии, хоть и в небольшом количестве, но сохранялось до конца войны. Эти люди также проявляли доблесть, героизм, мужество.

Массовый героизм советских немцев на фронтах войны будет освещаться в отдельном докладе. Поэтому приведу лишь одну цифру: сегодня точно известно, что по крайней мере 10 немцев за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза и России⁶. Если соотнести это число с количеством воевавших на фронте немцев, то такой показатель будет одним из самых высоких среди народов СССР.

Примерно до середины августа в советской прессе и в выступлениях руководства подчеркивалась разница между немцами Германии и СССР. Более того, немцы Республики немцев Поволжья активно использовались в контрпропаганде на вооруженные силы и население противника. Многочисленные обращения различных категорий немецкого населения АССР НП (рабочих, крестьян, военнослужащих, интеллигенции и т.п.) к своим германским братьям с призывом «вернуть оружие», «свергнуть Гитлера и его свору» транслировались по радио на германские войска, сбрасывались в виде листовок. Апогеем этой контрпропагандистской кампании стали обращения к германскому народу Председателя Президиума Верховного Совета АССР НП К. Гофмана и Председателя Совнаркома Немреспублики А. Гекмана⁷.

Подвиги и достижения советских немцев на фронте и в тылу получали достойное освещение. Так, например, «Комсомольская правда» в течение одной недели в августе 1941 г. дважды обращалась к теме фронтовых подвигов советских немцев: 24 августа рассказала о красноармейце Генрихе Гофмане. А 28 августа – о красноармейце Генрихе Неймане, сбившем четыре неприятельских самолета.

Однако по мере ухудшения обстановки на фронте отношение руководства СССР к «своим» немцам стало быстро и кардинально меняться. В них все больше стали видеть потенциальную пятую колонну.

Органами НКВД и НКГБ с самого начала войны фиксировались и докладывались в центр даже единичные факты «антисоветских», «пораженческих», «фашистских» высказываний и действий советских немцев как в РНП, так и в других регионах. Представляется, что такие факты не могли не играть для власти роли раздражителя, особенно если проявлялись в прифронтовой полосе и выливались в прямую измену. В условиях серьезных военных неудач они понуждали власть к перестраховочным действиям. В этой связи одной из причин депортации (наряду с рядом других) представляется информация, содержащаяся в донесении командования Южного фронта Верховному главнокомандующему

---

⁶ Героями Советского Союза стали А. Борман, В. Венцель, С. Волкенштейн, Н. Гастелло, И. Гарварт, А. Герман, Р. Клейн, Н. Охман. Звание «Герой России» уже в наши дни получили летчик Э. Гептнер и танкист Ф. Ганус.

⁷ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М., 1997. С. 411–413.

И.В. Сталину и Главкому Южного направления С.М. Буденному от 3 августа 1941 г. Документ короткий, поэтому процитирую его полностью:

«1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам.

Установлено также, что вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом-солью.

На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением.

2. Просим дать указание местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов».

Подписи: Тюленев, Запорожец, Романов.⁸

Примечательна резолюция И.В. Сталина на этом документе (бланке шифротелеграммы): «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И.Ст.»⁹. Ясно, что такое эмоционально-жесткое указание вождя и руководителя государства в условиях чрезвычайной ситуации не могло быть не исполнено.

Первой значительной акцией по выселению стало выселение 60 тыс. немцев из Крыма. Оно проводилось завуалировано, в форме эвакуации (по постановлению Совета по эвакуации СЭ-75 от 15 августа 1941 г.). Немецкое население Крымской АССР эвакуировалось в Орджоникидзевский край и Ростовскую область¹⁰.

26 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»¹¹. Два дня спустя это решение было оформлено в форме Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». В указе немцы Поволжья открыто обвинялись в укрывательстве «десятков тысяч диверсантов», что, конечно же, являлось откровенной ложью.

31 августа вышло еще одно, очень короткое Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», которое требовало «весь антисоветский элемент среди немецкого населения арестовать... всех мужчин-немцев в возрасте от 16 до 60 лет мобилизовать и направить в строительные батальоны»¹².

Позднее до конца 1941 г. на основании ряда постановлений ГКО СССР из европейской части СССР были депортированы все немцы, а также этнические финны, румыны, болгары, венгры.

Сама по себе депортация как превентивная мера не была чисто сталинским изобретением. Практика депортации и интернирования применялась по отношению

---

⁸ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. №9. С. 195.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. М., 1998. С. 29.

¹¹ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 229–233.

¹² См.: См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. С. 48.

к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии. Особенно широкий размах она имела в Польше, Бельгии, Франции. В Соединенных Штатах Америки на весь период войны были интернированы японцы. Подобная практика имела место и в Российской империи в годы Первой мировой войны. Страх перед пятой колонной в ряде стран превращался в антинемецкую истерию. Руководство многих стран принимало огульные репрессивные меры в отношении населения, этнически родственного противнику.

Массовая, проведенная в короткий срок, депортация советских немцев (около 1 млн. чел.) стала одной из крупнейших подобного рода акций за всю историю. Ее превосходит, пожалуй, только депортация немцев с территорий Германии, отошедших странам Восточной Европы (13 млн. человек) в первые послевоенные месяцы и годы.

За депортацией, спустя несколько месяцев, последовала мобилизация в трудовую армию практически всего взрослого немецкого населения: мужчин от 15-ти до 55 лет, женщин от 16-ти до 45 лет¹³. Кроме того, на Крайний Север Сибири «для работы по лову рыбы и на предприятия рыбообрабатывающей промышленности» было вторично переселено свыше 80 тыс. депортированных немцев семьями, включая стариков и детей. Там они оказались в тяжелейших условиях. Тем не менее своим трудом обеспечивали поступление рыбы в рацион Красной армии¹⁴. Этот сюжет из истории российских немцев также будет подробно освещен в одном из выступлений на нашей конференции.

Степень мобилизации продуктивной части советских немцев для работы в трудармии (практически все взрослое трудоспособное население) существенно превысила среднюю степень мобилизации продуктивной части населения СССР и для фронта, и для работы в тылу.

Трудовой армией (трудармией) назывались военизированные рабочие формирования, сочетавшие в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, структура подразделений, внутренний распорядок, единоначалие, централизация органов управления), элементы производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, формальная оплата труда) и элементы ГУЛАГа НКВД («зона», охрана, административный режим содержания, нормы снабжения)¹⁵.

Размещались военизированные формирования из советских немцев практически на всей территории СССР. В силу конкретных обстоятельств хода войны и концентрации в связи с этим военной промышленности и добывающих отраслей народного хозяйства в восточных районах страны, подавляющая часть рабочих отрядов и колонн из немцев была сформирована

---

¹³ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. С. 50–66.

¹⁴ См.: Там же. С. 40–41.

¹⁵ См.: Там же. С. 7.

и функционировала на Урале и в Сибири. Достаточно большое число их имелось на территории европейской части СССР и в Казахстане.

Из всех наркоматов, использовавших труд мобилизованных немцев, НКВД прочно удерживал лидерство по численности трудармейцев в течение всех военных лет. Это подтверждает таблица 1.

Таблица 1
Численность немцев-трудармейцев на объектах НКВД
и других наркоматов в 1942–1945 гг.¹⁶

По состоянию на:	В НКВД	В других наркоматах	Всего
1.01.1942 г.	20 800	–	20 800
1.07.1942 г.	120 722	–	120 722
1.07.1943 г.	104 276	112 075	216 351
1.01.1944 г.	106 669	118 376	225 045
1.06.1944 г.	107 214	120 094	227 310
1.05.1945 г.	96 600	ок. 123 000	ок. 219 000
Всего мобилизовано за годы войны	Свыше 182 000	Свыше 133 000	Свыше 316 000

Приведенные данные свидетельствуют, что в рабочие колонны НКВД попало более половины мобилизованных за годы войны в трудармию немцев (на 49 тыс. больше, чем во все другие наркоматы вместе взятые). Тем не менее, как показано в таблице, практически все время количество трудармейцев в НКВД было несколько меньше, чем во всех наркоматах, вместе взятых. Это объясняется, главным образом, высокой смертностью трудармейцев на объектах НКВД, особенно в 1942 г.

При лагерях и стройках НКВД функционировало наибольшее количество рабочих колонн из немцев – 25. На 1 января 1945 г. в них трудилось свыше 95 тыс. мобилизованных немцев. Распределение этого числа трудармейцев по главным управлениям представлено в таблице 2.

Таблица 2
Распределение трудармейцев по главным управлениям НКВД
(По состоянию на 1 января 1945 года)¹⁷

Главные управления	Количество трудармейцев (тыс. чел.)	В % от общего числа
Лагерь железнодорожного строительства	5,78	6,1
Лагерь лесной промышленности	31,00	32,6
Лагерь промышленного строительства	45,77	48,2
Лагерь горно-металлургической пром-сти	12,62	13,1

¹⁶ Таблица подготовлена на основе архивных данных. См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1, 6, 38, 55, 166; Д. 1215. Л. 4; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 172. Л. 160-184; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

¹⁷ См.: Там же. Оп. 1. Д. 172. Л. 160-186.

Приведенные данные показывают, что основная масса мобилизованных немцев использовалась на строительстве промышленных объектов и на лесоразработках, где они составляли, соответственно, пятую и седьмую части от общего количества трудового контингента этих отраслей.

За годы войны, обладая огромной армией дешевой рабочей силы, НКВД построил многие промышленные объекты. Рабочие колонны из немцев трудились более чем на 40 объектах НКВД, в том числе на строительстве Челябинского металлургического и коксохимического заводов, Новотагильских металлургического и коксохимического заводов, завода №166 в Омске, Алтайского бромного завода, Богословского алюминиевого завода, Молотовского судостроительного завода, Соликамского целлюлозно-бумажного комбината и многих других, возводили плотины гидроэлектростанций на реках Урала и Сибири, строили железные и автомобильные дороги, создавали многие другие объекты народного хозяйства.

Кроме НКВД, мобилизованные немцы трудились еще в 39 наркоматах Советского Союза (см. табл. 3).

Таблица 3

Наличие и численность немцев-трудоармейцев по народным комиссариатам СССР (кроме НКВД) на 1 января 1944 года¹⁸

1. Наркомат угольной промышленности – 56423.
  2. Наркомат нефтяной промышленности – 2981.
  3. Наркомат боеприпасов – 8021.
  4. Наркомат по строительству – 7703.
  5. Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности – 3331.
  6. Наркомат лесной промышленности – 2938.
  7. Наркомат черной металлургии – 2590.
  8. Наркомат цветной металлургии – 2494.
  9. Наркомат химической промышленности – 1709.
  10. Наркомат танкового вооружения – 1626.
  11. Наркомат электропромышленности – 1625.
  12. Наркомат вооружения – 535.
  13. Наркомат обороны – 418.
  14. Наркомат тяжелого машиностроения – 379.
  15. Наркомат электростанций – 364.
  16. Наркомат среднего машиностроения – 325.
  17. Наркомат авиационной промышленности – 293.
  18. Наркомат путей сообщения – 278.
  19. Наркомат стройматериалов – 271.
  20. Наркомат пищевой промышленности – 106.
  21. Наркомат местной топливной промышленности – 95.
  22. Наркомат заготовок – 35.
  23. Прочие 17 наркоматов – 143.
- Итого – 120642

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1, 2, 6.

Из таблицы видно, что немцы проходили трудовую службу во всех ведущих наркоматах страны, в том числе, практически во всех оборонных. Тем самым своим трудом они непосредственно вносили вклад в разгром агрессора и приближали победу.

Официально враждебная политика Советского государства по отношению к немецкому населению, система выполнения производственных заданий любой ценой, постоянная угроза репрессий за их невыполнение создавали почву для жестокого обращения с трудармейцами со стороны руководителей и административного аппарата тех объектов, на которых работали мобилизованные немцы.

Яркий пример – жестокие репрессии руководства Челябинского металлургического комбината. Расстрел провинившихся за малейшие проступки был там едва ли не обычным явлением¹⁹.

К сожалению, пропаганда, направленная на противника, рикошетом била и по «своим» немцам. (Например, развешенные в общественных местах плакаты «Папа, убей немца», «Что ни патрон, то немец» и др.)

Моральное унижение и физическое оскорбление стали широко распространенным явлением. В то же время имелось немало руководителей, которые вопреки официальным установкам относились к немцам сочувственно, старались по мере своих возможностей облегчить их участь. Доброжелательное отношение в большинстве своем проявляли к немцам и работавший рядом с ними вольнонаемный персонал, местное население.

В условиях сурового климата, плохого питания и обмундирования, отсутствия полноценного отдыха каторжный труд в рабочих отрядах и колоннах приводил к массовому физическому истощению трудармейцев, влекшему за собой смерть, инвалидность, тяжелые болезни. Особенно жестокая эксплуатация мобилизованных немцев осуществлялась в лагерях и на стройках НКВД, где они по своему положению фактически не отличались от заключенных. В трудармии погибла почти четверть мобилизованных туда немцев²⁰. В те годы возникла реальная угроза самому физическому существованию немецкого этноса в СССР.

Несмотря на тяжелые условия труда и жизни, необходимость осваивать для себя новые, ранее незнакомые специальности, значительное число мобилизованных немцев трудилось честно и добросовестно, выполняя и перевыполняя производственные планы, нормы выработки. В рабочих колоннах получили развитие стахановское движение, ударничество. Патриотизм многих немцев проявлялся не только в добросовестном труде, но и в активном участии в различных кампаниях по сбору

---

¹⁹ См.: Шмыров Б.Д. Металл победы: печать разрешается... немедля в типографию // Военно-исторический архив. 2008. №2. С. 50–70.

²⁰ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. С. 114.

средств в помощь Красной армии, что вынуждено было отметить даже руководство страны²¹.

Многие из советских немцев, воспитанные в предвоенные годы на большевистских принципах и лозунгах, активно и инициативно участвовали в работе партийных и комсомольских организаций. Как это ни парадоксально выглядит – ходили на партийные и комсомольские собрания почти до середины 1944 г. в строю и под конвоем²².

Таким образом, советские немцы и на фронте, и в тылу в подавляющем большинстве демонстрировали патриотизм, высокую гражданственность, вместе со всеми советскими людьми реальным повседневным трудом приближали победу.

К сожалению, после войны вклад советских немцев в победу многие десятилетия замалчивался властью. 10 лет немцам пришлось жить в условиях совершенно немотивированного спецпоселения. Особенно абсурдной ситуация стала выглядеть после января 1955 г., когда СССР нормализовал свои отношения с ФРГ и установил с ней дипломатические отношения.

Двусмысленным положение немцев выглядело и после 1965 г., когда День победы стал отмечаться ежегодно. Торжественное собрание производственного коллектива на 9 мая для многих превращалось в суровое психологическое испытание. С одной стороны, их и их труда в годы войны как бы не существовало, с другой – в этот день они нередко становились объектами неприязни и оскорблений, проявлявшихся со стороны некоторых граждан, не понимавших или в силу ряда причин не желавших понимать разницу между агрессорами и российскими немцами.

Только в 1991 г. трудармия стала официально признанной формой трудового вклада в борьбу с захватчиками, а трудармейцев стали награждать медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»²³.

Все эти факты, как и дискриминация в сфере национальной жизни, не могли не вызывать горечи и обиды. После почти двух столетий благополучной жизни в России немцы стали ощущать себя в собственной стране чужими. Эти ощущения во многом спровоцировали позднее массовую эмиграцию в Германию.

Сегодня мы живем в другой стране, другое отношение власти и к 600-тысячному немецкому населению. Об этом свидетельствуют, к примеру,

²¹ В телеграмме, направленной в адрес трудармейцев Богословлага и подписанной самим Сталиным, говорилось: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353 783 рубля на строительство танков и 1 миллион 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолетов мой братский привет и благодарность Красной армии». См.: Сталинская стройка (Краснотурьинск). 1943. 25 марта.

²² См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. С. 136.

²³ См.: Бауэр В., Иларионова Т. Российские немцы: право на надежду. М., 1995. С. 447.

федеральные целевые программы в поддержку российских немцев, широкие возможности в возрождении языка, культуры, исторической памяти, да и сам факт проведения нынешней конференции.

Однако прошлое забывать нельзя, иначе оно может повториться.

В докладе были изложены самые общие положения, связанные с проявлением гражданской идентичности российских немцев в годы Великой Отечественной войны. Полагаю, что они найдут свое широкое развитие в выступлениях других участников нашей конференции.

**Военнослужащие – советские немцы, совершившие подвиги
в первые месяцы войны**

Капитан Н. Гастелло

Старшина В. Майер

Полковник Н. Гаген

Генерал-майор Г. Шульц

Массовый героизм российских немцев на фронте и в тылу противника как проявление патриотизма и гражданской идентичности

Несмотря на то, что массовая мобилизация среди мужчин-немцев не осуществлялась, российские немцы были среди тех, кто первыми принял на себя удар германских войск в июне 1941 года и стал грудью на пути продвигавшихся фашистских полчищ. Как правило, это были военнослужащие, призванные в РККА накануне Великой Отечественной войны. Их в начале 1941 года насчитывалось свыше 33,5 тысячи человек²⁴. Подавляющее большинство этих людей было призвано из Республики немцев Поволжья²⁵.

С первых дней войны в схватку с врагом вступил старший лейтенант 61-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии 5-й армии Пехер Игнат Егорович из Энгельса. Несмотря на внезапность нападения и приказ командования: «Не отвечать на провокации», полк, в котором служил И.Е. Пехер, вступил во встречный бой с противником в 8–10 км от границы. В ходе кровопролитных схваток воины 61-го стрелкового полка к исходу 22 июня частично вышли на рубеж государственной границы. О доблести советских воинов в немецких донесениях говорилось: «Противник сопротивляется упорно и ожесточенно, вплоть до позднего вечера переходя в контратаки на всем фронте»²⁶. Еще несколько дней старший лейтенант И.Е. Пехер со своими боевыми товарищами пытался контратаковать наступавшего противника, но силы были не равны.

В числе первых агрессора встретили защитники Брестской крепости – командир полка майор А. Дулькайт, подполковник медицинской службы Э. Кролл, подполковник Г. Шмидт, старший лейтенант А. Вагенлейтнер, старшина В. Мейер, рядовые Н. Кюнг, Г. Киллинг, Э. Миллер и другие. Старшина В. Мейер во время боев руководил обороной одного из отсеков казарм Брестской крепости. Когда гитлеровский самолет разбросал листовки с требованием капитуляции, Мейер собрал их целую пачку и нарисовал на каждой свиную морду, а внизу на немецком языке написал крупными буквами: «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде». Вражеская очередь сразила его в момент, когда он пытался оказать помощь раненым

---

²⁴ См.: Бугай Н.Ф. 40-е годы «Автономия немцев Поволжья ликвидировать» // История СССР. 1991. №2. С. 174.

²⁵ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 14с. Д. 2310. Л. 8.

²⁶ Владимирский А.В. На киевском направлении: По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне–сентябре 1941 г. М.: Воениздат, 1989. С. 63

сослуживцам. Вячеслав Эдуардович Мейер был посмертно награжден орденом Отечественной войны 2-й степени²⁷.

В тяжелый период отступления советских войск летом и осенью 1941 года орденами награждали редко, за особые заслуги. 10 августа в центральных газетах был обнародован принятый днем ранее Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы фронтовиков. Среди награжденных значились и советские немцы – старший лейтенант А. Шварц и полковник Н. Гаген.

Около недели 153-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н.А. Гагена (до войны Н.А. Гаген командовал 153-й Энгельсской стрелковой дивизией, дислоцировавшейся на территории АССР НП. – **И.Ш.**) сдерживала натиск фашистов на подступах к Витебску. Его дивизия ежедневно отбивала по 5–6 атак танков и пехоты. После того, как гитлеровцы прорвали оборону на соседнем участке, воины полковника Гагена 18 суток сражались в окружении, пока не соединились со своими войсками. За стойкость в обороне, мужество и отвагу, дисциплину и организованность 153-я стрелковая дивизия одной из первых стала именоваться гвардейской, а полковник Н.А. Гаген был удостоен ордена Ленина²⁸.

В июле–августе 1941 г. в боях под городом Рогачевом противнику был нанесен первый в истории Великой Отечественной войны чувствительный контрудар. В этих боях за Рогачев геройской смертью погиб лейтенант Э. Эрдман, проходивший службу в 620-м гаубичном артиллерийском полку. Лишь после освобождения Рогачева о судьбе Э. Эрдемана рассказал его боевой товарищ Абетсвашвили. «Мы свое задание уже выполнили, пробравшись к реке, спрятались в камыше. Мы хотели дожидаться темноты и ночью перейти реку, но фашисты нас все же заметили и внезапно открыли огонь по нашей группе. Как только фашисты стали приближаться, мы открыли [ответный] огонь и защищались до последнего патрона и гранаты, многих фашистов мы уничтожили. В этом неравном бою погиб Петров, я (Абетсвашвили. – **И.Ш.**) был тяжело ранен. Лейтенант Эрдман положил в карман гранату, оторвал от своей белой рубашки кусок ленты, привязал ее к стеблю камыша и, высоко подняв вверх, вышел к немцам. Когда фашисты прекратили огонь, он громко на немецком языке произнес: «Не стреляйте, я немец!» и пошел в немецкую сторону. Когда его окружили фашисты, раздался взрыв. Он погиб, но с ним погибла и масса фашистских солдат»²⁹.

Осенью 1941 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с агрессором, орденом Красной Звезды были награждены летчик А. Миллер, во-

---

²⁷ Князюк В. Брестская крепость: Историко-героическая повесть о защите и освобождении крепости в 1941–1944 гг. М.: Политиздат, 1988. С. 108–109.

²⁸ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1941–1945. М., 2007. С. 415.

²⁹ Bersch A. Leutnant Eduard Erdmann // Neues Leben. 1988. №8. S. 7.

енврач 3-го ранга П. Гезунтерман, разведчик П. Хольц, рядовые П. Шмидт, С. Шваленберг, Я. Диль и другие³⁰.

На Севере, в Карелии, один из участков Кировской железной дороги защищала 88-я стрелковая дивизия, в которой воевали 547 красноармейцев-немцев. 14 сентября 1941 года командир дивизии доложил начальнику Генерального штаба, что за все время боев «сдавшихся в плен врагу командиров, политработников, младшего и рядового состава в частях дивизии нет». К началу ноября дивизия в тяжелых боях частично уничтожила противостоявшего противника, а оставшиеся его части отбросила юго-западной и западной от основного направления наступления германских и финских войск. В этих боях отличились и полки, в которых служили советские немцы. 20 ноября 1941 года за проявленный личным составом героизм и стойкость 88-я стрелковая дивизия также была преобразована в гвардейскую³¹.

Беспримерным остается подвиг красноармейца Генриха Гофмана, призванного в армию из села Шендорф Краснокутского кантона АССР немцев Поволжья. Как писала 24 августа газета «Комсомольская правда», этот двадцатилетний юноша, попав в плен, выдержал ужасающие пытки, но не изменил военной присяге. Газета поместила большой фотоснимок обгоревшего с пятнами крови комсомольского билета Генриха. Фашисты прикололи его штыком к груди воина, расчлененного на куски³².

28 августа «Комсомолка» опубликовала очерк Цезаря Солодаря «Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом». Вместе со статьей был помещен и портрет воина. Страна узнала об отважном и умелом зенитчике, сбившем четыре бомбардировщика юнкерса³³.

По иронии судьбы материал о Генрихе Неймане был напечатан именно в тот день, когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Депортация предопределила и массовое изъятие военнслужащих-немцев из Красной армии.

Несмотря на героизм российских немцев и отсутствие примеров массового перехода на сторону врага с первых дней войны российские немцы стали изыматься из армии. Директива №002367 от 30 июня 1941 года предписывала изъять военнслужащих, «не внушающих доверия» (высказывавших пораженческие настроения, недовольство советской властью, желание сдать в плен). Директива не носила специальной антинемецкой направ-

---

³⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) Ф. 10-й гв.сд. Оп. 1. Д. 168. Л. 5; Вайсберг. Кого ругал лейтенант Афанасьев? // Немецкая газета (Алма-Ата). 1991. № 13. С. 3.

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 23 гв. сд. Оп. 1. Д. 228. Л. 193–200.

³² См.: Комсомольская правда. 1941. 24 августа.

³³ Там же. 28 августа.

ленности, однако многие командиры огульно зачисляли немцев в число неблагонадежных и стремились от них избавиться «на всякий случай»³⁴.

В июле 1941 года в войска поступил приказ о снятии военнотружующих-немцев рядового состава с ответственных должностей. Немцев убирали с должностей пулеметчиков, автоматчиков, снайперов, радистов, наблюдателей, минометчиков, первых номеров артиллерийских расчетов. Их ставили на второстепенные должности стрелков, номеров расчетов, повозчиков. Этот приказ к началу августа в целом был выполнен³⁵.

Массовое изъятие российских немцев из состава войск приходится на период с 8 сентября и до конца 1941-го. Основанием для этого стала директива наркома обороны № 35105с от 8 сентября 1941 года. В памяти немцев-фронтотиков эта директива осталась как «приказ Сталина». Директива предписывала изъять всех немцев из боевых частей и подразделений и направить их в строительные батальоны. Оставлять отдельных военнотружующих-немцев в боевых частях и подразделениях имел право только наркомат обороны и только на основании «мотивированного ходатайства» командиров³⁶. Изъятие военнотружующих-немцев происходило внезапно, без всяких объяснений, на фоне известий о том, что их родные и близкие депортированы в Сибирь и Казахстан.

К концу 1941-го основная масса военнотружующих-немцев была собрана в запасных полках дивизий и армий. Их отделили от остального личного состава, они находились под строгим контролем. Далее немцы-фронтотики были направлены в тыл, где из них начали формировать строительные батальоны. Они положили начало так называемой трудовой армии, через которую в годы войны прошло почти все взрослое немецкое население СССР³⁷.

Чистка армейских рядов от военнотружующих немецкой национальности повлекла за собой определенные трудности в боевых частях. Ряд командиров воспользовался возможностью, предоставившейся «приказом Сталина» и возбудил через Военные Советы фронтов ходатайства об оставлении у себя отдельных воюющих немцев. Как правило, речь шла о кадровых офицерах, неоднократно доказавших свою преданность родине. Некоторых красноармейцев укрывали командиры, поскольку они были нужны им как отменные специалисты воинского дела. Небольшая часть немцев в момент изъятия находилась в госпиталях и после выздоровления вернулась в свои подразделения. Определенное число немцев продолжало поступать на фронт и в порядке мобилизации, по халатности военкоматов. Некоторым немцам удавалось обмануть проверяющих, скрыть свою национальность и даже изменить фамилию. Этому способствовало довольно формальное в

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 23 гв. сд. Оп. 2. Д. 41. Л. 38, 42–44, 48, 71–72, 83.

³⁵ Там же. Л. 62, 229–233.

³⁶ Там же. Л. 152; Ф. 7-й Армии. Оп. 5380. Д. 31. Л. 63.

³⁷ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. М.: Готика, 1998. С. 28–37.

боевых условиях выполнение «приказа Сталина» (немцев выявляли главным образом путем опроса личного состава), а также из рук вон плохо поставленный учет во фронтовых частях. Только в конце 1942 года на всех фронтах был проведен учет военнослужащих нерусских национальностей.

Осенью 1941 года в обороне Москвы участвовали сержант С. Волибрус, красноармеец Д. Энедерг. Блокадный Ленинград защищали майор Н. Витте, капитан И. Шпиллер, лейтенант А. Кобмахер, младший лейтенант Д. Шибельгут, сержант Г. Кельбекер, красноармейцы Ф. Гето, И. Алмаер, Г. Шпаер, Я. Гитлин. В Сталинградской битве участвовали рядовые Б. Штеттефельд, Н. Гиллер, С. Ваксман, Д. Штосберг, К. Рейсбих. В боях на Курской дуге сражались гвардии сержант Г. Гельфер, рядовой М. Зусман, К. Грегор, А. Брук, С. Мер. 7 августа 1943 года там же от полученных ран во время боя скончался офицер 9-го танкового корпуса полковник В. Бэм. В рядах Красной армии освобождали Украину и Белоруссию старшина А. Мауль, рядовые М. Густимайер, В. Штенгель, Г. Бакман, В. Герман, А. Бромверт, Г. Гаух, А. Шмидт, Я. Клигер. В Прибалтике воевали старший сержант А. Людвиг, младший сержант А. Сальберг, рядовые А. Винтер, Г. Шнайдер; в Польше – старший сержант Б. Дейтер и гвардии рядовой И. Вокнер; в Восточной Пруссии – воины 1-й гвардейской стрелковой дивизии Н. Беллер и В. Клейнц. Под Бранденбургом в Германии погиб лейтенант Л. Беккер.

Всю войну командовал 17-й артиллерийской дивизией генерал-майор С. Волкенштейн. Особо его дивизия отличилась в Берлинской операции при форсировании реки Нейсе и в боях на дрезденском направлении, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Такое же высокое звание получил полковник Н. Охман, командовавший 34-й механизированной бригадой 2-й танковой армии.

Еще более высокое положение в годы войны занимал генерал-майор авиации, летчик высшей квалификации Александр Владимирович Борман (1902–1982). Он являлся заместителем командующего ПВО фронта, командующим 1-й истребительной воздушной армией ПВО, принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, в Сталинградской битве, в битве за Кавказ, в Будапештской, Венской и Пражской операциях³⁸.

Зная отношение советского руководства и командования к гражданам немецкой национальности, многие из советских немцев для того чтобы попасть на фронт различными путями нелегально меняли свои фамилии на русские, украинские, азербайджанские. Попав на фронт, они храбро воевали, получая высокие правительственные награды. Так, например, получивший посмертно звание Героя Советского Союза за подвиг на Курской дуге лейтенант Владимир Кириллович Венцов, на самом деле оказался Вольдемаром Карловичем Венцелем. Петер Левен стал Левиным, старший лейтенант

---

³⁸ Советская военная энциклопедия. Е. 1. М. 1990. С. 477.

Бойгель – Бойченко, подполковник Г. Рихтер – Смирновым. Некоторые из этих людей (например, Рихтер) были «разоблачены» военной контрразведкой и, несмотря на заслуги и боевые награды, получив срок лишения свободы, отбыли его в лагерях³⁹. Лишь немногим немцам, прошедшим войну под чужой фамилией, удалось позднее безнаказанно восстановить свои настоящие фамилию, имя, отчество. Так, при поддержке маршала Г.К. Жукова были возвращены настоящие имя и фамилия Паулю Шмидту, взявшему имя и фамилию своего друга азербайджанца Али Ахметова⁴⁰. Главнокомандующий Группой советских войск в Германии, генерал армии В.И. Чуйков в 1951 году спас «разоблаченного» офицера Г. Николаева, оказавшегося Эрихом Грибом.

Немало советских немцев сражалось в партизанских отрядах и подпольных группах. Партизаном №1 гитлеровские оккупанты называли Героя Советского Союза Александра Германа – командира партизанской бригады, действовавшей на территории Ленинградской и Калининской областей. В тех же краях разведчиком партизанского отряда был бывший летчик капитан М. Ассельборн, вместе с ним воевал И. Фризен.

Осенью 1943 года Красная армия стремительно продвигалась к Днепру, чтобы с ходу форсировать его. Партизанский отряд, в составе которого воевал «окруженец» старший лейтенант Роберт Клейн, получил задачу не допустить подрыва моста, по которому должны были пройти советские танки. Переодевшись в форму германского полковника, Клейн прибыл в расположение германского подразделения, готовившегося взорвать мост. Воспользовавшись неразберихой и суетой германских солдат, начавшейся в результате налета советской авиации, Клейн как старший по воинскому званию взял командование на себя и приказал германским солдатам сдаться в плен партизанам. Воины вермахта безропотно повиновались «полковнику». За эту операцию Роберт Клейн был удостоен звания Героя Советского Союза.

Одну из подпольных групп, осуществлявших диверсии в одесском порту, возглавлял Н. Гефт. Ему помогали В. Бурзи, А. Берндт и другие одесситы-немцы. Ставший командиром партизанского отряда «Авангард» Гефт и Бурзи погибли в одном из тяжелых боев, прикрывая выход отряда из окружения на территории Польши.

Известно о массовом пленении советских солдат в первые, неудачные для Красной армии, месяцы войны. Не избежали этой участи и многие немцы-красноармейцы. Проведенный анализ более 360 фильтрационных дел военнопленных – немцев Поволжья, переданных из архива управления ФСБ по Саратовской области на хранение в Центр документации новейшей истории Саратовской области, показывает, что только в девяти случаях сдача в плен была осуществлена намеренно, во всех остальных случаях это

---

³⁹ Рихтер А. Отец // Огонек. 1987. №10. С. 4–5.

⁴⁰ Кичихин А.Н. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1990. №9. С. 32.

произошло по независящим от военнослужащих обстоятельствам. Кроме того, изучение дел показало, что, несмотря на выделение этнических немцев в категорию привилегированных военнопленных, большинство советских немцев отказывалось от сотрудничества с германским режимом и предпочитало оставаться в лагерях военнопленных. Для этого многие скрывали свою национальность. Среди них были старший сержант В. Краубнер, рядовые А. Беккер, Г. Гринкраут, К. Корн.

Сокрывая свою национальность большинство немцев воспринимали как возможность не подчиняться германским законам, которые распространялись на советских немцев⁴¹.

Многие советские военнослужащие-немцы, оказавшись в германском плену, бежали из неволи и продолжали борьбу с врагом. Национальным героем Польши, известным под именем Кароль, стал советский офицер-танкист Карл Ерценбергер, раненым попавший в плен. Находясь в лагере на территории Польши, он бежал и вскоре стал командиром батальона в партизанском отряде, действовавшем в районе Пулавы, Краснистов и Янов. Ерценбергер погиб в бою у деревни Францишков. Вырвавшись из плена, в партизанских отрядах сражались И. Кеммер, М. Шиллинг, В. Фриц, Я. Лихт, А. Бекк, Г. Гутьяр⁴². Военнопленный, рядовой 683-го стрелкового полка П. Гейер был этапирован фашистами в глубь Европы. Вместе со своими русскими товарищами он бежал из плена и сражался с нацистами в рядах югославских партизан.

Будучи плененными, неоднократно пытались бежать В.Г. Зейфарт⁴³ и уроженец с. Бауэр Краснокутского кантона А.А. Пинькес⁴⁴. Во время пересылки военнопленных из плена бежал рядовой 143-го кавалерийского полка В.И. Кайзер. Поскольку В.И. Кайзер сообщил, что он по национальности немец, и говорил на немецком языке, то ему удалось расположить к себе охранников. На одной из станций ему было разрешено выйти из вагона. Пользуясь доверием конвоиров, он бежал⁴⁵.

Попавший в германский плен рядовой Генрих Фриц через некоторое время был этапирован в один из лагерей, находившийся на территории Восточной Европы. Несмотря на большое расстояние до линии фронта, летом 1942 г. Г. Фриц бежал из лагеря военнопленных на автомобиле. Шесть

---

⁴¹ Согласно германским законам того времени на советских немцев, получивших от германских властей статус «фольксдойч» (этнических немцев) распространялась трудовая и воинская обязанность.

⁴² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО) Ф.Р-6210. Оп. 1. Д. оф27524. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. оф9344. Л. 5.

⁴⁴ Там же. Д. оф18701. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. оф12745. Л. 2.

месяцев он шел домой, но, не дойдя 60 км до г. Краснодара, был схвачен фашистами и за столь дерзкий поступок посажен в карцер⁴⁶.

Под видом военнопленных определенное количество советских немцев использовалось советскими разведорганами на территории противника в качестве агентов. Хорошо зная немецкий язык и пользуясь лояльным к себе отношением, эти люди, чаще всего под видом переводчиков, внедрялись в штабы и разведорганы германской армии. Так, взятый в плен германский офицер Ф. Шустер на допросе рассказал, что в их 4-м пехотном корпусе был разоблачен советский агент Бек, немец-фольксдойч, уроженец Республики немцев Поволжья. Кроме агента Бека были еще агенты Фатер, Вельд и многие другие, говорить о которых стало возможно только спустя много лет⁴⁷.

Среди военнопленных российских немцев нередки были случаи открытого неповиновения фашистским властям. Как правило, за такие поступки советские немцы подвергались наказанию и заключению на различные сроки в карцер. Так, за отказ работать переводчиком сотрудниками гестапо был наказан рядовой 137-го противотанкового дивизиона Г.Г. Брумм⁴⁸. После того как рядовой саперной роты моторизованного полка В.И. Бауэр заявил: «Принимать германское подданство я не буду, так как мои родители находятся в России», он был посажен в карцер⁴⁹. В карцере также оказались: А.А. Шмунк за отказ идти служить в немецкую армию⁵⁰; И.И. Равшнайдер за отказ выходить на работу был отправлен в штрафной лагерь, где условия содержания были не лучше условий содержания в концлагере⁵¹.

Кроме такой «пассивной» формы сопротивления, часть поволжских немцев прибегала и к более радикальным мерам. В начале 1941 г. рядовой В.А. Герберг попал в плен. Отправленный на работы, летом 1943 г. он убил украинского полицейского, за что был осужден к 6 годам лишения свободы. На протяжении срока заключения он несколько раз пытался бежать, несмотря на то, что все предпринятые попытки побега оказались безрезультатными, В.А. Герберг был переведен фашистами в концлагерь г. Штутгарта, где и находился до 9 мая 1945 года⁵².

Фактический материал свидетельствует о том, что большое количество немцев Поволжья отказывалось сотрудничать с гитлеровцами, а некоторые из них становились инициаторами сопротивления. Одним из них был рядовой 319-го стрелкового полка И.И. Шмер. Во время допроса на вопрос,

⁴⁶ Там же. Д. оф18465. Л. 6. Д. оф18713. Л. 2. Д. оф15435. Л. 2.

⁴⁷ См.: «Фатер» и «Вальд» на связь не вышли... // Красная Звезда. 1996. 30 июля. С. 4.

⁴⁸ ГАНИСО Ф. Р-6210. Оп. 1. Д. оф18212. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Д. оф18212. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Д. оф18552. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. оф18246. Л. 1.

⁵² Там же. Д. оф11092. Л. 4.

почему он, будучи немцем, воюет против немцев, И.И. Шмер ответил, что он гражданин Советского Союза и, как воин Красной армии, воюет за Советский Союз⁵³. За повторный отказ идти «добровольно» в немецкую армию его посадили в одиночную камеру на пять суток. Военнопленный Котов на допросе органам Смерш свидетельствовал, что И.И. Шмер стремился вернуться на Родину и всегда вел «положительные разговоры по отношению к Советскому Союзу». Работая на погрузке камня, Шмер и еще 8 человек по предварительному сговору бежали из лагеря⁵⁴.

К сожалению, в последующем многих бывших военнопленных приравняли к подлинным изменникам Родины, к тем, кто с оружием в руках воевал против СССР, кто творил злодеяния на оккупированных территориях. Зачастую допрос по выявлению их вины органы контрразведки начинали поздно ночью и заканчивали в лучшем случае утром. Приведем характерный пример. Бывший военнопленный Г.С. Вагнер за нахождение в 548-м рабочем батальоне (батальон военнопленных. – И.Ш.) был обвинен в добровольной службе нацистскому режиму. На первом допросе он это категорически отвергал, но уже на втором допросе после «убедительных доводов» сотрудников Смерша дал следующие показания: «Раньше я недопонимал (выделено мною. – И.Ш.), что служил в 548-м рабочем немецком батальоне добровольно, а в данное время я это осознал»⁵⁵.

В официальной советской, а позднее и российской статистике отсутствуют данные о количестве потерь по национальностям воевавших в рядах Красной армии, лишь по второстепенным источникам представляется возможным выяснить приблизительное число погибших воинов-немцев, призванных из АССР НП. Проведенный автором анализ показал, что, сражаясь за Родину, только из числа поволжских немцев пали смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими оккупантами более 800 человек⁵⁶. Но это число неокончательное, на самом деле количество погибших поволжских немцев гораздо больше. Вот лишь один пример: в Книге памяти Саратовской области погибших и пропавших без вести немцев Поволжья, сражавшихся в рядах 88-й стрелковой дивизии, числится сорок три человека, но проведенный автором анализ потерь по этой дивизии показал, что в Книге памяти Саратовской области отсутствуют еще двенадцать человек (призванных с нынешней территории Саратовской области), погибших в августе–ноябре 1941 года.

---

⁵³ Там же. Д. оф9582. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Д. оф9582. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Д. оф7366. Л. 4.

⁵⁶ См.: Книга памяти: Саратовской области. Т. 1–11; ЦАМО Ф. 23-й гв. сд. Оп. 2. Д. 22. Л. 13, 35, 37, 38, 46, 48, 68, 108, 110, 113–115, 117; Д. 23. Л. 1, 2, 4, 6, 7, 39, 50, 52, 60, 61, 69, 89, 102, 105, 139, 150, 166, 167.

Подводя итог, можно утверждать, что нападение Германии на СССР в 1941 г. подавляющее большинство российских немцев восприняло как личную трагедию, как трагедию своей родины – Советского Союза. Сформированный в предвоенные годы советский социалистический патриотизм побуждал их к стремлению с оружием в руках встать на защиту своего отечества. Несмотря на отсутствие массовой мобилизации немцев в Красную армию, те из российских немцев, кто в это время находился в ее рядах, в подавляющем большинстве продемонстрировали преданность родине, мужество и отвагу в борьбе с агрессором, многие из них на алтарь победы пожертвовали свою жизнь. Анализ документов воинских частей и подразделений, в которых служили красноармейцы-немцы, показывает, что героизм и самоотверженность в борьбе с агрессором, проявлявшиеся ими на фронте были правилом, а исключения из него были крайне редки. Изучение фильтрационных дел военнопленных из числа поволжских немцев также подтверждает наличие у них устойчивого патриотического сознания. Практически все они (за очень редким исключением) оказались в плену не по своей воле. Находясь в плену, большинство из них отказалось от привилегий, предоставлявшихся этническим немцам нацистским режимом Германии, и предпочли остаться в качестве военнопленных, либо, если это удавалось, бежать из плена и продолжать борьбу в партизанских отрядах. И даже те немногие из российских немцев, которым довелось быть на фронте, с честью выполняли свой воинский долг по защите родины и внесли достойный вклад в достижение победы. И очевидно, что этот вклад мог быть значительно большим, если бы руководство страны не воспрепятствовало стремлению подавляющего большинства российских немцев защищать свое отечество с оружием в руках.

Документальные источники об участии этнических немцев в организованном движении Сопротивления на временно оккупированной территории Одесской и Николаевской областей 1941–1944 гг.

Участие этнических немцев в борьбе с гитлеровским оккупационным режимом на Юге Украины обычно связывают со ставшей хрестоматийной личностью Н. Гефта. Пересмотр уже известных источников и обращение к новым документам, хранящимся в Госархиве службы безопасности Украины (г. Киев), Госархиве Одесской области, Одесском историко-краеведческом музее и Николаевском областном краеведческом музее, позволили внести существенные дополнения для реального отражения фактографической стороны проблемы.

Подпольно-партизанское движение на временно оккупированной территории Одесской и Николаевской областей 1941–1944 гг. было организовано партийными и советскими органами. Программой действий по организации отпора фашистским захватчикам явилась директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г.⁵⁷ 18 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором ставились не только организационные задачи борьбы в тылу германских войск, но и определялся состав диверсионных групп. Они должны были состоять из числа участников Гражданской войны, тех, кто проявил себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и других⁵⁸. 15 октября 1941 г. Одесский обком КП(б)У и Одесский областной совет депутатов трудящихся обратился с воззванием «Ко всем гражданам города Одессы и Одесской области об организации партизанского движения против оккупантов»⁵⁹. Исходя из этого, на территории города и области были созданы подпольный обком КП(б)У и 6 подпольных райкомов партии, но при этом не успели создать разветвленную сеть райкомов и партийных групп в сельских районах области. Возможно, этим обстоятельством объясняется распространение листовок одесской подпольной организацией «Группа советских патриотов», среди которых – «Обращение к немцам, родившимся в России»⁶⁰. Листовка призывала местных немцев отказаться от мобилизации в фашистскую армию.

По данным Одесского обкома партии, на основании отчетов тех, кто считал себя участником партизанского движения, на 12 декабря 1946 г. было

⁵⁷ http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2040

⁵⁸ http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2053

⁵⁹ Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Одесса, 1947. С. 267–268.

⁶⁰ Одесский историко-краеведческий музей (далее – ОИКМ). Инв. № Д-2835/5.

признано наличие 8 партизанских отрядов и соединений, 22 подпольно-диверсионных антифашистских групп и подпольно-большевистских организаций⁶¹. Эти цифры не были окончательными, они постоянно пересматривались, вносились изменения о признании подпольной деятельности как отдельных групп, так и отдельных граждан участниками подпольно-партизанского движения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Деятельность групп признавалась на основе информации их членов о том, что они содержали конспиративные квартиры для встреч с партизанами, снабжали партизан продуктами, изготавливали немецкие и румынские поддельные печати, паспорта с пропиской, метрические свидетельства о рождении, пропуска для свободного продвижения по городу, документы для проезда по железной дороге и т.д. Документы такого рода рассматривались советскими партийными органами на протяжении четырех десятилетий, после окончания войны (1946–1990 гг.).

К 1970 г. Одесский обком партии признал наличие уже 13 партизанских и разведывательно-диверсионных отрядов и 78 подпольных групп и организаций, действовавших одновременно в Одесской области⁶².

В Николаевской области, значительно меньшей по площади, чем Одесская, действовало 120 подпольных групп и организаций и 2 партизанских отряда.

Несмотря на откровенную антинемецкую политику предвоенных и военных лет, советская власть решилась на использование этнических немцев в подпольно-диверсионной деятельности. Проводником этой политики были органы НКВД. Наиболее известной до сегодняшнего времени была деятельность подпольно-диверсионной группы под руководством Н.А. Гефта⁶³, сына репрессированного директора Одесского немецкого рабоче-колхозного театра А.Г. Гефта⁶⁴. Заложником обстоятельств и действующей государственной системы была и его семья.

Как выпускник разведшколы НКВД УССР, находившейся в то время в Энгельсе Саратовской области, в середине июня 1943 г. Н.А. Гефт был направлен в оккупированную Одессу. По прибытии сумел в короткий срок легализоваться⁶⁵. Сравнительно быстро – 1 июля 1943 г. – устроился на работу в Стройнадзор⁶⁶ в качестве старшего наблюдающего инженера по механической части за ремонтом и постройкой судов германского военного флота

---

⁶¹ Госархив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. П-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

⁶² Одесская область в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. / Сост. А.Д. Бачинский, И.В. Гречуха, В.Ф. Егоров и др. Одесса, 1970. С. 344.

⁶³ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

⁶⁴ Государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ГАСБУ). Д. 86697. Т. 11а. Л. 22; ГАОО. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 551. Л. 33; Ф. П-18. Оп. 1. Д. 242. Л. 49, 56, 57.

⁶⁵ ГАСБУ. Там же. Л. 19, 20.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

на заводе № 1 дирекции Одесского порта. Завоевывать авторитет в глазах германо-румынской администрации завода Гефту помогли обстоятельства и профессионализм: он смог в течение трех дней запустить двигатель сторожевого корабля, ремонт которого давно затянулся.

После выполнения основного задания у него возникли серьезные осложнения: отсутствия связи и невозможность перебраться с разведанными через линию фронта. И тогда он принял решение – остаться и создать группу сопротивления из числа «советски настроенных людей, которые хорошо зная свое дело, как специалисты могли тонко провести все акты саботажа и диверсии»⁶⁷. Это ему удалось. Группа под руководством Н.А. Гефта в период с сентября 1943 года по 10 апреля 1944-го осуществила ряд диверсионных актов, сохранила от эвакуации ценное оборудование, инструмент и имущество завода, а также предотвратила взрыв двух основных цехов. Были также собраны материалы разведывательного характера: о режиме и деятельности германо-румынских оккупантов в Одессе, сведения о численном составе, вооружении и потерях германских охранных флотилий, базировавшихся в портах Черноморского побережья⁶⁸.

После освобождения Одессы от германо-румынских войск Гефт, в качестве командира разведывательно-диверсионной группы «Авангард», 6 августа 1944 года был заброшен в тыл противника на территорию Польши для дальнейшего продвижения в Германию. В конце августа, находясь в 20 км северо-западнее Кракова, партизаны натолкнулись на засаду. Завязался бой, в котором он погиб⁶⁹. Деятельность группы Н.А. Гефта на Одесском судоремонтном заводе № 1 была признана и утверждена Одесским обкомом КП Украины 6 июля 1965 г.

Одесская и Николаевская области были регионами компактного проживания немцев. Поэтому в диверсионно-разведывательной группе под руководством В.А. Лягина, действовавшей в Николаеве, и сформированной еще до оккупации города (июль 1941 г.), в основном из выпускников Ленинградской школы НКВД, приняли участие этнические немцы Адель Гайден Келем, Эмилия Иосифовна и Магдалина Ивановна Дукарт.

Наряду с группами Н.А. Гефта и В.А. Лягина, которые были специально созданы для заброски в тыл противника и создания сопротивления оккупационному режиму, были и патриотические группы, организованные стихийно. Стихийное появление таких групп обусловило и стихийность содержания их деятельности. Целенаправленного планирования своих действий они не осуществляли, а выполняли то, что могли, и то, что, с их точки зрения, приносило пользу.

---

⁶⁷ Там же. Л. 22.

⁶⁸ Там же. Л. 19.

⁶⁹ Там же. Л. 84.

Так, Т.Ф. Латенко включила в свою группу людей, проживающих с ней по соседству. Она как фольксдойче имела право держать у себя в квартире приемник. Слушала и записывала сводки Совинформбюро, а затем через своих знакомых их распространяла⁷⁰.

Интерес представляет деятельность бывшего немецкого политэмигранта, преподавателя английского языка в Одесском институте иностранных языков Г.К. Норайкса, который по своей инициативе занялся организацией спасения своих друзей и знакомых евреев, обеспечивая их поддельными документами⁷¹.

Т.Ф. Латенко и Г.К. Норайкс были арестованы. Наладив связь между собой в румынской тюрьме, т.к. условия содержания позволяли это сделать, они продолжили свою деятельность и объединили усилия, создав группу «Свобода», название которой было придумано Г.К. Норайксом. Члены группы распространяли сводки Совинформбюро, организовывали передачу продуктов для военнопленных, находящихся в лагерях, помогали евреям скрываться от преследования оккупантов. Деятельность этой группы была признана также в 1965 г.⁷²

Отношение к советским немцам, как к пособникам фашизма, сформировалось еще во времена довоенных репрессий по национальному признаку и усилилось с началом войны. Быть немцем – означало создавать угрозу для своей семьи. Поэтому многие российские немцы стали отстраняться от своей этнической принадлежности и указывать в графе национальность – украинец, русский, эстонец др. В деле общей борьбы с фашизмом национальность не имела значения, но для российских немцев скрыть национальность означало получить возможность принять участие в движении Сопротивления. Однако этот факт является и препятствием для исследования вопроса об участии немцев, в данном случае жителей Одессы, Одесской и Николаевской областей в подпольно-партизанском движении в 1941–1944 гг.

Среди бойцов диверсионно-разведывательного отряда В.А. Молодцова (Бадаева) находились отец и сын Медереры – по документам украинцы. Иван Францевич Медерер (1904 г.р.) до войны был председателем Нерубайского сельсовета, расстрелян оккупантами 24.10.1942 г.⁷³ Его сыну Николаю было 14–15 лет, когда он пришел в отряд с отцом, там нес постовую службу, был проводником при разведчиках-связистах. В его боевой характеристике написано, что «страху не знал»⁷⁴. Его старший брат Василий (1923 г.р.) был угнан в Германию в сентябре 1942 г.⁷⁵

⁷⁰ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 85. Л. 36об.

⁷¹ Там же. Л. 3.

⁷² Там же. Л. 1.

⁷³ Там же. Д. 23. Л. 61.

⁷⁴ ОИКМ. Инв. № Д-2553.

⁷⁵ ГАОО. Картотека лиц, прошедших фильтрационные лагеря.

В подпольно-партизанской группе «Комсомольские патриоты» (май 1942 – апрель 1944) под руководством Л.И. Кацаповой находился Владимир Оттович (Антонович) Мюллер (1924 г.р.). При выполнении задания он был схвачен гестапо 28 марта 1944 г. и погиб за несколько дней до освобождения Одессы.⁷⁶ По документам, В.О. Мюллер проходил как русский, хотя его отец Отто Рудольфович Мюллер был секретарем Карл-Либнехтовского немецкого национального района Николаевской области, репрессирован в 1937 г. В.О. Мюллер был не просто рядовым бойцом, он возглавил организацию после ареста Л.И. Кацаповой, продолжал распространение листовок, изготовление поддельных печатей немецкой комендатуры, поддерживал связь с политзаключенными одесской тюрьмы и лагерей.⁷⁷

В апреле 1943 г. в партизанский отряд Ленинского района, действовавший в поселке Кривая Балка (апрель 1942 – апрель 1944), вступил русский по национальности, доктор, ассистент хирургической клиники при Одесском мединституте Андрей Адольфович Поль (1905 г.р.) со своей небольшой подпольной группой, которую он организовал из медицинских работников. Они распространяли листовки, сводки Совинформбюро и антифашистские песни. Одной из основных заслуг этой группы было создание в катакомбах настоящего госпиталя с хирургическими инструментами, перевязочным материалом и медикаментами⁷⁸.

Членом партизанской группы Одесских электросетей под руководством Г.А. Орсика с февраля 1943 г. стала К.Я. Султанова (1908 г.р.), дочь немцев-колонистов с. Блюменталь Пришибской волости Мелитопольского уезда Таврической губернии. Благодаря ей, смогли освободиться из тюрьмы некоторые подпольщики, она же снабжала продуктами, находящимися в катакомбах партизан⁷⁹.

Но не немецкое население испытывало подсознательный страх, что за связь с местными немцами можно пострадать. Так, в материалах о подпольной группе, которая действовала на территории Одесского порта (февраль 1942 – апрель 1944 гг.) упоминается среди семи ее членов «один немец». К сожалению, С.П. Буштедт, будучи руководителем, не мог вспомнить его фамилии, хотя подробно и детально почти по дням описывал деятельность остальных членов своей группы⁸⁰.

Отношение к немецкому населению со стороны местных властей было неоднозначным. Подтверждение этому находим в документах бывшего Первого секретаря Овидиопольского РК КП(б)У Одесской области И.Г. Илюхина. Когда в сентябре 1941 г. шли бои уже на подступах к Одессе, председатель

⁷⁶ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 73. Л. 138об.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Одесская область в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. С. 262.

⁷⁹ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 116. Л. 29; Д. 104. Л. 78.

⁸⁰ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 100. Л. 17.

Овидиопольского сельсовета, командир и политрук разведроты истребительного батальона Отто Вольдемарович Берзин вместе со своими бойцами принял бой и погиб. С одной стороны, И.Г. Илюхин признавал героизм О.В. Берзина, а с другой – не забывал о том, что немецкое население в СССР признано враждебным и выселялось из мест своего компактного проживания. Это подтверждается документами И.Г. Илюхина при описании выселения семей в конце июля – начале августа 1941 г. из немецких населенных пунктов Овидиопольского района (с. Б. Аккаржа, М. Аккаржа, Францфельд, Мариенталь, Петродолинск, Юзефполь), с «целью ликвидации любых очагов диверсий».⁸¹

В списках бойцов партизанского отряда Ильичевского района Одессы, действовавшего в Ленинском поселке (отряд Баркалова) числился украинец по документам Вольф Марьянович Шульц (1905 г.р.)⁸². В отряде им. Сталина сражались литовец Альберт Францевич Крапо (1915 г.р.)⁸³, русский – Андрей Густавович Ренк (1906 г.р.)⁸⁴, среди одесских подпольщиков был Леонтий Густавович Розентретер (1911 г.р.)⁸⁵ – также русский по национальности. Это примеры сознательного участия в движении Сопротивления и искреннего признания своей родины советскими немцами.

Местное немецкое население стремилось оказывать помощь подпольщикам, и не принимая участия в деятельности партизанских отрядов и подпольно-патриотических групп. Так, в «Отчете об организации и деятельности партизанского отряда им. Сталина Ильичевского района г. Одессы» есть информация о подпольно-патриотической группе Деркача, которая дислоцировалась в районе Кривой Балки и занималась подготовкой катакомб для принятия мирного населения. Группой было спрятано 114 человек, которые полностью были обеспечены питанием. В обеспечении питания принимал участие и друг Деркача – учитель-немец А. Гаук из Николаевской области. А. Гаук и еще пять человек с ним, привезли продукты на двух машинах (легковая и полуторка ГАЗ). Все было укрыто в катакомбах, а машины сданы передовым частям Красной армии в полной исправности на следующий день после освобождения Одессы 11 апреля 1944 г.⁸⁶ Подпольно-патриотической группе М. Бугаенко неоднократно помогал местный немец Г. Шмидт, который будучи водителем, снимал запчасти с автомашин румынской армии и тем самым выводил их из строя.⁸⁷ Вклад этнических немцев в борьбу с врагом был разным. Так, А.А. Берндт, которого считали активным

⁸¹ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 240. Л. 5.

⁸² ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 211. Л. 13, 195.

⁸³ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

⁸⁴ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 2. Л. 17; Д. 214. Л. 8, 65.

⁸⁵ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

⁸⁶ ОИКМ. Инв. № Д-2616, 2631.

⁸⁷ ОИКМ. Инв. № Д-3908/2.

участником группы Н.А. Гефта, в период оккупации держал небольшой магазин в Одессе. Все его участие заключалось в том, что он по просьбе Н.А. Гефта собрал ему радиоприемник⁸⁸.

Примеры посильного участия немецкого населения в движении Сопротивления региона в годы Великой Отечественной войны можно было бы продолжать и дальше, но не менее существенным является то, как сложилась дальнейшая судьба немцев-патриотов. Лишь через 20 лет после окончания войны советскими властями было признано участие в ней российских немцев (Н.А. Гефт, Г.К. Норайкс, М.И. Дукарт). Документы, касающиеся Н.А. Гефта, оставались засекреченными до самого последнего времени. То же самое подтверждают и сотрудники Николаевского областного краеведческого музея относительно Магды Дукарт. Ее судьба сложилась трагично и наполнена многими неясностями, вопросами и противоречиями. По словам подпольщицы, она не по своей воле в декабре 1943 г. вместе со своей матерью выехала в Германию. В июле 1945 г. была арестована Смершем, в сентябре транспортом отправлена из Майсена в Советский Союз, в Томск, где стала работать на заводе «Шарикоподшипник». М. Дукарт несколько раз писала письма наркому Госбезопасности Меркулову, т.к. считала, что может внести уточнения относительно деятельности подпольно-диверсионной группы В.А. Лягина, действовавшей в Николаеве в период оккупации города. В результате, 6 марта 1946 г. она была арестована и отправлена в Москву. В Бутырской тюрьме ее подвергли судебно-медицинской экспертизе, с последующим определением на принудительное лечение в специализированную Казанскую психиатрическую больницу МВД СССР. Там она и умерла 19 мая 1952 г.⁸⁹ К сожалению, нам никогда уже не узнать, какие именно уточнения и дополнения М. Дукарт внесла в деятельность группы и обстоятельства гибели В.А. Лягина, но наверное, они были власти нежелательны, коль ее посчитали нужным спрятать в стенах психиатрической больницы. М.И. Дукарт была реабилитирована посмертно в 1966 г.,⁹⁰ а через год, так же, как и ее мать, Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена медалью «За боевые заслуги»⁹¹.

Участие в подполье не спасало этнических немцев от репрессий. О судьбе К.Я. Султановой до сегодняшнего дня практически ничего не известно, кроме того, что в 1947 г. она отбывала наказание, и ее партизанский командир Г.А. Орстик безуспешно за нее хлопотал⁹².

⁸⁸ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 75. Л. 48.

⁸⁹ Димитров М.Ф., Дорошенко В.И., Ташлай Л.Б., Хизниченко К.Г. Масові політичні репресії на Миколаївщині. 1920–1950-ті рр. Миколаїв, 2008. С. 39–40.; Ташлай Л.Б. Участь миколаївських німців у антифашистському русі опору (1941–1944). Рукопись.

⁹⁰ Николаевский областной краеведческий музей. Инв. № Д-3747.

⁹¹ Димитров М.Ф., Дорошенко В.И., Ташлай Л.Б., Хизниченко К.Г. Масові політичні репресії на Миколаївщині. 1920–1950-ті рр. Миколаїв, 2008. С. 40.

⁹² ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 104. Л. 96.

Семья Медерер смогла установить по останкам расстрелянного в октябре 1942 г. Ивана Францевича Медерера⁹³, и тело было захоронено в братской могиле в Слободском сквере в Одессе, его фамилия выбита на мраморной плите. Его сын, Николай Иванович, после войны отслужил в армии, работал водителем, награжден медалью «Партизану Великой Отечественной», как и отец⁹⁴. В послевоенный период многие хотели причислить себя к подпольно-партизанскому движению. Наиболее показательным является случай с Г.К. Норайксом. Пока он находился на спецпоселении в Казахстане⁹⁵, некоторые из бывших членов его подпольно-патриотической группы «Свобода», стали называть себя руководителями этой группы, мотивируя исключение Г.К. Норайкса из руководителей его «неподходящей» национальностью⁹⁶.

Были и такие, кто, прочитав книгу В. Михайлова «Повесть о чекисте»(1965), статьи Л.Г. Спраги, Я.М. Тумаркина в газетах(1963–1965)⁹⁷ и учитывая тот факт, что Н.А. Гефта уже не было в живых, стали добиваться признания себя активными участниками подполья, требуя льгот и наград⁹⁸.

Деятельность подпольщиков и разведчиков, действовавших в годы Великой Отечественной войны, стала темой многих научно-популярных и художественных публикаций в советское время. Однако большинство из них характеризуется вольным обращением с фактами и источниками, в угоду идеологической направленности.

Восстановить в полном объеме реальную историю подпольно-партизанского движения на Юге Украины пока не представляется возможным. Но на основе изучения архивных документов вполне отчетливо видна деятельность отдельных групп, отрядов и соединений, и в их составе – этнических немцев.

---

⁹³ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 257. Л. 24.

⁹⁴ ОИКМ. Инв №Д-2553; ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 22. Л. 156.

⁹⁵ ГАОО. Картотека лиц, прошедших фильтрационные лагеря.

⁹⁶ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 85. Л. 33.

⁹⁷ Михайлов В. Повесть о чекисте. М., 1965. Указ. соч.; Спрага Л.Г., Тумаркин Я.М. Таємними стежками. Київ, 1965; Сигалов А. За строкой донесения // Комсомольское знамя. 1965. 20 янв.; Спрага Л., Тумаркин Я. Цілком таємно // Радянська Україна.1963. 23–28, 30, 31 июля; 1964.

⁹⁸ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 75. Л. 67,76; Д. 100. Л. 47–49.

**Участие российских немцев в решении
продовольственной программы на рыбном фронте
в годы Великой Отечественной войны.
(На материалах Омской и Тюменской областей)**

Рассматривая депортации и спецпоселение как разновидность репрессивной политики сталинизма, автор учитывал многомерность обусловивших ее причин. К важнейшим из них, по мнению исследователей, относится форсированное проведение социалистической модернизации. В сталинских планах социально-экономических преобразований страны Западной Сибири как развивающемуся промышленно-сырьевому гиганту отводилась особая роль. Ликвидировать дефицит рабочих рук в регионе должны были «спецконтингенты», значительную часть которых составляли спецпоселенцы.

Вырванные из прежней социокультурной среды и депортированные в чужой социум спецконтингенты представляли собой одну из разновидностей советской маргинальности. Такой подход, успешно апробированный уральскими и сибирскими учеными при изучении спецпоселенцев, использовался в данном исследовании в отношении депортированных немцев.

Мы поддерживаем точку зрения красноярского историка Е.Л. Зберовской в том, что само «принудительное переселение и последовавшая за ним утрата спецпоселенцами прежнего социального статуса, полуголодное существование депортированных в местах ссылки, длительная неопределенность их правового положения, профессиональная дискриминация были звеньями единого процесса маргинализации»⁹⁹.

Анализ архивных документов и воспоминаний показывает, что центральные и местные органы власти регулировали и поддерживали процесс маргинализации, с одной стороны, ужесточая режим, с другой – проявляя заинтересованность в поддержании сосуществования спецпоселенцев в чужой социокультурной среде.

Мы считаем, что изучение депортированных спецпереселенцев-немцев как субъектов процесса маргинализации необходимо не только для полного исследования спецпоселенческой системы (в том числе их роли в этом процессе), но и для уточнения истории советского общества в целом в период военного лихолетья.

К началу Великой Отечественной войны в рыбной промышленности трудилось значительное количество сосланных на Север крестьян. Оформи́вшаяся

---

⁹⁹ Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 23.

к тому времени система административного контроля над ними именовалась системой трудпоселений, а сами ссыльные – трудпоселенцами¹⁰⁰.

Война заставила внести существенные коррективы в практику использования труда депортированных. На государственном уровне приоритетным было признано развитие рыбной промышленности.

Российские историки приступают к изучению вопросов депортации и использования спецпереселенцев на ловле и обработке рыбы на предприятиях рыбной промышленности лишь с конца 1980-х гг. В изучении отечественного прошлого начинается период, характеризующийся критическим переосмыслением, отходом от сложившихся стереотипов в оценке насильственного переселения. Он наиболее эмоционально окрашен, что связано с появлением в печати значительного числа научно-публицистических работ. В них допускаются неточности, а порой и малообоснованные выводы, так как авторов захлестывали эмоциональные национальные чувства. Но при этом, как верно отметила Т. Чернова, «публицистика толкала ученых на исследовательский поиск»¹⁰¹.

С начала 1990-х гг. в изучении рассматриваемого комплекса проблем наступает новый этап, связанный с рассекречиванием весьма значительного массива ранее недоступных для историков документов и архивных материалов.

Анализ отечественного историографического материала по теме исследования позволяет выделить несколько групп работ.

В первую группу объединены труды историков, рассматривающих вопросы истории депортации 1941–1945 гг. в масштабах всей страны.

Фундаментальный вклад в изучение процессов депортации соотечественников внес Н.Ф. Бугай. В ряде своих работ автор проанализировал причины, механизм, особенности насильственных переселений тех или иных народов¹⁰², а также осуществил публикацию ранее засекреченных документов¹⁰³. Он и на сегодняшний день остается одним из ведущих специалистов по проблемам депортации народов СССР, публикуя не только статьи¹⁰⁴, но и монографии по данной проблематике.

---

¹⁰⁰ До 1934 «трудпоселенцы» именовались «спецпереселенцами».

¹⁰¹ Чернова Т. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999. – С. 261.

¹⁰² Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов в 30–40 гг. // История СССР. 1989. № 6; Его же. Погружены в эшелоны и отправлены в места поселений... // История СССР. 1991. № 1.

¹⁰³ Бугай Н.Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1.

¹⁰⁴ Бугай Н.Ф. Депортация народов // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. Кн. 2.

Исследованию принудительных переселений народов в 1941–1945-х гг. посвящен цикл статей В.Н. Земскова¹⁰⁵. В основном автор анализирует численность и состав различных категорий спецпереселенцев. Данные работы стали своего рода катализатором в изучении темы депортации народов. В научный оборот была введена ранее недоступная для исследователей статистика репрессивных органов, отражающая численность населения, подвергнутого насильственному переселению.

Главные достоинства данных работ – анализ и выведение суммарных данных о спецпереселенцах, размещенных в различных краях и областях Российской Федерации и союзных республиках. В том числе, он приводит данные, касающиеся численности немцев, размещенных в Тюменской области.

В 2003 г. выходит его монография «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960»¹⁰⁶. В ней сделана попытка показать статистику всех контингентов, поступивших на спецпоселение, географию их расселения в местах высылки, сведения о рождаемости и смертности, побегах и задержаниях, трудовом использовании, материально-бытовом положении, морально-психологическом состоянии и особенностях менталитета спецпоселенцев, их половозрастном и национальном составе, ряд других социально-демографических характеристик. Работа В.Н. Земскова стала настольной книгой для ученых, занимающихся этой проблемой. Безусловно, на сегодняшний день В.Н. Земсков является ведущим ученым в плееде исследователей истории депортаций в СССР.

Проблема истории депортации немцев и их трудовой вклад в победу стала с 90-х годов предметом изучения и таких историков как: В.А. Ауман, В.И. Бруль, Н.Э. Вашкау, Г.Г. Ворсмбехер, А.А. Герман, А.И. Кичихин, Л.И. Обердерфер, Е.М. Попова, Г.Г. Реммель, П.Б. Ремпель, В.М. Самосудова, В.Г. Чеботарева, Т.В. Чебыкина, В. Шайдурова, Л.В. Шевелева¹⁰⁷ и др. В работах

¹⁰⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07 / М-во образования Рос. Федерации, Ин-т. рос. истории РАН. М., 2005. – 415 с.; Его же. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопереселенцы, высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. – 1991. – №5; Его же. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. №11.

¹⁰⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 / РАН. Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. – 306 с.

¹⁰⁷ Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993; Бруль В.И. Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь. (1935–1965 гг.) // Немцы России в контексте Отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999; Бугай Н.Ф. Депортация народов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Россия в XX веке. Историки спорят. М., 1994; Его же. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: вехи истории. Материалы науч. конф. М., 1994; Вашкау Н.Э. Депортация российских немцев в 1941 году // Проблемы Отечественной истории. Волгоград, 1994; Ее же. Немцы в России: история и судьба. Волгоград, 1994; Ее же. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. 2002. №10; Ворсмбехер Г.Г. Немцы в СССР // Знамя, 1998. №10; Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам

этих авторов много общего, так как в них раскрыты причины и механизм переселения немцев, их обустройство в местах поселения, трудовой вклад в экономическое развитие Омской области, в состав которой входила Северо-Западная Сибирь (ныне Тюменская область) до 1944 г.

Среди них особого внимания заслуживают работы А.А. Германа. Им издано несколько работ, посвященных депортации немцев Республики Поволжья¹⁰⁸. А.А. Герман рассматривает депортацию немецкого населения как следствие крайнего обострения отношений между Германией и СССР. Депортация и спецпоселения, по мнению исследователя, нанесли немцам глубокую моральную травму. Однако политику насильственных выселений А.А. Герман, в отличие от В. Убушаева, не рассматривал как геноцид. По мнению исследователя, немецкие граждане стали жертвами перестраховки и подозрения, принявшей присущую сталинскому режиму грубую форму в условиях суровой и жестокой войны. А.А. Герман пришел к выводу о том, что политика большевистской власти по отношению к немецкому этносу в России и СССР – это в большинстве своем дискриминация и репрессии, происходившие из-за противоречивости национальной политики в годы военного лихолетья.

В.И. Бруль предпринял попытку комплексного рассмотрения депортации российских немцев. Он проанализировал причины депортаций, дал периодизацию процессов насильственного переселения. В.И. Бруль рассмотрел также вопросы правового положения и демографических изменений

НКВД–МВД СССР). // Социс.–1990. №11; Его же. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статико-географический аспект // История СССР. – 1991. №5; Обердерфер Л.И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.): действительность и правовой статус // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения, 1999–2000 гг.: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосиб. гос ун-т. Новосибирск, 2002; Попова Е.М. О положении депортированных немцев Поволжья в Сибирской деревне (1941–1945 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000; Реммель Г.Г. Дети депортации // Архивный вестник, Омск, 2000. №8; Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современное положение. Материалы междунар. науч. конф. Анапа 20–25 сентября 1995 г. М., 1996; Самосудов В.М. О репрессиях в Омском Прииртышье. Омск, 1988; Шевелева Л.В. Спецпереселенцы Омской области: документы «Особой папки» // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 1995; Чебыкина Т.В. Немцы – переселенцы в Александровском районе. Томск, 1999; Ее же. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Наказанный народ. Материалы конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте национальной политики». 18–20 ноября 1998. М., 1999; Шайдурова В. Российские немцы: трагедия одного народа // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999 и др.

¹⁰⁸ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994; Его же. Депортация немцев из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей. Саратов, 1996; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945). М., 1998 и др.

среди спецпереселенцев¹⁰⁹. Работы основаны на значительном количестве архивных документов, воспоминаний и фактических материалов. Однако многоплановость затронутых проблем не позволили исследователю претендовать на полноту освещения.

Необходимо также отметить кандидатскую диссертацию А.А. Шадта, где исследуются проблемы спецпоселения российских немцев в Сибири (1941–1955), их высылку, расселение, правовое положение, хозяйственное и трудовое устройство¹¹⁰.

Не ослабевает интерес историков к проблеме правового статуса спецпереселенцев. Примером тому может служить статья Л.П. Белковец, которая посвящена в основном правовому положению немцев на спецпоселении, но затрагивает и общие для всех депортированных проблемы.

На наш взгляд, автор слишком формально подходит к данному вопросу. Она пытается в какой-то мере оправдать действия советского правительства, представляя все так, будто спецпереселенцы по своему положению не слишком отличались от остальных советских граждан, так как права и тех и других были во многом декларативны. Все же Л.П. Белковец признает, что режимом спецкомендатуры в годы войны поселенцы были ущемлены более других граждан. Но нельзя согласиться с ее выводом о том, что в послевоенный период «произошло существенное улучшение материального положения всех категорий спецпереселенцев...»¹¹¹. Хотя ее вывод о том, что «деяния Советского государства в отношении народов, находящихся на спецпоселении, не могут быть признаны геноцидом», можно признать правомерным¹¹².

Л.П. Белковец принадлежит также монография, в которой исследуется положение немцев на спецпоселении. В суждениях же автора относительно спецпереселенцев всех национальностей прослеживается та же обозначенная выше концепция¹¹³.

---

¹⁰⁹ Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995; Его же. Миграционные процессы среди немцев Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект (Мат-лы. междунар. науч. конф.). Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998; Его же. Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь. (1935–1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999 и др.

¹¹⁰ Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. – 259с.

¹¹¹ Белковец Л.П. Правовые аспекты национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие // Государство и право. 2006. №5. С. 111.

¹¹² Там же. С. 113.

¹¹³ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 324 с.

В 2005 г. в Новосибирске В.В. Сарнова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны». Автор рассматривает комплексно депортацию калмыков и других народов, их положение и режим спецпоселения, а также адаптацию, условия труда и быта депортированных¹¹⁴.

В 1943 году, по утверждению А.А. Шадта, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком госрыбтрестах работало трудармейцев-немцев – 1413, из них: 528 мужчин и 885 женщин¹¹⁵. Исследование показывает, что исследователь не прав, так как заместитель наркома внутренних дел Круглов, в записке, которая составлена в ноябре 1942 г., выдвигает предложение «немцев, переселенных в Нарымский округ и устье реки Оби на развитие рыбных промыслов, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 января 1942 г. в количестве 15 000 человек освободить от мобилизации, оставив на месте расселения и работы»¹¹⁶. Кроме того, лишь в одном документе говорится о завозе трудармейцев с оборонных предприятий (без указания национальности)¹¹⁷, в других документах подтверждения нахождения немцев-трудармейцев на территории округов нет.

Судьбы спецпереселенцев Красноярского края исследуются Е.Л. Зберовской. Диссертацию ее выгодно отличает от других работ привлечение большого массива документов, извлеченных из архива краевого УВД, и широта источниковой базы, что позволило автору детально исследовать систему спецкомендатур, существенно дополнить данные о правовом положении репрессированных¹¹⁸.

Особое значение в изучении проблемы среди сибирских авторов имеют работы Ю.П. Прибыльского, впервые обозначившего проблему депортации в исследуемом регионе как научную¹¹⁹.

В конце 80-х гг. XX века вышли в свет первые публикации автора. В его работах рассматриваются вопросы трудового использования, жилищно-бытового

¹¹⁴ Сарнова В.В. Принудительные миграции населения ССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Федер. агентство по образованию, Ин-т истории, филологии и философии СО РАН. – Новосибирск, 2005. – 288 с.

¹¹⁵ Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. – 259с.

¹¹⁶ Народному комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Берия Л.П. // «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...И. Сталину»: Сб. док. (1940-е годы)/ Сост., предисл., коммент. Д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. М., 1998. С. 257.

¹¹⁷ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 5 об.

¹¹⁸ Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006.

¹¹⁹ Прибыльский Ю.П. Спецпереселенцы // Тюменская правда.–1988.–14 декабря; Его же. Депортация населения в Сибирь (1940–1957 гг.) // Политическая история России в отражении современной периодической печати. Омск, 1991; Его же. В блокаде и ссылке // Югра. 1993. № 10; Его же. Истоки победы // Югра. 2000. № 11; Его же. Во имя жизни. Тюмень: Виктор Бук, 2002. – 264 с.

обустройства спецпереселенцев, оказавшихся в отдаленных районах Северо-Западной Сибири, включая районы Крайнего Севера. Автор сумел, будучи очевидцем и современником этих событий, проследить процессы депортации на судьбах конкретных людей. В последней по времени своей монографии, в соавторстве с Н.И. Загороднюк, Юрий Пантелеймонович также не обошел вниманием судьбы спецпереселенцев-калмыков депортированных на Обский Север¹²⁰.

Существенный вклад в изучение вопросов адаптации депортированного немецкого населения в местах их водворения внесли исследователи: Е.В. Боркова, Л.Ф. Гизатуллина, А.А. Петрушин, А.С. Пиманов.

В диссертационных исследованиях Е.В. Борковой и Л.Ф. Гизатуллиной история пребывания спецпереселенцев-немцев на территории Северо-Западной Сибири изучается в контексте проведения принудительной миграции 1942 г.

В книге «Мы не знаем пощады...»¹²¹ А.А. Петрушин затрагивает вопрос о режиме содержания спецпереселенцев в условиях спецкомендатур. Он занимался также исследованиями истории развития рыбной промышленности на Югорской земле и поэтому затронул вопросы трудоустройства спецпереселенцев на рыбных промыслах.

В сентябре–октябре 1941 года из Поволжья прибыло в Северо-Западную Сибирь, по данным А.А. Петрушина, 31 601 человек, которые были размещены по 21 району¹²².

Среди первых подходов к исследованию проблемы на региональном уровне можно отнести и статью А.С. Пиманова¹²³, в которой автор обозначил районы расселения по Тюменской области некоторых депортированных народов (поляков, немцев), а также указал области применения их труда. При этом существенным недостатком статьи является то, что А.С. Пиманов ограничивается лишь сообщением о численности немцев, завезенных в пределы области в 1941–1942 гг., и ничего не говорит о районах их размещения и численности поселенцев, а также сферах применения контингента в Тюменской области.

В.Н. Галишников и А.С. Пиманов отмечают, что в конце 1941–начале 1942 г. в Ямало-Ненецкий округ стали прибывать немцы, высланные из райо-

---

¹²⁰ Прибыльский Ю.П., Загороднюк Н.И. Война и Север: Российский Север в 1941–1945 гг. Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Менделеева, 2005. – 272 с. С. 103.

¹²¹ Петрушин А.А. Мы не знаем пощады...: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края: По мат-лам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – Тюмень, 1999.

¹²² Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края. По материалам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Тюмень, 1999. С. 140

¹²³ Пиманов А.С. Этническая ссылка в Тюменской области (1940–1953 гг.) // Вестник ТюмГУ. 1998. № 1.; Его же. Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) //Налоги, инвестиции, капитал – 2004 – № 5–6.

нов Поволжья. В 1942 г. в округ было завезено 628 немцев, которые были трудоустроены в Салехарде и на 11 рыбозаводах¹²⁴.

По сведениям А.С. Пиманова, в 1942 г. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком госрыбтрестах оказалось 9260 немцев¹²⁵.

В 2010 г. вышла монография Б.У. Серазетдинова «Рыбный фронт, и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг.»¹²⁶. Автор показывает самоотверженный труд местных жителей Омской и Тюменской областей, эвакуированного населения и спецпереселенцев по добыче рыбы в период военного лихолетья.

Подводя некоторые итоги изучения проблем депортации советских немцев в различные регионы страны, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, и спецпоселения, отметим большую работу историков. За истекший период отечественными исследователями проведена многоплановая и плодотворная работа по выявлению, изучению, осмыслению исторических материалов, раскрывающих депортацию немцев в 1940–1950-е гг.

Вместе с тем перечисленные работы не лишены методологических просчетов, фактических неточностей, спорных оценок отображаемой исторической действительности. Анализ этих работ позволяет утверждать, что тема, обозначенная в оглавлении, недостаточно разработана и имеет научную перспективу.

Количественное же увеличение работ в современной историографии по этой теме требует перехода проблемы на новую, более высокую ступень научного осмысления. До сих пор не создано обобщающей работы по истории участия российских немцев в решении продовольственной программы на рыбном фронте в годы Великой Отечественной войны в Сибири, не проведено такого исследования и на региональном уровне, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, в частности.

Депортация 1942 г. проводилась в рамках осуществления совместного постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 6. 01. 1942 г. №19 сс «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», в котором давалось указание о переселении рабочей силы для развития рыбных промыслов¹²⁷. В постановлении в пункте 8 (секретно) отмечалось: обязать НКВД СССР (т. В.В. Чернышова) в первом полугодии 1942 г. переселить в районы низовья реки Оби, Байдарацкой, Тазовской и Обской губ и Гыданского

¹²⁴ Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в Ямало-Ненецком национальном округе (1941–1964 гг.) // Тюменский исторический сборник. Вып. VI. – Тюмень, 2004. С. 145.

¹²⁵ Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) //Налоги, инвестиции, капитал 2004 №5–6. С. 139. (Ссылка на ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 225. Л. 46–47.)

¹²⁶ Серазетдинов Б.У. Рыбный фронт, и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг. М., 2010.

¹²⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / Сост. С.А. Красильников, Д.Н. Нохотвич, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск, ЭКОР, 1996. С. 110–112.

залива 10 тысяч человек и в 1943 г. – 3 тысячи человек спецпереселенцев для использования их на лове и предприятиях рыбной промышленности¹²⁸.

В Омскую область было депортировано 79 090 немцев из Республики немцев Поволжья. Эта категория спецпереселенцев оказалась рассредоточена по 60 районам области. Из этого количества, во исполнение постановления для работы в рыбной промышленности, из числа прибывшего спецконтингента было переселено в Ханты-Мансийский округ – 5 086 чел., в Ямало-Ненецкий – 4 171 чел. Кроме этого, 25 тыс. чел. мобилизовали в трудовые колонны¹²⁹.

На состоявшемся 5 января 1942 г. совещании при исполкоме Ямало-Ненецкого Окрсовета после слушания доклада «О мероприятиях Обьрыбтреста в области развития рыбного хозяйства Ямальского округа» на его основе было принято решение установить пункты размещения вселяемых в округ 2 150 хозяйств спецпереселенцев.

7 января 1942 г. в Тобольск, в тогда еще Обский госрыбтрест, за подписью председателя Окрисполкома Горина была отправлена телеграмма следующего содержания: «Отвечаю Ваш запрос 2 января соображения окружающих организаций тчк 1942 году завести округ спецпереселенцев восемь тысяч человек том числе двт Шугинскому Рыбзаводу 1 100 учетом рыбодобычи организации лесозаготовок реке Надыму зпт Пуйковскому 400 зпт Новопоптовскому 2 200 учетом рыбодобычи круглый год озерах Ярото организации рыбодобычи устьев Юрибей Байдарацкой губы Морды-Яха Яходы Яха Карского побережья Сеяха Тамбее Таране Напалково Обской губы зпт Аксарсковскому 200 зпт Тазовскому 1 600 учетом постройки консервной фабрики лесозавода организации круглый год добычи Антипаюте Хаймпаюте Ивайсале рыбодобычи лесозаготовок Уренгой Таркосале Харампюр зпт Гыдоямскому 800 рыбодобычей круглый год зпт Кушеватскому 400...»¹³⁰.

Решение центральных органов было конкретизировано постановлением Омских обкома и исполкома от 4 февраля 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Омской области», согласно которому местные органы власти обязывались построить на территории области 500 домов для размещения прибывающей рабочей силы¹³¹.

Развивая положения этого документа 24 февраля 1942 г. на объединенном заседании Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б) и исполкома окрсовета было принято постановление «Об организации работ по расселению ввозимых в 1942 г. в округ переселенцев», ставшее главным документом, определившим

¹²⁸ Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах: В 2-х т. – Т. 1 Омск: Кн. Из-во, 2004.–С. 297.

¹²⁹ ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 305 об.

¹³⁰ Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ) Екатеринбург, 2010. С. 115.

¹³¹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3324. Л. 59.

все основные аспекты обустройства депортированных 1942 года в округе¹³². В документе говорилось: «1. Места расселения завозимых в округ в 1942 г. переселенцев и необходимое количество домов 8-комнатных 489, 4-комнатных 301, а всего 790 – утвердить. 2. Утвердить строительство в округе жилых домов всего в количестве 155 объектов, из них 8-комнатных 94 и 4-комнатных 61»¹³³. По плану размещения рабочие поселки должны были располагаться таким образом, чтобы осуществить втягивание в эксплуатацию не освоенных до этого времени водоемов – притоков реки Обь (Куноват, Полуи), рек Надым, Пур, Таз, а также северной части Тазовской и Обской губ, Гыдоямского залива.

Аналогичные решения, регламентирующие проведение работ по размещению переселенцев, были приняты и в Ханты-Мансийском округе¹³⁴.

На переселяемых также распространялось переселенческое законодательство, что давало им право получить кредит на постройку жилья, покупку скота и хозяйственное обзаведение¹³⁵. Был составлен план кредитования переселенцев, общая сумма выделяемых кредитных средств (только по округу) должна была составить 14 млн. руб.¹³⁶.

Наиболее тяжелые последствия имела повторная депортация выселенных немцев из южных районов Сибири на Крайний Север, для использования на рыбных промыслах, повлекшая за собой массовую гибель людей. К концу 1942 г. 23 тыс. немцев были переселены из Красноярского края и 15 тыс. из Омской области в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа. Жертвами этой акции стали в основном немецкие женщины, старики, подростки и дети, не попавшие в трудовую армию¹³⁷.

Переселение собственно труд(спец)переселенцев впервые оговаривалось в постановлении исполкома и бюро обкома ВКП (б) от 20 мая 1942 г. «Об обеспечении рабочей силой северных промыслов Омгосрыбтреста». В этом постановлении впервые говорилось именно о труд(спец)переселенцах, которым Облрыболовпотребсоюз должен был обеспечить выделение продовольствия и промтоваров, Омгосрыбтрест и облисполком – хозинвентарь и жилплощадь¹³⁸. Вторым документом, более детально регламентирующим

---

¹³² Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010. С. 115.

¹³³ Там же. С. 115–116.

¹³⁴ Иванов А.С. Принудительная миграция 1942 года: планирование и реализация (на материалах Ханты-Мансийского округа Омской области). // Катанаевские чтения: материалы Седьмой всероссийской научно-практической конференции, посвященной 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.) – Омск, 2008. – С. 333–336.

¹³⁵ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 632. Л. 104.

¹³⁶ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 21. Л. 28.

¹³⁷ <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/deportation.htm>

¹³⁸ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 108. Л. 130–131.

транспортировку и трудоустройство спецпереселенцев, было постановление от 28 сентября 1942 г. «О приеме и расселении 10 тысяч спецпереселенцев в Северные районы области»¹³⁹. Несмотря на свое название, документ предписывал организовать расселение и прием только в одном из Северных округов – Ханты-Мансийском, второй округ – Ямало-Ненецкий – был «обделен» вниманием. Решение «принять и расселить в Ханты-Мансийском округе 10 тысяч человек спецпереселенцев» ввело некоторых исследователей в заблуждение, так, Л.Ф. Гизатуллина в своем диссертационном исследовании указывает именно эту плановую цифру завоза, как количество реально прибывших в округ переселенцев, что является совершенно неверным¹⁴⁰.

Документом предусматривалось «переселение осуществить в текущем году одной тысячи человек...оставшихся девять тысяч переселение перенести на весну 1943 года». Транспортировка по Оби и Иртышу возлагалась на НКВД, питанием в пути следования и на местах переселенцев обеспечивали Облпотребсоюз и Облрыболовпотребсоюз. Промтоварное снабжение должен был обеспечить Рыбтрест «за счет средств, отпущенных наркоматом (рыбной промышленности) Рыбтресту по плану кредитования»¹⁴¹.

Но реальное положение, сложившееся при реализации решений партии и правительства, было далеко от плановых установок. Решение от 28 сентября было явно запоздавшим и не отражало реально существующего на тот момент положения. Завоз переселенцев проводился с конца мая по декабрь 1942 года. Всего на территорию Ханты-Мансийского округа было завезено 6924 человека¹⁴². Из них завезены в: Березовский район – 702, Кондинский – 805, Ларьякский – 287, Микояновский – 1393, Самаровский – 2198, Сургутский – 1609 переселенцев¹⁴³.

По подсчетам уральского ученого Н.А. Михалева было завезено Омгосрыбтрестом в Ямало-Ненецкий округ на 29 сентября 1942 г.: 6383 переселенцев, из них, 1300 мужчин, 3029 женщин и 2064 иждивенцев (т.е. детей, инвалидов и стариков). То есть было завезено 4329 чел. трудоспособных работников, которые работали на лове – 569, на обработке – 481, на других работах – 1622 и в других организациях – 223 чел.¹⁴⁴.

Н.А. Михалев утверждает, что численность спецпереселенцев-немцев на предприятиях Ямальского госрыбтреста, по переписи 1945 г., была: Северный рыбозавод – 26; Тазовский рыбозавод – 23; Новопортовский рыбозавод

¹³⁹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3268. Л. 4–6.

¹⁴⁰ Гизатуллина Л.Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах: дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2005.С. 58.

¹⁴¹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3268. Л. 5–6.

¹⁴² ГАХМАО. Ф. 118, Оп. 2, Д. 10, Л. 88, Д. 11, Л. 108.

¹⁴³ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 88.

¹⁴⁴ Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ) Екатеринбург, 2010. С. 119.

– 25; Пуйковский рыбозавод – 52; Кушеватский рыбозавод – 104; Мужевский рыбозавод – 10; Салехардский комбинат – 85; Спецстройучасток – 147 и Судорембаза – 132¹⁴⁵. Всего было задействовано спецпереселенцев-немцев на предприятиях Ямальского госрыбтреста – 604. Из них мужчин – 92; женщин – 328; детей – 184.

Везли спецпереселенцев на баржах, судах, иногда по 2–3 суток они не получали продуктов. Жилье не было подготовлено. Люди рыли себе землянки, строили шалаши, балаганы.

Начальник отдела спецпереселений НКВД СССР И.В. Иванов в справке о ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) №19 от 6 января 1942 г. об организации рыбных промыслов в Сибири и на Дальнем Востоке в контрольно-инспекторскую группу при НКВД СССР Михайлову отмечал, что по состоянию на 10 октября на рыбные промыслы направлено 52 664 чел., из них трудоспособных – 35 684 чел., членов семей – 16 980. В том числе: в Омскую область подлежало переселению на рыбные промыслы 10 тыс. чел. Направлено – 14 021 чел., из них трудоспособных – 10 370 и членов семей – 3 651 чел¹⁴⁶.

Вопросы о необходимости быстрого снабжения той или иной отрасли рабочей силой в стране привычно решались за счет заключенных и спецпереселенцев, их численность продолжала расти. Тем не менее, принудительных трудовых ресурсов повсеместно не хватало, и поэтому между областями, регионами, отраслями и предприятиями велась борьба за право обладания ими. Так, при обсуждении вышеупомянутого Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» в конце 1941 г. руководители намеченных к отправке из своих регионов спецпереселенцев Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краев доказывали, что «немцы освоены в хозяйстве, и их дальнейшее переселение на Крайний Север будет проводиться с прямым ущербом для посевной кампании указанных областей и краев». Целесообразным считали лишь вывоз немцев-переселенцев из Карельской ССР¹⁴⁷.

В итоге по Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) №19сс от 6 января 1942 г. НКВД СССР переселил в районы Крайнего Севера 66 763 чел., в том числе для Омской области было направлено 13 861 чел., из которых было 11 370 трудоспособных. Но уже в октябре 1943 г. секретарь Омского обкома ВКП (б) М.А. Кудинов при поддержке заместителя наркома рыбной промышленности А.А. Сбродова просил НКВД СССР переселить еще 1500 чел. для осуществления жилищного строительства в рыбной промышленности. На

¹⁴⁵ Там же. С. 126.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 109. Л. 136.

¹⁴⁷ См.:Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать ...»: Документы, факты, комментарии/ Сост. Н.ф. Бугай. М., 1992. С. 73–74.

что В.В. Чернышев отвечал в своем письме в СНК СССР на имя А.И. Микояна: «После проведения мобилизации на поселении остались в основном многодетные женщины, старики и дети, переселение которых в районы Крайнего Севера для работы в рыбной промышленности невозможно. Поэтому ввиду отсутствия свободных контингентов удовлетворить просьбу... в настоящее время возможности не имеем»¹⁴⁸.

По данным Виктора Кригера, научного сотрудника семинара восточно-европейской истории в Гейдельбергском университете, в Омской области состояли немцы-спецпоселенцы на учете по состоянию на 1 июля 1950 г. – 39 607, а в Тюменской области – 25 730¹⁴⁹. Немцы были переселены (эвакуированы), по данным В.Н. Земскова, из пригородов Ленинграда, в 1941–1942 годах и расселены в том числе на территории Омской области, в состав которой входила тогда и Тюменская область¹⁵⁰. Это привело к появлению на территории Югры эвакуированных из Ленинграда спецпереселенцев.

В.В. Сарнова утверждает, что на 1 января 1943 г. занятых в рыбной промышленности в Омской области немецкого контингента было 2 248 человек¹⁵¹.

Л.П. Белковец отмечает, что из Омской области распоряжением СНК от 21 сентября 1942 г. были переселены в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа 15 043 чел¹⁵².

Переселялись также немцы, выселенные из Поволжья, ранее расселенные на юге области.

Так, из числа депортированных в Омскую область немцев-спецпереселенцев в Ханты-Мансийский округ было выселено 4 174 человека¹⁵³.

В Самаровский район переселенцев доставили три парохода: «Усиевич», «Ленин» и «Орджоникидзе». Переселенцы передавались в первую очередь Самаровскому консервному комбинату, ему были переданы 1 754 чел. (977 трудоспособных), в свою очередь, комбинат передал: Самаровскому стройучастку – 20 чел., Самаровскому лесозаводу – 47 чел., техникуму (также причисленному к тресту) – 6 чел., организациям к тресту не относящимся,

---

¹⁴⁸ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов. (1940-е годы) \Сост. Н.Ф. Бугай. 2-е изд. М., 2000. С. 269.

¹⁴⁹ Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942–1946 годах // Родина.– 2002. № 10. С. 96.

¹⁵⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.07. / В.Н. Земсков; М-во образования Рос. Федерации, Ин-т. рос. истории РАН. Москва: [б. и.], 2005. – 415 с. С. 140,142.

¹⁵¹ Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Дис...канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. С. 224.; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 306 об.

¹⁵² Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 106.

¹⁵³ Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект (Мат-лы. междунард. науч. конф.). Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М, 1998. С. 342.

было передано: Белогорскому лесозаводу – 72 чел., Ханты-Мансийскому промкомбинату – 53 чел. В итоге за консервным комбинатом осталось 1556 чел¹⁵⁴.

Что касается национального состава прибывших в Самаровский район, то одну из самых значительных групп составляли немцы. Сохранился список из 151 немца из Поволжья, закрепленного за Самаровским консервным комбинатом¹⁵⁵.

Так, в Самарово появилась семья Питера Ришеля и другие немцы из Ленинграда. «Они не чувствовали к себе неприязни, как к немцам. Напротив, их, обездоленных и голодных, жалели, особенно семья Гарбуз. Самаровцы не были богатыми людьми, но эвакуированным помогали – картошкой, рыбой, а то и молоком. Взрослых ленинградцев сразу же оформили на работу в рыбокомбинат. Барак, в который их поселили, даже отдаленно не напоминал ленинградскую квартиру, но жить в нем было легко: соседи оказались людьми отзывчивыми и добрыми»¹⁵⁶. На производстве их ценили за трудолюбие, почти каждый праздник руководство рыбокомбината отмечало мать и дочь почетными грамотами, благодарностями или подарками, они неоднократно выходили победителями социалистического соревнования.

Екатерина Ивановна Шмидт приехала в Ханты-Мансийск в июле 1942 года – эвакуировали из блокадного Ленинграда. Она вспоминает: «Выгрузили нас в Рабочем переулке, кого взяли на работу на рыбокомбинат, кого на лесозавод, а некоторых отправили дальше по деревням». Катя Шмидт, немка, блокадница, попала на лесозавод. Помимо заготовки и обработки леса, готовили они и ящики для рыбоконсервного комбината. Барак, в котором разместили приезжих, за глаза называли «клоповником»¹⁵⁷. Екатерина Ивановна вспоминает: «С 21 июня 1942 года я начала работать в канатном цехе лесозавода. В цехе были одни эвакуированные: немцы, финны, румыны. Плели канаты из таловых прутьев для рыбалки. Эти канаты скручивали в катушки, отправляли на рыбалку»¹⁵⁸. Тем не менее к приезжим относились хорошо, как говорит Екатерина Ивановна, национальностью никого не попрекали. Да и кому было попрекать? Одни – ссыльные кулаки, вторые – высланные финны, третьи – калмыки...

Из воспоминаний немки из Поволжья Марии Фридриховны Серебренниковой: «Мы попали в деревню Матюшино, в село, куда когда-то тоже были сосланы люди. Они приносили еду, младенцам – молоко. Колхоз сразу дал

¹⁵⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 108.

¹⁵⁵ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 11. Л. 43–44об.

¹⁵⁶ И помнит мир спасенный. Война и победа на страницах газеты «Новости Югры». Ханты-Мансийск, 2005. С. 138.

¹⁵⁷ Там же. С. 145.

¹⁵⁸ Политические репрессии 1930–1940-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: Сб. документов /Сост. Е.М. Брагина, Ю.В. Лазарева, Л.В. Набокова. Ханты-Мансийск, 2002. С. 246–247.

домик, землянку, двухкомнатную, без потолка, где поселили 4 семьи, 15 человек. Спали на земляном полу. Но нас там накрыла опасная болезнь, заболели скарлатиной две сестры и умерли.

Я, мама, отчим пошли в колхоз на работу. Вечером после работы мы ходили к людям убирать картошку. Заработали на всю зиму. Так прошел 1941 год. В феврале 1942 года пришел приказ сверху: всех трудоспособных мужчин забрать в трудовую армию. Забрали и моего отчима на шахты в Кемеровскую область. Оттуда он не вернулся, погиб. Пришла весна, мужчин не было, огород пахать пора. Что оставалось делать? Колхоз дал конный плуг, а мы, женщины, 6 человек запряглись и вспахали огороды. Посадили картошку, но урожай не сняли, опять указ: немедленно сослать на Север всех малосемейных, одиноких женщин – в трудовую армию.

Нас 9 октября снова на станцию увезли до Омска, там, на берегу Иртыша, под дождем и снегом сидели 2 дня. Потом нас, где-то около двух тысяч человек, погрузили на пароход «Орджоникидзе», в трюм, везли 10 суток. В Самаровском районе начали потихоньку разгружать. 21 октября 1942 года мы приплыли в Тюли, шел снег, было холодно. Где жить? На другой день развезли по квартирам. Люди нас боялись, им про нас такое наговорили, будто у нас на голове рога, будто мы – головорезы.

Мы жили у женщины с двумя детьми. Весной с мамой поставили столбы, обнесли палками – частоколом, обмазали глиной и жили...»¹⁵⁹.

Значительная часть спецконтингентов, особенно из числа женщин, переданных в рыбную промышленность, на производстве не работали из-за отсутствия детских ясель и теплой одежды.

Производительность труда в подавляющем большинстве низкая, установленные нормы не вырабатывались. У большинства спецконтингента зарплата колебалась от 100 до 200 руб. в месяц. Низкая заработная плата и производительность труда объясняли прежде всего плохим хозяйственным устройством.

Спецконтингенты жили крайне уплотненно, а значительная часть их находилась в отвратительных квартирных условиях. На Сытоминском рыбзаводе ряд семей с малыми детьми жили в холодных квартирах с разбитыми окнами и без дверей, а также в землянках. Дровами не обеспечивались. Аналогичное положение было в Самаровском, Сургутском, Ямальском, Приуральском и Тазовском районах.

Все это происходило потому, что предприятия Наркомрыбпрома не приняли своевременно надлежащих мер к приему, расселению и трудоустройству спецконтингентов НКВД¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург, 2005. С. 150–153.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 72–74.

Подведем некоторые количественные итоги повторных переселений 1942 г. Омская область выделила для переселения за свои пределы 12861 чел., в том числе 10370 трудоспособных; тысяча немцев была расселена в пределах области – итого 13861 чел¹⁶¹.

17 июня 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Чернышев отдал распоряжение начальникам УНКВД соответствующих областей о создании новых спецкомендатур. В письме на имя начальника УНКВД по Омской области полковника госбезопасности М.Е. Захарова говорилось: «Подработайте вопрос о возможности создания комендатур в районах расселения (по типу трудпоселенческих) для переданных в рыбную промышленность спецконтингентов из числа ссыльнопоселенцев, спецпереселенцев (немцев) и трудпоселенцев из бывших кулаков». Так, например, районная производственная комендатура находилась в Салехарде, а участковые – в Аксарке, Питляре и т.д.

«Трудно было, холодно, голодно, остров (у Салемала на Ямале) затапливало, – вспоминает Алиса Брайнер. – Но даже это бы еще ничего. Надо было ежемесячно ходить в комендатуру отмечаться – не убежали ли мы с этого острова? Процедура была унижительной. Комендант очень любил, чтобы мы подождали часа два-три на морозе. Вот промерзнем до костей, тогда он и соизволит вынести бумагу, чтобы мы расписались. А одного латыша он на наших глазах просто убил. Привязал к стулу и бил обычным валенком. Да только в валенке этом – кирпичи. Вот такие были порядки...».

В соответствии справки ОТСП ГУЛАГ о состоянии трудовой и специальной ссылки в Омской области на 1 января 1943 г. расселены спецпереселенцы-немцы в количестве 83 315 чел. Согласно постановлению ГОКО № 1123сс от 10 января 1942 г. и предписанию 8-го управления Генштаба Красной армии от 7 октября 1942 г. № 2383сс, спецпереселенцы-немцы мужчины в возрасте от 17-ти до 50 лет были мобилизованы в рабочие колонны и переданы для трудового использования на лесозаготовках, строительстве заводов, строительстве железных дорог и т.п. Часть женщин немецкой национальности была мобилизована и направлена для трудового использования в нефтяной промышленности. И на рыбные промыслы в Омскую область – 12 861 чел¹⁶², в том числе трудоспособных – 10 370. Кроме того, была переселена 1 тыс. чел. по внутриобластному переселению¹⁶³.

---

¹⁶¹ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 134.

¹⁶² Там же. Д. 138. Л. 11–13.

¹⁶³ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов.: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР /Отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 389.

Переселенцы были задействованы на различных видах работ. Большинство переселенцев трудилось на ловле (917 человек), обработке рыбы (338), строительстве (559). Значительная часть спецконтингентов, особенно из числа женщин, переданных в рыбную промышленность, не работали из-за отсутствия детских ясель и теплой одежды. Другие, сопоставимая, вероятно, с количеством лиц, задействованных на строительных работах, обслуживала подсобное хозяйство¹⁶⁴.

Депортанты передавались в первую очередь организациям госрыбтреста (рыбзаводам, консервным комбинатам и др.), эти предприятия, по согласованию с трестом, могли передавать их в организации, не относящиеся к рыбной промышленности.

Директора предприятий руководствовались указаниями начальства. Они гласили: «...весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове, и во вторую очередь на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью»¹⁶⁵.

Трудоспособных переселенцев на территории Югры распределили следующим образом: в колхозы – 779 человек, в другие организации – 575 человек, осталось на рыбзаводах – 2886 человек. Последние были использованы на лове и обработке рыбы – 43,4% от общего количества, 19,3% – на строительстве, 26,2% – на прочих работах, и 10,9% остались без определения на работу ввиду наличия малолетних детей, болезней и отсутствия теплой одежды.

В поселке Ванзетур Березовского района Ханты-Мансийского округа трудилась целая немецкая артель имени Э. Тельмана. Они работали на строительстве местного стекольного завода, а потом – рыбокомбината¹⁶⁶.

В Ямало-Ненецком округе передали: в колхозы – 45 человек, в другие организации – 292; осталось на рыбзаводах – 3965. Труд принудительных мигрантов на заводах использовался на лове и обработке рыбы – 23,9%; строительстве – 24,9%; прочих работах – 49,8%; не работали, из-за наличия малолетних детей, болезней и отсутствия теплой одежды – 1,4%¹⁶⁷. С первых дней работы немцев предприятия Ямалгосрыбтреста не обеспечили им нормальных условий труда. В управлении рыбтреста был создан спецпереселенческий сектор, который ведал распределением и учетом прибывавшего контингента спецпереселенцев и вопросами их жизнеобеспечения в районах, где находились предприятия треста. Часть спецпереселенцев послали на строительство моторно-рыболовецких станций и новых пред-

¹⁶⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 88.

¹⁶⁵ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 110.

¹⁶⁶ Березово (Очерки истории с древности до наших дней) /Отв. ред. Д.А. Редин.- Екатеринбург, 2008. С. 338–339.

¹⁶⁷ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 88.

приятый по добыче и обработке рыбы. Другую часть немцев мобилизовали на изучение специальностей, связанных с добычей и переработкой рыбы. Немцы Поволжья быстро приспособились к условиям работы в рыбной промышленности без всяких подготовительных курсов¹⁶⁸.

В Омской области на Надымском рыбозаводе переселенцы спали на нарах, покрытых грязной соломой по 50–60 чел. в темных сырых землянках, которые не освещались и не отапливались. Следствием этого стало массовое заболевание людей различными болезнями. С июля 1942 г. по январь 1943 г. в Надымском районе умерло 34 чел. немцев. В этот период в районе проживали 1 621 немец¹⁶⁹.

Спеконтингенты жили крайне уплотненно, а значительная часть их находилась в отвратительных квартирных условиях. В Ханты-Мансийском округе на Сытоминском рыбзаводе ряд семей с малыми детьми жили в холодных квартирах с разбитыми окнами и без дверей, в землянках. Дровами не обеспечивались. Аналогичное положение было в Самаровском, Сургутском, а также в Ямало-Ненецком округе в Ямальском, Приуральском и Тазовском районах.

То есть, основная масса немцев была поставлена отсутствием нормальных условий труда в жесткие условия выживания. Не было возможности просушить одежду и обувь, из-за отсутствия теплой одежды, спецовок и обуви многие не могли выйти на лов рыбы, а, следовательно, не выполняли нормы. «Мы абсолютно не рыбаки, у 90 % семей нет мужей, все они на трудовом фронте, ...большинство детей и женщин, которые не могут не только рыбачить, но даже не могут грести и управлять лодкой».

Вот что вспоминает Зинаида Иормонайнен, спецпереселенка из Ленинграда: «... По пескам рыбачили. Дали бродни из свиной кожи. Только в воду залезешь – протекают, как дырявые. Зимой лунки ото льда чистили голыми руками. Та еще работенка для женщин из Ленинграда. На рыбалке была недолго, после болезни поставили меня на обработку рыбы. Тоже труд тяжелый. Ящики и мешки с рыбой таскать, в четырнадцать рядов забрасывать. А на сортировке: целыми днями, пока везут рыбу, стоять надо на открытом воздухе. Летом – мошка и комар, зимой – мороз и ветер. Не больно-то сладко. Хлеба не хватало. Ели сырую рыбу. Уносить ее домой запрещалось, тех кто этот запрет нарушал, сразу судили...»¹⁷⁰.

Однако неэффективность труда спецпереселенцев-немцев на первом и втором этапах их мобилизации на предприятиях рыбной промышленности

---

¹⁶⁸ Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) //Налоги, инвестиции, капитал 2004 № 5–6.

¹⁶⁹ Герман А.А. Депортация советских немцев из европейской части СССР осенью. 1941 года // Власть и общество. Новейшая история отечества. С. 298.

¹⁷⁰ <http://2mus.ru/read.php?id=3487> С.4 Рыбный фронт Тобольского Севера Александр Петрушин

зависела не только и не столько от причин психологического характера, а являлась результатом действия глубинных тенденций, связанных с особенностями функционирования лагерной экономики. Это прежде всего использование основной части спецпереселенцев на производственных работах, не соответствующих их основной специальности; массовым привлечением ослабленных спецпереселенцев к тяжелому физическому труду; недостаточной экипированностью мобилизованных немцев и т.д.

Ввиду слабого распространения механизации на предприятиях треста работы повсеместно производились вручную, особенно тяжело приходилось спецпереселенцам, задействованным на водоснабжении, ловле рыбы, выгрузке рыбы, заготовке леса. Вручную также производился подъем тысячетонных барж. Рабочий день доходил до 16-ти часов¹⁷¹. Люди были вынуждены работать, стоя по нескольку часов подряд в холодной воде, повсеместно констатировалось «отсутствие теплой одежды и обуви»¹⁷². Зачастую на ноги выделяли из невыделанных сырых кож поршни, чтоб предохранить ноги от уколов, но это были временные меры, в какой-то степени обеспечивающие возможность трудиться только в летних условиях. При первом похолодании такая защита была фактически бесполезна, что вынуждало многих переселенцев отказываться выходить на работу.

В зимнюю стужу и в летнюю непогоду, каждый день с утра до ночи, из месяца в месяц, годы подряд выкладывались немецкие спецпереселенки в северных широтах, условия жизни которых теперь называют экстремальными. Ничто не должно было останавливать путину: ни дождь, ни пронзительный ветер, ни снег, ни ледяная вода, потому что стране требовалась рыба.

Вспоминает Георгий Георгиевич Флейшман, семья которого была выслана в Локосово Сургутского района Ханты-Мансийского округа, о работе в рыболовецкой бригаде коноводом на выборке стрежевого невода. Они добывали на Оби осетра, стерлядь, нельму и иную ценную рыбу, не смея использовать ее на личные нужды. Смена длилась 12 часов. Он вспоминал: «Обь жестоко карала тех, кто не считался с ее коварством. Всех потрясла гибель шести немецких матерей. Их неводник, груженный солью, волны захлестнули на стремнине реки. Спасся один рулевой. Виновных не нашли»¹⁷³.

Производительность труда в подавляющем большинстве низкая, установленные нормы не вырабатывались. Выполняли нормы по-разному: к приме-

---

¹⁷¹ Набокова Л.В. Ханты-Мансийский госрыбтрест в период Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: Докл. и сообщ. Ханты-Мансийск, 5–6 мая 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 208–209.

¹⁷² ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 101об.

¹⁷³ Прибыльский Ю.П. В блокаде и ссылке // Югра. 1993. № 10. С. 26–27.

ру, на Локосовском рыбозаводе выполняли и перевыполняли нормы 40 чел., в то же время 81 чел. по тем или иным причинам нормы не выполнял¹⁷⁴.

Заработная плата спецпереселенцев была разная – в зависимости от предприятия, специальности, квалификации, выполнения нормы. У большинства спецконтингента зарплата колебалась от 100 до 200 руб. в месяц. Прежде чем говорить о завышенности или заниженности заработной платы переселенцев, представляется уместным привести отрывок акта обследования Нижневартовского рыбозавода: «Установлено, что рабочая Этрман без специальности заработала в октябре 205 руб., в ноябре и в декабре 117 руб. 65 к. Она в октябре на обработке рыбы 9 дней (заработок 42 р.) и 90 руб. заработала на лове. В декабре заработала 117 руб. 65 к. (работала на лове) и 9 дней болела. Рабочая Медведева Александра без квалификации заработала в октябре 221 руб., работала на перевозке пиломатериалов – заработок 154 руб., (за) хозяйственные работы заработок 67 руб. ...Рабочая Уткина Мария без квалификации заработала: октябрь – 219 руб., ноябрь – 202 руб., декабрь – 224 руб.; работала постоянно в цехе концентратов на очистке чешуи»¹⁷⁵. Максимальная месячная заработная плата спецпереселенца из поселка Норибей на добыче составила 591 руб. 2 коп, на обработке – 361. Минимальный заработок на добыче составил 361 руб. 5 коп, на обработке – 163 руб. 83 коп. Заработная плата спецпереселенцев, рыбаков Северного рыбозавода, за июль того же года составила 1 064 руб.– на добыче и 253 руб. – на обработке. У спецпереселенцев-немцев из поселка Анти-Паюта заработная плата составила – 1 272 руб. в месяц на добыче и 400 руб. на переработке, 589 руб. в строительстве. Из примера видно, что заработная плата переселенцев значительно колебалась в зависимости от характера работ, на которых они задействовались. На стабильный прирост заработка можно было рассчитывать, лишь работая более или менее длительное время на одном месте. Хотя даже при этом нельзя быть категоричным, так как существует много свидетельств дискриминации немцев в Сибири по национальному признаку. Так, например, спецпереселенка-немка Л.М. Штарк, которая попала в Самарово в 1942 г., вспоминает: «За работу нам с русскими платили по-разному. На лесозаготовках приходилось пилить одной пилой, а получать в четыре-пять раз меньше»¹⁷⁶.

Низкая заработная плата и производительность труда объясняются плохим хозяйственным устройством.

Бригады рыбаков, осуществлявшие подледный лов рыбы, находились на участках отдаленных от населенных пунктов на десятки километров. На подавляющем большинстве участков для бригады в количестве 12–17 человек

¹⁷⁴ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 23. Л. 2.

¹⁷⁵ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 101–101об..

¹⁷⁶ Русские немцы // Наша общая горькая правда: Историко-краеведческий сборник/ Ред. и сост. Л.В. Цареградская. Ханты-Мансийск, 2003, С. 211.

вообще отсутствовали какие-либо помещения для отдыха и просушки одежды. Рыбаки вынуждены были рыть и строить для себя примитивные, необорудованные и маломестительные землянки, в которых они пребывали месяцами.

Но даже при таких условиях многие немцы перевыполняли план по добыче и обработке рыбы на 100–160%. Так, например, ряд рыболовецких бригад Ямало-Ненецкого района производственное задание выполняли от 116 до 200%. Отдельные бригады (в частности, бригада Истомина), выполняли задания до 500%¹⁷⁷. Спецпереселенцы-немцы, имеющие хоть какую-нибудь квалификацию, выполняли заданную норму. За это им давали на 200 гр. хлеба больше, выделяли одеяла и другой материал. Чтобы выполнить норму, на работу выходили с раннего утра и работали до сумерек.

В поселке Норибей спецпереселенцев насчитывалось 58 чел. Из них на рыбодобыче трудились – 28, на обработке – 9, консервщиков – 21. Максимальное выполнение нормы спецпереселенцами на добыче 208%, на обработке – 123%. Среди них были ударники труда стахановцы, на добыче – 4, на обработке – 2. Минимальное выполнение нормы спецпереселенцев из Северного рыбозавода на июль 1942 г. составило на добыче 39%, на обработке – 43%. Максимальное выполнение нормы составило 433% на добыче и 139% на обработке. У рыбаков спецпереселенцев из поселка Анти-Паюта минимальное выполнение норм составило на добыче – 5%, на переработке – 92%, в строительстве – 9%. Максимальное выполнение нормы на добыче – 433%, на переработке – 111%, в строительстве – 131%. Количество ударников-стахановцев среди немцев составило: на добыче рыбы – 9 чел., на переработке – 2 чел., в строительстве – 8 чел.

Почти во всех колхозах, перевыполнивших план 1943 года, работали спецпереселенцы, завезенные годом ранее (например, в Алексинском колхозе, выполнившем план на 170%, трудились 20 спецпереселенцев)¹⁷⁸. Заслугу переселенцев можно видеть и в том, что в 1943 году был достигнут максимальный за годы войны объем вылова рыбы – 311 тыс. ц. рыбы¹⁷⁹.

Таким образом, оказавшись не по своей воле в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, немцы-спецпереселенцы сыграли огромную роль в развитии рыбной промышленности. При всех лишениях и трудностях они проявили исключительную жизнестойкость, силу духа и большое

---

¹⁷⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов.: Собрание документов в 7-ми томах. /Т.5. Спецпереселенцы в СССР /Отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 336.

¹⁷⁸ Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. 1941–1945. – Екатеринбург: Изд. дом ПАКРУС, 2005. – 224 с. С. 29; ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 11. Л. 60.

¹⁷⁹ Набокова Л.В. Ханты-Мансийский госрыбтрест в период Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: Докл. и сообщ. Ханты-Мансийск, 5–6 мая 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Волот, 2005 – 332 с. С. 208–209.

трудолюбие. В Ханты-Мансийском округе в 1943 году выловили 311 тонн 808 кг рыбы. Продукция рыбной промышленности вдвое увеличилась против 1940 года и достигла 78% к общему объему валовой продукции округа. Вылов рыбы в 1943 году в Ямало-Ненецком округе составил 226,4 тысяч центнеров (до 1942 года там ежегодно вылавливали около 100 тыс. центнеров). Благодаря самоотверженному труду тружеников-северян, спецпереселенцев за четыре военных года на Обском Севере было выловлено 1 120 000 тонн рыбы, это составило 45% всей рыбы, выловленной в годы войны в Сибири. Всего Обь-Иртышский рыбный фронт дал стране более 3 млн. центнеров рыбы. Это немалый вклад в решение продовольственной программы и немцев-спецпереселенцев.

Л.В. Малиновский (Барнаул)

Война и национальная политика СССР (Заметки современника событий)

Идеология мировой революции, которая была официальной точкой зрения коммунистов до 1941 г. и даже некоторое время в период войны, необходимо предполагала наличие по ту сторону границы или фронта не только классового врага, но и дружественно настроенного к СССР угнетенного пролетариата и даже крестьянства. Борьба этих классов за свое освобождение и даже за установление в своей стране советского строя предполагалась как непереносимое условие победы Красной армии. При этом национальные моменты и особенности стран и народов запросто игнорировались. Особенно ярко это проявлялось в отношении Германии: в советской прессе и в общественном мнении предполагалось, что в этой стране активно борются два противостоящих класса, буржуазия и пролетариат, обстановка в промышленных районах, в частности в Рурской области и в Гамбурге переносилась на представления о всей стране, роль мелкой буржуазии и крестьянства в политике игнорировалась, вес и роль компартии преувеличивались. Отражением этих примитивных взглядов в литературе была, например книга Н. Шпанова «Первый удар», где описывалась будущая война Германии против СССР, которая заканчивается победой Красной армии и восстанием германского пролетариата против Гитлера, и все это в течение...одной недели!¹⁸⁰

От представлений о ведущей роли рабочего класса в политике отказывались очень медленно. Об этом свидетельствует тот факт, что появившийся в 1943 г. новый международный многоязычный советский журнал получил название «Война и рабочий класс» (впоследствии – «Новое время»). И это несмотря на то, что тогда уже становилось ясно: германская армия невосприимчива к классовой пропаганде, а национально-патриотические настроения охватили в Германии практически все население.

Для отношения к Германии в СССР характерен такой факт, о котором недавно напомнило Центральное телевидение: семья известных журналистов М. Кольцова и М. Остен усыновила мальчика из рабочей семьи из Саарской области (которая была до 1935 г. яблоком раздора между Францией и Германией) и ввела его в высшие круги советского общества. Его восторженные

---

¹⁸⁰ В статье об этом писателе в Краткой литературной энциклопедии отмеченная книга даже не упоминается, хотя была широко известна и издана Воениздатом массовым тиражом. См.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 780.

представления о жизни в СССР даже отложились в изданной им книжке. Идеализированные представления о германском пролетариате отразились также в популярной книге В. Бределя «Твой неизвестный брат», широко был распространён также антифашистский роман Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», где изображались страдания (пока ещё только моральные!) евреев в гитлеровской Германии.

И вот на этом фоне неожиданно заключается пакт о ненападении и фактический союз с гитлеровской Германией в августе 1939 г. Тон советской прессы немедленно меняется¹⁸¹. Массы зарубежных левых и даже коммунистов отворачиваются от просоветской линии, позицию Сталина называют предательской не только на Западе, но и в странах Востока¹⁸², оглушительные победы вермахта в Европе, трудно объяснимые даже с позиций западной демократии, «странная война» создают настроения страха и неуверенности в будущем.

Колебания советской международной политики чувствительно отразились на внутренней, в том числе, и национальной политике в СССР. Достаточно указать на ликвидацию национальных районов и национальных школ в марте 1938 г., что создало массу проблем с Советами на местах и с образованием новых толп неграмотных и полуграмотных в национальной деревне. Правда, тогда ещё не дошло до ликвидации самих национальных республик, но и там положение значительно выхолащивалось за счёт чрезмерной централизации власти и идеологии, но тенденция уже была заметна, несмотря на провозглашённые в конституции 1936 года демократические свободы и формальные права.

Вторым важным моментом военного времени стало укрепление личной диктатура Сталина под флагом военной необходимости, ГКО стал фактически правительством страны, а все в ней происходящее было подвергнуто военной цензуре под лозунгом сохранения военной тайны. Страна фактически шла на войну вслепую, народ питался только слухами, терял веру в правдивость официальной информации, поскольку сообщения газет и радио часто не соответствовали наблюдаемой действительности. Пример: сводки Информбюро уже в 1941 г. читались между строк, напр. указание на «тяжелые оборонительные бои в районе города Н.» всеми понимались так, что город этот уже был захвачен германской армией.

В то же время было невозможно провести мобилизацию масс без такого средства как национальное воодушевление, отсюда резкий поворот к

---

¹⁸¹ О цензурных запретах и смене направления в это время см.: Токарев В.А. Советский культурный ландшафт в тени пакта Молотова–Риббентропа (1939–1941 гг.) // Российская история. 2010. № 5. С. 61–74.

¹⁸² Достаточно привести здесь заголовок коммунистического индонезийского журнала в 1939 г.: «Предан ли Сталин интересы пролетарской революции?». - Penoentoen, Batavia, Nov. 1939, Nr. 10.

героизации российского прошлого в выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г., его обращение к русскому патриотизму в отличие от советского, фактическое признание того, что на советском патриотизме войну выиграть нельзя и надо прибегать к «старорежимным» патриотическим идеям.

Резкий поворот от интернационализма к русскому национализму потребовал и возбуждения ненависти к другим народам, в частности к немцам как главному противнику (Эренбург, Симонов, «наука ненависти») при одновременном смягчении критики капитализма и правительств в Англии и США (журнал «Британский союзник» выходил долгие годы и описывал положение в Великобритании в идиллических тонах). В армии возросла роль русского языка, пренебрежение к другим национальностям. пришлось М.И. Калинину округлить острые углы и призвать политработников к учету национального вопроса и родного языка при работе со своими бойцами. Победа под Сталинградом и огромное количество пленных поставили на очередь вопрос о будущем Германии и Европы, пришлось создать Национальный комитет «Свободная Германия» и провозгласить лозунг «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» (в речи Сталина 7 ноября 1942 г.). Этот комитет отказался даже от защиты идеалов Веймарской республики и выступил под имперским черно-белым флагом вместо красно-золотого знамени германской демократии, которая потеряла свой авторитет уже в 1920-е гг. Характерно, что эти настроения сохраняются в Германии до сих пор – при недавнем опросе населения оказалась, что 40% хотели бы жить в империи Вильгельма, другие 40 – при Гитлере и только 2% согласны были бы жить во времена Веймара! Однако, странным образом, лозунг о неизбежности существования и даже процветания германской нации не применялся к советским немцам, хотя некоторые изменения в политике по отношению к ним были заметны уже в 1943 г.

Еще более резкий поворот национальная политика испытала в апреле 1945 г. в связи с вступлением Красной армии в Германию. Статьи Эренбурга подверглись резкой критике, начались демарши в отношении послевоенной политики, Германия была заранее поделена на зоны оккупации, но внутреннее закручивание гаек продолжалось вплоть до антиеврейских процессов и апогея культа личности в 1949–1953 гг. Расхождение внешней (ГДР) и внутренней политики существовало вплоть до 1955 г., немцы ГДР, большинство которых так или иначе содействовало фашистскому режиму, были признаны нашими друзьями по социалистическому лагерю, а наши же советские граждане немецкой национальности, никак не сочувствовавшие гитлеровскому режиму (а в большинстве своем и не знавшие, что это такое), продолжали содержаться в ссылке и под надзором, причем большинство населения страны и понятия не имело об этих репрессиях, поскольку центральная пресса хранила железное молчание до самого 1988 г.

Хрущевская оттепель предвещала возврат к разумной национальной политике (указы о немцах 1955-го и 1964 гг.) и перенос части полномочий на места (совнархозы), что встретило сопротивление аппарата и привело к перевороту в конце 1964 г. Демократизация советского строя остановилась на полпути. Реабилитация народов осталась незаконченной, неполной, что и привело потом к национальным конфликтам (Карабах, Чечня, эмиграция немцев и евреев).

Вывод: существует необходимость осмысления печального опыта и возврата к положениям 1920-х годов о правах национальностей и возрождение четкой национальной политики, которая обеспечивала бы права и полномочия национальных республик, гарантировала бы не только права отдельного гражданина, но и национальных групп (прежде всего при компактном расселении в сельской местности),¹⁸³ не давала бы почвы для произвола и дискриминации в отношении национальностей и, главное, сняла бы навсегда страх нерусского населения перед преследованиями и репрессиями по национальному признаку.

Люди не должны бояться дискриминации «по пятому пункту», а само упоминание в документах о национальной принадлежности должно напоминать властям не о второсортности данного гражданина, а о том, что его язык и культура составляют государственное достояние всего российского государства и никакие волны международной политики не должны касаться вопроса о соблюдении национальных прав человека и гражданина.

---

¹⁸³ Как недавно отметил в своем интервью «Известиям» директор Центра этнополитических исследований Эмиль Паин совместно с зам. директора Института этнографии и антропологии АН РФ В. Зориным – в России нет закона о национальных меньшинствах, а закон о национально-культурной автономии «не наполнен жизнью». См.: Известия. 2010. 25 октября.

Идеологические установки советского руководства в отношении немцев Германии и советских немцев в годы Великой Отечественной войны

Современная политическая ситуация на постсоветском пространстве характеризуется обострением в области идеологических и межэтнических отношений. В стране, внесшей решающий вклад в разгром фашизма, нередко можно встретить националистические лозунги «Россия для русских», публикации в печати о фактах преступлений на национальной почве.

Вместе с тем, идет настойчивый поиск новых путей формирования отношений между этносами, построенных на принципах демократии, толерантности. Этот процесс непростой и зачастую отягощен исторической памятью об обидах, нанесенных этносам в прошлом. Противоречия обостряются идеологическими предрассудками, предпочтениями и просто политическими спекуляциями, использующими неграмотность большинства населения в идеологических вопросах. Поэтому можно считать актуальной задачу по разоблачению идеологических мифов и спекуляций, выявлению подлинных причин имевших место в истории фактов несправедливости.

Таким фактом является депортация советских немцев в годы Великой Отечественной войны. Современные исследователи, и прежде всего А.А. Герман, Н.Ф. Бугай, В. Бруль, И. Алферова и др., внесли значительный вклад в изучение данной темы, ввели в широкий оборот документы, ранее умалчиваемые или скрывааемые, описали процесс депортации и его последствия.

Однако существуют проблемы этой темы, требующие серьезного научного анализа. Так, к примеру, важно выявить идеологические установки советского руководства, принимавшего решения по депортации. Существует упрощенное представление, что совершенное над советскими немцами насилие есть неизбежное следствие марксистско-ленинской идеологии. В данном случае смешивается понятие членства в коммунистической партии с фактом овладения этим учением. Историческая же реальность свидетельствует о том, что после смерти В.И. Ленина в РКП (б) – ВКП (б) – КПСС не было ни одного руководителя партии, постигшего марксистско-ленинское учение и способного его развивать в новых условиях. В связи с этим трудность для историка представляет тот факт, что все политические и иные решения оформлялись цитированием и ссылками на Маркса и Ленина, клятвенными заверениями «следования заветам Ильича», а реальная политическая практика по многим позициям свидетельствовала об обратном.

Другое упрощение, связано с выводами большинства исследователей, что отношение к немцам Поволжья и других регионов СССР связано с «неадек-

ватной перестраховкой» советского руководства¹⁸⁴. Но нельзя забывать, что депортациям в СССР с 1930-х до начала 1950-х гг. подверглись более 40 групп населения и полностью 15 народов¹⁸⁵. То есть, депортация советских немцев есть не изолированное явление, а элемент политического явления, носившего системный характер.

Рассматривая вопрос об идеологических установках советского руководства в вопросах об отношении к немецкому этносу в период Великой Отечественной войны, следует уточнить вопрос о понятии «советское руководство». Это связано со спецификой политического режима, сложившегося в СССР к началу войны. После смерти В.И. Ленина, уничтожения политических оппонентов внутри партии, в СССР установилась практически неограниченная власть И. Сталина. В его руках находилось назначение на важнейшие посты в партии и государстве. Эти назначения осуществлялись по принципу личной преданности «вождю народов». Поэтому необходимо, говоря об идеологических установках «советского руководства», следует разбираться в идеологических установках И. Сталина. Тем более, что в партии он считался специалистом по национальным проблемам. На X, XII съездах партии, при жизни Ленина, он выступал с докладами по национальному вопросу. В 1917–1923 гг. занимал пост Народного комиссара по делам национальностей РСФСР.

В период войны идеологическое обоснование целей и задач государства, советских воинов определялись в постановлениях, приказах, речах, докладах Секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета народных комиссаров СССР, Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР, Председателя Государственного комитета обороны, Народного комиссара обороны СССР И. Сталина. Перечисление постов и должностей И. Сталина, особенности военного времени дают понимание об определяющей роли этой исторической личности в формулировании и реализации идеологической, политической цели СССР в Великой Отечественной войне.

Конкретные цели СССР в войне определены в речи И.В. Сталина от 3 июля 1941 г.: «Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного

---

¹⁸⁴ См.: Чернова Т.Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной литературы) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М., 1999.

¹⁸⁵ Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР: история и современность // Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации, 1990–1992: Документы и материалы. М., 1993. С. 30–63.

гитлеровскими заправилами... Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов»¹⁸⁶.

Таким образом руководитель советского государства определил не только цели в войне, но и отношение к немецкому этносу Германии. Немецкий этнос разделялся на союзников в лице «немецкого народа», «лучших людей Германии», и классовых врагов – «германского фашизма» и его руководителей – «извергов и людоедов» Гитлера и Риббентропа, «немецко-фашистских войск».

Пропаганде классового подхода у советских людей и воинов в отношении к оккупантам, немецкому народу способствовали и выступления видных деятелей партии и правительства – А.А. Жданова, А.С. Щербакова, Е.М. Ярославского, Н.А. Вознесенского, М.И. Калинина и др.¹⁸⁷

В критический период войны – когда бои шли под Москвой, газета «Правда» публикует статью, в которой говорилось: «партия ставит перед Красной армией задачу – освободить угнетенный немецкий народ»¹⁸⁸. В приказе НКО СССР №55 от 23 февраля 1942 г. разъяснялось: «Сила Красной армии состоит в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к ... немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения прав других народов».

В идеологической работе, особенно по национальному вопросу, особое значение имеет терминология. Она не только отражает сущность, но и задает определенные параметры идейно-политической работы. Анализ с этой позиции выступлений И. Сталина позволяет выявить следующую закономерность. В речи от 3 июля 1941 г. касаясь врага, автор использует слова «немец», «немецкий» только в совокупности со словами «войска», «фашистский». 6 ноября 1941 г. в докладе на торжественном собрании, посвященном 24 годовщине Октябрьской революции, слово «немец» как характеристика противоборствующей стороны, использовано в 25 % случаев. В 75 % случаев противнику давалась классовая характеристика с использованием терминов «фашистские», «гитлеровские», «империалистические», «захватчики». 6 ноября 1944 г. в докладе на торжественном собрании, посвященном 27 годовщине Октябрьской революции, слово «немец» использовано в 15 % случаев. Но даже в этих случаях этническая характеристика противника – «немец», в

---

¹⁸⁶ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев: Укр. Госиздат, 1946. С. 9.

¹⁸⁷ Жданов А.А. Речь на заседании Верховного Совета СССР // Правда. 1942. 19 июня; Калинин М.И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М.: Воениздат, 1967; Ярославский Е.М. Борьба славянских народов против германского фашизма // Большевик. 1941. № 13. С. 10–22.

¹⁸⁸ Правда. 1942, 23 февраля.

контексте общего содержания доклада касалась той части, которая вторглась на территорию СССР, чинила зверства и угрожала самому существованию советских народов.

Эта закономерность прослеживается и в результатах анализа материалов «Правды», «Комсомольской правды», фронтовой печати. Практически очень сложно найти материал в центральной и фронтовой печати, где отсутствовала бы классовая характеристика врага.

Одним из видных публицистов центральной печати был И. Эренбург. Его статьи появлялись почти ежедневно в «Красной звезде», «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Труде». Они отличались остротой, эмоциональной бескомпромиссностью. Одна из существенных характеристик его творчества – концентрированное выражение ненависти, призыв к уничтожению врага. Но даже его сложно обвинить в слепой ненависти к немецкому народу. В статье «Убей!» от 24 июля 1942 г. он пишет: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье». Но эта фраза пишется после цитирования выдержек писем фашистов, раскрывающих подлинное лицо расиста, нациста. Читатели зачитывали статьи И. Эренбурга до дыр, и постоянно следили за новыми публикациями. Поэтому в памяти у читателей была и статья «О патриотизме» от 14 июня 1942 г., в которой он описал технологию расового оболванивания немецкой молодежи. В этой статье он писал: «... гитлеровцы уничтожают национальную культуру других народов. Но необходимо отметить, что они обкорнали, принизили национальную культуру немецкого народа. ...Ограничив понятие национальной культуры рамками языка или условным определением «расы», Гитлер способствовал национальной одичанию Германии». В первые периоды войны общая тональность публикаций И. Эренбурга была одна. В конце войны она изменилась. На это обратили и читатели. Отвечая 7 апреля 1945 года фронтовику на причину этого, И. Эренбург подчеркивал: «Я не писал о милосердии к немцам. Это неправда. Я писал о том, что мы не можем убивать детей и старух. Это правда. Я писал, что мы не должны насиловать немцев. Это я писал. В марте 1945 года я писал то же, что в марте 1942-го, но тогда перед нами были только немцы-солдаты, а теперь пред нами и немецкие дети. Мы должны и в победе остаться советскими людьми. Вы можете возмущаться моими статьями, это Ваше право, но не упрекайте меня в том, что я изменился – я писал и в 1942 году «мы жаждем не мести, а справедливости». Все»¹⁸⁹.

Следует признать, что особое внимание развитию ненависти к классовому врагу – немецко-фашистским оккупантам, гитлеровцам, фашистам, объясняется не только военными обстоятельствами, но и следующей причиной. Накануне войны в политико-воспитательной работе в Красной армии был

---

¹⁸⁹ Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. С. 130.

допущен ряд ошибок. Под влиянием советско-германского пакта антифашистская пропаганда практически была прекращена. В результате чего в начале войны у некоторых воинов еще сохранялись иллюзии в отношении противника, ожидание, что солдаты германской армии повернут оружие против гитлеровского руководства¹⁹⁰. Поэтому понадобилась колоссальная работа в армии, чтобы раскрыть истинный облик оккупантов, сохранив при этом чувство классовой солидарности с трудящимися Германии.

Идеологические установки советского руководства об отношении к немецкому народу, фашистскому государству и его армии пропагандировались и внедрялись партийно-политическим аппаратом Красной армии. Ключевая роль в этом вопросе принадлежала Главному политическому управлению РККА, который реализовывал свою деятельность через коммунистов и комсомольцев. О том, какая это была сила, свидетельствует хотя бы численность комсомольцев на начало войны – 1 726 тыс. чел., или 39,5% всего состава Вооруженных сил СССР¹⁹¹. Даже в условиях войны в армиях, в частях проводились семинары, совещания партийного и комсомольского актива, политзанятия с воинами.

Сопоставление тематики бесед, политзанятий с содержанием приказов НКО СССР позволяет сделать вывод о том, что в основе индивидуальной и коллективной работы с молодыми воинами лежала пропаганда приказов Народного комиссара обороны СССР. Зачастую темы политзанятий составляли фразы из выступлений, приказов Верховного Главнокомандующего. Так, наиболее типичными темами политинформаций, политзанятий были и такие: «Кто такие национал-социалисты». «Германский фашизм – злейший враг человечества», «Красная армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить Родину». «Красная армия борется за освобождение всех народов против общего врага – немецкого фашизма»¹⁹².

В начале 1942 года комсомольцы 22-й армии выступали перед красноармейцами с докладами «Идеологическое воспитание немецкой молодежи и политическая обработка солдат немецко-фашистской армии». В политдонесении отмечается, что во время этих бесед агитаторы рассказывали о социальном составе рядового и офицерского состава, о расистской обработке сознания фашистских солдат, моральном облике гитлеровцев. В августе

---

¹⁹⁰ Центральный архив ВЛКСМ. Ф.1. Оп. 5. Д. 142. Л. 23–24; Крайнюков К.В. Оружие особого рода. М.: Воениздат, 1977. С. 351–352; Алтунин А. Повесть о тревожной молодости. М.: Воениздат, 1981. С. 105; Смирнов С.С. Брестская крепость. М.: Воениздат, 1973. С. 272–290; Левин Им. Записки военного переводчика. М.: Воениздат, 1981. С. 51.

¹⁹¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. В 6-ти т. – М.: Воениздат, 1960. Т. 1. С. 465.

¹⁹² Тематика и программа политзанятий с рядовым и командным составом разведподразделений. ЦАМО РФ. Ф. 1615. Оп. 01. Д. 231. Л. 141; Тематика политзанятий. ЦАМО РФ. Ф. 1376. Оп. 01. Д. 57. Л. 91.

1943 года комсомольский актив 137-й стрелковой дивизии разъяснял молодым воинам, что создание «Национального комитета «Свободная Германия» является подтверждением наличия здоровых сил в немецком народе, убеждали в необходимости оказания ему интернациональной помощи в освобождении от нацистского режима»¹⁹³. Это только два документа из огромного массива материалов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны СССР (с 1992 г – ЦАМО РФ) и раскрывающих огромную работу партийно-политического аппарата по воспитанию у советских воинов качеств интернационалиста.

В годы войны, как в период освобождения своей территории, так и позднее, воины Красной армии проявили себя интернационалистами. Вспоминая об этом времени, маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Честно говоря, пока шла война, я был полон решимости воздать сполна гитлеровцам за их жестокость. Но когда, разгромив врага, наши войска вступили в пределы Германии, мы сдержали свой гнев. Наши убеждения и интернациональные чувства не позволили нам отжаться мести»¹⁹⁴. Принимая во внимание ожесточенность вооруженной борьбы, зверства, чинимые фашистами на советской земле, можно утверждать, что интернациональные качества советских воинов в значительной мере определялись результатами идеологической работы в предвоенные годы, были обеспечены реализацией идеологической установки советского руководства на формирование и развитие классового отношения к противнику. Согласно этой установке формировалась классовая ненависть к германскому фашизму, гитлеровскому руководству, немецко-фашистским войскам. С другой стороны, немецкий народ считался жертвой нацизма, задачей советских воинов считалось его освобождение от гитлеровского режима.

Признавая, что советские воины в годы проявили интернационализм, нельзя отрицать случаи мародерства, насилия, жестокости, проявленные в отношении мирного населения на территории Германии. Они объяснимы характером войны, потерями, понесенными советскими воинами в годы войны. Практически каждый воин потерял на войне близкого человека – родственника, товарища. Кроме того, в контексте формирования чувства пролетарского интернационализма, на первых этапах войны ключевое внимание уделяли такому элементу общественного сознания, как ненависти к врагу. Хотя и классовой, но ненависти. Ненависть, это чувство, которое формировалось не только в результате целенаправленной идеологической работы, но и подпитывалось, обострялось пережитым на протяжении 3 лет вооруженной борьбы, увиденным результатами зверств, чинимых

¹⁹³ Политдонесение политотдела 22-й армии. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11310. Д. 33. Л. 375; Политдонесение политотдела 137-й стрелковой дивизии. ЦАМО РФ. Ф. 1360. Оп. 1. Д. 65. Л. 84.

¹⁹⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: 1978. Т. 2. С. 382.

фашистами. Любая война деформирует сознание людей. Ненависть нельзя сформировать за одно мероприятие, но и нельзя перестать ненавидеть по приказу. Но они получили соответствующую оценку, были приняты меры по пресечению таких случаев и активизации работы со стороны политорганов по пропаганде интернациональной миссии Красной армии.

Следует учитывать и тот факт, что эти случаи находились в прямом противоречии с принципом пролетарского интернационализма, пропагандируемом руководителем партии и государства, ГКО. В связи с этим можно утверждать, что они закономерно носили локальный характер. Политический режим, установленный И. Сталиным, не допускал игнорирования указаний своего лидера.

Гораздо более сложно определить идейные установки советского руководства в отношении этнических немцев, проживавших в Советском Союзе.

Идеологическая схема агитационно-пропагандистской работы по развитию интернациональной солидарности и сплоченности воинов Красной армии различной национальности в годы войны содержала следующие компоненты: пропаганда достижений советской власти в области решения национального вопроса; раскрытие планов противника и зверств фашистов в отношении советских народов с классовых позиций; значения дружбы народов СССР как одного из важнейших источников военных успехов; пропаганда героизма и примеров дружбы и взаимовыручки воинов разных национальностей. Практически в каждом выступлении И. Сталина тема «превращения семьи народов СССР в единый, нерушимый лагерь» получала свое освещение и раскрытие.

Логичной представляется деятельность партийных органов, средств массовой информации в период до конца августа 1941 г., которые активизировали среди немцев агитационно-пропагандистскую работу по интернациональному сплочению, развитию чувства советского патриотизма. Кроме того, были предприняты меры по использованию советских немцев в контрпропагандистской кампании на гитлеровских солдат.

Однако, 28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Немцы были обвинены в «сокрытии в своих рядах шпионов и диверсантов». Правительство решило переселить всех немцев из Поволжья (около 433 тысяч человек) в Новосибирскую, Омскую области, Алтайский край, Казахстан и т.д.¹⁹⁵ Затем депортировали немцев и из других областей Европейской России. Общая численность депортированных немцев, по данным исследователей, оставила 800 тыс. человек¹⁹⁶. Помимо этого началось изъятие красноармейцев немецкой национальности из Красной армии. В действующей армии в

---

¹⁹⁵ Селиванов А. Российские немцы: зигзаги судьбы. – www.rusedina.org.

¹⁹⁶ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. М.: Готика, 1998.

начале войны находилось свыше 33,5 тысяч человек¹⁹⁷. В 1942 году началась мобилизация немцев в возрасте от 17 лет в рабочие колонны (трудовую армию). Трудармейцы строили заводы и шахты, работали на лесозаготовках, в рудниках. По разным оценкам, вследствие депортации погибло до трети российских немцев.

Если отношение к советским немцам в период до 28 августа 1941 г. вполне соответствовало декларируемой руководством страны верности принципу пролетарского интернационализма, то последующие установки и политические действия были в коренном противоречии с ними. И. Сталин призывал советских воинов к освобождению трудящихся Германии, и в то же время отправлял своих граждан в «трудовые лагеря», требовал укреплять дружбу народов СССР, и в это же время ликвидировал Автономную республику немцев Поволжья...

Резкое изменение отношения к советским немцам происходило в сложной военной ситуации. Но оно не диктовалось марксистско-ленинской идеологией. Для понимания этого достаточно проанализировать взгляды Ленина и Сталина по национальному вопросу.

В 1913 году вышла статья И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Она получила положительный отзыв В.И. Ленина. Но в 1922 году между ними возникли серьезные разногласия по поводу «грузинского дела», по вопросу о принципах создания нового государства. Каждый из них оставался верным основному постулату коммунистической идеологии – выражение и защита интересов рабочего класса. Но и Ленин, и Сталин имели собственную точку зрения о путях, средствах, методах реализации этих интересов. И. Сталин поддержал рукоприкладство С. Орджоникидзе в конфликте с лидерами местных большевиков Грузии, которые желали сохранить автономию от Москвы. Со стороны Ленина поступок С. Орджоникидзе и позиция И. Сталина вызвали резкое осуждение. И. Сталин был сторонником создания нового государства на принципах автономии, при решающей роли «центра», В.И. Ленин – на принципах союзного государства с предоставлением больших прав союзным республикам. Оба при этом осознавали преимущества централизованного государства. Для И. Сталина была характерна абсолютизация отдельных положений марксистской теории, вне зависимости от особенностей реальной ситуации, склонность решения проблем административными, волевыми методами. Анализ трудов В.И. Ленина по национальному вопросу позволяет считать, что с его стороны учитывались степень политической зрелости, особенности и традиции культуры межнациональных отношений, готовность масс, народа к принятию варианта той или иной модели многонационального государства. В конечном итоге, хотя новое государство и декларировало союзный характер, фактически была реализована сталинская

---

¹⁹⁷ Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья. –www.sgu.ru.

модель советского государства. Было создано государство с гипертрофированными функциями центра, с абсолютной подконтрольностью союзных республик.

Данный пример показателен в плане раскрытия таких характерных черт деятельности Сталина И., как догматизм и схематизм, отсутствие диалектики. А диалектика является ключевым методом марксистско-ленинского учения. Игнорирование диалектики фактически означает формирование другой идеологии. Озвученный еще сотрудником И. Сталина – Л. Кагановичем, термин «сталинизм» позволяет более точно охарактеризовать идеологическую установку советского руководства в отношении немецкого этноса в годы войны. И устранить то противоречие, которое возникало при использовании терминов для характеристики политических решений в отношении немецкого этноса.

Для идеологии сталинизма характерны субъективизм, игнорирование прав не только отдельных людей, но и этносов, огромное влияние негативных качеств личности на идеологию и политическую практику. Об отдельных негативных качествах И. Сталина в свое время предупреждал В.И. Ленин в своих письмах к съезду¹⁹⁸. лительное нахождение у власти только усугубило недостатки. Так к началу войны усилилась подозрительность И. Сталина. Жертвами сталинской подозрительности в 1930–1940-е годы стали многие его товарищи по партии, видные военачальники, деятели культуры. Среди репрессированных по подозрению были люди разных национальностей.

Определенный интерес представляет публикация В. Дизендорфа «Депортация немецкого населения СССР в начале 1940-х гг.: механизм принятия решений». Автором предложена схема механизма принятия решений о депортации немецкого населения: «НКВД – Политбюро – правительство – НКВД». Но с точки зрения идеологических установок данную схему нельзя признать исчерпывающей. При всей колоссальной власти руководителя НКВД Л. Берия, он мог проявлять только такую инициативу, которая соответствовала установкам И. Сталина. Поэтому при анализе документа № 195 – спецсообщения Берии Сталину от 25 августа 1941 г. № 2514/6 следует обратить внимание на фразу: «В соответствии с Вашими указаниями (выделено нами – Н.К.) при этом представляю проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке переселения из Республики немцев Поволжья и Саратовской и Сталинградской областей»¹⁹⁹. Причем, при анализе данного документа представляется целесообразным помнить о специальной директиве ЦК ВКП(б) «Нац. ЦК, крайкомам, обкомам ВКП(б)» от 5 ноября 1934 г. В документе центрального органа партии отмечалось: «... в районах,

---

¹⁹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

¹⁹⁹ Дизендорф В. Депортация немецкого населения СССР в начале 1940-х гг.: механизм принятия решений. www.wolgadeutsche.ru.

населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути, делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам или другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим элементарную лояльность к советской власти... ЦК ВКП (б) ... предлагает принять по отношению к активным контрреволюционерам и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу»²⁰⁰. Знание особенностей аппаратной работы не оставляет сомнения, что документ от 1934 года носил характер указания на длительное время.

С другой стороны, обращает внимание на себя тот факт, выделенный научными исследователями, что взаимоотношения советской власти с немецким этносом с самого начала нельзя признать беспроблемными. В связи с этим заслуживает внимание точка зрения Германа А.А., считающего, что «идеология большевизма и национальная психология российских немцев практически не имели точек соприкосновения. Их столкновение после прихода большевиков к власти становилось неизбежным»²⁰¹. Действительно, ментальность и такие национальные черты немецкого этноса, как высокая религиозность, строгое следование христианским заповедям, организованность, дисциплинированность, исключительное трудолюбие, любовь к порядку, рачительность, развитое чувство хозяина своей собственности, почтительное отношение к собственности ближнего и т. п., находились в противоречии с руководящими идеологическими постулатами РКП (б). С этой точкой зрения в отношении сталинской интерпретации марксистского учения можно согласиться. Но, если принять во внимание, что коммунистическая идеология вплоть до смерти В.И. Ленина (для которого просто не было абсолютных догм) находилась в диалектическом развитии, если учесть характер теоретического поиска по ключевым проблемам теории, считать фатальным столкновение советской власти и немецкого этноса, абсолютную неспособность коммунистов в решении национальных вопросов, было бы неверным.

Нельзя обойти еще один аспект этой сложной проблемы. С нападением гитлеровской Германии на СССР, советские немцы оказались в сложной ситуации, в которой большинство политиков принимают схожие решения. К примеру, после вступления США во Вторую мировую войну, японцы, проживавшие в Соединенных Штатах, были интернированы, подверглись принудительному переселению. Отличие состоит в том, что американское

---

²⁰⁰ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге: 1918–1941. 2 изд. М., 2007. С. 327.

²⁰¹ Герман А.А. Большевизм и российские немцы // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999.

правительство принесло официальные извинения и чек на 20 тыс. долларов каждому японцу, интернированному в США в годы Второй мировой войны, а советское правительство руководство так и не набралось мужества принести извинения, не говоря о материальных компенсациях²⁰².

Несмотря на ссылки верности марксизму-ленинизму, фактически идеологическая концепция советского руководства в национальном вопросе, реальная политическая практика в отношении к немецкому этносу (также как и к другим репрессированным этносам) коренным образом отличалась от нее. Правильнее назвать ее сталинистской, а идеологию – сталинизмом.

Таким образом, говоря об идеологических установках советского руководства в отношении немцев Германии и советских немцев в годы войны, необходимо признать авторство за И. Сталином. Его идеологическая концепция основана на догматической интерпретации марксистско-ленинского учения по национальному вопросу; субъективизме при реализации принципов пролетарского интернационализма, игнорировании и нарушении гражданских, политических прав советских немцев; волюнтаризме, отягощенном такими личными качествами, как подозрительность, недоверие, мстительность.

---

²⁰² Психология массовых коммуникаций Ричард Харри. www.bisnesbook.ru; Ольмерт поступил честно – но так ли хороши его планы? www.base.iyc.ru; За дедушку. www.vremya.ru.

ДЕПОРТАЦИЯ, ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ЖИЗНЬ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

И.В. Черказьянова (Санкт-Петербург)

Депортация российских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир

Любая миграция, независимо от мотивов перемещения групп людей, влечет за собой значительные изменения в образе жизни и сознании участников процесса.

Депортация как способ борьбы с неугодными группами населения была известна в Европе уже в XV веке, особенно активно она стала использоваться в XX веке. Современное общество также имеет опыт депортаций, хотя и не такой масштабный, как в годы войны. Например, в различных странах ведется борьба с нелегальными трудовыми мигрантами.

В СССР массовые выселения людей стали привычным явлением в 1930–1950-е годы. Исследователями подсчитано, что в этот период депортации подверглись более 40 групп населения и полностью 15 народов²⁰³. Репрессирующая повседневность становилась нормой. Следует подчеркнуть, что в основе всех этнических депортаций в СССР лежало недоверие властей к гражданам собственной страны, убежденность в их неблагонадежности.

Депортация целых народов имеет наиболее глубокие деструктивные последствия в материальной и духовной сферах, как для всего этноса, так и для отдельного индивидуума. На примере российских немцев можно утверждать, что отголоски насильственного изгнания из родных мест звучат в нескольких поколениях – в старшем поколении (жертвы), их детей (малолетние жертвы), внуков и правнуков (носители исторической памяти).

Депортация немцев была многофазной, ее хронология подробно изложена в научной и публицистической литературе, поэтому отметим лишь основные вехи.

Первые группы немцев стали принудительно выселять еще до начала войны. 28 апреля 1936 г. СНК СССР принял постановление «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Число немцев в этом потоке было незначительным, поэтому высылку стали воспринимать как «польскую». Н.Ф. Бугай так оценивает эту акцию: «Депортация поляков и немцев

---

²⁰³ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: Аиро-XX, 1995. С. 5.

с территории Украины, проведенная до начала Великой Отечественной войны, одно из тяжчайших преступлений, совершенных Сталиным, его административно-командной системой. Без суда и следствия, даже без письменного обвинения было депортировано около 10% населения этих районов республики»²⁰⁴.

Летом 1940 г. в ходе зачистки погранзоны на крайнем северо-западе страны часть «нежелательных» народов была перемещена в Карело-Финскую ССР, а другая, в том числе немцы (1743 чел.), были отправлены в Алтайский край. Среди депортированных были семьи немецких колонистов из-под Ленинграда, раскулаченных в начале 1930-х годов и высланных на Кольский полуостров.

Первыми в военный период от депортации пострадали немцы Крыма. В соответствии с постановлением Совета по эвакуации № СЭ-75с от 15 августа 1941 г. 60 тыс. немцев Крымской республики были высланы в Орджоникидзевский край и три тысячи – в Ростовскую область²⁰⁵. Но уже через месяц, 25 сентября 1941 г. началась депортация населения с Северного Кавказа, включая Орджоникидзевский край, и немцы, уже изгнанные из Крыма, подверглись повторному выселению. Забегая вперед, отметим, что немцы Крыма были не единственными, кого перебрасывали с места на место. Настоящей трагедией стала повторная депортация немцев, оказавшихся в Сибири и направленных на рыбные промыслы. Она была вызвана постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» от 6 января 1942 г.

Массовая депортация немцев началась осенью 1941 г. после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Впервые за всю историю советских депортаций была указана причина принудительного выселения – предотвращение политических преступлений. По официальным данным, с 3-го по 20 сентября 1941 г. из Поволжья было выселено 438,7 тыс. человек, в т.ч. из АССР НП – 365 764 человек.²⁰⁶ Имеются данные и о численности детей среди выселенных немцев Поволжья – 178 694 чел. (47,7%),²⁰⁷ т.е. дети составляли почти половину от общего числа депортированных.

В соответствие с закрытым постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» мужчины в возрасте 16–60 лет были мобилизованы в строительные батальоны. Исполнение постановления началось на следующий день после

---

²⁰⁴ Там же. С. 12.

²⁰⁵ Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. М.: Готика, 1998. С. 30.

²⁰⁶ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 2000. С. 140.

²⁰⁷ Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. №9. С. 36.

его выхода. Семьи оставались без отцов, без старших братьев. Поэтому дети немцев Украины раньше, чем их сверстники с Волги, становились сиротами при живых родителях. Вслед за этим, согласно постановлению ГКО от 22 сентября 1941 г., началось выселение немцев из Запорожской, Сталинградской и Ворошиловградской областей.

Немцы Ленинграда и Ленинградской области были депортированы в соответствии с приказом НКВД СССР №001175 от 30 августа 1941 г. и постановлениями Военного совета Ленинградского фронта №196сс от 26 августа 1941 г., №00713 от 9 марта 1942 г. и №00714а от 20 марта 1942 г. По данным В.Н. Земскова, во время войны из этого района всего было выселено 11 тысяч немцев²⁰⁸. Трагизм судьбы ленинградских немцев заключался в том, что их депортация проводилась уже в условиях блокады – вражеское кольцо вокруг города замкнулось раньше, чем успели приступить к депортации. Значительная часть Ленинградской области оказалась в оккупации, поэтому немцы, оставшиеся на захваченной противником территории, были угнаны в Германию. Оставшиеся на блокированной территории жители немецких поселений и города, пережив самую страшную зиму 1941/42 года, были депортированы как особый контингент, не вызывающий доверия у властей, как потенциальные предатели.

Казалось бы, осенью 1941 года в стране не осталось территорий, откуда не было бы депортировано немецкое население. Но «охота» за отдельными группами немцев продолжалась и в разгар войны. Весной и в начале лета 1942 г., в ходе неудачного контрнаступления Красной армии, органам НКВД удалось провести депортацию немцев из областей Харьковской (854 чел.) и Ворошиловградской (2748 чел.), продолжив, тем самым, депортации осени 1941 г. По сведениям, которые приводит Н.Ф. Бугай, в марте 1942 г. проводилась трехдневная зачистка территории бывшей АССР НП.²⁰⁹

Из-за стремительного наступления гитлеровцев часть немецкого населения Белоруссии, Молдавии, Украины, Северного Кавказа, северо-западных областей РСФСР осенью 1941 г. оказалась в зоне оккупации и в период с января 1942 г. (Ленинградская область) до весны 1944 г. (Украина) подверглась административному переселению на территорию Польши и Германии.²¹⁰ После окончания войны основная часть советских граждан, включая немцев, была репатриирована. Репатриация для советских граждан была обязательной, возвращали независимо от желания человека, что позволяет говорить об этой репатриации как одной из форм принудительной миграции, как о депортации.

---

²⁰⁸ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 94.

²⁰⁹ Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 33.

²¹⁰ Айсфельд А. Административные переселенцы // Немцы России: Энциклопедия. Т. 1: А–И. М.: ЭРН, 1999. С. 29–31.

Масштабы депортации немецкого населения были таковы, что в исследовательской литературе 1941-й год называют «поистине немецким».²¹¹

Проблема социально-психологических последствий депортации прослеживается на разных уровнях и в разных сферах жизни общества и личности. Были затронуты все стороны жизни: политическая, общественная и трудовая деятельность, сфера образования и родного языка, вопросы религии и церкви, семейно-брачные отношения. В значительной степени именно депортация предопределила весь дальнейший ход развития немецкого этноса. Проблема последствий депортации – это и проблема рефлексии – отражения событий прошлого в сознании отдельного человека, в исторической памяти поколений, в общественном сознании и науке. В настоящей статье дается самый общий абрис проблем, связанных с последствиями депортации.

Каждый этап депортации (выселение, следование к новому месту, адаптация к новым условиям) порождал стресс. Остановимся на основных этапах стрессовой ситуации и последующего состояния немцев.

Выселение было связано с расставанием, рвалась связь с отчим домом – домом предков, с родными местами и в целом с прошлым. Безнадзорными оставались дом, хозяйство, могилы родных. Люди сразу переходили в разряд бездомных, создавалась неуверенность, тревога за будущее. Для Ирмы Шерер из села Альт-Варенбург АССР НП образ покинутого дома на всю жизнь был связан с запахом спелых яблок, сваленных той осенью в одной из комнат. Тот дом – это мать, в последний раз оглядывающая комнаты, поправляющая постель.²¹²

Изъятие имущества при выселении лишило семью материальной основы ее существования. Мужчина утратил статус кормильца, а женщина уже не могла отвечать за устроенность быта и воспитание детей, т.к. вместо созидательной работы на благо семьи и общества началась борьба за элементарное выживание.

Одновременно с депортацией перекраивалось административно-территориальное устройство СССР. Была ликвидирована Республика немцев Поволжья с передачей ее территории соседним областям. Политический статус этноса был понижен, тем самым была порождена современная проблема восстановления республики, которую пытались решить активисты немецкого движения в 1960–1990-е годы. Вопрос не снят с повестки дня до настоящего времени. После депортации с карт исчезли немецкие названия сотен населенных пунктов, основанных немцами. Их переименование способствовало стиранию всякой памяти в сознании нового населения.

Этап выселения связан и с условиями сборов в дорогу и следования к новому месту.

---

²¹¹ Джуха И. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х годов. СПб., 2008. С. 19.

²¹² Петри Л.О., В.Т. Петри. Немцы Таймыра. М.: ЗАО «МЧНК-пресс», 2006. С. 37.

Обстоятельства, при которых люди собирались в путь, предопределяли качество их жизни в первые месяцы после депортации. Если верить официальным документам, люди могли взять с собой от 200 кг до 1 тонны продуктов, имущества, но в жизни было иначе. Поспешность и непродуманность организации переселения приводили к тому, что многие семьи вообще оставались без теплой одежды и необходимого запаса продуктов.

Воспоминания пестрят свидетельствами того, что людям разрешили взять лишь самое необходимое, то, что могли унести на себе. А.А. Горр, уроженец Поволжья вспоминает: «Нам сразу не повезло – еще при отправке из села на телегах места были только для детей и пожилых людей, поэтому теплые вещи и одежду брать не разрешили, заявив: через 2–3 месяца вернетесь. Позже мы своими жизнями за это расплачивались»²¹³. За семь месяцев с момента депортации в семье Горр, оказавшейся на Таймыре, скончались семь человек из девяти. В.В. Браун из Поволжья приводит подобные же воспоминания. Семья не могла взять много – у матери на руках был грудной ребенок и другой малолетний сын, у бабушки сломана рука, единственный человек, который мог хоть что-то нести, был отец²¹⁴. Похожая ситуация сложилась и в семье Христиана Бехтгольда, депортированной из Запорожской области. Главу семьи и старшего сына Ивана «забрали» еще до выселения, как выяснилось позже, на принудительные работы. Супругу с ее парализованной матерью и четырьмя детьми в возрасте от 4 до 15 лет депортировали в Казахстан. Они почти ничего не могли взять с собой²¹⁵.

Физическое и моральное унижение люди стали испытывать уже в ожидании отправки, а затем и в дороге. Семьи поволжских немцев в течение нескольких дней, под открытым небом, ожидали составы на станциях Медведица, Урбах, Энгельс, Неткачево, Камышин. Так, семья Беллер Анны Каспаровны из Красного Яра несколько дней оставалась на вокзале в Энгельсе²¹⁶. Затем началось движение на восток. Забитые железнодорожные станции, длительные стоянки и страх отстать от состава. Но люди все равно терялись в пути следования. А.А. Шадт указывает, что отставание становилось массовым и доходило до 100 человек на состав.²¹⁷ Скученность в неприспособленных для перевозки людей вагонах, совместное размещение мужчин и женщин, детей

---

²¹³ Там же. С. 40.

²¹⁴ **Соломонович Ф.** «Узники совести» в краю белых ночей. Екатеринбург: АМБ, 2009. С. 67.

²¹⁵ **Черказьянова И.В.** Историко-этнографическая реконструкция хроники семьи Бехтгольд // Вопросы германской истории / Отв. ред. С.И. Бобылева. Днепропетровск: РИО ДНУ, 2004. С. 148–158.

²¹⁶ **Малова Н.А.** Депортация и трудармия в судьбах поволжских немцев (по материалам историко-этнографических экспедиций в Поволжье 1995–1998 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. / Науч. ред. А.А. Герман. М., 2001. С. 180.

²¹⁷ **Шадт А.А.** Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 16.

и взрослых, больных и здоровых, нехватка воды и пищи, невозможность интимного отправления естественных потребностей – все это длилось не один день. Смерть и появление новорожденных – самые сокрушительные события в жизни человека происходили на виду у всех, в тяжелых условиях. Умерших невозможно было похоронить по традиционным обрядам. Упоминаются случаи, когда трупы младенцев закапывали в железнодорожную насыпь.

При выселении люди становились невольниками, их свобода была ограничена, они конвоировались как преступники. При этом они оставались в полном неведении, куда их везут, а судьба зависела теперь от чужих – вооруженных охранников. Неопределенность угнетала не меньше, чем физические страдания в пути.

Следующий этап, связанный с депортацией, это – поселение на новом месте, адаптация к новым условиям, а затем перевод в статус спецпоселенцев. Без преувеличения можно сказать, что это была непростая встреча с новой, часто чужой культурой, другим менталитетом старожилов, непривычными природными условиями.

Немцев часто воспринимали как фашистов, что сразу устанавливало границы общения с местным населением, особенно на первых порах. В сознании немцев были «мы» и «они». Ирма Грош, 1935 г.р., из села Grimm Саратовской области вспоминает о нерадушной встрече их, немцев, в селе Ильинка Красноярского края: «Мы были немцами – с нами шла война, нас восприняли как немцев-фашистов, мы явились жертвами пропаганды. Особенно трудно было нам, детям. Хоть не появляйся на улице – сразу закидывали нас камнями и плевали в лицо»²¹⁸. В то же время немало свидетельств доброжелательности местного населения к депортированным немцам. По воспоминаниям Л.А. Буттерус, в с. Гагарино Называевского района Омской области местное руководство расселило приезжих в шести домах, где жили одни старики. Никаких конфликтов не было²¹⁹. Повезло, если вообще можно говорить о везении при депортации, тем, кто попал в немецкие села. В этом случае люди встречали сочувствие у местного населения, они попадали в привычную культурную и языковую среду. Как пишет А.К. Вормсбехер, депортированный из Поволжья в село Александровку под Омском: «Здесь мы обрели вторую родину, и дальнейшая судьба была у нас общая»²²⁰.

Суровая природа Сибири и Казахстана, экстремальные условия существования, новые, непривычные профессиональные занятия – все это усугубляло стрессовую ситуацию переселенцев, а часто ставило и вопрос о дальнейшем их существовании. Особенно тяжелой оказалась доля тех, кого вторично переселили на Север, на рыбные промыслы. Северный климат не оставлял выбора

---

²¹⁸ Петри Л.О., В.Т. Петри. Указ. соч. С. 57.

²¹⁹ Малова Н.А. Депортация и трудармия в судьбах поволжских немцев... С. 182.

²²⁰ Вормсбехер А. В сибирской глубинке. М.: СЕПТИМА, 1993. С. 177.

– жизнь зависела от двух факторов – наличия жилья и теплой одежды. Люди, не обеспеченные работой, а значит и питанием, становились «лишними», обреченными на гибель. Никогда не занимавшиеся рыболовством, немцы должны были осваивать новую профессию с риском для жизни. По воспоминаниям М. Флейшман из села Кинг АССР НП, трагедией оборачивался Енисей для людей летом: «На широком Енисее волны страшные, люди не умели управлять лодками. Сколько их там утонуло, одному Богу известно...»²²¹.

Оказавшись на Крайнем Севере, в непривычно суровых условиях, при неготовности властей обеспечить людей одеждой, жильем и работой, немцы были обречены на гибель.

Новые условия жизни, несмотря на всю тяжесть, оставляли толику оптимизма, т.к. сохранялась надежда, что с окончанием войны можно будет вернуться домой. Но состояние «пришлости», временного пребывания сменилось отчаянием после издания указа 1948 г. о вечном поселении. Этот статус спецпоселенцев сохранялся до конца 1955 года.

Возвращение в родные места вскоре после отмены режима спецпоселения или поездки в родное село по прошествии многих лет сопровождалось с большими трудностями и глубокими переживаниями. Этот этап в жизни немцев рассматривается в литературе в основном как проблема восстановления Республики немцев Поволжья. Но практически нет исследований, направленных на изучение состояния отдельных семей и отдельной личности, вернувшихся или пытавшихся вернуться домой.

Запрет на возвращение в родные места на многие годы оттягивал эту встречу, вселяя в людей чувство обреченности. Но и после снятия немцев со спецучета сохранялось депрессивное состояние. Так, секретарь Каргасокского райкома ВКП(б) С. Далызин докладывал 21 февраля 1956 г. в Томский обком партии о настроениях спецпоселенцев, снятых с учета. По его сведениям, украинцы, латыши, литовцы и эстонцы были решительно настроены выехать уже с первым пароходом или даже не дожидаясь навигации, а значительная часть немцев собиралась остаться в местах поселения. В Молчановском районе из 1312 немцев выехать собирались лишь 203 человек (15,5%)²²². В документах не говорится, куда именно собираются выезжать спецпоселенцы. Но у прибалтийских народов и украинцев остались родные села и города, где жили их родственники, друзья, важно и то, что у них остались их национально-территориальные образования. Куда было возвращаться немцам, если их жизненное пространство было сужено до границ места ссылки: АССР НП больше не существовало, дома заняты, а все родные находятся где-то поблизости в Сибири или Казахстане?

---

²²¹ Петри Л.О., В.Т. Петри. Указ. соч. С. 47.

²²² Из истории Земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки: Сб. док. и материалов / Ред. кол., отв. ред. Б.П. Тренин. Томск, 2001. С. 303.

В родных местах людей ожидали и радость, но чаще разочарование. На Украине и под Ленинградом многие поселения были разрушены («ничего не осталось, кроме колодца»), оставленные села утратили свой прежний облик, исчезли многие могилы («попала бомба в могилу бабушки»), дома были заняты чужими людьми. В бывших местах расселения немцев стала исчезать память о пребывании здесь некогда другого населения.

Н.А. Малова проанализировала ситуацию в Поволжье после выхода в свет указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»²²³. С 1972-го по 1979 г. в Саратовскую область вернулось не менее 11 тыс. немцев. В следующее десятилетие поток возвращающихся немцев увеличился, но он не приобрел характер масштабного переселения. В 1988 г. немцы составили 0,7% от всей численности населения Саратовской области. За прошедшие годы со дня депортации выросло новое поколение людей, которое стало воспринимать Сибирь или Казахстан как родину. Это была одна из причин «неохотного» возвращения немцев в Поволжье.

Изучение опыта возвращения в родные края неизбежно затрагивает и вопрос о состоянии тех людей, которые не по собственной воле стали владельцами чужой собственности. Но это отдельная тема.

Отдаленные психологические последствия депортации проявляются на разных уровнях и сегодня – на уровне этнической общности, семьи и отдельной личности.

Депортации предшествовало обвинение немцев в их политической неблагонадежности, что было заявлено в широко опубликованном указе от 28 августа 1941 г. Причины выселения были надуманными, но в 1941 г. государство наложило клеймо потенциальных предателей на сотни тысяч советских граждан немецкого происхождения, а ругательство «фашист» на бытовом уровне, обращенное к немцам, сохранялось долгие годы.

Немцы были лишены собственного жизненного пространства, что особенно ярко проявилось после отмены режима спецпоселения. Даже если бы им разрешили вернуться в родные места, людям фактически некуда было возвращаться. Депрессия проявлялась в том, что большинство немцев даже не пытались покинуть места ссылки, какими бы тяжелыми для жизни они ни были.

После введения режима спецпоселения в сознании людей постепенно стал формироваться образ новой родины, которой стали Сибирь или Казахстан. Однако ностальгия, тоска по прежней родине не проходила. В доме Юдифь Валл, жившей в Караганде, всегда висела репродукция с изображением «Ласточкиного гнезда», как символ утраченного отчего дома в Крыму. Эта память о месте жительства предков сохраняется и в новых поколениях. Поэтому не случайно

²²³ Малова Н.А. Миграционные движения немцев в Саратовском Поволжье (1970–1980-е годы) // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.) / Науч. ред. А.А. Герман. М., 2003. С. 226–231.

в последние годы турагентства Украины успешно развивают «ностальгические» поездки для немцев и меннонитов в Германии, Канаде, США, Латинской Америке, чьи предки покинули Россию (СССР) в разное время.

В условиях депортации и режима спецпоселения наблюдается рост религиозности немцев, т.к. религия стала играть компенсирующую роль и замещала утраченные ценности путем символической трансформации социальной системы, в то время как в жизни все оставалось без перемен.

Депортация оказала разрушительное влияние на культуру и образование немцев. В 1941 году немцы лишились последнего островка национального образования, который еще оставался в АССР НП после ликвидации немецких школ в СССР в 1938 г. С ликвидацией республики были закрыты все национальные учебные и культурные заведения, а немецкий язык превратился в общественном восприятии в язык врагов.

В результате этнических выселений резко сузилось в целом образовательное пространство для многих народов. Неравенство в области образования для немцев выразилось в том, что в первые годы после депортации подавляющее большинство детей не имели возможности посещать школы, в т.ч. и из-за незнания русского языка. Например, в феврале 1946 г. в Киргизской ССР насчитывалось 21 174 ребенка спецпереселенцев школьного возраста, из них не посещали школу 16 149²²⁴. По состоянию на 15 сентября 1950 г., в Казахстане из 77 531 немецкого ребенка школьного возраста не обучались 8 484 (11%)²²⁵. По итогам Всесоюзной переписи 1989 г., немцы занимали одно из последних мест по уровню грамотности, в то время как в 1939 г. они стояли на пятом месте.

Немецким учителям не доверялось преподавание гуманитарных предметов. В Казахстане на этот счет имелся специальный приказ Министерства просвещения республики. В Кокчетавской области в 1950/51 учебном году работали 294 учителя-спецпоселенца, в основном преподавателями начальных классов и точных наук, а учителя гуманитарного профиля постепенно освобождались от преподавания общественных наук²²⁶. В 1952 г. в школах Томского района Томской области работало 11 учителей-немцев, из них один преподавал физику и математику, один работал в начальных классах, остальные обучали немецкому языку. На всех этих учителей имелись компрометирующие материалы в управлении МГБ²²⁷.

Для немцев было затруднено поступление в вузы. Секретным постановлением ЦК КП(б) Казахстана от 28 мая 1952 г. прекращался прием спецпоселенцев в Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова, в Алма-Атинский юридический, Казахский горно-металлургический, физкультурный и педагогический

²²⁴ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 131.

²²⁵ Из истории немцев Казахстана. 1921–1975: Сб. документов / Отв. ред. Г.А. Карпыкова. Алматы; М.: Готика, 1997. С. 160.

²²⁶ Там же. С. 162–163.

²²⁷ Из истории Земли Томской. С. 274–275.

институты, а также в консерваторию. Кроме того, определялся список вузов Алма-Аты, куда ограничивался прием спецпоселенцев, и устанавливалась квота на ежегодный прием²²⁸. В томских вузах и техникумах в начале 1952 г. обучалось лишь 58 немцев, все состояли на спецучете. Из них в университете было 4 студента, политехническом институте – 12, педагогическом институте – 6, мединституте – 5, учительском институте – 1, педучилище – 1. Преобладали студенты техникумов и училищ (политехникум – 10, горный техникум – 5, финансово-кредитный техникум – 3 и др.)²²⁹. Ограничения на выезд молодежи для учебы в период действия спецучета привело к развитию заочного обучения для спецпоселенцев.

Последствия депортации на уровне семьи и личности выразились, прежде всего, в разрыве семей, изменении традиционных поведенческих ролей ее членов и самого характера семьи.

Традиционно многодетная немецкая семья в результате мобилизации в трудовую армию мужчин, а затем и женщин оказалась обезглавленной, что создавало предпосылки для развития сиротства при живых родителях. Разрушение семей, начало которому положила депортация, было завершено в ходе мобилизации в трудовую армию. Бытовавшая в немецких поселениях еще с дореволюционных лет традиция попечения о сиротах и престарелых была уничтожена, заботу об обездоленных детях и стариках брало на себя государство. Мирились ли немцы с таким положением? Об этом можно судить по количеству бежавших из мест ссылки и из трудовой армии в период с 1941 по 1948 г. – 27 797 немцев и 333 «фольскдойче» (большая часть была задержана)²³⁰. Подавляющее большинство бежало, стремясь соединиться с семьями.

В результате смешения немецкого населения с другими этносами появились предпосылки к тому, что семья перестала носить однородный национальный и конфессиональный характер. Привычными становились межнациональные браки, союзы с представителями других конфессий. Особенно болезненно этот процесс проходил среди меннонитов, которые веками строго соблюдали эндогамию.

На уровне отдельной личности произошли серьезные изменения. Были утрачены многие нравственные ориентиры и ценности. О профессиональной инволюции уже шла речь. Отдельные профессии были не востребованы, другие не вызывали доверия у властей. Немцы-земледельцы, вынуждены были осваивать рабочие специальности в самых тяжелых и непрестижных сферах производства – в горнодобывающей, строительной, лесной промышленности.

---

²²⁸ Из истории немцев Казахстана. С. 176–177.

²²⁹ Из истории Земли Томской. С. 249–253.

²³⁰ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 190.

Негативный опыт, приобретенный немцами в 1941–1955 годы, проявился в нежелании быть немцем. В сознании многих поселился страх, что оставаться немцем становится опасным. Люди предпочитали говорить и учить детей на русском языке. Показателен в этом плане опрос, проведенный партийными работниками среди немцев Павлодарской области в сентябре 1955 года. Немцы отказывались от преподавания в школах на немецком языке, мотивируя это тем, что их дети не смогут продолжить образование после окончания школы. Родители были согласны на введение в учебную программу немецкого языка лишь как самостоятельного предмета²³¹.

Некоторым немцам в силу разных причин приходилось скрывать, что они немцы, или, наоборот, через суд доказывать свою немецкую идентичность. В.Ф. Шефер, осиротевший в блокадном Ленинграде, вместе с детским домом оказавшийся на оккупированной территории, выживший в скитаниях по стране, после войны был записан родной теткой в паспорте русским. Находясь на обучении в Военно-морской военной академии, он не пытался разуверить окружающих в том, что он не еврей, за которого его принимали. Но в дальнейшем органы постоянно напоминали Шеферу о его немецком прошлом²³². Жителю Санкт-Петербурга В.Г. Зуккаю 20 сентября 1994 г. решением суда Невского района национальность была восстановлена посмертно²³³.

Пережившее все тяготы и унижения старшее поколение долгие годы молчало о своем прошлом. Многие не дожили до того времени, когда о пережитом стало возможным говорить открыто. Воспоминания, опубликованные в последние годы, пронизаны болью и страхом. Изложение событийной канвы демонстрирует полную зависимость людей от внешних обстоятельств. Об этом говорит даже использование неопределенно-личной формы предложений: «нас погнали (погрузили, построили)», «нам сказали» и т.п. Характерны и заголовки, которые в целом оценивают прошлое как трагедию, утрату: Фит У. Боль в наследство. Советские немцы: история через судьбы (Ташкент, 1990); Фукс В. Роковые дороги поволжских немцев (Красноярск, 1993); Гетте Г. Отвергнутые родиной (Кельн, 2008); Heimat in der Fremde. Deutsche aus Russland erinnern sich (Hrsg. R. Pöntner. ECON Verlag, 1992) и др.

Насилие, которому подвергся весь немецкий народ, не изгладилось в памяти ни самих репрессированных, ни их потомков. Принадлежность к депортированному народу стало одним из факторов самоидентификации российских немцев. 1941-й год породил многие современные проблемы немцев, в т.ч. эмиграцию немцев в 1990-е годы.

---

²³¹ Из истории немцев Казахстана. С. 202–203.

²³² См.: Мы дети российских немцев (воспоминания и документы). Вып. 1. СПб.:Петро-РИФ, 1995. С. 16–19.

²³³ Там же. С. 30.

К вопросу о причинах и правовых основаниях депортации немецкого населения из Поволжья

На начало 1941 г. в АССР немцев Поволжья проживало 366,4 тыс. немцев, составлявших 60,5% населения республики. Кроме того, по данным НКВД, в Саратовской области проживало 46,7 тыс. немцев, в Сталинградской – 26,2 тыс., в Куйбышевской (ныне – Самарской) – 11,5 тыс.²³⁴

Как отмечается в закрытом документе КГБ, подготовленном в конце 1980-х гг. для высших партийных органов страны, Республика Поволжья играла важную роль в развитии не только Нижнего Поволжья, но и страны в целом, являясь зоной крупного аграрного производства и перерабатывающей сельскохозяйственное сырье промышленности. К 1941 г. сельское хозяйство Немреспублики занимало одно из первых мест в СССР по интенсивности внедрения новой агротехники. Почти все крестьянские хозяйства (99,9%) были объединены в колхозы и совхозы²³⁵.

22 июня 1941 года началась война с Германией, она превратила Поволжье в важный военно-стратегический район. В Саратовской и в Сталинградской областях, в АССР НП в концентрированном виде были представлены оборонная промышленность и сельское хозяйство, располагались значительные военно-стратегические ресурсы, воинские формирования, крупнейшие в стране транспортные коммуникации.

Как пишет С.А. Овчинников, начав военные действия на Восточном фронте, германское командование поставило перед спецслужбами задачи по развертыванию широкомасштабной разведывательной, диверсионной и террористической деятельности в прифронтовых и тыловых районах Советского Союза. В этих целях на направлении Куйбышев – Саратов – Сталинград было задействовано несколько десятков подразделений Абвера и СД. В 1941 году в этот регион было переправлено 20% агентуры противника от общего количества за военные годы. Серьезную угрозу для армейского тыла страны представляли диверсионно-разведывательные группы (ДРГ). В Поволжье в 1941 году была выявлена четверть подобных групп от общего количества за

---

²³⁴ См.: Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е гг.) / Материалы к серии «Народы и культуры» / Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. Док. 851. С. 48, 49.

²³⁵ См.: документ «Политико-экономическая характеристика АССР НП (1918–1941 гг.) // Архив УФСБ России по Саратовской области (далее АУФСБР СО). Ф. 1. Оп. 15. Д. 6. Л. 16. Подробнее об экономическом развитии АССР НП см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика (1924–1941). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994.

военные годы. В Саратовской области в 1941–1942 гг. было выявлено 27% ДРГ противника от общего количества по региону²³⁶.

С точки зрения высшего руководства страны тревожным фактором являлось наличие в Поволжье компактно проживающего немецкого населения, которое не могло не привлекать к себе внимание противника. Поиски «фашистов» в СССР начались практически с приходом в Германии к власти нацистов, их сразу же стали искать в среде советских немцев. И это не случайно.

По мнению А.А. Германа, этнические немцы, сохранявшие в своих традициях многие ценности западноевропейской цивилизации, оказались в числе народов нашей страны, наиболее долго, сложно и трудно адаптировавшихся к созданному большевиками общественному строю. Специфика их ментальности вызывала, как правило, более негативную реакцию на большевистские эксперименты и действия, более упорное сопротивление попыткам взломать традиционный образ жизни. А это, естественно, приводило к более жестоким карательным мерам со стороны режима²³⁷. Эту точку зрения разделяют и многие другие историки.

Сопротивление поволжских немцев режиму закрепило за ними у советского руководства стойкий имидж нелояльного социализму и власти народа. Вряд ли стоит сомневаться, что это сыграло не последнюю роль в принятии решения о депортации немцев из Поволжья в 1941 г.

В материалах архива УФСБ по Саратовской области имеются ссылки на агентурные дела, оперативно ликвидированные органами НКВД накануне войны с Германией. Эти дела якобы показали, что «через многочисленные националистические организации Германии, филиалы которых имелись на территории бывшей АССР НП («Братья в нужде» и др.), под видом оказания помощи немцам и другими предложениями велась широко финансируемая из Германии идеологическая работа, заброска и подготовка агентуры, сбор шпионских сведений и другие мероприятия, стоявшие в плане войны фашистской Германии против Советского Союза. Наряду с этим имелась связь немецкого населения с Америкой и Швецией, которые оказывали аналогичное влияние»²³⁸.

Руководство НКГБ СССР настойчиво указывало на необходимость вскрытия и разработку националистических, повстанческих формирований, готовящих кадры для действий в тылу Красной армии.

²³⁶ См.: Овчинников С.А. Контрразведка Поволжья в системе государственных органов и общественно-политических структур безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автореферат дисс... докт. ист. наук. Саратов, 1995, С. 30–31.

²³⁷ См.: Герман А.А. Большевизм и российские немцы // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999. С. 284–293.

²³⁸ См.: документ «Некоторые причины, обусловившие переселение немцев из бывшей АССР НП и Саратовской области в восточные районы СССР» // АУФСБР СО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 6. Л. 33.

Тем не менее «контрразведывательный отдел АССР НП (с начала года до марта месяца 1941 года) не реализовал ни одной разработки по шпионажу... Несколько разработок были, главным образом, по антисоветским проявлениям (антисоветская агитация, эмиграционные настроения и т.п.)»²³⁹.

Но в контрразведывательный отдел НКГБ АССР НП из центра продолжали поступать указания о форсировании ряда следственных дел. Давались рекомендации по исполнению.

Так, по делу группы рабочих, центр предлагал вести следствие так, чтобы удалось вскрыть ее диверсионно-вредительскую деятельность, а также связи с фашистской разведкой.

По агентурному делу «Пасторша» предлагалось организовать поездку объекта разработки в Москву и «в дороге снять, тщательно допросить о шпионской деятельности в пользу немцев. В зависимости от показаний решить вопрос... осуждения за шпионскую и а/с деятельности»²⁴⁰.

По агентурному делу «Монтажники», объекты которого вели антисоветскую агитацию, следствие предлагалось вести в направлении вскрытия диверсионно-вредительской деятельности группы и связи ее с разведкой. По другим агентурным делам «Циркачи», «Странствующие», «Гнездо», «Сестры» и др. также предписывалось вести следствие в направлении «вскрытия шпионской деятельности объектов разработки»²⁴¹.

Несмотря на такой жесткий прессинг со стороны руководства НКГБ СССР, в начальный период войны по агентурным и официальным данным общее политическое настроение Республики немцев Поволжья оценивалось как здоровое. Фактов открытых контрреволюционных проявлений и каких-либо происшествий не было. Из агентурных материалов и сигналов со стороны населения органами отмечалась лишь «некоторая активность националистических и профашистских настроений, носителями которых распространялись провокационные слухи, пораженческое настроение».

С 22 июня по 10 августа 1941 года по Республике немцев Поволжья было арестовано 145 человек обвиненных по следующим статьям:

- немецкий шпионаж – 2;
- террористические намерения – 3;
- диверсионные намерения – 4 чел.;
- участников антисоветских группировок и контрреволюционных организаций – 36;
- распространявших пораженческую и повстанческую агитацию – 97²⁴².

²³⁹ АУФСБР СО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 6. Л. 34.

²⁴⁰ Там же. Л. 35.

²⁴¹ Там же.

²⁴² См.: документ «Некоторые причины, обусловившие переселение немцев из бывшей АССР НП и Саратовской области в восточные районы СССР» // АУФСБР СР Ф. 1. Оп. 15. Д. 6. Л. 35, 36.

Открытых «контрреволюционных» проявлений по республике не регистрировалось. В то же время фиксировался ряд случаев недовольства, особенно со стороны молодежи, по поводу отказа им в призыве в Красную армию.

Несмотря на то, что проблема депортации подвергнута достаточному серьезному анализу, до сих пор исследователи не пришли к однозначной оценке предпосылок выселения немцев. Существует несколько точек зрения на этот вопрос.

В.Н. Земсков в своей работе, посвященной спецпоселениям, считает, что это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс. Обстоятельства военного времени были использованы сталинским руководством для проведения определенной политики в национальном вопросе²⁴³.

И.А. Алферова подчеркивает, что необходимо избегать ошибочного вывода о существовании определенной государственной политики, направленной против каких-либо народов. С ее точки зрения, «репрессивная политика имела под собой не национальные, а прежде всего идеологические и политические основания, в условиях сложной международной обстановки...»²⁴⁴.

С точки зрения А.А. Германа, одной из причин депортации стал тот факт, что «немецкая автономия не раз становилась картой в политической игре двух великих держав: СССР и Германии. Ликвидация Немреспублики и депортации ее немецкого населения как раз и стали следствием крайнего обострения отношений между Германией и СССР, принявшего форму открытого военного столкновения»²⁴⁵.

При том, что каждый исследователь, аргументировано, отстаивает свою точку зрения, автору представляется, что принятию государственными органами власти решения о депортации немецкого народа послужил целый комплекс причин:

- крупные неудачи на фронте, приближение германских войск к Волге;
- расположение АССР НП в стратегически важном и достаточно близком к фронту районе;
- национально-историческое родство немцев СССР с народом, ведущим войну против Советского государства;

---

²⁴³ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР [электронный ресурс]: 130–160. Дисс... докт. ист. наук. М.: РГБ, 2006. С. 154.

²⁴⁴ См.: Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (1930–1950-е гг.) // Российские немцы: Научно-информационный бюллетень. 1998. №2. С. 25.

²⁴⁵ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика.1996. С. 22.

- опасения советского руководства по поводу возможного возникновения пятой колонны;
- провал контрпропагандистской кампании, проводившейся в первые месяцы войны, в которой немецкая автономия использовалась в качестве «витрины социализма»;
- поступавшие в Москву сообщения об антисоветских, пораженческих высказываниях отдельных граждан АССР НП;
- обнаружение в Поволжье агентов спецслужб Германии, занимавшихся разведывательной, диверсионной и террористической деятельностью;
- наличие отдельных фактов сотрудничества российских немцев с гитлеровскими захватчиками в Украине²⁴⁶.

Все отмеченные выше факторы в своей совокупности к концу августа 1941 г. привели советское руководство и лично И.В. Сталина к решению о необходимости депортации немцев сначала из Поволжья, а потом и из других регионов Европейской части СССР. По мнению А.А. Германа это была характерная для сталинского режима перестраховочная мера, казавшаяся оправданной с точки зрения стратегических интересов государства и власти. При этом неизбежные негативные последствия для судеб тысяч конкретных людей – жертв этой акции, в расчет не принимались. Так большевистская власть многократно поступала и раньше²⁴⁷, однако на этот раз масштабы проводимой акции оказались беспрецедентными.

Первым документом, поставившим крест на судьбе Республики немцев Поволжья стало Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»²⁴⁸.

²⁴⁶ В оккупированных районах Причерноморья и др. отдельные факты поддержки этническими немцами оккупантов, их активного сотрудничества с оккупационными властями в установлении «нового порядка» имели место, о них информировалось и советское руководство. Как правило, на сотрудничество с оккупантами шли люди, жестоко пострадавшие от советской власти в годы коллективизации и массовых репрессий 1930-х гг. См.: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 98, 99, 390; Соловьев О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2002. С. 120; Gerlach H. Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs.– Kirchheimbolanden, 1992. S. 94; Привалова М.Ю. Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг. Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 20–50.

²⁴⁷ В 1918 г. по инициативе С. Орджоникидзе из станиц Сунженской линии были выселены терские казаки, а их земля передана ингушам и чеченцам; в 1920-е годы из Средней Азии были выселены многие русские семьи, а их земля передана местному населению; в начале 1930-х гг. в отдаленные районы СССР были переселены многие тысячи раскулаченных крестьянских семей; в 1936 г. из западных приграничных регионов в Казахстан было переселено 15 тыс. польских и немецких семей; в конце 1930-х гг. из приграничных регионов Дальнего Востока в Казахстан были переселены этнические корейцы.

²⁴⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–6. Постановление опубликовано. См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 229–233.

Возможно, и скорее всего, в высшем руководстве страны идея депортации немцев из Поволжья созрела раньше 26 августа, однако местным органом власти, в том числе и управлениям НКВД до середины последней декады августа никакой информации об этом не сообщалось. Это хорошо видно из примера, приводимого в монографии А.А. Германа.

14 августа 1941 г. Нарком внутренних дел АССР НП майор госбезопасности В. Губин представил на утверждение бюро обкома ВКП(б) Немреспублики список сотрудников, рекомендовавшихся им на должности начальников кантональных отделов милиции, которые одновременно становились заместителями начальников НКВД (в связи с объединением НКВД-НКГБ). Из 19 кандидатур – 11 являлись немцами. Следовательно, 14 августа майор В. Губин еще и не подозревал о существовании в верхах решения о депортации немцев из Поволжья²⁴⁹.

В качестве приложения к постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа были разработаны и утверждены «Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»²⁵⁰ и «План переселения жителей немецкой национальности из Республики немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей»²⁵¹. Эти документы, во многом повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в ряде моментов уточняли и конкретизировали его.

27 августа 1941 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа было доведено до партийных и советских руководителей АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей. Они приняли его «к неуклонному исполнению». В тот же день Нарком внутренних дел СССР, он же Генеральный комиссар государственной безопасности СССР Л. Берия издал приказ №001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»²⁵². 26–27 августа в Саратов, Энгельс и Сталинград начали прибывать части и подразделения НКВД, задействованные в операции по переселению.

Особо следует остановиться на широко известном Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»²⁵³, в котором объясняются мотивы переселения немцев из Поволжья: они открыто и безосновательно обвиняются в пособничестве нацистской Германии. Нельзя не согласиться с исследователями, которые называют этот Указ неуклюжей попыткой дать официальное

²⁴⁹ См.: Герман А.А. *Немецкая автономия на Волге...* Ч. 2. С. 284.

²⁵⁰ Инструкция опубликована. См.: Герман А.А. *История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах.* С. 233–236.

²⁵¹ См.: Герман А.А. *Немецкая автономия на Волге...* Ч. 2. С. 289.

²⁵² Полностью документ см.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 41–43.

²⁵³ См.: О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. // *История СССР.* 1991. № 1. С. 144–145.

обоснование готовившейся крупномасштабной репрессивной акции против целого народа. О том, что этот указ имел чисто идеологическое предназначение, краткосрочный характер и не адресовался широкой аудитории свидетельствует не только тот факт, что он был принят, когда подготовка к депортации уже шла полным ходом, но и то, что он был опубликован всего один раз – 30 августа – и лишь в двух главных газетах Республики немцев Поволжья: немецкоязычной «Нахрихтен» и русскоязычной «Большевик».

А.А. Герман подвергает серьезным сомнениям легитимность самого Указа: «Проект этого указа был рассмотрен и утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 августа 1941 г. Если учесть что этот вопрос в повестке заседания Политбюро в тот день значился далеко не первым, а само заседание началось поздно вечером, почти ночью, то указ обсуждался и утверждался высшим партийным органом, скорее всего, уже в первые часы 29 августа. Между тем, дата принятия Указа Президиумом Верховного Совета СССР также значится 28 августа. Отсюда представляется весьма сомнительным, чтобы имел место сам факт заседания Президиума Верховного Совета СССР по вопросу о депортации, тем более 28 августа. По всей видимости, после утверждения указа на Политбюро, он был подписан М. Калинин и А. Горьким, и на этом вся процедура принятия документа завершилась. Подобная практика работы высшего советского руководства в годы войны была обычным явлением»²⁵⁴.

Таким образом, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» по сути дела был сфальсифицирован, не говоря уж о том, что его содержание грубо нарушало Конституции СССР, РСФСР, АССР немцев Поволжья.

В частности, проведение выселения противоречило сразу нескольким статьям Конституции АССР немцев Поволжья 1937 года:

Ст. 3. Вся власть в АССР немцев Поволжья принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Ст. 15. Территория АССР немцев Поволжья не может быть изменяема без согласия АССР немцев Поволжья.

Ст. 93. Гражданам АССР немцев Поволжья обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкциями прокурора.

Ст. 94. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом, а также статьями Конституции РСФСР²⁵⁵.

---

²⁵⁴ Герман А.А. Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 278.

²⁵⁵ Конституция (Основной Закон) Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья. Энгельс: Госиздат АССР НП, 1937. С. 7, 10, 26.

В уже упоминавшейся Инструкции по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях от 26 августа 1941 г. тщательно прописаны обязанности представителей правоохранительных органов, проводивших операцию выселения.

Однако, по содержанию инструкции, трудно предположить, что выселяемые немцы государственные преступники, поскольку большинство подсобных пунктов распространялось и на вынужденных, эвакуированных переселенцев. Например:

– «переселяемым разрешается брать с собой имущество, мелкий хозяйственный инвентарь, деньги (сумма не ограничивается), ценности. Общий вес вещей, продовольствия не должен превышать одной тонны на семью...;

– ...поезд должен быть составлен таким образом, чтобы 7–8 вагонов оставалось для погрузки имущества переселяемых, один санитарный и один вагон для караула...;

– питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах – в железно-дорожных и в водных буфетах. Горячая пища выдается один раз в сутки и кипяток два раза...;

– ...на каждый эшелон выделить врача и двух медсестер...»²⁵⁶.

Эти же пункты дословно повторяются и в постановлении Совнаркома СССР от 3 сентября 1941 г. № 2030–922 с «О мероприятиях по переселению колхозов из прифронтовой полосы Украинской ССР, Орловской и Курской областей». Практически ничем не отличались порядок сдачи и получения имущества (через обменные квитанции), норма разрешавшегося к перевозке груза²⁵⁷.

Противоречивость и несоответствие обвинения и наказания присутствуют не только в инструкции, но и в самом Указе от 28 августа 1941 года. Соккрытие тысяч, десятков тысяч диверсантов и подготовка к диверсиям в условиях военного времени – это преступление, которому нет оправдания и снисхождения.

К тому же «обвинение в шпионаже по действующему на тот момент Уголовному Кодексу РСФСР являлось прерогативой судебной власти и предполагало автоматическое начало особой юридической процедуры. Но наказание целому народу было определено без какого-либо судебного разбирательства.

Недоумение вызывает мера наказания – всего лишь переселение в другие районы «изобилующие пахотной землей». По указу, так называемые «преступники», будут наделены землей, им будет оказана государственная помощь по устройству в новых районах. В то же время согласно действовавшему на

²⁵⁶ Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях // Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 234.

²⁵⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2338. Л. 13–18.

тот момент уголовному законодательству переселению в административном порядке подлежали лица, осужденные за тяжкие и средней тяжести преступления против Советского государства. Кроме того, Указ не определял сроков выселения (наказания). Таким образом, депортация изначально подразумевалась как бессрочное наказание, что опять же противоречило всему существовавшему на тот момент советскому уголовному законодательству.

Отсутствие четко определенного правового статуса переселяемых немцев (не преступники по закону, но не эвакуированные) привело к разнообразным нарушениям их гражданских прав. На практике правовой статус немцев приравнивался к статусу лиц, совершивших преступление против Советского государства, что проявлялось в опеке переселяемых немцев органами НКВД, а именно Отделом спецпереселений, в распространении на немцев всего спектра правовых ограничений, предусмотренных для осужденных²⁵⁸.

Репрессивные меры по отношению к советским немцам были приняты, несмотря на фактическое отсутствие оснований – документальных данных о массовом участии их во враждебных действиях в пользу Германии. Как западные, так и российские исследователи процесса депортации немецкого населения СССР отмечают, что документов, подтверждающих связь поволжских немцев с германской разведкой, не найдено.

Кроме того, «бывшим» Комитетом государственной безопасности СССР по многочисленным просьбам была проведена работа по выявлению в архивах КГБ СССР, МВД СССР, Генерального штаба Министерства обороны СССР, в ГАРФ документальных материалов, отражающих внутри- и внешнеполитические основания возникновения необоснованных обвинений. В перечисленных архивах не было выявлено каких-либо доказательств, связанных с сообщениями военных властей или других сигналов о том, что «в районах Поволжья имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов», как сообщалось в Указе²⁵⁹.

Противнику не удалось сформировать в Поволжье прочной и надежной базы для противоправной деятельности, тем не менее, чрезвычайное военное положение, в котором находился СССР, давало правительству повод обосновать выселение немцев с позиций государственной безопасности. С точки зрения исследователя А. Шадта, «приоритет интересов государства, исполнительных органов власти над всеми остальными являлся правовой нормой в советской государственной машине. Следовательно, Президиум

---

²⁵⁸ Подробнее о правовых коллизиях депортации немцев и ликвидации АССР НП см.: Шадт А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955). Дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 168–190.

²⁵⁹ См.: Овчинников С.А. Территориальная контрразведка в системе общественно-политических и государственных структур периода Великой Отечественной войны. Дисс... канд... ист. наук. Саратов, 1993. С. 73.

Верховного Совета СССР имел фактическое право на принятие решений в интересах государства»²⁶⁰.

Превентивно обвинив все немецкое население в подготовке диверсий и шпионаже, Указ от 28 августа 1941 г. без достаточных фактических оснований, без каких-либо следственных действий и судебных разбирательств, предписывает депортацию немецкого населения Поволжья в Сибирь и Казахстан.

Как представляется, принимая это решение, Советское руководство преследовало несколько целей:

- поиск очередного «внутреннего врага», на которого можно было бы свалить вину за неудачи на фронте;
- освобождение прифронтовых районов от неблагонадежного, с точки зрения властей, элемента;
- намерение с помощью депортированных немцев решить проблему дефицита рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве внутренних районов СССР.

---

²⁶⁰ Подробнее см.: Шадт А. Правовой статус российских немцев в СССР. С. 291.

Депортация и судьбы кавказских немцев: трагедия 1941 года

История немецких поселений в Закавказье охватывает период в 123 года (со времени переселения швабов из Вюртембергского королевства в Российскую империю в 1817–1818 гг. и становления колоний, включая советский этап, – по 1941 г.). 1941 год стал трагическим для немцев на Кавказе, как и для всего немецкого этноса в СССР. Депортация вырвала с корнем из привычной мирной жизни тысячи ни в чем не повинных людей, лишила их крова, хозяйства, родных. До сих пор о ней говорилось в ряде серьезных работ российских ученых в контексте изложения регионального среза проблемы – депортация коренных народов Кавказа, либо фрагментарно на фоне рассмотрения темы в масштабе страны²⁶¹ Задача историков – дать комплексное освещение и беспристрастную оценку процесса принудительного переселения с Кавказа городского и сельского немецкого населения и его последствий – остается актуальной.

Фундаментальной основой воплощения в жизнь возросшего интереса к ранее закрытой тематике стала обширная документальная база. Вышел в свет целый ряд публикаций подборок документов. В частности, документы ГАРФ помогают восстановить картину депортации немцев с Кавказа²⁶². В новейших исследованиях широко привлечены материалы и документы региональных архивов. Однако вопрос о депортации немецкого населения

---

²⁶¹ **Хунагов А.С.** Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя. 20-е – 50-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; **Гонов А.М.** Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов н/Д., 1998; **Бугай Н.Ф., Гонов А.М.** В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... (20–50-е годы). Нальчик, 1997; **они же:** Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: Инсан, 1998; **Мухортова Т.В.** Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941–1955 (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006; **Ремпель П.Б.** Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения М., 1996; **Полян П.** «Не по своей воле...»: История и география принудительных миграций в СССР М., 2001; **Земсков В.Н.** Спецпоселенцы в СССР. 1930–1969 М.: Наука, 2003 и др.

²⁶² **Бугай Н.Ф.** Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М., 1992; **он же:** Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / Сост. О.Л. Милова. М., 1995 (РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Материалы к серии «Народы и культуры»); «По решению правительства Союза ССР...»: Сб. док. / Сост. **Бугай Н.Ф., Гонов А.М.** Нальчик: Изд. центр «Эльфа», 2003; Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. **Н.Л. Поболь, П.М. Полян.** М.: МФД: Материк, 2005 и др.

из трех закавказских республик остается недоисследованным в новейшей российской историографии²⁶³.

Положение этнических немцев на Кавказе в годы Второй мировой войны определялось как международной обстановкой, так и условиями военного времени в стране. С началом войны в Европе позиция НКВД СССР в отношении немецкого населения в Закавказье характеризуется проявлением особой бдительности против эмиграционных настроений. Пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. был опубликован, но надолго сохранялся в тайне секретный Дополнительный протокол к нему о разграничении сферы их интересов. Определенную роль сыграл обоюдный Доверительный договор от 28 сентября 1939 г. (за подписью Молотова и Риббентропа), по которому советское правительство обязалось не препятствовать переселению по желанию в Германию проживавшим в зоне ее интересов гражданам рейха или «другим личностям немецкого происхождения». (Соответствующее обязательство в отношении выезда в Союз украинцев и белоруссов из зоны интересов рейха брало на себя его правительство)²⁶⁴. Задолго до этого в фашистской Германии открыто, в русле политики «германизации», велась пропаганда о возвращении немцев («фольксдойче») на историческую родину, что вызывало неоднозначную реакцию в Москве. Массовые переселения немцев из Прибалтики, Волыни, Галиции и ряда польских провинций в 1939 – начале 1940 гг., капитуляция Франции (22.06.1940) и эволюция международных отношений позволили СССР осуществить решение «бессарабского вопроса» в ультимативной форме. Требование Союза ССР к Румынии от 26.06.1940 «возвратить Бессарабию... и передать Северную Буковину» не встретило препятствий, поскольку Германию интересовала лишь судьба 100 тыс. немцев в Бессарабии и Буковине и решение вопроса об их переселении. Из них по двустороннему договору о «репатриации» от 5.09.1940 (в духе соглашения о переселении немцев с Волыни) в Германию выехало 93,5 тыс. человек²⁶⁵.

Исход немецкого населения с присоединенных к СССР территорий (в частности, летом 1940 г. из Бессарабии и Северной Буковины) не мог остаться незамеченным и находил отклик среди немецкого этноса на юге страны. Немцы в Закавказье слушали радиопередачи из Берлина, получали письма от родственников из Германии. Боль и обида отдельных, особенно

²⁶³ См.: Чернова Т.Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Наказанный народ. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе...» Москва, 16–20 ноября 1998 г. М.: «Звенья», 1999. С. 261–278. К сожалению, положение не изменилось за последующее десятилетие.

²⁶⁴ Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. Sonderdruck. Deutsch. Verlags-Anstalt. Stuttgart, 1989, S. 446.

²⁶⁵ Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР: Матер. межд. науч.-практ. конф. Тирасполь, 24–27 июня 2010. М.: изд. Степаненко, 2010. С. 35–37, 107.

пострадавших от репрессий семей, страх перед большевистской диктатурой и нежелание жить по советским принципам будоражили сознание о возможном выезде. НКВД СССР беспокоили пропаганда и проявления кампании по организации переселения. Эмиграционные настроения вызывали пристальное внимание Наркома внутренних дел Л.П. Берии, который поставил задачу повсеместно усилить работу чекистов в этом направлении и доложить о результатах к 1 января 1941 г.

Так по распоряжению из Москвы деятельность всех органов НКВД СССР была направлена после массовых репрессий на выявление антисоветских элементов. При этом главное внимание уделялось организаторам эмиграционного движения в Германию. Изучение вопроса на материалах АССР НП показало, что проблема эта скорее нагнеталась «сверху». НКВД Республики немцев Поволжья сообщал на запрос из Центра, что «о вражеской работе по организации переселения» ему «ничего не известно» (хотя уже были аресты за антисоветскую агитацию). По оценке Центра, это свидетельствовало о слабой агентурно-оперативной работе²⁶⁶.

Подобный принцип лежал в отношениях Центра и НКВД Грузии и Азербайджана. Бакинский историк М. Джафарли одним из первых рассмотрел проблему политических репрессий в АзССР. Он отмечал, что на развитие переселенческого движения «оказывало влияние отсутствие реакции советских властей». Так, в октябре 1939 г. в Ханларское РО НКВД поступили сигналы о переселенческих настроениях среди немцев, но районный отдел не решался извещать НКВД. Лишь 31.12.1939 в Баку было отправлено такое сообщение, однако руководство не проявило никакой ответной реакции. Более того, на запрос из Ханлара (б. колония Еленендорф) в январе 1940 г. о санкции на арест двух активных агитаторов также не последовало ответа. К тому времени, по Джафарли, «в общей массе немецкого населения прочно внедрилась уверенность в возможность переселения немцев в Германию». Это утверждение представляется нам несколько преувеличенным. Автор документирует факты (июнь-июль 1940 г.) посещения жителем Ханлара Г. Вухрером немецкого посольства в Москве, отправления им из Кировабада (Гянджи) письма послу в Москве фон Шуленбургу, с просьбой сообщить, как обстоит дело с переселением. «Мы швабы, живущие в Закавказье, интересуемся этим вопросом и хотели бы знать, относится ли это переселение к нам... Мы готовы выехать на любых условиях...» (30 ноября 1940 г. Г. Вухрер был арестован, сослан в Печерлаг.) Вполне допустимо и понятно, что были реальны такие отдельные акции, слухи и разговоры среди кавказских немцев. Но сомнителен указанный размах движения: «в общей массе немецкого

²⁶⁶ Плева И. Проверка на лояльность: Деятельность органов НКВД АССР НП в августе 1940 г. – августе 1941 г. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 г. Матер. 7-й межд. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. – М: АОО «МЧНК», 2001 С. 52.

населения прочно внедрилась уверенность» в предстоящее переселение. Так рапортовали сотрудники НКВД, в частности, в спецсообщении «О переселенческих настроениях в немецких колониях в Азербайджане»²⁶⁷. (Достаточно вспомнить, как фабриковались в то время дела. К примеру, дело германской земельной концессии ДРУЗАГ на Северном Кавказе, выявление и разгром антисоветской повстанческой группы и ликвидация концессии.) Действительно ли немцы-селяне «с риском ареста нелегально делегировали своих представителей в Посольство Германии в Москве»? (По опубликованному воспоминанию немцев Южного Кавказа, колхозников за хорошую работу неоднократно премировали поездкой в Москву на выставку достижений сельского хозяйства.) Возможно, что отдельные немцы искали в Тбилиси связи с германским консульством (переведенным в Батуми). Но что говорит о «массовом характере» эмиграционных настроений в 1940 году?

По описанию практической организации немецкого населения Азербайджана к выезду в фашистский, ведущий в Европе войну рейх: «В колониях начинается усиленная подготовка к предстоящему выезду в Германию. Многие семьи закупают в Баку и Гяндже чемоданы, занимаются распродажей излишнего имущества, происходит процесс абсолютного безразличия к сельскохозяйственным работам». Далее, в Георгсфельде член церковного Совета Гайгис занимается составлением списков желающих выехать. «Вера в возможность выезда настолько увлекла жителей, что они ожидали приезда в колонии официальных лиц для оценки недвижимого имущества...» и т.п. Распространялись листовки с обращением к населению²⁶⁸.

Но обратимся к официальным документам. В докладной записке зам. наркома внутренних дел АзССР майора ГБ Маркаряна (сентябрь 1940 г., гриф «сс») говорилось: «Указанная выше контрреволюционная агитация оказала влияние на ряд неустойчивых элементов немецких колоний, начавших усиленную подготовку к предстоящему выезду в Германию: закупка чемоданов, распродажа излишнего имущества и т.п.»²⁶⁹ И так, «ряд неустойчивых элементов» начал усиленную подготовку к выезду. Но это не равнозначно массовой подготовке в колониях к отъезду, когда «многие семьи» занимаются распродажей имущества. К тому же часто в нормативных документах сгущались краски для оправдания последующих действий карательных органов – арестов и т.п. (что требует критического подхода к первоисточнику).

---

²⁶⁷ См.: **Джафарли Мамед**. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев – Баку, 1998 С. 95–97.

²⁶⁸ **Джафарли М.** Политический террор... С. 72–73, 82, 93–94. **Он же:** Депортация немецкого населения из Южного Кавказа в 1941 г. (по документам НКВД Азербайджанской ССР) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. Матер. 7-й межд. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. М: АОО «МСНК», 2001 С. 128.

²⁶⁹ Сравни: **Джафарли М.** Политический террор... С. 94.

Так, в директиве от 30 ноября 1940 г. (под грифом «совершенно секретно») зам. наркома внутренних дел СССР комиссара Меркулова на имя наркома внутренних дел АзССР ст. майора ГБ Емельянова констатируется: «Среди немецкого населения Азербайджана, под антисоветскими националистическими лозунгами, развернута работа по организации переселенческого движения в Германию. В результате в ряде районов многие немцы уже практически готовятся к выезду в Германию, прекратили работу в колхозах и занялись распродажей своего имущества». И далее упоминается, что бывшая кулачка А. Гайгис занялась составлением списков, что в адрес германского посольства в Москве отправляются провокационные и антисоветские по своему содержанию письма, в которых отправители «от имени немцев выражают свое желание скорее выехать из СССР». Заметим, что это было послание сверху! ориентировка из Москвы, а не наоборот, скажем, докладная записка в Центр. Следовательно, органы НКВД из Баку подробно «освещали» положение дел. (Джафарли фактически повторил факты из содержания рапортов республиканского НКВД). Эта директива имела существенное воздействие на реальные события. В ней дана такая оценка: «НКВД АзССР необходимых оперативных мер для решительного пресечения подрывной работы не принял» (напоминает вывод о слабой агентурно-оперативной работе НКВД Немреспублики). Исходя из этого, в документе ставятся следующие задачи перед карательными органами: 1. создающих переселенческие настроения активистов-антисоветчиков – арестовать; 2. особое внимание уделить бывшим членам меннонитских групп, Лютеранского синода и «Конкордии» (кооператив упразднен в 1935 г. – Т.Ч.), лицам, имеющим связь с германским посольством и с границей и т.п.; 3. о настроениях немецкого населения и о фактах вражеской работы среди него своевременно информировать ЦК КПА(б)²⁷⁰. Москва затребовала донести о результатах исполнения данной установки к 1 января 1941 г.

Для реализации поставленных задач в Баку командировается из центрального аппарата НКВД ст. оперуполномоченный лейтенант ГБ Доленчук. В Немреспублику на Волге также были посланы из Москвы два оперуполномоченных, т.е. все шло по единому сценарию. Следовательно, и в Грузии события и действия НКВД республики не отличались по своей сути.

Как сработал механизм репрессивной машины? Во исполнение установки из Центра в декабре «началась усиленная работа по немцам», о результатах которой требовалось доложить в конкретный срок. Уже 7 декабря в НКВД АзССР проводится оперативное совещание по вопросам выполнения задач (докладывали о проведенной работе куратор по немецкой линии, зам. наркома Маркарян и начальник 3-го отдела УГБ НКВД АзССР ст. лейт. ГБ Полянский). Утвержденный «план по немцам» предусматривал серию

---

²⁷⁰ Там же. С. 72–73.

арестов. 14 декабря в немецких селениях Ханларе, Аннино (б. Анненфельд, с 1941 г. Шамхор) и др. была проведена акция – арестован 21 человек. Прошли аресты в Акстафе, Кировабаде и Баку. Ударная «работа по немцам» согласовывалась с КПА(б). На 18 декабря 1940 г. был назначен пленум ЦК, на который приглашались секретари районов, где проживали немцы. Согласно резолюции Емельянова от 10.12.1940 на имя Полянского, «надо к 16 декабря представить в ЦК спец. сообщение о настроениях немцев». Заметим, что эмиграционные настроения расценивались властями как «антисоветская деятельность и пособничество Германии».

9 января 1941 г. в Москву Федотову (3-й отдел ГУГБ НКВД) был отправлен отчет о работе (за подписью Маркаряна). Сообщалось, что с середины декабря, на основе директивы НКВД СССР от 30.11.1940 за №5215/б, «в целях пресечения дальнейшего распространения переселенческих слухов... произведено изъятие наиболее злостного антисоветского элемента... В ближайшее время будут проведены дополнительные аресты». О них рапортовалось в последующие месяцы. Джафарли удалось убедительно показать ход и результаты начавшейся по указке НКВД СССР «усиленной работы по немцам», развернутой республиканским НКВД в Азербайджане²⁷¹.

В опубликованных воспоминаниях кавказских немцев-переселенцев даны подробности ночных акций арестов, но практически почти нет упоминаний об эмиграционных настроениях. (Так, в одном случае отмечается: «некоторые люди безуспешно пытались выехать в Германию».)²⁷² Преобладает боль утраты родного очага и родины – Кавказа – вследствие выселения. Видимо, определенную роль играл менталитет «советских» немцев, их привязанность к дому и краю, где вырос. Поэтому в годы Отечественной войны, несмотря на демобилизацию из Красной армии, отдельные немцы продолжали воевать за Родину под чужими фамилиями, получали боевые награды. Так, Пауль Шмидт взял имя своего азербайджанского друга Али Ахметова²⁷³.

К началу войны с Германией за немецким населением в стране был установлен жесточайший контроль со стороны НКВД. Первый удар был нанесен 28 августа 1941 г. по немцам в районах Поволжья – Указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении их и последующий антиконституционный акт ликвидации АССР НП. (Огульное обвинение, что «по достоверным

²⁷¹ Там же. С. 73–76.

²⁷² **Edgar Reitenbach.** (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1. Duisburg, 2004, S. 119. **Воспоминание И. Ордубаевой (ур. Кис).** В другом случае упоминается, что пожилая женщина думала в поезде, что едет в Германию... сын уточнил: «Мама, ты едешь в Казахстан».

²⁷³ **Герман А.А., Шульга И.И.** «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде» (Советские немцы на фронте и в тылу врага) // Родина. 2010. №5 С. 29–30. См. также: **Белан П.С.** Малоизвестные страницы истории советских немцев в годы Великой Отечественной войны // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 104–112.

данным» среди них «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов») Эта и последующие акции депортации были возложены на органы НКВД СССР.

Согласно постановлению Государственного комитета обороны (ГКО) за № 698-сс от 21 сентября 1941 г., сроки депортации немцев с Северного Кавказа были определены с 25 сентября по 10 октября. В НКВД закавказских республик также были направлены директивные указания: районные отделы НКВД были ориентированы в сентябре на выявление проживавших немцев, усиленное наблюдение за ними и составление списков. По переписи 17 января 1939 г., в Азербайджане числилось 23 133 чел., в Грузии – 20 527 чел., в Армении 433 граждан немецкой национальности. (Всего в СССР – 1 427 232 немца, т.е. в Закавказье их проживало немногим более 3%.) Однако, имеются расхождения в статистике о численности проживавших и подлежащих выселению немцев. Интересный документ «Сличительная ведомость о наличии граждан немецкой национальности в областях, краях, республиках» (составлен не ранее октября 1941 г.) проливает свет на этот вопрос. Сведения НКВД/УНКВД совпадают с приведенными выше данными ЦСУ Госплана (перепись) по Азербайджану, но дают разрыв +4 465 чел. по Грузии (24 989 чел.) и –180 чел. по Армении (253 чел.)²⁷⁴.

Данные переписи населения и количество планируемых к выселению и реально выявленных и отправленных немцев закономерно отличаются, поскольку сказалось влияние арестов в 1940–1941 гг.; оставляли на местах женщин с детьми, бывших замужем не за немцами; затрудняло исчисление временное проживание немцев в городах – студентов и лиц без прописки, либо отсутствие в момент отправки. В некоторых районах немцы проживали «в разброс».

В докладной записке наркома Союза ССР Берии тов. Сталину (от 8 октября за № 2716/б) названа цифра 48 375 немцев, проживавших в трех закавказских республиках, в том числе 29 609 сельских жителей: членов и кандидатов ВКП(б) – 372 чел., членов ВЛКСМ – 1 077 чел. На оперативном учете НКВД «как антисоветский и сомнительный элемент» состояли 1 842 чел. «В целях предотвращения антисоветской работы» со стороны немцев в этих республиках НКВД считал «целесообразным» состоящих на оперативном учете арестовать, а остальную часть немецкого населения в числе 46 533 чел. переселить в Казахскую ССР. Представляя при этом соответствующий проект постановления ГКО, Берия запросил Сталина о решении²⁷⁵. Оно последовало

²⁷⁴ Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). **Сост. О.Л. Милова** – М., 1995 (РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Материалы к серии «Народы и культуры»). С. 23, 45.

²⁷⁵ «По решению правительства Союза ССР...»: Сб. док. **Сост. Бугай Н.Ф., Гонов А.М.** Нальчик: Изд. центр «Эльфа», 2003. С. 262.

явно незамедлительно. Соответственно названной выше цели, была намечена превентивная мера в отношении немецкого населения Южного Кавказа.

8 октября 1941 г. (Постановление № 744-сс) ГКО постановил: переселить из Грузинской ССР – 23 580 чел., из Азербайджанской ССР – 22 741 чел. и из Армянской ССР – 212 чел. немецкой национальности в Казахскую ССР. Расселение провести в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) за № 2060–935-сс от 12.09.1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и с инструкцией о порядке приема имущества переселенцев, утвержденной СНК СССР 30.08.1941. Руководство переселением в сроки с 15 по 30 октября с.г. возложить на НКВД СССР. Пункты 4–8, 11 постановления предусматривали условия переселения (перевозка, питание в пути, медицинское обслуживание, возможность кредита). На прием и расселение следовало отпустить СНК КазССР из резервного фонда СНК СССР 3 млн. руб.; организация приема и расселения возлагалась (пп. 9–10) на председателя СНК КазССР (Ундасынов) и секретаря КП(б)К (Скворцов)²⁷⁶. Заметим, в документах не употребляется дефиниция «депортация».

Уже 11 октября последовал приказ № 00144877, за подписью Берии, о мероприятиях по переселению немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, во исполнение решения ГКО. Из Москвы для оказания практической помощи были направлены в НКВД Грузии – зам. нач. 3-го Управления НКВД СССР капитан ГБ Дроздецкий, а в НКВД Азербайджана – нач. отдела ЭКУ майор ГБ Ткаченко. Руководство по проведению акции в республиках возлагалось на Наркомов внутренних дел: комиссара ГБ 3-го ранга Рапава (ГрССР), ст. майора ГБ Якубова (АзССР) и майора ГБ Мартиросова (Арм.ССР). Руководством к действию служила прилагаемая к приказу инструкция. Для проведения операции на местах следовало создать участковые оперативные тройки. Для обеспечения акции переселения выделялись войска НКВД – потребное количество по заявкам наркомов внутренних дел. Состоящий на оперативном учете антисоветский элемент следовало арестовать, но семьи этих немцев переселить в общем порядке. В случае отказа выехать к месту расселения таких лиц надлежало переселить в принудительном порядке. Совместно с советско-партийным активом следовало на местах провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что «в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств, ответственность за них будет нести глава семьи». Для обеспечения погрузки переселяемых на пароходы в Баку и следования их до Красноводска предписывалось выделить наркому Якубову группу оперативных работников НКВД. О ходе операции наркомам следовало оперативно докладывать в Москву²⁷⁷.

²⁷⁶ Там же. С. 263–264.

²⁷⁷ Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев. С. 88–89.

Одновременно наркомам внутренних дел республик были направлены директивы с грифом «совершенно секретно» (сс). Так, Якубову сообщалось в Баку, что из республики подлежит переселению немецкое население в числе 22 741 чел., что операцию следует проводить в указанные сроки, на основании инструкции НКВД СССР, имеющейся у тов. Ткаченко, что расходы на проведение выселения переводятся. Подобный инструктаж от зам. наркома внутренних дел Союза ССР комиссара ГБ 3-го ранга Кобулова был послан в Ереван – Мартиросову. Переселению подлежали 212 немцев, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ. В случае отсутствия в момент отправки (нахождения в больнице, командировке и т.п.) эти лица берутся на учет для последующего отправления. Срок операции здесь был сокращен: с 15 по 22 октября (что объяснимо небольшим числом депортированных. – Т.Ч.) Определялся маршрут следования: «до Баку жел. дор. и далее морем до Красноводска». На расходы по проведению операции и оплату их в пути следования «из расчета 6 руб. на человека в сутки Вам 10/Х ФО НКВД СССР переводит 25 тыс. руб.» Переселяемым разрешалось брать до 500 кг багажа (запрет на громоздкие вещи).

13 октября зам. начальника отдела Спецпереселений НКВД СССР капитан ГБ Конрадов передает Якубову и Рапава записки о порядке обеспечения переселяемых в пути следования (указано 8 направлений) горячим питанием – 2 раза в сутки, стоимость 3 руб. на человека, оплата наличными в жд. буфетах начальником эшелона²⁷⁸. Казалось бы, хотя и наспех, организация была продумана, но она давала сбои. В условиях продвижения фашистских орд и одновременной эвакуации населения, раненых, предприятий и работников на восток в тыл, эти поспешные решения потребовали корректуры или часть их просто «осталась на бумаге».

Одновременно к акции переселения с Южного Кавказа готовились органы власти в Казахстане. 10 октября из Алма-Аты, из НКВД КазССР (нарком Бабкин) зам. наркома внутренних дел СССР Чернышову была сообщена по «ВЧ» разнарядка о расселении немцев из закавказских республик: по 5 тысяч человек в 9 областей (Акмолинская, Алма-Атинская, Джамбульская, Кустанайская, Карагандинская, Павлодарская, Семипалатинская, Северо- и Южно-Казахстанская) и, как исключение, –2 тыс. человек в Восточно-Казахстанскую. По запросу, на следующий же день в дополнение к этой разнарядке № 1040, от зам. наркома КазССР Богданова последовало сообщение Чернышову о станциях назначения эшелонов с этими переселенцами (от Чернышова сведения поступали Конрадову)²⁷⁹. 13 октября Совнарком КазССР и ЦК КП(б)К принимают постановление (за подписью предс. СНК Ундасынова и секр. ЦК Шаяхметова): «О мероприятиях по реализации по-

²⁷⁸ Там же. С. 127–129, 132–138.

²⁷⁹ Там же. С. 129–132.

становления ГКО от 8 октября 1941 г. за № 744-сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР»²⁸⁰. В нем были указаны 10 областей, куда их планировалось доставить; предусматривалось обеспечение питанием и медицинское обслуживание в местах разгрузки на жд. станциях и в пути следования к местам расселения. Закончить переселение следовало к 30 октября, на основе постановления о расселении немцев Поволжья от 12 сентября и инструкции о порядке приема их имущества от 30 августа, а также соответствующего постановления СНК КазССР и ЦК КП(б) К от 1 сентября. Руководство возлагалось на НКВД, с привлечением к работе Наркомзема, Наркомсовхозов и других организаций республики Казахстан. Было предписано обязать председателей исполкомов облсоветов депутатов трудящихся и секретарей обкомов КП(б)К «в двухдневный срок разработать практические мероприятия по хозяйственному устройству переселенцев в точном соответствии с указанными постановлениями». Контроль за выполнением данного постановления возлагался на НКВД республики. (Решением СНК КазССР от 30.09.1941 предусматривалось распределение выделенных СНК СССР 17 млн. руб. на операционные расходы по приему и расселению немцев-переселенцев.)²⁸¹ Как видно из датирования всех документов подготовка шла спешно.

К началу операции в Закавказье у местных органов власти явно отсутствовали списки и точные сведения о реально проживавших немцах и приходилось параллельно вести работу по их выявлению. Так, в Азербайджане к началу выселения числилось 15 521 чел. (в районах, по сельским зонам – 10 298 чел., в Баку и пригородах – 5 223 чел.). Нарком внутренних дел Якубов докладывал в НКВД СССР, что на 16 октября была учтена 4 861 семья, 15 835 подлежащих переселению немцев, а на 22 октября – уже 6 040 семей, 20 907 чел. Для реализации операции в Баку был создан оперативный штаб НКВД и 17 районных оперативных участков по организации переселения, задействованы городские и районные аппараты милиции и привлечены пограничные войска НКВД Азербайджанского округа, согласно плана «войскового обеспечения операции», 1 240 офицеров и красноармейцев²⁸². (По всей вероятности, операция в Грузии проводилась по подобному сценарию.) Был разработан план «перевозки переселяемых к пункту погрузки», т.е. в порт Баку.

Отсюда прибывающих немцев (и их багаж) переправляли по Каспийскому морю в Красноводск (Туркменской ССР); большие корабли «Туркестан», «Дагестан», «Казахстан» вмещали по 2 эшелона. Маршрут доставки поездом: Тбилиси – Сандар – Акстафа – Кировобад – Баку и затем из Красноводска,

²⁸⁰ Из истории немцев Казахстана (1921–1975). Сб. док.: Архив Президента Республики Казахстан / Отв. ред. П. Карпыкова. Алматы–Москва: Готика, 1997 С. 105–106.

²⁸¹ Там же. С. 99.

²⁸² Там же.

по 8 направлениям ж.д. линий. До Баку (также из Армении) всех отправляли в переполненных пассажирских поездах, длинными эшелонами; из Красноводска – лишь в товарных поездах, по 60–70 человек в вагонах-«теплушках» (по инструкции – до 40 чел.).

Депортация не затрагивала немногие семьи. Подробности горькой одиссеи освещены в опубликованных в 3-х томах воспоминаниях очевидцев²⁸³. Свыше 90 немцев-переселенцев в Германии откликнулись на идею издателя Э. Райтенбаха (который годовалым ребенком попал в Казахстан с родителями). Воспоминания переживших трагедию кавказских немцев, как они себя называют, помогают воссоздать ход депортации в отдельных поселениях (бывших колониях), дополняют подробностями сухие отчеты, рапорты, цифры. Хотя многое с годами стирается из памяти, публикации (и уникальная фотолетопись жизни колоний и семейных историй) являются интересным дополнительным материалом в изучении темы и выявлении подлинной картины событий.

Первыми были доставлены в Баку немцы из Грузии. Уже 15 октября жителям Люксембурга (б. Катариненфельд), колхоз им. Кирова, было объявлено о выселении, на сборы давалось 3 дня. По воспоминаниям очевидцев, сообщение обрушилось неожиданно, хотя в душе немцы ждали беды. (Ведь с Северного Кавказа с конца сентября уже шла депортация немцев.) Как вспоминает Нелли Маевски (ур. Пальмер – Palmer), отпущенные из школы дети радостно бежали домой: «Ура, едем туда, где тепло и яблоки!» Родители вздыхали в день отъезда, со слезами на глазах отец сказал: «Das war einmal unsere Heimat»²⁸⁴. Разрешалось брать багаж по 50 кг на человека и ручную кладь до 15 кг, в которой следовало везти съестные припасы в дорогу. Швабы забивали свиней, резали гусей и кур, заготавливали жареное мясо, по 2–3 ведра, заливая смальцем. Ранним утром 18 октября селение было окружено войсками, чтобы перекрыть возможность побегов. Началась погрузка на машины и телеги, ехали 35 км до ст. Сандар (сегодня Марнеули). Доставленные в Баку в двух поездах (один был из Тбилиси) были переправлены морем за 20 час. Отбив 22.10 и преодолев 4 тыс. км, через Туркменистан и Узбекистан, немцы прибыли 1 ноября в Семипалатинск. Далее по Иртышу на баржах до казахского аула Белик. Затем людей развозили на телегах, запряженных быками, и расселяли посемейно в разные колхозы. Многие семьи из Люксембурга («катариненфельдцы») попали в дер. Глуховка или Белокаменка, на берегу Иртыша²⁸⁵.

Из Розенфельда (б. Мариенфельд) отправка немцев была позже. 22 октября машины повезли их к вокзалу Сагареджо. Интересно, что жители

²⁸³ Edgar Reitenbach. (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1–3. Duisburg, 2004, 2006, 2007.

²⁸⁴ Ebenda. Bd. 1, S. 109, 119.

²⁸⁵ Ebenda. Bd. 1, S. 94–96, 123, 146–147.

соседнего грузинского села блокировали пути и долго не пускали поезд на Тбилиси, пока милиция-НКВД насильно не согнала их! Спонтанно запели песню «Прощай, моя любимая Родина» («Nun Ade, du mein lieb Heimatland»). Поездом через Тбилиси всех немцев отправили в Баку, далее обычным долгим маршрутом, до ст. Шемонаиха, Восточно-Казахстанской области. Оттуда 6 ноября оказались в дер. Пругарово (колхоз им. К. Либкнехта), пограничной на западе с Семипалатинской областью. Многие попали в немецкие села – Хановка, Фриденсталь, Нойдорф и др., в семьи раскулаченных и сосланных с Волги немцев²⁸⁶.

В Асурети (б. Елизаветаль), колхоз им. Берии, уже 16 октября было объявлено о выселении через три дня. Но организация давала сбой, лишь 24-го прибыли красноармейцы, всех немцев отвезли до ст. Сандар. Поезд в Баку был подан с большим опозданием. Почти одновременно транспортировали немцев из соседних высокогорных селений Якобли (Блюменфельд) и Розенберг (б. Александерсгильф), из сел Вальдхайм, Грюнталь и Гофнунгсталь. Немцы из всего района попали в Кустанайскую область. Согласно документу из архива МВД Грузии, из райотдела НКВД в областной были отправлены учетные карточки и поименный список немцев, проживавших в районе Тетрицкаро: всего было переселено 1666 лиц немецкой национальности²⁸⁷. Одновременно отправляли немцев из Тбилиси и Либкнехтдорфа (б. Александерсдорф).

В Азербайджане также шло выселение сельских и городских немцев. 18 октября о переселении было объявлено в Шамхоре. 22 октября людей отправили до ст. Дольяр (в 7 км) и поездом – в Баку. На корабль «Дагестан» погрузили свыше 1 тыс. немцев, утром 24 октября он прибыл в Красноводск. Долгий путь в Восточно-Казахстанскую область продолжался в «товарняке» до 7 ноября. Ехавших другим маршрутом доставили 13 ноября на ст. Колутон, в Акмолинскую область. Далее на 2-х пароммах 300 км по Иртышу – до деревни Камышенка, оттуда на санях развозили в мороз ниже 30 градусов в села Мариновку, Журавлевку, Славянку.

Немцев Ханлара выселяли в два этапа: 23-го октября первая половина (раздел шел по улицам) и 24-го – вторая, всего 3500 чел. населения. Хозяйственные швабы укладывали в тюки персидские ковры, матрацы, посуду, инвентарь²⁸⁸. В автомашинах или телегах всех отвезли до ст. Кировабад, оттуда поездом – в Баку. Лишь 25 октября вечером корабль «Дагестан» доставил людей через море, а 26-го «товарняк» повез через Ташкент, Джамбул, Новосибирск, Кокчетав, Акмолинск – до ст. Колутон. Оттуда на телегах, запря-

²⁸⁶ E. Reitenbach. Vom Kaukasus nach Kasachstan... Bd. 2. 2006, S. 10–11.

²⁸⁷ Udsulaschwili E. Die deutschen Kolonisten in Georgien (Elisabeththal-Asureti), 1818–1941), Tbilisi, 2006, S. 38, 51.

²⁸⁸ Edgar Reitenbach (Hrsg.). Vom Kaukasus nach Kasachstan... Bd. 1, S. 157, 166–167, 184–185. (Воспоминания Элизы Гурр, Фр. Андрис, Клары Мюллер).

женных быками, развозили людей в разные села и колхозы. Многие попали в дер. Мариновку, район Атбасар Акмолинской области (в колхоз «Безбожник»), в Буденновку или в Павлодарскую область.

Жителям Ленинфельда (б. Георгсфельд) объявили сразу 15 октября, что через 3 дня отправка, но отъезд состоялся лишь 22-го. Везли на ст. Дольяр, в 20 км от Кировабада. На перроне пришлось ждать ночь из-за задержки поезда в Баку... В поезде были еще немцы из местечка Талыш (севернее Шамхора), куда поволжские немцы переселились в голодные 1921–1922 годы. На корабле все пели: «Und drum Ade, du mein lieb Heimatland!» 24-го октября эшелоны отбыли из Краснодарска – через Семипалатинск, Барнаул, Новосибирск, наконец, добрались до ст. Колутон 9-го, другие – 13 ноября. Оттуда развозили на санях в сильный мороз. Многие также попали в р-н Атбасар (Акмолинская область) в дер. Мариновка, Ягодное, Вишневка, Ковыленка и др.²⁸⁹

Из Траубенфельда (Тауз), колхоз «Советская звезда», отъезд был задержан, 24 октября отправили 150 семей, 604 человека, на ж.-д. ст. Тауз (Товуз), где пришлось переночевать на перроне в ожидании поезда из Акстафы. 25-го были отправлены в Баку. Оттуда – на корабле «Туркменистан», затем в «теплушках» через Оренбург и Орск добрались 7 ноября в Тобол – таким «веселым» был праздник для депортированных немцев. Все попали в Кустанайскую область, в Тарановский район (где с 1907 г. проживали поволжские немцы) – в деревни Азенкритовка, Лысаковка, Карасорка, Придорожное, Нелюбинка, Елизаветинка и др. В Акмолинской и др. областях также были немецкие деревни²⁹⁰.

Небольшие населенные пункты брались при выселении в кольцевое окружение на время посадки и отправки людей. Из Кировки (б. Розенталь, переименована в 1910 г. в Алексеевку) и соседней Акстафы (Гринфельд), Эйгенфельда (б. Иримашли), Марксовки (б. Елизаветинка) и др. поселений часть семей была доставлена в Восточно-Казахстанскую область. Немцы из Азербайджана попали в основном в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Северо- и Восточно-Казахстанскую области; из Грузии в большинстве своем в Джамбульскую, Алма-Атинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Южно-Казахстанскую области; из Армении все были направлены в Павлодарскую область.

Можно отметить общие черты и особенности в сравнении с депортацией немцев с Волги или Северного Кавказа, Украины и др. регионов. Как и везде, появление военных и объявление о переселении было для немцев в Закавказье однозначно неожиданным. Люди не подозревали, что уезжают

²⁸⁹ Ebenda. Bd. 1, S. 258, 295, 311; Bd. 3, S. 180–183, 360–361, 388. (Воспоминания Е.Р. и Е.-М. Келлер и Фр. Естерле, Ф. Мельхер, Р. Краус, Э. Блейш и др..).

²⁹⁰ Ebenda. Bd. 2, S. 400–403 (воспоминания П. Бергмана).

навсегда, им давали три дня на сборы. Условия переселения, согласно инструкции НКВД Союза, были одинаковы: следовало сдать опечатанные дома, хозяйство, скот. Хорошо, если за бесценок продавали корову (по весу, получали до 500 руб., в то время как рыночная цена доходила до 2 тыс. руб.); если забивали часть свиней и птицу, жарили мясо в дорогу. Типичны были психологическое состояние людей и картина отъезда: плач, рев недоенных коров и оставленной скотины, лай собак, порой до изнеможения бежавших за отъезжавшим хозяином.

«Наказанный народ», немцы оказались первыми в череде репрессий по национальному признаку, но в целом схожи судьбы их и других «народов в эшелонах», отправленных в годы войны с Кавказа вглубь страны. Особенно можно назвать факт, что швабы брали много вещей: плотно свернутые дорогие персидские ковры, постельное белье, одеяла и матрацы, летнюю и зимнюю одежду, посуду и утварь, хозяйственные инструменты, запасы еды. Некоторые везли швейные машинки «Зингер» (многим они помогли выжить). Ход акции выселения облегчало предоставление автомашин и телег до ж.д. станций и пассажирских поездов в Баку, организация в порту погрузки тяжелых тюков на корабли. Поскольку прибывающие из Грузии немцы брали багаж, значительно превышавший масштабы разрешенного инструкцией НКВД, из Баку в НКВД Тбилиси была отправлена 22 октября телефограмма с просьбой «запретить погрузку громоздких вещей» (везли кровати, кушетки, стулья, бочонки вина). 23-го – новая телеграмма: «Багажа по-прежнему много»; требовали организовать переселение в соответствии с инструкцией²⁹¹.

29 октября нарком Якубов сообщил из Баку в Москву (зам. наркома Кобулову), что переселение из южнокавказских республик было закончено 28 октября. Это напоминает традицию выполнения плана по привычке «досрочно»! Однако за этим рвением и деянием стояли свыше 40 тысяч полонных судеб... По обеим справкам НКВД о переселении граждан немецкой национальности, от 28 октября и 13 декабря 1941 г., (за подписью зам. начальника отдела Спецпереселений капитана ГБ Конрадова) из Грузинской, Азербайджанской и Армянской республик были депортированы соответственно 23 580 чел., 22 841 чел. и 212 чел. (25 эшелонов). Интересно, что в справках от 13 и 14 декабря «о наличии проживающих (оставшихся) немцев в республиках, краях и областях» закавказские республики не фигурируют (по данным НКВД/УНКВД)²⁹².

---

²⁹¹ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С. 134.

²⁹² Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев... С. 51 и 55–56, 57, 61, 172. Приведенные данные на 29 октября расходятся с указанными М. Джафарли: на 29 пароходах, 21 эшелон, было отправлено всего 39 760 немцев (10 647 семей). Из них по АзССР – 6 170 семей (20 070 чел.), по ГрузССР – 4 349 се-

Обращает на себя внимание, что в отчетах были даны неизменно одинаковые сведения, и цифры соответствуют заданным в постановлении ГКО от 8 октября. Свет на факт первоначально явно формального учета НКВД проливает документ – запрос от 28 ноября начальника отдела Спецпереселений майора ГБ Иванова (г. Чкалов) Конрадову в г. Куйбышев – п. 3: «Одновременно сообщите последние цифровые данные о фактическом переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР...» Он упрекает Конрадова в том, что его справка зам. Наркома внутренних дел Меркулову составлена «не из фактических данных отправленных эшелонов, т.е. данных Транспортного управления... а из предположительных». Лишь после запроса сведения были уточнены. Так, уже по справке Конрадова начальнику отдела Иванову, от 25 декабря, из Грузии было отправлено, согласно сообщению НКВД ГрССР, 20423 немца (т.е. меньше, без объяснения причин). Не остались без изменений и данные по Азербайджану. В справке НКВД на 1 января 1942 г. даны следующие показатели: были переселены из Грузии – 20423 чел., из Азербайджана – 23593 чел., из Армении – 212 чел.²⁹³ Получается всего – 44228 немцев, что можно взять за основу. Как видим, план Берии переселить 46533 чел. остался невыполненным. Оказалось, «недобор» по плану составил 2305 чел.! В срок с 25 по 30 октября шло переселение немцев из Дагестанской АССР – 4 тыс. чел. и из Чечено-Ингушской АССР – 574 чел. (согласно постановлению ГКО №827-сс от 22 октября). Одновременная акция – прибытие пароходов по Каспию из порта Махачкала в Баку и подача вагонов – могла затруднять отчетность, но главное было – в сугубо формальном подходе к ней. (По докладу Конрадова, на 25 декабря в стране уже было отправлено 856168 немцев. Из них, считаем, «закавказские» немцы составили 5,15%.)

Но и после рапорта Якубова от 29 октября продолжалась депортация «вновь выявленных». В донесении в Москву уточнялось: «Оставшиеся по различным причинам одиночки и демобилизуемые из Красной армии будут направляться группами в сопровождении оперработников». В ходе операции также продолжались аресты проходивших «по оперативным материалам» (только в Азербайджане, по отчетам республиканского НКВД, на 25 октября – 105 человек)²⁹⁴. Они были месяцами позже этапированы в распоряжение НКВД КазССР.

Судя по изученным на сегодня докладным запискам в НКВД СССР, внутренней переписке между сотрудниками НКВД Азербайджана и Грузии, их рапортам, в ходе осуществления операции проявилось много упущений

мей (19353 чел.) и по АрмССР – 337 чел. (128 семей). См.: **Джафарли М.** Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С. 133.

²⁹³ «По решению правительства...» С. 268–269, 271; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев. С. 67–69.

²⁹⁴ **Джафарли М.** Депортация немецкого населения из Южного Кавказа. С. 133

в ее организации (отчасти жизнь внесла коррективы в планы). По приему эшелонов в Баку: неразбериха в документации, «повагонные списки составлены небрежно», сопровождающим оперработникам и начальникам эшелонов не всегда было известно количество едущих в поезде. К примеру, на прибывших из Сандара эшелоном № 233/611 отсутствовали учетные карточки. Выявлялись случаи, что наркомы здравоохранения обеих республик не обеспечили отправляемых с эшелонами врачей деньгами и медикаментами, некоторые ехали «на время» в легкой одежде. В рапортах оперработников в оперативный штаб Баку отмечалось, что порой не было точного адреса конечных остановок эшелонов, в дороге могли изменить направление движения или место выгрузки пассажиров (что могло быть и в силу объективных причин, сложности процесса эвакуации населения и промышленности). Не останавливаясь подробно на условиях переезда, отметим, что в общем он длился до месяца, 2–3 недели – в вагонах-«теплушках» по 60 и более человек. Отсутствие туалетов, трудности с малыми детьми и стариками, нехватка продовольствия и воды и т.п. вызывали болезни и смерти в пути. Хотя, по воспоминаниям очевидцев, носили кипяток, ближе к ночи получали горячую пищу из ж.д. буфетов (расплачивались ответственные начальники эшелонов).

Изначально в Казахстане не успевали вести учет и контроль прибывших, порой в обласполкоме не знали точно, сколько и в каком районе проживает немцев (к тому же сюда доставляли немцев с Волги и других регионов страны)²⁹⁵. Их определяли в основном на работу в колхозы. Расселяли по-семейно в дома местных жителей: русских и казахов, мужья, братья, сыны которых были на фронте, или немцев. Часто в доме из 2-х комнат отдавали одну, куда вселялись по 1–2 семьи, с детьми, до 10–15 человек. Жили в тесноте, не было ни запаса дров для печи, ни водопровода, ни электричества. Отношения с местными жителями в те непростые военные годы складывались по-разному, но не всегда проявлялась враждебность. Были и добро, и сострадание, и помощь. К сожалению, этот аспект мало изучен и не нашел достойного освещения в исследованиях, о нем можно судить лишь через призму опубликованных воспоминаний. Они проясняют ситуацию на бытовом уровне. Сосуществование, в прямом смысле слова бок о бок, с немцами в сложнейших для страны условиях военного времени (эвакуация, сводки с фронта о наступлении противника) и отношение местных властей – вопрос этот требует особого внимания и объективной оценки, в сопоставлении документов с впечатлениями очевидцев. Важно выявить отражение происходившего в сознании принудительно выселенных по национальному признаку «советских» граждан, их восприятие, их менталитет. Кроме того, понять поведенческий мотив местного населения. Вот привозят немцев: ожидали

---

²⁹⁵ См.: **Алдажуманов К.С.** Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998.

чудовищ с рогами... а оказалось, это – люди: женщины, старики и дети. (Образ был навеян из предвоенного фильма «Александр Невский»: немецкие рыцари в шлемах с рогами – Т.Ч.) По целому ряду воспоминаний переселенцев, местные встречали по-доброму, хотя были и неприятели, и срывы. Ведь родные были на фронте, а в дома шли похоронки... Тонкий анализ писем и воспоминаний мог бы положить начало изучению этого важного психологического аспекта проблемы.

Другое дело – влияние партустановок, требование бдительности, настрой и действия советско-партийных представителей власти на местах. Показателен в этом плане отрывок «Из директивного письма ЦК КП(б) к партийным органам республики от 4 октября 1941 г.» (за подписью секретаря ЦК Н. Скворцова). Обосновывая необходимость и правильно использовать решения о переселении немцев (мол, Гестапо пытается широко использовать их для диверсионной работы, особенно в Поволжье), ЦК КП(б)К упреждал, что в Казахстане среди переселенцев окажутся недовольные и враждебные к советской власти. Уже «отмечено оживление антисоветских настроений... пораженческая агитация». Более того: «В некоторых областях республики вскрыты организационно оформленные фашистские диверсионные группы», которые ставили ближайшей задачей распространять «[онтр] р[еволюционную] литературу, разлагать трудовую дисциплину в колхозах, заниматься вредительством, прививать у кохозников ненависть к советской власти, готовить их для восстания в тылу...» Враждебное влияние, отмечалось в письме, «будет там, где мы плохо работаем», «необходимо принять меры к недопущению распространения влияния этих элементов на местное население». ЦК партии обязывает все парторганизации к изучению настроений и повседневной политработе среди немцев, повышению бдительности, «сохранению государственной и военной тайны». Призывает активнее вести массово-политическую и агитационную работу, особое внимание уделить ей в колхозах, куда прибывают немцы-переселенцы на работу. О ходе выполнения установки следовало информировать ЦК²⁹⁶. Эта установка весьма красноречива (опосредованно она касалась и кавказских немцев).

Однако, не все чиновники занимали такую позицию. В письме от 11 ноября от секретаря Южно-Казахстанского обкома Нечаева в ЦК КП(б)К Скворцову, отмечалось «исключительно тяжелое положение немцев-переселенцев», поскольку без соответствующего оформления документов (часто без квитанций и печати) о сдаче ими государству домов, скота, хлеба и т.д., ничего не могут получить на местах. Имеются случаи заявлений, что нечего кушать, «появляется на почве истощения большая смертность среди немцев-переселенцев, особенно среди детей» (пример по Фрунзенскому сельсовету Кировского района – 84 человека). Резюме: «Отсюда создается чрезвычайно

---

²⁹⁶ Из истории немцев Казахстана. С. 103–104.

неблагоприятная политическая обстановка среди немцев-переселенцев, которая распространяется на окружающие колхозы». Для того чтобы разрядить обстановку, мыслящий секретарь Обкома просит поддержки и решения выдать им кредит для устройства и отпустить «хотя бы минимальную продовольственную ссуду на пропитание до урожая 1942 г.», занять их на земляных работах за счет бюджета²⁹⁷. Секретарю не безразлична судьба переселенцев.

Иное по характеру и подходу письмо от 20 ноября в ЦК КП(б)К Скворцову от секретаря Карагандинского обкома партии Кондратенко. Он сообщал, что в Тельманском районе из числа работающих в колхозах и других организациях немцев «начали активизироваться контрреволюционные группы фашистской агентуры, целью которых ставилось убийство ответственных партийных, советских работников, захват секретных документов, организация диверсий в промышленности и саботаж в колхозах». Ряд немецких семей колхозов им. Кирова и Калинина (499 и 439 немцев) имеет связь с заключенными, находящимися в Карлаге НКВД... враждебно настроены к советской власти. Оставлять такое население считаем невозможным». Обком предлагает эти колхозы «целиком переселить на земли госфонда Каркаралинского района... в декабре будут строиться». Предложена и вторая возможность к выселению: слить колхоз им. Кирова с колхозом «Пробуждение» того же района (в 60 км от г. Караганды); колхоз им. Калинина слить с колхозом «Крепость» Ворошиловского района. Резолюция Н. Скворцова от 28.11.1941 гласила: «Лучше бы слить колхозы, чем переселять их за 300 км в зимних условиях»²⁹⁸. Таков наглядный пример бездушного подхода секретаря обкома, поражает и шпиономания, и явно энкавэдэшная риторика 30-х годов о контрреволюционной деятельности переселенцев.

Но нельзя всех грести под одну гребенку, были разные люди, эти секретари и председатели колхозов. По воспоминаниям немцев, иные выдавали хоть захудалую корову или участки земли под огород, чем помогли семьям с детьми просто выжить. Многие немецкие женщины самоотверженно трудились в колхозах, и некоторые, например, доярки Э. Штарк и Э. Миллер, даже были заслуженно награждены в 1947–1948 гг. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»²⁹⁹.

Только успели переселенцы определиться в суровую зиму, как с января–февраля 1942 г. стали мобилизовать мужчин в трудовую армию, отправляя далеко от семей на принудительные работы (в ноябре и женщин, кроме мам

---

²⁹⁷ Там же. С. 107–110.

²⁹⁸ Там же. С. 110–112. Распоряжением СНК СССР Минюсту СССР от 6 января 1942 г. разрешалось СНК КазССР переселить немцев из с/х артелей им. Калинина и им. Кирова в Ворошиловский р-н Карагандинской обл. и трудоустроить их. См.: «По решению правительства...» С. 277.

²⁹⁹ **Edgar Reitenbach** (Hrsg.). *Vom Kaukasus nach Kasachstan...* Bd. 2, S. 13; Bd. 3, S. 15. (воспоминания Р. Штарка и Р. Мюллер).

с детьми до 3-х лет). Однако это отдельная большая тема, требующая специального рассмотрения и довольно изученная. Характерной чертой жизни в депортации стала «разорванность» семей, дети без родителей попали в детские дома или оставались в колхозах на попечение родных, не все могли посещать школу. В сравнении с другими депортированными народами, такая судьба фактически досталась только этническим немцам. Лишь после войны семьи смогли съезжаться (по вызову мужа).

Мало исследованным остается вопрос о политике и практике заселения принудительно оставленных немцами жилищ. Переселение местных и эвакуированных жителей в районы и колхозы после насильственного выдворения немецкого населения, наблюдалось повсеместно (в Поволжье, на Кавказе и др.)³⁰⁰ В покинутые дома депортированных немцев, которые сдали колхозу скот и все хозяйство, получив жалкие расписки о принятом, спешно вселяли по решению местных советско-партийных органов. Так, в Азербайджане уже 19 октября, в ходе акции выселения, было утверждено постановление Совнаркома и ЦК АКП(б) «О вселении в колхозы, освобождаемые от немецкого населения». Указано было: вселить в пятидневный срок 4360 человек трудоспособного колхозного населения, со всеми членами семей и хозяйствами³⁰¹. Эта политика и практика и правомерность решений властей требуют, наконец, правовой оценки.

Одним из последствий депортации на местах стало очередное изменение немецкой топонимики. Впервые новые имена населенных пунктов, как элемент русификации, появились в 1915 г.: Еленендорф стал Еленино, Анненфельд – Аннино, Елизаветталь – Асурети и т.д. Затем с 1921 г., с приходом советской власти селения были переименованы: Катариненфельд – в Люксембург, Александерсдорф – в Либкнехтдорф, Александергильф – в Розенберг, Вальдхайм – в Кировиси, Георгсфельд – в Георгиевск, Елизаветинка – в Марксовку и др. В 1938 г. Еленино было названо Ханлар, в июне 1941 г. Аннино – Шамхор (как звучит древнее название местности), Георгиевск (Георгсфельд) – Ленинфельд, Эйгенфельд – Энгельсфельд и др. Налицо были идеологизированные имена. В 1941 г. немецкие топонимы фактически окончательно исчезают с карты Кавказа. Так, с выселением немцев село Люксембург было сразу переименовано в Болнисы, Траубенберг – в Тамарис; Грюнталь – в Руисоло, Ленинфельд – в Чинарли; Траубенфельд объединен с Товуз и т.д. И по сей день(!) этот процесс продолжается: в 2009 г. Ханлар (б. Еленендорф) был назван Гек Гель (по имени близлежащего озера).

---

³⁰⁰ «По решению правительства...» С. 274, 278–279, 289. По плану в бывшую АССР НП было намечено вселить 39093 колхозных хозяйств; в Саратовскую область – свыше 13 тыс. хозяйств из Пензенской и Смоленск областей; в Орджоникидзевском крае передавались имущество и земли 53-х оставленных немцами колхозов и т.д.

³⁰¹ . **Джафарли М.** Депортация немецкого населения из Южного Кавказа. С. 138

И еще один момент. Судьбы бывают разными, как говорится, по воле Божьей. Судьбы этнических немцев зависели от тоталитарной власти, ее репрессивной машины, от действий партаппаратчиков и чиновников на местах и имеют много общего. Большинство немцев-переселенцев (кавказских) перехало из Казахстана в Германию. Они регулярно проводят здесь встречи односельчан, родственников и близких, друзей, одноклассников. И что интересно, собираются не только как жители бывших колоний, но и немецких селений в Казахстане, например, дер. Белокаменка или Мариновка, где была прожита часть жизни, где родились и выросли их дети. Некоторые пишут свои семейные истории, хроники, историю колоний, просто о пережитом. Их объединяет общность судеб. Хотя в деталях судьбы людей были разные, они имеют так много схожего, поскольку все они – российские немцы.

Многие сохранили духовную связь с родиной – Кавказом. Первые ехали туда из Казахстана посмотреть уже в 1960-е годы, группами или семьями, в одиночку. Теперь едут из Германии посетить родные места, периодически организуются турпоездки в Баку, Еленендорф и др. селения.

Депортация немцев (и коренных горских народов) нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу районов Кавказа. Произошла непоправимая утрата трудолюбивого, успешного сельского и городского населения. Мало немцев оставалось или вернулось сюда. На сегодня в суверенных Азербайджане и Грузии имеются небольшие евангелическо-лютеранские общины. В Баку немцам-евангелистам удалось вернуть себе здание кирхи. В Тбилиси, при поддержке германской стороны и благодаря усилиям епископа Гердта Гумеля, была построена и в 2005 г. освящена церковь Примирения. Как символ единения здесь была создана общественная организация немцев «Айнунг». И сегодня, 70 лет спустя после депортации, эта трагедия остается в сердцах людей, вызывает к исторической памяти, в частности, о кавказских немцах (потомках колонистов). Она напоминает об ответственности тоталитарной власти за содеянное.

Депортация немцев из Азербайджана

Завоевав в первой трети XIX века северные земли Азербайджана, Российская империя для утверждения своего владычества в этом регионе, проводила колониальную политику. Главная цель колониальной политики Российской империи в регионе, а также в Северном Азербайджане являлась ассимиляция и превращение этой страны в неотъемлемую часть обширной Российской империи. Для этой цели Российская империя проводила как в Северном Азербайджане, так и на Кавказе переселенческую политику, которая являлась составной частью колониальной политики.

Важным звеном в колониальной политике России на Кавказе являлось переселение в пределы империи христиан-иноземцев. Одним из первых среди них стали немецкие колонисты. Первые немецкие переселенцы появились на Кавказе в конце XVII в. После заключения Кючук-Кайнаджирского договора территориальные рамки Российской империи на юге были расширены и в ее состав были включены земли до реки Кубань. С целью освоения и установления политической власти на завоеванной территории Кавказа, Россия, беря за основу свои государственные интересы, старались вклинить в массу коренного населения региона иноэтнические элементы.

Поэтому правительство разрешило переселиться немцам-колонистам Поволжья на Кавказскую линию. Заинтересованная в скорейшем разрешении данного вопроса Екатерина II 27 октября 1778 года утвердила доклад генерального прокурора Вяземского «О переселении колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовом», суть которого заключалась, о необходимости переселения поволжских немцев-колонистов на завоеванные земли, мотивируя тем, что они «не только имеют земли не хлебородные, но по причине воды весьма нездоровой, люди и скот страждут болезнями и умирают».

В ходе завоевания Центрального Кавказа, а также северных земель Азербайджана Российской империи немцы-колонисты появились также на территории Азербайджана.

Кампания по переселению немецких христиан в страну началась сразу после заключения Гюлистанского мирного договора между Россией и Иранским государством в 1813 году. Царское правительство заявляло, что, переселяя немцев на Кавказ, преследует цель способствовать развитию здесь с их помощью ряда отраслей местного сельского хозяйства и кустарного промысла. Однако, не меньшее, если не большее значение придавалось усилению христианского элемента, как в регионе, так и Северном Азербайджане.

Немецкими переселенцами являлись, в первую очередь, сектанты. О том, что Россия уделяла серьезное внимание переселению немецких колонистов

на завоеванные ею земли Кавказа, свидетельствуют распоряжение императора Александра I, согласно которому, на их обустройство, на Кавказе из государственного казначейства было отпущено 100 тыс. руб. сер.

Процесс переселения немецких христианских сектантов на Центральный Кавказ начался в 1817–1818 годах.

Прожив, много лет в Азербайджане немцы лицом к лицу, столкнулись с горькой истиной. Они всегда вовлекались в бурные события, связанные с нестабильной политикой и царской и советской России. Именно нестабильные исторические события тяжело влияли на жизнь немцев на Кавказе. На протяжении более ста лет немцы создавали и создали свои хозяйства, школу, культурные очаги. Несмотря на долгую жизнь в Азербайджане советских (как принято было тогда их называть) немцев, в один миг после начала войны 1941 года они стали для Советского Союза чужими. Нельзя без горечи и стыда осознавать вину нашей собственной страны перед целыми поколениями золотых тружеников, специалистов, очень много давших нашей республике.

Октябрь 1941 г. стал роковой чертой между прежней их равноправной жизнью и страшным существованием отверженных, чужих, какими они стали по принятому закону в течение нескольких дней на долгие-долгие годы. Немцы из Азербайджана, уезжая на фронт до конца бились с фашизмом, освобождая от него обе родины – историческую и новую. Многих из них и по возвращении ожидала горькая участь выселенцев, многие погибали, вернувшись израненными и больными. Но были среди бывших азербайджанских немцев и такие, кто возвратился сюда навсегда, с болью и обидой в сердце, но с искренней привязанностью к родной для них азербайджанской земле.

В советский период сталинская депортация немцев не была неожиданной и новой. Повторилось то, что сделал последний царь Николай II во время Первой мировой войны.

На Кавказе операция по депортации была начата 1 октября 1941 году. Бывшие немецкие колонии – в Ханларском, Шамхорском, Тоузском и Казахском районах были окружены и взяты в кольцо с целью предотвращения попыток к бегству. Немцам дали на сборы 3 дня. В Анненфельде (Шамхоре) окружение длилось пять суток, до тех пор, пока все не были выселены из своих домов. Разрешалось брать с собой только личные вещи не более 20 кг. Тогда всем казалось, что это ненадолго. Немцы убрали свои дома и дворы, запирали дома на замок, а ключи отдавали близким и знакомым. Старинные пианино, предметы интерьера, мебель, выписанные ранее из Германии, отдавали, за гроши выгоняли на улицы скот. Пешком, глотая слезы, они двинулись на вокзал для отправки по железной дороге в Баку. Уходили с достоинством, молча, не оглядываясь на покинутые очаги. Целую, неделю после отъезда,

выли их верные собаки, тоскливо мычали коровы в напрасном ожидании ласковых рук хозяек.

С 18 октября началась депортация немцев на пароходах, теплоходах и баржах из Баку до Красноводска, и далее, в Казахстан.

До начала Второй мировой войны в 1935–1936 годах в ходе репрессий арестованные семьями выслались в отдаленные регионы СССР, в частности на Беломорско-Балтийский комбинат, с 1937 года их в большинстве случаев расстреливали. На граждан немецкой национальности, в отличие от азербайджанцев, которым навешивали ярлыки «врага народа», «предателя родины», «пантюкиста». «панисламиста», навешивался в основном ярлык «агента германской разведки». В те годы судьба азербайджанских немцев в советский период стала частью трагедии всего азербайджанского народа, который понес громадные потери в годы репрессий. Репрессии и в конечном итоге полная депортация, в 1941 г., немцев из Азербайджана, это не только преступление против мирного гражданского населения, но и всего Азербайджана. В то годы карательными органами были совершены грабежи в учреждениях и хозяйственных объектах, принадлежавших немецким колонистам. Варварски уничтожено личное имущество граждан, в частности библиотеки, произведения искусства, фотографии и переписка.

Советский режим в 1956г. на XX съезде КПСС, признал ошибочным выселение целых народов, в т.ч. и немецкого, обвинения с советских немцев как необоснованные и огульные, были законодательно сняты лишь в 1964 г. Идеология реабилитации в 1950–1960-х годах являлась политической фикцией руководства СССР. Репрессированные или члены их семей, оставшиеся в живых, получали различного рода справки и ничтожные материальные компенсации. Вместе с тем органы власти продолжали скрывать масштабы преступления. В 1972 г. немцам было разрешено вернуться в места прежнего проживания. Такое разрешение не могло быть полностью реализовано. Люди не могли вернуться в свои дома, потому что в них уже давно жили другие. Они были заселены армянами из Ирана, Турции и Армении, а также депортированными в 1948–1953 годах из Армянской ССР азербайджанцами. Поэтому в Азербайджан вернулось лишь незначительное количество немецких семей. Из Азербайджана (согласно переписи 1939 года), депортировали около 20 тыс. немцев. Остались только женщины, которые были замужем за лицами другой национальности. Тогда их это спасло.

Социально-экономическое и общественное положение немцев-спецпереселенцев Томска в начальный период Великой Отечественной войны

К концу лета 1941 г. гитлеровские войска оккупировали значительную территорию СССР, продолжая развивать наступление вглубь страны. В этих условиях Политбюро решило переселить немцев, проживавших в западных областях СССР, в восточные регионы. 26 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»³⁰². Постановление предписывало переселить все немецкое население Поволжья в Сибирь и Казахстан. Руководство переселением возлагалось на НКВД с привлечением других ведомств. А 28 августа 1941 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», 30 августа он был опубликован в печати³⁰³. Для расселения немецкого населения были выделены 224 района Новосибирской (включавших в то время современные Новосибирскую, Кемеровскую и Томскую), Омской областей, Алтайского края, Казахстана и других соседних регионов, площадь которых составляла 3 млн кв. км³⁰⁴.

Уже 6 сентября 1941 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) приняло решение «О расселении и хозяйственном устройстве на территории области переселенцев из АССР НП». В соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) местные власти должны были расселить в 45 районах Новосибирской области 100 тыс. немцев. Бюро обкома обязало секретарей горкомов, райкомов и председателей горрайисполкомов в трехдневный срок разработать и утвердить план расселения немецких семей по населенным пунктам и представить в обком и облисполком. Оперативное руководство расселением и хозяйственным устройством должна была осуществлять тройка в составе председателя облисполкома И. Гришина, секретаря обкома Бабица и начальника УНКВД Бекмана³⁰⁵. Три недели спустя после указа Президиума Верховного Совета СССР, 17 сентября, в Томск из Саратова по железной дороге прибыло 558 семей немцев-переселенцев с общей чис-

---

³⁰² «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е гг.). М., 1998. С. 19–22.

³⁰³ История российских немцев в документах. 1763–1992 гг. Кн. 1. М., 1993. С. 159–160.

³⁰⁴ Герман А.А. Поволжские немцы в Сибири в первые месяцы после депортации (сентябрь–декабрь 1941 года) // Немцы Сибири: история и культура: м-лы VI Международной науч.-практ. конф. Омск, 2010. С. 71.

³⁰⁵ Из истории земли Томской 1940–1956 гг. Невольные сибиряки. Сб. документов и материалов. Томск, 2001. С. 49–50.

ленностью 2 284 человека. В этот же день каждой пассажирской семье было предоставлено не менее одной комнаты³⁰⁶.

Следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны наиболее интенсивно развивалось промышленное производство на Урале и в Сибири, прежде всего за счет эвакуированных сюда из западных регионов страны многих десятков предприятий. Движущими силами в развитии отечественной промышленности в 1940-е гг., равно как и в предыдущее десятилетие, являлись энтузиазм советских людей, а также применение в широких масштабах принудительного труда заключенных и спецпоселенцев. В связи с массовой мобилизацией в действующую армию, начавшейся с первых дней войны, в тылу не хватало рабочих рук. Эвакуированные предприятия в Сибири испытывали острую нужду в рабочих и инженерах.

Главная задача для местных властей заключалась в приеме и обустройстве огромного количества переселенцев. В Томске была создана специальная комиссия по учету и распределению рабочей силы. И уже к 5 октября 1941 г. немцы из западных областей СССР, наряду с эвакуированным населением, были распределены по предприятиям, учреждениям Томска. Однако немцев не допускали к работе на заводах оборонной и химической промышленности. В дальнейшем руководство области не успевало проводить прием и обустройство прибывавших. Сжатые сроки переселения и хлебоуборочная кампания не позволили в полной мере провести все запланированные мероприятия по расселению.

В свою очередь, 8 октября 1941 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О трудовом и хозяйственном устройстве переселенцев из Республики немцев Поволжья». Согласно ему все бывшие колхозники обязаны были вступить в колхозы, а специалисты сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветеринары, механики, колхозные счетоводы и др.) должны были привлекаться к работе в колхозах, МТС и районных земельных отделах (райзо). Других специалистов (врачей, бухгалтеров, педагогов, ИТР) предлагалось путем индивидуального отбора использовать на соответствующих предприятиях и в учреждениях районов. На всех специалистов, не занятых в районах по специальности, предписывалось представить в облисполком списки с подробным указанием их предыдущей трудовой деятельности, образования, стажа работы для дальнейшего трудоустройства. Кроме того, районные власти должны были предоставить переселенцам свободные дома, хозяйственные постройки и материалы для строительства домов³⁰⁷.

---

³⁰⁶ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 212.

³⁰⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–4; ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 13. Л. 32–35.

В Томске местным органам власти, как и во многих других больших сибирских городах, легче было решать проблему трудоустройства немцев, особенно там, где имелись предприятия, выпускавшие гражданскую продукцию. Например, в конце 1941 г. в Томске на электромеханическом заводе работало 52 немца, на фабриках махорочная – 18, госшвейфабрике №5 – 130, «Карандашная дощечка» – 5. Кроме того, с осени 1941 г. в томских вузах начали свою трудовую деятельность профессор Штауб на кафедре технологии силикатов Индустриального института и А.П. Дульзон на кафедре иностранных языков Педагогического института. И оба весьма успешно развернули научно-исследовательскую и преподавательскую работу. Штауб, например, внес ценное предложение об использовании золы бурых углей для получения цемента³⁰⁸. А Дульзон впоследствии в Томске основал научно-исследовательскую школу немецкой диалектологии и языков коренных народов Сибири. Однако основная часть спецпереселенцев была трудоустроена не по специальности.

Большинство немцев из Поволжья, главным образом квалифицированные рабочие, на предприятиях работало честно, добросовестно, дисциплинировано, перевыполняя планы. Например, токарь Вахтель, слесари Магденбург и Шпангель производственную программу выполняли на 160–170%. А столляр артели «Культспорт» Бергерт, работая на производстве лыж, взял обязательство выполнять двойную норму³⁰⁹. С положительной стороны на томских предприятиях, учреждениях показали себя спецпереселенцы А.А. Клейн, Я.Л. Шейдман, В.Г. Шмик и др.

Необходимо отметить, что некоторые из числа прибывших немцев в Томск, ранее состоявшие в партии и комсомоле, осенью 1941 г. были активно вовлечены в общественную жизнь на производстве. Например, на госшвейфабрике №5 А.Я. Вербах, как и рабочие «Томторга» И.А. Шефер и О.Я. Шмидт, возглавила профсоюз. В декабре, во время контрнаступления советских войск под Москвой, они на своих предприятиях организовали среди работавших немцев сбор теплых вещей бойцам Красной армии. Кроме того, в октябре 1941 г. в Кировском районе Томска 6 коммунистов из числа немецкиспецпереселенцев встало на партийный учет. А к началу 1942 г. в Вокзальном районе из 661 коммуниста 11 относились к представителям немецкой национальности³¹⁰.

Несмотря на успешную трудовую и общественную деятельность многих немцев, наиболее важным оставался вопрос адаптации. Большинство спецпереселенцев столкнулось на новом месте проживания с суровыми бытовыми условиями. Их, как правило, разместили по квартирам местных жителей

³⁰⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 45. Л. 16–17.

³⁰⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 279; Д. 45. Л. 16.

³¹⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 384; Д. 30. Л. 66–68, 91.

в порядке уплотнения, часть – в общежитиях предприятий, а некоторые немцы расположились в служебных сырых и прохладных помещениях. Из-за недостаточной подготовки местными властями приему огромного количества людей имел место целый ряд серьезных недостатков с перевозкой, размещением и обеспечением питания прибывшего контингента. Прибывшие немцы из южных районов страны впервые столкнулись с наступившими сибирскими холодами в осенне-зимний период. Многие семьи не имели даже теплой одежды, обуви. Питание было очень скудное. В крайне неудовлетворительном состоянии находилось медицинское обслуживание. И помимо этого немцы-спецпереселенцы наряду с основным населением принимало участие в сборах подарков бойцам Красной армии.

Большинство людей, переживших депортацию, проявляло недовольство тем, что их согнали с родных мест, конфисковали имущество и переселили в отдаленные края. У спецпереселенцев отмечался также отрицательный настрой и негативное восприятие происходящего. Еще осенью 1941 г. в пути следования имели место отдельные «враждебные высказывания» в адрес правительства, хотя организованных антисоветских выступлений со стороны переселенцев не наблюдалось. В частности, «враждебные настроения» выражали высланные из Саратова в Томск И.И. Сайдетсаль, Л. Меиль, Бузик, Штауб, Фишер³¹¹.

Неоднозначно встретило немцев-спецпереселенцев местное население. С одной стороны, присутствовали случаи негативного отношения к немцам. Их нередко дразнили «фашистами», «фрицами». Но в целом томичи, как и большинство сибиряков, относились к переселенцам сочувственно, с пониманием. Сами местные жители находились в бедственном положении, но прибывшим немцам из Поволжья и других западных регионов страны старались помочь и морально поддержать. Более того, спецпереселенцы своим усердным трудом на производстве и патриотическим настроем заслуживали уважения со стороны коренных сибиряков.

В течение осени 1941 г. численность немцев в Сибирском регионе постоянно увеличивалась. Доставлялись они по железной дороге, кроме высланных из АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей, из Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Воронежской области РСФСР, Запорожской и Сталинской (Донецкой) областей УССР, Азербайджанской ССР. В дальнейшем поступали демобилизованные бойцы из рядов РККА, а также граждане, отставшие от своих эшелонов. К началу 1942 г. общее число спец-

---

³¹¹ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, комментариях. М., 1996. С. 240–246; ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 214.

переселенцев составило 799,5 тыс. чел.³¹² Новосибирская область приняла 133 684 немца³¹³, из них 2301 находилось в Томске³¹⁴.

Контроль за спецпереселенцами осуществлял НКВД. Широко использовалась практика вербовки агентуры из самих прибывших. С помощью осведомителей и агентов карательные органы пресекали любые антисоветские высказывания немцев-спецпереселенцев. А в местах наибольшего их скопления проводилась активная идеологическая работа. Первичными партийными и комсомольскими объединениями на производстве регулярно организовывались политические собрания. Но спецпереселенцы пассивно присутствовали на таких мероприятиях³¹⁵.

В конце 1941 г. на томских предприятиях органами НКВД было заведено несколько агентурных дел на лиц, организовавших вокруг себя «антисоветскую» часть немцев. Так, на госшвейфабрике №5 большинство немок-переселенок, работавших на этом предприятии, было недовольно акцией сбора теплых вещей бойцам Красной армии. И только под нажимом властей было проведено собрание, на котором все до одной из них внесли взносы. Против подобной акции выступал и преподаватель немецкого языка школы №17 Томска Г.Я. Нижинский, также находившийся под особым вниманием НКВД³¹⁶. Несмотря на некоторые стихийные протесты спецпереселенцев, секретарь Томского горкома в информационных отчетах отмечал, что очень много немцев, в том числе и женщин, изъявляло желание отправиться на фронт.

Таким образом, агентурно-оперативная деятельность органов НКВД среди немецкого населения во многом способствовала установлению, сохранению и ужесточению режима поселения. Поэтому немцы не могли активно проявлять недовольство указом. Советская административно-командная система требовала безропотного подчинения государству.

Немцы СССР, как и основное население страны, были воспитаны на коммунистических идеалах, но в постдепортационный период они пересмотрели свои убеждения. Оказавшись обманутыми и униженными, немцы не могли положительно относиться к Советской власти. Тем не менее они оставались лояльными и честными гражданами СССР. Например, большая часть спецпереселенцев в утильном цехе госшвейфабрики №5 в декабре 1941 г. внимательно слушала сводки Информбюро и радовалась успешному

---

³¹² Герман А.А. Поволжские немцы в Сибири в первые месяцы после депортации (сентябрь–декабрь 1941 года) // Немцы Сибири: история и культура: м-лы VI Международной науч.-практ. конф. Омск, 2010. С. 76.

³¹³ Шадт А.А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 314.

³¹⁴ Из истории земли Томской 1940–1956 гг. Невольные сибиряки. Сб. документов и материалов. Томск, 2001. С. 215.

³¹⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 278.

³¹⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 45. Л. 16–18.

контрнаступлению Красной армии под Москвой³¹⁷. На других предприятиях и учреждениях немцы также интересовались названиями освобожденных населенных пунктов и захваченными трофеями советскими войсками у гитлеровцев.

За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны многие рабочие были награждены орденами и медалями. Однако среди награжденных почти не было немцев. В условиях отсутствия достаточных правовых оснований депортации и соответствующих нормативных актов, определяющих правовой статус спецпереселенцев, органы НКВД на местах руководствовались постановлениями центральных органов власти, регламентировавших специальный режим для переселенных людей. Сам факт насильственного переселения, статус спецпереселенца и комендантский режим приводили к тому, что немцев рассматривали как людей, опасных для Советской власти. Это и выражалось в особом к ним отношении. Кроме того, со стороны чекистов и партийного начальства усиливало недоверие то обстоятельство, что спецпереселенцы из Поволжья и других западных регионов страны между собой разговаривали в основном на немецком языке. А в условиях войны с Германией немецкая речь очень враждебно и недоброжелательно воспринималась окружающим населением.

Таким образом, немцы явились одной из основной рабочей силой в развитии промышленности в Томске, как и во всем Сибирском регионе, в годы Великой Отечественной войны. И они находились под жестким контролем НКВД. Несмотря на недовольство большинства немцев-спецпереселенцев депортацией и проживанием в суровых сибирских бытовых условиях, они, тем не менее, были настроены патриотично и занимали весьма лояльную позицию по отношению к Советской власти. Своим трудом в глубоком тылу немцы наряду с другими народами СССР внесли существенный вклад в общую победу над фашизмом.

---

³¹⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 18. Л. 280.

Спецпереселенцы-немцы на территории Северо-Западной Сибири (1942–1945 гг.): численность и правовой статус

История принудительного переселения немцев в СССР имеет обширную общероссийскую историографию³¹⁸.

Значительное место занимают также исследования проблем связанных с депортацией на территории Северо-Западной Сибири (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов). Для региональной историографии характерна поляризация мнений по ряду проблем и, в частности, по вопросам установления численности и правового статуса депортированных на территории северных округов Омской (с 14 августа 1944 г., Тюменской) областей³¹⁹.

Спецпереселенцы-немцы прибыли из южных районов Омской области на территорию Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов в 1942 г. в рамках осуществления совместного постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 6.01.1942 г. №19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», в секретной части которого давалось указание о переселении спецпереселенцев для развития рыбных промыслов³²⁰.

По состоянию на 1 января 1943 г. на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов было завезено 13622 человека (переселены в

³¹⁸ Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР 1992. №2; Он же. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Ауман В.А. Депортация российских немцев в восточные районы СССР (1941 г.) // Немецкий российский этнос: веки истории. – М., 1994; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика, 1924–1941. Саратов, 1994; Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965). Сравнительный анализ // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Белковец Л.П. Спецпереселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М., 1999; Она же. Административно-правовое положение российских немцев на спецпереселении 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. – Новосибирск, 2003; Шадт А.А. Спецпоселение Российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/Shadt/?html=sh53f.htm&mi=izdaniya&id=1500> и др.

³¹⁹ Пиманов А.С. Этническая ссылка в Тюменской области (1940–1953 гг.) // Вестник ТюмГУ. 1998. №1. Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг.) // На логи, инвестиции, капитал 2004 №5–6.; Серазетдинов Б.У. Ссылка // Югра. 2003№9–10.; Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург, 2005; Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в Ямало-Ненецком округе (1941–1964 гг.) // Тюменский исторический сборник. Вып. VI. Тюмень, 2004. Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930–1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; Гизатуллина Л.Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2005; Загороднюк Н.И. Опальная Югра // Родина. 2005. №12; Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010.

³²⁰ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / Сб. док-тов. Новосибирск, 1996. С. 110–112.

1942 г.), по Ханты-Мансийскому округу 6 994 человека, по Ямало-Ненецкому 6 628 человек³²¹.

Отсутствие указания на национальный состав переселенцев характерно для «переписки по переселению», которая отложилась в фондах рыбопромышленных трестов, которые являлись принимающей стороной. В документах депортированные именовались «спецпереселенцы, завезенные в навигацию 1942 г.», «переселенцы 1942 г.»³²², без указания национальной принадлежности.

В случае с переселением 1942 г. определение национальной принадлежности имеет важное значение, т.к. НКВД СССР обязал УНКВД по Омской области «в течение первого квартала 1942 года выделить значительное количество рабочей силы для рыбных промыслов, главным образом для рыбной ловли». Было указано, что рабочая сила «может комплектоваться за счет трудпоселенцев, ссыльно-поселенцев и спецпереселенцев»³²³. Последнее обстоятельство предопределило пестрый этнический состав предстоящего переселения, а также внесло путаницу рассуждения некоторых исследователей. Так, в диссертации Е.В. Борковой в одном месте мы читаем, что на 1 января 1943 г. в Ханты-Мансийском округе численность переселенных годом ранее немцев составляла 6 994 человека³²⁴, а в другом, что в округ прибыло 6 994 финна³²⁵.

В.И. Бруль указывает, что на территорию Северо-Западной Сибири было переселено 9 260 немцев, из них в Ханты-Мансийский округ 5 086 человек, а 4 174 попали на Ямал. Данные приводятся со ссылкой на Информационный центр УВД Омской области³²⁶. Однако проверить эту информацию нам не удалось т.к. сотрудники информационного центра пояснили, что архивный фонд, на который ссылается исследователь, является секретным и никогда не находился в открытом доступе.

Эти цифры противоречат сведениям, приводимым в статье В.Н. Галлишикова и А.С. Пиманова. Авторы пишут о том, что в Ямало-Ненецкий округ в 1942 году «было завезено 628 немцев...»³²⁷.

Прояснить ситуацию поможет нам справка «о дислокации расселения спецпереселенцев» на территории северных округов Тюменской области по состоянию на 1 июля 1945 г., в которой отражены итоги учета спецпереселенцев по отдельным комендатурам и спецпоселкам области. Из контингентов,

³²¹ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 88.

³²² ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 116., 118 и др.

³²³ Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири... С. 342.

³²⁴ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930–1950-е гг. С. 108.

³²⁵ Там же. С. 113.

³²⁶ Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири... – С. 342, 349. (Со ссылкой на ИЦ УВД ОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3. Л. 25.)

³²⁷ Галлишиков В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в Ямало-Ненецком округе (1941–1964 гг.)... С. 145. (Со ссылкой на ГАЯНАО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 24. Л. 1)

завезенных тремя годами ранее на спецпоселении Северо-Западной Сибири находилось: контингент «немцы» – 1 597 человек (в Ханты-Мансийском округе – 953; в Ямало-Ненецком – 644); ссыльно-поселенцы – 6 319 человек (в Ханты-Мансийском округе – 2 885; в Ямало-Ненецком – 3 434)³²⁸.

Убедиться в достоверности приводимых цифр по контингенту «немцы» мы имеем возможность, сравнив приведенные выше цифры с результатами переписи НКВД, проводившейся на предприятиях Ямалгосрыбтреста в 1945 г. По ее итогам количество учетных немцев составило 604 человека. «Ссыльно-поселенцы», как отдельная учетная категория отсутствовали, появились учетные группы «бессарабцы» (888 человек) и «ленинградцы» (1 693 человека)³²⁹.

Разницу по Ямалу в 40 человек по учетной группе «немцы» можно объяснить разновременностью проведения учета, а также вероятностью передачи части контингента «немцы» в группу учета «ленинградцы».

Сомнительно также, что количество немцев с 1942 по 1945 гг. сократилось в 5,8 раза, учитывая, что документов, подтверждающих их массовый выезд в этот период, нет.

Общая численность немцев, завезенных в 1942 г. в Северо-Западную Сибирь, составляла, по нашему мнению, около 2 тыс. человек.

Вторым вопросом, который нуждается в дополнительном изучении, является проблема статуса, в котором находились спецпереселенцы-немцы на территории северных округов. А именно, были ли они мобилизованы в трудармию, а, следовательно, перешли в категорию трудмобилизованных или сохранили закрепленный за ними до вторичного переселения на Север, статус спецпереселенцев?

Е.В. Бокова относит к трудмобилизованным немцев и калмыков, прибывших в Северо-Западную Сибирь в 1942 и 1944 гг. соответственно³³⁰.

А.С. Пиманов, напротив, утверждает, что немцев, прибывших на территорию Северо-Западной Сибири, «освободили от мобилизации в трудармию, оставив на месте расселения»³³¹. Он ссылается на записку заместителя наркома внутренних дел Круглова, составленную в ноябре 1942 г. в которой он выдвигает предложение «немцев, переселенных в Нарымский округ и устье реки Оби на развитие рыбных промыслов, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 января 1942 г. в количестве 15 000 человек освободить от мобилизации, оставив на месте расселения и работы»³³².

³²⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 92–109.

³²⁹ Подсчитано по: Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века... С. 126–127.

³³⁰ Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930–1950-е гг... С. 108, 225.

³³¹ Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941–1955 гг)... С. 139.

³³² Народному комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Берия Л.П. // «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы). М., 1998. С. 257.

В то же время, по данным А. Шадта, к 1943 г. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком госрыбтрестах работало 528 мужчин и 885 женщин трудармейцев–немцев³³³.

Исследователь истории трудармии на Урале Г.А. Гончаров говорит о том, что мобилизация спецпереселенцев в трудовую армию имела место, но не носила массового характера. Причем мобилизации подлежали спецпереселенцы «из числа занятых на работе в сельскохозяйственных артелях, совхозах и мелких предприятиях, не имеющих оборонного значения»³³⁴. Спецпереселенцы, мобилизованные в рабочие колонны, не снимались с учета в райкомендатуре. В случае работы на предприятии, райкомендатура совместно с райотделением НКВД могла провести их передислокацию³³⁵.

Ответить на поставленный вопрос нам помогут приказы по личному составу директора Березовского стеклозавода, которые содержат информацию об увольнении трудармейцев со строительства стеклозавода в военные и первые послевоенные годы³³⁶. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что при сокращении рабочей силы на стеклозаводе, в связи с сокращением объемов строительных работ, немцы-трудармейцы увольнялись без санкции РО НКВД, «на основании отношения отдельной колонны Ивдельлага № 16», которая выполняла строительные работы на стеклозаводе³³⁷. Важно также отметить, что спецпереселенцам (немцам и калмыкам), работавшим вместе с трудармейцами на строительстве завода, начиная с первых послевоенных месяцев стали предоставлять отпуска, в то время как трудармейцам отпусков не предоставлялось³³⁸.

Поэтому мы считаем, что трудармейцы-немцы и спецпереселенцы немецкой национальности на строительстве стеклозавода работали параллельно, являясь двумя различными категориями спецконтингента.

Приведенные выше сведения А. Шадта о количестве немцев-трудармейцев позволяют сделать вывод о нахождении этих двух спецконтингентов на территории северных округов одновременно.

Подводя итоги, нужно отметить, что на территорию Северо-Западной Сибири в 1942 г. было депортировано около 2000 спецпереселенцев-немцев. К концу войны их численность составила 1597 человек. Они не были мобилизованы в трудармию и сохранили статус спецпереселенцев.

---

³³³ Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.)...

³³⁴ Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 175.

³³⁵ Там же С. 225.

³³⁶ Архивный отдел администрации Березовского района (АОАБР) Ф. Зл. Оп. 2. Д. 15. Л. 375; Там же. Д. 16. Л. 26, 32 об.

³³⁷ АОАБР. Ф. Зл. Оп. 2. Д. 16. Л. 56, 69 об.

³³⁸ АОАБР. Ф. Зл. Оп. 2. Д. 15. Л. 345; Там же. Д. 16. Л. 18 об.

Особенности реализации и оценки репрессивной политики в отношении российских немцев в 1941–1945 гг. (на примере Хакасской автономной области)

Политические репрессии в данной статье рассматриваются как элемент политического действия, как вспомогательный способ побуждения общества к определенному унифицированному поведению. Политические репрессии проявляются в многообразных формах и методах преследования общественных элементов – аресты и осуждения по «контрреволюционным преступлениям», массовые этнические депортации, высылка на спецпоселение, насильственное принуждение граждан со стороны властей к выполнению определенной профессиональной деятельности, как в системе сельского хозяйства, так и промышленности³³⁹.

Первые основы для проведения массовых депортаций советских граждан разной национальной принадлежности были заложены уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», выпущенном 22 июня 1941 г., где военным властям на прифронтовых территориях, объявленных на военном положении, предоставлялось право выселять в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными³⁴⁰.

Непосредственным началом депортации поволжских немцев послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В нем отмечалось следующее: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, – следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского народа и Советской власти... Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья... Для расселения выделены избыточные пахотной зем-

---

³³⁹ См.: Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №44. Ст. 1428.

³⁴⁰ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 111–112.

лей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности...»³⁴¹.

Также 28 августа 1941 г. в составе центрального аппарата НКВД был образован Отдел спецпоселений, создававшийся исключительно для приема и размещения перемещенных немцев³⁴². Депортируемые немцы, проживавшие до депортации большей частью в компактных поселениях, были расселены на обширных просторах Сибири. Основным местом принудительного расселения этнических депортантов стали в первую очередь регионы Западной Сибири. Это Новосибирская, Омская, Томская и Кемеровская (после выделения последних из состава Новосибирской области в 1943 и 1944 гг. соответственно) области, Алтайский и Красноярский края³⁴³.

В обстановке тоталитарного государства сложно установить мотивы тех или иных мероприятий. Но в данном случае впервые ликвидировалась автономная республика. С другой стороны, выселение такой массы людей без объявления причин могло вызвать определенные эксцессы, что объясняет и заведомо преувеличенное количество «диверсантов и шпионов» в республике, объявленное в Указе. В то же время это был своеобразный психологический ход советского руководства. Не следует забывать о такой простой возможности выселения немцев Поволжья, как эвакуация, без нагнетания национальной и социальной розни. Очевидно, что формулировка Указа в первую очередь предназначалась для окружающего населения, а уже во вторую – для немецких переселенцев. Идеологическая атмосфера советского государства была такой, что способствовала принятию на веру любой официальной версии, особенно в условиях войны.

Первым народом, который в период войны был депортирован в Хакаскую автономную область и Красноярский край, стали российские немцы, проживающие в районах Поволжья.

Всего было выселено 438,7 тыс. немцев, в том числе из АССР немцев Поволжья – 365,8, из Саратовской области – 46,7 тыс. и из Сталинградской области – 26,2 тыс. человек³⁴⁴. В Красноярский край по состоянию на 5 ноября 1941 г. прибыло 77 259 немцев из районов Поволжья. Из числа так называемого спецконтингента, который был депортирован осенью 1941 г. в Красноярском крае формировалась группа, немцев перебрасываемая в Хакасию.

Вопросом приема и размещения депортируемого контингента в Хакасии занималась созданная 8 сентября 1941 г. областная «тройка» из числа

---

³⁴¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск, 1999. Т. 2. С. 167–168.

³⁴² Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. Справочник / науч. ред. Р.Г. Пихоя. М., 1997. С. 31.

³⁴³ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. Т.В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 326.

³⁴⁴ Там же. С. 326.

представителей Хакасского обкома ВКП(б), областного управления НКВД и исполкома облсовета. Областная «тройка» планировала принять на расселение в Хакасии 10,5 тыс. советских граждан немецкой национальности. Для обустройства на новом месте предусматривалось: 1) утвердить план распределения средств по районам Хакасской автономной области на расходы по переселению (питание и перевозки переселенцев на места вселения); 2) предложить сельхозбанку обеспечить своевременную выдачу кредитов семьям переселенцев. Установить, что семьям переселенцев из Поволжья, которым не предоставлены в местах вселения дома, выдается на постройку домов, а в необходимых случаях и на ремонт домов, кредит по линии сельхозбанка в размере до 2000 рублей сроком на 5 лет из 3% годовых, с погашением полученного кредита со второго года после получения»³⁴⁵.

По данным Государственного архива РФ в Хакасию было депортировано 15 136 немцев из районов Поволжья³⁴⁶.

Прибывшие в область спецпереселенцы сразу же брались на учет Хакасским областным управлением НКВД СССР. Государством был четко определен статус депортированных немцев: «...Имеющиеся у ссыльнопоселенцев на руках паспорта, подлежат уничтожению органами НКВД и замене их соответствующими удостоверениями, установленными для этой категории лиц (ссылных). Ссылнопоселенцы обязаны являться на регистрацию в органы НКВД в установленное время. Самовольный выезд из места поселения рассматривается как побег из ссылки. За совершенные преступления ссыльнопоселенцы привлекаются к уголовной ответственности в общем порядке. Ссылнопоселенцы имеют право: а) работать на государственных, кооперативных и других предприятиях и в учреждениях, быть членами сельскохозяйственных, кустарно-промысловых и рыболовецких артелей, с распространением на них общего трудового законодательства; б) вступать в брак, как между собой, так и с другими гражданами; в) получать государственное пособие по инвалидности, по смете НКВД СССР»³⁴⁷.

В справке Отдела спецпоселений НКВД СССР также затрагивался статус депортированных в регионы страны немцев. В ней отмечалось следующее: «Место явки на периодическую регистрацию лица, состоящего под гласным надзором, назначается ближайшее от его места жительства районное отделение РКМ, где на каждое такое лицо ведется контрольный лист явок. Указания о взятии под гласный надзор, о сроках явки на регистрацию и контрольные листы явок органы РКМ получают от соответствующего 1 Спецотдела УНКВД. Учет ссылных сосредотачивается в 1 Спецотделе НКВД/УНКВД по

³⁴⁵ Центра хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (далее ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 3. Д. 116. Л. 85–86.

³⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 90, 94, 106, 156, 161, 165.

³⁴⁷ Государственный архив Республики Хакасия (далее ГАРХ). Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 87. Л. 1об.

карточке Ф.№ 1. Кроме того, на каждое лицо заводится личное учетное дело, куда приобщаются: выписка из протокола Особого совещания, подписка, заявления с результатами их рассмотрения, копии выданных удостоверений и прочее (§ 38 инструкции)... Вопрос о перемене места ссылки разрешается только постановлением Особого совещания»³⁴⁸.

Трудовое использование немцев началось практически сразу же по прибытии в районы спецпоселения. На заседании бюро Хакасского обкома партии 18 ноября 1941 г. был рассмотрен вопрос об устройстве прибывших немцев-спецпереселенцев в Хакасию. Было отмечено следующее: «Проведенной проверкой ОК ВКП(б) Усть-Абаканского, Богградского и Бейского районов установлено, что в основном переселенцы, прибывшие в Хакасскую область, хозяйственно устроены, с прибытием на места расселения сразу же включились в производственную работу колхозов, предприятий. Наряду с этим, райкомы ВКП(б), исполкомы райсоветов и райзо неудовлетворительно проводят работу по оформлению и приему переселенцев в члены колхозов, по Шарыповскому району ни одного хозяйства не принято, по Усть-Абаканскому из 184 хозяйств оформлено и принято в колхозы 43 хозяйства, по существу райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов не знают фактического положения дел в работе по приему переселенцев в члены колхозов и эта работа пущена на самотек»³⁴⁹. Также на заседании Бюро подчеркивалось, что специалисты среди спецпереселенцев использовались не по специальности, особенно это проявлялось в Шарыповском районе, также отмечался факт недостаточной включенности в производственную работу женщин, имеются факты отказа отдельных спецпереселенцев от физической работы в колхозе (Боград, Шарыпово, Усть-Абакан)³⁵⁰.

20 декабря 1941 г. в Хакасский обком ВКП(б) поступила информация от секретаря Аскизского райкома ВКП(б) А. Серпуховитина об устройстве переселенцев-немцев Поволжья из Сталинградской и Саратовской областей: «Из прибывших переселенцев – немцев трудоспособных старше 16 лет – 820 человек, имеющих квалификации: трактористов – 51, комбайнеров – 7, шоферов – 2, счетоводов-бухгалтеров – 11, учителей – 14, агрономов – 2, зоотехников – 1, сапожников – 7, плотников – 6. В числе прибывших переселенцев-немцев 13 членов ВКП(б), 1 кандидат, всего 14, из них работают в колхозах 13 человек. За время пребывания в районе много переселенцев выдвинуто на руководящую работу, например: Эргардт, член ВКП(б) – председатель колхоза «Горный Абакан», Крайсман – зам. председа-

---

³⁴⁸ Там же. Л. 2.

³⁴⁹ Отдел документов новейшей истории ГАРХ (далее ОДНИ ГАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 798. Л. 316.

³⁵⁰ Там же. Л. 317.

теля колхоза «Ленин Чубе», Роот – зав. МТФ «Аргыс Ленина», Меркер – зав. райторготделом, до 20 человек работают бригадирами, зав.фермами»³⁵¹.

Таким образом, в более выгодном положении оказались работники сельского хозяйства: механизаторы, комбайнеры, агрономы, ветеринары, зоотехники, счетоводы, что позволило деревне в какой-то мере ликвидировать дефицит рабочей силы, вызванный военной мобилизацией. Однако, большинству представителей немецкой интеллигенции, ученым, врачам, учителям, инженерно-техническим работникам и другим специалистам пришлось работать на неквалифицированных работах.

Достаточно трудное положение депортированных в Хакасию немцев вызвало недовольство своими бытовыми условиями. Так, 20 декабря 1941 г. отмечалось, что: «В переселенческий отдел при исполкоме крайсовета за последние 2 месяца стали поступать заявления от переселенцев – немцев по вопросам выдачи продовольственного хлеба и скота по квитанциям... В переселенческий отдел поступило 114 заявлений от переселенцев, в которых они просят хлебную помощь. С хлебным вопросом эти переселенцы осаждают исполком райсоветов»³⁵².

Достаточно распространенным способом, которым пытались повлиять на властей ссыльнопоселенцы, был невыход на работу. К примеру, в Ширинском районе: «...В колхозе «Алтын Чул», переселенец Гарт Андрей Карлович отказался выехать на работу лесозаготовок. Зеферт, работающий в МТС, отказался пойти на работу, не заявляя мотивы невыхода»³⁵³.

В Аскизском районе ситуация была достаточно похожая: «...Колхозник колхоза «Ленин Чубе» Гельцман не хочет работать на трудодни... Денк в колхозе им. Кагановича, когда его посылали в ночную смену молотить, он выступил и заявил, что с колхозниками обращаются как с животными, издеваются»³⁵⁴.

Депортация немцев из районов Поволжья была лишь первым этапом проявления репрессивной политики в отношении национальных меньшинств государством.

На территории Хакасии находилось, более 30 спецкомендатур НКВД, в задачи которых входило: установление численности семей и количества спецпереселенцев; обеспечение контроля за движением спецпереселенцев в границах районов расселения; выявление трудоспособных спецпереселенцев в целях контроля за их трудовым устройством; своевременное выявление побегов спецпереселенцев с мест их расселения; выдача справок спецпереселенцам³⁵⁵. На основании этих положений немцы-спецпереселенцы

³⁵¹ Там же. Л. 715а, 715а об.

³⁵² ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 6. Л. 177.

³⁵³ Там же. Л. 317а, 317б.

³⁵⁴ ОДНИ ГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 808. Л. 715а-715а об.

³⁵⁵ Зяблицева С.Н. Особенности репрессивной политики государства по отношению к гражданам немецкой национальности в 1940–1960-е гг. // Политические репрессии в

оказались привязанными к месту своего района и спецкомендатуры, становясь объектом тотального контроля со стороны властей.

Следующим этапом репрессивной политики государства в отношении немцев была мобилизация трудоспособного населения в трудовые армии. Мобилизация всех трудоспособных мужчин и женщин происходила через военкоматы, из этого контингента создавались военизированные формирования, имевшие трехзвенную структуру (рабочие отряды – рабочие колонны – рабочие бригады). Трудармии сочетали в себе элементы военной службы, производственной деятельности, гуглаговского режима содержания. Зачатки трудармии появились в конце 1941 г., когда были созданы первые рабочие колонны из мобилизованных украинских немцев и немцев, изъятых из Красной армии. Массовый характер это явление приобрело после постановлений ГКО СССР от 10 января и 14 февраля 1942 г. «О порядке использования немцев-спецпереселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». Трудармии просуществовали до 1946 г., а когда были ликвидированы «зоны», трудармейцы смогли вызвать к себе семьи, и перешли в категорию спецпереселенцев³⁵⁶.

Касаясь проблемы трудовой мобилизации, то в этом контексте следует выделить монографию А.А. Германа и А.Н. Курочкина «Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.)», в которой предпринята попытка определить хронологические рамки функционирования трудармии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В результате ученые выделили четыре этапа: «Первый этап – с сентября 1941 г. по январь 1942 г. Происходит трудовая мобилизация мужчин-немцев призывного возраста. Одновременно начат отзыв военнослужащих немецкой национальности из Красной армии. Осуществляется депортация всего немецкого населения из европейской части СССР и расселение его в Сибири и Казахстане. Второй этап – с января по октябрь 1942 г. На этом этапе происходит массовый призыв в рабочие отряды и колонны немцев – мужчин от 17 до 50 лет. Из них формируются рабочие отряды и колонны, которые придаются важнейшим лагерям и стройкам НКВД. Третий этап – с октября 1942 по декабрь 1943 г. – характеризуются проведением самой массовой мобилизации советских немцев, к которой привлекались не только мужчины, но и женщины-немки. Рабочие отряды были сформированы не только при лагерях и стройках НКВД, но и на предприятиях других наркоматов и ведомств. Четвертый этап – с января 1944 г. до ликвидации «трудармии» (в основном в 1946 г.). Значительных по количеству призывов немцев уже не проводится и пополнение рабочих

Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е годы). Материалы межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в г. Абакане / Отв. ред. А.П. Шекшеев. Абакан, 2001. С. 92.

³⁵⁶ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы). М., 1998. С. 8.

отрядов и колонн идет за счет прибытия на территорию СССР бывших советских граждан немецкой национальности, репатриированных из освобожденных Красной армией стран и Германии»³⁵⁷.

В Хакасской автономной области депортированные немцы использовались по линии Народного комиссариата путей сообщения СССР на строительстве железной дороги Сталинск-Абакан. Кроме того, спецперселенцы использовались в качестве рабочей силы на лесозаготовках. Всего в предприятия лесной промышленности «направлено переселенцев спецконтингента 6858 человек, из них трудоспособных 2794 человека и работает 2673 человека»³⁵⁸. К тресту «Хакаслес» было приписано 1748 человек, из которых работало 433 человека³⁵⁹. Администрацией треста отмечалось, что: «Вследствие отсутствия навыков и недостаточной работы руководства предприятиями по производственному обучению, большинство работающих из спецконтингента не выполняют дневных норм выработки, медленно осваивают квалификацию лесного рабочего»³⁶⁰.

Новым явлением в развитии политических репрессий в Хакасии во время войны было проведение карательных акций в отношении депортированного в регион так называемого «спецконтингента» из числа немцев Поволжья. Этот народ рассматривался местными властями как потенциальный «контрреволюционный элемент». За период войны в Хакасии было арестовано по «контрреволюционным преступлениям» 30 немцев³⁶¹.

Уже в конце 1941 г. местные органы НКВД стали арестовывать лиц из числа депортированного спецконтингента немцев Поволжья. Так, был арестован В.И. Кронвальдт, конюх сельпо Шарыповского района. Он обвинялся в том, что: «В октябре месяце 1941 г. во время раскомандировки клеветал на материальное положение колхозников, дискредитировал колхозы и высказывал угрозы в адрес руководителей колхоза... Кронвальдт говорил: «В колхозе пусть работают колхозники... Советская власть издевается над честным народом, заморила его голодом»³⁶². Хакасский областной суд приговорил арестованного по этому делу Кронвальдта на основании статьи 58–10 ч. II УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества³⁶³.

В 1942 г. был арестован другой немец-спецпереселенец И.Н. Штауб, шофер колхоза им. Буденного. Он обвинялся в «систематическом

³⁵⁷ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). М., 1998. С. 7–10.

³⁵⁸ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 13. Д. 383. Л. 121.

³⁵⁹ Там же. Л. 121.

³⁶⁰ Там же. Л. 122.

³⁶¹ Подсчитано автором. См.: Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия / под ред. Н.С. Абдина. Абакан, 1999. Т. 1. С. 21–432, Абакан, 2000. Т. 2. С. 14–252.

³⁶² ГАРХ. Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-21910. Л. 48 об.

³⁶³ Там же. Л. 51 об.

распространении контрреволюционных пораженческих слухов...»³⁶⁴. Арестованной в 1943 г. П.И. Кайзер инкриминировалось, что: «...Будучи враждебно настроенной, против существующего в СССР строя, она систематически проводит среди населения контрреволюционную клевету на руководителей партии и советского правительства, предсказывая неизбежную гибель Советской власти в войне с фашистской Германией. Допрошенная по данному делу свидетель показала следующее: «В июле месяце 1942 г. я была на квартире у Кайзер, последняя в разговоре о военных действиях, обратившись ко мне, заявила: «Ты знаешь, русские уже сами убеждены в том, что Гитлер победит, да это и так вполне понятно. Немцы не дают Красной армии отдохнуть»³⁶⁵. Судебная коллегия по уголовным делам Хакасского областного суда приговорила П.И. Кайзер на основании статьи 58–10 ч. II УК РСФСР к десяти годам лишения свободы, с отбыванием срока в ИТЛ НКВД СССР, с последующим поражением в избирательных правах сроком на пять лет»³⁶⁶.

Следует отметить, что в период войны некоторые советские немцы, которые подвергались репрессиям, занимали в народном хозяйстве руководящие должности. В 1942 г. в отношении начальника участка по строительству железнодорожной линии Бурмейстера было возбуждено уголовное дело. К обвинению в антисоветской агитации добавлялось обвинение следующей формулировки: «Арестованный систематически саботировал выполнение государственного задания по строительству железнодорожной линии, отказывался от работы, нормы выработки выполнялись на его участке на 50%, был застрельщиком организованного срыва работ»³⁶⁷. Практически аналогичным образом звучало обвинение в отношении гражданина Кербера, который в 1942 г. обвинялся в том, что «систематически саботировал в системе лесной промышленности – лесоплава, ежедневно демонстративно производил отказ и невыход на работу, в то же время проводил разложенческую агитацию, направленную на срыв выполнения плана сплавных работ»³⁶⁸.

Депортация немцев Поволжья имеет несколько особенностей. Во-первых, она отличалась массовостью (около полумиллиона человек было выселено за два месяца), во-вторых, впервые за всю историю депортаций советского периода публично была указана причина принудительного переселения – превентивная мера с целью предупреждения политических преступлений (предыдущие же акции проводились в условиях секретности). Однако сам механизм депортации оставался неизменным.

³⁶⁴ Там же. Д. П-14036. Л. 5.

³⁶⁵ Там же. Д. П-13605. Л. 3–3 об.

³⁶⁶ Там же. Л. 65.

³⁶⁷ Там же. Д. П-13605. Л. 3.

³⁶⁸ Там же. Д. П-20416. Л. 3.

Анализируя положение депортированных в сентябре–октябре 1941 необходимо отметить, что ситуация, в связи с прибытием переселенцев-немцев на места вселения, сложилась противоречивой:

Во-первых, органы НКВД, проводившие депортацию, и местные структуры, обеспечивавшие прием и расселение спецпереселенцев-немцев, выполнили поставленную перед ними советским и партийным руководством задачу – депортация прошла организованно, в сжатые сроки, с минимально возможными потерями и недостатками. Все немцы были расселены в составе семей, получили крышу над головой и возможность трудоустройства в сельской местности.

Во-вторых, местное руководство делало, особенно осенью 1941 г., все возможное для быстрого устройства депортированных. Изыскивались средства на расселение немцев, свободные жилищные фонды, решались вопросы трудоустройства. Другое дело, что этих возможностей было не так уж и много. С началом Великой Отечественной войны у регионального руководства на первое место выходит задача – обеспечить нужды фронта любой ценой, в связи с этим спецпереселенцы, практически до конца войны оказались предоставленными сами себе. Функции же НКВД сводились к их трудовому использованию и контролю.

В-третьих, несмотря на детальное планирование, прибытие практически одновременно столь значительной массы людей привело к резкому обострению хозяйственной ситуации на местах – катастрофически не хватало отдельного жилья, не были полностью решены вопросы компенсации за оставленное имущество, централизованного обеспечения спецпереселенцев продуктами питания. Основной причиной сложившегося положения явилось отсутствие у областной власти материальных и финансовых возможностей, отказ центральных органов власти от дополнительного финансирования.

В-четвертых, отсутствие проработанной правовой базы, обеспечивающей соблюдение прав спецпереселенцев, привело к невыполнению декларируемых в Указе о переселении обещаний правительства, сделало невозможным разрешение вопросов рационального трудоустройства немцев, обострило социальные проблемы.

Вышеуказанные проблемы, нерешенные во время подготовки и проведения депортации, обусловили в дальнейшем резкое ухудшение положения немцев в период их проживания на спецпоселении.

Создание режима спецпоселения для депортированных немцев в Хакаскую автономную область было одной из форм политических репрессий. Так называемый спецконтингент, компактно расселившийся в районах области, прошел все этапы карательных акций государства

Анализируя последствия депортаций военного времени, Н.Ф. Бугай отмечает, что «... прежде всего, был нанесен заметный удар дружбе народов,

интернационализму, завоеваниям Великого Октября. В 1940-е гг. политика Сталина и его приспешников нанесла удар по интернационализму. Переселение, приведшее к огромным человеческим, моральным, политическим потерям, противоречило всем принципам ленинской национальной политики. Заметный урон понесла культура народов, возникали сложности в советском и партийном строительстве, падал авторитет Советов как органов государственной власти, были деформированы принципы национально-государственного строительства, попоран суверенитет республик и автономных областей, нарушены права народов на их свободное развитие»³⁶⁹.

По мнению Н.Э. Вашкау, эксперимент, проведенный с несколькими народами в нашей стране, стал реализацией идеи манкуртизма, был разрушен немецкий этнос, народ лишился родины, земли. Насильственно была разрушена структура социально-экономического и культурного развития Немецкой республики и других регионов компактного проживания немцев, произошло фактическое уничтожение народа. Немецкое население оказалось разбросанным по территории всей страны, что повляло на утрату родного языка, национальной культуры, вероисповедания³⁷⁰.

А.В. Бакунин считает, что депортация народов явилась чудовищным преступлением сталинского тоталитаризма: «Во-первых, это была абсолютно незаконная акция, когда без официального обвинения, суда и следствия переселялись с родных мест в новые малообжитые районы целые народы. Во-вторых, эти народы лишались национальной государственности. У них отняли родной язык, обычаи, культуру, образование. В-третьих, депортированные народы оказались в экстремальной обстановке, неблагоприятных климатических условиях, без жилья и нормального материального обеспечения, будучи социально незащищенными, под надзором НКВД, без права выезда. В-четвертых, невзирая на возраст, ограниченные возможности спецпереселенцы в своем большинстве были направлены на тяжелые физические работы: в шахты и рудники, на лесоповал, на строительство и освоение новых земель в сельском хозяйстве. В-пятых, спецпереселенцы оказались в условиях социально-психологической блокады со стороны партийных и советских органов, воспитывавших окружающее население в классовой ненависти к депортированным как «врагам народа»³⁷¹.

В целом, А.В. Бакунин считает, что депортация народов явилась вопиющим преступлением тоталитарного режима, поскольку без официального обвинения, суда и следствия, по одному лишь приказу диктатора, оформленно-

---

³⁶⁹ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 142.

³⁷⁰ Вашкау Н.Э. Немцы в России: история и судьба. Учебное пособие. Волгоград, 1994. С. 54.

³⁷¹ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 126–137.

му задним числом каким-нибудь решением Совнаркома, лишались своих родных мест и оказались в ссылке миллионы людей³⁷².

Наиболее радикальная оценка в современной российской историографии получила отражение в выводах В.Г. Чеботаревой: «Советская репрессивная политика в отношении российских немцев является геноцидом (искусственное создание таких жизненных условий, при которых народ обречен на ассимиляцию, на утрату исторической памяти, самобытной духовной и бытовой культуры)»³⁷³.

«По всем признакам, – пишет В.Н. Земсков, – И.В. Сталина и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли. Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс»³⁷⁴.

Как и другие исследователи, обращающиеся к данной предметной области, Л.П. Саганова, касаясь последствий репрессий для немецкого народа, заметила: «Проживание в режиме спецпоселения не могло не отразиться на численности, национальном самосознании народа, повлекло за собой утрату, в первую очередь, языка и культурного наследия, был нанесен ущерб генофонду. В этих условиях этническая идентификация немцев подверглась существенному изменению, что привело одних к окончательной потере своих этнических корней, других – к их сохранению без владения основами национальной культуры»³⁷⁵.

По мнению новосибирского историка А.А. Шадта «этническая ссылка привела к необратимым последствиям в менталитете депортированных этносов, вызвала разрушение национальных самобытных культур, оказалась мощным механизмом деструктивного воздействия на национальное самосознание этносов... Экстремальные условия войны разрушили один из самых труднопреодолимых национальных барьеров – этнокультурный. Сибирь в результате Великой Отечественной войны в вопросах межэтнического воздействия оказалась одним из самых толерантных регионов СССР. Это сделало Сибирь привлекательным местом для многих этнических мигрантов всего последующего периода российской истории»³⁷⁶.

---

³⁷² Там же. С. 13.

³⁷³ Чеботарева В.Г. Государственная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999. С. 413.

³⁷⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 107.

³⁷⁵ Саганова Л.П. Саганова Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 23.

³⁷⁶ Шадт А.А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2004. С. 217–218.

Более сдержанная оценка депортации российских немцев была дана Л.П. Белковец: «Депортация немцев Поволжья была акция насильственная, носила принудительный и противоправный характер. Но можно смело утверждать, что организована она была профессионально, в целом переселение было проведено в сравнительно короткие сроки. Большинство эшелонов прибыло в пункты назначения в сентябре, еще при достаточно теплой погоде. Запломбированных вагонов не было, переселенцы выходили на станциях...»³⁷⁷. Л.П. Белковец пишет, что, несмотря на строгие формулировки Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. и последовавших за ним нормативных актов, подвергшиеся переселению немцы, конечно же, не считались уголовными преступниками. Но подчинение их НКВД быстро лишило иллюзии называться эвакуированными³⁷⁸.

Исследовательница подытоживает, что актом неправового характера следует признать ликвидацию АССР немцев Поволжья как самостоятельного национально-территориального образования в составе РСФСР и упразднение республиканских органов власти: «Этим актом была проигнорирована не только Конституция Республики немцев Поволжья, статья 15, которой предусматривала возможность изменения территориальной целостности только при получении согласия на то ее высших органов, но и Конституции РСФСР 1937 г., статья 16, которой не разрешала изменять территорию СССР без ее согласия... Противоправным явилось лишение граждан СССР немецкой национальности права личной собственности. Большая часть имущества, сданного немцами на местах выселения не была возвращена, и потеря его списана на войну»³⁷⁹. Однако Л.П. Белковец в своем исследовании не поставила вопрос о моральной ответственности сталинского режима, который и стал инициатором проведения депортации российских немцев в 1941 г.

Современный германский историк В. Кригер по поводу депортации российских немцев в августе 1941 г. отметил следующее: «Ликвидация автономии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. и последовавшая на его основе тотальная депортация немецкого населения из городов и сел европейской части страны многими «простыми немцами» воспринималась как еще одно звено в бесконечной цепи произвола и преступлений безбожной коммунистической власти. Они без сопротивления снесли очередную экспроприацию их домов, хозяйств, личного имущества. Однако для номенклатурных работников и значительной части новой интеллигенции эти меры означали настоящую катастрофу: потеря работы,

---

³⁷⁷ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Новосибирск, 2003. С. 54.

³⁷⁸ Там же. С. 173.

³⁷⁹ Там же. С. 174–175.

крушение всех карьерных надежд, дискредитация тех идей, которым многие служили и за страх, и за совесть»³⁸⁰.

Касательно последствий депортации, В. Кригер отметил, что ссылка привела к духовному разрыву значительной части немецкого населения с советской моралью и образом жизни. Традиции протестантских общин, их автономность и самодостаточность в обрядовых и вероисповедальных вопросах, масса самостоятельных проповедников и толкователей Библии, помноженные на активную миссионерскую деятельность объясняют высокую степень религиозности немцев. Отторжение всего «советского» как синонима «аморального» распространялось и на советскую школу с ее идеологическими атрибутами³⁸¹.

Однако, несмотря на то, что большинство исследователей негативно оценивают проведенные в период войны этнические депортации в СССР, в современной историографии можно выделить и другую точку зрения, связанную с реанимацией так называемой «сталинской исторической концепции».

Так, О.А. Платонов категорично заявляет, что «военная необходимость вынуждала Сталина и советское государство, принять решение о насильственном переселении в отдаленные места страны некоторых народов СССР, значительная часть представителей которых активно сотрудничала с оккупантами, а также участвовала в актах массовой резни русских людей на оккупированных территориях. На территории Автономной Республики немцев Поволжья германскими разведслужбами были завербованы десятки тысяч человек, готовых активно бороться против России на стороне Германии. В Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Карачаеве, Балкарии и на других российских территориях, оказавшихся в оккупации, германские власти сумели склонить в свою пользу и привлечь к сотрудничеству значительную часть населения»³⁸².

На наш взгляд, такого рода попытки реанимации сталинской концепции понимания сущности этнических депортаций, без критического прочтения доступных на настоящий момент исторических источников, не могут рассматриваться в качестве достоверного исторического знания.

Подводя итоги данной статьи, мы можем констатировать, что в период Великой Отечественной войны сталинский режим, как на центральном, так и региональном уровнях занимался активным выявлением так называемой пятой колонны рассматривавшаяся в качестве пособника напавшего врага в лице нацистской Германии, ее сателлитов. Следствием этого явились массовые депортации целых народов из прифронтовой зоны.

---

³⁸⁰ Кригер В. Рейн–Волга–Иртыш: из истории немцев Центральной Азии. Алматы, 2006. С. 114.

³⁸¹ Там же. С. 119.

³⁸² Платонов О.А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1997. С. 231.

Как и другие восточные регионы СССР, Хакасская автономная область вынуждена была принять и расселить часть депортированного спецконтингента – немцев, проживавших в районах Поволжья. Подавляя преимущественно нелояльные «антисоветские» слои (к которым, в частности, относились депортированные немцы), или признаваемые таковыми, государство, как и в предшествующие годы, стремилось добиться в обществе однородного восприятия и единой оценки политических событий в стране и мире, адекватных официальным установкам. В то же время преследования за «контрреволюцию» были рассчитаны на преодоление острейших хозяйственных проблем в тылу, а меры наказания в отношении «вредителей», «саботажников», «шпионов», «антисоветских агитаторов» и «дезертиров трудового фронта» выступали как важный инструмент «мобилизующего права» – права с выраженными военно-политическими целями, но без строго очерченных юридических границ.

Влияние условий труда и жизни на внутренний мир российских немцев-трудармейцев в годы Великой Отечественной войны

Одним из основных мест концентрации трудмобилизованного немецкого населения стали лагеря НКВД на территории Урала. Это было обусловлено спецификой Уральского региона, находившегося в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу, а потому ставшим местом эвакуации и строительства предприятий оборонной промышленности. Кроме того, через Урал проходили все наиболее важные транспортные магистрали, связывавшие европейскую часть страны с востоком. Все это требовало концентрации трудовых ресурсов на этой территории, состоявших в основной массе из эвакуированных, местного населения, заключенных и трудмобилизованных немцев. Самыми крупными лагерями Урала, в которых весной–летом 1942 г., концентрировались немцы-трудармейцы, были: Бакаллаг – 26 480 тыс. (86,8% от общей численности контингента ИТЛ), Ивдельлаг – 12 899 тыс. (40,4%), Севураллаг – 8 441 (46,3%), Богословлаг – 12 311 (42,9%), Соликамлаг – 2 537 (56,0%), Тагиллаг – 3 371 (9,0%), Тавдинлаг – 1 918 (46,7%)³⁸³.

На 1 января 1944 г. на территории Уральского региона, по данным Г.Я. Маламуда, насчитывалось 119 358 мобилизованных советских немцев, в том числе в лагерях и на стройках НКВД – 68 713, в зонах при промышленных предприятиях других наркоматов – 50 654³⁸⁴.

Анализ карточек учета движения мобилизованных немцев за 1942, 1944 гг., карточек учета расстановки (трудиспользования) немецкого контингента 1943–1944 гг. документации политотделов, сделанный нами по ряду уральских лагерей, позволяет в некоторой степени восстановить картину того, что происходило с немцами-трудармейцами, каковы были количественные и качественные показатели их использования.

Активная фаза комплектования уральских лагерей немецким контингентом в большинстве из них происходила на протяжении 1–2 кварталов 1942 г. (февраль – май), после чего процесс пополнения контингента был незначительным.

Хронологически этот период совпадает с первыми двумя этапами мобилизации немцев в трудармию, связанными с постановлениями ГКО СССР № 1123сс, № 1281сс. Новый небольшой подъем, связанный с прибытием немцев наблюдается в конце 3 начале 4 квартала, что совпадает с третьим

³⁸³ Рассчитано GARF Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

³⁸⁴ Маламуд Г.Я. Общие проблемы: Мобилизованные советские немцы в 1942–1948 гг. Челябинск, 1993. С. 131, Табл. 1.

этапом трудмобилизации немцев на основании постановления ГКО СССР № 2383сс. Исключение составлял Ивдельлаг, где, в январе 1942 г. находилось 2 126 немцев и Богословлаг – 6 243 тыс. – в сентябре 1941 г., к январю 1942 гг. – 5 846 тыс.³⁸⁵. Часть из них были первым контингентом немцев-трудармейцев, который был направлен в лагерь в сентябре 1941 г. на четыре объекта НКВД, среди которых был и Ивдельлаг согласно закрытому постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», которое и положило начало процессу формирования трудармейских формирований³⁸⁶.

Из 68 176 тыс немцев, прибывших в рассматриваемые нами лагеря Урала к концу года убыли 18 614 тыс человек или 27,3%, т.е. треть всего немецкого контингента. Среди основных причин убыли немцев-трудармейцев были смертность, демобилизация, побег, возврат РВК (районный военный комиссариат), арест ОЧО (оперативно-чекистский отдел).

Название лагеря	Причины убыли немецкого контингента в 1942 г. (% от общей численности)					
	Возврат РВК	Умерло	Арест ОЧО	Освобождено	Бежало	Всего убыло
Бакаллаг	0,55	7,9	4,0	27,3	0,8	19,3
Ивдельлаг	3,4	11,4	1,8	3,7	0,6	22,5
Тагиллаг	0,14	4,9	4,1	2,9	0,4	12,6
Севераллаг	48,0	0,95	5,3	0,1	0,2	54,6
Соликамлаг	3,3	11,6	0,6	0,1	0,1	23,4
Усоляг	Нет данных	11,4	3,3	3,3	0,8	15,9

Одной из самых острых проблем, для всех лагерей стало физическое истощение трудмобилизованных немцев и высокая смертность.

Главной причиной возврата или освобождения было прежде всего физическое состояние трудмобилизованных. В политдонесении начальника политотдела Ивдельлага НКВД лейтенанта госбезопасности Буденкова говорится, что на решение о возврате немцев РВК повлияло то, что «при мобилизации райвоенкоматы, мобилизованных не прокомиссовали, поэтому установить физическое состояние немцев мы не имели возможности с поступлениями их большими группами». В результате в лагере оказались люди полностью нетрудоспособные, либо в силу условий труда настолько обессилившие, что только в апреле 1942 г. в Ивдельлаге было установлено амбулаторным путем более 100 человек инвалидов, сильно ослабевших 400

³⁸⁵ GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941–1946». Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т. 1. М.: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. С. 520, С. 33.

³⁸⁶ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плевне И.Р., История немцев России: учебное пособие. М.: «Издательство МСНК-пресс», 2007. С. 441.

человек – страдающих грыжей, эпилепсией, туберкулезом легких, хроническим ревматизмом, пороком сердца³⁸⁷.

Аналогичное положение складывалось и в других лагерях. В телеграмме Начальнику ГУЛАГа НКВД СССР старшему майору госбезопасности Наседкину, зам. начальника управления строительства и Богословского лагеря НКВД от 19.09.1942 г. отмечалось, что в период с 10 июня по 1 августа 1942 г. было демобилизовано – 968 человек инвалидов на основании личного распоряжения самого Наседкина от 5.06.1942 г., побывавшего на Богословлаге НКВД³⁸⁸. Широкое распространение в ряде лагерей демобилизации немцев по инвалидности и непригодности к труду стало предметом немалой озбоченности центральных органов НКВД.

В Севураллаге возврат трудмобилизованных ПВК составил 48% от общей численности прибывших немцев, было освобождено 0,07%, в Ивдельлаге – 3,4% и 3,7%, Бакаллаге – 0,55% и 27,3%, Соликамлаге – 3,3% и 0,09%, Тагиллаге – 0,14% и 2,89%, Усольлаге было освобождено 3,3%, о возврате ПВК данных нет³⁸⁹.

Основными причинами смертности были тяжелый физический труд и непосильный нормы выработки, которые в условиях отсутствия нормального питания и материального обеспечения, медицинского обслуживания приводили к резкому ослаблению физического состояния контингента, доведению его до инвалидности и непригодности к труду. Например, в Ивдельлаге, как отмечается в Политдонесении за июль 1942 г. начальника политотдела Ивдельлага НКВД лейтенанта госбезопасности Буденкова, инвалиды и слабосильные использовались на тяжелых работах: лесозаготовке, погрузке леса, строительстве дорог. Незнание условий труда в лесу, плохая организация труда приводили к тому, что люди не выполняли нормы выработки, а соответственно не получали нормального питания, отсутствие которого приводило к истощению. В лагере были систематические перебои с продуктами питания, вследствие чего калорийность питания была очень низкой, в то время как для занятых тяжелым физическим трудом средняя калорийность питания должна была составлять 4000 калорий, для среднего труда 3000 калорий ежедневно³⁹⁰.

Несмотря на это управления снабжения ГУЛАГа четыре раза меняли в Ивдельлаге продовольственные фонды, которые окончательно были спущены только в марте 1942 г, до этого времени немецкий контингент кормили из лагерного фонда. Из 13 500 тыс. немцев к весне 1942 только 5–6 тысяч были обеспечены обувью, остальные были вынуждены в теплую весеннюю погоду работать в валенках или босиком, многие не имели белья, верхней одежды,

³⁸⁷ ЦДООСО Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 76.

³⁸⁸ Рассчитано ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 155.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ ЦДООСО Ф. 5248. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.

что приводило к росту заболеваемости, ухудшению физического состояния контингента, повышению смертности³⁹¹. В Богословлаге, проводившая проверку комиссия в ноябре 1942 г. констатировала антисанитарное состояние столовой, кухни, грязь и низкую температуру в бараках, низкий калорийность питания для тех, кто был занят тяжелым трудом, отсутствие нормального питания для больных трудармейцев, которые не обеспечивались никакими дополнительными пайками³⁹². В результате физическое состояние трудмобилизованных немцев ухудшалось, ежемесячные сводки, как рассматриваемых нами учетных карточек, так и отчетов Политотделов лагерей, фиксировали повышение уровня смертности и состава группы «В». Резкая убыль немецкого контингента беспокоила и центральные органы НКВД, которые предписывали начальникам лагерей на местах срочно разработать меры, предотвращающие сокращение трудмобилизованных немцев³⁹³.

Лагерные власти не замедлили отразиться о проведенных мероприятиях. В стандартный набор применяемых мер входили: проведение комиссования и установление процентки, для правильного использования трудмобилизованных, согласно их физического состояния; организация в отрядах и колоннах оздоровительно – профилактических пунктов, усиление медицинского обслуживания; комплектование отрядов и колонн политработниками для улучшения производительности труда; проведение по всем этим основным вопросам совещаний, на которых даны указания по устранению недостатков³⁹⁴. Вопросы о нормализации питания, снабжения, норм выработки, как можно увидеть, в разработанные мероприятия не входили. В результате смертность среди немцев-трудармейцев не снижалась на протяжении 1942–1943 гг. и оставалась одной из основных причин убыли контингента. Наиболее высокий процент умерших немцев-трудармейцев зафиксирован в 1942 г. в Богословлаге – 11,6%, Ивдельлаге – 11,4%, Усольлаге – 11,0%, Бакаллаге – 7,9%. В Тагиллаге смертность составила 4,9%, В Соликамлаге – 6,4% (за первое полугодие), в Тавдинлаге – 4,1%. Средний показатель смертности по всем рассматриваемым лагерям составил 8,9%. Таким образом, в течение 1942 г. умер каждый 12-й трудмобилизованный немец³⁹⁵.

Только в 1944 г. процент смертности среди трудмобилизованных в уральских лагерях 1944 г. снизился. В Богословлаге по официальным данным смертность составила – 1,81%, в Ивдельлаге – 1,6%, Севураллаге – 2,10%, Тагиллаге – 2,10%, Усольлаге – 1,52%, Соликамлаге – 7,90%, Бакаллаге – 1,69% от общей численности контингента. От числа убывших по лагерям процент смертности остается довольно высоким. Самые высокие показатели

³⁹¹ ЦДООСО Ф. 5248. Оп.1. Д. 33. Л. 19, 70, 76.

³⁹² ЦДООСО Ф. 1115. Оп. 1. Д. 28. Л. 19, 20.

³⁹³ Рассчитано ГАРФ Ф.9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 49.

³⁹⁴ ЦДООСО Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 102

³⁹⁵ Рассчитано ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172., Л. 1-16

смертности среди убывшего немецкого контингента в Усольяге – 61,6%, Богословяге – 29,6%, Бакаллагге – 21,5%. В Ивдельяге процент смертности среди убывших трудармейцев составил 13,5%, в Тагиллагге – 12,8%, Севураллагге – 14,5%. Самый низкий показатель смертности среди убывших в Соликамлагге – 5,8%³⁹⁶. По прежнему, основными причинами смертности было физическое истощение немецкого контингента, отсутствие нормального питания, которое бы возмещало энергетические затраты в условиях тяжелого физического труда и высоких норм выработки, оставляло желать лучшего и материально-бытовое обслуживание трудармейцев.

В 1944 г. немцы-трудармейцы оставались одним из наиболее многочисленных контингентов в лагерях НКВД³⁹⁷.

Практически во всех уральских лагерях, за исключением Тагиллагга и Усольяга, численность немецкого контингента по сравнению с 1942 г. значительно сократилась. В конце 1942 г. общая численность трудмобилизованных немцев составляла 63 166, в 1944 г. – 56 477³⁹⁸. Из численного состава трудармейцев в конце 1944 г. в Богословяге находилось – 8 635, Ивдельяге – 5 181, Севураллагге – 3 554, Тагиллагге – 4 500, Усольяге – 7 930, Соликамлагге – 4 168, ИТЛ ЧМС – 22 509 немцев³⁹⁹.

Из отчетов и спецдонесений Политотделов уральских лагерей можно увидеть, что в зависимости от своего поведения и психологического состояния немецкий контингент подразделялся на три группы. К первой группе относились немцы, проявлявшие открытое неповиновение власти, которое проявлялось в таких формах как саботаж, антисоветская пропаганда, дезертирство и т.д. От общей численности немецкого контингента лагеря они составляли 15–25%. Ко второй группе, составлявшей примерно такой же процент, относились немцы, чье психологическое состояние характеризовалось подавленностью, полным безразличием к происходящему. Третью, наиболее значительную группу составили трудармейцы, которые активным трудом и высокими производственными показателями пытались показать властям свою лояльность и патриотизм⁴⁰⁰.

Администрация лагеря, в свою очередь, использовала любой предлог для того, чтобы усилить психологическое давление на трудармейцев. За политнастроениями советских немцев неуклонно следил Политотдел лагеря, через политруков отрядов и инструкторский аппарат, а также с помощью проведения совещаний с секретарями партийных организаций при начальнике Политотдела лагеря. Партийные и комсомольские организации немцев в

³⁹⁶ Рассчитано ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

³⁹⁷ Рассчитано ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

³⁹⁸ Рассчитано ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26; Д. 1172; Д. 1202; Д. 1216. Л. 3, 10, 15, 21, 23, 24, 27.

³⁹⁹ Рассчитано ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26

⁴⁰⁰ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 53. Л. 71.

лагерях во многом были опорой власти, через которые она проводила свою политику в отношении немецкого народа, и были обязаны принимать активное участие в общественной жизни лагеря, в первую очередь, разъясняя соотечественникам необходимость их пребывания за колючей проволокой. По указанию политотдела ГУЛАГа от 30.03.1942 г. партийные и комсомольские организации трудмобилизованных не могли производить прием в партию и комсомол, поэтому партийно-комсомольская прослойка в большинстве лагерей, где находились советские немцы, в среднем составляла 8% к числу всех трудмобилизованных⁴⁰¹.

Цена за право считать себя коммунистом или комсомольцем также была немалая. Коммунисты и комсомольцы были обязаны выполнять и перевыполнять производственные задания, вести активную общественную работу в своей бригаде. За малейшее нарушение правил следовало неминуемое наказание – исключение из рядов ВКП(б) и ВЛКСМ. С помощью первичных партийных и комсомольских организаций среди трудармейцев проводилась мощная агитационная и пропагандистская работа. Среди часто используемых форм агитационной и пропагандистской работы выделялись: организация социалистического соревнования, фронтовых бригад, сталинских вахт, увеличение числа стахановцев, разного рода слеты и совещания.

Для неподчинявшихся, использовались другие методы – принуждения. Например, в соответствии с приказом начальника строительства Богословского алюминиевого завода и лагеря НКВД от 6 марта 1942 г. не выполнивших норму дневного задания оставляли на производстве. Выдача заработанной платы производилась только тем «мобилизованным немцам», кто не имел особых замечаний по работе и дисциплине. Стоит отметить, что и в этом случае трудармеец имел мизерные шансы получить кровью и потом заработанные деньги. Например, при среднем заработке трудармейца в Ивдельлаге, который составлял 120–130 рублей, приходилось удержаний на питание и накладные расходы около 140–150 рублей. Худший заработок составлял 30 рублей в месяц, лучший – 300–350 руб. в месяц. Получали «лучший заработок» только те трудармейцы, кто ежедневно выполнял норму выработки не менее 150–200%⁴⁰².

Свидания с родственниками также разрешалось только при условии выполнения и перевыполнения производственных заданий. Используя все вышеперечисленные методы, администрации лагерей Урала удалось добиться того, чтобы средняя норма выработки среди трудармейцев держалась на уровне 110%–130%. Так, в Богословлаге, из 5866 тыс. немецкого контингента 998 человек выполняли производственные нормы выработки до 100%,

---

⁴⁰¹ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

⁴⁰² ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 53. Л. 77.

4367 тыс. на 100–150%, 415 человек выполняли норму на 150–200%, 86 – давали норму выработки более 200%⁴⁰³.

Выполнение производственных норм, так же было сопряжено с рядом трудностей, которые, прежде всего, выражались в неудовлетворительной организации производственного процесса. Из-за нехватки производственного инструмента, его плохого качества, непродуманности производственных заданий, отсутствия условий для их выполнения в работе возникали простои, на ряде участков сохранялась повышенная травмоопасность, способствовавшая ухудшению физического состояния контингента.

Все указанные недостатки не раз становились предметом обсуждения на слетах стахановцев, заседаниях Политотделов лагерей, проверок комиссий. Так, комиссия Политотдела Богословлага под руководством инструктора Медведковой, проводившая проверку соблюдения режима в лагере и выполнения производственных норм зафиксировала неудовлетворительное состояние рабочих мест трудармейцев. «Фронтальная бригада Эйхвальда с опозданием получила отбойные молотки. Бригада Поля – кузнецы своевременно к работе не приступили, а занялись подвозкой угля... на рытье траншеи глубиной до 3 метров отсутствуют укрепления, что угрожает обвалом. Аккордная бригада №76 – землекопы, несмотря на большой приток воды в котловане, откачивали не насосом, а 4 человека черпали ведрами»⁴⁰⁴. На слете стахановцев тысячник Герберт Штрассер в своем докладе о выполнении производственных заданий сказал: «Я к 3-му слету просил работу. Но ее не дают и я получил простой, кроме того, нужно указать и на то, что в цехе холодно и в отдельные дни было 35 градусов мороза, что руки прилипали к станку»⁴⁰⁵.

Как мы видим, условия работы немцев-трудармейцев, несмотря на звания, не отличались лучшей организацией. И это несмотря на то, что высокие показатели выработки производственных норм, достигались во многом за счет работы стахановцев – «тысячников», «пятисотников», «двухсотников», комсомольских и коммунистических фронтовых бригад, которые, добившись этого звания, фактически подписывали себе приговор и обязывались ежедневно, ежемесячно перевыполнять норму выработки.

Условиями, дающими право на звание фронтовой бригады, были: выполнение норм не менее чем на 150% в течение двух предшествующих месяцев, хорошее качество работы, экономия материалов, рационализация труда, повышение квалификации рабочих бригады. Если бригада, или член бригады не оправдывали почетного звания, то по приказу управления строительства, она лишалась права фронтовой с последующей пометкой в личном деле каждого члена бригады⁴⁰⁶.

⁴⁰³ ЦДООСО Ф. 1115. Оп. 1. Д. 11. Л. 79.

⁴⁰⁴ ЦДООСО Ф. 1115. Оп. 1. Д. 12. Л. 129–130.

⁴⁰⁵ ЦДООСО Ф. 1115. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.

⁴⁰⁶ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 78–79.

Изоощренной формой выполнения и перевыполнения плана стала сталинская вахта – это выход на работу передовых бригад в дни особо важных политических событий, накануне праздников или в тех случаях, когда требовалось особо срочно выполнить заказ строительства. Только в 14 отряде Богословлага, где в период 1942–1945 гг. находилось 80 % трудмобилизованных немцев за первое полугодие 1944 г. было проведено сталинских вахт: в честь подписания новогоднего отчета уральцев товарищу Сталину – 129 вахт⁴⁰⁷; в период социалистического соревнования в честь 26-й годовщины Красной армии – 210; в дни предмайского социалистического соревнования – 283; в течение фронтовых декадников, предшествовавших подписанию полугодического рапорта уральцев товарищу Сталину – 158 вахт.

Для выполнения и перевыполнения нормы выработки некоторые трудармейцы пытались рационализировать свой труд, усовершенствовать рабочее оборудование. В результате это позволило увеличить производительность труда до 1 000 %. Например, токари Богословлага Герберт Штрассер и Генрих Вальтер за счет усовершенствования отдельных деталей токарного станка не только ежемесячно давали норму выработки свыше 1 000 %, но и стали основателями движения «тысячников» на Богословлаге. Большое количество рацпредложений внес в производство авторемонтных мастерских Пель С.А., благодаря которому удалось наладить производство дефицитных автозапчастей и обеспечить ими другие участки стройки. Только в первом полугодии 1944 г. трудмобилизованными немцами было внесено 113 рационализаторских предложений из которых больше половины было внедрено в производство, что дало 330 тыс. экономии государственных средств⁴⁰⁸. Конечно, такие случаи были единичными, но с помощью таких показателей власть пыталась воздействовать на остальную массу трудмобилизованных, так как случаи саботажа и нежелания повышать производительность труда проявлялись со стороны немецкого контингента довольно часто.

Часть немцев пыталась уклоняться от работы под любыми предлогами, вплоть до членовредительства, которое, как отмечала лагерная администрация, «принимало массовый характер». В Ивдельлаге люди ложились на костры, рубили пальцы, подкладывали пальцы под деревья, натирали раны солью и мылом⁴⁰⁹. Власть жестоко пресекала подобные нарушения, о чем свидетельствуют статистические данные о находящихся под следствием штрафниках, рассмотренные выше. Но все-таки большая часть немцев предпочла честный, добросовестный труд на благо унизившей их родины. За время существования трудармии, рабочие отряды и колонны из советских немцев построили на Урале металлургические, коксохимические заводы

---

⁴⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 71. Л. 90.

⁴⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 9. Л. 92–93.

⁴⁰⁹ ЦДООСО Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 78.

и комбинаты (Бакалстрой НКВД в Челябинской области, Тагиллаг НКВД в Свердловской области), алюминиевый завод (Богословлаг НКВД Свердловской области), целлюлозно-бумажные комбинаты (Соликамбумстрой НКВД в Молотовской области), железные дороги и автодороги, заготавливали лес, (Ивдельлаг, Тавдинлаг, Севураллаг, Востураллаг в Свердловской области, Усольлаг в Молотовской области).

К концу войны режим содержания мобилизованных немцев в лагерях стал понемногу смягчаться. В ряде лагерей, вследствие отсутствия повседневного контроля за поведением трудмобилизованных немцев, расширились контакты с вольнонаемным составом, имели место самовольные отлучки в город, ослабление учета. По донесениям Политотдела Ивдельлага в лагере проводились совместные вечера мобилизованных немцев с их сотрудниками и членами их семей, были случаи совместного сожительства немцев с вольнонаемными сотрудниками, работы немцев у местного населения по заготовке кормов, разделке дров, и ремонту квартир⁴¹⁰.

Начиная с 1945 г., в соответствии с директивой № 28/ОК/2382 от 3 мая 1945 г., часть отобранных специалистов, из числа трудмобилизованных немцев, была направлена в качестве переводчиков, учетчиков, бригадиров в лагерь военнопленных. Судя по материалам политотделов, целью работы немцев-трудармейцев среди военнопленных стала не столько помощь в адаптации к новым условиям лагерной жизни, сколько, прежде всего, задача добиться от пленных немцев такой же качественной и высокопроизводительной работы, которую выполняли на протяжении всей войны трудмобилизованные советские немцы. Каждый из работающих в отрядах и колоннах военнопленных трудармейцев, нес ответственность за соблюдение правил режима, выполнение норм выработки, как в лагере, так и на производстве⁴¹¹.

С мая 1945 г. начался процесс демобилизации советских немцев из трудармии, который осуществлялся, прежде всего, в отношении тех, кто был признан военно-экспертными комиссиями инвалидами. Все эти люди направлялись в Казахскую ССР, Якутскую АССР, Алтайский и Красноярский края, Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую, Иркутскую, Омскую, Тюменскую области по месту проживания их семей⁴¹². Впоследствии в этот список вошли области и республики Уральского региона, на территории которых находились трудмобилизованные немцы. В апреле 1946 г. трудармия была ликвидирована, немцев перевели на спецпоселение под административный надзор территориальных органов МВД.

Таким образом, анализ архивных материалов лагерей Уральского региона, сделанный на основе карточек учета движения немецкого контингента,

---

⁴¹⁰ ЦДООСО Ф. 5248. Оп. 1. Д. 132. Л. 37.

⁴¹¹ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 71. Л. 111–112, 119–121.

⁴¹² Рассчитано ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 154. Л. 156.

карточек трудового учета, документации полиотделов лагерей в 1942–1944 гг. позволяет сделать вывод о том, в лагерях НКВД немецкий контингент отличался многочисленностью и составлял основной трудовой фонд на производстве и строительстве промышленных объектов. Отличительными особенностями использования немцев-трудармейцев от других контингентов лагерей НКВД, были их промежуточное положение между вольнонаемным составом и заключенными, изолированность содержания, применение на объектах, где требовался тяжелый физический труд.

Суровые, подчас жестокие условия лагерного режима усугублялись для советских немцев чувством незаслуженной обиды, которое большая часть из них испытывала по отношению к власти и создавшейся ситуации. По сути, являясь юридически свободными людьми, советские немцы в годы Великой Отечественной войны оказались людьми «второго сорта», чужаками, к которым окружающие в силу развернутой властью пропаганды и войны с фашистской Германией, относились как к потенциальным врагам. Все это наносило немцам глубочайшую моральную травму, которая предопределила дальнейшее развитие этноса в рамках СССР.

Немцы в Республике Коми: до и в годы Великой Отечественной войны

В конце XIX в. в России жило около двух миллионов немцев. Но на Европейском Севере их число было невелико. В Вологодской губернии, куда входила южная половина нынешней Республики Коми, проживало всего 226 немцев. При этом в Усть-Сысольском уезде, а в коми деревнях тем более, немцев вообще не было. Это подтверждают и данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Из 170,7 тыс. человек только 155 человек не входило в основное большинство, состоящее из коми, русских и ненцев, немцы при этом не отмечаются. В 1926 г. впервые в национальном составе выделяются немцы, их численность составила 15 человек (в Сысольском – 7, в Усть-Куломском – 5, в Усть-Вымском – 1, в Ижмо-Печорском уезде – 2 человека). В последующие годы на Севере и в Сибири резко увеличивается численность немцев, как следствие коллективизации и репатриации отдельных народов.

Количественно оценить влияние репрессий и депортации на динамику немцев в Коми крае позволяют переписи населения 1939-го и 1959 гг. Так в 1939 г. в крае проживало 2617 немцев, в т.ч. в Сыктывкаре – 122 и на селе – 2495 (0,8% от всего населения). В результате принудительных миграций в довоенный и в период войны к 1959 г. численность немцев увеличилась до 19805 человек (2,4% от всего населения). По численности немцы стали пятыми, уступая русским, коми, украинцам и белорусам. Хотя на самом деле прирост в 17188 человек не отражает истинных масштабов вынужденной миграции немцев в Коми край. По разным источникам смертность вынужденных переселенцев в период следования и в местах вселения была в разы выше, чем ее естественный уровень. Об этом убедительно свидетельствуют данные о воспроизводстве немцев за 1945–1949 гг., когда родилось 484, а умерло 1680 человек. Смертность превышала рождаемость в 3,47 раза. Особенно высокой была смертность в 1947 г., когда родилось 24, а умерло 735 человек. Впервые в 1949 г. рождаемость превысила смертность: родилось 351 человек, а умерло 141.

В последующие годы численность и доля немцев в Республике Коми постоянно снижалась: в 1970 г. она составила 14647, в 1979 г. – 13339, в 1989 г. – 12866 и в 2002 г. 9246 человек. Доля немцев уменьшилась с 2,4 в 1959 г. до 0,9% в 2002 г. (Табл. 1).

Скорее всего, перепись 2010 г. зафиксирует дальнейшее снижение численности и доли немцев в составе населения республики. Это может быть как следствием оттока немцев из Республики Коми, так и ассимиляционных процессов.

Таблица 1
Распределение населения Республики Коми
по национальностям в 1939–2002 гг., (в %)

Национальность	Годы переписей					
	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3
Русские	22,0	48,6	53,1	56,7	57,7	59,9
Украинцы	1,9	10,0	8,6	8,5	8,3	6,1
Белорусы	1,1	2,8	2,6	2,2	2,2	1,5
Немцы	0,8	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9
Татары	0,2	1,0	1,2	1,6	2,1	1,5
Др. национальности	1,5	5,1	4,4	4,5	5,4	4,8

Всю историю заселения Коми края можно разбить на несколько самостоятельных этапов, положив в основу периодизации причины и применяемые методы.

Первая немецкая «волна» дошла до Коми края во время Первой мировой войны. И уже тогда немцы оказались на Севере не по своей воле. В Усть-Сысольский уезд сослали более трехсот немцев, австрийцев и представителей других народов Австро-Венгрии и Германии. Весной 1916 г. в Усть-Сысольск начали ссылать пленных офицеров и солдат австрийской армии. В феврале 1917 г. их было уже полтысячи, и под Усть-Сысольском был устроен специальный лагерь. Однако во время Гражданской войны почти все пленные покинули Коми край.

Вторая «волна» связана с проведением в конце 1920-х – начале 1930-х гг. коллективизации и политики ликвидации кулачества как класса. Значительную часть раскулаченных отправили в Коми автономную область. Среди спецпоселенцев-раскулаченных немцы по численности уступали только русским. Жили они компактно в спецпоселках Прилузского, Сысольского, Усть-Вымского, Усть-Куломского, Корткеросского и Койгородского районов. Около села Ношуль был даже поселок Немецкий.

Одновременно, в этот период в апреле 1930 г. рядом руководителей высшей политической власти государства была высказана идея колонизации и освоения колоссальных природных ресурсов Севера путем создания лагерей и сети колонизационных поселков. Потоки принудительной миграции стали направляться с учетом целей и задач осуществления экономической (колонизационной) политики. Отныне в балансе рабочей силы, требуемой для освоения северных и восточных территорий страны, так называемый спецконтингент стал играть важную, а в реализации ряда народнохозяйственных программ – даже решающую роль.

Изучение жизни спецпереселенцев в местах высылки позволяет говорить о том, что со временем при проведении принудительных переселений приоритетным для государства становится решение задач экономического освоения

малообжитых территорий, богатых природными ресурсами. Потребности регионов вселения спецпереселенцев диктовали дальнейшие шаги в проведении массовых выселений. Начало проведения государственной политики спецпереселений было связано, прежде всего, с коллективизацией сельского хозяйства в СССР, которая сопровождалась раскулачиванием части крестьян.

В ходе коллективизации и раскулачивания в Коми АССР к 1931 г. численность спецпереселенцев составила 40325 человек. Численность спецпереселенцев после 1932 г. начинает резко сокращаться. Если в январе 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось 39184, то к концу 1935 г. – 16954 человека. Во второй половине 1930-х гг. число раскулаченных на спецпоселениях в республике остается стабильным – около 17 тыс. человек. Основной причиной уменьшения числа спецпереселенцев был высокий уровень смертности вследствие неблагоприятных условий жизни в спецпоселках и распространения эпидемических заболеваний среди спецпереселенцев.

Национальный состав спецпоселенцев, в частности в 1936 г., был таков: русские – 11954, белорусы – 2549, немцы – 1911, украинцы – 1209, поляки – 361, татары – 185, армяне – 28, евреи – 9, латыши – 14, киргизы – 16, башкиры – 16, мордва – 149, чувашы – 96 и молдаване – 96 человек. В 1937 г. среди живущих в спецпоселках немцы составляли 10,3%, т.е. процентное соотношение немцев по отношению к другим национальностям увеличилось. Объясняется это, скорее всего, тем, что в течение 1930-х гг. некоторая часть спецпереселенцев была восстановлена в гражданских правах и могла выехать из спецпоселков, а к немцам, как правило, относились предвзято.

Третья «волна» пришла в республику с началом Второй мировой войны. Тогда большинство немцев отправляли уже не на спецпоселения, а в лагеря. А после августа 1941 г., когда Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», была начата массовая высылка. В своем большинстве немцы имели статус «трудармейцев». Но они не по своей воле стали ими, призванные в годы войны на службу через военкоматы, но попавшие не на фронт, а в лагеря системы НКВД. Формально «трудармейцы» не были заключенными, но условия труда и содержания у них ничем не отличались от условий концлагеря. Там был конвой, лагерный режим, люди гибли массами. Последнее немецкое «переселение» в Коми пришлось на вторую половину 1940-х гг. Тогда немцев выселяли из пограничных районов Прибалтики, Молдавии, Белоруссии и Украины. Отправили на Север и немцев-репатриантов, вывезенных в годы войны в Германию и соседние страны. Репрессированными оказались все российские немцы, родившиеся до 1955 года – после лагерей людей выслали на вечное поселение, там же оказывались и родившиеся у них дети.

Возникает закономерный вопрос, почему в годы войны немцы и ряд других народов направлялись в Коми край. На наш взгляд, причина здесь в следующем. Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для всех

трудящихся нашей страны, но для жителей республики она имела еще и экономическое испытание. Перестройка лесной промышленности Коми АССР на военный лад потребовала значительных материальных и финансовых ресурсов. Вместе с тем эта отрасль в годы войны получила незначительные инвестиции: ее доля в общих объемах капитальных вложений в народное хозяйство республики значительно сократилась – до 1,4% против 5,1% за 1938–1940 гг.

В соответствии с распоряжением Совета по эвакуации от 27 августа 1941 г. за № 13682-СЭ на предприятиях Наркомлеса СССР в Коми АССР предполагалось разместить (в трестах «Комилес», «Вычегдолес», «Вычегдолесосплав», «Лузтранслес» и «Наркомлес Коми АССР») 18 тыс. человек, вывезенных из Ленинграда и Ленинградской области. Всего за 1941 г. в Коми АССР прибыло около 20 тыс. перемещенных лиц. На декабрь 1941 г. было учтено 8 147 эвакуированных, 8 410 эвакуированных спецпереселенцев и 2 949 немцев.

Основную массу эвакуированных спецпереселенцев составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне, а затем в 1941 г. высланные повторно уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР. Среди них было достаточно большое количество немцев, но точные данные по архивным документам выявить не удалось. Есть только косвенные данные. Всего в 1941 г. из Карело-Финской ССР было переселено 7 290 человек. В 1946 г. председатель Совета министров Карело-Финской ССР Прокконен в обращении в Коми обком настаивал на возвращении всего населения, высланного в 1941 г. Немцы не подлежали возврату. Прокконен указывал, что немцев среди высланных не было. По данным же МВД Коми АССР, из 7 290 человек «без лиц немецкой национальности» насчитывалось 1 398 человек. Значит, остальные 5 892 человека – немцы. Данные МВД Коми АССР представляются достаточно точными. Например, по сводке в спецпоселок Центральная База (Усть-Нем База) Усть-Куломского района в 1941 г. было заселено более 400 немцев. По воспоминаниям Енарда Ионардовича Ау, высланного в 1941 г. из Карелии, в Усть-Нем Базу немцев прибыло большое количество, около 200 на Базу и около 200 в спецпоселок Тимшер. Кроме того, переселенные из Карело-Финской ССР расселялись по спецпоселкам, а не по колхозам, как другие эвакуированные.

В итоге можно сказать, что в 1941 г. немцев-спецпереселенцев в Коми АССР было переселено 8 841 (2 949 + 5 892) человек. Немцы также выселялись в Коми край во второй половине 1940-х гг. Малая численность немцев в первой половине 1940-х гг. в официальной статистике объясняется тем, что немцы, прибывшие в составе эвакуированных, отдельно не учитывались, поэтому в 1945 г. их насчитывалось в республике только 1 324 человека. Однако в 1941–1944 гг. при учете всех спецконтингентов велся особый учет категории «спецпереселенцы, в том числе немцы», которых было учтено в 1941 г. – 18 тыс., 1942 г. – 25 тыс., 1943 г. – 20 тыс. и в 1944 г. – 15 тыс. человек.

В последующие годы (вплоть до 1944 г.) крупных пополнений состава работников лесного комплекса Коми АССР не было, а с 1944 г. начался новый

этап депортации народов из многих регионов Советского Союза. С этого времени в республику стали поступать большие группы населения из Украины, Прибалтики, Молдавии и Белоруссии, а также немцы-репатрианты и влассовцы (так называли всех бывших советских военнопленных, направленных на спецпоселение и ссылку). Данные о движении немцев и их расселении представлены в Табл. 2 и 3.

Таблица 2

Данные о движении выселенцев-немцев за 1945–1949 гг.

	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
На 1 января 1945 г.	160	310	68	176	66
На 1 июля 1945 г.	672	1 598	317	745	536
На 1 января 1946 г.	2 325	7 401	1 064	3 231	3 106
На 1 июля 1946 г.	4 365	12 924	2 186	5 397	5 341
На 1 октября 1947 г.	4 041	12 236	2 165	4 996	5 075
На 1 октября 1948 г.	3 772	11 074	2 071	4 740	4 257
На 1 января 1950 г.	3 810	11 294	2 476	4 820	3 948

Таблица 3

**География расселения выселенцев-немцев в Коми АССР
(по состоянию на 1 июля 1949 г.)**

	Семей	Человек
г. Сыктывкар	809	2 821
Летский район	5	10
Прилузский район	–	47
Сысольский район	247	717
Усть-Вымский район	815	1 790
Сыктывдинский район	414	1 301
Железнодорожный район	486	1 301
Усть-Куломский район	7	40
Усть-Цилемский район	30	124
Сторожевский район	107	286
Корткеросский район	187	344
Ухтинский район	201	700
Ижемский район	17	31
Кожвинский район	264	651
Троицко-Печорский район	106	320
Усть-Усинский район	97	268
г. Воркута	2	7
Всего	7 393	10 756

Следует сказать, что в 1940-е гг. принципиальным образом меняется отношение властей к спецпереселенцам. Если в 1930-е гг. практически не уделялось

внимание бытовому обустройству спецпереселенцев, а уж тем более улучшению их положения, то в 1940-е гг. был принят ряд директив, направленных на улучшение ситуации. Самая важная проблема, решаемая руководством Коми АССР в 1940-е гг., – это «закрепление спецпереселенцев в составе постоянных кадров лесной промышленности». Во второй половине 1940-х гг. принимались различные решения, направленные не просто на улучшение снабжения, а на создание таких условий, которые способствовали бы «закреплению» спецпереселенцев на предприятиях. Руководство было также заинтересовано в том, чтобы спецпереселенцы, долгое время работавшие в лесной промышленности и восстановленные в правах, оставались в республике.

После войны процесс освобождения спецпереселенцев-раскулаченных продолжается. С августа 1946 г. по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 республиках, краях и областях спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и лиц некоторых других национальностей) сняты со спецучета.

В Коми АССР на март 1949 г. численность взрослых спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» составила 3904 чел., из них русских – 1028, украинцев – 273, белорусов – 149, немцев – 2332, других – 1206, т.е. ссылка из русско-украинской превратилась в немецко-русскую. Лица немецкой национальности как представители депортированных народов с учета не снимались. Более того, освобождение детей, достигших 16-летнего возраста, было прекращено. Их снова стали ставить на учет. Например, за первый квартал 1945 г. на учет было поставлено 130 человек.

С 13 августа 1954 г. Постановлением СМ СССР все «бывшие кулаки», высланные в годы сплошной коллективизации снимались с учета, а с 14 мая 1954 г. указанием МВД СССР с учета спецпоселений снимались и лица немецкой национальности, бывшие кулаки, высланные в годы сплошной коллективизации. В 1954 г. в Коми АССР были сняты с учета 1230 спецпоселенцев бывших кулаков, высланных в 1934–35 гг. с Украины и Белоруссии. Таким образом, с конца 1954 г. «кулацкая ссылка» прекратила свое существование.

Ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении, были сняты на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. Однако права на возвращение на места, откуда они были выселены, немцы по-прежнему были лишены. Только в 1964 г. были сняты обвинения с советских немцев. Они освобождались от административного надзора. С 1972г. им разрешалось селиться в другие районы страны и возвращаться в родные места.

Исследование региональных особенностей спецпереселенческой политики СССР в 1930–1950-е гг. на примере Коми АССР как одного из крупных

спецпереселенческих регионов позволяет сделать вывод о том, что именно экономические потребности государства играли приоритетную роль в осуществлении массовых принудительных переселений. Государство нуждалось в тех природно-сырьевых ресурсах, которые размещались в малозаселенных и малоосвоенных регионах страны. Спецпереселенцы стали своего рода заложниками экономических потребностей государства. Во многом общегосударственная политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов. Это доказывает тот факт, что ни одна партия спецпереселенцев не была направлена, в частности в Коми край, без согласования с Москвой.

Существовала определенная двойственность стандартов по отношению к спецпереселенцам из-за отсутствия определенного правового статуса спецпереселенцев (не преступники и не свободные граждане). Это порождало произвол администрации на местах и протест спецпереселенцев. Спецпереселенцы в определенном смысле стали приписными рабочими на лесоразработках, шахтах, рудниках и фабриках. Их трудом были заложены основы развития богатых сырьевыми ресурсами окраин страны. Условия жизни спецпереселенцев были чудовищными, это приводило к высокой смертности. В конечном итоге политика государства изменилась и спецпереселение как система «трудоиспользования» была ликвидирована.

Условно четвертой «волной» можно считать не приток, а начавшийся постоянный отток немцев из республики. Получив в начале 1960-х гг. «вольную» немцы в массовом порядке стали переезжать либо в места своего исхода, либо к родственникам, проживающим вне Севера, либо на этническую родину – в Германию. Однако в последнее время наметилась пока мало исследованная тенденция – снижение интенсивности миграционного обмена между Республикой Коми и Германией и возвращение немцев на исконную родину, т.е. в места своего рождения (табл. 4).

Из табл. 4 видно, что на протяжении последних десятилетий обратный поток из Германии в Республику Коми был незначительным от 13 до 33 человек. Существенно иссяк и отток немцев и членов их семей в Германию с 459 человек в 1997 г. до 36 человек в 2009 г. В целом можно отметить, что за 1997–2009 гг. отрицательное сальдо составило 3213 человек, в том числе 1905 немцев.

Все рассматриваемые годы немцы по-разному оценивали свою этническую принадлежность и гражданскую идентичность и этому есть свое объяснение. Были периоды, когда принадлежность к немецкому этносу закрывала путь на военную и государственную службу, в науку (на определенные специальности).

В настоящее время глава Республики Коми – Вячеслав Гайзер, имеет непосредственное отношение к немцам, но это не мешает ему занимать высший государственный пост в республике.

Сегодня большинство российских немцев связывают свое и будущее детей с Россией, но чтобы эти настроения стали реальностью нужна кропотливая и постоянная работа обоих государств.

Таблица 4

Миграция населения Республики Коми за 1997–2009 гг., человек

Год	Прибывшие			Выбывшие			Миграционный прирост (убыль)			
	Всего	в т.ч. из-за пределов России	из них из Германии	Всего	в т.ч. за пределы России	из них в Германию	Всего	в т.ч. за счет международных передвижений	из них с Германией	в т.ч. немцы
1997	31647	4201	15	42655	4128	459	-11008	73	-444	-339
1998	27696	3067	31	38308	3215	348	-10612	-148	-317	-284
1999	22332	2123	22	34449	3531	375	-12117	-1408	-353	-252
2000	20854	1936	19	27630	2040	351	-6776	-104	-332	-213
2001	18826	1127	23	24100	1426	323	-5274	-299	-300	-156
2002	16823	1188	21	23375	1458	414	-6552	-270	-393	-198
2003	16665	905	34	22954	1432	423	-6289	-527	-389	-171
2004	15970	432	13	21688	1173	385	-5718	-741	-372	-139
2005	15380	452	20	22692	1055	221	-7312	-603	-201	-87
2006	15697	739	33	23462	872	84	-7765	-133	-51	-46
2007	16701	1949	29	22373	742	44	-5672	1207	-15	-20
2008	14127	923	29	23246	576	59	-9119	347	-30	-
2009	13865	799	20	20940	444	36	-7075	355	-16	-
1997–2009	246583	19841	309	347872	22092	3522	-101289	-2251	-3213	-1905*

* За период 1997–2007 гг.

В.К. Клец (Днепропетровск)

Идеологический коллаборационизм этнических немцев СССР в годы Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны немецкое население Советского Союза оказались в довольно сложном положении. Советское руководство увидело в них потенциального противника, что привело к массовому выселению в восточные районы страны, где все немцы оказались в трудармии, а затем в статусе спецпоселенцев. В Украине же многие немцы оказались на оккупированной территории, что вынуждало их искать пути спасения в условиях сложившейся ситуации. Тем более что определенные надежды на них возлагало нацистское руководство.

В результате определенное количество немцев оккупированных территорий вынуждены были пойти на сотрудничество с оккупантами.

Очень важным является вопрос о причинах сотрудничества. Чаще всего исследователями называются недовольство советской властью, репрессии 1930-х гг., раскулачивание крестьянства, насильственное насаждение единомыслия, создание обстановки тотального подозрения и страха, ликвидация интеллигенции, атеистическая политика государства и т.п.⁴¹³ Данными причинами можно объяснить и сотрудничество этнических немцев. Но, кроме названных причин были и другие. Негативно воспринималось немецким населением решение о ликвидации национальных, в том числе и немецких, административно-территориальных единиц. Так, в одном из документов по поводу данного решения говорится о том, что «о национальной политике Советского правительства ведутся разговоры», что «в СССР много пишут и говорят о равноправии наций, в действительности же имеет место обратное, т.е. притеснение национального меньшинства»⁴¹⁴.

С непониманием, недовольством, а иногда и возмущением и желанием отомстить воспринималась немецким населением депортация в восточные районы страны уже в ходе Великой Отечественной войны. Примечательными

---

⁴¹³ См., напр.: Шайкан В. Идеологічне підґрунтя колабораціонізму в Україні в роки фашистської окупації / В. Шайкан, В. Шайкан // Архіви окупації. 1941–1944 / Держ. ком. архівів України; упоряд. Н. Маковська. – 2-е вид. – К., 2008. – (Більше не таємно; Т. 1). – С. 849–850.

⁴¹⁴ Доповідна записка заступника наркома внутрішніх справ УРСР А. Кобулова секретарю ЦК КП(б)У М. Хрущову про реагування населення у зв'язку з реорганізацією німецьких районів у Запорізькій області. 10 травня 1939 р. // Радянські органи державної безпеки у 1939 – червні 1941 р.: документи ГДА СБ України / Упоряд. В. Даниленко, С. Кокін. – К., 2009. – С. 962.

в этом смысле выглядят высказывания немцев, приведенные в докладной записке представителя НКВД в Крымской АССР о выселении немцев во второй половине августа 1941 г.: «...Бывшая работница Джурчинского раймага – Гауфер Мария заявила: «Пусть отправляют нас подальше, они думают, что Гитлер туда не придет. Все равно рано или поздно придет тот час, когда мы начнем с ними расправляться».

Житель дер. Киябак Биюк-Онларского р-на – Юнг Давид Карлович заявил трем русским колхозницам: «Мы уедем, а Вас здесь немцы с землей перемесят».

Немец Колтайс Иван Иванович, ранее арестовывался органами НКВД, заявил: «Нас выселяют, ну и хорошо, если мы попадем на линию фронта германцев, тогда возьмем оружие и выступим против Советской власти».

Немка Вебер Елена Яковлевна, 1919 г. рожд., из дер. Кара-Куи Ленинского р-на, выезжая из дер., заявила: «Высылайте, гады чертовы, все равно Вас разобьет Гитлер»...

...Немец Гиберт Генрих из дер. Чеголтай при переноске вещей заявил: «Довольно издеваться над нами, недалеко то время, когда мы с Вами расправимся»...

...Председатель колхоза член ВКП(б) – Валендер, член ревизионной комиссии Лариндорфского РК ВКП(б), заявил: «Русских даже петлюровцев оставляют, а немцев даже коммунистов эвакуируют»...

...Пред. колхоза «17 Партсъезда», член ВКП(б) – Майер Андрей Иванович, 1902 г. рожд., заявил: «Как только выеду за пределы Крыма, партбилет выброшу»⁴¹⁵.

То есть можно утверждать, что существовал целый комплекс причин недовольства немцев политикой советской власти как в предвоенный период, так и в начале войны. Но данные причины, на наш взгляд, толкали к сотрудничеству незначительную часть населения оккупированных территорий. Большая часть сотрудничала с оккупантами по другой причине. Люди остались на оккупированной территории, Красная армия отступила, они практически ничего не знали о том, что происходит на фронте, сложилась обстановка полной неизвестности. И для этого большинства главной задачей было выжить. А выжить очень часто можно было, только в той или иной мере сотрудничая с оккупантами. Для кого-то это была служба в полиции, для других – работа переводчиком, на заводе, в поле. И это касалось всех людей, не взирая на их национальную принадлежность.

Но сотрудничество этнических немцев с оккупантами носило несколько иной характер. Для них оккупанты были не только представителями другой

---

⁴¹⁵ Секретарю Крымского обкома ВКП(б) тов. Булатову. Докладная записка об эвакуации немецкого населения из Крымской АССР. 1 сентября 1941 г. // Реабилитированные историей. Автономная республика Крым / В.П. Антипенко (пред-ль ред. кол.) и др. К.; Симферополь, 2006. Кн. вторая. С. 49–50, 51.

державы, а соплеменниками, с которыми у них были и языковые, и культурные, а иногда и родственные связи.

Сотрудничество с оккупантами носило разный характер. Например, М.И. Семиряга в своем труде называет следующие виды или типы коллаборационизма – административный, экономический, военно-политический, бытовой⁴¹⁶. Не отвергая предложенную типологию, мы все же хотим оттолкнуться от более разветвленной типологии, предложенной российским исследователем Б.Н. Ковалевым. Он выделяет следующие типы коллаборационизма: военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный, детский и половой⁴¹⁷. В данной статье речь пойдет об идеологическом коллаборационизме.

Одну из основных целей идеологического коллаборационизма Б.Н. Ковалев определяет так: «Вначале разложить население, запугать его, а затем сделать своим потенциальным союзником»⁴¹⁸. В отношении этнических немцев вряд ли ставилась задача разложить и запугать население. Здесь главной задачей было все-таки приобщение местных немцев к выполнению общих задач, тесное сотрудничество фольксдойче и рейхсдойче, а так как речь идет о войне, то в данных условиях речь идет об организации жизни на оккупированной территории. И в данных условиях этнические немцы должны были стать и объектом, и субъектом нацистской пропаганды.

Еще до начала войны, по мнению М. Бухсвайлера, нацисты ожидали встретить в СССР немцев, как разоренную, численно сокращенную этническую группу, при этом пространственно разбросанную и большей частью руссифицированную и обольшевизированную⁴¹⁹. Отчасти это ожидание подтвердилось уже после оккупации советских территорий. Тем не менее, несмотря на выселение в начальный период войны, немцы представляли из себя довольно многочисленную группу. Если до войны их насчитывалось около 400 тыс. человек, то после оккупации территории Украины в рейхскомиссариате «Украина» их проживало 163 тыс. человек⁴²⁰ и более 130 тыс. проживало на территории Транснистрии⁴²¹.

⁴¹⁶ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. М., 2000. С. 10.

⁴¹⁷ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 17, 78, 123, 160, 202, 244, 293, 308, 348.

⁴¹⁸ Там же. С. 163.

⁴¹⁹ Buchsweiler M. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Loyalität? Gerlingen, 1984, S. 312.

⁴²⁰ Айсфельд А. Великая Отечественная война 1941–1945 // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. М., 1999. Т. 1: А–И. С. 338.

⁴²¹ См.: Німці Півдня України: Історія і сучасність / М.М. Шитюк, В.П. Шкварець, М.Е. Козирева, І.Є. Ніколаєв, Л.М. Хрящевська, І.В. Оборонько. Миколаїв, 2009. С. 375.

Как пишет Б.Н. Ковалев, «эффективность и успехи нацистской пропаганды на первом этапе войны зависели в основном от трех условий: 1) дезориентации значительной части населения на оккупированной территории; 2) обеспечения относительной монополии в области информации; 3) подкрепления пропагандистских акций практическими успехами на фронтах»⁴²².

Какое же участие в пропагандистской работе принимали этнические немцы? Довольно активно пропагандой занималась периодическая печать. По данным донецкого исследователя Д.Н. Титаренко только в трех восточных областях Украины (Харьковской, Донецкой и Луганской) выходило 37 газет и один журнал⁴²³, в Западной Украине издавалось 67 периодических изданий⁴²⁴, по сведениям же М.И. Семиряги на оккупированной территории Украины издавалось 189 газет на украинском и 10 газет на немецком, румынском и венгерском языках общим тиражом в 1 млн. экземпляров⁴²⁵.

Главное внимание в этих газетах уделялось победам германского оружия на фронтах, но, если там возникали какие-либо трудности, то в газетах возникало молчание и только через некоторое время они опять писали о фронте, но уже совсем о другом регионе. Например, все лето 1942 г. газеты писали об успехах вермахта под Сталинградом, о том, как он теснит каждый день советские войска, но с конца ноября вдруг наступает молчание и только через некоторое время пишется о том, что немецкие войска проводят перегруппировку своих сил, а затем они как-то незаметно оказываются уже в районе Ростова, Донбасса и других регионов.

Другие материалы также носили пропагандистский характер. Часто писалось о красивой жизни народа в Германии. В одном из номеров газеты «Звон», которая издавалась в Кривом Роге, пишется о поездке этнических немцев из Подолья, Днепропетровска, Николаева и других регионов в Германию. Естественно, что в данной заметке рассказывается о том, как благодарны посетившие Германию германским властям за такой подарок, о том, какая счастливая жизнь у трудящихся этой страны⁴²⁶.

Тема этнических немцев была довольно популярной в прессе. В газетах писалось об участии немцев в освоении украинских земель, при этом им отводилась едва ли не главнейшая роль в этом процессе. Об этом свидетель-

⁴²² Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. С. 170–171.

⁴²³ Титаренко Д.М. Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2002. – С. 11.

⁴²⁴ Антонюк Н.В. Українське культурне життя в «Генеральній губернії» (1939–1944 рр.). За матеріалами періодичної преси. Львів, 1997. С. 213–215.

⁴²⁵ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. С. 548.

⁴²⁶ Дзвін [Кривий Ріг]. 1943. 13 березня.

ствуют такие, например, высказывания: «...С XVIII в. они сделали цветущий культурой край...»⁴²⁷; «...такие идеальные хозяева, как немцы...»⁴²⁸ и т.д.

Естественно, очень много писалось о тех лишениях, которые пришлось пережить немцам в Советском Союзе. Примечательной в этом смысле является следующая выдержка из статьи: «Не имея права вспоминать о родине, не имея права говорить о своем народе, все время жить, ожидая ареста, высылки или смерти, что может быть хуже этой судьбы. Но так было. Так жили немцы в Советском Союзе. Скрывая свою национальность, боясь иудовской ненависти, они вынуждены были вместе с другими народами терпеть унижения сталинских палачей. Единственное, чего не могла коснуться грязная чекистская рука, были надежды... И никто из них не верил лживой советской пропаганде. Никто ни на минуту не утрачивал надежды на освобождение. Над ними издевались, их травили, жида смотрели на них, как на врагов... Для них, как и для всех людей, закончились неслыханные мучения, закончились долгие издевательства»⁴²⁹. Именно в связи с этим был опубликован приказ коменданта Кривого Рога, в котором говорилось: «Немцы, которые во время большевистского господства больше всех советских граждан преследовались, у которых почти нет семьи, которые утратили имущество, утратили близкого человека или родственника, – должны быть при любых условиях наступающей зимы защищены от горя и забот»⁴³⁰.

Периодически в газетах появлялись статьи, касающиеся истории немецкого населения Украины, его уклада жизни, современного положения немецких колоний, трудовых традиций и т.д.⁴³¹ Интересной в этом плане является статья, в которой автор описывает свою работу у немецких колонистов, подчеркивая передовой характер немецкого хозяйствования. При этом навязывается мысль об отсутствии общих интересов у украинцев и русских, противопоставляя эти два славянских народа (как это похоже на многие современные публикации). Он пишет: «Бросалось в глаза одно интересное явление: нанимали немцы исключительно украинцев, русских – никогда. Причины были такие: 1) почти полное отсутствие навыков у русских работы в таком культурном хозяйстве, как в немецкой колонии; 2) неумение управляться и вести себя с домашним скотом, к волам русские боялись и близко подходить; 3) главное же – нежелание работать так, как этого требовало время и та или иная ситуация»⁴³².

---

⁴²⁷ Дзвін. 1942. 11 липня.

⁴²⁸ Дзвін. 1943. 13 березня.

⁴²⁹ Дніпропетровська газета. 1943. 21 квітня.

⁴³⁰ Дзвін. 1941. 2 листопада.

⁴³¹ См., напр.: Дніпропетровська газета. – 1943. 18 червня; Дзвін. 1942. 17 жовтня; 1943. 13 березня.

⁴³² Дзвін. 1943. 13 березня.

Большое внимание уделялось освещению юбилейных дат – дня прихода нацистов к власти в Германии, дня рождения Гитлера, праздника 1 Мая, дня начала войны против Советского Союза. Активное участие в мероприятиях в честь юбилеев принимали и этнические немцы. Вот как, например, описывается участие немцев Днепропетровска в демонстрации, посвященной дню рождения Гитлера в 1942 г.: «Местные немцы с надеждой ждали этого дня, 20 апреля. Каждый из них еще и еще раз осознавал всю значимость современных событий, осознавал для себя великий образ вождя немецкого народа Адольфа Гитлера.

Наступил долгожданный день. С утра сотни местных немцев (всего же их на начало 1942 г. в городе насчитывалось около 2000 человек⁴³³ – В.К.) собрались на демонстрацию. Празднично одетые шли они солнечными улицами города. Вместе со взрослыми было много мальчиков и девочек. И каждый с гордостью нес в руках национал-социалистический флажок.

Возглавлял колонну руководитель местных немцев господин Гельмель. В демонстрации приняло участие около 300 человек»⁴³⁴.

В 1942 г. отмечалось 150-летие со дня основания меннонитской колонии Хортица. Газеты с большой помпой рассказывают о посещении колонии министром по делам оккупированных восточных территорий А. Розенбергом и рейхскомиссаром Украины Э. Кохом. Посетив Генеральный комиссариат 23 июня 1942 г., они встретились с группой местных немцев в Каменском (в настоящее время Днепродзержинск), а также провели встречу с немцами в немецкой колонии Хортица, где прошла демонстрация жителей колонии⁴³⁵. Более подробно об этой встрече сообщает газета «Звон»: «Большим переживанием была дорога через территорию немецкого поселения у Хортицы. Как утверждает окружной комиссар Хортицы, живет здесь приблизительно 15 000 крестьян, относящихся к немецкому народу... Сегодня они дождались, что после освобождения их немецкой армией, впервые посетил их и обратился с речью министр Фюрера... Рейхсминистра и рейхскомиссара Э. Коха приветствовали везде криками «Хайль», радость светилась в глазах тех немецких крестьян и крестьянок, которые снова могли признаться в своей принадлежности к немецкому народу после десятилетий большого террора...

Завершением этого путешествия, через заселенные немцами Днепровские края, была манифестация в Хортице...»⁴³⁶.

Большое внимание уделялось пропаганде и агитации среди подрастающего населения. Значительная роль в этой работе отводилась школе.

---

⁴³³ Дніпропетровська газета. 1942. 14 січня.

⁴³⁴ Дніпропетровська газета. 1942. 21 квітня.

⁴³⁵ Дніпропетровська газета. 1942. 28 червня.

⁴³⁶ Дзвін. 1942. 11 липня.

По мере удаления от фронта в различных населенных пунктах открывались школы. При наличии немецкого населения в обязательном порядке открывались школы для немецких детей. При этом посещение немецкими детьми украинских и русских школ допускалось только в самых исключительных случаях⁴³⁷.

И уже, например, к 15 ноября 1941 г. в Апостоловском районе Днепропетровской области было открыто 2 немецкие школы из 46 работавших в районе в это время⁴³⁸. К 5 декабря того же года их было уже 3⁴³⁹. В Днепропетровске была открыта семилетняя школа, в которой из 21 работавшего 15 были немцами⁴⁴⁰. К 10 марта 1942 г. в 20 хортицких и николаевских колониях работали немецкие школы (в 6-ти из них – семилетки), в которых обучался 2401 ученик⁴⁴¹. А в целом, по данным команды К. Штумппа, в 89 населенных пунктах работали немецкие школы⁴⁴². Возобновлена была деятельность немецких школ и в Транснистрии⁴⁴³.

Больше всех учеников в 1942 г. было в Хортице (375) (кстати, летом 1942 г. было организовано празднование 100-летия Хортицкой центральной школы⁴⁴⁴), Эйнлаге (232), Николайфельде Запорожского района Запорожской области (178), Нойендорфе (Широком) того же района (220), Шенхорсте (Ручаевке) того же района (261), Ной-Остервике того же района (294), Гальштадте (415), Йозефстале Днепропетровского района⁴⁴⁵).

Оккупационная власть осознавала как важны образовательные учреждения для идеологического воспитания населения. Из образовательного процесса изымалась советская учебная литература, прежде всего по общественным дисциплинам. Немецких детей готовили как будущих национал-социалистов. Например, в отчете д-ра К. Штумппа об исследовании немецких поселений в районе Николаева, говорится о том, что в колонии Вормс «перед входом в школу дети пели песни «Вперед к борьбе», «Германия, Германия превыше всего», «Хорст Вессель». С воодушевлением и напряжением слушали они мои рассказы о Германии и о ее вожде»⁴⁴⁶.

⁴³⁷ Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. 2311. Оп. 1. Д. 29. Л. 41.

⁴³⁸ Там же. Ф. 2443. Оп. 1. Д. 60. Л. 41.

⁴³⁹ Там же. Л. 47.

⁴⁴⁰ Там же. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 127. Л. 18, 22.

⁴⁴¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ). Ф. 3676. Оп. 4. Д. 3. Л. 31.

⁴⁴² См.: Вальт Р.Х. Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером / Рихард Х. Вальт. 2-е изд. Эссен, 1996. С. 137–138.

⁴⁴³ См.: Шевчук Н. Фольксдойче в Транснистрии // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг.: Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 229.

⁴⁴⁴ ГАДО. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 10. Л. 61–64, 67.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 58–63.

⁴⁴⁶ ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 4. Л. 24.

Большую работу по воспитанию в нужном духе проводили организации гитлерюгенда. Они создавались по мере образования гражданской администрации. Возглавляли их местные молодые немцы. О характере воспитательной работы в рамках организации свидетельствует перечень обязательных тем бесед, которые должны проводиться среди немецкой молодежи: «Гитлер – твой фюрер»; «Немецкий солдат – твой освободитель»; «Ты – немец»; «Страна твоих предков – Германия»; «Ты должен разговаривать, думать и действовать по-немецки»; «Ты должен работать»⁴⁴⁷.

В рамках гитлерюгенда проводилась также военная подготовка с целью самозащиты. Прохождение такой подготовки в дальнейшем давало преимущества для вступления в войска СС⁴⁴⁸. Основной же задачей воспитания было создание кадров будущих руководителей из числа фольксдойче. С этой целью организовывались летние лагеря, наиболее известными из которых были лагеря в Райхенау, Рокине на Волини и Подолье, Гальштадте. О цели данных лагерей свидетельствует лозунг лагерного плана: «Помни, что ты немец, и фюрер говорит: «То, чего мы ожидаем от будущего Германии, вы должны выполнить. Если мы желаем чести Германии – вы должны быть честными. Если мы желаем, чтобы Германия была сильной, – вы должны быть сильными. Вы представляете собой будущее поколение Германии». Быть молодым – это означает верить в победу и в свое призвание к борьбе»⁴⁴⁹.

Несмотря на кратковременность, обстоятельства войны, деятельность гитлерюгенда по воспитанию немецкой молодежи, тем не менее, можно считать вполне успешной.

В целом же явление коллаборационизма этнических немцев, в том числе в идеологической сфере, отличалось от сотрудничества представителей других национальных групп. Например, даже создать какие-либо крупные вооруженные формирования из этнических немцев СССР, наподобие РОА, казачьих, мусульманских, других национальных частей немецкому командованию не удалось. Наверное, для этого не доставало фактов массового сотрудничества.

После окончания же войны в коллаборационизме были обвинены практически все этнические немцы. Достаточно было факта регистрации в качестве фольксдойче и при этом часто не учитывалось даже участие в антифашистском движении.

---

⁴⁴⁷ Там же. Д. 348. Л. 4.

⁴⁴⁸ Соловйов О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // *Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2002. С. 123.*

⁴⁴⁹ ЦГАВОВУ. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 230. Л. 54.

К вопросу о характере и причинах сотрудничества этнических немцев с оккупационными властями на Украине в годы Второй мировой войны

Как известно, в годы оккупации Украины войсками Германии здесь проживало несколько сотен тысяч этнических немцев. Новая власть рассчитывала на поддержку с их стороны. С этой целью были составлены специальные списки «народных немцев», куда мог попасть любой, кто смог доказать свое немецкое происхождение (с помощью соответствующих документов или же свидетелей). Кроме того, статус «фольксдойче» получали и нечистокровные немцы, а также те члены семьи, которые являлись украинцами или же принадлежали к какой-либо другой национальности (кроме евреев). При том, что среди советских немцев были те, кто действительно могли считаться патриотами Советского Союза и даже воевать на фронте, однако вряд ли большинство из них испытывало лояльность по отношению к советскому строю. Иначе этнические немцы выглядели бы странно на фоне довольно массовых антисоветских настроений среди украинского населения (особенно среди крестьянства), которое тем самым надеялось на серьезные изменения в условиях своей жизни. Причинами этого, как известно, являлись довоенные коллективизация, голод 1932–1933 гг., репрессии по национальному признаку, депортации в 1941–1942 годах, а также антирелигиозная политика. Немцы в СССР как раз были одной из тех категорий населения, которая на протяжении межвоенного периода подвергались активной дискриминации со стороны советской власти.

Для многих же тысяч немецких колонистов приход войск вермахта в первые месяцы войны стал освобождением в буквальном смысле этого слова. Так, в августе 1941 года около 2500 жителей менонитских колоний правобережной части Днепропетровской области смогли избежать насильственного выселения⁴⁵⁰. Схожих примеров было немало. Уже в конце лета 1941 года оккупационная администрация содействовала открытию молитвенных домов, которые в результате антирелигиозной кампании были превращены в клубы или склады⁴⁵¹. Новая власть также смогла оградить жителей колоний от мародерства и своеволия со стороны румынских солдат⁴⁵². Один из очевидцев позже вспоминал, что многие из числа меннонитов, находясь тогда под

---

⁴⁵⁰ Epp K. George. Mennonite Immigration to Canada after World War II // Journal of Mennonite Studies, Vol. 5 (1987) – P. 108–119

⁴⁵¹ Ibid., P. 112.

⁴⁵² Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее – ЦГАВОВУ). КМФ-8. Оп. 2. Д. 390. Л. 95.

впечатлением от этих, пусть и незначительных, преобразований, искренне желали, чтобы Германия победила в этой войне⁴⁵³.

Но, несмотря на то, что у многих советских немцев были причины не любить советскую власть, главным мотивом пройти регистрацию было зачастую стремление облегчить свое материальное существование в условиях военного времени. Об этом неоднократно сообщалось в донесениях представителей оккупационных властей. Например, в одном из докладов руководителя полиции Харькова в сентябре 1942 года по этому поводу было сказано следующее: «Средний немец вспоминает о своей национальности только тогда, когда из этого он может извлечь для себя какую-либо пользу или удовольствие (получить продукты, быть принятым на работу и т.д.). Жизнь подавляющего большинства проходит аналогично жизни при советской власти»⁴⁵⁴. Как правило, эти льготы заключались в более высокой зарплате, возможности посещать специальные столовые и магазины для «фольксдойче», продуктовых пайках и т.д. В сельской местности потомки немецких колонистов могли рассчитывать на земельный надел и инвентарь.

Представители оккупационной администрации неоднократно жаловались, что среди советских немцев много тех, кто за годы советской власти почти утратил свою национальную и культурную идентичность. Сообщалось, что немало «фольксдойче» вообще не знает немецкого языка⁴⁵⁵. Немного слышали они также и об идеях национал-социализма. Для того чтобы хоть как-то исправить данную ситуацию, были организованы специальные языковые курсы, куда порой, как гласило одно из объявлений в Харькове, должны были явиться все в обязательном порядке⁴⁵⁶. Уделялось внимание и молодежи, сознание которой, по мнению германских властей, должно быть менее подвержено идеям большевизма. С этой целью была, например, создана организация «Немецкая молодежь Украины» (Deutsche Jugend Ukraine), главной задачей которой было воспитание молодых людей в духе национал-социализма. Хотя действовала она не во всех регионах Украины⁴⁵⁷. Если верить информации органов НКВД, то в Славянске Сталинской (Донецкой) области существовала разведывательная школа, где якобы обучались молодые люди из числа местных «фольксдойче»⁴⁵⁸. Таким образом, все это мало напоминает ту ситуацию, что сложилась с этническими немцами в

---

⁴⁵³ Epp M. Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2000. – P. 29.

⁴⁵⁴ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОДА СБУ). Ф-2. Оп. 7. Д. 7. Л. 35.

⁴⁵⁵ ЦГАВОВУ. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157 (Т.1). Л. 4.

⁴⁵⁶ Государственный архив Харьковской области. Ф. 4584. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁴⁵⁷ Соловйов О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // *Вопросы германской истории*: Сб. науч. Тр. / Ред. Кол. С.И. Бобылева и др., Днепрпетровск, 2002. – С. 121–132.

⁴⁵⁸ ОДА СБУ. Ф-13. Д. 485. Л. 370.

оккупированных странах Западной, Центральной, а также Южной Европы, которые в первую очередь шли на сотрудничество с оккупационной администрацией из идейных соображений и считали себя частью Великогерманского рейха.

Известно немало случаев, когда местные фольксдойче вступали в немецкую армию или же полицейские формирования. Правда, не всегда это носило добровольный характер. Например, в молочанских колониях в Запорожской области весной 1942 года немецкое командование объявило о создании четырех кавалерийских эскадронов из местной молодежи, которые впоследствии отправили на фронт⁴⁵⁹. Однако о создании более крупных формирований, например, дивизий (как это было в Европе) из числа украинских «фольксдойче» не могло быть и речи. Так как принудительные трудовые мобилизации, а также массовые депортации этнических немцев со стороны советской власти в самом начале войны привели к сокращению количества мужчин призывного возраста. В первую очередь подобная картина наблюдалась на территории Левобережной Украины. К примеру, в молочанских колониях около пятидесяти процентов семей меннонитов были без мужчин, большую часть которых еще в 1941 году мобилизовали в строительные батальоны⁴⁶⁰. Порой тех, кто и был годен к службе в армии, оккупационные власти не трогали в силу того, что многие работали либо в администрации, либо на предприятиях, где они были также нужны.

Помимо уже вышеперечисленных привилегий, «фольксдойче» имели широкие возможности устройства на руководящие должности в оккупационные структуры. Неоднократно многие из них становились бургомистрами, руководителями предприятий, общественных хозяйств, возглавляли полицию.

Таким образом, для сотен тысяч «фольксдойче» на Украине в годы Второй мировой войны главным мотивом, который побуждал их к сотрудничеству с оккупационными властями, был вопрос выживания. Политические и идейные приоритеты были не так актуальны.

---

⁴⁵⁹ ЦГАВОВУ. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157 (Т. 2) Л. 130.

⁴⁶⁰ Epp M. Moving Forward, Looking Backward: The «Great Trek» from the Soviet Union, 1943–1945 // *Journal of Mennonite Studies*, Vol 16 (1998) – P. 59–75.

Бессарабские немцы в 1939–1941 гг.: в поисках своей идентичности

В июне 1940 г. Бессарабия (Молдавия) была присоединена к Советскому Союзу. Это историческое событие стало началом конца истории бессарабских немцев, которые более 100 лет прожили на территории России⁴⁶¹, а в 1918 г. оказались в составе Румынии. В 1940 г. бессарабские немцы (по разным данным от 82 до 95 тыс.чел.) на короткое время оказались в составе СССР, и встал вопрос об их дальнейшей судьбе.

Советско-германский пакт 1939 г. предусматривал возможность переселения фольксдойч с тех территорий, что оказывались в сфере влияния СССР: с бывших восточно-польских земель (волинские и галицийские немцы), из Прибалтики и Молдавии (Бессарабии). К 1938 г. вне пределов Германии проживало ок.10 млн. этнических немцев, преимущественно на территории Чехословакии (3,5 млн.), Польши (1,7 млн.), СССР (1 млн.). В рамках нацистской расовой теории в изложении Гиммлера, перелагаемой на политическую практику, это был важный «человеческий» материал в планах построения чистого, германского государства⁴⁶².

28 июня 1940 г. Красная армия вступила на территорию Бессарабии. 5 сентября было подписано советско-германское соглашение о выселении местных немцев в Германию. Но фактически еще до вступления советских войск на молдавские территории между Германией и СССР была достигнута негласная договоренность о переселении. Она помогла бессарабским немцам избежать серьезных преследований со стороны советских спецслужб до переселения. Многие фольксдойч отмечали, что советские власти не проводили среди них проверок и арестов, не изымали имущество и разрешали спокойно отправлять религиозные культы. Так, пастор Эрвин Мейер из бессарабского села Лейпциг подчеркивал, что «все это благодаря германской защите»⁴⁶³. При этом представители других национальностей новоприсоединенных регионов испытали на себе «все прелести» сталинской регрессионной машины!

Таким образом, бессарабские немцы оказались на положении советских подданных (с конца июня по середину ноября 1940 г.). Особые дискуссии

⁴⁶¹ Первое немецкое поселение Тарутино было основано в Бессарабии в 1814 г. «варшавскими колонистами». См.: Brandes D. Von Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751–1914. München, 1993.

⁴⁶² См.: Himmler H. Unsere Volkstumspolitik. Rede des Reichsführers SS, Reichsminister des innern zum „Tag der Freiheit 1943“. Posen, 1943.

⁴⁶³ Jachomowski D. Die Umsiedlung der Bessarabien-, Bukowina- und Dobrudschadeutschen. Von der Volksgruppe in Rumänien zur „Siedlungsbrücke“ an der Reichsgrenze. München, 1984, S. 62.

в современной историографии вызывают вопросы о том, насколько фольксдойч в Молдавии были информированы о планах по выселению в Германию и о степени принуждения при организации этого выселения⁴⁶⁴.

С одной стороны, бессарабские немцы не имели четкой и ясной информации от новых властей на протяжении более двух месяцев, и пребывали в неведении относительно своей судьбы. Они пытались приспособиться к новым условиям жизни: была запрещена свободная торговля, крупные предприятия национализированы, немецкие общины были переформированы в сельские советы, в которых руководящие посты перешли к русскоязычным коммунистам. Ряд товаров первой необходимости (топливо, сахар, табак, соль) стали в Бессарабии дефицитом⁴⁶⁵.

С другой стороны, хорошо организованные немецкие общины (в том числе посредством церковных объединений на местах), получали информацию о переселении и немцев из Украины, Прибалтики, и имели все основания предполагать, что и бессарабским немцам предстоит разделить эту участь.

При организации переселения бессарабских немцев были учтены ошибки и недостатки аналогичных кампаний на Украине и в Прибалтике. Так, фольксдойче с Западной Украины и Белоруссии были переселены в крайне тяжелых природно-климатических условиях: они двигались холодной зимой своим ходом. При этом отсутствовало взаимопонимание между советской и германской сторонами. Часто, как это было с балтийскими немцами, прибывшими осенью 1939 г. в «образцовое гау Вартеланд», переселенцы оказывались предоставленными сами себе⁴⁶⁶.

Выселение бессарабских немцев прошло в теплое время года по рекам и на подводах. 5 сентября 1940 г. было заключено советско-германское соглашение и начала работу смешанная комиссия по переселению. Выселение немцев не было насильственным, но они сами предпочитали покинуть перешедшую под управление большевиков область, опасаясь репрессий, коллективизации, высылки в Сибирь⁴⁶⁷. Прельщала и возможность не только получить на новой – старой родине новый участок, но также и обещанная компенсация. Однако реалии оказались далеко не такими радужными, как обещала нацистская пропаганда.

---

⁴⁶⁴ Schmidt U., „Heim ins Reich“? Propaganda und Realität der Umsiedlungen nach dem „Hitler-Stalin-Pakt“ // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat, 26/2009, S. 43–60.

⁴⁶⁵ Dies. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Deutsches Kulturforum östliches Europa e.V. Potsdam, 2008, S. 320.

⁴⁶⁶ Ziegler A. Posen 1939–1945. Anfang und Ende einer Reichgauhauptstadt. Schönaich, 2009, S. 61

⁴⁶⁷ На территории Бессарабии после 1940 г. оставалось ок. 2 тыс. немцев, преимущественно пожилого возраста, которые не хотели покидать насиженных мест и не видели перспектив в Германии. Некоторые из потомков бессарабских немцев живы до сих пор, и находятся под патронатом Землячества Бессарабских немцев.

Колонистам, заселявшимся в «образцовое гау Вартеланд» было официально обещано по 15 га на семью в среднем. Однако далеко не все получили участки желаемого качества и размера. В среднем, на семью приходилась усадьба в 7–9 га. При этом более 40% переселенцев получили участки до 5 га., а 50% – до 10 га. Обращают на себя внимание значительные финансовые расходы Третьего рейха по переселению. Только к апрелю 1941 г. на эти цели было израсходовано почти 124 млн. имперских марок, а к концу апреля 1942 г. – уже 800 млн!⁴⁶⁸

Центром германской администрации по переселению стал Лодзь – Литцманштадт, который, по замыслам нацистских лидеров, должен был стать «крупнейшим городом германского Востока». Для этого была проведена очистка города от нежелательных этнических элементов. В частности, местные евреи были собраны в особый лагерь на севере города, который стал первым гетто, организованным нацистами. Лагерь существовал вплоть до конца оккупации в 1944 г.⁴⁶⁹

Управление по этническим немцам (Volksdeutsche Mittelstelle – VoMi) во главе с Вернером Лоренцом полагало, что Лодзь следует заселить немецкими горожанами из Прибалтики⁴⁷⁰. Однако реализоваться этим планам было не суждено.

Переселение бессарабских немцев было строго организовано – на 500 человек выдавался особый санитарный паспорт. В сборных лагерях существовала жесткая регламентация, которая должна была приучить фольксдойче к дисциплине и порядку. Среди переселенцев выявляли советских агентов и саботажников. При фильтрации особое внимание обращалось на имена переселенцев, среди которых не приветствовались распространенные в СССР «коммунистические» (Клим, Ким, Октябрина, Владлен, Спартак, Нинелла), а также еврейские (Аарон, Абрахам, Натан, Ребекка, Самуэль и др.). Переселенцам предлагали сменить подобные имена на арийские, а у тех, кто отказывался возникали проблемы⁴⁷¹.

Бессарабских немцев часто не воспринимали как немцев, называя «лучшими из арабов», «балканцами»⁴⁷² и т.п. Все это быстро отрезвляло даже тех из них, кто искренне стремился «назад, на Родину». Однако выбора у них уже не было.

---

⁴⁶⁸ Leniger Markus. Nationalsozialistische „Volkstumsarbeit“ und Umsiedlungspolitik 1933–1945. Vor der Minderheitenbetreuung zur Siedlerauslese. Berlin, 2006, S. 64–65.

⁴⁶⁹ Rutowska M. Wysziedlenia ludności polskiej z Kraju Warty do Generalnego Gubernatorstwa, 1939–1941. Poznań, 2003.

⁴⁷⁰ Вернер Лоренц (1891–1974) в 1948 г. был приговорен трибуналом в Нюрнберге к 20-летнему тюремному заключению. Через 15 лет вышел на свободу. См.: Kemper R. SS im Kreuzverhör. München, 1964, S. 187.

⁴⁷¹ Leniger M. Op. cit., S. 219.

⁴⁷² Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer, S. 330.

Переселение немцев сопровождалось репрессивными акциями в отношении поляков и евреев, которые либо депортировались в Генерал-губернаторство, в котором также планировалось проведение германизации⁴⁷³, либо оказывались в концентрационных лагерях, где в значительной части уничтожались (погибло от 4,5 до 6 млн. поляков и евреев). Переселенцы получали дома и имущество депортированных славян и евреев. Так, один переселенец вспоминал: «Когда мы прибыли в усадьбу, все было оставлено так, словно поляки покинули ее час назад ... и даже постели были еще теплые»⁴⁷⁴.

Однако бессарабские немцы недолго пользовались даже теми небольшими преимуществами, что они получили на новых территориях. Жизнь приходилось начинать практически с нуля, и это в условиях все разгоравшейся мировой войны, когда мужчин призывали в армию, а женщины, старики и дети оказались в итоге на положении беженцев и депортированных.

Таким образом, на протяжении короткого периода времени бессарабские немцы находились в промежуточном положении, в поисках своей гражданской идентичности между СССР и Германией. Определенно можно констатировать, что это был выбор без выбора. Практически все бессарабские немцы разделили судьбу переселенных « в рейх» фольксдойч. В итоге они слились с основной массой изгнанных немцев и смогли начать новую жизнь в Германии после 1945 г.

---

⁴⁷³ В отношении Генерал-губернаторства у нацистов не было четкой политики: его рассматривали то как неотъемлемую часть рейха, то как своеобразную зону для германизации поляков, то как особую область. Местное славянское и еврейское население не имело гражданства.

⁴⁷⁴ Döring S. Die Umsiedlung der Wolhynien Deutschen in den Jahren 1939–1940. Frankfurt am Main, 2001, S. 289.

Проблемы национальной идентичности немцев Причерноморья к началу и во время Второй мировой войны

Причерноморье являлось одним из крупнейших компактных поселений немцев в течение полутора столетий. За период от установления советской власти до начала Великой отечественной войны численность немецкого населения региона не была постоянной. Ее сокращение к предвоенным годам связано с массовыми репрессиями по национальному признаку (высылкой и расстрелами). С момента переселения в Россию немцы понесли невосполнимые национально-культурные потери. Произошли значительные изменения национальной идентичности, менялись критерии самоидентификации немецкого населения. Темпы уничтожения национальной культуры в советский период затронуты в статье В. Хердта «Российские немцы накануне Второй мировой войны»⁴⁷⁵.

Проблемы национальной идентичности рассматриваются в данной статье с 3-х позиций: 1) с точки зрения оккупационных властей на территории Причерноморья 2) с точки зрения инонационального окружения, 3) с точки зрения самих немцев.

Из-за стремительного наступления германской армии стопроцентную депортацию немцев из Одесской и Николаевской областей советским властям осуществить не удалось. На оккупированной германо-румынскими войсками территории оказались 4 района, где с начала колонизации компактно проживало немецкое население: Гросслибентальский, Кучурганский, Березанский и Глюкстальский⁴⁷⁶. Они вошли в состав образованной согласно германо-румынскому договору территории под названием Транснистрия (земли между Бугом и Днестром), которая передавалась под временное управление Румынии⁴⁷⁷. Немцы, проживавшие на ее территории, впервые стали объектом германской политики⁴⁷⁸, что отличало ее от политики кайзеровской Германии в годы Первой мировой войны.

В соответствии с интересами Германии этническим немцам на оккупированных территориях отводилась определенная роль и место, которые зависели от положения на фронте. Сельское население должно было служить

⁴⁷⁵ Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1945 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф. Москва, 19–22 окт. 2000 г. М., 2001. С. 40–49.

⁴⁷⁶ E. Völk. Transnistrien und Odessa 1941–1944. Regensburg, 1996, S. 88.

⁴⁷⁷ Op. cit., S. 90.

⁴⁷⁸ Айсфельд А. Немцы на юге Украины (1871–2003 // Причерноморские немцы в жизни и деятельности Одессы и региона: Библиографический указатель / Сост. В. Самодурова, А. Айсфельд, Н. Шевчук. Одесса, 2003. С. 82.

постоянным источником пополнения продовольственной базы для германской армии в военное время и Германии после окончания войны. Ему было предложено самостоятельно избрать форму хозяйствования (коллективную или индивидуальную). В более дальней перспективе немецкое население предполагалось использовать в интересах германской гражданской администрации, в так называемом общегерманском смысле, а именно – для германизации включенных в состав германского рейха территорий («Имперский край Вартегау» и др.)⁴⁷⁹.

11 июля 1941 г. была сформирована зондеркоманда СС «Р», которая должна была обеспечить защиту местному немецкому населению со стороны германского рейха. Под защитой подразумевалось не только курирование (содействие хозяйственной деятельности, снабжение одеждой и продуктами городского населения) но и политическое руководство⁴⁸⁰. Формирование системы опеки немецкого населения подробно описаны в работе В. Клеца «Взаимоотношения нацистских оккупационных властей и фольксдойче в оценке современной историографии»⁴⁸¹.

В августе 1941 г. особое подразделение СС «Р», подчиненное главному управлению репатриации этнических немцев «Volksdeutsche Mittelstelle» (VoMi), официально принимает на себя «ответственность» за немцев, проживавших на оккупированных территориях СССР⁴⁸². Первостепенной задачей подразделения была их регистрация, т.е. установление этнической идентичности.

Начав работу с местным немецким населением, имперские службисты вскоре сделали вывод: ни по физическим (внешним), ни по моральным данным оно не соответствует арийским стандартам⁴⁸³. Основным критерием национальной идентификации при их регистрации стало происхождение, что в ряде случаев придавало идентификации условный характер. Сбором сведений генеалогического характера занималась команда д-ра К. Штумпа⁴⁸⁴. Зарегистрированных фольксдойче разделили на три этнические категории. К первой причисляли тех, кто происходил от немецких родителей и имел супруга немецкой национальности. Ко второй – тех, кто состоял в межнациональном браке, и их детей. К 3-й – рожденных от межнациональных

---

⁴⁷⁹ Айсфельд А. Там же.

⁴⁸⁰ Клец В.К. Взаимоотношения нацистских оккупационных властей и фольксдойче в оценке современной отечественной историографии: Вопросы германской истории: Сб. науч. Тр./Отв. Ред. С.И. Бобылева. Днепропетровск, 2007. С. 292.

⁴⁸¹ Вопросы германской истории: Сб. науч.тр. /Отв. Ред. С.И. Бобылева. Днепропетровск, 2007. С. 288–299.

⁴⁸² Айсфельд А. Немцы на юге Украины (1871–2003) // Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона: Библиографический указатель. С. 82.

⁴⁸³ Коваль М.В., Медведик П.В. Фольксдойче в Україні(1941–1944 рр.) //Український історичний журнал. 1992. №5. С. 26.

⁴⁸⁴ Клец В. Указ. Соч. С. 292.

браков и их детей.⁴⁸⁵ Таким образом, в качестве фольксдойче 3-й категории оказались даже те, кто плохо владел или совсем не знал немецкого языка⁴⁸⁶, т.е. утратил важнейший признак национальной культуры.

На этом этническая идентификация местного немецкого населения не завершилась. В ноябре 1942 г. в МВД Германии было принято решение о предоставлении германского гражданства лицам, прошедшим регистрацию и внесенным в реестр «Этнические немцы Украины» (Deutsche Volksliste Ukraine).

Главной целью регистрации 1942 г. было определение пригодности немцев Транснистрии для решения задачи «германизации» завоеванных территорий Центрально-Восточной и Восточной Европы. Реестр составлялся с учетом предусмотренных 4-х категорий. Появился новый критерий, который, казалось бы, ужесточал требования к тем, кто самоидентифицировал себя как немец: отношение к той или иной категории определялось не только происхождением и знанием языка, но и сохранением национального образа жизни или тяготения к нему⁴⁸⁷. Однако и в этом случае основное внимание уделялось происхождению, подтвержденному архивными документами. Немецкий исследователь Э. Фелькль утверждает, что регистрационная служба определяла национальность лишь на основании собственного критерия, без учета субъективных сомнительных представлений местного населения⁴⁸⁸. По данным Б. Пинкуса, в 1942 г. было учтено 128 248 фольксдойче⁴⁸⁹. По данным И. Фляйшхауэр, немцы составляли 6% населения Транснистрии⁴⁹⁰.

Само наличие статуса «фольксдойче» – показатель признания с точки зрения германского рейха неполноценности немцев, проживавших на оккупированных территориях. С точки зрения оккупационных властей, наибольший урон идентичности проживающих на территории СССР немцев был нанесен большевизмом, под влиянием которого немцы утратили ряд важнейших национальных качеств, навыки самостоятельного эффективного хозяйствования, даже имена и фамилии. Все перечисленное лишало их доверия со стороны оккупационных властей, и не позволяло использовать на руководящих должностях. Для руководства сельскохозяйственными, промышленными, транспортными предприятиями командировались германские подданные⁴⁹¹.

Перед оккупационными властями тояла задача исправить национальную ущербность местных немцев, которым предстояло германизировать

⁴⁸⁵ Айсфельд А. Доклад.

⁴⁸⁶ Коваль М.В., Медведок П.Ф. Фольксдойче в Україні (1941–1944рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 5. С. 17, 20.

⁴⁸⁷ Айсфельд А. Доклад.

⁴⁸⁸ E. Vötkl Op-cit. S. 91.

⁴⁸⁹ Pinkus B. Die Deutschen in der Sowjetunion beim Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1973–1981. Stuttgart, 1982, S. 11.

⁴⁹⁰ E. Vötkl. Op.cit., S. 90; Айсфельд А. Немцы на юге Украины (1871–2003) // Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона: Библиографический указатель. С. 82.

⁴⁹¹ Айсфельд А. Доклад.

территории, включенные в состав рейха. Начать решили с видимых признаков – специальным распоряжением потребовали заменить русифицированные имена и фамилии на другие, которые должны соответствовать именам и фамилиям предков и свидетельствовать о немецком происхождении⁴⁹².

Основное внимание было уделено воспитанию в национал-социалистическом духе, которое должно было начинаться с раннего детства. С этой целью организуется сеть детских дошкольных учреждений и приютов и подготовка кадров для них⁴⁹³. Было принято постановление об обязательном школьном образовании детей немецкой национальности в оккупированных областях. Преподавание в школах в первые месяцы не доверили учителям-фольксдойче. Специальным распоряжением рейсхкомиссара Украины в школы были направлены немецкие учителя, работавшие служащими в учреждениях рейсхкомиссариата⁴⁹⁴.

Большое внимание было уделено работе с местной немецкой молодежью, чтобы исправить полученное ею большевистское воспитание⁴⁹⁵. По принципу нацистской молодежной организации гитлерюгенд была создана организация «Немецкая молодежь Транснистрии», задачей которой являлось воспитание молодых фольксдойче в национал-социалистическом духе. Проводились специальные тематические занятия: «Великогерманский рейх», «Становление Великогермании», «Жизнь фюрера» и т.д. На молодежь возлагалась задача укрепления национальной идентичности и национального самосознания. Ее должны были решать занятия по темам «Ты – немец», «Ты обязан говорить по-немецки, думать по-немецки и действовать по-немецки» и др. При этом необходимо отметить наличие элемента дискриминации в отношении местного немецкого населения: в директивных документах специально указывалось, что основное назначение немецкой молодежи Транснистрии – крестьянский труд.⁴⁹⁶ Этим тезисом фактически запрещалось покидать села и перебираться в город.

Итак, в установлении национальной идентичности местного немецкого населения оккупационные власти руководствовались практическими соображениями, т.е. обеспечением бесперебойного снабжения армии, а в перспективе – Германии продуктами питания. Защита сельского немецкого населения – следствие заинтересованности в обеспечении безопасности и сохранности сельскохозяйственного производства в колониях. Этими целями был продиктован подход к предоставлению статуса фольксдойче на

⁴⁹² М.В. Коваль, П.В. Медведок. Указ. Соч. С. 21.

⁴⁹³ Шевчук Н. Указ. соч.

⁴⁹⁴ Коваль М.В., Медведок П.В. Указ. соч. С. 24.

⁴⁹⁵ Шевчук Н.А. Этнические немцы в Транснистрии (1941–1944 гг.) // Немцы Одессы и Одесского региона: Сборник докладов, сделанных на международных научных конференциях в Геттингене (Германия) / Сост. А. Айсфельд (Германия), Э. Плесская (Одесса). Одесса, 2003. С. 365.

⁴⁹⁶ Там же. С. 364.

основе происхождения по нескольким категориям, что компенсировалось лишением немецких крестьян права переезда в город, обеспечением условий для занятий сельскохозяйственным трудом.

Рассматривая вопрос национальной идентичности немцев Транснистрии, необходимо остановиться на проблеме самоидентификации. Ввиду негласного запрета на научные исследования по немецкой теме в течение многих десятилетий не исследовались и этнические проблемы. Сложно ответить на вопрос, какие этноконсолидирующие признаки советские немцы считали определяющими для своей самоидентификации: общность происхождения, язык, религиозность, особенности поведения, обряды и обычаи. Все они подверглись значительным изменениям. Участвовавшие смешанные браки, особенно среди городского населения, разрушали общность происхождения. Закрытие национально-культурных учреждений ограничило сферу использования родного языка. Ликвидация религиозных институтов вместе с верой уничтожала традиционный уклад жизни, размывала национальные черты, изменяла характер поведения. Гибельной для сохранения этнической культуры стали массовые репрессии по национальному признаку. Обвинение целого народа в пособничестве нацизму привело к изменениям в самосознании немцев, т.к. формировало отношение к собственной, т.е. немецкой национальности как опасной для себя и своей семьи.

Однако, как показали материалы этнографической экспедиции, проведенные совместно с Одесским историко-краеведческим музеем (2001–2003), в новых социально-экономических условиях, которые уничтожали основы этнических культур в многонациональном СССР, немцы, с точки зрения инонационального окружения, обладали рядом этноконсолидирующих признаков: рационализмом в организации колхозного труда, добросовестным к нему отношением, и как следствие, более высоким уровнем жизни колхозников в немецких колхозах, дисциплинированностью и обязательностью, в том числе в организации и проведении советских праздников, аккуратностью и чистотой в домах и на улицах, наличием духовых оркестров в каждом сельском населенном пункте. Особенности колхозного труда и быта в немецких селах в качестве этноконсолидирующего признака были очевидны другим этническим группам, живущим в соседних коллективных хозяйствах⁴⁹⁷.

Сохранившиеся автобиографии молодых фольксдойче Транснистрии времен оккупации 1941–1944 гг. дают представление о том, какие признаки они считали этноконсолидирующими, доказывающими принадлежность к

---

⁴⁹⁷ Плесская Э.Г. Проблемы сохранения национальной культуры в условиях существования и взаимодействия с культурой титульной нации // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы 10-й международной научной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М., 2004. С. 196–200.

немецкой нации – арийское происхождение родителей, владение родным немецким языком и обучение в немецкой школе (до 1938), репрессии в отношении родителей. Судя по автобиографиям, представление о религиозности, как важнейшем источнике формирования национальных качеств, было утрачено⁴⁹⁸.

Проблемы национальной идентичности немецкого населения Транснистрии неожиданно оказались в зоне внимания лютеранских пасторов, которые прибыли из Румынии с религиозной миссией для возобновления богослужений в Одессе и бывших немецких колониях. Первоначально они увидели лишь внешние материальные признаки уничтоженной национальной духовной жизни: разрушенные молитвенные дома и церкви, разоренные кладбища, отсутствие религиозной жизни. На первый взгляд показалось, что в общинах имелось большое стремление к возрождению и созиданию. Культовые здания были приведены в пригодное состояние, приобретены алтари и кафедры, извлечена закопанная церковная утварь, появились в большом количестве припрятанные ранее старые сборники религиозных песен.⁴⁹⁹ Сотни жителей заявили о желании подтвердить себя, проходили массовые крещения детей, многие супруги наверстывали упущенное венчание. Однако наиболее наблюдательные духовные лица смогли реалистично оценить моральные и духовные потери немецкого населения. Они подметили утрату гордости, добросовестности и веры в Бога, нередкое пьянство и воровство. С сожалением пастор Герман Биндер констатирует, что в Одессе никто не посещает библейские уроки, а церковь святого Павла во время воскресных богослужений наполовину пуста. И даже множество крещений в селах и богослужение с конфирмацией, на которое в Гросслибентале собралось полторы тысячи человек, не могли скрыть действительное душевное состояние людей в результате двадцатилетнего воздействия власти большевиков.⁵⁰⁰

Неожиданно для себя религиозные миссионеры столкнулись с противодействием со стороны германских оккупационных властей Транснистрии. К удивлению пасторов, они не проявляли заинтересованности в поддержке традиционной религиозной культуры у местного немецкого населения. Офицеры подразделения СС «Фольксдойче миттельштелле», созданного для защиты немецкого населения, не выдавали прибывшим из Румынии миссионерам разрешения на поездку в села, препятствовали проведению богослужений, запретили директору немецкой школы в Одессе, которая

---

⁴⁹⁸ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. Р-4191 С. Оп. 1. Д. 2. Л. 25, 26. 43. 44.

⁴⁹⁹ Петри Г. Новое начало после того, как долго не было воскресений // Церковь Св. Павла, Одесса: Праздничное издание ко дню повторного освящения церкви. Бобинген, 2010. С. 88.

⁵⁰⁰ Биндер Г. Записки из Приднестровья, 1942.

возобновила свою деятельность, включить в программу уроки вероучения. Один из служителей церкви разочарованно воскликнул: «Я никак не могу поверить, что они тут против религии... Ведь мы так радовались, когда пришли немцы. А теперь они отбирают у нас веру. Ведь это точь – в – точь большевистский стиль!»⁵⁰¹.

Данная ситуация выявила проблему, связанную с трансформациями национальной идентичности не только фольксдойче, но и райхсдойче. Она заключалась в том, что фашистская Германия стремилась уничтожить внутри страны немецкую традиционную религиозную культуру. С этой целью была предпринята попытка реформировать традиционную церковь. Реформировать католическую церковь не удалось в связи с тем, что ее невозможно было подчинить имперской власти – она имела своего главу, римского папу. Объектом реформирования стала лютеранская церковь – вместо традиционной протестантской была создана так называемая Новая немецкая церковь во главе с имперским епископом. Ее опорой становятся духовные лица с национал-социалистическим мировоззрением, которые должны были активно прививать его прихожанам во время проведения богослужений и церковных обрядов. Немцы Транснистрии, с точки зрения оккупационных властей, не должны были возвращаться к традиционной религиозной культуре, а приобрести новую, основанную на национал-социалистическом мировоззрении. Миссионеры, прибывшие из Румынии, служили пасторами в бессарабских немецких поселениях и являлись носителями традиционной религиозности, поэтому не могли пользоваться доверием оккупационных властей. С целью достижения поставленной цели – перевоспитания фольксдойче в национал-социалистическом духе – последние стремились посылать в немецкие поселения для проведения богослужений военных капелланов или даже солдат.

Ограничение использования родного языка, отсутствие возможности получать на нем образование, снижение культурного уровня, ослабление религиозного чувства, исчезновение ряда национальных качеств уже к началу Второй мировой войны свидетельствуют о значительных утратах национальной идентичности немцев Причерноморья. Многолетнее пребывание на территории России, внутренняя национальная и социально-экономическая политика СССР привели к разрушению традиционного уклада жизни. Ликвидация национально-религиозных институтов ослабили позиции немецкого языка в сфере общения. Репрессии по национальному признаку заставили опасаться собственного немецкого происхождения, вынуждали отказываться от национальности, скрывать знание родного языка и отказываться от передачи его своим детям. Утрачивались национальные имена и фамилии.

---

⁵⁰¹ Церковь Св. Павла. Одесса \ \ Праздничное издание ко дню повторного освящения церкви. С. 89.

Национально-культурные потери советских немцев подтверждали политика по отношению к ним оккупационных властей, свидетельства духовных лиц, прибывших в Транснистрию для проведения обрядов и богослужений. Косвенно это подтверждало само немецкое население. На дальнейшее ее разрушение повлияла политика оккупационных властей, которые рассматривали фольксдойче как орудие в достижении национал-социалистических целей и ставили перед собой задачу формирования их новой идентичности.

Подводя итог, можно сказать, что к началу Великой Отечественной войны немцы Причерноморья сохранили национальное самосознание на основании собственных значительно оскудевших этноконсолидирующих признаков или без их учета, однако национально-культурные утраты превратили их в этническую группу без родины и без национальности.

Проблемы германизации и немецкой колонизации в исследованиях украинских ученых в оккупированном Киеве (1941–1943 гг.)

В годы Великой Отечественной войны немецкая этническая общность Украины оказалась в центре военно-политического противостояния нацистской Германии и Советского Союза. С этого времени и практически до конца 1980-х гг. в советской исторической науке существовало негласное табу на исследования подобной тематики.

Сначала 1990-х гг., в условиях уже независимой Украины, вопросы истории ее немецкоязычного населения в период Второй мировой и Великой Отечественной войны, политика нацистской Германии в отношении этнических немцев в Рейхскомиссариате «Украина», политический и социальный статус «фольксдойче», миграционные процессы и депортации представителей этой этнической группы стали предметом специальных исследований украинских ученых М. Ковалья, П. Медведка⁵⁰², В. Клеца⁵⁰³, А. Дынгеса⁵⁰⁴,

⁵⁰² Коваль М.В., Медведок П.В. «Фольксдойче» в Україні (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. 1992. №5. С. 15–28.

⁵⁰³ Клец В.К. Немцы Украины в период Второй мировой войны (на примере Днепропетровской области) // Вопросы германской истории. Днепропетровск., 1998. Т. 1. История. С. 148–152; Клец В.К. Немецкие национальные районы в социально-экономической жизни Днепропетровской области накануне их ликвидации // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг.: Иатериалы международной научной конференции, Москва, 17–19 сентября 1999 г. М., 2000. С. 318–328; Клец В.К. Героизм советских немцев в борьбе против фашистской агрессии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв.ред.) и др. Днепропетровск, 2001. С. 63–75; Клец В.К. Документы по истории немцев Украины периода Второй мировой войны в I коллекции Государственного архива Днепропетровской области // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Редкол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2003. С. 158–182; Клец В.К. Участие этнических немцев Советского Союза в антифашистском движении на оккупированной территории (1941–1944 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: материалы 7-й междунар. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. М.: Готика, 2001. С. 203–217; Клец В.К. Меннонитское население Украины в условиях нацистской оккупации // Молочна-2004: Меноніти і їх сусіди (1804–2004). Міжнародна наукова конференція. Запоріжжя, 2–5 червня 2004 р. Запоріжжя, 2004. С. 48–50; Клец В.К. Эвакуация и репатриация немцев и меннонитов Украины в 1943–1945 гг. // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2005. С. 114–121; Клец В.К. Національна політика нацистів на окупованих територіях та фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2006. С. 134–154.

⁵⁰⁴ Дынгес А.А. Немецкое население Донецкой области в период оккупации: Сборник докладов и материалов. Донецк, 1997; Немцы Украины – жертвы сталинских репрессий. 1929–1955 гг.: Сб. документов / Сост. А.А. Дынгес, Ю.А. Дынгес. Донецк, 2002; История немцев Украины в воспоминаниях, исследованиях и документах / Под ред. А.А. Дынгеса. – Донецк, 2007. – 308 с.

А. Иванова⁵⁰⁵, А. Соловьева⁵⁰⁶, И. Иванькова⁵⁰⁷ и некоторых других. Подобная тематика нашла свое отражение и в докладах украинских, российских участников специализированной Седьмой Анапской международной конференции (2001 г.)⁵⁰⁸. Зарубежные коллеги, как в советское время так и сегодня, активно изучают вопросы общественно-политического положения «украинских фольксдойче». В этой связи следует отметить труды К. Штумппа⁵⁰⁹, А. Даллина⁵¹⁰, М. Бухшвейлера⁵¹¹, А. Айсфельда⁵¹², И. Фляйшхауэр⁵¹³, Л. Де Йонга⁵¹⁴, Н. Мюллера⁵¹⁵, Х.Х. Нольте⁵¹⁶, Р.Х. Вальта⁵¹⁷ и др.

-
- ⁵⁰⁵ Иванов О.Ф., Иваньков І.О. Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців України // Український історичний журнал. 2005. №5. С. 83–95.
- ⁵⁰⁶ Соловйов О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2002. С. 120–132; Соловйов О.В. Структури НСДАП рейхскомисариату «Україна» в системі загальнопартійної організації // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2003. С. 141–157; Соловьев А.В. Фольксдойче и их взаимоотношения с нацистскими организациями в Рейхскомисариате Украины // Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2002. С. 426–433.
- ⁵⁰⁷ Иванов О.Ф., Иваньков І.О. Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців України // Український історичний журнал. 2005. №3. С. 83–95; Иваньков І.О. Етнічні німці України в збройних силах третього рейху // Вісник КНУ ім. Тараса Шевченка. Історія. 2005. Вип. 80–81. С. 83–86; Иваньков І.О. Правовий статус етнічних німців України у системі нацистського “нового порядку” на Сході // Схід. 2006. №4 (76). С. 71–74.
- ⁵⁰⁸ Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: материалы 7-й междунар. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. М.: Готика, 2001.
- ⁵⁰⁹ Stumpp, K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763–1862. 6 Auflage, 1993.
- ⁵¹⁰ Dallin Alexander. Deutsche Herrschaft in Russland (1941–1945). Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1958.
- ⁵¹¹ Buchsweiler, Meir. Volksdeutsche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs ein Fall doppelter Lojalität? 1. Aufl. Gerlingen: Bleicher, 1984.
- ⁵¹² Eisfeld Alfred. Die Russland Deutschen. /Mit Beiträgen von Detlef Brandes und Wilhelm Kahl. München: Longen Müller, 1992; Айсфельд А. Немецкие этнические меньшинства в странах Средневосточной и Восточной Европы накануне и в первые месяцы Второй мировой войны в политике Третьего рейха // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг. С. 17–39; Айсфельд А. Великая Отечественная война 1941–1945 // Немцы России: энциклопедия. Т. 1. А–И. С. 338.
- ⁵¹³ Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983; Fleischhauer I. Die Deutschen in Zarenreich. Stuttgart, 1986; Fleischhauer Ingeborg. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983.
- ⁵¹⁴ Де Йонг Луис. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
- ⁵¹⁵ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974.
- ⁵¹⁶ Нольте Х.Х. Война на востоке как война на уничтожение // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. С. 155–181.
- ⁵¹⁷ Вальт Р.Х. Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером. 2-е изд. Эссен, 1996.

Вместе с тем, до сих пор отсутствуют специальные работы, предметом анализа в которых стали бы вопросы исследования истории и культуры немецкого населения Украины, проводившиеся отдельными украинскими учеными в годы нацистской оккупации 1941–1943 гг., проанализировать их идеологическую и политическую подоплеку. Отдельные аспекты этой темы, а именно положение исторической науки в Украине в 1941–1944 гг., судьбы историков и научная деятельность отдельных из них (Н. Полонской-Василенко, А. Оглоблина, К. Штепы и др.), освещаются в работах И. Вербы⁵¹⁸, М. Самофалова⁵¹⁹. Исследуя проекты изданий корпусов магдебургских грамот украинским городам (один из таких, в котором приняли участие и украинские историки был стимулирован именно в период оккупации) этих вопросов в своих научных трудах касались В. Андрейцев, В. Ульяновский, В. Короткий⁵²⁰. Опосредованно, в контексте сотрудничества отдельных представителей украинской интеллигенции с нацистами, интересующую нас проблематику затрагивали В. Шайкан⁵²¹, М. Семиряга⁵²², М. Ткаченко⁵²³ и некоторые другие исследователи.

Цель данного доклада заключается в попытке рассмотреть и проанализировать основные направления и тематику, идеологическую и политическую подоплеку исследований истории немецкой этнической группы в Украине, проводившихся учеными возобновленной Украинской академии наук (УАН) в оккупированном нацистами Киеве в 1941–1943 гг.

Именно в годы нацистской оккупации Украины (1941–1944 гг.) наблюдается оживление исследований вопросов немецкой колонизации и истории немцев-колонистов. Стимулировали подобные научные изыскания сами оккупанты, пытаясь на практике осуществить в Украине концепцию

---

⁵¹⁸ Верба І. Спроби відновлення Української Академії наук у Києві (кінець 1941 – середина 1942) // Український історик. 1995. № 1/4. С. 87–99; Верба І. Олександр Оглоблин. Життя і праця в Україні / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. К., 1999; Верба І. Життя і творчість Полонської-Василенко (1884–1973): Монографія / Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПІК. Ніжин: ТОВ "Видавництво "Аспект-Поліграф", 2008.

⁵¹⁹ Самофалов М. Кость Штепа: молоді роки (1896–1920 рр.) // Київська старовина. 2006. № 6. С. 36–41; Самофалов М.О. Науково-педагогічна і громадська діяльність історика Костя Штепи (1896–1958): автореф. дис...к.і.н.: спец. 07.00.06 – "історіографія, джерелознавство та спец. іст. дисципліни. К., 2008.

⁵²⁰ Корпус магдебурзьких грамот українським містам: два проекти видань 20-х–40-х років ХХ ст. // Упор. В. Андрейцев, В. Ульяновський, В. Короткий. К., 2000.

⁵²¹ Шайкан В.О. Колaboraціонізм на території Рейхскомісаріату «Україна» та військової зони в період Другої світової війни / В.О. Шайкан; НАН України; Інститут історії України; О.Є. Лисенко (відп. ред.). Кривий Ріг, 2005.

⁵²² Семиряга М.І. Коллораціонізм. Природа, типологія і проявлення в роки Другої світової війни. М., 2000.

⁵²³ Ткаченко М.І. Музеї України під час Другої світової війни (1939–1945 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.01 "Історія України"/ М.І. Ткаченко. К., 1996.

«жизненного пространства» для немцев, и другие положения модернизированной расовыми теориями старой имперской доктрины пангерманизма. Сущность всех этих теоретических построений сводилась к банальному оправданию мирового господства Германии, расового превосходства немцев, их национального единства со всеми фольксдойче – этническими немцами за пределами Германии⁵²⁴.

Следует отметить, что вопросы деятельности немецких административных, научных и военных структур по сбору и изучению документов и материалов об истории немцев Украины в годы оккупации довольно подробно проанализированы в публикациях днепропетровского исследователя В. Клеца⁵²⁵. Он, в частности, отмечает, что создав в августе 1941 г. в оккупированной Украине административный округ – Рейхскомиссариат «Украина», немцы перенесли на его территорию деятельность многих государственных органов, призванных осуществлять расовую политику нацистской Германии: Главные управления СС (Рейхскомиссариат из укрепления немецкой государственности, Главное управление по вопросам расы и переселения, Главное управление репатриации этнических немцев (VoMi – Volksdeutsche Mittelstelle). Все эти структуры занимались именно проблемами колонизации и последующей германизации восточноевропейского пространства.

Группу специальных подразделений СС составили: зондеркоманда К. Штумппа, зондеркоманда «Р» (R) бригаденфюрера Х. Гоффмайера, специальный штаб штандарта Геншеля. Эти организационные структуры были призваны осуществлять поисковую и исследовательскую деятельность. Зондеркоманда К. Штумппа существовала с 7 ноября 1941 г. как подразделение Министерства оккупированных восточных областей А. Розенберга⁵²⁶. Основными задачами подразделения был сбор документов и составление отчетов о социально-демографическом, экономическом и культурно-образовательном положении немецких колоний в Украине⁵²⁷. В частности, сотрудники ведомства должны были собирать информацию по вопросам происхождения (генеалогии) немецкого населения, фольклора, составлять карты немецких поселений, так называемые сельские журналы со статистическими выкладками

---

⁵²⁴ Энциклопедия Третьего рейха. / Сост. С. Воропаев. М.: Локид – Миф, 1996. С. 475.

⁵²⁵ Клец В.К. Документы государственного архива Днепропетровской области как источник по истории немцев и меннонитов Украины // Спадщина: 36. Статей / Державний архів Дніпропетровської області. Вип. 2. Дніпропетровськ, 2008. С. 233–256.; Клец В.К. Національна політика нацистів на окупованих територіях та фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. С. 134–154.

⁵²⁶ Клец В.К. Національна політика нацистів на окупованих територіях та фольксдойче // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. С. 134–154.

⁵²⁷ **Іванов О.Ф., Іваньков І.О.** Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців України // Український історичний журнал. 2005. № 5. С. 85–86.

по вопросам колонистов. «Бюро доктора Карла Штумппа» оставило после себя многочисленные архивы⁵²⁸.

Следует отметить, что именно эти структуры и иницируют проведение специальных исторических исследований немецкой проблематики в оккупированной Украине, а к их реализации привлекают и наиболее известных украинских ученых-историков из числа тех, кто не был эвакуирован на восток и остался в оккупации. По данным В. Ульяновского, В. Андрейцева и В. Короткого в оккупации осталось 1 139 ученых разных направлений и специальностей, среди которых 109 человек были историками, филологами и искусствоведами⁵²⁹. И. Верба приводит сведения о том, что в оккупации только в Киеве осталось более 50 ученых-историков и специалистов смежных отраслей науки⁵³⁰.

С оккупацией Киева украинская община города иницирует избрание А. Оглоблина головой Киевской городской управы и членом Украинской национальной Рады – органа, по мысли его участников, призванного в будущем составить основу правительства независимой Украины. В этот период члены Рады решили сконцентрировать усилия на возрождении Украинской академии наук. 20 октября 1941 г. на заседании УАН было объявлено о ее восстановлении как правопреемницы ВУАН 1918–1929 гг. В системе Академии наук планировалось восстановить работу 20 профильных институтов. Был назначен временный президиум УАН, утвержден штат руководителей отделов и отдельных научно-исследовательских институтов. Например, директором Археологического института избран профессор Н. Полонская-Василенко, Исторического института – доктор М. Андрусак, Института литературы и фольклора – профессор М. Марковский. Сам А. Оглоблин занял место руководителя Историко-филологического отдела УАН⁵³¹.

Оккупационные власти пытались привлечь к проведению научных исследований по немецкой тематике практически всех ученых в структуре восстановленной академии. Подобные темы появились в планах практически всех научных учреждений гуманитарного профиля. Например, в отчете Главного исторического архива имени В. Антоновича за октябрь 1941 – март 1942 г. отмечалось, что «исходя из нужд современного момента» были

---

⁵²⁸ Клець В.К. Документи державного архіву Дніпропетровської області як джерело по історії німців і менонітів України // Спадщина: Зб. Статей / Державний архів Дніпропетровської області. Вип. 2. Дніпропетровськ, 2008. С. 233–256.; Клець В.К. Національна політика нацистів на окупованих територіях та фольксдойче // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск: РИО ДНУ, 2006. С. 134–154.

⁵²⁹ Корпус магдебурзьких грамот українським містам: два проекти видань 20-х–40-х років ХХ ст. // Упор. Андрейцев В., Ульяновський В., Короткий В.К., 2000.

⁵³⁰ Верба І. Спроби відновлення Української Академії наук у Києві (кінець 1941 – середина 1942) // Український історик. 1995. № 1/4. С. 87–99.

⁵³¹ Там же. С. 230.

сформулированы, как приоритетные, следующие научные темы: немецко-украинские культурные связи; немецкие ученые в Украине; исследования украинских ученых в Германии (с акцентом на немецком влиянии в Украине); немецкая колонизация Украины; немецкие общины в Киеве и других городах; немецкие учреждения и предприятия; немецко-украинские экономические отношения (включая данные о немецких инвестициях в экономику Украины); история Киева с оглядкой на то, что последний должен был стать в будущем столицей немецкой провинции. Ученые пытались собрать все возможные архивные источники о немецких колониальных общинах, особенно церковные метрические книги. Во многих отчетах отмечалось, что в ходе реализации плановых тем пересматривались многие документы, составлялись специальные тематические картотеки⁵³².

Оставив в октябре 1941 г. должность обербургомистра Киева А. Оглоблин сконцентрировался исключительно на научной и организационной деятельности в Историческом институте, а также продолжал председательствовать в Историко-филологическом отделе УАН. С разрешения оккупационных властей только он, чуть ли не единственный из украинских историков, имел возможность работать в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦАДА)⁵³³. Есть сведения, что в то время А.П. Оглоблин, по поручению Оперативного Штаба рейхслайтера А. Розенберга, разрабатывал тему истории немецкого влияния на украинскую промышленность и немецко-украинские связи в XVIII веке⁵³⁴.

Результатом этой работы была публикация в киевской газете «Нове українське слово» ряда статей. Среди них: «Немецкая колонизация на Левобережной Украине», «Немецкое хозяйственное влияние в текстильной промышленности Украины», «Материалы к истории немецко-украинских экономических и культурных отношений в XVIII–XIX вв.», «Немецкие промышленные колонии на Левобережной Украине (Черниговщина, Харьковщина» и др.⁵³⁵. По мнению украинского исследователя И. Вербы, «зажатый в тисках оккупационной власти А. Оглоблин хотя и пытался подойти к делу с

⁵³² Андрейцев В., Ульяновський В., Короткий В. Забутий проект видання корпусу магдебурзьких грамот українським містам // Корпус магдебурзьких грамот українським містам: два проекти видань 20-х–40-х років XX ст. К., 2000. С. 24.

⁵³³ Черкаська Н.О. До історії збірки "Магнатських" фондів Центрального архіву давніх актів у Києві (1921–1945) // Архіви України: Науково-практичний журнал. 2002. №4–6. С. 78.

⁵³⁴ Верба І.Олександр Оглоблин. Життя і праця в Україні / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. К., 1999. С. 262.

⁵³⁵ Оглоблин О.П. Німецька колонізація на Лівобережній Україні // Нове українське слово. 1942. №4. 22 лютого; Оглоблин О.П. Німецькі промислові колонії на Лівобережній Україні (Чернігівщина, Харківщина) // Нове українське слово. 1942. №98. 8 травня; Оглоблин О.П. Німецькі суконні фабрики на Коростишівщині // Нове українське слово. 1942. №215. 16 вересня; Оглоблин О.П. Німецькі промислові колонії на Полтавщині // Нове українське слово. 1943. №32. 7 лютого; Оглоблин О.П. Німецькі промислові колонії на Чернігівщині // Нове українське слово. 1943. №33. 9 лютого.

диалектической мерой научности, все же должен был писать и печатать тенденциозные статьи, в которых указывал на немецкое культуртрегерство, поскольку многие исследователи были вынуждены работать на нацистов „не за совесть, а за страх“, за свою жизнь и жизнь своих близких»⁵³⁶. В то же время в публикациях А. Оглоблина, невзирая на их заказной характер находим интересный фактический материал из истории социально-экономического развития немецких колоний Украины. Ученый пытался анализировать материал профессионально, научным языком, опираясь на факты. Как ни странно, по сравнению с публикациями 1920–1930-х гг., эти его работы носят даже более объективный характер.

В конце 1942 г. гуманитарные отраслевые исследования в системе УАН начали сворачиваться, научные работы украинских ученых перестали печатать, начались репрессии. В ходе стремительного наступления Красной армии и начала освобождения Украины в середине 1943 г. нацисты начали спешную эвакуацию в Германию архивных материалов отражавших достижения немецкого права и немецких колонистов в Украине⁵³⁷.

Таким образом, в годы нацистского господства в Украине мы можем наблюдать некоторое видимое возрождение или восстановление академических источниковедческих исследований истории немецких колоний в Украине. Эти исследования из идеологических соображений жестко контролировались и направлялись оккупантами, а их тематика и научные выводы были крайне тенденциозны и представляли немецких поселенцев на востоке исключительно как носителей «высшей культуры» для украинцев, как «учителей, которые знакомили украинцев с передовыми западноевропейскими технологиями». В то же время, проведенные исследования и собранные материалы, которые не были вывезены нацистами и сохранились в Украинских центральных и региональных архивах, представляют значительную ценность для современных исследователей в изучении истории немецкого населения Украины.

---

⁵³⁶ Верба І.Олександр Оглоблин. Життя і праця в Україні / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. К., 1999. С. 262–263.

⁵³⁷ Кеннеді Грімстед П. Доля Київського центрального архіву давніх актів у Другій світовій війні: потрібна трагедія – нищення, пограбування, пропаганда // Архіви України. 2002. №4–6. С. 46–76.

Н.М. Маркдорф (Новокузнецк)

О политико-просветительской деятельности газеты «Нахрихтен» для немецких военнопленных в западносибирских лагерях (1945–1949 гг.)

В данной статье рассмотрены проблемы, формы и методы культурно-массовой и просветительской работы среди военнопленных и интернированных западносибирских лагерей, которые проводились в соответствии с политическими целями в рамках идеологической доктрины СССР. При этом специальная роль в деле воспитания будущих сторонников социализма и «строителей» новой послевоенной Европы отводилась периодическим массовым изданиям для немецких военнопленных, способным, по мнению руководства страны, превратить основную массу военнопленных в «друзей» СССР, активных борцов за политическое переустройство мира. Статья написана на основе архивных материалов РГВА, ГА РФ, а также региональных сибирских архивов.

Начало политической работы среди военнопленных относится к первым годам Второй мировой войны, т.е. к моменту появления военнопленных солдат вермахта в СССР. Задачи идеологического просвещения вытекали из указаний И.В. Сталина о пробуждении у солдат, «обманутых Гитлером, классового самосознания и воспитание их в антифашистском духе, создание кадров революционных рабочих и крестьян, готовых и способных к борьбе против Гитлера и его нового порядка в Европе, к борьбе за уничтожение фашистской диктатуры в Германии и освобождению оккупированных стран от чужеземного ига»⁵³⁸. Были и более дальние перспективы – использовать вновь обращенных «друзей Советского Союза» в работе не только по разложению войск и тыла противника, но и по возвращению их на родину как кадровый политический потенциал в послевоенной Германии и в других европейских странах.

Наряду с кузницей антифашистских кадров приоритетными направлениями в процессе перевоспитания основной массы военнопленных в мирное время стали политическая, культурно-массовая, разъяснительная и просветительская работа. Наиболее действенным методом, по мнению руководства лагерей, считалось политическое образование через новое восприятие иностранцами окружающей действительности, осмысление советской

---

⁵³⁸ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. С. 365–368.

социалистической системы. Кроме того, массовые периодические издания должны были существенным образом повлиять на тяжелый психоэмоциональный климат, по возможности «выводить» военнопленных и интернированных из состояния апатии и привлекать наиболее идеологически подкованных к антифашистскому движению.

В распоряжении Управлений западносибирских лагерей были созданы библиотеки, содержащие политическую, художественную литературу; советские газеты и журналы; периодические центральные газеты: «Ниппон Симбун», издававшуюся в Хабаровске для японских военнопленных; «Фрейерс Ворт» (1941–1943 гг.), «Фрейерс Дойчланд» (1943–1945 гг.); «Бюллетень для немецких военнопленных в СССР» – «Нахрихтен» (1946–1949 гг.); «Игаз Со» (1942–1949 гг.) для венгерских военнопленных; «Грайул либер» (1942–1949 гг.) – «Газета для военнопленных румын»; «Миттайлунген» для австрийцев⁵³⁹.

Кроме указанной периодики, военнопленные немцы получали советский журнал «Новое время» на немецком языке и целый ряд изданий из Советской оккупационной зоны Германии. Для многих немцев, находящихся в плену, рецензируемая, находящаяся под прессом неумолимой и жесткой цензуры пресса являлась своеобразным мостом, связующим звеном с далекой родиной.

Поначалу среди «реакционно и профашистски» настроенного контингента тщательно отобранная информация вызвала крайне негативные реакции. Например, агентурно-оперативные донесения и сводки в лагерях фиксировали множество отнюдь не позитивных высказываний. Приведем лишь некоторые из них. Военнопленный Зильбах: «Газету Нойе Цайт» я больше читать не буду, т.к. она является вредной для будущего Германии». Военнопленный Вальтер Кульмрайх: «Жизнь стала просто невыносимой. Кто-то имеет свои идеалы, для них жизнь имеет смысл. После каждой читки немецких газет я чувствую политическое похмелье». Военнопленный Альфонс Бюкль, католический священник: «Бог мне никогда не простит, что я собрал на богослужение всего 8 человек, но наказаны будут и агитаторы, вовлекшие наших людей в дьявольские объятия большевиков»⁵⁴⁰. Военнопленный Курт Ниххель: «Все, что пишут в газетах, неправда. Большевикам верить нельзя»⁵⁴¹.

Особенно резкие высказывания немецких военнопленных были зафиксированы в 1946–1947 гг., когда заболеваемость и смертность в западносибирских лагерях достигли критического предела. Так, после одного из собраний военнопленных в лагере № 511 (Алтайский край) и коллективной читки немецких газет оперотделом были отмечены следующие высказывания: «При обращении русских с нами мы не должны забывать, что это враги. Мы не

⁵³⁹ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 9. Л. 1–2.

⁵⁴⁰ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 7. Д. 9. Л. 78, 79, 80, 86.

⁵⁴¹ См.: ИЦ ГУВД ТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Л. 213.

должны поддаваться сладким словам. Не забывайте, что ослабление враждебности к русским означает поражение в области идеологической борьбы с большевиками. Оружием пропаганды у русских являются немецкие газеты, помните – это враг для немцев. Если среди военнопленных найдутся такие элементы, которые говорят или действуют в пользу коммунистов, то мы должны наказывать их смертью...»⁵⁴². С целью противоборства антифашистской пропаганде и распространению влияния немецких газет командир батальона военнопленный Вальтер собрал командиров рот вверенного ему подразделения и дал им следующие указания: «Вы должны мне представить списки солдат и сержантов, которые под влиянием издаваемых центральных газет, настроены демократически. Эту антифашистскую заразу надо искоренять»⁵⁴³.

Впоследствии немецкие газеты завоевали прочный авторитет среди основной массы военнопленных, вошли в их повседневную жизнь, скрашивали досуг и во многом способствовали не просто идеологическому перевоспитанию, но и улучшению психологического состояния в среде контингента лагерей.

В конце 1945 г., после прекращения выпуска газет «Фрейес Дойчланд» и «Фрейес Ворт», ЦК ВКП(б) принял решение об издании в качестве органа для немецких военнопленных газеты «Нахрихтен» («Бюллетень для немецких военнопленных в СССР»). Ее первый номер вышел 01.01.1946 г., последний – в конце декабря 1949 г. Перед газетой были поставлены следующие задачи: во-первых, мобилизовать немецких военнопленных на повышение производительности труда по восстановлению ущерба, причиненного гитлеровской войной и временной оккупацией Советскому Союзу; во-вторых, познакомить военнопленных немцев с жизнью советского народа и разъяснить им сущность советского социалистического государства; в-третьих, освещение для военнопленных событий в Германии, процесс демократического обновления в советской оккупационной зоне, воспитывая из них, прежде всего, искренних демократов и патриотов; в-четвертых, освещать международные события и борьбу, возглавляемую СССР прогрессивных сил всего мира за прочный мир и демократию, против происков империализма, мобилизуя при этом немецких военнопленных на активное участие «в борьбе сил прогресса за мир»; в-пятых, освещать производственную, антифашистскую, культурно-массовую работу в лагерях, итоги социалистического соревнования, роста политического уровня контингента лагерей.

Несмотря на тяжелейшее экономическое состояние большинства тыловых лагерей, высочайшие показатели заболеваемости и смертности, неутешительные результаты производственной деятельности военнопленных в

---

⁵⁴² См.: ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 43–44.

⁵⁴³ См.: ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 45–46.

первом номере газета демагогически рисовала радужную картину и перспективы разворачивающейся антифашистского движения: «Труд во имя будущего Германии начался в первый день ниспровержения гитлеровского господства. Советская оккупационная зона послужила вдохновляющим примером подъема и деятельности собственных сил немецкого народа... При решении коренных вопросов обновления Германии немецкий народ не может отказаться от помощи немецких военнопленных. Немецкие военнопленные выполняют свой долг, и из многих лагерей и рабочих батальонов в Советском Союзе поступают сведения о хороших, а из некоторых мест о выдающихся результатах производственного труда. Подобных результатов нельзя добиться, лишь выполняя приказы, слепо подчиняясь, говоря себе подавленное «я должен», их можно достичь, только сказав себе гордое «я хочу», иными словами, посредством глубокого осознания политического и морального долга всего немецкого народа, посредством твердой решимости, выполнить этот национальный долг, пламенного стремления подготовиться к выполнению в будущем требующей в высшей степени ответственного отношения к себе работы в Германии путем сознательного выполнения работы по возмещению ущерба... И, наконец, газета будет на своих страницах рассказывать о примерах того честного, добросовестного труда немецких военнопленных, посредством которого бывшие гитлеровские солдаты и офицеры доказывают, что они решительно порвали с фашистским прошлым, посредством которого они доказывают свою волю и способность трудиться в будущем обновлении Германии»⁵⁴⁴.

С первых дней существования периодической печати отводилось место одного из основных средств в идеологической обработке военнопленных еще и потому, что большинство советских политработников иностранных языков не знали. Имел место постоянный дефицит переводчиков. Газета старалась разъяснять значение послевоенной сталинской пятилетки – «пятилетки изобилия», регулярно размещать сведения о грандиозных масштабах строительства во всех областях советской экономики. Например, среди наиболее «злободневных» тем в западносибирских лагерях были: «Новый центр советской промышленности – Рубцовск», «Кузнецкий угольный бассейн», «Впечатления из Кузбасса», «Восстановление промышленности» и другие⁵⁴⁵.

С целью повышения производительности и качества труда военнопленных публиковались статьи с пропагандой передового опыта и трудового героизма советского человека, о знатных людях в СССР (М. Кривонос, Бусыгин, П. Ангелина, Семиволос, Д. Гармаш, З. Троицкая, Т. Федорова), а также о советских академиках и их вкладе в науку. Газеты регулярно отражали хронику об СССР, в которой освещались хозяйственные, культурные, научные

---

⁵⁴⁴ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 10. Л. 150; Ф. 4п. Оп. 15. Д. 425. Л. 163–164.

⁵⁴⁵ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 18. Д. 23. Л. 19.

и технические достижения страны, выступления и воззвания руководителей партии и правительства. Редакции перепечатавали из советской периодики статьи И. Эренбурга и Заславского, сатирические очерки Рыклина, братьев Тур, стихи Маршака, песни советских композиторов. Весь советский материал был богато иллюстрирован⁵⁴⁶.

Учитывая, что в среде немецких и румынских военнопленных было много представителей интеллигенции, имеющих «искаженные представления» о советской литературе, искусстве советских людей, редакция регулярно размещала статьи о культуре, быте, развлечениях, увлечениях советских граждан. В ряде публикаций говорилось о росте жизненного и культурного уровня советских людей в послевоенное время. В рамках тематической литературной полосы публиковались статьи «О советской литературе в годы войны», «Большая жизнь» (Алексей Толстой), «Нашествие» Леонова, «Константин Симонов – советский писатель и патриот», «Горький – великий борец против фашизма» и др. Были напечатаны очерки и отрывки из произведений советских писателей, размещались резюмирующие статьи о советских художниках, о театре, кино, радио, балете в СССР. Как, например, «Кукрыниксы», «Галина Уланова – гордость советского балета», «Вера Пашенная – народная артистка СССР», «Профессор Садовский», «Сокровища русского искусства (Третьяковская галерея)», «Дмитрий Шостакович – советский композитор», «Советский балет», «Хор Пятницкого», «Зимний театральный сезон в Москве», «Я не чувствую старости» (Герасимов), «В шесть часов вечера после войны», «Она защищает родину», «Говорит Москва». СССР изображался как авангард прогрессивного человечества в борьбе за мир и свободу, как колыбель мировой науки, культуры, просвещения⁵⁴⁷.

Однако поступавшие в редакцию отклики с мест рисовали картину неприятия немцами советских методов пропаганды. В частности наиболее отрицательно был оценен вопрос, поставленный на страницах издания, о вине немецкого народа перед СССР. Следует отметить, что в рамках послевоенной идеологии, в советских газетах весьма настоятельно пропагандировался тезис о необходимости отделять немецкий народ от «правлящей верхушки» Германии, виновной в развязывании войны. Тем не менее, «Нахрихтен» на своих страницах неоднократно поднимала проблему «вины» через письма немецких военнопленных из тыловых лагерей. В то же время газета объясняла свою позицию борьбой с «буржуазным высокомерием и национализмом», имевшим место в лагерях для военнопленных и выражавшимся в отрицательных высказываниях, негативной оценке, пренебрежению к подвигу

---

⁵⁴⁶ См.: Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. / Сост. М.М. Загорулько, К.К. Миронова, Л.А. Пылова и др. Под ред. проф. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 560–562.

⁵⁴⁷ См.: Там же. Л. 579.

в войне советского человека. Например, в 1946 г. редакция разместила в газете подборку писем с мест, отражающих «немецкое националистическое превосходство»: «Если бы мы немцы-военнопленные, честно трудившиеся в СССР, если бы не мы сыновья немецкого народа с нашими талантами и трудолюбием, то никогда советский народ не смог бы ликвидировать последствий войны и оккупации. В очень большой степени советские люди обязаны всеми успехами нам»⁵⁴⁸.

В ответ на критику Политотдела ГУПВИ МВД СССР газета констатировала, что вопросы, связанные с нацистскими преступлениями, совершенными на территории Советского Союза, и с виновностью немецкого народа, допустившего их совершение, ставились ею также с целью вызвать в читателях отвращение и ненависть к нацизму, к империализму и несправедливой войне, а также «с целью мобилизовать немецких военнопленных на борьбу за мир, подчеркнуть роль СССР как спасителя Европы, в том числе и немецкого народа»⁵⁴⁹.

В 1946 г. были сформированы политотделы лагерей, в функции которых входило совершенствование политико-массовой работы среди военнопленных и интернированных. Из числа пленных, окончивших антифашистские школы, стали создаваться редакции-дублиеры. Кроме того, «на плечи» местных антифашистских активов была возложена задача по организации читательских конференций как на местном, так и центральном уровнях, что в значительной степени улучшило деятельность периодических изданий. Как правило, на подобных конференциях ставились вопросы повышения политического и культурного уровня контингента лагерей. Начиная с 1946 г. в газетах стали размещать произведения немецких, румынских, венгерских писателей, их стихи, а также ребусы и кроссворды. Появилась рубрика юмора и сатиры, в которой высмеивались «недостатки» лагерной повседневности.

В редакции-дублиеры старались привлекать военнопленных, обладающих писательскими и журналистскими способностями, знающих русский язык, идеологически грамотных, разбирающихся в психологии, обладающих коммуникативными способностями. Интересно отметить, что редакции газет получили возможность направлять в лагерь «проверенных и хорошо себя зарекомендовавших» военнопленных журналистов для сбора материалов, но главное совершенствования пропагандистской работы. В результате в ряде лагерных отделений начал действовать корреспондентский актив, проводивший вечера вопросов и ответов, выступающий с публичными лекциями. Как показала практика, желающих участвовать в подобных мероприятиях, было не мало.

---

⁵⁴⁸ См.: РГВА. Ф. 166п. Оп. 2. Д. 13. Л. 79.

⁵⁴⁹ См.: Там же. Л. 211.

В разворачивающемся антифашистском движении особое внимание уделялось развитию художественного творчества. Среди пленных людей талантливых было много, желающих скрасить досуг, пообщаться с товарищами по бараку и труду – также. Первые самодеятельные коллективы стали создаваться уже в 1945 г. в период массового прибытия военнопленных в лагерь. На основании действующих положений и инструкций разрешались различные формы художественного творчества.

Однако уже в 1946 г. поступившая в редакцию «Нахрихтен» с мест корреспонденция, опубликованная под рубрикой «О состоянии культпросветработы», отразила самый низкий уровень художественной самодеятельности и просветительской работы в лагерях. Резкая критика последовала незамедлительно: «Военнопленные в большинстве случаев, ничтоже сумнящиеся, перенесли в лагеря формы «увеселительных» мероприятий, известных им по фашистской армии и чуждые всякой культуре, лишь несколько приспособив их к новым условиям». Однако далее «Нахрихтен» несколько смягчила тон: «При этом было бы не правильно думать, что во всех случаях за низким идеологическим уровнем и дикостью форм обязательно кроется злой умысел. Военнопленные подчас ставят на лагерных сценах с самыми лучшими намерениями реакционную чушь, состряпанную ими самими»⁵⁵⁰.

Тем не менее, по горячим следам «Нахрихтен» опубликовала ряд редакционных обличительных материалов, направленных на «борьбу с недоброкачественной культурной работой» в лагерях. В противовес «реакционной, антикультурной пошлости» и в качестве поучительного примера раздел «Лагерная жизнь» поместил подборку писем и статей пленных, повествующих о «хорошей, идейно выдержанной культурной работе»⁵⁵¹.

Определенные сдвиги в области организации культурно-массовой и досуговой деятельности контингента наметились только к концу 1947 г., когда большинство западносибирских лагерей смогли в основном справиться с тяжелой экономической ситуацией, осуществить комплекс мер по решению важнейших вопросов жизнеобеспечения подневольного контингента, отладить социально-производственные механизмы.

Практически в каждом лагерном отделении были созданы самодеятельные кружки (драматические, хоровые, оркестровые). Для концертов и театральных постановок использовались пьесы как советских драматургов и композиторов, так и произведения, созданные самими военнопленными. В большинстве случаев по своему художественному и идеологическому содержанию они не отличались высоким уровнем, но тем не менее вовлекали многих узников сибирских лагерей в процесс творчества, а значит способствовали

---

⁵⁵⁰ См.: РГВА. Ф. 3п. Оп. 6. Д. 2. Л. 63–65.

⁵⁵¹ См.: Там же. Л. 67.

процессу адаптации к сибирским реалиям, могли в определенной степени улучшить морально-психологическое состояние лагерного сообщества.

Впервые с целью усовершенствования лагерной драматургии Политотделом ГУПВИ МВД СССР при самом широком участии «Нахрихтен», осуществившей всю работу по сбору, просмотру и оценке пьес, в 1947 г. был объявлен конкурс на самую лучшую антифашистскую пьесу. Еще не подведя итоги, Политотдел забеспокоился о качестве «продукции» и отмечал, что «основную массу поступившего материала отличают пошлость, глупость и порнографическая писанина»⁵⁵². При этом, основная вина за происходящее была возложена на «Нахрихтен», «не обозначившей на своих страницах условий, требований и целей конкурса». Тем не менее, данное политическое мероприятие себя оправдало. К созданию антифашистских спектаклей и постановок сумели привлечь значительное число талантливой немецкой интеллигенции (драматургов, писателей, композиторов, педагогов, священников, врачей).

На конкурс поступило более 200 пьес, из них 40 приняли «как удовлетворяющие по идеологическому, художественному содержанию и тематике», а затем в качестве рекомендуемых постановок распространили в тыловых лагерях по всей стране. Чтобы закрепить успех в газетах для немецких, венгерских и румынских военнопленных напечатали пьесы немецких писателей-антифашистов, их переводы произведений советских писателей, а также произведения поэтов, постановщиков и публицистов.

В 1948 г. раздел «Лагерная жизнь» в «Нахрихтен» снова обратился к проблеме уровня и содержания культурной работы для разоблачения имевших место стремлений «реакционных элементов использовать лагерную сцену для проталкивания своих идей под лозунгом «чистого веселья» без «политики». Например, редакция «Нахрихтен» (№ 47 и 52) в статьях «Против шовинизма и порнографии» подвергла беспощадной резкой критике присланную уже после конкурса «порнографическую» пьесу военнопленного Кюстера и решительно отвергла попытки «отдельных защитников» оправдать его творчество⁵⁵³.

Учитывая просчеты предыдущих лет так хорошо себя зарекомендовавший конкурс в 1948 г. повторили снова. Вновь были выявлены ряд одаренных авторов, семи пьесам присудили первые премии (правда так и не выдали), одно произведение опубликовали в «Нахрихтен».

Однако в газете, прежде всего за недостатком журналистских и пропагандистских кадров, постоянного отдела по культуре создать так и не сумели. В конечном счете вся работа по просмотру и рецензированию более 500 присланных на конкурс произведений была проделана одним (к тому

---

⁵⁵² См.: Там же. Л. 69.

⁵⁵³ См.: Там же. Л. 70.

же тяжелобольным) сотрудником редакции, на тот момент оказавшимся единственно компетентным в данной проблематике⁵⁵⁴.

Наиболее активную деятельность периодические издания для немецких военнопленных развернули в период массовой репатриации (1948–1949 гг.). Агитационно-пропагандистским пафосом были проникнуты высказывания и заявления бывших нацистов не только на собраниях и митингах, но и в средствах лагерной информации, в написанных под диктовку обращениях в адрес «вождей Советского Союза» перед отправкой военнопленных на родину, широко тиражируемых антифашистскими политактивами лагерей всеми доступными средствами, публикуемых на страницах «Нахрихтен»⁵⁵⁵.

С целью превратить основную массу отбывающих на родину в активных борцов за социализм и демократию в послевоенном мире стали практиковать освещение основных идеологических составляющих социалистической системы и коммунистического общества. Для укрепления знаний о преимуществах социализма перед капитализмом, закрепления основ патриотического воспитания в 1949 г. редакция газет «Нахрихтен» и «Грайул либер» разработала ряд тематических занятий для политкружков военнопленных. В числе наиболее освещаемых были представлены вопросы, повествующие о расцвете в послевоенной сталинской пятилетке советской культуры и искусства⁵⁵⁶. К 1949 г. была создана особая программа для военнопленных, состоящих в «Обществе по изучению культуры СССР»⁵⁵⁷.

В 1949 г. стали выходить литературные приложения к газете, часть из которых посвящалась юбилейным датам (к 150-летию А.С. Пушкина, к 200-летию юбилею Гете), статьи о значении творчества советских и немецких поэтов, биографии и высказывания прогрессивных немецких философов и мыслителей. Информационные материалы при этом комбинировались с отрывками из литературных произведений.

В лагерях и спецгоспиталях данные публикации широко использовались при организации литературных самодеятельных вечеров для военнопленных, которые стали частым явлением в лагерной повседневности и проводились с привлечением большого числа участников и зрителей. В качестве примера приведем программу одного из них.

Так, например, к Первомайскому празднику в лагере МВД СССР №93 (Тюмень) в репертуар одного из концертов были включены:

- элегатные миниатюры (комедия);
- стих-сновидение;
- стих «Первомай»;
- парад Весны;

⁵⁵⁴ См.: Там же. Л. 76.

⁵⁵⁵ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп.21-н. Д. 393. Л. 1–5.

⁵⁵⁶ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 11. Л. 1–4.

⁵⁵⁷ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 18. Д. 23. Л. 15.

– пьеса «Веселые матросы». В заключении оркестр исполнил марш «В Риме», танго «В субботу», «Пойдем домой», марш туристов. Затем хор военнопленных исполнил Гимн СССР, а также музыкальные композиции «Весенний ветерок», «Девушка Елена», «Марш дивизии», «Человек, который сердится», «Марш авиации»⁵⁵⁸.

В следствие активизации культурно-просветительской антифашистской работы к началу 1949 г. в западносибирских лагерях действовали 475 кружков, в которых принимали участие 12 294 чел. Музыкальные, хоровые и драматические коллективы имелись в каждом лагерном отделении, их выступления пользовались большим успехом. Во многом это объяснялось тем, что в репертуаре присутствовали произведения классической музыки как советских, так и зарубежных авторов (Римского-Корсакова, Мусоргского, Глинки, Бородина, Чайковского, Штрауса, Бетховена, Шопена, Брамса). Как отмечали в своих воспоминания бывшие узники сибирских лагерей наиболее популярными являлись музыка и песни советских композиторов (Соловьева-Седого, Дунаевского, Блантера, Мокроусова, Новикова)⁵⁵⁹.

Благодаря пропагандистской деятельности «Нахрихтен» значительно улучшился репертуар драматических кружков. Силами военнопленных в 1948–1949 гг. были сыграны спектакли: «Русский вопрос» (К. Симонов), «Остров мира» (Петров), «Дон Карлос» и «Вильгельм Телль (Шиллер), «Фауст» (Гете). Лагерный театр отличало жанровое разнообразие⁵⁶⁰. Так, например, военнопленными постановщиками и драматургами были созданы и получили широкую известность:

– политические пьесы: «Картины русской истории» (Б. Карцев, лагерь 511), «Денацификация и перевоспитание военнопленных в Советском Союзе» (Маркевиц С., лагерь 525) на русском языке, «На заре» (Чункур Рудольф, лагерь 503), «Репатрианты» (Швагер Герхард, лагерь 525), «Разговор у проволочки» (Шлесер Пауль, лагерь 526), «Под санкцией №51» (Хайрмерл Отто, лагерь №525), «Воспоминания о пребывании в плену» (Кемерли Ласло, лагерь 525)⁵⁶¹;

– политическая сатира: «Попранное право» (автор не известен), «Напоминание» (Шенкер Франц на ноты Кирхдорфера Х., лагерь 503), «Черт его забрал» (Шмидт Вернер, лагерь 525), «Обманутый Михель», «Леман – козел отпущения», «Нелегально» (Герхард Фишер, лагерь 511)⁵⁶²; – политические скетчи: «Ну, что за порядки!» (Хубер Ганс, лагерь 503), «Комедия денаци-

---

⁵⁵⁸ См.: РГВА. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

⁵⁵⁹ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 657. Л. 56–57.

⁵⁶⁰ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 11. Д. 7, Л. 64–79.

⁵⁶¹ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 395. Л. 1–51.

⁵⁶² См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 397. Л. 1–59.

фикации» (Трибе Хейнц, лагерь 503), «Трагедия Германии» (Родин Эрих, лагерь 525), «Священные идолы» (Росбург Вальтер, лагерь 511)⁵⁶³;

– криминальные скетчи: «Убил ля я Сильвию?» (Розе Ульрих, лагерь 525)⁵⁶⁴;

– политическое кабаре: «Новогодняя ночь у дяди Сэма» (Хааб и Фриделл, лагерь 525)⁵⁶⁵;

– оперетты: «Нищий студент», «Брак по любви», «Дорога к счастью», «Красивая незнакомка» (Фосс Петер, лагерь 525)⁵⁶⁶;

– пьесы в стихах: «Дурак в красном» (Фосс Петер, лагерь 503)⁵⁶⁷;

– комедии: «Влюбленный Тонис», «Не имею понятия, или Любовь идет странным путем» (Репперс Ханс, лагерь 525)⁵⁶⁸;

– драмы: «В революционной борьбе» (Фриеморген Иосиф, лагерь 511), «Народная кровь» (Реннер Отто, лагерь 503), «Священная жизнь», «Судья», «Человек», «Святая жизнь» (Гельмута Веренфеннинг, лагерь 511)⁵⁶⁹.

Администрация лагерей творчество военнопленных поощряла. Лучшие произведения пополнили лагерные библиотеки, читальни, антифашистские комнаты и клубы.

Во многом под воздействием «Нахрихтен» были приняты меры к обеспечению военнопленных культпросветимуществом и литературой. По специальным заказам из берлинского отделения издательства «Международная книга» было получено два вагона немецкой художественной и политической литературы, которая была распространена по лагерям и спецгоспиталям. Кроме того, отладили механизм получения из советской оккупационной зоны (а впоследствии из ГДР) немецких демократических газет. Данные поступления являлись «каплей в море» в обширной лагерной системе ГУПВИ (ОПВИ) МВД СССР и зачастую поступали в страну (особенно в западносибирский регион) с 1–2-месячным опозданием. Тем не менее получение книг и газет с родины было встречено немцами положительно и расценивалось пленными «как показатель заботы советской администрации об их культурно-политических запросах»⁵⁷⁰.

Начиная с 1946 г., для немецких военнопленных во многих лагерных отделения была налажена демонстрация кинофильмов, выпускаемых в советской зоне оккупации, а к 1947 г. количество кинопередвижек увеличилось в 2,5 раза. В рамках политико-воспитательных задач наиболее часто демонстрировались фильмы: «Ленин в Октябре», «Молодость нашей

⁵⁶³ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 398. Л. 1–117.

⁵⁶⁴ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 399. Л. 1–46.

⁵⁶⁵ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 456. Л. 1–29.

⁵⁶⁶ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 467. Л. 1–89.

⁵⁶⁷ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 567. Л. 1–45.

⁵⁶⁸ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 568. Л. 1–117.

⁵⁶⁹ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 469. Л. 1–211.

⁵⁷⁰ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 7. Д. 8. Л. 165–184.

страны», «Клятва», «Ленин в 1918 году», «Дубровский»⁵⁷¹. Как отмечали в своих воспоминаниях военнопленные, кроме картин идеологически заданных большой успех имели ленты с любовным содержанием, советские комедии и исторические фильмы. Перед киносеансом, как правило, военнопленных посвящали в содержание кинолент, а после просмотра проводились беседы с обсуждением сюжетов. Особенно запомнились им: «Сказание о земле Сибирской», «Первая учительница», «Повесть о настоящем человеке», «Алишер Навои»⁵⁷².

Антифашистские комитеты из числа пленных проводили большую агитационную, политическую и культурную работу, тесно связанную с производственными задачами лагеря. Попытки решить хозяйственно-бытовые проблемы обитателей лагерей, повседневное внимание к запросам и нуждам военнопленных со стороны данных организаций все же способствовали росту их авторитета, но в то же время к лидерам антифашистского движения по-прежнему относились скептически, считая многих из них изменниками присяге и воинскому долгу, приспособленцами, «приспешниками» в корыстных целях лагерной администрации. Газета публиковала рационализаторские предложения вместе с чертежами. Все материалы о производственной работе военнопленных были тесно связаны с политическим самосознанием.

В 1948 г. в газете была введена постоянная рубрика «Доска почета», в которой с разрешения администрации лагерей стали публиковаться имена «лучших людей» лагерей. Например, в данном разделе были помещены фамилии 32 военнопленных Кемеровской и Тюменской областей⁵⁷³. Иной формой отражения производственных успехов, с целью обобщения и пропаганды передового опыта стала организованная разделом «Лагерная жизнь» серия заметок под заголовком «Почетные места работы», в которых публиковались отклики военнопленных – передовиков производства⁵⁷⁴. Начиная с 1949 г. в «Нахрихтен» размещаются материалы под рубрикой «Хроника геннековского движения», подводящие итоги развернувшегося социалистического соревнования среди военнопленных.

Одной из основных задач газета «Нахрихтен» считала организацию помощи разворачивающемуся антифашистскому движению в лагерях. Для этого на ее страницах постоянно публиковались критические материалы, давались рекомендации, освещались формы и методы идеологической работы (например, как организовать политкружок, художественную самодеятельность, выпуск стенгазет). В 1947 г. были проведены первые конференции антифашистов-активистов. Редакция направила на них своих представителей, которые затем подробно осветили их деятельность в газете. В рубрике

⁵⁷¹ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 5. Л. 56–60.

⁵⁷² См.: Polster G. Wir waren schon halbe Russen... - Berlin, 1999, S. 43.

⁵⁷³ См.: ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 14. Л. 98; ИЦ ГУВД ТО. Ф. 21. Оп. 20. Д. 4. Л. 12.

⁵⁷⁴ См.: РГВА. Ф. 4п. Оп. 19. Д. 5. Л. 11.

«Трибуна дискуссии» был организован обмен опытом между антифашистскими функционерами по вопросам практики и теории. Например, активисты антифашистского движения лагеря № 525 (Кемеровская область) писали о своих трудностях в преодолении недоверия к их деятельности в среде военнопленных⁵⁷⁵. В то же время антифашистские активы отмечали положительную роль организованной газетой конкурса стенной печати, в котором все западносибирские лагеря приняли самое деятельное участие.

Как орган Политотдела ГУПВИ МВД СССР «Нахрихтен» участвовала в его мероприятиях и по его заданию выступала перед военнопленными в качестве инициатора широких пропагандистских кампаний. Крупной акцией стали, например, выборы в антифашистские комитеты, состоявшиеся в начале 1948 г. Одновременно с рассылкой Политотделом ГУПВИ директивы о создании антифашистских комитетов газета поместила передовую статью начальника политотдела с разъяснением роли и задач антифашистских комитетов и важности предстоящих выборов. Впоследствии новые лагерные политструктуры в своей работе смогли найти много полезных материалов, т.е. газета стала своеобразным политическим рупором антифашистской работы в лагерях.

В ходе репатриации 1948–1950 гг. для наиболее активных членов антифашистского движения и передовиков производства по рекомендациям центральных газет политотделы западносибирских лагерей организовали экскурсии с посещением музеев, театров, городских достопримечательностей, отклики о которых публиковались в стенных газетах, отправлялись в центральные периодические издания. Однако впоследствии в мемуарах весьма специфично оценивались «колорит», архитектура и бытовая повседневность западносибирских городов. Например, бывший военнопленный Гюнтер Полстер писал: «Вся поездка по Сталинску произвела на меня странное впечатление. Фасады зданий с улицы у русских имеют чистый и ухоженный вид. Совсем другое дело – вид со двора. Во дворах грязь, нет освещения и внутреннего благоустройства»⁵⁷⁶.

Подводя итоги необходимо отметить, что первый период деятельности «Нахрихтен» (1946–1947 гг.) характеризовался значительными трудностями, вызванными, прежде всего, немногочисленностью антифашистского актива в тыловых лагерях для военнопленных. В соответствии с этим газета сосредоточила свое внимание на публикации материалов, призванных способствовать становлению политико-массовой работы. При отсутствии единой

---

⁵⁷⁵ См.: ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 5. Д. 2. Л. 98–100.

⁵⁷⁶ См.: Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952 гг. Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. / Сост. М.М. Загорюлько, К.К. Миронова, Л.А. Пылова и др. Под ред. проф. М.М. Загорюлько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. – С. 660–662.

тематики и программ для политкружков все материалы стали существенным подспорьем и пособием для пропагандистов и агитаторов.

Второй период деятельности (1948–1949 гг.) был отмечен значительным количественным и качественным ростом антифашистского актива, особенно за счет военнопленных, окончивших антифашистские школы и курсы, массовым развертыванием кружковой работы, превращением кружков в основную наиболее важную форму политико-воспитательной работы в лагерях. За 1949 г. всего было опубликовано 349 статей, которые использовались в кружковой повседневной работе. О значительном влиянии газеты свидетельствовал тот факт, что антифашистский отдел при Политотделе ГУПВИ МВД СССР в июле 1949 г. дал указание всю пропагандистскую работу в лагерях строить исключительно на материалах газеты «Нахрихтен»⁵⁷⁷

Таким образом, культурно-массовая и просветительская работа среди военнопленных и интернированных западносибирских лагерей проводилась в соответствии с политическими целями и в рамках идеологической доктрины СССР. При этом специальная роль в деле воспитания будущих сторонников социализма и строителей новой послевоенной Европы отводилась периодическим массовым изданиям, на страницах которых постоянно поднимались вопросы производства, идеологии, развития художественного самодельного творчества, благодаря которым военнопленные в послевоенном мире должны были стать активными борцами за демократические преобразования. Однако идеологическое воспитание «новых сторонников социалистического строя» посредством периодической печати и с помощью художественного творчества происходило с большим трудом и довольно часто наталкивалось на скрытое или явное противоборство и реваншистские настроения контингента лагерей. С помощью антифашистских комитетов, проводивших большую культурно-просветительскую работу, средств массовой информации и Политотделов лагерей удалось существенно сократить количество саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима, а, следовательно, и организацию трудового использования военнопленных в западносибирском регионе.

---

⁵⁷⁷ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 9. Л. 115–116.

Благоустройство мест захоронений военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан в Уральском регионе в 1995–2009 гг.

В ходе Великой Отечественной войны частями Красной армии было пленено 4377,3 тыс. иностранных военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось еще на 639,6 тыс. человек. Кроме того, в целях пресечения террористических актов в тылу Красной армии были интернированы 208,2 тыс. человек, «способных носить оружие», а также 61,6 тыс. арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200,0 тыс. граждан Союза ССР, принимавших участие в войне на стороне Германии⁵⁷⁸.

Согласно имеющимся документам в советских лагерях для военнопленных умерло более 580,0 тыс. человек⁵⁷⁹. Среди основных причин смерти – боевые ранения, их последствия и осложнения, дистрофия на почве хронического недоедания, нервно – психологические заболевания, а также смерть в силу естественных причин.

На Урал первые эшелоны с военнопленными прибывают в мае 1942 г. К 1945 г. численность находящихся на территории региона военнопленных и интернированных достигала двухсот тысяч человек. Регион имел мощный промышленный потенциал и остро нуждался в дополнительной рабочей силе. Прибывший на Урал контингент также был ослаблен, условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, были достаточно тяжелыми. В результате количество умерших на Урале только в 1944–1949 гг. иностранных граждан составило свыше тридцати тысяч человек. В Свердловской области умерли 14306 человек, Курганской – 687, в Оренбургской – 6138, в Пермской – 1442, в Челябинской – 2220, в Башкирии – 1331 и в Удмуртии – 4967 человек. Они были захоронены на 189 специальных кладбищах⁵⁸⁰. В ходе предпринятой автором данной статьи обработки выявленных в центральных и местных архивах документальных материалов, и проведении им поисковых работ в Курганской области удалось обнаружить 3 иностранные воинские кладбища, в Оренбургской – 19, в Пермской – также 19, в Свердловской – 93, в Челябинской области – 30 кладбищ. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях: 11 – в Башкирии и 14 – в Удмуртии.

⁵⁷⁸ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 12.

⁵⁷⁹ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. №9. С. 44–45.

⁵⁸⁰ РФВА. Ф. 1а. Оп. 1е. Д. 96. Л. 32–34.

В начальный период войны учет умерших пленных велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г. В нем была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», которая определяла порядок извещения о смерти пленных, их погребения и выдачи имущества умерших родственникам. В соответствии с инструкцией смерть каждого пленного должна быть удостоверена актом медосмотра⁵⁸¹.

Учитывая, что умерших в ряде лагерей и госпиталей иногда хоронили в случайных, не отведенных для этих целей местах, 24 августа 1944 г. вышла директива ГУПВИ НКВД СССР «О захоронениях военнопленных». Документом предусматривалось для захоронения умерших военнопленных отводить в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальные участки свободной земли. Участки должны быть огорожены колючей проволокой и разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно быть 5 рядов могил по 5 могил в каждом ряду. В квадрате захоронения должны производиться, начиная с верхнего ряда (если смотреть в плане) слева направо. При этом следует отметить, что на практике во многих лагерях, особенно «лесных», разбивку на квадраты не производили и кладбища не огораживали⁵⁸².

На каждую могилу необходимо было установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, лучше всего из фанеры. На ней должны быть указаны в числителе номер могилы, и в знаменателе номер квадрата. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако это требование соблюдалось не всегда. В частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбищ военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области показала, что на дощечках, вместо номеров, указаны имя и фамилии захороненных на нем пленных. Для учета умерших военнопленных и мест их захоронений в каждом лагере или лагерном отделении заводили кладбищенские книги. В нее вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата, в котором захоронен умерший. К кладбищенской книге прилагался план кладбища с разбивкой его на квадраты, с указанием номеров квадратов и номеров имеющихся могил. Дополнительно к этой книге и для оперативного поиска заводилась алфавитная книга. В нее на соответствующую букву заносилась фамилия и имя умершего и его порядковый номер, под которым он записан в кладбищенской книге. Кладбища должны быть обеспечены от того, чтобы на их

---

⁵⁸¹ Военнопленные в СССР. С. 162.

⁵⁸² РГВА. Ф. 1е. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.

территорию не проникал скот, и от того, чтобы эти знаки не растаскивались населением⁵⁸³.

В послевоенные годы МВД СССР принимает ряд директив и распоряжений о мероприятиях по снижению заболеваемости и смертности в лагерях для пленных и интернированных, упорядочению учета умерших и содержанию мест их захоронения. Так, специальным распоряжением МВД СССР № 597 от 17 сентября 1947 г. министрам внутренних дел республик и начальникам УВМД по краям и областям СССР предлагалось в период с 20 сентября по 20 октября 1947 г. проверить состояние всех кладбищ, где производилось захоронение умерших военнопленных и интернированных. В случае отсутствия разрешения советских органов на занятие земельных участков требовалось добиться от них официального разрешения. В распоряжении прямо указывалось, что данная работа проводится в связи с возможностью посещения кладбищ представителями иностранных посольств и общественных организаций. В конце 1940-х гг. в связи с приближением сроков окончания репатриации, контроль за состоянием мест захоронений военнопленных и интернированных был передан городским и районным отделам МВД. Распоряжением МВД СССР № 324 от 24 мая 1949 г. кладбища военнопленных и интернированных передавались для осуществления надзора местным органам МВД. Для этого начальники управлений лагерей МВД, лагерных отделений, спецгоспиталей и командиры рабочих батальонов должны были привести все кладбища в надлежащий порядок⁵⁸⁴.

В результате на протяжении послевоенных лет, а часто и в 1960–1970-х гг. некоторые кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов и под надзором органов МВД. Однако за основной массой кладбищ уход местными властями, как правило, не осуществлялся. В Челябинской области единственным исключением был участок захоронения военнопленных, расположенный на гражданском кладбище в Тракторозаводском районе областного центра. В Свердловской области уход осуществлялся за местом захоронения военнопленных на Нижнеисетском гражданском кладбище в Екатеринбурге. В начале 1980-х гг. за счет городского бюджета участок захоронения военнопленных был приведен в порядок, и уход за ним осуществлял трест похоронного обслуживания. Причина особого внимания властей к месту захоронения военнопленных на Нижнеисетском кладбище заключалась в том, что его планировалось показывать приезжающим в город иностранным делегациям. Кроме того, в относительном порядке содержались кладбища военнопленных в городах Артемовском и Первоуральске.

---

⁵⁸³ Военнопленные в СССР. С. 462–463.

⁵⁸⁴ Там же. С. 508, 528.

Это, однако, не означало, что кладбища военнопленных на Урале не сохранились. Проведенное в 1990-е гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории Уральского региона показало, что и спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны, 3/4 кладбищ в той или иной степени сохранились. Причин этого несколько. Во-первых, Урал – это тыловой район, здесь не было военных действий, оккупации. В результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем в западных районах страны. Во-вторых, из-за меньшей, по сравнению с более освоенными западными районами плотности населения на Урале, многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

На протяжении 1950–1980-х гг. статус иностранных воинских захоронений на территории нашей страны был достаточно неопределенным и регламентировался только положениями Женевской конвенции 1949 г. В соответствии с конвенцией подписавшие ее страны, в том числе и СССР, обязывались обеспечить сохранность и уход за находившимися на их территории воинскими захоронениями. Однако сложившаяся ситуация отнюдь не способствовала улучшению взаимопонимания с данными государствами, что стало особенно заметно на рубеже 1980–1990-х гг. В результате Советский Союз, а впоследствии Российская Федерация, подписали со странами, нашими противниками в годы Второй мировой войны, соглашения о статусе воинских захоронений. Соглашения были заключены с Японией, Италией, Финляндией, Германией, Словакией, Венгрией и Румынией. В соответствии с ними российская сторона обязана предоставить зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных работ.

Для обеспечения практической реализации вышеуказанных соглашений в ноябре 1991 г. Министерством обороны СССР совместно с Министерством обороны Итальянской Республики в Москве была создана специальная структура – ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Ее задачей стала организация поиска и учета иностранных воинских захоронений, подготовка информации о погребениях и персональном составе погибших, обеспечение благоустройства мест захоронений как советских, так и иностранных военнослужащих, осуществление контроля за состоянием воинских захоронений.

13 января 1995 г. № 33 Правительство РФ приняло постановление «О мерах по реализации межправительственных соглашений и об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации». В соответствии с ним органам исполнительной власти субъектов РФ поручалось определить земельные участки, занятые под

иностранными захоронениями, взять их на учет и обеспечить предоставление в постоянное пользование (с освобождением от платы за землю в установленном порядке) этих участков организациям, уполномоченным правительством России на реализацию вышеуказанных соглашений⁵⁸⁵.

С конца 1980-х–начала 1990-х гг. интенсивные работы по выявлению архивных документов и установлению мест захоронений иностранных граждан стали проводиться на территории субъектов РФ, в первую очередь в Свердловской и Тамбовской областях. В августе 1991 г., т. е. еще до создания в г. Москве ассоциации «Военные мемориалы», было принято решение Свердловского облисполкома № 397 «Об организации работ по выявлению документальных материалов и мест захоронений советских и иностранных граждан, репрессированных в 1930–1950-е годы и военнопленных Второй мировой войны» и создана специальная рабочая группа. Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в Центре и в отдельных регионах страны постепенно формировалась нормативная база, позволяющая приступить к осуществлению поиска и благоустройству иностранных воинских захоронений в нашей стране. Практическому решению данной проблемы способствовали и сохранившиеся в отечественных архивах документальные материалы.

В 1993 г. в соответствии с межправительственным соглашением с Германией в России началось благоустройство иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны. Проводимая работа по благоустройству иностранных захоронений была весьма трудоемким занятием и включала в себя ряд этапов. На первом из них изучались архивные материалы центральных и местных государственных и ведомственных архивов. Это позволило установить численность и дислокацию кладбищ, установить их размеры и численность захороненных. После выявления первичных документов осуществлялись поисковые работы на местности. К этой работе активно привлекались местные органы власти и управления, а также местные жители. После установления места нахождения захоронения составлялся протокол обследования, делались необходимые схемы и фотографии, составлялось его подробное описание. Оформленные материалы отправлялись в Москву в ассоциацию «Военные мемориалы». В ассоциации они соответствующим образом оформлялись и передавались заинтересованной стороне. После получения информации о состоянии захоронений в регионы приезжали зарубежные представители. Среди них – делегации Народного Союза Германии по уходу за военными могилами, представители министерств обороны Венгрии и Италии, сотрудники австрийской организации «Черный крест», чиновники Министерства здравоохранения Японии и Общества по сохранению памяти жертв войны (Финляндия). Они осматривали сохранившиеся места захоронения и определяли, какие из них можно обустроить. После

---

⁵⁸⁵ Собрание законодательных актов Российской Федерации. 1995. №4. С. 538–539.

принятия решения о благоустройстве данного кладбища, на этот земельный участок оформлялся землеотвод. Поскольку российское законодательство не предусматривает передачу земельных участков иностранным государствам или организациям, то для осуществления благоустроительных работ свидетельства на земельные участки оформлялись в постоянное (бессрочное) пользование на ассоциацию «Военные мемориалы». После получения свидетельства на земельный участок делался проект его благоустройства. Вначале проект согласовывался с иностранными партнерами, затем с отделами архитектуры города или района, на территории которого планировалось осуществить благоустроительные работы. После этого составлялись смета, находилась подрядная организация, которая и осуществляла весь комплекс работ.

На территории Урала благоустройство иностранных воинских захоронений началось в 1995 г. Первым было благоустроено кладбище интернированных немецких женщин, расположенное в районе поселке Изоплит Екатеринбурга. Первоначально все работы велись немецкой стороной как заказчиком через организацию «Военные мемориалы». В последние годы в соответствии с межправительственным соглашением между РФ и ФРГ Народный союз Германии в рамках действующего российского законодательства стал проводить значительную часть работ непосредственно на территории субъектов РФ без участия посредников. В октябре 2009 г. были завершены благоустроительные работы на месте захоронения военнопленных, расположенном на Широкореченском кладбище Екатеринбурга. На данном участке были захоронены 47 военнопленных, содержащихся в лагере №314 МВД СССР и умерших в 1946–1948 гг. На установленных здесь мемориальных плитах на русском и немецком языках высечены названия всех мест захоронений военнопленных и интернированных, расположенных в Курганской, Свердловской и Тюменской областях. Всего в Свердловской области за счет средств германской стороны было благоустроено 19 мест захоронений иностранных граждан. Среди них – кладбища в городах Алапаевск, Асбест, Артемовский, Березовский, Дегтярск, Екатеринбург, Каменск – Уральский, Краснотурьинск, Нижний Тагил, Первоуральск, Реж, Сухой Лог и др. В Челябинской области были благоустроены места захоронения военнопленных в городах Копейск и Пласт. В настоящее время Народный Союз Германии проводит подготовительные работы по обустройству большого воинского кладбища в г. Аша.

В начале 1990-х гг. на территории России, а также Белоруссии и Украины началась работа по установлению мест захоронений итальянцев. После их выявления боевые захоронения военнослужащих итальянской армии вскрывались, останки эксгумировались и в специальных цинковых гробах отправлялись на родину. В настоящее время эксгумированы, идентифицированы и отправлены в Италию останки нескольких тысяч военнослужащих

итальянской армии. Что касается умерших итальянских военнопленных, то большинство их были захоронены в братских могилах. Из-за сложности идентификации останков было принято решение эксгумацию не проводить, а на местах погребения установить памятные знаки. В Свердловской области еще в 1994 г. один такой знак установили в поселке Рудник им. Третьего Интернационала города Нижний Тагил, второй – в поселке Басьяновский Верхнесалдинского района, где были захоронены свыше тысячи итальянцев. В Оренбургской области Итальянской Республикой памятный знак установлен в пос. Ак – Булак, в Пермской области – в г. Губаха и пос. Всеволодово – Вильва Александровского района.

В марте 1995 г. в г. Москве правительствами Российской Федерации и Венгерской Республики было подписано соглашение об увековечивании памяти павших военнослужащих и гражданских жертв войны и статусе захоронений. В соответствии с ним стороны через уполномоченные ими органы обязались информировать друг друга о наличии и местонахождении российских воинских захоронений в Венгрии и венгерских захоронений в России. При этом стороны согласились также обмениваться данными о погибших в боях военнослужащих, умерших в плену, а также лицах, насильственно вывезенных на принудительные работы, и о местах их погребения на территории своих государств. Стороны обязались обеспечить защиту и право бессрочного сохранения российских и венгерских воинских захоронений, включая памятники и мемориальные объекты, расположенные в России и Венгрии. В соглашении указывалось, что каждая сторона за свой счет обеспечивает на территории своего государства содержание и уход за воинскими захоронениями другой стороны, включая памятники и другие мемориальные объекты.

Одновременно между правительствами России и Венгрии был также подписан Протокол об использовании части задолженности бывшего Союза ССР Венгерской Республике для обустройства венгерских воинских захоронений на территории России. Стороны договорились о том, что погашение долга будет осуществляться в рамках предоставления некоторых видов услуг нетоварного характера, а также проведения работ по эксгумации, переносу останков и обустройству венгерских воинских захоронений в России⁵⁸⁶.

Анализ сохранившихся архивных материалов свидетельствует, что умершие на территории Свердловской области военнослужащие венгерской армии захоронены на 32 воинских кладбищах. Большинство этих кладбищ – интернациональные, однако среди них имеются и чисто венгерские захоронения. В настоящее время по венгерской программе на Среднем Урале восстановлены кладбища в городах: Верхняя и Нижняя Тура, Екатеринбург, Красноуральск, Нижний Тагил, Новая Ляля и Ревда. Кроме того, на местах захоронения венгерских военнослужащих в области установлены 25 памятных

---

⁵⁸⁶ Бюллетень международных договоров. 1996. №12. С. 31–32.

знаков (Алапаевск, Артемовский, Асбест, Березовский, Екатеринбург, Кировград, Невьянск, Нижний Тагил, Реж, Среднеуральск, Сухой Лог, Первоуральск и др.). Весьма активно работы по венгерской программе велись и в других областях Уральского региона. Так, в Оренбургской области в настоящее время благоустроили 5 кладбищ (Медногорск, Новотроицк, Орск и пос. Акбулак) и установили 8 памятных знаков (Бузулук, Кувандык, Медногорск, Орск и др.). В Челябинской области благоустроили 2 кладбища (оба в Магнитогорске) и установили 12 памятных знаков (Аша, Верхний Уфалей, Кыштым, Миасс, Пласт, Сатка, Челябинск и др.). В Пермской области по венгерской программе благоустроили 3 кладбища (Краснокамск, Пермь) и установлены 8 памятных знаков (Губаха, Краснокамск, Кунгур, Лысьва, Пермь). В Удмуртии благоустроено кладбище в пос. Рябова Увинского района и установлены 6 памятных знаков (Воткинск, Глазов, Ижевск – 3, Можга). Памятный знак установлен венгерской стороной в г. Шумиха Курганской области, а также на Парфеновском кладбище Тюмени.

Единственная страна, которая пытается осуществить эксгумацию и отправку на родину останков военнопленных – Япония. В настоящее время на территории восточных районов России проводятся работы по выявлению мест захоронений военнопленных из состава японской армии, их эксгумации, идентификации, кремации и отправке на Родину. Во второй половине 1990-х гг. такие работы осуществлялись в Свердловской и Оренбургской областях. В том случае, когда проведения эксгумации не представлялось возможным, в память об умерших в плену военнослужащих японской стороны устанавливался памятный знак. В 2000 г. такой знак был установлен на кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР, расположенном в поселке Рудник им. Третьего Интернационала города Нижний Тагил. Второй – в 2008 г. в Оренбурге, где на месте бывшего кладбища возведен микрорайон.

Имеются на территории Свердловской области и захоронения военнослужащих финской армии. В 1992 г. в г. Хельсинки было подписано соглашение между правительствами Российской Федерации и Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших в период Второй мировой войны. В соответствии с ним в сентябре 1998 г. в г. Асбесте в присутствии представительной делегации Финляндской Республики состоялось открытие памятного знака на кладбище военнопленных лагеря № 84. Там предположительно находятся останки 63 военнослужащих финской армии.

Таким образом, в настоящее время на территории Удмуртии, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской областей Федеративной Республикой Германия благоустроено 21 кладбище военнопленных Второй мировой войны, Венгерской Республикой благоустроены 18 кладбищ и установлены 60 памятных знаков, 5 памятных знаков установлены Итальянской Республикой, 2 – Японией и один – Финляндской Республикой.

Саратовская область – территория пребывания немецких военнопленных в 1943–1949 гг.

События военного времени коренным образом меняют жизнь тысяч людей. В особой степени это касается Второй мировой войны – эта грандиозная катастрофа затронула почти каждую семью по обе стороны линий фронтов. Для сражавшихся на поле боя война могла иметь еще одно, специфическое продолжение – плен. Именно в течение Второй мировой войны была открыта технология массового трудоустройства вражеских военнопленных в пострадавших отраслях хозяйства. Следует отметить революционность этого открытия – никогда ранее труд пленных не использовался так масштабно, планомерно и беспощадно. В результате функционирования такой системы был достигнут систематический и, следует признать, довольно значительный эффект в восстановлении экономики Советского Союза.

К сожалению, в течение долгого времени судьба попавших в советский плен немцев и австрийцев была загадкой. Длительное время основные документы, содержавшие информацию на эту тему, носили гриф «Совершенно секретно». Доступа к ним исследователи не имели, поэтому и разработка этой темы в СССР велась вяло, поверхностно. Однако необходимость восполнить этот пробел в историческом знании диктовалась потребностями исторической науки, «императивом полноты и достоверности исторической памяти человечества»⁵⁸⁷.

Поэтому в 90-е годы XX века, после снятия грифа секретности с целого ряда архивных фондов, исследователи стали активно исследовать условия жизни в плену, структуру и методы работы ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных) – специального ведомства в составе НКВД, ответственного за размещение, содержание и трудовое использование военнопленных. Сеть лагерей ГУПВИ охватывала почти весь Советский Союз.

Были лагеря для военнопленных и на территории Саратовской области. Учитывая структурное и функциональное единство системы лагерей ГУПВИ, можно предположить значительное сходство лагерей, находившихся в этой области, с аналогичными лагерями других регионов.

Следует учитывать, что к 1941 г. ведомство, ответственное за содержание военнопленных, приобрело особые черты, которые имели лишь некоторые признаки сходства с аналогичными организациями западных стран. Такое своеобразие стало результатом самостоятельного развития в предыдущие

---

⁵⁸⁷ Загорулько М.М. К читателям // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы / Под. ред. М.М. Загорулько – М.: Логос, 2000. С. 7.

годы его существования. По логике обстоятельств Управление по делам о военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД было историческим приемником традиций Центропленбежа (Центральная организация по пленным и беженцам), действовавшего в России во время Первой мировой и Гражданской войн, и восстановленного в Советском Государстве в 1931 г. по «Положению о военнопленных»⁵⁸⁸. Следует учитывать, что по замечанию исследователя В.Б. Конасова, мировая практика создания подобных организаций предписывает отделять институты содержания военнопленных от пенитенциарной системы, существующей в данной стране. «Поэтому в любом государстве лагеря для пленных солдат и офицеров создаются, как правило, на базе военного ведомства»⁵⁸⁹. К примеру, упомянутый Центропленбеж действовал в 1931 г. при Наркомате по военным и морским делам.

Ситуация кардинально меняется в 1939 г., когда советское руководство решило организовать лагеря для польских солдат и офицеров под началом НКВД. То обстоятельство, что теперь УПВИ оказалось в системе наркомата, осуществляющего репрессивно-карательные функции, наложило свой неизгладимый отпечаток на всю деятельность этого учреждения. Уже на этапе формирования УПВИ было теснейшим образом связано с системой ГУЛАГ и испытывало ее сильнейшее влияние. Был даже момент когда обе эти системы подчинялись одному руководителю – В.В. Чернышову⁵⁹⁰. Этим во многом объясняются отличия режима содержания военнопленных Второй мировой войны в СССР от режимов других стран Европы.

Уже в первые дни после начала Великой Отечественной войны НКВД попытался развернуть 30 предполагавшихся на случай войны приемных пунктов. Однако особой необходимости в них не было, поскольку на первых этапах в плен попадало крайне мало военнослужащих противника. Тем не менее до конца 1941 г. в плен попало более 9000 человек⁵⁹¹. В 1942 численность военнопленных по понятным причинам росла так же медленно: на 19 ноября 1942 г. в лагеря поступило 10653 человек, при этом общая численность поступивших с начала войны составляла 19782 человек⁵⁹².

---

⁵⁸⁸ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР №46 об утверждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных». 19 марта 1931 г. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы / под. ред. Загорулько М.М. – М.: Логос, 2000. С. 60–64.

⁵⁸⁹ См.: **Конасов В.Б.** Место и роль УПВИ в пенитенциарной системе советского государства // Отечественная история, 2005, №6. С. 128.

⁵⁹⁰ См.: **Сидоров С.Г.** Введение // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы / под. ред. Загорулько М.М. – М.: Логос, 2000. С. 25; **Безбородова И.В.** Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1944–1953) // Отечественная история. 1997. №5. С. 166.

⁵⁹¹ См.: **Сидоров С.Г.** Указ. соч. С. 29.

⁵⁹² См.: **Галицкий В.П.** Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. №9. С. 40.

Помимо прочих нерешенным оставался вопрос о сфере применения труда военнопленных на территории СССР. Для его решения в августе 1942 г. в составе УПВИ создавался еще один отдел – Организационно-производственный. В его задачи входила организация трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов, разработка мобилизационных планов по подготовке сети приемных пунктов и лагерей, а также работа по их формированию.

В 1943 г., после капитуляции немецких войск под Сталинградом, ситуация значительно изменяется. Тогда по различным оценкам в плен попало от 90 до 110 тыс. человек⁵⁹³, что потребовало срочного увеличения штатов учетно-регистрационных отделов лагерей. Именно на это время приходится период значительного роста и структурного оформления системы лагерей для военнопленных. Число лагерей стремительно увеличилось, в первую очередь за счет создания ряда лагерей-распределителей.

Ближе других к Сталинграду располагался лагерь №127, под названием «Покровский». Он был образован на территории Саратовской области в марте 1943 года. Уточним, что данный лагерь был переведен в нашу область из прифронтовой полосы, и уже здесь, под командованием капитана госбезопасности И.Г. Воробьева, принял 10 500 военнопленных из Сталинграда, его окрестностей, из районов Воронежского и Юго-Западного фронтов. Здесь нужно оговориться, что лагерь состоял из нескольких отделений, расположенных в значительном отдалении друг от друга. Таким образом, объединяла эти отделения только административная соподчиненность. Прибывшие пленные распределились следующим образом: отделение №1 (на железнодорожной станции Покровск) приняло половину поступивших. Еще 3 000 отправились во 2-е отделение, на станцию Вольск. Еще 2 500 человек были распределены в отделение №3⁵⁹⁴. Однако, по данным исследователя С.Г. Сидорова, из числа военнопленных 127-го лагеря 1 526 человек умерло на пути следования в отделения, а в период с 15 марта по 1 мая 1943 уже на местах скончалось 4 663 человек⁵⁹⁵. Причинами смерти последних были: дистрофия (4 326 человек), обморожение (162 человек), сыпной тиф (54 человек), от полученных ранений (23 человек), другие причины (98 человек).

Следует учитывать, что в Саратовскую область поступали только рядовые и военнослужащие не старше унтер-офицеров. Для штабных офицеров и высшего командного состава были созданы отдельные лагеря: Оранский, Елабугский и Суздальский. В Саратове же пленные офицеры не содержались – ни в 1943 г., ни в более поздний период.

---

⁵⁹³ См.: **Конасов В.Б.** Указ. соч. С. 128–132.

⁵⁹⁴ См.: Предложение к приказу НКВД СССР №00398 о выводе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы от 1.03.1943г. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 103.

⁵⁹⁵ См.: **Сидоров С.Г.** Указ. соч. С. 30.

Что же касается национальной принадлежности пленных, то в основном это были немцы и австрийцы. Та же тенденция просматривается и в масштабах всего Союза. По данным итоговой «справки о количестве военнопленных бывших европейских армий, состоявших на учете ГУПВИ» от 1956 года из 3,486 млн. пленных 2388449 были немцами, а 156681 австрийцами⁵⁹⁶. Для сравнения: в плену в СССР находилось так же 513766 венгров и 187367 румын. При этом, по национальному составу лагеря были, в основном, смешанными. Так что национальность пленного не оказывала определяющего влияния ни на отношение к нему, ни на его дальнейшую судьбу.

За период с 1943 по 1949 год в регионе действовали Покровский (№127), Вольский (№137), Саратовский (№238), Ртищевский (№338), Аткарский (№338), и Комбайновский (№368) лагеря для военнопленных⁵⁹⁷, в составе каждого из которых было по несколько отделений. При чем отделения эти были разбросаны по всей области. Дольше всех просуществовал «Саратовский» лагерь №238. Создан он был в июне 1945 г. для размещения немцев, плененных в мае. А завершил свою работу этот лагерь только в январе 1949 г., когда были репатриированы последние пленные. Еще одним «должителем» был «Вольский» лагерь №137. Он действовал с ноября 1944 г. по май 1948 г.⁵⁹⁸ Прочие же лагеря не были так долговечны. Период их деятельности редко превышал один год.

Все эти лагеря действовали на основании приказа НКВД СССР №00367 от 24 февраля 1943 г.⁵⁹⁹, 7-й пункт которого предписывал им организовать прием военнопленных в лагеря, обеспечить в лагерях надлежащую охрану и режим, обеспечить размещение, питание, лечение больных и раненых военнопленных, организовать точный персональный учет военнопленных и их оперативно-чекистское обслуживание. Так лаконичный канцелярский язык обозначил главные направления деятельности созданной системы – лагерей для военнопленных. Для сотен же тысяч людей эти короткие фразы превратились в самую настоящую ежедневную реальность. Впрочем, жизнь, как всегда, вносила свои коррективы. Там, где в приказе стоит «прием и размещение пленных», жизнь дописывала еще несколько страниц о том, как пленные собственноручно достраивали будущие места своего заключения. Так бывший военнопленный немец Ганс Шютц, который 3,5 года находился в лагерях Саратовской области, в своих мемуарах⁶⁰⁰ поэтапно описывает обустройство своего лагеря. На момент заселения лагерь представлял собой

---

⁵⁹⁶ См.: Справка о количестве военнопленных бывших европейских армий, взятых в плен советскими войсками и учтенных быв. ГУПВИ МВД СССР за период 1941–1945 гг. // Родина. 1995. №7. С. 72–73.

⁵⁹⁷ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 1029–1037.

⁵⁹⁸ См.: Там же, С. 1029–1037.

⁵⁹⁹ См.: Там же, С. 99.

⁶⁰⁰ См.: Шютц Ганс А. Рассказы им... С. 73.

двухэтажное деревянное здание, территория вокруг которого была обнесена колючей проволокой. Ни электричества, ни водоснабжения, ни тем более кухни там не было. Все эти удобства постепенно создавались руками самих пленных⁶⁰¹. Другой работы на тот момент у них все равно не было. Их труд не использовали на предприятиях области до окончания согласований по всем ведомствам НКВД. Однако и полноценного питания не выделяли, ограничиваясь сухим пайком.

Оказавшись в плену, военнослужащие немецкой армии были распределены на советские предприятия, чтобы своим трудом внести вклад в послевоенное восстановление СССР. Основанием для подобного подхода служила концепция «репараций трудом». Ее появление относится к октябрю-ноябрю 1943 г., когда И.М. Майский, посол СССР в Лондоне и заместитель Молотова по НКВД, создал комиссию для изучения вопросов о репарациях. Майский исходил из того, что физическое участие немцев в восстановлении разрушенного их армиями хозяйства и допустимо, и справедливо, и желательно⁶⁰². При этом опыт применения подобного подхода уже был широко известен – пример показала сама Германия незадолго до этого. Данная концепция номинально не была воплощена в жизнь, однако она серьезно повлияла на представления руководства СССР о цели пребывания пленных на территории Советского Союза.

В результате именно с 1943 г. началось массовое трудовое использование военнопленных. Причем пленных сначала выделяли одному из наркоматов, а затем Народный комиссариат сам решал, на какое именно предприятие отрасли распределить дополнительную рабочую силу. По статистическим данным, к концу 1944 г. на предприятия и стройки СССР, подчинявшиеся более, чем 30 наркоматам, были распределены около 400 тыс. пленных. Вместе с тем возросло и число производственных лагерей, достигшее в первом полугодии 1945 г. отметки 150. В основном труд военнопленных применялся в важнейших отраслях промышленности – для восстановления предприятий, разрушенных в годы войны, а так же для строительства новых объектов⁶⁰³.

Интересные данные дает «Справка М.С. Кривенко на имя Л.П. Берии о количестве рабочей силы из числа военнопленных мобилизованных и арестованных немцев, распределенных по предприятиям промышленных наркоматов...» К 17 мая 1945 года на предприятия Советского Союза было направлено 555 300 чел. Из них в Саратовскую область отправилось более 3 000 немцев-военнопленных. 700 человек было распределено на Авиационный завод области, 500 человек – в цеха шарикового и роликового производства Подшипникового завода, еще 1 400 человек – для строительных

---

⁶⁰¹ См.: Там же. С. 78–80; 87–88.

⁶⁰² См.: Полян П. Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. №8. С. 191.

⁶⁰³ См.: Igor' Gorbunov. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion... S. 43.

работ на промышленных объектах области. Кроме того, Саратов упоминается в числе городов, между которыми были распределены 8900 чел. для строительных и восстановительных работ, а так же среди пяти городов, где Главвоенпромстрой разместил 2500 чел⁶⁰⁴. Уже на основании приведенных данных можно представить себе общую картину применения труда военнопленных в Саратовской области. Легко заметить, что основная доля пленных занималась строительными и восстановительными работами. Это обстоятельство фиксируется и в документах местных ведомств. Так, в отчете Саратовского обкома ВКП(б) за 1947 год, направленном в ЦК партии говорилось, что строительные и восстановительные работы на промышленных объектах велись в основном силами военнопленных и заключенных⁶⁰⁵. Труд пленных широко применялся и ведущим строительным трестом области («Саратов-промстрой»), который занимался реконструкцией ГПЗ-3, строительством завода зуборезных станков, и других промышленных объектов⁶⁰⁶. Пленные работали на Лесопильном (деревоперерабатывающем) заводе, Гидролизной заводе, Вагоностроительном заводе в Энгельсе, Метизном заводе им. Ленина и многих других предприятиях области. Их труд был незаменим при возведении газопровода Саратов-Москва, а также при восстановлении жилого фонда городов области и многих районов Саратова – например, дома по ул. Азина, Киевской, дома в поселке Елшанка.

Многие предприятия области крайне нуждались в помощи государства. Появился ряд проблем, часто чисто бытового свойства, которые самостоятельно они решить не могли. Именно на такие заводы и направляло государство посильную помощь в виде отрядов военнопленных, призванных снять с кадровых рабочих дополнительную нагрузку (по строительству нового жилого фонда или участию в посевных кампаниях). Работники завода откликались на это благодарностью за «всемерную помощь предприятиям в период их восстановления» на партийных конференциях⁶⁰⁷.

Примером предприятия, где использовался труд военнопленных, может служить Саратовский авиационный завод. Он был внесен в число получателей рабочей силы, поскольку на заводе наблюдались значительные трудности, чувствовался недостаток рабочих. К тому же, этот завод серьезно пострадал от ударов немецкой авиации в годы войны⁶⁰⁸. Наркомавиапром выделил САзу 700 немецких военнопленных для восстановительных работ.

---

⁶⁰⁴ См.: Справка М.С. Кривенко на имя Л.П. Берии о количестве рабочей силы из числа военнопленных мобилизованных и арестованных немцев, распределенных по предприятиям промышленных наркоматов // Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 603–609.

⁶⁰⁵ См.: **Кузнецова Н.В.** Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград, 2002. С. 44.

⁶⁰⁶ См.: **Там же.** С. 44.

⁶⁰⁷ См. напр.: ГАНИСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 445. Л. 99–100.

⁶⁰⁸ См.: **Кузнецова Н.В.** Указ. соч. С. 31.

Так был создан Комбайновский лагерь №368. Он просуществовал с апреля 1946 по март 1947 год включительно.

В тот момент работники завода остро нуждались в жилье – им требовалось по крайней мере 12800 кв. м. жилплощади, если уж не квартир, то хотя бы комнат в общежитиях⁶⁰⁹. Вскоре государство выделило рабочие руки и до 90% необходимой для строительства суммы⁶¹⁰, что разрешило жилищный вопрос. Есть основания полагать, что именно немецкие военнопленные занимались строительством и обустройством общежитий для работников завода.

Труд военнопленных использовался и на других промышленных объектах области. Для возведения завода зубострогальных станков еще в 1946 году было организовано специальное отделение №4 лагеря №368 НКВД для военнопленных. Тогда же был значительно расширен лагерь военнопленных, обслуживающий ГПЗ-3⁶¹¹.

Вообще структура и закономерности трудового использования военнопленных в послевоенный период довольно интересны⁶¹². Сама система передачи наркоматам пленных в качестве наемной рабочей силы при сохранении подчинения НКВД и контроля со стороны этого ведомства, вопросы рентабельности лагерного производства, попытки его реформировать – все это представляется не вполне изученным и дает широкое поле для всевозможных толкований и интерпретаций.

Интересные подробности о трудовой жизни в лагере дают мемуары военнопленных. Появляется возможность восстановить многие недостающие детали, которые наполняют объемом и оживляют картину работы в плену. К примеру, в зависимости от распределения на то или иное производство могли меняться условия существования. Конечно, подобные различия не стоит переоценивать. Все пленные подчинялись одному распорядку дня, основной частью которого была тяжелая ежедневная работа. Тем не менее степень нагрузок на разных предприятиях не была одинаковой. К тому же существовали так называемые вредные производства, работа на которых была связана с дополнительной опасностью для жизни. В таких случаях на защиту здоровья пленных вставало ГУПВИ. Главным аргументом было требование физического сохранения военнопленных для их лучшего трудоустройства, наиболее эффективной мерой – снятие военнопленных с объектов, где не обеспечивались допустимые условия жизни и труда.

Воспоминания сохранили множество историй времен нахождения в плену, причем большинство из них так или иначе связаны с трудовыми буднями. Во время работы завязывались дружеские отношения, во время

⁶⁰⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 445. Л. 70.

⁶¹⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 445. Л. 99.

⁶¹¹ См.: Кузнецова Н.В. Указ. соч. С. 44.

⁶¹² Подробнее См.: Колеров М. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950) // Отечественные записки. 2003. №3(12).

работы происходили маленькие радости и маленькие горести... Когда же строительство на одном объекте завершалось, военнопленных переводили на следующий, по возможности вблизи лагеря. Однако со временем места работы все удалялись от лагеря. В таких случаях пленных доставляли на место работы группами в сопровождении конвоира с винтовкой⁶¹³. Эти группы (или команды, как их тогда называли) формировались вне зависимости от их национальности или принадлежности к той или иной армии. На каждые 10 человек в такой команде выделялся 1 конвоир⁶¹⁴, а группы до 10 человек отправлялись на работы без конвоя. Нередко пленным приходилось добираться до места на специально выделенных грузовых автомобилях. Если же в регионе работы не было вовсе, пленных переводили в другую область.

В результате переводов в пределах союзной системы лагерей НКВД наблюдалась невероятная мобильность пленных. Направление этих миграций определялось потребностью в рабочей силе того или иного наркомата. Военнопленному Шютцу, например, повезло – его передвижения ограничили пределами Саратовской области. И все же он успел поработать на лесопилке, дрожжевом комбинате, в пекарне, на вагоностроительном заводе⁶¹⁵. А пленный Крамер за 3,5 года плена переводился из лагеря в лагерь 32 раза⁶¹⁶ – при этом оставался на территории Саратовской и сопредельных областей.

Бывали и случаи саботажа. В докладной записке С.Н. Круглову о вскрытых случаях диверсий, вредительства и саботажа со стороны военнопленных и интернированных говорится, что в 238-м лагере Саратовской области военнопленный Бульс Вернер, работая в котельном цехе завода им. Ленина, умышленно поломал 3 прессы⁶¹⁷. Во избежание подобных случаев пленных редко допускали к серьезным производственным операциям, на их долю выпадала наименее значимая и самая трудоемкая часть работы.

Однако в подобных случаях трудно судить о преднамеренности причиненного ущерба. Многие из пленных попросту не умели обращаться со сложными производственными механизмами, поскольку в Германии имели иную профессию. Так что в лагере они получали новую квалификацию. Были случаи, когда работа в лагере давала пленным и первую профессию. Среди военнопленных было немало юношей, которые попали в армию «прямо со школьной скамьи»⁶¹⁸ и, естественно, просто не успели поработать на родине. Именно так произошло с Детлефом Крамером, он попал в плен в 19 лет и

---

⁶¹³ См.: Шютц Ганс . Указ. соч. С. 75; 90.

⁶¹⁴ См.: Приказ НКВД СССР №0172 об организации вспомогательных команд в лагерях НКВД для военнопленных от 27 июня 1945 г. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 211.

⁶¹⁵ См.: Шютц Ганс А. Указ. соч.

⁶¹⁶ См.: Крамер Д. История одного плена. М.: Мемориал, 2002. С. 73.

⁶¹⁷ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 666.

⁶¹⁸ Шютц Ганс А. Указ. соч. С. 83.

никакой профессии не имел⁶¹⁹. Находясь в плену, он занимался в основном физическим трудом. Но, вернувшись на родину, сделал научную карьеру и стал профессором Свободного Берлинского университета.

Повседневная жизнь пленных того времени была до крайности сурова. Распорядок дня пленного определялся временем его рабочей смены. Дневная смена начиналась в 9:00 утра и длилась до 17:00. Вечерняя – с 17:00 до 1:30. Была и ночная смена – с 10:00 до 6:30. На день каждому пленному выдавали сухой паек. По возвращении в лагерь – кормили горячим. Спали пленные в бараках, большие помещения которых были оборудованы двухъярусными нарами.

Как свидетельствуют мемуары бывших военнопленных, пребывание в плену состояло из ежедневных попыток выжить. Люди постоянно ощущали голод, боролись с болезнями и дистрофией. Недостаточность рациона была постоянным явлением (овощной суп с хлебом, дополненный на обед кашей из злаков или картофеля⁶²⁰ без сомнения не могут быть достаточными при постоянных физических нагрузках). Ситуация с продовольственным обеспечением постоянно менялась, дневная норма то возрастала, то снова снижалась. Как уже отмечалось, с осени 1946 г. НКВД издает ряд приказов, последовательно отменявших дополнительное питание, введенное в 1945 г. Причиной этого следует считать хозяйственные затруднения. Однако ситуация усугублялась перебоями со снабжением, неполноценными заменами отсутствующих продуктов, а иногда и прямыми кражами продовольствия. Часто при проверках выявлялись факты недостачи и перерасхода продовольствия. По каждому из таких случаев проводилось расследование. Так, например, проверка была проведена по факту недостачи крупы в лагере № 238 Саратовской области. Она выяснила, что лагерь был обеспечен крупой в полном размере, но в 1-м квартале 1946 лимит пайков был превышен в 2 раза⁶²¹. МВД СССР отреагировало на подобные случаи директивой № 124 «Об упорядочении расходования продовольственных фондов в лагерях МВД для военнопленных», в соответствии с которой увеличения пайков следовало всячески избегать. В качестве дополнительной меры вводилась личная ответственность за перерасход продовольственного лимита. Причиной такой строгости следует считать пришедшиеся на это время экономический кризис и продовольственные затруднения в стране. Административное преследование дало определенный результат, но в целом питание пленных осталось на прежнем уровне.

Именно на этот период приходится массовое пребывание немцев в плену, именно об этом периоде повествуют в мемуарах бывшие военнопленные, вспоминая катастрофическое отсутствие пищи. Например, Г. Шютц

⁶¹⁹ См.: **Борисова Т.** Ангел-хранитель – рядом... как в бывшем враге видели человека // Саратовские вести. 2005. 16 мая. № 172. С. 3.

⁶²⁰ См.: **Шютц Ганс А.** Указ. соч. С. 90.

⁶²¹ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 400.

упоминает, что ежедневный рацион пленного составляли «суп на воде, приправленный каплей растительного масла, капустными листьями или зелеными помидорами», каша и хлеб⁶²².

Такая ситуация привела к повышению уровня заболеваемости и смертности военнопленных в начале 1947 г., что побудило руководство МВД 28 января 1947 г. ввести «чрезвычайное положение» в лагерях ГУПВИ⁶²³. Выход из создавшейся ситуации был найден в репатриации 113 тыс. нетрудоспособных немцев. Однако, подробнее о репатриации речь пойдет в главе 5. В декабре 1947 года были введены новые нормы снабжения военнопленных. Теперь одному пленному в день полагалось 600 гр. хлеба, 600 гр. картофеля, 90 гр. крупы, 30 гр. мяса, 100 гр. рыбы, 45 гр. моркови и проч.⁶²⁴. Поощрение военнопленных за хорошую работу продуктами питания теперь разрешалось только за счет непланового фонда. В этих условиях резко возросло значение начисляемого военнопленным денежного вознаграждения, на которое они могли приобрести дополнительные продукты питания в ларьках и буфетах, действовавших на территории лагерей с сентября 1947 г.⁶²⁵

Поначалу бытовые условия и недостаток пищи наводили пленных на мысль о намеренной жестокости со стороны советских властей, о начале тех зверств, которые, по обещаниям нацистской пропаганды, ожидали немцев в плену у большевиков. Однако со временем их мнение изменилось. Проведя в Советской России некоторое время, они с удивлением поняли, что обычные люди живут немногим лучше пленных⁶²⁶. Жилой фонд был серьезно поврежден, а местами и вовсе разрушен бомбежками. Питание простых советских граждан также было скудным. Немецкие исследователи подтверждают информацию о голоде 1946–1947 гг., опираясь на свидетельства бывших военнопленных. Такое положение дел в какой-то степени мирило немцев с суровостью плена, они все с большим пониманием относились к сложившемуся положению⁶²⁷. Несколько позже авторитетное немецкое издание «Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des zweiten Weltkrieges» пишет: «примиряющее в некотором отношении действовало то, что русскому

⁶²² Именно так описывает Шютц повседневное питание в лагере. Интересен контраст между нормой питания, указанной в приказе МВД, и тем, как реально обстояли дела с питанием. См.: **Шютц Ганс А.** Указ. соч. С. 87–88, 90, 100–101.

⁶²³ См.: **Безбородова И.В.** Указ. соч. С. 166; **Сидоров С.Г.** Указ. соч. С. 39.

⁶²⁴ Данные о нормах продовольственного снабжения См.: Приказ МВД СССР №0751с // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 427–432.

⁶²⁵ См.: **Сидоров С.Г.** Введение // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 40.

⁶²⁶ Об этом пишут **Крамер Д.** Указ. соч.; **Шютц Ганс А.** Указ. соч.; **С. Карнер** приводит показательное наблюдение военнопленного «у русских было еще меньше, чем у нас»; о том же **Букин С.С.** Немецкие военнопленные о жизни в России // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегион. науч.-практич. конф. Ч. 3. Вологда, 2000. С. 255–262.

⁶²⁷ Например, так произошло с Гансом Шютцем. См.: Указ. соч. С. 105–106.

населению в целом жилось не намного лучше, чем военнопленным. Их жилища располагались часто вблизи строек и заводов, на которых работали военнопленные, и были плохи, обеспечение продуктами питания – недостаточным. Непродовольственные товары отсутствовали полностью»⁶²⁸. Русские и немцы часто видели некую общность своего положения, ведь и теми, и другими двигало лишь одно желание – желание выжить в тяжелейших условиях первых послевоенных лет⁶²⁹.

Тяжелая физическая работа изматывала людей, а течение лагерной жизни не давало возможности пополнить силы. Не удивительно, что в таких условиях здоровье военнопленных серьезно пошатнулось. К тому же, многие из них были серьезно больны уже на момент прибытия. В дальнейшем их состояние только усугублялось. Для выявления неспособных работать в лагере проводились постоянные медосмотры. Первый из них прошел сразу после прибытия пленных на место назначения. По его итогам пленных разделили на 4 группы – по пригодности к разным видам труда⁶³⁰. Наиболее здоровых определили в первую группу, годную ко всем видам работ. Во второй оказались люди, которым уже не по силам был тяжелый физический труд. Третья категория должна была заниматься исключительно легкой работой. А в четвертую были отнесены больные дистрофией. Последних «в лагере...держать дальше не было смысла. Мертвый груз, балласт»⁶³¹. Эти люди отправились на родину уже с первой волной репатриации.

Однако далеко не все больные были репатриированы. Гораздо больше больных в тяжелом состоянии поступало в спецгоспитали. Эти специальные медицинские учреждения появились на территории области вместе с первыми лагерями. Так, первым в феврале 1943 года возник спецгоспиталь №1691 в городе Вольске⁶³², в дальнейшем именно он станет центральным, в него будут свозить больных из Саратовской и приграничных областей. Он располагался в здании средней школы №1 и вмещал до 2000 человек. Вот как описывает бывший пленный свое первое впечатление от этого госпиталя: «когда я туда вошел, я расплакался, в первый и в последний раз во взрослом возрасте. Мы прибыли из этой страшной неразберихи в настоящий дом, чистый, с большими комнатами, светлыми окнами, и почти белыми кроватями. Тогда я ревел, а потом провел в этом госпитале 2 хороших года...»⁶³³.

⁶²⁸ Перевод с немецкого. Цит. по: **Букин С.С.** Немецкие военнопленные о жизни в России... С. 260.

⁶²⁹ «Передо мной стояла одна задача – ... выжить» // **Шютц Ганс А.** Указ. соч. С. 100.

⁶³⁰ См.: **Шютц Ганс А.** Указ. соч. С. 101.

⁶³¹ Там же. С. 102.

⁶³² См.: Докладная записка Т.Ф. Филиппова В.В. Чернышову о мероприятиях в связи с необходимостью освобождения школьных зданий... 27 авг. 1948 г. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 329.

⁶³³ См. оригинал на немецком языке: <http://www.gedenktafel-infoportal.de/forum/index.php?topic=3258.0> от 7.02.09

Работа этого и других подобных госпиталей имела некоторые особенности. К примеру, серьезным затруднением в работе стало недоверие пациентов своим врачам, а также языковой барьер. Но «...через некоторое время, когда военнопленные поняли, что их действительно лечат, и никакие жестокие меры и эксперименты их не ожидают, они переменили свое отношение к медработникам»⁶³⁴. С течением времени медицинское обслуживание стало более совершенным и вскоре врачебная помощь заболевшим стала оказываться своевременно. Решение о госпитализации принимал врач, который регулярно приезжал в каждый лагерь и осматривал больных. Еще одним значительным шагом к улучшению медицинского обслуживания стало привлечение для работы врачами самих пленных, обладавших медицинским образованием⁶³⁵. Этот шаг окончательно снимал проблему языкового барьера, к тому же, теперь требовалось меньше персонала для обслуживания лагерей.

О пребывании в госпитале бывшие военнопленные вспоминают чаще всего с благодарностью. Они с теплотой отзываются о своих врачах, с признательностью вспоминают их внимание и заботу. Показательна в этом отношении история, произошедшая с Д. Крамером. В 1947 году он, работая на асфальтовом заводе, серьезно заболел. Положение осложнялось тем, что к этому моменту у него уже была крайняя форма дистрофии. Лагерный врач Александр Глинский настоял на отправке Детлефа в аткарский лазарет для военнопленных. Как выяснили врачи, Крамер страдал от тяжелого двустороннего воспаления легких. При условии, что доступных медикаментов было чрезвычайно мало, а антибиотиков не было вовсе, казалось, что надежды на выздоровление нет. Однако по счастливой случайности, или по просьбе А. Глинского, Детлеф Крамер попал в палату Марии Глинской – жены того самого лагерного врача. Она отличалась особой заботливостью, делала все возможное для выздоровления своих подопечных. Вот что говорит о ней Крамер: «она ухаживала за тяжело больными так, как будто мы были ее сыновьями или родственниками. Она посмотрела на меня по-дружески и сказала, что попытается вылечить меня»⁶³⁶. Нельзя не удивляться способности этой женщины к состраданию. Она видела в этих пленных прежде всего людей, нуждающихся в помощи, а не бывших врагов. При этом она вовсе не позабыла всю боль и страдания, которые принесла война. Но все же, она честно выполняла свой профессиональный долг и долг перед собственной совестью. Только однажды она «...произнесла ту единственную фразу «мой отец был заколот в окопном бою немецким солдатом, а я вот тут с вами, пытаюсь вас вылечить...»⁶³⁷. Стараниями Марии

---

⁶³⁴ Воспоминания Перерезовой Р.В. Цит. по **Маркушина С.В.** Работа эвакогоспиталей и спецгоспиталей в Вольске в 1941–1949 гг. // Саратовский край в Великой Отечественной войне 1941–1945. Саратов, 2005. С. 135.

⁶³⁵ См.: **Безбородова И.В.** Указ. соч. С. 166; **Шютц, Ганс А.** Указ. соч. С. 85.

⁶³⁶ Интервью с Д. Крамером // «Русский плен», фильм Светланы Сорокиной.

⁶³⁷ **Крамер Д.** Указ. соч. С. 37.

Глинской Детлеф Крамер все же выздоровел, примерно через год был выпи-сан из больницы и возвратился в лагерь.

В том же Аткарском госпитале военнопленных музыкант Ханс Мартин написал к празднику католического рождества 1944 года свою «Аткарскую Рождественскую кантату». Идея написать музыку к празднику впервые роди-лась у них со священником-францисканцем Ноткером Кленком еще осенью. Текст и музыку будущей кантаты они украдкой записывали на темных листках упаковочной бумаги. Потом, при содействии врача Хьюго Рюда проводились репетиции с хором. И вот вечером праздничного дня хор, собранный из способных к музыке пленных, исполнил эту кантату в украшенном двумя елями зале⁶³⁸. Произведение имело успех среди слушателей, ведь оно было об Аткарске и жизни пленных в этом городе. В дальнейшем Ханс Мартин стал довольно известным в Германии композитором. Как оказалось, не была забыта и рождественская кантата. Она была исполнена и записана в одном из крупнейших в Европе Вюрбургском доме музыки⁶³⁹. Там же были записаны и песни Ханса Мартина, сочиненные им в плену.

Именно в госпиталях чаще всего завязывались романтические истории. Любовь между пленным и медсестрой не могла иметь продолжения – она уже изначально была запретной. Такие связи грозили обоим влюбленным. В этом отношении показательна история доктора Вальтера⁶⁴⁰ – пленного немца, который работал врачом в Вольском спецгоспитале. Он влюбился в советскую женщину – врача того же госпиталя. Она ответила ему взаимно-стью. Но настоящей эту любовь назвать было трудно, ведь их везде окру-жали коллеги или пациенты. Там не менее, когда об этих отношениях через «народное радио» стало известно руководству лагеря, доктора Вальтера перевели в другой лагерь, в город Саратов.

Госпиталь часто становился для пленных оазисом жизни. Там они были освобождены от тяжелой работы, быт был налажен, санитарные условия поддерживались в норме. Да и кормили в госпиталях гораздо лучше, чем в лагере. Рацион был дополнен целым рядом продуктов. К тому же, порции для больных были несколько больше обычных⁶⁴¹.

Тем не менее, несмотря на все усилия врачей, смертность среди военно-пленных оставалась значительной. Но даже на фоне общих для всего СССР высоких показателей выделялись так называемые «неблагополучные» лаге-ря, смертность в которых была даже выше средней по стране. Одним из та-ких неблагополучных был и Саратовский лагерь № 238. К примеру, за январь

⁶³⁸ Воспоминания Ханса Мартина об этих событиях опубликованы на сайте <http://hans-martin-komponist.blogspot.com/search/label/Atkarsker%20Weihnachtskantate> от 7.02.09.

⁶³⁹ См.: Перепелкин А. В память об Аткарске // Аткарский Уездъ. № 12 (399). 19 марта 2008.

⁶⁴⁰ См. оригинал на немецком языке: <http://www.gedenktafel-infoportal.de/forum/index.php?topic=3258.0> от 7.02.09

⁶⁴¹ См.: Приказ МВД СССР № 0751с // Военнопленные в СССР 1939–1956... С. 427–432.

1945 г. там умерло 130 человек, а за 20 дней февраля – еще 105 человек⁶⁴². При этом на февраль 1945 г. общая численность этого лагеря составляла всего 2397 человек.

Всех военнопленных, умерших в лагерях, хоронили на ведомственных кладбищах. Однако ведомственными они стали не сразу. В самом начале массового приема пленных, в общей неразберихе многие были похоронены в братских могилах, часто без надгробий⁶⁴³. Такое положение дел сохранялось сравнительно недолго. Со временем деятельность ГУПВИ стала более планомерной и упорядоченной. В частности, было найдено решение вопроса о кладбищах – ведомство стало взаимодействовать с городскими властями, добиваясь отвода участков земли для захоронений. По запросу МВД районные исполкомы рассматривали каждый отдельный случай и выносили решение⁶⁴⁴. При рассмотрении дел они руководствовались в первую очередь существующими нормами международного права, но учитывались и объективно сложившиеся обстоятельства. Любое подобное решение должно было в дальнейшем утверждаться городским исполкомом.

Довольно часто ГУПВИ сталкивалось с необходимостью «легализовать» кладбища, уже возникшие рядом с лагерем без согласований с городскими властями. Так в марте 1948 г. райисполком Ленинского района Саратова заслушал доклад лейтенанта Самойлова⁶⁴⁵ о возникновении в черте города кладбища немецких военнопленных. Причем отмечалось, что первые захоронения появились на указанной территории еще в 1945 г., хотя размещение там кладбища не было санкционировано и нарушало генеральную планировку района. К указанному периоду на том кладбище было похоронено свыше 600 военнопленных⁶⁴⁶. Рассмотрение данного дела было продолжено в горисполкоме, который законодательно утвердил сложившееся положение и закрепил за командованием лагеря 0,5 гектара земли.

Согласно данным архива «Центр хранения историко-документальных коллекций», на территории Саратовской области расположено 9 кладбищ военнопленных и интернированных и 1 090 погребенных⁶⁴⁷. 2 из них расположены в черте города Саратова. В последние годы захоронения содержатся в хорошем состоянии, по запросам членов семей пленных ведется поисковая работа для установления места их захоронения.

Несколько особняком от рассмотренной ранее проблематики стоит еще одна интересная тема – тема взаимоотношений пленных и граждан СССР.

---

⁶⁴² См.: Справка о смертности военнопленных от 2 марта 1945г. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 105.

⁶⁴³ О том же см.: Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование. М, 2002. С. 109.

⁶⁴⁴ См., например: ГАСО. Ф. Р-2506. Оп. 2. Д. 15. Л. 99.

⁶⁴⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-2506. Оп. 2. Д. 15. Л. 65 об.

⁶⁴⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-2506. Оп. 2. Д. 15. Л. 66.

⁶⁴⁷ См.: <http://www.d-inter.ru/RG-ACAD/ru/cmtry/military.htm> от 9.10.07.

Рассмотрев в общих чертах историю военного плена на примере Саратовской области, хотелось бы обратить отдельное внимание на случаи помощи пленным со стороны местного населения. Как ни странно это может показаться на первый взгляд, но больше всего добра и понимания пленные получали от обычных русских людей. Именно их вспоминают бывшие военнопленные в своих мемуарах с наибольшей благодарностью. Не стоит думать, что это просто случайность. Конечно, трудно делать глобальные выводы – в каждой конкретной ситуации мотивы поведения у людей были разные. Но эти разрозненные случаи, если их сравнить, оказываются очень похожи: несмотря на тяготы послевоенного времени и боль от утраты близких людей, русские люди находили в себе силы и сострадание, чтобы помогать пленным.

Как отмечает в своей статье С.С. Букин, «в немецкой мемуаристике содержатся многочисленные правдивые рассказы о тяготах жизни в советском тылу, проникновенные свидетельства о голоде в российских городах и селах»⁶⁴⁸. Положение во многих регионах действительно было очень тяжелым: «зимой 1946/47 годах в нашей округе у гражданского населения почти шесть месяцев не было хлеба. Люди питались небольшим количеством картофеля и капусты. Нередко человек подал от голода на улице»⁶⁴⁹. Но даже в такой критической ситуации простые люди делились с пленными тем немногим, что имели сами. Один из бывших военнопленных вспоминает: «на краю улицы расположилась русская крестьянская семья. В стеклянной банке я вижу молоко. Крестьянка как раз разламывает буханку хлеба на ломти. Я не могу сдержаться, подхожу ближе и прошу кусок хлеба. «Нет, – говорит мужчина твердо, но не зло. – У нас самих не так много, и детям нужно молоко». Крестьянка возразила: «Разве ты не видишь, как он голоден, надо ему что-то дать». Она наливает полстакана молока, отламывает небольшой кусок хлеба и протягивает мне»⁶⁵⁰.

Такие эпизоды довольно часто встречаются в мемуарах военнопленных. Разные люди по всей стране, находясь в разных жизненных обстоятельствах, делали одно и то же. Сами пленные удивлялись такому великодушию и даже через много лет с благодарностью вспоминают о тех, кто когда-то им помог. Именно так пишет о русских людях Д. Крамер, ведь именно благодаря их помощи ему удалось выжить в плену. Однажды русская женщина, видя тяжелое состояние пленного, накормила его и спросила, что случилось с его рукой. Детлеф повредил руку во время работы, рану нечем было лечить. К этому моменту рана уже была в ужасном состоянии и причиняла пленному сильную боль. Эта женщина перевязала рану, вложила в повязку пару листьев фикуса, и дала еще несколько листьев на смену⁶⁵¹. Нужно сказать, что Крамеру

⁶⁴⁸ Букин С.С. Указ. соч. С. 260.

⁶⁴⁹ Цит. по: Букин С.С. Указ. соч. С. 260.

⁶⁵⁰ Букин С.С. Указ. соч. С. 261.

⁶⁵¹ См.: Борисова Т. Указ. соч. С. 3.

сильно повезло, чаще пленных просто кормили, но в тех условиях еда была самым желанным и самым дорогим подарком. Типичен эпизод из жизни в плену Ганса Шютца, когда русская женщина, работавшая с ним на стройке, приносила им картофель и немного хлеба⁶⁵². В тот момент эта небольшая помощь могла означать для пленного жизнь.

Что же касается агрессии по отношению к пленным, она была крайне редка. За все время своего плена Крамер столкнулся с ненавистью всего один раз. Только однажды в ответ на просьбу о еде мужчина-инвалид не только не помог юноше, но прогнал «фашиста», швырнув ему вслед полено⁶⁵³. А Ганц Шютц и вовсе не упоминает в своих мемуарах о ненависти местного населения. Возможно эти эпизоды забылись со временем, или о них он решил просто не писать – но в его книге такие случаи не описаны.

Интересно разобраться в причинах такого благожелательного настроения по отношению к вчерашним врагам. Детлеф Крамер, говоря об этом великодушии, объясняет его о своем юным возрастом – ему было всего 19 лет. Но есть еще один важный, на наш взгляд, момент. Пройдя через множество испытаний военного времени, часто потеряв все, что у них было, люди стали по-новому смотреть на мир. Более мудро. Стали верить в судьбу. Ведь кроме как на судьбу им не на что было надеяться. Война, сметавшая целые государства и легко кроившая карту мира по своей воле, была для отдельного человека силой непреодолимой. Он уже не мог, как раньше, верить в собственные возможности, надеяться только на себя. Теперь человеку оставалось уповать только на свою судьбу, на провидение. Только таким настроением можно объяснить слова, которые Крамер часто слышал от русских людей: «Я помогу тебе, может быть, и моему сыну кто-нибудь поможет»⁶⁵⁴.

Не стоит думать, что эти русские позабыли долг перед родиной, или стали лояльнее к фашизму. Просто в пленных видели не врагов-нацистов, а в первую очередь людей, попавших в беду. Людей, которым нужно помочь. Именно эта мысль звучала в словах врача Марии Глинской, приведенных выше: она помнила о погибшем на фронте брата, помнила о национальности своих пациентов, но было все же что-то выше – сострадание, долг перед совестью и профессией – что заставляло прикладывать все усилия, чтобы пленные были здоровы.

Такое отношение русских не могло не оставить глубокий след в душах бывших военнопленных. Как оказалось, такой пример заставил многих немцев переосмыслить свои моральные принципы, задуматься о своем отношении к людям. Так, например, Д. Крамер, ставший профессором, руководителем оркестра, оглядывая прожитые годы, говорит так: «я никогда

---

⁶⁵² См.: Шютц Ганс А. Указ. соч. С. 89.

⁶⁵³ См.: Крамер Д. История одного плена. М, 2002. С. 37.

⁶⁵⁴ Интервью с Д. Крамером // «Русский плен», фильм Светланы Сорокиной.

не смог бы создать свой оркестр, работать с умственно и физически ограниченными людьми, если бы не многолетний опыт. Он показал мне, что сильный должен нести ответственность за слабого. Я глубоко убежден, что благодарность ходит по кругу. Если сегодня кто-то помог мне – советом или спас мне жизнь, то завтра я помогу кому-нибудь другому. А тот, другой, в свою очередь, сделает добро кому-то третьему. Я убедился в этом на своем собственном жизненном опыте»⁶⁵⁵. По сути, тяготы плена вернули этого человека к основополагающей идее христианства – о необходимости творить добро, помогать ближним, и любить их как самих себя. То, что не смогли донести проповедники и воскресная школа – объяснила сама жизнь. Но какую цену пришлось заплатить за это знание!

Сразу после окончания Второй мировой войны возник вопрос о репатриации людей, попавших в плен. Первая волна возвращения на родину бывших немецких военнослужащих приходится на осень 1945 г. Тогда в соответствии с приказом народного комиссара внутренних дел СССР было освобождено 412 000 немецких пленнх рядового и унтер-офицерского состава⁶⁵⁶. В 1946 г мероприятия по освобождению военнопленных были продолжены. На этот раз в число репатриантов попали больные и нетрудоспособные военнопленные⁶⁵⁷. На июль 1946 г. пришлось время действия медкомиссий, отбиравших пленнх для отправки домой. По свидетельству пленного Шютца после медосмотра были освобождены наиболее истощенные пленные, которые к тому моменту уже были непригодны к любым видам труда⁶⁵⁸. Шютц объясняет это явление просто: советскому правительству не имело смысла содержать и лечить этих людей за счет бюджета, не получая при этом никакой отдачи. Интересно, что в приказе отдельно оговаривается необходимость проведения всех мероприятий в строгой тайне, в том числе и от подлежащих освобождению. Тем не менее, как видно из мемуаров, сохранить все в секрете не удалось – и оставшиеся в СССР, и освобожденные понимали истинную цель проводимых мероприятий.

В соответствии с этим приказом из Саратовской области были вывезены 3550 нетрудоспособных военнопленных⁶⁵⁹. Из них 3010 находилось до этого на лечении в спецгоспиталях, а 490 человек содержались в лагерях

---

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ См.: «Об освобождении части военнопленных из лагерей НКВД и спецгоспиталей». 13 авг. 1945. // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940-е-1950-е годы), М., 2001. С. 21–23.

⁶⁵⁷ См.: Приказ министра внутренних дел СССР №00601 // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР... С. 24–28.

⁶⁵⁸ См.: Шютц Ганс А. Указ. соч. С. 101–102.

⁶⁵⁹ См.: Приложение 1 к приказу министра внутренних дел СССР №00601–1946г. // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР... С. 29–32.

для военнопленных. Домой немцев из СССР отправляли тремя очередями, с августа по октябрь 1946-го. Саратовские пленные попали во вторую очередь – транспортировка проходила с 15 августа по 15 сентября. Уже тогда основным приемным пунктом для переправки немцев на родину стал лагерь МВД №69, расположенный во Франкфурте-на-Одере. Именно через этот лагерь будет в дальнейшем осуществляться репатриация немцев. При этом пленным снабжали исправной обувью, обмундированием, а на время пути – питанием и медикаментами.

В 1947 году последовал ряд приказов о репатриации из Советского союза нетрудоспособных военнопленных немцев. В мае этого года было освобождено 100 000 немцев, в число которых входили 2 650 человек из госпиталей и лагерей Саратовской области⁶⁶⁰. Помимо них в число 100 000 были включены пленные, вошедшие в тысячу «лучших отличников производства». Или, как их еще называют в приказе, «передовые антифашисты-производственники»⁶⁶¹. В Саратовской области таких «отличников» нашлось 20 человек⁶⁶².

В октябре данная мера была повторена, и на родину отправились еще 100 000 нетрудоспособных военнопленных немцев. На этот раз из Саратовской области было освобождено 2 100 человек, 900 из которых содержались в лагерях, а 1 200 – в спецгоспиталях⁶⁶³. На родину отправляли в основном серьезно больных, инвалидов, длительно нетрудоспособных из числа рядового, унтер-офицерского состава и офицеров от младшего лейтенанта до капитана включительно. Освобождению не подлежали военнопленные – участники зверств, служившие в частях СС, СА, СД, гестапо, на которых имелись компрометирующие материалы, а так же все военнопленные генералы и старшие офицеры. Не подлежали репатриации так же нетранспортабельные больные.

Отбор пленных с учетом всех критериев завершился 30 октября 1947 года. В том же октябре домой переправили первые из этой партии 15 000 человек со всего Союза. Их путь пролегал через транзитный лагерь органов репатриации №69 во Франкфурте-на-Одере. С ноября цифра репатриантов возросла до 17 000 чел/мес. Освобождаемых обеспечивали

---

⁶⁶⁰ См.: Приказ министра внутренних дел СССР №00535 // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР: Документы и материалы... С. 59–63.

⁶⁶¹ См.: Директива министра внутренних дел СССР №102. Об индивидуальной отправке на родину лучших отличников-производственников военнопленных немцев // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР... С. 69–70.

⁶⁶² См.: Приложение к директиве МВД СССР №102 от 1947 // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 841.

⁶⁶³ См.: Приложение к приказу МВД СССР №001078 о репатриации 100 тыс. нетрудоспособных военнопленных немцев. 15 октября 1947. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 858.

зимним обмундированием, кипятком, пищей а так же возвращали личные вещи и документы⁶⁶⁴.

В результате всех проведенных мер к 1 ноября 1947 г. из советского плена было освобождено 912 877 немцев⁶⁶⁵. В лагерях МВД продолжали содержаться 815 969 человек. Еще 100 000 немецких военнопленных предполагалось репатриировать с ноября 1947 по март 1948 г.⁶⁶⁶.

В том же 1948 г. появился приказ министра внутренних дел о репатриации 300 000 больных и «малоработоспособных» военнопленных немцев⁶⁶⁷. В результате к марту 1948 г. были отобраны для отправки на родину все больные, инвалиды, пленные, годные к легкому труду, и все пленные старше 50 лет⁶⁶⁸.

Тех же, кто остались в лагерях, и не были отправлены на родину сразу, ждала проверка комиссией, которая специально создавалась на местах из глав трех региональных силовых структур. Они рассматривали материалы досье на каждого пленного и на основании этих материалов выносили решение о репатриации или предании суду военного трибунала. Такая комиссия действовала и в Саратовской области – на базе лагеря № 238. По решению комиссий возвращение на родину ждало лишь тех, кто не был причастен к преступной деятельности.

Последняя волна репатриации из Саратовской области приходится на 1948 г. Уже в мае этого года из лагерей и спецгоспиталей МВД были репатриированы 811 человек, в июле – еще 350 человек, в ноябре – 408 пленных из Вольска, и 422 из Саратова⁶⁶⁹. К 1 января 1949 был упразднен последний в Саратовской области лагерь – № 238⁶⁷⁰. С исчезновением этого лагеря система лагерей ГУПВИ на территории области перестала существовать. Закончилась и история плена в Саратовской области.

---

⁶⁶⁴ См.: Приказ МВД СССР № 001078 о репатриации 100 тыс. нетрудоспособных военнопленных немцев. 15 октября 1947. // Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 855–856.

⁶⁶⁵ См.: Заместителю председателя Совета Министров СССР // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР... С. 121–122.

⁶⁶⁶ См.: Там же. С. 122.

⁶⁶⁷ См.: Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР... С. 143–147.

⁶⁶⁸ Интересно заметить, что Игорь Горбунов на основании данных ГАРФА приводит другие цифры. По его данным в 1947 г на родину отправились 247 325 больных и неспособных к работе немцев, в 1948 – еще 337 694 непригодных к труду. Всего же с 1945-го было репатриировано 2 247 368 бывших военнослужащих вермахта, из которых 1 939 063 немца. Подробнее см.: Igor' Gorbunow. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion: Unterbringung und medizinische Versorgung // Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941–1956. Köln; Weimar. 1998.

⁶⁶⁹ См.: Планы репатриации немецких военнопленных из лагерей МВД и спецгоспиталей... // Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР... С. 203, 211, 236, 238.

⁶⁷⁰ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956: Документы и материалы... С. 1029–1037.

Место плена – Чкалов и Чкаловская область

Активное изучение истории военного плена Второй мировой войны приходится на начало 1990-х годов, когда были рассекречены в архивах документы 1941–1956 гг. и исследователи получили к ним доступ. В центральных журналах и сборниках научных конференций появились статьи В.П. Галицкого, В.Б. Конасова, М.Е. Ерина, Н.В. Барановой, В.П. Мотревича, Н.М. Маркдорф, Н.В. Суржиковой, А.С. Смыкалина⁶⁷¹. В них приводятся сведения о численности немецких военнопленных в СССР, в частности на Урале, их составе и быте, условиях содержания и об использовании на работах, о социальных и психологических проблемах среди них. В 2005 г. завершен капитальный труд ученых Волгоградского университета о военнопленных Сталинграда, который вышел в пяти томах под редакцией М.М. Загорулько⁶⁷². На региональном уровне этой темой занимались А.В. Федорова⁶⁷³ и Е.К. Рожкова, автор диссертации «Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.»⁶⁷⁴ и др.

По данным Е.К. Рожковой, на «территории Чкаловской, Челябинской, Башкирской АССР в 1943–50 гг. находилось 9 лагерей, 5 отдельных рабочих

⁶⁷¹ Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. №9; он же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. №4; Конасов В.Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. 1994. №11. Ерин М.Е., Баранова Н.В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история №1995. №6; Мотревич В.П. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. Екатеринбург, 1996. №2; Его же. Захоронения военнопленных Второй мировой войны на территории Оренбургской области // СССР во Второй мировой войне. Третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского. 26–27 марта 2010. Оренбург. 2010. С. 177–183. Н.М. Маркдорф. Особенности региональной политики по сохранению и восстановлению иностранных воинских захоронений Второй мировой войны в Западной Сибири // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы XII междунар. конф. Москва. 18–20 сентября 2008. С. 286–295. Суржикова Н.В. Из истории лагеря №476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-исторические чтения: Материалы региональной научной конференции. Екатеринбург, 1996; Смыкалин А.С. Иностранцы военнопленные на территории Урала в 1942–1956 гг. // Рос. Ист. Журн. Балашов (Саратов. Обл.), 2001. №1

⁶⁷² Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: Документы и материалы: Т.2 // Военнопленные в СССР. 1939–1956 г. : Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2003; Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946–1949. Документы и материалы / Серия: Военнопленные в СССР. 1939–1956 г.: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2006.

⁶⁷³ Федорова А.В. Иностранцы на Южном Урале в годы Второй мировой войны и отношение к ним местного населения // История Оренбургского края: события, судьбы, реальность: сб. науч. тр. Оренбург, 1994.

⁶⁷⁴ Рожкова Е.К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.

батальонов и 9 спецгоспиталей для военнопленных, через которые прошло свыше 100 тысяч вражеских солдат и офицеров»⁶⁷⁵. Автор перечисляет промышленные объекты, где они работали: завод №47 Министерства авиационной промышленности СССР; Паровозо-ремонтный завод Министерства путей сообщения; трест Южноуральского станкостроения Министерства станкостроения СССР; завод №404 Министерства нефтяной промышленности СССР; тресты «Бугурусланнефть» и «Куйбышевнефтьстрой»; электростанция «Красный Маяк» Министерства электропромышленности; заводы «Автозапчасть» Министерства автомобильной промышленности и др.⁶⁷⁶. Число немцев-военнопленных по тыловому лагерю №369, имевшего 8 отделений в г. Чкалове, быстро возросло после окончания войны – 1556 чел. в 1945 г., 2015 чел. в 1946 г., а затем уменьшалось в связи с возвращением в Германию, так в 1947 г. их число сократилось до 1675 чел.⁶⁷⁷. По профессиональному признаку они представляли пеструю картину. Это были разнообразные квалифицированные специалисты отраслей народного хозяйства, медицинский персонал, промышленные и простые рабочие, строительные и дорожно-строительные рабочие, автоспециалисты⁶⁷⁸.

В 1945–1946 гг. труд военнопленных лагеря №369 ударно и интенсивно использовался в первую очередь на заводах ЮУСС МС, ПРЗ МПС, трест «Куйбышевнефть», ХОЗО УМВД – УМГД, трест «Бугурусланнефть», №47 МАП, в 1947 – на заводах ЮУСС МС, ХОЗО УМВД – УМГБ, заводе №404 МНП⁶⁷⁹. Все военнопленные по состоянию здоровья были разделены на 5 трудовых групп, последняя состояла из ограниченно годных к работе и инвалидов.

Лагерь №369 имел захоронения умерших в городах Чкалове, Акбулаке, Орске, Новотроицке, в поселках Кимперсай и Ракитянка. В начале 1957 г. по подсчетам Е.К. Рожковой в области имелось 18 кладбищ, вмещающих 5978 чел., похороненных как в индивидуальных, так и в братских могилах⁶⁸⁰.

Целью публикации является использование документов отдельных граждан Германии, полученных ими из РГВИА (Россия, Москва), которые по велению сердца приезжали в Оренбург на место плена родных для исполнения последнего долга перед отцами, умершими в плену, и воспоминания бывшего военнопленного Германии, ныне пенсионера Карла Брандштеттера.

Для военнопленных больных дистрофией различной тяжести, воспалением легких, дизентерией работал спецгоспиталь №3926 на 600 коек в рабочем поселке Акбулак, при котором дополнительно проводилось грязелечение и работали зубоврачебные кабинеты, проходили вакцинации против

---

⁶⁷⁵ Там же. С. 4.

⁶⁷⁶ Там же. С 134–135.

⁶⁷⁷ Там же. Таблица П8. С. 200.

⁶⁷⁸ Там же. Таблица П7. С. 198–199.

⁶⁷⁹ Там же. Таблица П9. С. 200.

⁶⁸⁰ Там же. С. 108.

желудочно-кишечных инфекций и сыпного тифа, существовало 6 столов лечебного питания. Из-за нехватки собственного медицинского персонала были привлечены квалифицированные врачи из числа военнопленных. Этот спецгоспиталь размещался в здании средней школы на первом этаже, при нем имелась только вооруженная охрана, смотровые вышки и колючая проволока отсутствовали. На окраине поселка находилось кладбище, где было захоронено 901 человек: немцы, итальянцы, румыны⁶⁸¹.

После визита в Оренбург в мае 2005 г. г-на К. Брандштеттера, в феврале 2006 г. пришла просьба из местечка Зеефетал под Гамбургом от супружеской пары Карла-Петера и Герды Шультоф (им обоим за 65 лет) сообщить о состоянии захоронения отца Герды Мартина Пиеля в Акбулаке. Мартин Пиель, унтерофицер, родился 9 октября 1917 г. в местечке Фридрихсруе в земле Мекленбург, умер 14 марта 1945 г. в госпитале 3926, 10 захоронение. Дочь Герда Шультоф, урожденная Пиель, имела желание приехать в Акбулак, но, видимо, в «Воспоминаниях» К. Брандштеттера нашла ответы на интересующие ее вопросы. Кладбище немецких военнопленных не сохранилось до наших дней, в 2005 г. там прокладывалась шоссейная дорога, которая пересекала железнодорожные пути сообщения Оренбург – города Средней Азии.

Исследования по изучению проблем плена продолжаются спустя 65 лет после окончания войны. Для ряда ученых – историков, социологов, психологов – особый интерес представляют мемуары бывших немецких военнопленных, которые «как бы взглядом изнутри» давали близкие к реальности картины быта и образа жизни, личных взаимоотношений и переживаний. Воспоминания пленных имеют большое значение для историографии того или иного региона, где размещались лагеря. Они оставили описания населенных пунктов и промышленных объектов, которые строили в конце 40-х – начале 50-х годов, впечатления о местном населении и об отношении к пленным.

Карл Брандштеттер после приезда в Оренбург (Чкалов в годы войны) и встреч с жителями Оренбурга и Акбулака, выпустил небольшую книгу воспоминаний о переживаниях, которые выпали тогда на долю 16-летнего подростка, взятого в плен 9 мая 1945 г. под Прагой. Название мемуаров очень символично – «От Инна до Урала»⁶⁸². В декабре 2009 г. мемуары вышли в переводе на русский язык в издательстве Оренбургского педагогического университета. Они уникальны тем, что написаны единственным человеком из сотни тысяч военнопленных, находившихся в Чкаловской области. В них правдиво рассказано о первых днях плена и долгой дороге в лесную глушь Свердловской области, о применении физического труда пленных в г. Чкалове на промышленных объектах и трудовой дисциплине внутри лагеря,

---

⁶⁸¹ Там же. С. 112.

⁶⁸² Brandstetter Karl. Vom Inn zum Ural. Liliom Verlag, 2007.

взаимоотношениях между пленными, о возвращении на родину и о начале мирной жизни после плена. Автору «Воспоминаний» исполнилось в декабре 2010 г. 82 года.

В конце 1945 г. на Среднем Урале было множество лагерей для военнопленных – в Перми, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Асбесте, Красноуральске, Карпинске и др. Только в Свердловской области к началу 1947 г. насчитывалось 12 лагерей. Там располагались обычные лагеря и спецлагеря для особых заключенных, входивших в узкий круг А. Гитлера⁶⁸³. Из обычного лагеря в мае 1946 г. больного и ослабевшего юношу, весившего 44 кг, отправили на лечение в Чкаловскую область в раб пос. Акбулак. Для 16-летнего юноши все было чужим – суровый климат Урала, непривычная одежда (фуфайка или телогрейка), обувь (вначале лапти, потом валенки), вид барачков, азиатский тип жителей в Акбулаке.

В «Воспоминаниях» четко выписаны социально-психологические аспекты поведения пленных и самого Карла: боязнь плена, страх за жизнь, мысли о доме, тяжелая психологическая атмосфера в коллективе военнопленных и лагерная структура со своими законами. Он не знал о судьбе родных до осени 1946 г., вести переписку разрешили только с сентября, когда он, находясь уже в Чкалове, отправил домой первую крохотную почтовую карточку. Переписка шла через Красный Крест и проходила цензуру, писать можно было с интервалом в два месяца. Мостом общения с семьей служило звездное небо и мысленный диалог с родными в душные летние ночи. В годы юности его психику так сильно потряс плен, что в 2006–07 гг. при работе над «Воспоминаниями» автора вновь захлестнули прежние чувства и уложили на больничную койку с инсультом. Какая глубоко выстрадавшая и прочувствованная любовь к родным местам звучит в мемуарах! Вот характерный отрывок: «Как часто я вспоминал холмы, между которыми протекала река Инн, как часто я мысленно любовался ими из родительского дома, смотрел на просторы р. Инн от местечка Винхеринга до гнездовья галок на деревьях в соседнем городке Марктле на р. Инне. Когда мне удастся вновь увидеть эту картину? Когда же кончится тягостная неизвестность? Это заточение?! Такие мысли и другие подобные крутились в моей голове вновь и вновь»⁶⁸⁴. Незадолго до конца плена Карл совершил необдуманный поступок, пытался украсть часть сбруи от лошади и сделать из нее ремень для телогрейки. Его обнаружил охранник и доложил русскому начальнику. За кражу и саботаж военнопленным грозил суд и десять лет заключения. Юноша находился в шоке, он видел единственный выход – самоубийство. «Остаться еще раз на длительный срок среди заключенных, – пишет он, – я бы не перенес».

⁶⁸³ Мотревич В.П. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. Екатеринбург, 1996.

⁶⁸⁴ Брандштеттер К. От Инна до Урала; Военнопленный в 16 лет. Четыре года в России. Перевод О.Я. Бахаревой. Оренбург, 2009. С. 72.

Тошнотворное чувство страха проявилось в 1975 г. в аэропорту Москвы во время первой производственной поездки на Украину. Его породили до-смотр багажа и контроль документов при регистрации на посадку в самолет. Забытый страх мгновенно парализовал психику, возникла мысль, что «в последний момент заставят выйти из самолета». Его сын Герхард в 2010 г. писал – «Какой духовный груз несет отец в себе до сих пор? Груз, который постоянно давит на его жизнь? Травмы, полученные от жизненных ситуаций, вызывают у моего отца особую ответную реакцию, которую многие сослуживцы не понимают, не могут их представить или тем более смоделировать, вследствие чего, между ним и людьми возникают разные недомолвки и даже веские разногласия. Груз, укравший часть его беззаботных и радостных лет, установил в нем определенный фильтр восприятия жизни, который довлеет над его многими эмоциями. Кто-то спрашивал его об этом? или, предлагал свою помощь? С моей точки зрения я могу лишь сказать, счастье, что он вернулся домой здоровым, имел возможность вести относительно нормальную жизнь, многое пережил и добился много позитивного на своем жизненном пути»⁶⁸⁵.

В лагерях имелось два начальника – русский и немецкий, последний назначал бригадиров для рабочих команд, которые руководили работой подчиненных, отвечали за дисциплину и выполнение задания. Если ими оказывались баварцы, то те более снисходительно и дружелюбнее относились к Карлу, как к земляку и самому молодому из пленных. Так было на строительстве драмтеатра, на самолетостроительном заводе и в конце плена. Однако в мемуарах описаны не только дружественные отношения, но и превышение власти немецких начальников и бригадиров, которые были такими же пленными по отношению к своим соотечественникам, но получившими кусочек власти над товарищами. Бывшие подчиненные сводили с ними счеты за нанесенные побои и обиды в лагерях, когда разъезжались по родной земле весной 1949 г., разделенной на четыре оккупационных зоны: советскую, английскую, французскую и американскую.

Проблема трудовых ресурсов в послевоенные годы была одной из наиболее острых в экономике Советского Союза. Человеческие потери по последним данным составили 26,6 млн. человек. Дешевая рабочая сила после войны была в дефиците, ее компенсировали за счет заключенных ГУЛАГа, спецпереселенцев и военнопленных. Значительное место в мемуарах занимает описание труда пленных немцев на промышленных объектах Чкалова. На строительстве драмтеатра Карл был разнорабочим, убирал картофель в колхозе, в сталелитейном цехе эвакуированного завода им.

---

⁶⁸⁵ Брандштеттер Г. Мысли сына бывшего советского военнопленного // Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-й год. Победы в Великой Отечественной войне, 20 апреля 2010 г. Перевод О.Я. Бахаревой. Оренбург, 2010. С. 80.

Кирова (Министерство сельхозмашиностроения) смешивал формовочный песок, работал на токарном станке. На заводе сверл строил цеха под новые станки или расчищал железнодорожные пути от снежных заносов, где приходилось без обогрева находиться по 8 часов в морозные дни. На заводе «Автозапчасть» (Министерство автомобильной промышленности) военнопленным поручали выполнять подсобные работы в литейном цеху и проверять тракторные радиаторы на герметичность. Они работали с паяльной кислотой и радиаторами, чьи острые края пестрели заусенцами, поэтому по технике безопасности выдавались защитные рукавицы и резиновые фартуки. На современном производственном объединении «Стрела» или прежнем машиностроительном заводе, который был известен как завод №47, немцы работали в мастерских, котельных, разгружали вагоны с углем, отвозили шлак из печей в отвалы и выполняли прочую неквалифицированную работу. На пищевом комбинате, где из говяжьего и свиного мяса изготавливали колбасы, также требовались мужские руки. Заготовленные ими ледяные глыбы на р. Урал шли в холодильники комбината и на украшение новогодней елки в центре города. Военнопленные строили жилые дома, восстанавливали снесенные паводком мосты.

В среде пленных было много людей ремесленных профессий, пользовавшихся повышенным спросом. Из подручного металла умельцы изготавливали латунные кольца, ножи, табакерки. Они продавали эти вещицы на местном рынке и на вырученные деньги покупали хлеб, т.к. нормы питания оставались недостаточными при тяжелом физическом труде. Продовольственное обеспечение военнопленных в СССР не отличалось стабильными нормами. «Практически до 1948 г., – пишет С.Г. Сидоров из Волгограда, – руководство НКВД-МВД СССР вносило изменения в нормы питания», которых было четыре на август 1941 г.⁶⁸⁶ Они были приближены к нормам питания заключенных в СССР, но фактически оставались низкокалорийными для выполнения тяжелой работы. Ухудшение наблюдалось из-за недостатка продуктов питания в стране и неурожая в 1946 г, постоянно велась борьба с хищениями, растратами и злоупотреблениями. Карл подтверждает, «что русские тщательно придерживались международного права по обращению с военнопленными» и не применяли физической расправы. В случаях нарушения режима лагеря или труда, мерой наказания служил карцер, тяжелая работа, урезанное питание, но выбор наказания обговаривался двумя начальниками лагеря – русским и немецким.

Несмотря на тяжелейшие лишения в кровопролитной войне, советские люди не потеряли человеческий облик и здравый разум. Женщины, взвалившие на свои плечи мужскую работу в тылу, испытывали сильнейшую

⁶⁸⁶ Интернет ресурсы. File:// D:\ Восточный фронт – питание немецких военнопленных в СССР. htm Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР// Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия. Вып. 1. 1996.

психическую нагрузку. Вид военнопленного вызывал у них мрачные мысли о муже или отце, брате или женихе, который мог оказаться в подобной ситуации. Наши женщины любой национальности относились с пониманием и состраданием к военнопленным враждебной страны. Автор с благодарностью пишет о женщинах Чкалова, Акбулака и Ленинграда, которые его понимали, видели в нем человека, проявляли жалость, делились хлебом, едой и кипятком или «чаем без заварки». Он благодарен тем, кто покупал у его товарищей по плену бытовую мелочевку, давая шанс на покупку хлеба, на выживание. Мысли и слова, идущие от сердца, нашли выражение благодарности в обращении к жителям Оренбурга–Чкалова в 2005 г. и в «Воспоминаниях».

На исходе дня 12 апреля 1949 г. Карл прибыл в родной город Нойэттинг, началась нормальная жизнь. В 2007 г. после выхода воспоминаний из печати, они разошлись по Баварии и другим землям Германии, прозвучали в авторском чтении по местному радио, нашли живой отклик в прессе и у оставшихся товарищей по плену, прошли встречи с учащимися гимназии «Koenig Karlmann Gymnasium» в Альэттинге, которые писали сочинения на военную тему.

Оренбург в мае 2006 г. посетила группа родственников Герстенберг – родные братья и сестры с семьями, старший внук из Берлина, который вел поисковую работу. Четверо детей в возрасте за 60 лет, выполнили последний наказ матери перед смертью и отыскали место плена родного отца, где он скончался осенью 1945 г. В Германию дети и внук Йорг Ланге увезли пригоршню оренбургской земли и в металлическом стакане поставили на могиле матери, захороненной на о. Узедом. На металлической плите, прикрепленной под ним, указали даты рождения и смерти отца. Они оставили в распоряжение сведения о пленении отца, которые получили из РГВИА г. Москвы. Герман Герстенберг, унтерофицер из мотопехоты, родился 19 июля 1910 г. в местечке Солдин, округ Ноймарк, после 1945 г. эта территория отошла к Польше. При отступлении под Бреслау (ныне Вроцлав) 6 мая 1945 г. взят в плен, 7 июля того же года поступил в лагерь №369 Чкалова под номером 34, умер рано утром 15 сентября 1945 г., захоронен на кладбище для военнопленных по Шарлыкскому шоссе. Большое участие во встрече гостей – отца и сына Брандштеттер (2005 г.) и детей И. Герстенберга (2006 г.) – принадлежит проф. А.В. Федоровой, заведующей кафедрой истории отечества Аграрного университета Оренбурга. По ее инициативе были привлечены журналисты областных газет, радио и телевидения, прошел «Круглый стол» и конференция по вопросам плена, состоялись экскурсии по памятным местам Оренбурга и выезды в Акбулак, Соль-Илецк, встречи и проводы гостей, на автора статьи выпала вся предварительная переписка по электронной почте и роль переводчика.

Братья Вепперт из Вюрцбурга осенью 2006 г. предоставили в распоряжение документы из Москвы, пытаясь обнаружить след своего родного брата,

место смерти которого не установлено. Их брат Георг Август Вепперт родился 23 марта 1924 г. в Вюрцбурге в семье неимущего кузнеца. До войны получил профессию автомеханика, служил матросом 4-й подводной флотилии с 1 декабря 1940 г., беспартийный, ефрейтор, взят в плен 12 июля 1944 г. под г. Минском.

Находясь на службе в вермахте и несмотря на строжайший запрет общения с военнопленными из СССР, он передавал куски хлеба в лагерь военнопленных красноармейцев на территории Германии, за что был арестован, направлен в штрафной батальон фашистского вермахта и дальше на строительство шоссейных дорог на Восточном фронте. Оказавшись в советском плену в лагере №М-252, Георг Август Вепперт вместе с товарищами Эмилом Фридрихом Тицом (Восточная Пруссия), Бернгардом Игнацем Вайманом (округ Баден), Вальтером Генрихом Раймаром (Шлезвиг-Голштиния), Максом Августом Каалем (Шлезвиг-Голштиния), Гансом Карлом Шмидтом (Мерац, округ Кемниц), Адольфом Йозефом Фричем (дер. Нойкирхен, Судетская область) похитили с пищевого склада три мешка пшеничной муки весом по 51 кг и в тайне от других готовили для себя дополнительную еду. Это произошло в первой половине января 1945 г. Военный трибунал рассмотрел дело, установил степень вины каждого осужденного и приговорил к лишению свободы сроком на два года. Под усиленным конвоем военнопленный Георг Вепперт был доставлен в тюрьму №1 Брянска. Оттуда его перевели в Орский лагерь военнопленных №260 Чкаловской области в мае 1945 г. В личном деле Георга Августа Вепперта есть отметка в протоколе о прохождении личного обыска, произведенного в тюрьме НКВД Чкалова 17 мая 1945 г. В Орский лагерь №260, отделение 4, он прибыл 20 июня 1945 г. и там должен был находиться до 19 февраля 1947 г. Дело закончилось следующей записью «8 марта 1946 г. убыл в тюрьму Брянска. Ст. инсп. учета А. Усинская». Дальше следы этого военнопленного исчезли, на родину в Вюрцбург он не вернулся. Из архива тюрьмы №1 Брянска документы о военнопленном Г.А. Вепперте по истечению срока хранения были переданы в РГВА. Можно строить разные гипотезы об исчезновении заключенного по железной дороге в Брянск, но ясно одно, что человек пропал без вести.

В небытие уходит поколение людей военных лет и уносит с собой воспоминания о пережитом, которые для современных исследователей и для нового поколения представляют особую ценность, чтобы никогда не повторить ошибок прошлого.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Л.Н. Шумилова (Энгельс)

Трансформация социального статуса и гражданской идентичности партийно-советских руководителей бывшей Республики немцев Поволжья в годы Великой Отечественной войны

Жестокая война и тяжелые поражения Красной армии рассеивали предвоенные иллюзии, в сознании И. Сталина и его окружения зрела германофобия, а вместе с ней, как и в середине 1930-х гг., – подозрительность и неприязнь к советским немцам. Ее проявлением, своеобразной перестраховкой стала депортация немецкого населения европейской части СССР на Восток и ликвидация Республики немцев Поволжья. При этом в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. поволжских немцев открыто и совершенно безосновательно обвинили в пособничестве германскому нацизму, в укрывательстве десятков тысяч шпионов и диверсантов⁶⁸⁷.

Указ носил характер идеологического прикрытия решения о депортации. Механизм же переселения немцев из Поволжья был тщательно прописан в Постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. и в прилагавшейся к нему специальной инструкции⁶⁸⁸. В обоих документах недвусмысленно указывалось, что переселению подлежат все без исключения немцы, проживающие в отмеченном регионе. Это решение наносило удар по немецкой политической элите. Фактически своими документами высшее партийное и государственное руководство страны ликвидировало ее.

По распоряжению прибывшего в Саратов и Энгельс для руководства операцией по депортации заместителя Наркома внутренних дел И. Серова (получившего личное указание Л. Берии) республиканские газеты «Нахрихтен» и «Большевик» опубликовали Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» 30 августа, и сразу же глубокий разлом отчуждения пролегал между немцами и другими народами АССР немцев Поволжья.

---

⁶⁸⁷ См.: «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 28 августа 1941 г. // История российских немцев в документах. М., 1993. С. 159–160.

⁶⁸⁸ См.: «О переселении немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»: Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б). 26 августа 1941 г. // Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 229–232; Инструкция по переселению немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях // Там же. С. 233–236.

Если судить по донесению первого секретаря обкома партии АССР НП С. Малова, то «подавляющее большинство трудящихся русской и других (кроме немецкой) национальностей встретили Указ с большим одобрением, рассматривая его как одну из серьезных мер по укреплению тыла в таком важном районе, каким является район реки Волги... Одобрять это мероприятие партии и Советского правительства, некоторые слои трудящихся русской и других (кроме немецкой) национальностей высказывают опасение за то, удастся ли сохранить все богатство немецких колхозов и собрать весь урожай». Что касается немцев, то у них, по словам С. Малова, «опубликование Указа вызвало враждебное отношение, всячески подогреваемое контрреволюционными и профашистскими элементами. Высказывания по поводу указа со стороны немцев сводятся, главным образом, к попыткам опровергнуть утверждение о том, что немецкое население скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти»⁶⁸⁹.

Представляется, что после опубликования Указа неприязненное и даже открыто враждебное отношение к немцам Поволжья со стороны определенной заидеологизированной части окружавшего немемецкого населения вполне могло иметь место, но появилось оно в результате намеренных провокационных действий центра, одним махом оклеветавшего сотни тысяч людей лишь за то, что их с Германией связывали исторические корни и язык. Наш вывод подтверждается тем фактом, что всего лишь несколькими неделями раньше точно в таком же донесении в ЦК ВКП(б) С. Малов писал: Политические настроения трудящихся республики немцев Поволжья здоровое. Рабочие, колхозники и интеллигенция, перестраивая работу на военный лад, стремятся все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Об этом свидетельствует с каждым днем все возрастающий масштаб патриотических действий, проявляемых в различных областях деятельности. В промышленных предприятиях, на социалистических полях с каждым днем множатся ряды стахановцев»⁶⁹⁰.

С опубликованием 30 августа Указа Президиума Верховного Совета СССР о переселении поволжских немцев резко изменилась и официальная политика в отношении немецкой политической элиты. Все руководящие работники немецкой национальности практически на следующий день после опубликования Указа о переселении в местных газетах, то есть с 31 августа, были негласно отстранены от исполнения своих служебных обязанностей. В одно мгновение рухнули все чаяния и надежды, все честолюбивые замыслы и карьерные устремления функционеров из числа поволжских немцев. Их поставили в один ряд со всем немецким населением региона.

---

⁶⁸⁹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 5–7.

⁶⁹⁰ Там же. Л. 32.

Некоторые немцы-руководители сами демонстративно-добровольно отказались от своих постов. В частности, И. Серов в донесении от 30 августа проинформировал Л. Берию, что в тот же день, сразу после выхода газет с текстом указа, к первому секретарю обкома ВКП(б) Немреспублики С. Малову явился председатель Совнаркома АССР НП А. Гекман и сказал: «Указ прочел, считаю его правильным, так как в нашей среде много подлецов. Я ожидал этого и чувствовал, что дальше так работать трудно...»⁶⁹¹ (выделено нами. – Л. Ш).

В целом высказывание звучит верноподданнически, однако в нем явно чувствуется горечь уязвленного самолюбия, а подчеркнутая фраза выглядит весьма двусмысленной. Действительно, с первых дней войны функционеры-немцы жили в тревожном ожидании каких-нибудь репрессивных мер высшего руководства страны. Об этом в частности вспоминал Д.И. Унгефуг, бывший председатель Гмелинского кантисполкома. Как пишет далее И. Серов, А. Гекман «поставил вопрос о своем освобождении, так как его дальнейшие распоряжения не будут авторитетными. Просьба его была удовлетворена. Аналогичные примеры повторялись и с другими ответственными работниками республики немцев»⁶⁹².

Официально же, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., все должностные лица немецкой национальности были освобождены от исполнения своих обязанностей 5 сентября постановлением бюро обкома ВКП(б), среди них – тот же А. Гекман, а также К. Гофман – председатель Президиума Верховного Совета АССР НП, Г. Корбмахер – 3-й секретарь Немобкома и другие⁶⁹³.

Говоря о руководителях Немреспублики – немцах, следует отметить, что для них в нравственном плане пережить происшедшее падение с вершин власти вниз оказалось делом непростым, не все смогли его достойно перенести. У некоторых, очевидно, проявилась их внутренняя, ранее тщательно скрывавшаяся сущность, а может быть, их дальнейшие поступки определяла просто обида. В частности, 16 сентября 1941 г. решением бюро Энгельсского горкома ВКП(б), теперь уже Саратовской области, были заочно (после выселения) исключены из рядов ВКП(б) А. Гекман и Г. Корбмахер за действия, «имеющие характер антисоветской демонстрации, направленные на дискредитацию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа...»⁶⁹⁴.

Как явствует из документа, «Гекман организовал демонстративную распродажу домашних вещей, в том числе и незначительных по ценности, выехав для этой цели на рынок на машине, принадлежащей Совнаркому.

⁶⁹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 398–399.

⁶⁹⁴ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 277.

Распродажа вещей производилась также и во дворе квартиры, для чего на воротах было вывешено объявление...». Что касается Корбмахера, то он, помимо распродажи вещей, «занимаясь спекулятивными махинациями, присвоением государственных средств и имущества... продал госпиталю дрова, закупленные им по государственным ценам, «заработал» при этом около 300 рублей, оформив продажу выдачей фиктивного счета. В июне 1941 года Корбмахером было получено взаимнообразно из фонда председателя Президиума Верховного Совета АССР НП 1 000 рублей, которые им не были погашены. Не погашена им и задолженность столовой в сумме 320 рублей. Кроме этого Корбмахером присвоено находившееся у него во временном пользовании имущество, принадлежащее Совнаркому»⁶⁹⁵.

После отстранения от должности партийных, советских и хозяйственных работников немецкой национальности, они потеряли все свои привилегии, с ними обращались точно также как и со всеми поволжскими немцами. Бывшая национальная политическая элита поволжских немцев ехала на общих основаниях в одних вагонах с рядовыми гражданами. К примеру, среди пассажира первого эшелона, отправившегося со станции Гмелинская 3 сентября (эшелон №822), находился уже упоминавшийся нами Д. Унгефуг. Всего же из Гмелинского кантона немцы были вывезены в 5 эшелонах, причем последний эшелон из Гмелинки ушел 8 сентября⁶⁹⁶. Казалось бы, кому, как не председателю кантисполкома с его опытом работы и знанием обстановки, организовывать и проводить все мероприятия по передаче имущества колхозов, передвижению и погрузке. Однако в его услугах уже не нуждались. Аналогичная ситуация складывалась по всей Немреспублике.

Интересно, что у бывших руководящих работников АССР немцев Поволжья всех рангов, как только они разделили участь соплеменников, очень быстро стали выветриваться их идеологические убеждения и вера в правильность политики сталинского режима. Очень многие представители политической элиты в годы войны проходили по сводкам НКВД как допуская антисоветские высказывания и действия⁶⁹⁷.

Например, бывший депутат Верховного Совета АССР немцев Поволжья, член партии Гоппе «допустил резкие контрреволюционные выпады по адресу руководителей партии и правительства». Бывший сотрудник НКВД К. Меркер и бывший член Главсуда Д. Горн в своем разговоре, вспоминая историю Немреспублики, пришли к выводу, что «повстанцы 1921 года были не бандиты, а национальные герои»⁶⁹⁸. Бывший Председатель Верховного Совета АССР НП К. Гофман уже в местах депортации в узком кругу заявлял,

---

⁶⁹⁵ Там же. Л. 277–278.

⁶⁹⁶ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. Саратов, 1994. С. 298.

⁶⁹⁷ См.: Там же. С. 315.

⁶⁹⁸ См.: Там же. С. 316–317.

что Сталин «сделал глупость», ликвидировав Немреспублику и переселив поволжских немцев⁶⁹⁹.

Как видим, у активных в прошлом сторонников Коммунистической партии и советской власти наступало прозрение. Для этого, правда, самим им пришлось сначала из вершителей судеб людей стать жертвами того самого режима, на страже которого они стояли многие годы.

В дальнейшем почти вся бывшая политическая элита Республики немцев Поволжья вместе с рядовыми гражданами немецкой национальности была мобилизована в трудовую армию⁷⁰⁰, где провела 1942–1946 гг., работая в тяжелейших лагерных условиях.

Сконцентрированные в лагерях, после нескольких месяцев разобщенного проживания в местах депортации, бывшие руководящие работники АССР НП вновь встречались друг с другом и при этом, конечно, не могли не обсуждать того положения, в котором оказались. Нередко эмоции прорывались наружу, не все могли сдержать обиду. Так, например, попав в Бакаллаг НКВД, бывший первый секретарь Красноярского кантком ВКП(б) Я. Миллер открыто возмущался: «Я не понимаю, как советская власть могла допустить такое варварское отношение к нам – немцам. Я коммунист, а попал в заключение»⁷⁰¹. Похожих высказываний в те месяцы фиксировалось органами НКВД немало.

По воспоминаниям Д.И. Унгефуга, оказавшегося в Богословлаге, не все бывшие функционеры Республики немцев Поволжья смогли быстро понять, что они теперь простая «лагерная пыль». Немало их, особенно те, кто оставался депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР, имел высокие правительственные награды, продолжало кичиться своим былым положением, напоминало о нем своим охранникам и лагерному начальству. Все это вызывало раздражение последних и наводило на искушение взять этих «крикунов» в оборот.

В целом ряде директив особое внимание чекистов обращалось на то, что «активную вражескую работу в немецких рабочих колоннах» ведут не только беспартийные, но и некоторые члены ВКП(б) и даже бывшие руководящие партийные и советские работники из числа немцев. Так, в Ивдельском лагере бывший второй секретарь кантком партии Шмидт «систематически высказывал повстанческие и террористические намерения». В том же лагере бывший кантональный прокурор Рейсих, член ВКП(б), «призывал немцев к организованному выступлению против советской власти»⁷⁰². В Соликамлаге член ВКП(б) Вебер «среди беспартийных

⁶⁹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 61. Л. 6.

⁷⁰⁰ Подробнее см.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998.

⁷⁰¹ Цит. по: Кригер В. Патриоты или предатели? // Родина. 2002. №10. С. 95.

⁷⁰² См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». С. 144–145.

немцев систематически высказывал пораженческие и террористические намерения»⁷⁰³.

Всех недовольных брали на учет с последующим арестом, судом и направлением в лагеря НКВД уже в качестве заключенных. По подсчетам А.А. Германа и А.Н. Курочкина, только в 1942 г. было арестовано свыше 10,5 тыс. трудармейцев⁷⁰⁴.

В такой обстановке для лагерных чекистов открывалось широкое поле деятельности в «выявлении и разоблачении тайных антисоветских организаций». Помня о тех обвинениях в адрес советских немцев, которые содержались в Указе Президиума Верховного совета СССР от 28 августа 1941 г. они резонно считали, что чем больше в таких «тайных организациях» окажется бывших руководителей из Республики немцев Поволжья, тем убедительнее будут выглядеть сфабрикованные дела.

В дальнейшем практически все бывшие партийно-советские функционеры АССР немцев Поволжья республиканского и кантонального звеньев оказались в центре громких сфабрикованных дел и были репрессированы. Часть из них была расстреляна, часть оказалась в лагерях, но уже в качестве заключенных, часть умерла от голода, истощения, болезней, не выдержав непосильного труда⁷⁰⁵.

Находившийся в Богословлаге Д. Унгефуг чудом избежал участи своих более именитых коллег, однако в 1946 г. уже после ликвидации трудармии, был исключен из ВКП(б) за попытку отправить свою семью (жену и 6 детей, в том числе одного только что родившегося) к родственникам в Киргизию, спасая их от разразившегося на Урале голода. Заработав в лагере открытую форму туберкулеза легких и став инвалидом, Д.И. Унгефуг в мучениях прожил до 1960 г. и умер, пережив всего на несколько дней свое 60-летие⁷⁰⁶.

После отбытия срока Ф. Фрицлер, бывший нарком финансов АССР НП, работал плотником в школе села Каскелен Алма-Атинской области, Г. Корбмахер – механизатором в одном из колхозов. О других бывших функционерах АССР НП, переживших ужасы лагерей, к сожалению, нам ничего не известно.

Репрессированные деятели Республики немцев Поволжья, о которых говорилось в настоящем докладе, были полностью реабилитированы (большинство посмертно) в 1959 году. Однако это не позволило тем, кто еще был жив, хоть как-то изменить свой послевоенный социальный статус.

---

⁷⁰³ См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а Д. 112. Л. 57.

⁷⁰⁴ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». С. 145.

⁷⁰⁵ Подробнее см.: Кригер В. Несостоявшийся процесс // Восточный экспресс. 2000. № 17.

⁷⁰⁶ См.: Воспоминания детей Д.И. Унгефуга, записанные автором.

Влияние Великой Отечественной войны на гражданскую идентификацию российских немцев и историческую память потомков

Проблема гражданской идентификации и исторической памяти российских немцев является чрезвычайно важной в условиях современного полиэтнического, интегрирующегося общества и актуальных глобализационных процессов. Изучение феномена самоидентификации на фоне влияния, оказанного Великой Отечественной войной, открывает реальные возможности перед менеджерами государственной национальной политики в плане перспективного прогнозирования этнических миграционных настроений.

Соприкосновение опыта разных поколений всегда вызывает определенный резонанс. Историческая межпоколенная связь – это сложное и неоднозначное явление. Она необходима для нормального функционирования и развития общества, так как является важным социально-психологическим фактором его интеграции. С другой стороны, прогрессивное развитие общества невозможно без отказа или замены «старого» на «новое», что, в свою очередь, может привести к кризисным явлениям.

Таким образом, сложность и неоднозначность феномена межпоколенной связи, которая лежит в основе современной гражданской идентификации и исторической памяти российских немцев, обуславливает необходимость его дальнейшего изучения и научных разработок в этой предметной области. Между тем следует отметить, что долгое время эта проблематика главным образом развивалась лишь в контексте клинической психологии и психотерапии. Первоначально идея о существовании специфической связи между разными поколениями интенсивно изучалась в рамках психоаналитического подхода.

З. Фрейд в своих работах «Введение в психоанализ» (1917), «Новые лекции по психоанализу» и др. развивал идею о том, что индивидуальный опыт человека, как правило, носит отпечаток опыта, накопленного предшествующими поколениями. Этот «отпечаток» проявляется в чувстве, которое передается из поколения в поколение «в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего»⁷⁰⁷.

Однако в работе «Тотем и табу» Фрейд (1913) весьма определенно заявляет о необходимости межпоколенной связи: «Если психические процессы

---

⁷⁰⁷ Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М.: Наука, 1989. С. 138.

одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие»⁷⁰⁸. Неосознаваемую связь между поколениями Фрейд называет «коллективной душой».

Идентификация любого народа вообще и российских немцев в частности – это непосредственное переживание действительности, основанной на историческом прошлом. В этом отношении неизгладимый след в памяти немцев бывшего СССР оставили события, связанные с политическими перипетиями Великой Отечественной войны и послевоенного времени.

Огромное внимание изучению положения «российских немцев» во время Великой отечественной войны уделили отечественные и зарубежные исследователи: К.С. Алдажуманова, Р.С. Бикметов, Н.Ф. Бугай, Н.Э. Вашкау, А.А. Герман, В.М. Кириллов, В.К. Клец, А.Н. Курочкин, Г.Я. Маламуда, Н.П. Малова, Н.П. Палецких, С.Л. Разинков, А.В. Суслов, Е.П. Турова, А.В. Федорова⁷⁰⁹.

В первые месяцы после нападения фашистской Германии на Советский Союз сталинский режим официально объявил российских немцев

---

⁷⁰⁸ Фрейд З. Тотем и табу // З. Фрейд. «Я» и «Оно»: Труды разных лет / пер. с нем. Тбилиси: Мерани, 1991. Книга 1. С. 63.

⁷⁰⁹ Алдажуманова К.С. Трудармейцы Казахстана: история и судьбы // Феникс. 1998. Весна. С. 164–180; Бикметов Р.С. Трумобилизованные немцы на шахтах Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Из прошлого Сибири: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1996. Вып. 2. Ч. 1. С. 67–77; Бугай Н.Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы научной конференции, Москва, 24–25 июня 1993 г. М., 1994. С. 84–90; Вашкау Н.Э. Женщина в трудармии // Проблемы истории Второй мировой войны: Сборник научных работ. Вологда, 2000. С. 82–97; Герман А.А. Трудовая армия // Герман А.А., Иларионова Т.С., Плевне И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., 2005. С. 440–466; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М., 1998. – 206 с.; Кириллов В.М., Разинков С.Л. Советские немцы – трудармейцы Тагиллага (1942–1946 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: Материалы 7-й международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 148–156; Книга памяти немцев – трудармейцев Богословлага. 1941–1946 // Авторы составители В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. В 2-х томах. Т. 1. М.: РНД; Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. – 520 с.; Клец В.К. Немцы Украины в период Второй мировой войны (на примере Днепропетровской области) // Вопросы германской истории: Сборник статей. В 2 т. Т. 1. Днепропетровск, 1998. С. 148–152; Курочкин А.Н. Роль НКВД в организации и функционировании «трудовой армии» // Там же. С. 140–147; Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ: По материалам конференции, Москва, 18–20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 128–145; Малова Н. Депортация и «Трудармия» в судьбах поволжских немцев // Немцы СССР в годы ... С. 178–186; Палецких Н.П. Трудармия на Урале в период Великой Отечественной войны (на примере Пермской обл.) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сборник статей. Н. Тагил, 1997. С. 186–198; Турова Е.П. Трудармейцы в рабочих колоннах при лагерях НКВД (Бакалстрой, Челябинметалургстрой) // Немцы СССР в годы ... С. 157–167; Федорова А.В. Трудармейцы Южного Урала // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по итогам научно-практической конференции, Оренбург, 1997 г. М., 1998. С. 100–108.

пособниками гитлеровцев, шпионами и диверсантами. Это обернулось для них уничтожением Республики Немцев Поволжья, депортацией в Казахстан, Сибирь, на Урал, каторжным трудом в рабочих колоннах НКВД.

Депортация немцев из Крымской АССР осуществлялась по постановлению Совета по эвакуации №СЭ 75 от 15 августа 1941 г. в соответствии с ним НКВД СССР переселил к 2 сентября 1941 г. 60 тыс. немцев Крыма и членов их семей в Орджоникидзевский край, Ростовскую область⁷¹⁰.

В сентябре 1941 г. по постановлению государственного Комитета обороны №ГКО-636 крымские немцы из Орджоникидзевского края и Ростовской области были высланы в различные области Казахской ССР, где и были мобилизованы в трудовую армию⁷¹¹. Трудармейцы добывали уголь в Карагандинском угольном разрезе №4, на шахтах в Кемеровской области, сооружали в г. Бакал Челябинской области металлургический и коксохимический заводы, строили алюминиевый завод в пос. Турьенские рудники Свердловской области, работали на лесозаготовках в пос. Тавда той же области, возводили целлюлозно-бумажный комбинат в пос. Боровом Молотовской (ныне Пермской) области...

Депортация поволжских немцев была осуществлена по Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г.⁷¹² и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.⁷¹³. Затем последовали Постановления о депортации из Ростовской⁷¹⁴, Донецкой областей⁷¹⁵. К концу осени 1941 г. данная группа немцев была депортирована в Казахстан, где и была мобилизована в трудовую армию.

Трудармейцы были задействованы на предприятиях угольной, транспортной, нефтяной промышленности, на строительстве, лесозаготовках. Таким образом, тысячи немецких семей оказались рассеянными по необъятным просторам советской родины. Не счесть количества намеренно уничтоженных и дискриминированных.

Власти не регистрировали брачные союзы российских немцев, запрещали говорить на родном языке даже на территории спецпереселений, которые просуществовали до конца 1955 г. и находились под управлением особой комендатуры. Без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД

---

⁷¹⁰ История немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы / Сост. А.А. Дынгес. Донецк, 2005. №2. С. 9.

⁷¹¹ Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин: Сборник документов / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2000. – №6. С. 26–27; №9. С. 30–32.

⁷¹² История немцев России: Хрестоматия / Сост. А.А. Герман, Т.С. Иларионова, И.Р. Плеве. М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 254–258.

⁷¹³ Volk auf dem Weg, Stuttgart, 1998, S. 24.

⁷¹⁴ Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин: Сборник документов / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2000. №9. С. 34.

⁷¹⁵ История немцев России: Хрестоматия / Сост. А.А. Герман, Т.С. Иларионова, И.Р. Плеве. М.: МСНК-пресс, 2005. С. 253.

не разрешалось отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке⁷¹⁶. А указом от 26 ноября 1948 г. постановлялось, что «переселение немцев в отдаленные районы Советского Союза проведено навечно, без права возврата их к прежним местам проживания. За побег из мест обязательного поселения этих выселенцев определить меру наказания в 20 лет каторжных работ»⁷¹⁷. Частично российские немцы были реабилитированы в 1964 г., но до ноября 1972 г. сохранялся административный запрет на их прописку в населенных пунктах довоенного проживания. Одновременно действовали ограничения на получение ими высшего образования, принятия на государственную службу, установление связи с зарубежными родственниками, ...

Сейчас большинством российских немцев в значительной мере утрачен родной язык, вера, национальная культура, что указывает на необходимость срочного изучения данной проблемы, направленного на немецкое национально-культурное возрождение.

Вышеперечисленные историко-психологические факторы объясняют результаты интернет-исследования, проведенного в 2003–2004 гг. Донецким областным национально-культурным обществом немцев «Видергебурт» с целью проанализировать основные аспекты идентификации российских немцев.

Исходя из опроса, проведенного «Видергебурт», следует, что 99,9% немцев – респондентов соотносят себя с этнонимом «немцы», остальные же называют себя «меннонитами», «голендрами», «голландцами», «дойч». Относительно термина «российские немцы» не идентифицируют себя с таковыми всего лишь 3% опрошенных респондентов.

Большая часть опрошенных в возрасте до 30 лет трактовала термин «российские немцы» как этнографический, меньшее количество ответов определяли его как политический, социологический и географический. Респонденты в возрасте 30–50 лет объясняют данный термин как социологический и в меньшей степени как географический. Респонденты в возрасте более 50 лет в большинстве случаев воспринимали термин «российские немцы», прежде всего, как политический.

Обращая внимание на уровень образованности респондентов, которые предоставили данные ответы, необходимо отметить, что за политический

---

⁷¹⁶ История немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы / Сост. А.А. Дынгес. Донецк, 2005. №15. С. 20–21.

⁷¹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» // Немцы Украины – жертвы сталинских репрессий. Сборник документов. Донецк: Апекс. 2002. С. 72–73.

характер данного термина высказываются, в большинстве своем, респонденты с ученой степенью и средним специальным образованием, за его географическое содержание – респонденты с высшим и неполным высшим образованием, за этнографическое – респонденты с неполным средним образованием.

В ходе исследования была изучена также этнолингвистическая идентификация современных немцев. Анализ анкетирования позволяет говорить о том, что большинство немцев родным языком считают не только немецкий, но также русский и язык страны проживания⁷¹⁸.

Изучение материалов Всероссийской переписи 2002 г. позволяет нам сделать вывод о том, что немцы практически на 100% владеют русским языком по всем субъектам Российской Федерации⁷¹⁹. Это явление в большей степени характерно для городской местности⁷²⁰. При этом немецким языком владеет меньшее количество человек (в 3,2 раза). Необходимо отметить, что этнические немцы владеют также языками национальных меньшинств, в частности таких, как украинцев, казахов, татар, узбеков, коми,... Родной язык занимает у этнических немцев третье место в рейтинге этнолингвистических приоритетов.

В то же время нельзя оставить без внимания тот факт, что представители 18 наиболее распространенных национальностей Российской Федерации с численностью 400 000 человек в достаточной степени владеют немецким языком (от 0,107% до 31, 595% их общей численности). Общее количество населения наиболее многочисленных национальностей, овладевшего немецким языком составило 2 792 576 человек. Из всех владевших немецким языком большее количество пришлось на русских (82, 84%). Доля немцев в общей численности, владевших немецким языком составила 6,76%. На оставшиеся 16 национальностей приходилось чуть более 0,1% владевших немецким языком⁷²¹.

Изучая этнолингвистическую идентификацию российских немцев различными возрастными группами, необходимо отметить, что молодежь и среднее поколение в большей степени (31,73%-36,95%) поддерживают немецкий или русский билингвизм для российских немцев. В меньшей степени (17,3% – 19,57%) они отдают предпочтение немецкому и русскому монолингвизму. Старшее поколение в большей степени (25%) считают род-

---

⁷¹⁸ А. Дынгес. Очерк истории немцев на постсоветском пространстве (1989–2008). Донецк: Апенс. 2008. С. 50–73.

⁷¹⁹ Методические пояснения к Всероссийской переписи населения 2002 г. // № 383–384. – 2009. – 1 июля – 16 августа // http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_MP.doc.

⁷²⁰ Население по национальности и владению русским языком // № 383–384. – 2009. – 1 июля – 16 августа // http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_MP.doc.

⁷²¹ Дынгес А. Очерк истории немцев на постсоветском пространстве (1989–2008). Донецк: Апенс. 2008. С. 84.

ным языком российских немцев русский, 20% – язык страны проживания, 10% – немецкий.

Изучая идентификацию конфессиональных приоритетов российских немцев, обратим внимание на данные социологического опроса, проведенного «Видергебурт». Наибольшее количество респондентов (женщины) считают православие религией большинства российских немцев. При этом не согласных с ними мужчин в 1,8 раз меньше. Мужчины в большинстве своем отдадут предпочтение той точке зрения, что религией большинства российских немцев является католицизм. И мужчины и женщины отвели вторую позицию в религиозном ранжировании протестантизму, третью – атеизму⁷²².

Анализируя этноконфессиональную идентификацию представителями разных возрастных групп, необходимо отметить, что молодежь в своем большинстве считает, что доминирующей конфессией у российских немцев является православие, далее по убывающей – католицизм, протестантизм и атеизм. Среднее поколение на первое место выдвинуло протестантизм, на второе место – православие, на третье – католицизм и, наконец, последняя позиция была отведена атеизму. У респондентов старшего поколения первые позиции в рейтинге занимает протестантизм, затем следуют атеизм, православие, католицизм⁷²³.

Такое расхождение во мнениях респондентов можно объяснить, во-первых, тем, что большая часть верующих немцев является адептами христианства. Во-вторых, во время их проживания в разных регионах там преобладали различные направления христианства, а также различного рода секты. В-третьих, политика атеизма, проводимая Советским Союзом на протяжении более чем 60-ти лет создала в массовом сознании довольно размытые образы «верующего» и «атеиста».

Опираясь на результаты того же интернет-опроса, необходимо отметить проблему, связанную с идентификацией родины российских немцев. По мнению 14,45% респондентов это Германия, по мнению 8,48% – Россия, 27,88% считают родиной страну проживания.

Определяя типичные черты характера российских немцев, респонденты на первый план выдвинули аккуратность, пунктуальность, точность, добропорядочность, трудолюбие, педантичность, коммуникабельность⁷²⁴.

Обращая внимание на высказывания респондентов относительно будущего российских немцев, отметим, что большинство из них полагают, что они будут ассимилированы с титульной нацией страны проживания⁷²⁵.

---

⁷²² Там же. С. 111.

⁷²³ Там же. С. 112.

⁷²⁴ Там же. С. 127.

⁷²⁵ Там же. С. 135.

Таким образом, политика тотальной дискриминации в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия сформировала целый комплекс проблем, имеющих определяющее значение в процессе национальной идентификации немецкого народа. Немецкими национально-культурными обществами на основании сбалансированного государственного и международного законодательства немало делается в плане национального возрождения. Однако актуальными нерешенными вопросами, особенно для Украины, остаются полная реабилитация немцев, принятие Закона «О правах депортированных национальных и этнических меньшинств», награждение трудармейцев медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», предоставление им статуса участников Великой Отечественной войны, государственная поддержка депортированных, жертв политических репрессий. Эти и другие меры окажут существенное влияние на процесс национальной самоидентификации, будут способствовать полноценной социальной адаптации молодежи и старшего поколения российских немцев.

Вторая мировая война и немцы-католики в СССР (к вопросу о последствиях)

Вторая мировая война (и Великая Отечественная война, как ее центральная составляющая) – самое масштабное, в том числе, и по своим последствиям, событие XX века. Эти последствия (ближайшие и исторические) проявились абсолютно во всех сферах жизнедеятельности каждого отдельного человека и всего мирового сообщества. Тема последствий Второй мировой войны была и остается одной из наиболее крупных и активно разрабатываемых в мировой историографии по всем направлениям. Но при этом все же остаются сферы, в силу ряда объективных и субъективных причин, представленные в исторических исследованиях в меньшем объеме. Приоритетное положение занимают, прежде всего, военная, политическая, дипломатическая, экономическая сфера, тогда как сфера духовная часто освещается в непропорционально меньшем объеме. Это просматривается как в мировом масштабе, так и в проекции на историю отдельных государств, народов, групп. Думаю, мы можем увидеть это, бросив даже самый поверхностный взгляд на состояние весьма солидной современной историографии истории немцев России периода Второй мировой войны (в том числе и Великой Отечественной войны)⁷²⁶.

Увы, работы, затрагивающие духовную жизнь немцев в СССР в этот период, весьма немногочисленны. Подобное положение характерно для всех конфессиональных групп немецкого населения, в том числе, и для немцев-католиков и Католической церкви в СССР в целом⁷²⁷.

Обращаясь к вопросу о влиянии Второй мировой войны на положение немцев-католиков в СССР, можно говорить о 3-х основных векторах воздействия:

---

⁷²⁶ Brandes D., Döninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd.2. Von 1917 bis 1998. München, 1999; Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг. М., 2001; Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. Материалы международной научной конференции. Москва, 19–22 октября, 2000. М., 2001; Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Учебное пособие. М., 2005; История и этнография немцев Сибири (сост. и науч. ред. Вибе П.П.). Омск, 2009; см. также материалы текущей библиографии НИБ и Электронную библиотеку российских немцев на сайте www.rusdeutsch.ru.

⁷²⁷ Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katholischer Teil. Stuttgart, 1980; Stricker G. Deutsches Kirchenwesen. Die Römisch Katholische Kirche // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrg. G. Stricker, Siedler Verlag. Berlin, 1997, S. 389–391, 408–415; Задворный В., Юдин А. История Католической церкви в России. **Краткий очерк. М., 1995; Голованов С. Католичество и Россия. Спб., 1998; Чаплицкий Бронислав. История Церкви в России. Спб., 2000; Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 307–311 и др.**

I. Сама война, предшествовавшие ей события в сфере международной дипломатии, и непосредственный ход и итоги военных действий.

II. Политика советского государства в отношении немецкого меньшинства в СССР в период Великой Отечественной войны.

III. Политика СССР в этот период в отношении религии, церкви в целом, и позиция в отношении Католической церкви (Ватикана), в частности.

Безусловно, самым мощным последствием периода Второй мировой войны для немцев-католиков в СССР стало прекращение существования большей части немецких католических поселений⁷²⁸, в результате массовой депортации немецкого населения в ходе Великой Отечественной войны⁷²⁹. Вследствие ярко выраженной антирелигиозной политики предшествующих двух десятилетий, к 40-м гг. XX в. Католическая церковь в Советском Союзе номинально прекратила свое существование. Она лишилась своих священнослужителей, всех культовых зданий, имущества и церковных ценностей, фактически были упразднены все ее структуры. Что же касается паствы, то она в 20-е – 30-е гг. также подверглась жестоким гонениям и преследованиям⁷³⁰. Немцы, как и все остальные католики в СССР были лишены церкви и полноценной религиозной жизни, которая была возможна только через церковные таинства. Единственное, что еще оставалось у большей части немцев-католиков к началу войны, это их моноконфессиональные общины – последний оплот их традиционного этноконфессионального жизненного уклада. По данным исследователей в 1940 г. из 3 500 немецких селений в СССР (без Прибалтики) – 27% (т.е., более 900) составляли католические⁷³¹. В результате депортации прекратили свое существование немецкие католические поселения во всех регионах, из которых осуществлялось принудительное выселение немцев.

В ходе депортации не только были ликвидированы поселки немцев-католиков (как и немцев других конфессий), но был нарушен сам принцип моноконфессиональности⁷³². Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» предусматривало осуществление переселения «целыми

⁷²⁸ Немецкие населенные пункты в СССР до 1941. Справочник / Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002; Чаплицкий Бронислав. История Церкви в России. СПб., 2000; Mertens Ulrich. *Handbuch Russland-deutsche*(mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg-Paderborn, 2001.

⁷²⁹ Депортация народов СССР. 1930–1950 годы. Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) Сост. О.Л. Милова. М., 1995; *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Die Deutschen in der Sowjetunion 1941–1956.* (Hrsg. Eisfeld A, Herdt V). Köln, 1996 u.a.

⁷³⁰ Лиценберггер О.А. Римско-католическая церковь в России: история... С. 183–304.

⁷³¹ Чаплицкий Бронислав. История Церкви в России... С. 45.

⁷³² Савранина Т.В. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955. Материалы 7 международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000. М., 2001. С. 313–320.

колхозами, а расселение на новых местах как путем вселения целых колхозов в существующие колхозы и совхозы, так и путем отдельного расселения переселяемого колхоза на новом месте с использованием подготовленного переселенческого фонда, всех пустующих строений в сельских местностях и путем уплотнения населения»⁷³³. Анализ же ситуации на местах показывает, что большинство хозяйств не было готово к одновременному прибытию такой массы переселенцев, их доставке, размещению и обустройству. Колхозы на станциях разгрузки выбирали себе по несколько семей, происходила разбивка одной колонии по нескольким колхозам. Жители некогда единой католической общины по прибытию к новым местам поселения в Сибири, Казахстане и Средней Азии размещались в разных населенных пунктах. Немцы-католики часто оказывались по несколько семей среди местного инационального и иноконфессионального окружения⁷³⁴. Помимо моноконфессионального характера самих колоний, в прежних местах поселения отмечался и «гнездовой» принцип размещения колоний одного исповедания. В новых же регионах жители католических колоний, составлявшие прежде один деканат, порой и один приход, оказывались в разных районах. Так жители католической колонии Семеновка Усть-Лабинского района Краснодарского края были расселены в Самарском районе Восточно-Казахстанской области, а жители колонии Новониколаевка, входившей с Семеновкой в один Пятигорский деканат и являвшейся филиалом прихода в Семеновке, были расселены в нескольких селах Большенаарымского района⁷³⁵. Нередко наблюдалось смешение различных конфессиональных групп немецкого населения (католики, лютеране, меннониты)⁷³⁶.

В ходе размещения депортированных немцев отмечалось также и нарушение исходного принципа размещения в разрезе город-село. Нередко городские немцы оказывались в селах, а сельские жители в городах⁷³⁷. Этот процесс еще более усилился в результате мобилизации немецкого населения в трудовую армию и его последующего «закрепления» в промышленных

⁷³³ Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 229–233.

⁷³⁴ АУВДВКО. Ф. 5, оп. 2, д. 4, Т. 3, Л. 449, 450, 453, 458, 469, 475; д. 5. Л. 102; ГВВКО. Ф. 462, оп. 2, св. 2. д. 18; см. также: Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001.

⁷³⁵ Сведения подтверждаются Пошелонными списками спецпереселенцев: АУВД ВКО Ф. 5, оп. 2, д. 4, Т. 3, и данными бесед с жителями бывших католических колоний Семеновка и Новониколаевка.

⁷³⁶ Trutanow I. Russlandsstiefskinder. Ein deutsches Dorf in Kasachstan. Berlin, 1992, S. 37–40.

⁷³⁷ АУВД ВКО Ф. 5, оп. 2, д. 4, Т. 3, Л. 472.; см. также Народ за колючей проволокой. Публикация документов// Феникс: Алматы, 1994, № 7. С. 280–314; Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001.

зонах из-за нежелания властей терять рабочую силу⁷³⁸. У немцев-католиков, оказавшихся в городах, наблюдался еще больший разрыв традиционных общинных религиозных связей. Немцы-католики в селах в этом плане имели возможность для более тесного контакта с единоверцами. Таким образом, в ходе депортации и мобилизации в трудовую армию произошло нарушение традиционного аграрного характера поселений немцев-католиков, резко увеличилась доля немцев-католиков в городах.

Следует также отметить факт сохранения местных католических немецких поселков в Сибири, Казахстане, Средней Азии, но и они в годы войны понесли значительный потери в ходе мобилизации в Трудовую армию, кроме того, отмечались факты «доприселения» депортированных немцев других исповеданий и изменение моноконфессионального характера поселений⁷³⁹. Как отмечают исследователи: «если в начале XX в. в переселенческом поселке проживали последователи одной конфессии, то во второй половине XX в. в одном сельском населенном пункте могли располагаться две и более религиозные общины разных конфессий»⁷⁴⁰. Таким образом, впервые был кардинально нарушен преобладающий у основной массы немцев-католиков конфессионально замкнутый характер жизни. Их маленький тесный общинный «католический мир» был разрушен. Они впервые очень близко столкнулись с другим – инонациональным и иноконфессиональным миром. В одночасье они оказались посреди этого мира и должны были выживать в нем и сосуществовать с ним.

В то же время в процессе размещения депортированных народов сформировались отдельные регионы с довольно высокой степенью концентрации населения католического исповедания (немцев, поляков, литовцев, украинцев). Яркий пример в этом отношении – регион Караганды, Карагандинская область в Казахстане. Значительная концентрация католического населения и наличие ссыльных католических священников стало основой для формирования в этом регионе своеобразного нелегального центра католической веры⁷⁴¹. Не случайно Караганду в последующем называли в народе «вторым

---

⁷³⁸ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в Трудовой армии (1941–1945). М., 1998; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...И. Сталин». 1940-е годы. Сборник документов. Сост. Бугай Н.Ф. М., 1998 и др.

⁷³⁹ См. Савранина Т. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг, с. 313–320; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001.

⁷⁴⁰ Подопригора Ю. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010. С. 98.

⁷⁴¹ Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР //Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2–3 февраля 2007 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. С. 59–69; Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI)//Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных

Римом» или «Ватиканом Советского Союза»⁷⁴². В этом отношении, одним из главных последствий периода Великой Отечественной войны и связанной с ней депортации немецкого населения стало резкое увеличение численности немцев-католиков в нетрадиционных для них регионах расселения, формирование «новой неофициальной католической диаспоры»⁷⁴³ в местах спецпоселения и образовании новых центров католической веры в СССР.

Начавшаяся война и последовавшие за ней депортация, мобилизация в Трудовую армию, лишения и страдания этих лет способствовали, в свою очередь, обострению религиозного сознания. В тяжелое время испытаний человек еще больше думает о Боге, обращается, пытается осмыслить происходящее с позиции веры. В беседах с немцами-католиками, пережившими войну и связанную с ней депортацию, часто можно было слышать о том, что произошедшие события уже описаны в Библии, при этом они пересказывали отрывки из Святого Писания, указывавшие на грядущие страдания и скорбь: «Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, читающий да разумеет... а кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего, и кто на поле, не обращай назад взять одежду свою. Горе беременным и питающим сосцами в те дни. Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою. Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доныне, и не будет. И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни» (Мк 13: 14–20). Ужас войны и депортации, разъединение семей, вся психологическая атмосфера того времени обострили в верующих мысли о Втором Пришествии Христа, некоторые респонденты пересказывали этот отрывок из Евангелия от Луки: «Так будет в тот день, когда Сын Человеческий явится. В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращай назад. Вспоминайте жену Лотову... Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется. Двое будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется. Двое будут на поле: один возьмется, а другой останется...» (Лк. 17:30–36). Иногда отмечались случаи своеобразного протеста, ропота против Бога, когда в отчаянии, в своей слабости, люди вопрошали к Богу: Почему Ты допускаешь это? За что эти страдания? В работах других исследователей приводятся отдельные факты (без указания конфессиональной

территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15–16 мая 2009 г., – Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82–93.

⁷⁴² «Караганда – второй Рим» //Кредо. Газета Римско-католической церкви Казахстана, № 3 (115), март 2005. С. 14–16; Stricker G. Deutsches Kirchenwesen. Die Romisch Katholische Kirche //Deutsche Geschichte im Osten Europas... S. 408.

⁷⁴³ Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katholischer Teil... S. 112;

принадлежности) о фактах отвержения Бога⁷⁴⁴. Но все же это не стало массовым явлением среди немцев-католиков. Большинство в это тяжелое время находило утешение в молитве – тайной групповой, семейной, личной, как в зонах спецпоселения, так и в трудовой армии. Вера была источником их духовных и физических сил. Тяжелые испытания выпали на долю женщин-немцев, в том числе и католичек. В своих воспоминаниях они отмечают: «Как же бы мы, российские немки должны были пережить ссылку, если бы не верили в Бога? Он всегда был с нами и, благодаря Его помощи, мы выстояли»⁷⁴⁵.

В этих условиях особым испытаниям подверглась семья как «домашняя церковь», как «школа веры и молитвы». В прежние, относительно более благоприятные в отношении веры годы, несмотря на набожность немецких католических семей, многие функции «домашней церкви» в католических колониях выполняла собственно церковь и ее религиозные воспитательные учреждения. Моноконфессиональный принцип поселения, который был чрезвычайно благоприятным для сохранения веры и религиозного уклада жизни и позволял немцам-католикам даже в условиях иноконфессионального окружения жить в своем католическом мире, вместе с тем не требовал подготовленности к жизни в экстремальных условиях дисперсности – в условиях разрушения традиционных связей, традиционного внутреннего религиозного уклада жизни и отсутствия церкви. Эти экстремальные условия требовали глубокой личной веры и соответствующих самостоятельных навыков организации подпольной религиозной жизни без церкви и религиозного воспитания подрастающих поколений. Во многих католических немецких семьях в годы войны сохранялся и поддерживался дух молитвы, в то же время «домашняя церковь» далеко не всегда выдерживала брошенный ей вызов, в результате, наблюдалось нарушение преемственности поколений в вере, когда набожные, молящиеся матери были не в состоянии воспитать верующих детей и внуков. Эти тенденции стали явно проявляться в последующие годы⁷⁴⁶.

Таким образом, экстремальные условия войны и депортации, с одной стороны, стали тяжелым испытанием веры, с другой – способствовали обострению религиозного сознания, однако, ввиду отсутствия реальных возможностей для полноценной религиозной жизни немцев-католиков, она была

---

⁷⁴⁴ Савранина Т. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг., с. 316.

⁷⁴⁵ Futterer Rudolf; Futterer Rosa// Nelli Däs. Alle Spuren sind verweht. Stuttgart, 1998, S. 195.

⁷⁴⁶ См. Бургарт Л.А. О значении молитвы и «евхаристических женщин» для сохранения католической веры в СССР в 40-е – 80-е гг. XX в. (на примере немцев-католиков Казахстана)//Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI Международной научно-практической конференции, Омск, июнь 2010 /в печати/, см. также, Бургарт Л.А. Из истории католической веры и церкви в Казахстане. Сборник статей (для внутреннего пользования). Усть-Каменогорск, 2010 // www.rusdeutsh.ru (Электронная библиотека).

сведена к нелегальной подпольной практике и тайной молитве в группах и семье. Примечательно, что в период войны, в условиях, когда для основной массы немцев-католиков практически была не возможна религиозная жизнь в церкви с ее традиционной литургией, все же служились святые мессы. Это делалось тайно, в экстремальных условиях священниками, оказавшимися в лагерях, в трудовой армии. «В трудовой армии и для католиков было тяжело собираться, но даже в лагерях в тяжелых и опасных условиях католические священники осуществляли душепастырство. Месса служилась во всевозможных местах – в каменоломнях, в углу лагерного барака. Чаши и алтарные покровы были исключительно примитивными, если не удавалось раздобыть вино для мессы, его выдавливали из сушеного винограда, хостии пеклись из пшеничной муки»⁷⁴⁷.

С периодом Великой Отечественной войны связаны определенные изменения в политике советского государства в отношении религии и церкви. Исследователь Д. Поспеловский отмечает: «С нападением Германии на СССР положение церкви резко изменилось»⁷⁴⁸. Он выделяет патриотическо-оборонческую позицию церкви, с одной стороны, и фальшивый лозунг оккупантов о спасении европейской христианской цивилизации от большевистского варварства – с другой, и очень глубоко подмечает суть сложившегося противоречия, которое обуславливало своеобразный надлом в человеке, особенно в верующем человеке, и пробуждало в нем мысли: «или сплотиться для отпора нашествию в надежде, что после войны все изменится, что война отрезвит власти и заставит их отказаться от богоборческой идеологии; или признать войну как возможность свергнуть большевизм, вступив в союз с неприятелем. Это пребывание между молотом и наковальней, необходимость выбора между двух зол – союз с врагом внутренним против врага внешнего или наоборот – были неразрешимой трагедией русского народа по обе стороны фронта в течение войны»⁷⁴⁹. Предвидя возможную опасность, местоблюститель Православной церкви митрополит Сергей уже в первой своей проповеди 22 июня 1941 г. призвал священство «не предаваться размышлениям о возможных выгодах по другую сторону фронта»⁷⁵⁰. И все же Русской православной церкви не удалось избежать этого размежевания.

Исследователи отмечают послабление в отношении к религии и церкви со стороны государства с началом войны, но все же, думается, что нет оснований говорить о кардинальной смене политического курса и тем более об

---

⁷⁴⁷ Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katholischer Teil.

⁷⁴⁸ Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. Учебное пособие. М., 1996. С. 282.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ Там же. С. 283.

истинном обращении новой власти к Богу⁷⁵¹. Идея «защиты христианской цивилизации», выдвинутая Православной церковью, не могла быть принята сталинской пропагандой. И все же перемены были: это и разрешение на открытие банковского счета Православной церкви в 1942 г. для сбора пожертвований на войну, и возможность совершения крестных ходов на Пасху, и открытие закрытых храмов, и, наконец, решающая, по мнению исследователей, встреча Сталина с тремя православными митрополитами, которая состоялась лишь спустя 2 года после начала войны – 4 сентября 1943 г. Можно согласиться с мнением, что эта встреча «была вызвана не необходимостью поднять патриотический дух армии, так как к осени 1943 г. гибель нацистской Германии была уже очевидной», а «необходимостью ответить на массовое открытие церквей на оккупированной немцами территории» (на оккупированной территории число открытых храмов было гораздо выше) и желанием Сталина, в связи с визитом делегации Англиканской церкви во главе с епископом Йоркским, создать «впечатление о существовании в СССР благополучной церкви и религиозной свободы»⁷⁵². Скоропостижно в течение 4-х дней был созван собор (в период войны было создано 2 собора, второй в начале 1945 г.), избран Патриарх, стало восстанавливаться богословское образование, оформилась хотя и весьма медлительная процедура открытия храмов (инструкция Совнаркома № 1235 от 28.11.1943 г.). В августе 1945 г. религиозным объединениям было предоставлено право юридического лица, которого они были лишены с 1929 г.⁷⁵³. В период войны были несколько упорядочены государственно-церковные отношения не только с Православной церковью, но и с другими конфессиями.

В то же время почти все шаги советского правительства в отношении веры и церкви в период войны носили ограниченный и относительный характер. И в этом смысле позиции советских властей и нацистских весьма сопоставимы. Исследователи отмечают, что «несмотря на то, что на завершающем этапе Второй мировой войны религиозная политика коммунистического режима по отношению к Русской православной церкви осуществлялась в рамках, обозначенных Сталиным на встрече с митрополитами 4 сентября 1943 г., советское правительство всячески стремилось сдерживать открытие храмов на территории, не подвергавшейся оккупации, и предпочитало оставлять действующими храмы, открытые на освобождавшейся от

---

⁷⁵¹ См. Гордун С. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал московской Патриархии. № 1, 1993. С. 39–49; Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР 1939–1964 годах). М, 1999; Митрофанов Георгий, протоиерей. Русская православная церковь и Вторая мировая война // Русская линия // Библиотека периодической печати <http://rusk.ru/st.php?idar=419523> и др.

⁷⁵² Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР... С. 298.

⁷⁵³ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история... С. 311.

германских войск территории. В 1944–1945 гг., получив 12 688 заявлений об открытии 4 292 храмов, советское правительство допустило открытие лишь 716 церквей. Общее число храмов, действовавших к июню 1945 г., составляло 10 243. Однако, если на территории, которая подверглась немецкой оккупации, количество храмов, находившихся в одной епархии, могло достигать нескольких сотен, то в епархиях Поволжья, Сибири и Дальнего Востока действовавшие храмы исчислялись единицами или десятками. При этом деятельность духовенства по всей территории Русской православной церкви по-прежнему жестко ограничивалась лишь совершением храмового богослужения и сбором пожертвований на нужды Красной армии»⁷⁵⁴. Для сравнения: «За годы войны на территории, подвергшейся немецкой оккупации, было открыто 7 547 храмов»⁷⁵⁵. Если посмотрим первую послевоенную статистику, то из 10 544 действующих православных храмов (власти намеренно завышали эту цифру и распространяли «утку» о 22 тысячах действующих православных церквях и молитвенных домах), 6 077, т.е., более половины (57,6%) приходилось на Украину, тогда как в Российской Федерации насчитывалось лишь 2 827 действующих храмов. К 1 января 1947 г. число православных храмов увеличилось до 14 тысяч, но и этот рост был связан с «присоединением» к Православной церкви храмов униатской церкви»⁷⁵⁶.

Массовых гонений на церковь уже не было, но уже 1944 г. вновь ознаменовался ужесточением религиозной политики: вышло Постановление ЦК КПСС об усилении антирелигиозной пропаганды через пропаганду «научного мировоззрения», а в 1945 г. ЦК уже требовал усилить атеистическую пропаганду»⁷⁵⁷.

Объективная, лишенная всякой идеализации, равно как и предвзятости, оценка политики советской власти в отношении, прежде всего, Православной церкви в период войны позволяет согласиться с мнением, что «период II мировой войны стал временем, когда поставленная на грань полного уничтожения Русская православная церковь все же смогла не только сохраниться, но и укрепить свои позиции в жизни официально продолжавшего оставаться атеистическим советского общества»⁷⁵⁸. По своей сути же изменения «государственно-конфессиональной политики носили временный и конъюнктурный характер»⁷⁵⁹.

⁷⁵⁴ См. Митрофанов Георгий, протоиерей. Русская православная церковь и Вторая мировая война //Русская линия //Библиотека периодической печати <http://rusk.ru/st.php?idar=419523>

⁷⁵⁵ См. Гордун С. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год. С. 45.

⁷⁵⁶ Там же.

⁷⁵⁷ Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. С. 303.

⁷⁵⁸ Митрофанов Георгий, протоиерей. Русская православная церковь и Вторая мировая война //Русская линия //Библиотека периодической печати <http://rusk.ru/st.php?idar=419523>

⁷⁵⁹ Подопригора Ю. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010. С. 62.

Современная церковно-историческая наука сформулировала ряд исторических причин, вызвавших изменение курса государственной политики в отношении религии и церкви:

Возрождение церковной жизни на территории, оккупированной германскими войсками, не только свидетельствовало о сохранившейся у многих советских граждан потребности вести религиозную жизнь, но и активно использовалось немецкой пропагандой. Подобная ситуация требовала от коммунистического режима ответных мер пропагандистского характера в религиозной сфере, которые и стали осуществляться уже с 1942 г.

Ощувший в конце 1930-х необходимость обновить скудный арсенал интернационал-большевистской пропаганды лозунгами национал-большевистского характера, Сталин еще до войны попытался перейти от идеологической политики замалчивания и поношения исторического прошлого России к политике использования русской истории в целях советской пропаганды. Сыгравшая громадную роль в становлении не только русской культуры, но и русской государственности Православная церковь не могла не быть использована в этом новом пропагандистском проекте коммунистического режима, и начавшаяся война лишь ускорила данный процесс.

Необходимость иметь в войне с нацистской Германией союзников из числа западных демократий, общественное мнение которых традиционно исходило из признания определяющего значения христианских ценностей, вынуждала Сталина демократизировать политический облик СССР допущением в стране хотя бы в ограниченных рамках религиозной жизни ведущей христианской конфессии.

Последовательная политическая лояльность, проявленная руководством Московской патриархии по отношению к коммунистическому режиму в период жесточайших гонений па церковь, продолжавшихся и в годы войны, убедила Сталина в готовности митрополита Сергия и его ближайших сподвижников осуществлять свою деятельность именно в тех рамках, которые определит для Русской православной церкви тоталитарный режим⁷⁶⁰.

Думается, правы и православные богословы, указывающие вместе с рядом исторических причин и на изначальный Промысел Божий. Это именно та всемогущая сила, способная в любые времена преобразовать зло в добро, извлечь из страдания благой плод⁷⁶¹.

---

⁷⁶⁰ См. Гордун С. Русская православная церковь в период с 1943 по 1970 год... С. 39–49; Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР 1939–1964 годах). М, 1999; Митрофанов Георгий, протоиерей. Русская православная церковь и Вторая мировая война//Русская линия//Библиотека периодической печати <http://rusk.ru/st.php?idar=419523> и др.

⁷⁶¹ Митрофанов Георгий, протоиерей. Русская православная церковь и Вторая мировая война // Русская линия / Библиотека периодической печати <http://rusk.ru/>

Изменения в сфере религиозной политики советского государства в сторону послабления антирелигиозной и антицерковной направленности не коснулись положения немцев-католиков и Католической церкви в СССР, напротив, наблюдалось усиление враждебных Ватикану и Католической церкви в целом тенденций.

Прежде всего, следует отметить наличие особой позиции Католической церкви в лице Папы Пия XII в период Второй мировой войны, составляющей по сей день предмет многочисленных дискуссий. Сегодня в мировой историографии происходит пересмотр многих стереотипных оценок⁷⁶² прошлых лет, публикуются новые архивные документы и работы, проливающие свет на события 70-летней давности⁷⁶³. Главная ошибка в подходе к этой проблеме, на наш взгляд состоит в том, что Церковь пытаются низвести до обычного «политического института» и требуют от нее «политической позиции», «политических шагов» и т.п. Позиция же Католической церкви, как духовного института, имеющего в своей основе сверхъестественную природу⁷⁶⁴, была, прежде всего, духовной позицией, базирующейся на глубоком осознании опасности, которую несли человечеству и фашистская и коммунистическая идеологии. В целом, это довольно обширная и непростая тема и мы затронем лишь те ее моменты, которые имеют непосредственное отношение к СССР.

Позиция Католической церкви в период войны нашла свое отражение в папских обращениях, энцикликах, нотах, на страницах газеты «Osservatore romano» и радио Ватикана. При этом следует отметить, что содержание Папских обращений не могло дойти до слуха большинства верующих католиков в СССР, в том числе, и немцев, оказавшихся в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Доступной была лишь информация антирелигиозного характера, враждебные Ватикану и Католической церкви публикации.

---

st.php?idar=419523

⁷⁶² Hochhuth, Rolf. Der Stellvertreter. Reinbek bei Hamburg, 1963.

⁷⁶³ Blet, Pierre: Papst Pius XII. und der Zweite Weltkrieg. Aus den Akten des Vatikans. Paderborn 2000; «Im Haus des Vaters ist Jeder willkommen!». Papst Pius XII//Triumph des Herzens. PDF-Familie Mariens, №95, 2009, S. 13–17; Den Schatz des katholischen Glaubens entdeckt. Der Oberrabbiner von Rom/Triumph des Herzens. PDF-Familie Mariens, №95, 2009, S. 8–15; Rosenplänter Meike. Das Leben des Eugenio Pacelli/Papst Pius XII (1876–1958) <http://www.zukunft-braucht-erinnerung.de/drittes-reich/biographien/105-papst-pius-xii-1876-1958.html>; Папа Пий XII в бытность кардиналом старался сохранить культурное наследие евреев – архивы // Католическая информационная служба Agnus, №95, 2009, S. 8–15; Подозрения в симпатиях Папы Пия XII к национал-социализму могут быть развеяны. Газета The New-York Times <http://piusxii.ru/biblios.html>; Бенси Д. Тайная политика Ватикана <http://piusxii.ru/biblios.html>; Сандерс В. Действительно ли Папа Пий XII сохранял молчание? <http://piusxii.ru/biblios.html>; Смирнова А. Пий XII и фашизм <http://piusxii.ru/biblios.html>; Величко О.И. Папа Пий XII в отечественной историографии второй половины XX в. <http://piusxii.ru/biblios.html> и др.

⁷⁶⁴ См. Катехизис Католической церкви (ККЦ). М., 1998. С. 184–189.

Позиция Католической церкви в период Второй мировой войны выражалась в следующих основных моментах:

1) Миротворческие усилия накануне войны, призыв Папы Пия XII к противоборствующим сторонам: «Вы не теряете ничего, сохраняя мир, Вы можете потерять все, начав войну»⁷⁶⁵. Многочисленные посреднические усилия в ходе войны и усиление роли Ватикана как дипломатического центра (число стран, имевших постоянных диппредставителей в Ватикане, за время войны возросло почти в 2 раза, нехристианская Япония и протестантская Америка искали и нашли способы, с помощью которых они могли бы быть представлены в Ватикане)⁷⁶⁶.

2) Отвержение войны как разрушительного и бессмысленного способа решения конфликтов, выдвижение основных принципов установления мира. Эта проблема стала центральной в первой энциклике Пия XII «*Summi pontifikatus*» от 27.10.1939 г. и в его Послании на Рождество 1939 г. Пасхальное послание Папы от 13 апреля 1941 г. – бескорыстное апостольское слово, наполненное глубокой тревогой за судьбы мира и человечества, нота горечи проходит через все обращение, которое обычно является посланием радости⁷⁶⁷. Папа выдвинул пять основополагающих принципов установления мира. Дальнейшее развитие получила доктрина церкви о войне и мире (рождественское послание Папы 1944 г.)⁷⁶⁸.

3) Еще до начала Второй мировой войны Католическая церковь определила свое отношение к идеологиям национал-социализма и коммунизма. Почти одновременно были опубликованы энциклики Папы Пия XI «*Mit brennender Sorge*» (14.03.1937 г.)⁷⁶⁹44, указывавшая на нехристианскую сущность нацизма и несоответствие основам веры возникших в Германии пронацистских религиозных движений и «*Divini Redemptoris*» (19.03.1937 г.)⁷⁷⁰45, осудившая «атеистический коммунизм». Обе энциклики были направлены против идеологии тоталитарных режимов в Германии и СССР. В разработке этих энциклик принимал участие и будущий папа Пий XII (кардинал Э. Пачелли). Внимательно читающий Послание Папы к католикам Германии от 3 января 1941 г.⁷⁷¹ не может не увидеть беспристрастной оценки истории

---

⁷⁶⁵ Пий XII//Католическая энциклопедия. Т. 3. М., 2007. С. 1520.

⁷⁶⁶ История Ватикана. Ватикан и Римская курия. М., 2002. С. 131.

⁷⁶⁷ Папа Пий XII. Пасхальное послание 13 апреля 1941 г. <http://piusxii.ru/biblios.html>

⁷⁶⁸ Папа Пий XII. Десять заповедей мира. <http://piusxii.ru/biblios.html>, Вторая мировая война//Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002. С. 1124.

⁷⁶⁹ Enzyklika "Mit brennender Sorge" ["Cum Cura ardentis"]. Weltrundschreiben Papst Pius XI. [1922–1939]. Über die Lage der Kirche in Deutschland. Passionssonntag, den 14. März 1937// www.kirchenlehre.com/brennend.htm-62 k

⁷⁷⁰ Enzyklika "Divini redemptoris". Weltrundschreiben Papst Pius XI. [1922–1939].Über den atheistischen Kommunismus.19. März 1937/ www.kirchenlehre.com/kommun.htm

⁷⁷¹ Папа Пий XII. Послание к немецким католикам 3 января 1943 г. <http://piusxii.ru/biblios.html>

Германии последнего десятилетия и озабоченности судьбой христианства в этой стране.

4) С началом войны против СССР Папа Пий XII, несмотря на оказываемое на него политическое давление, отказался поддержать агрессию и нотой от 18.01.1942 г. не признал территориальные изменения, произошедшие в результате военных действий⁷⁷². «Папа Пий XII отказал Гитлеру в благословении войны против России, ибо с его точки зрения эта война была начата не с целью освобождения русского народа от ига коммунизма, а именно против него, народа»⁷⁷³. Антуан Венгер отмечает: «С 22 июня 1941 года Пий XII придерживался строго нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам.... С одной стороны, Святой Престол испытывал давление держав Оси, требовавших объявить крестовый поход против СССР, с другой – англичане и американцы просили его осудить нацизм и признать, что в России снова существует свобода совести. Но Ватикан не поддавался на подобные требования»⁷⁷⁴. Осознавая положение веры и церкви в условиях коммунистического режима в СССР, Папа никогда не допускал возможности рассматривать начатую против Советского Союза войну как средство освобождения народов России.

5) Отказ Пия XII от публичного осуждения в период Второй мировой войны преступлений фашизма и коммунизма по причине обеспокоенности за судьбу католического населения на территории этих государств. Именно этот пункт позиции вызывал и вызывает наибольшее столкновение мнений. Как уже указывалось выше, сегодня многие сложившиеся десятилетиями стереотипы пересматриваются в свете новых документальных источников, проливающих свет на позицию Святого Престола в период Второй мировой войны. Открываются малоизвестные факты конкретных практических шагов Святого Престола и лично Папы Пия XII по оказанию помощи еврейскому населению (по оценкам еврейского богослова и историка профессора Пинхаса Лапиде Католической церкви удалось во время II мировой войны спасти от неминуемой смерти, как минимум 700 000, возможно даже 860 тысяч евреев)⁷⁷⁵. Обращаясь еще раз к своей позиции в период войны, Пий XII в своей более поздней энциклике подчеркивает: «Когда вспыхнула последняя, ужасная и столь продолжительная война, Мы сделали все, что от нас зависело словами, убеждениями и действиями, чтобы несогласия были разрешены справедливым и мирным путем, дабы все народы, к какому бы племени они

---

⁷⁷² Пий XII//Католическая энциклопедия. Т. 3. М., 2007. С. 1522.

⁷⁷³ Голованов С. Католичество и Россия. Спб., 1998. С. 42.

⁷⁷⁴ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945). http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁷⁷⁵ «Im Haus des Vaters ist Jeder willkommen!». Papst Pius XII//Triumph des Herzens... S. 13–17; Монахиня, спасающая от Освенцима 60 евреев будет причислена к лику святых // <http://catholic.uz/home.html> и др.

ни принадлежали, дружно и братски объединились и вступили в совместное сотрудничество для достижения большего благополучия. Никогда, даже и в то время, из уст наших не вышло ни единого слова, которое могло бы показаться несправедливым или неблагоприятным в отношении одной из воюющих сторон. Конечно, Мы осудили, как и следовало, всякое беззаконие и всякое нарушение права; но Мы тщательно старались сделать это в такой форме, которая исключала бы возможность, даже при неправильном истолковании, навлечь на страждущее население еще более тяжкие притеснения. И когда, с некоторых сторон Нам делались настойчивые представления, чтобы, словесно или письменно, Мы одобрили войну, предпринятую против русского народа в 1941 году, Мы никогда не давали на то Нашего согласия, о чем Мы открыто заявили 25 февраля 1946 г. в речи, обращенной к Священной Коллегии кардиналов и ко всем дипломатическим представителям при Святейшем Престоле»⁷⁷⁶. Нам представляется правомерной точка зрения о том, что «публичное и одностороннее осуждение преступлений, совершенных одной из противоборствующих сторон, было способно привести к еще более тяжелым последствиям – так, во всяком случае, считал Пий XII»⁷⁷⁷. Бесспорно одно – обеспокоенность Папы судьбами мира и народов в это время была велика.

б) Позиция Католической церкви была прежде всего позицией духовной. В этом смысле главным шагом Папы Пия XII в период Второй мировой войны было поручение всего мира Пресвятой Богородице. 31.10.1942 г. он посвятил весь мир Непорочному Сердцу Девы Марии⁷⁷⁸, отчасти исполнив то, о чем она просила своих явлений в Фатиме (Португалия) в 1917 г. Вкратце напомним, что 13 мая 1917 г. было явление Пресвятой Девы Марии 3-м фатимским детям-пастушкам. Она предсказала революцию в России и Вторую мировую войну: «Война скоро окончится, но если не прекратят оскорблять Бога... начнется другая, еще более ужасная. Когда ночь осветится невиданным прежде светом, знайте – то великое знамение о том, что Бог идет карать мир за его преступления, и наказанием будет война, голод и притеснение церкви и Святейшего Отца. Чтобы воспрепятствовать этому, Я приду просить о посвящении России Моему Непорочному Сердцу и об умиловительном Причащении в первую субботу месяца. Если просьбы Мои будут услышаны, Россия обратится, и будет мир. А если нет, то заблуждения ее распространятся по свету, вызывая войны и гонения против церкви. Праведники станут

---

⁷⁷⁶ Папа Пий XII. Апостольское послание к народам России «Sakro Vergente Anno». Рим, 7 июля 1952. <http://www.fsspx.of.by/ru/oracle/>

⁷⁷⁷ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945). http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁷⁷⁸ Посвящение мира Пречистому Сердцу Девы Марии. Молитва Папы Пия XII 31 октября и 8 декабря 1942 гг. <http://piusxii.ru/biblios.html>

мучениками..»⁷⁷⁹. Посвящение собственно России же было, к сожалению, осуществлено лишь спустя десятилетия Папой Иоанном Павлом II.

7) В период войны Папой были также высказаны позиции, касавшиеся взаимоотношения общества и Церкви, послевоенного устройства мира, социальной доктрины церкви («Социальный крестовый поход»), которые вызывали крайне негативную реакцию советского руководства, стремившегося любым способом дискредитировать Католическую церковь и Святой Престол. В своем традиционном Рождественском послании 1944 г. Пий XII определил свою позицию в отношении демократии, центральной мыслью стало указание на связь между войной и тоталитарными режимами⁷⁸⁰.

В целом можно отметить, что в позиции Католической церкви в этот период всегда четко были отделены проблема войны против СССР и проблема коммунистического режима как такового. Война против СССР, как таковая, противоречила всем христианским принципам и доктрине церкви о войне и мире, и не могла получить одобрения церкви. В то же время «главную угрозу христианской цивилизации Пий XII видел в коммунизме как в материалистической цивилизации, отрицающей Бога и религию. Его обеспокоенность возрастала по мере усиления СССР в годы войны и распространения его влияния на страны Восточной Европы»⁷⁸¹. Как показала последующая история, опасения Папы были вполне обоснованными⁷⁸².

Исследователи отмечают для этого периода сохранение прежнего положения Католической Церкви в СССР, и даже усиление «антикатолической тенденций». В записке стат-секретариата Ватикана, врученной 4 апреля 1943 г. посланнику Великобритании, говорится: «Положение религии в России по-прежнему весьма тяжелое. Антирелигиозное законодательство остается в силе и строго соблюдается. Религиозные ценности, конфискованные до июня 1941 года, остаются в руках государства. Монастыри по-прежнему закрыты – их существование запрещено по закону. По тому же закону приходы лишены права юридического лица. Количество недействующих церквей остается таким же, как в начале войны. Ни одна из церквей, отнятых у верующих до июня 1941 года и приспособленных под клуб, склад, кинотеатр и т.д., не была возвращена общинам. Из католических церквей и часовен, существовавших на территории собственно России в 1918 году – а тогда

---

⁷⁷⁹ Феличи И. Знамение свыше. Рассказ о Фатиме. Варшава, 1992; Борелли А. Фатимская весть. Трагедия или надежда? Вильнюс, 1995; Матушка Лючия рассказывает о Фатиме. Фатима, 1991; Явления Пресвятой Богородицы в Фатиме. Воспоминания сестры Лусии с краткими примечаниями о. Ф. Лейте. Рим, 2007; Maria spricht zur Welt. 1917 in Fatima. Freiburg, 1973; Sorg A. Fatima – ein Licht für die Welt. Reimlingen, 1986; Fatima "Die Botschaft des Jahrhunderts; Воспоминания сестры Лусии с краткими примечаниями О.Ф. Лейте. Рим, 2007.

⁷⁸⁰ Пий XII // Католическая энциклопедия. Т. 3. М., 2007. С. 1522.

⁷⁸¹ Пий XII // Католическая энциклопедия. Т. 3... С. 1523.

⁷⁸² Пий XII // Католическая энциклопедия. Т. 3... С. 1523.

их было более тысячи, – действующими остаются лишь две: Св. Людовика в Москве, где служит о. Браун, и Лурдской Богоматери в Ленинграде (храм открыт для верующих, но после того, как в июле 1941 года – вслед за разрывом дипломатических отношений между СССР и правительством Виши – о. Флоран покинул Россию, здесь нет священника)»⁷⁸³. Вплоть до конца войны Папа Пий XII продолжал обращать внимание союзников на иллюзорность их надежд на свободу совести в СССР. В своих посланиях Рузвельту Папа настойчиво говорил о тяжелом положении католиков в России. Если и произошли некоторые изменения в положении Православной церкви, то Католическая церковь оставалась гонимой. «В сентябре 1943 года на встрече с иерархами МП Сталин, наряду с послаблением Московской патриархии, высказал желание, превратить Москву в центр оппозиционного Риму «вселенского православия» и обещал организовать финансовую поддержку данного мероприятия. Сталин понимал, что после II мировой войны Папа будет продолжать оказывать духовное сопротивление коммунизму в Европе»⁷⁸⁴. А. Венгер упоминает о беседе Сталина с Гарриманом после Тегерана, в ходе которой Сталин «высказал два интересных тезиса: 1) что он не хочет иметь дело с Римской церковью по причине ее интернационального характера (это обстоятельство при установлении контактов может вызвать серьезные затруднения); 2) что после войны в России усилится влияние народа и уже через двадцать лет Католическая церковь станет самой влиятельной религиозной общиной в России!»⁷⁸⁵. В ряде работ исследователей упоминается о «Справке о состоянии римско-католических костелов в СССР по состоянию на 4 мая 1944 г.», подписанной Берией и находящейся в секретной папке Сталина, и свидетельствующей о особом внимании, проявленном им в 1944 г. к ситуации католических приходов. Нам удалось найти этот документ в немецкоязычном переводе в интернете со ссылкой на архив Волкоглонова⁷⁸⁶. Как отмечают исследователи, «прогнозируя послевоенную ситуацию, Сталин расценивал Ватикан как своего основного противника в Восточной Европе, потому его интерес к положению католических приходов собственно в СССР отнюдь не случаен»⁷⁸⁷. Справка представляет собой краткий обзор состояния католических церквей в СССР, содержащий лишь

⁷⁸³ См. Shuster G. Religion hinter dem eisernen Vorhang. Würzburg, 1954; Suttner Ernst Ch. Die Katholische Kirche in der Sowjetunion. Würzburg, 1992; Hnilica J., Vnuk F. In geheimer Mission. Bischof unter roten Häschern. Miriam-Verlag. Jestetten, 1998; Die Stimme der zum Schweigen gebrachte Kirche //Triumph des Herzens, №82, 2007.

⁷⁸⁴ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945). http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁷⁸⁵ Голованов С. Католичество и Россия... С. 43.

⁷⁸⁶ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945) http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁷⁸⁷ Stalin und der Vatikan – zu einem Dokument aus dem Jahr 1944. Vorgelegt und kommentiert von D. Sullivan <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/sulldo.htm>

сведения статистического характера и ни коим образом не характеризующий состояния взаимоотношений государства и Католической церкви.

Особое усиление клеветнической кампании против Папы и Католической церкви наблюдалось после известного рождественского обращения Папы Пия XII 24 декабря 1944 г. к народам мира, о котором уже упоминалось выше. В обращении были представлены основные принципиальные подходы социального учения церкви в вопросах мира, справедливости между народами, свободы и демократии, подчеркнута ответственность церкви о нуждах времени. «Ответом на рождественское обращение Папы стала острая клеветническая компания в советской прессе и радио, представляющая речь Папы как поддержку падающего гитлеровского режима... Так как Сталин не мог надзирать над Ватиканом и инструментализировать его для своих политических целей, как это было с руководством Московской патриархии, то основы его новой церковной политики, главным принципом которой было использование религиозных общин в интересах политики партии, не были применимы для Католической церкви. Посему он рассматривал ее как врага, с которым вел ожесточенную борьбу. Как религия в целом до Второй мировой войны, так Католическая церковь в дальнейшем подвергалась нападкам всех средств пропаганды, борьба с церковью продолжалась в прежней форме»⁷⁸⁸. Кроме того, оказывалось и давление на руководство Православной церкви, побуждавшее его к публичным заявлениям, направленным против Рима, Ватикана и Папы. Думается ни лишено основания мнение, о том, что «Сталин допускал, что народ хочет религии, и был бы не против национальной формы церкви под контролем государства. Именно поэтому он был враждебно настроен по отношению к католицизму»⁷⁸⁹. Каким же был ответ Ватикана? Позволим себе привести одну небольшую, но очень содержательную историю о Папе Пие XII – «служителя мира в воюющем мире»: «Когда ему передали, что Сталин спрашивает, сколько у Папы дивизий, он сказал: «Можете сообщить моему сыну Иосифу, что с моими дивизиями он встретится на небесах». Вот в чем был секрет Пачелли. Даже о Сталине он мог сказать – «сын мой»⁷⁹⁰.

Одними из основных последствий II мировой войны стали территориальные изменения. Присоединение к СССР новых территорий, в результате раздела сфер влияния с Германией накануне II мировой войны, и закрепление новых границ по окончании Великой Отечественной войны⁷⁹¹ также имели косвенное влияние на положение немцев-католиков в СССР. Прежде всего отметим, что население католического исповедания вновь присоединенных

⁷⁸⁸ Задворный В., Юдин А. История Католической церкви в России... С. 27–28.

⁷⁸⁹ Suttner Ernst Ch. Die Katholische Kirche in der Sowjetunion. Würzburg, 1992, S. 47.

⁷⁹⁰ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945) // http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/mark.htm

⁷⁹¹ Пий XII – жизнь Папы (перевод с англ. О. Мартынова) <http://www.piusxiipope.info>

территорий Прибалтики, Восточной Польши, Закарпатья испытало на себе всю тяжесть антирелигиозной политики советских властей. В отличие от немцев-католиков, проживавших в СССР до начала войны, католики на новых территориях находились в несколько иной ситуации и патриотические призывы к защите отечества для них звучали весьма неоднозначно. В этих условиях отношение к советской власти часто было довольно враждебным⁷⁹². В результате депортации значительной массы населения с вновь присоединенных территорий в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, увеличилась численность католиков в зонах размещения депортированных немцев, и наблюдалось формирование отдельных районов с высокой концентрацией населения католического вероисповедания⁷⁹³. Кроме того, в лице репрессированных в послевоенный период священников из Прибалтики, Восточной Польши, Закарпатья немцы-католики в Сибири, Казахстане и Средней Азии обрели своих тайных душепастырей⁷⁹⁴. Священники-поляки, литовцы, эстонцы, венгры, украинцы служили святыне мессы для немцев-католиков на немецком языке. Имена многих из них вошли в «Книгу памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР»⁷⁹⁵. Кроме того, следует также сказать, что, несмотря на антирелигиозную политику, положение веры и церкви на новых территориях было все же несколько лучшим, чем, собственно, в Советском Союзе. Яркий пример в этом отношении – Прибалтика. Именно Прибалтике суждено было в последующем сыграть значительную роль в сохранении веры и религиозной жизни в среде немцев-католиков в СССР. Из Литвы, Эстонии верующие немцы-католики тайно получали религиозную

⁷⁹² Якобсен Г.А. 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы//Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 7–374; Тейлор А. Вторая мировая война//Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 375–555; Айсфельд А. Немецкие этнические меньшинства в странах Средневосточной и Восточной Европы накануне и в первые месяцы Второй мировой войны в политике Третьего рейха//Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955. Материалы 7 международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000. М., 2001. С. 17–39; см. также, Канн С. День победы – Библиография о Великой Отечественной войне (7591 наименование) <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/victory/05.ssi>

⁷⁹³ См. Shuster G. Religion hinter dem eisernen Vorhang. Würzburg, 1954; Suttner Ernst Ch. Die Katholische Kirche in der Sowjetunion. Würzburg, 1992.

⁷⁹⁴ Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katholischer Teil... S. 112; Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР //Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2–3 февраля 2007 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. С. 59–69; Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI) //Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15–16 мая 2009 г., – Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82–93.

⁷⁹⁵ Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане//Шченский Анджей. Отцы церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. Караганда, 2000. С. 199–283; Чаплицкий Бронислав. История церкви в России. Спб., 2000

литературу, душепастырскую опеку священников. В 50-е – 60-е гг. некоторым немцам-католикам удавалось тайно ездить в Прибалтику, где они встречались со священниками, получали от них духовные наставления по организации религиозной жизни на местах, наиболее надежным из них священники доверяли пресуществленные hostии для уделения святого причастия верующим в других регионах Советского Союза⁷⁹⁶. Именно в Прибалтике (Рига) в последующем тайно получили свое духовное образование и были рукоположены священники из среды немцев-католиков. Негативные, на первый взгляд, процессы, связанные с последствиями войны и антирелигиозной политики, сопровождавшиеся страданиями и жертвами сотен тысяч верующих, в итоге были обращены во благо и принесли плод для гонимой церкви и веры в СССР.

Несколько иначе в этот период сложилась судьба немцев-католиков на оккупированной территории. В Украине и прежде всего в Причерноморье проживала довольно значительная доля всего немецкого католического населения страны⁷⁹⁷. С началом войны они оказались в зоне оккупированной немецкими и румынскими войсками (Транснистрия)⁷⁹⁸. В литературе встречается характеристика религиозной жизни немцев-католиков в период оккупации как «религиозной весны»⁷⁹⁹. На наш взгляд, говорить о «религиозной весне» можно лишь относительно.

На момент оккупации положение немцев-католиков в этом регионе ничем не отличалось от положения католиков в СССР в целом: их церкви были закрыты, священники репрессированы, всякое выражение веры подвергалось гонениям и преследованиям. От прежнего религиозного уклада их жизни остались также только моноконфессиональные поселения и жажда веры. С началом оккупации церкви были вновь открыты, в колонии прибыли священники, в храмах возобновились молитвы и святые мессы, вновь стали уделяться церковные таинства⁸⁰⁰. С одной стороны, это действительно отвечало чаяниям немцев-католиков, после почти 20-летнего периода «духовного

⁷⁹⁶ Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Авторы-сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М.: «Серебряные нити», 2000.

⁷⁹⁷ Anna Stang. Lebenserinnerung. Рукопись. //Архив прихода Пресвятой Девы Марии Святого Розария г. Усть-Каменогорска /Казахстан/.

⁷⁹⁸ Keller Konrad. Die Deutschen Kolonien in Sudrussland. Neuauflage. HFDR, Nürnberg, 2000; Mertens Ulrich. Handbuch Russland-deutsche (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg-Padeborn, 2001.

⁷⁹⁹ Walth Richard H. Strandgut der Weltgeschichte. Die Russlanddeutschen zwischen Stalin und Hitler. Essen, 1994; Шевчук Н. Фольксдойче в Транснистрии//Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955. Материалы 7 международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000. М., 2001. С. 223–234; Терещенко А. Немецкое население Таганрогского (Миусского) округа в условиях немецкой военной администрации (октябрь 1941 – август 1943 г.) //Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие...С. 235–239.

⁸⁰⁰ Bosch A., Lingor J. Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer. Stuttgart, 1990, S. 384.

удушья» в условиях советской власти, они действительно переживали духовной подъем. Оккупационные власти также подтверждают высокий уровень религиозности российских немцев⁸⁰¹.

Одновременно мы наблюдаем и большие усилия Ватикана, направленные на возрождение религиозной жизни на оккупированных территориях. «С началом новой фазы Второй мировой войны Ватикан развернул лихорадочную деятельность, целью которой было любой ценой добиться осуществления папского окормления католиков в странах, оккупированных Вермахтом... Уже 23 июня 1941 года Святой Престол попытался воспользоваться ситуацией, сложившейся в результате оккупации немцами обширных советских территорий, стараясь направить в эти области своих священников до того, как нацистская администрация установила бы там свой собственный «религиозный режим»⁸⁰². Безусловно, одним из основных объектов душепапской опеки стали католики из числа российских немцев, проживавшие в так называемой Транснистрии.

По договоренности с румынскими оккупационными властями на этой территории начала свою деятельность католическая миссия. Главой католической миссии и апостольским администратором юга России стал направленный в Украину священник Маркус Глазер. В этот период на оккупированной немцами территории несли свое служение прелат Николаус Пигер, священники Пьетро Леони и Жан Никола и др.⁸⁰³.

Некоторое представление о том, как выглядела жизнь немцев-католиков на оккупированных территориях, дают следующие описания, представленные священником Иоханном Мюллером в воспоминаниях о их совместной с Иеронимом Менгесом миссии среди российских немцев в Причерноморье⁸⁰⁴. Отправившись в Украину по предложению прелата Пигера, с соответствующими церковными полномочиями от апостольского нунция в Бухаресте и с особым разрешением от маршала Антонеску, они прибыли в колонию Страсбург в декабре 1943 г.. Войдя в церковь, они увидели, что церковь была чисто убрана, на месте алтаря стоял стол с рождественской елкой и большим портретом Адольфа Гитлера, так как комендатура СС объявила о праздновании немецкого Рождества в 7 вечера. Узнав, что прибывшие являются католическими священниками, люди стали целовать им руки, а один дедушка стал даже целовать ноги, возразив на смущение священника: «Разрешите мне поцеловать эти ноги, которые принесли Вас к нам, ведь мы уже 10 лет не имели священника». Весть о прибытии священников быстро разнеслась по окрестным немецким колониям, и на святую

⁸⁰¹ Walth Richard H. Strandgut der Weltgeschichte...

⁸⁰² Walth Richard H. Strandgut der Weltgeschichte... С. 235.

⁸⁰³ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945) http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁸⁰⁴ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России... С. 309–310.

мессу собралось столько людей, что церковь и церковный двор не могли их вместить. Они по-настоящему пережили радость Рождества. В последующие дни священники служили святые мессы в других немецких колониях и везде церкви были полны⁸⁰⁵. Священники сотнями крестили детей, уделяли святые таинства. За время своей миссии они крестили 3 800 детей, повенчали 1 700 супружеских пар, уделили 900 подросткам первое святое причастие, уделили многим больным и пожилым таинство елеопомазания⁸⁰⁶. Это духовное состояние по праву можно назвать «религиозной весной».

В тоже время понятие «религиозной весны» ни коим образом не характеризует суть политики оккупационных нацистских властей в отношении религии и церкви немцев-католиков (как и других религиозных групп немецкого населения). В данном случае мы имеем дело с некоторой мифологизацией религиозной политики на оккупированных территориях. Антуан Венгер, в этой связи, отмечает: «Что касается нацистов, то они вовсе не были настроены разрешить католическим священникам обосноваться в своих тылах – в Белоруссии и на Украине, где жило католическое население латинского или униатского обряда. О многом говорит сам факт назначения на пост рейхсминистра по делам Восточных земель заклятого врага христианства Альфреда Розенберга.

Деятельность армейских капелланов была строго ограничена. По замыслу Гитлера, надо было помешать Ватикану воспользоваться победами нацистов: ведь Святой Престол отказался объявить крестовый поход против большевиков и благословить новых крестоносцев⁸⁰⁷. Власти не имели никаких конкретных планов возрождения и восстановления религиозной жизни немцев, в т.ч. и католиков, если ими и собирались какие-то сведения и данные, связанные с религиозной жизнью, то более для статистики, нежели в целях духовного блага верующих. Религиозной жизни не препятствовали, но до определенных границ, пока интересы духовные не приходили в столкновение с практическими интересами политики национал-социализма. Один довольно яркий пример: военная подготовка молодежи для ведомства СС была гораздо важнее чем духовные интересы верующих, поэтому невзирая на одну из 10 главных христианских заповедей – заповедь воскресенья – Дня Господня, занятия военной подготовки проходили в первой половине воскресного дня⁸⁰⁸.

Р. Вальт приводит высказывание главы Sonderkommando доктора Карла Штумпа: «Мы не могли сделать большего, потому что уполномоченные СС оставались тверды во мнении, что для российских немцев военная

---

⁸⁰⁵ Reinhard Eugen. Auf abenteuerlicher Mission bei der Russlanddeutschen//Heimatbuch der Deutschen aus Russland 2001/2002. Stuttgart, 2002. S. 118–121.

⁸⁰⁶ Reinhard Eugen. Auf abenteuerlicher Mission bei der Russlanddeutschen... S. 121.

⁸⁰⁷ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945) http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁸⁰⁸ Walth Richard H. Strandgut der Weltgeschichte... S. 234–235.

подготовка молодежи и молодых парней, после выполненных работ, в воскресное утро важнее, чем почтительное внимание умасленным речам священников. Наша религия, национал-социалистские убеждения в любом случае имели преимущество» и далее отмечает, что «это было явное выражение того, о чем думали и чего желали многие последователи национал-социализма. Кроме военной подготовки многие из них охотнее закрыли бы церкви, нежели обеспечили их священнослужителями, потому что национал-социализм, как и коммунизм, организовал многие свои структуры таким образом, чтобы они могли стать замещающими религиями, и ритуалы проводились так, что они напоминали религиозные культовые действия»⁸⁰⁹.

Обеспокоенные притоком людей на богослужения, власти СС тут же били тревогу. Так священник Менгес вынужден был прибыть в Зельц и предъявить соответствующие разрешения. Слова, сказанные ему штурмбаннфюрером СС, как нельзя более точно отражают позицию оккупационных властей: «Такие небесные комики нам здесь не нужны. Но пока вы делаете свой церковный фокус-покус и не вмешиваетесь в политику и другие интересы, можете быть спокойны». Священник Мюллер отмечает: «Когда СС позже заметило, какое сильное влияние имеет церковь на немецких католиков в Украине, поступили распоряжения из СС-централы из Ландау о прекращении деятельности католических священников в Украине»⁸¹⁰.

Религиозные чувства верующих российских немцев часто подвергались насмешкам со стороны оккупационных властей. «Многие общины направляли немецким властям просьбы прислать священников и религиозные книги. Другие не решались, потому что имперские немцы высмеивали их религиозность и говорили, что в Германии никто больше не ходит в церковь»⁸¹¹.

Что же касается вопроса отношения немцев-католиков к оккупационным властям, то здесь не стоит бросаться в крайности, приписывая им исключительно патриотический настрой в отношении советской власти, или особую активность в «сотрудничестве» с новой оккупационной властью, и в том, и в другом случае, преобладает взгляд на проблему с позиций этих самых властей, а не с позиций населения, оказавшегося на оккупированной территории. Это население проживало на этой земле, в этой стране уже более века, и, безусловно, имело свое ощущение отчего дома, часто не совпадающее с представлениями «великих мира сего», в предвоенное 20-летие ему довелось претерпеть от новой советской власти многие лишения, в том числе, эта власть пыталась лишить его самого главного – Бога и Церкви, она, по своей сути, входила в непримиримое противоречие с традиционным жизненным

---

⁸⁰⁹ Там же.

⁸¹⁰ Reinhard Eugen. Auf abenteuerlicher Mission bei der Russlanddeutschen... S. 120.

⁸¹¹ Walth Richard H. Strandgut der Weltgeschichte... S. 235.

укладом российских немцев⁸¹², в основе которого была вера. Естественно и настроения в умах немцев-католиков, как и у всего населения СССР, бытовали самые различные: был и патриотизм, и обида за несправедливые репрессии, преследования церкви, и склонность к поддержке оккупационных властей, которые, как казалось, вернули им право на Бога и церковь⁸¹³. В этой связи очень сложно осуждать кого-то. Как очень точно это было выражено устами одного из героев российского фильма о Великой Отечественной войне: «Сейчас не только такая война идет, что одни люди против других воюют, но и такая война, что «в нутрях» у каждого идет, каждый сам с собой воюет». Нужно быть очень осторожным в оценках, так с мнением о том, что «с началом Великой Отечественной войны в среде римско-католического населения, несомненно, возникли давно назревавшие антисоветские тенденции»⁸¹⁴ можно согласиться лишь отчасти. В среде католиков-немцев в СССР, несмотря на всю несовместимость большевизма с их традиционным жизненным укладом, не столь часто встречались крайне враждебные проявления, свойственные для католического населения вновь присоединенных территорий, для которых призыв советских (для них – оккупационных) властей к защите отечества вызвал весьма неоднозначную реакцию⁸¹⁵.

Основная масса немцев-католиков (как и российских немцев в целом), была аполитична и не испытывала каких-либо симпатий к идеям национал-социализма. Что касается восприятия шагов оккупационных властей в религиозной сфере, то было бы не логично требовать от населения отказа посещать вновь открытые церкви или бойкотировать религиозные празднования. Люди жаждали этого почти 2 десятилетия и вот они вновь получили это право на веру, пусть даже из рук оккупантов. В тоже время они постепенно убеждались в истинных намерениях новой власти и реальном отношении к их вере. «Через год после начала фашистской оккупации,

---

⁸¹² Герман А.А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам //Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 17–25; Герман А.А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения // Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-й международной научной конференции, Москва, 18–21 ноября, 2003. М., 2004. С. 86–98 и др.

⁸¹³ Шевчук Н. Фольксдойче в Транснистрии... С. 223–234; Терещенко А. Немецкое население Таганрогского (Миуссского) округа в условиях немецкой военной администрации (октябрь 1941 – август 1943 г.)...С. 235–239; Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России... С. 307–311; Walth Richard H. Strandgut der Weltgeschichte. Die Russlanddeutschen; Клец В. Коллаборационизм этнических немцев в годы Великой Отечественной войны: своеобразие формы и содержания//К 65-летию великой победы: взглфд из XXI века. Сборник научных трудов/НФИ КемГУ; под общ. ред. Н.М. Маркдорф, А.Я. Яркова. Новокузнецк, 2010. С. 66–94 (Электронная библиотека www.rusdeutsch.ru) и др.

⁸¹⁴ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 309.

⁸¹⁵ См. Suttner Ernst Ch. Die Katholische Kirche in der Sowjetunion.

29–31 августа 1942 года, митрополит Андрей Шипицкий писал Пию XII: «Сегодня вся страна понимает, что немецкий режим – возможно, даже еще в большей степени, чем режим большевистский, – является порочным, почти что дьявольским строем»⁸¹⁶. В целом же немцам в СССР были достаточно чужды как идеология коммунизма, так и идеология национал-социализма. О создании реальных условий для полноценного духовного развития не могло быть речи и в принципе, ведь фашизм, национал-социализм, так же, как и коммунизм, в корне не совместим с христианством.

После отступления оккупационных войск немецкое население, в том числе и католики, было вывезено в Польшу и Германию, затем частично репатриировано в СССР и направлено в зоны спецпоселений⁸¹⁷. Таким образом, католические поселения на этой территории, лишь не надолго пережив колонии депортированных немцев, также прекратили свое существование.

Следует также сказать еще об одном последствии периода Второй мировой войны для немцев-католиков. В предшествующие периоды у немцев-католиков наблюдалось исключительное преобладание конфессионального самосознания над этническим⁸¹⁸. Безусловно, оно сохранилось и в последующие десятилетия (прежде всего, у старшего поколения), так применительно к 60-м гг. XX в. священник Владислав Буковинский в своих воспоминаниях о Казахстане отмечал: «Старшие немцы-католики чувствуют себя прежде всего католиками, а потом уже немцами. Так, старый немец-католик говорит себе: «Я немец-католик», и режет: «Я немец»... Старшие немцы-католики не очень признают немцев-лютеран или баптистов за своих соотечественников. Они предпочитают, чтобы их дети, внуки женились, выходили замуж за поляков, литовцев, лишь бы действительно за верующих католиков, чем за немцев, принадлежащих к другим вероисповеданиям»⁸¹⁹. Однако в то же время общность судьбы всех конфессиональных групп немецкого населения СССР в период войны, более тесное соприкосновение между собой в условиях депортации, трудармии, спецпоселения способствовали некоторому усилению

---

⁸¹⁶ Венгер Антуан. Москва и Рим. М., 2000. Гл. XVI. Святой Престол и Россия (1939–1945) http://catholic.uz/tl_files/library/books/wenger/page17.htm

⁸¹⁷ Bosch A., Lingor J. Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien...; Герман А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955. Материалы 7-й международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000. М., 2001. С. 257–270 и др.

⁸¹⁸ Плева И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции, Москва 17–20 сентября, 1998 г. М., 1999. С. 203–208; Stricker G. Deutsches Kirchenwesen. Die Römisch Katholische Kirche // Deutsche Geschichte im Osten Europas... S. 324.

⁸¹⁹ Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 226.

этнической составляющей самосознания немцев-католиков как и немцев других исповеданий⁸²⁰.

Подводя итоги, выделим основные процессы, имевшие место в жизни немцев-католиков в СССР в период войны.

Ликвидация в ходе процесса депортации немецкого населения в 1941–1942 гг. основной массы немецких католических поселений, являвшихся последним оплотом традиционного этноконфессионального жизненного уклада немцев-католиков.

Нарушение традиционного принципа моноконфессиональности поселений в новых регионах размещения, в том числе, и для местных католических поселков. Погружение немцев-католиков в иноэтничную и иноконфессиональную среду.

Нарушение, в результате депортации и мобилизации в трудовую армию, традиционного аграрного характера поселений немцев-католиков, резкое увеличение доли немцев-католиков в городах.

Формирование католической диаспоры в новых регионах, значительное увеличение в них численности католиков и образование отдельных ареалов с высокой степенью концентрации католического населения (в том числе, и немцев).

Обострение религиозного сознания, в ходе войны и депортации, но, ввиду отсутствия реальных возможностей для полноценной религиозной жизни, сведение ее к нелегальной подпольной практике и тайной молитве в группах и семье. Особый вызов семье как «домашней церкви».

Изменения в сфере религиозной политики советского государства в сторону послабления антирелигиозной и антицерковной направленности не коснулись положения немцев-католиков и Католической церкви в СССР, напротив, наблюдалось усиление враждебных Ватикану и Католической церкви тенденций.

Истинная позиция Святого Престола в лице главы Католической церкви Папы Пия XII, не давшего благословения фашистской агрессии против СССР, военная и социальная доктрина Католической церкви замалчивались и искажались, подвергаясь клеветническим нападкам в советской печати, обвинявшим Ватикан в «пособничестве фашизму и империализму». Позиция же Католической церкви, как духовного института, имеющего в своей основе сверхъестественную природу, была, прежде, всего духовной позицией, базирующейся на глубоком осознании опасности, которую несли человечеству и фашистская и коммунистическая идеологии. Этой позиции сопутствовали и конкретные, действенные практические шаги.

Присоединение к СССР новых территорий, в результате раздела сфер влияния с Германией накануне II мировой войны, и закрепление новых границ

---

⁸²⁰ Плева И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект)... С. 208.

по окончании Великой Отечественной войны, также имели косвенное влияние на положение немцев-католиков в СССР: депортация населения, в том числе, и католического исповедания, с вновь присоединенных территорий способствовала увеличению численности католиков в зонах размещения депортированных немцев, кроме того, в лице репрессированных священников из Прибалтики, Восточной Польши, Закарпатья немцы-католики в Сибири, Казахстане и Средней Азии обрели своих тайных душепастырей.

Для части немецкого католического населения, оставшегося на оккупированной фашистскими войсками территории, этот период означал возрождение религиозной и церковной жизни, однако говорить о «религиозной весне», на наш взгляд, можно лишь относительно, так как политика нацистских властей в отношении религии и церкви на оккупированной территории носила ограниченный характер и допускала религиозную жизнь немцев-католиков в пределах, не противоречащих интересам рейха, что вполне объяснимо, в виду принципиальной несовместимости христианства и идеологии национал-социализма. После отступления оккупационных войск немецкое население, в том числе, и католики, было вывезено в Польшу и Германию, затем частично репатриировано в СССР и направлено в зоны спецпоселений. Таким образом, католические поселения на этой территории также прекратили свое существование.

Основная масса немцев-католиков (как и российских немцев в целом), была аполитична и не испытывала каких-либо симпатий к идеям национал-социализма. Настроения, так же, как и у всего населения СССР, в этот сложный период бытовали самые различные.

Некоторое усиление этнической составляющей самосознания немцев-католиков, вследствие общности судеб всех конфессиональных групп немцев в СССР в период войны и более тесного их соприкосновения между собой, тогда как ранее наблюдалось исключительное преобладание конфессионального самосознания над этническим.

В целом же, несмотря на то, что период Великой Отечественной войны не был ознаменован наличием какого-либо особого превентивного курса в отношении немецкого населения католического исповедания в СССР, и репрессивная политика носила преимущественно национальный характер, последствия этого периода для религиозной жизни немцев-католиков были весьма существенными. Они стали своеобразным завершающим этапом процесса разрушения традиционного религиозного уклада жизни немцев-католиков (как и немцев других исповеданий) и началом нового периода их истории (периода «катакомбной церкви») в регионах, где ранее, несмотря на длительное, насчитывающее несколько веков, присутствие католицизма, доля населения католического исповедания была не столь велика. В последующем это принесло свои плоды и послужило основой для восстановления и развития Католической церкви прежде всего в регионах Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Римско-католическая церковь и немцы-католики в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время

Начало Второй мировой войны стало поворотным пунктом в истории Римско-католической церкви в СССР. В 1940-е годы церковь вступила обезглавленной. Деятельность всех церковных организаций в стране, в том числе и католических, была практически прекращена. К концу 1930-х гг. в стране были ликвидированы все католические приходы и арестованы все священнослужители. В 1938 г. из 1 195 католических церквей и каплиц, существовавших в стране в 1918 г., действовало лишь две церкви⁸²¹. Дольше других существовали католические храмы в Москве и Ленинграде, которыми руководили священники, имевшие иностранные гражданство.

По одним данным, в СССР в 1918–1939 гг. было репрессировано около 470 католических священнослужителей различной национальности⁸²². По другим сведениям, за годы советской власти в стране пострадал 601 католический священник: из них вследствие репрессий погибло 187 человек, 168 прошли тюрьмы, лагеря и ссылки и их дальнейшая судьба не известна, 92 отбыли длительные сроки заключения и остались живы, 154 человека выехали после освобождения из тюрем, лагерей и ссылок на Запад⁸²³.

Используя в политике государства по отношению к верующим определяющий лозунг Союза воинствующих безбожников «Религия – тормоз социалистического строительства и пережиток капитализма», Коммунистическая партия освободила народ от «религиозного дурмана». Согласно всесоюзной переписи 1937 г. лишь 57% взрослого населения СССР объявили себя верующими, из них 434 730 советских граждан (0,8% от общего числа верующих) назвали себя католиками⁸²⁴. Как известно, репрессии ни в какие времена не уничтожали религиозных убеждений. Вера по-прежнему жила в людских сердцах. По данным профессора папской русской коллегии Г.М. Швайглы, в 1939 г. в СССР насчитывалось еще около 5 миллионов католиков⁸²⁵.

Осуществление антицерковного законодательства, активная антирелигиозная пропаганда и репрессивная политика большевиков первой

⁸²¹ См: Ruttmann H. Kirche und Religion von Aussiedlern aus den GUS-Staaten. Marburg, 1996, S. 20.

⁸²² См: Dzwonkowski Roman SAC. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR 1917–1939. Martyrologium. Lublin, 1998, S. 121.

⁸²³ Подсчитано по изданию: Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Авторы-составители о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М., 2000.

⁸²⁴ См.: Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-католическая церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб.: «Нестор», 1998. С. 36.

⁸²⁵ См: Hutten K. Christen hinter dem eisernen Vorhang. Stuttgart, 1962, S. 76.

половины XX века привели к тому, что к началу Второй мировой войны Римско-католическая церковь на всей территории СССР официально прекратила свое существование, церковная иерархия была разрушена, католическое духовенство подверглось массовым репрессиям, прекратили существование все католические общины. Были ликвидированы все внешние проявления религиозной жизни, благотворительные и иные религиозные союзы, общества, объединения, запрещены религиозные издания.

Тысячи римско-католических церквей были закрыты, перестроены в дома культуры, склады, гаражи, или снесены, национализированы дома священнослужителей, монастыри и другие церковные здания. Церковь потеряла былое финансовое могущество, в государственную казну перешел ее капитал, подверглись изъятию церковные ценности. Были закрыты все церковно-приходские школы, училища, духовные семинарии и духовная академия, запрещено религиозное обучение детей.

Католики в СССР оказались изолированы от своих братьев по вере за рубежом и не поддерживали с ними официальных отношений. Католиками, проживавшими на территории СССР, были окончательно утрачены связи с Ватиканом. Еще до войны на территории новых советских республик – Латвии, Литвы и Эстонии, а также в Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии в одностороннем порядке был расторгнут конкордат с Римом, а папские нунциатуры закрыты.

С началом войны положение католиков в СССР подверглось кардинальным изменениям. Вследствие депортации немецкого населения изменился ареал расселения католического населения в СССР. Массовая принудительная высылка лиц немецкой национальности из мест их постоянного проживания, затронула судьбы немецких католиков, как и представителей других конфессий, повлекла за собой не только массовую гибель немецкого населения, но и рассеяла по огромной территории страны представителей традиционных немецких религий.

Если принять во внимание, что по переписи населения на 17 января 1939 г. в СССР проживало 1 427 232 гражданина немецкой национальности⁸²⁶, то по самым скромным подсчетам среди них могло быть около двухсот тысяч католиков. Следствием высылки немцев из районов их постоянного места жительства стала практически окончательная потеря ими последних отголосков религии. Принудительная ассимиляция католиков привела к полной утрате большинством населения традиционной веры.

С началом Великой Отечественной войны среди части римско-католического духовенства и мирян-католиков возникли давно назревавшие антисоветские тенденции. Наиболее ярко они проявились после оккупации западных районов СССР Германией, когда некоторые священнослужители

---

⁸²⁶ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е гг.) / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1998. С. 16.

участвовали в пропагандистской деятельности против большевизма, надеясь с помощью фашистов противостоять воинствующему безбожию коммунистов и возродить католическую религию.

В результате быстрого продвижения войск вермахта вглубь территории СССР уже в первые месяцы войны германские войска вышли к Днепру. Приказ командующего 11-й германской армией генерал – полковника Э. Фон Шоберта от 15 августа 1941 г. объявлял, что этнические немцы, оказавшиеся в зоне операции его армии, находятся под защитой германского рейха. По мере продвижения фронта на восток оккупированная территория передавалась под управление германских властей.

После оккупации части СССР немецкими войсками в местах компактного проживания католиков были возобновлены католические богослужения и вновь открыты церкви в Одессе, Кишиневе, Ландау и многих других городах и селах. Мессы проводили как немецкие священнослужители, прибывшие с оккупантами, так и бывшие российские священники. Например, с 1941 г. в Одессе и близлежащих немецких селах – Страсбурге, Ландау, Карлсруэ, Екатеринбург, Мюнхене и др. служил прелат из Нюрнберга Н. Пигер. По решению Папы он был назначен генеральным викарием созданной Апостольской администрации юга России. В 1944 г. после освобождения этих районов от оккупантов Красной армией Пигер был арестован по обвинению в пособничестве фашистскому режиму и два года находился в заключении.

Бывший инспектор Тираспольской духовной семинарии Маркус Глазер в 1941 г. был направлен Папой Пием XII в оккупированные области Украины в качестве руководителя католической миссии и апостольского администратора юга России. В 1941 г. Глазер заново освятил кафедральный собор Вознесения Девы Марии в Одессе, закрытый в годы советской власти. В 40-е гг. по просьбе католических общин он проводил богослужения во многих приходах Украины. В 1943 г. за активную проповедническую деятельность Глазер был назначен Папой Пием XII епископом Ясской епархии, существовавшей на территории Бессарабии. До своей смерти в 1943 г. в католической общине Ландау служил патер Грейнер. Он жил в здании открытой им ранее церковно-приходской школы, где был сооружен скромный алтарь, так как церковь была частично разрушена после ее официального закрытия в начале 30-х гг.

С июля 1943 г. настоятелем Одесской римско-католической церкви стал П. Леони, арестованный в апреле 1945 г. после взятия города советскими войсками вместе с другим католическим священником Ж. Николая. Оба священнослужителя были приговорены к десяти годам исправительно-трудовых лагерей за сотрудничество с фашистским режимом.

Однако некоторые католические священники пострадали от рук нацистов вместе с прихожанами. Часть католического духовенства поддерживала советских партизан на оккупированных территориях, за что многие были расстреляны фашистами. Например, католический монах Максимилиан Кольбе погиб в

концлагере Освенцим, заменив одного из отправленных на смерть заключенных. Большинство священнослужителей, оказавшихся на оккупированных Германией территориях, заняло выжидательную позицию, и по вполне понятным причинам стремились остаться в стороне от событий военного времени.

Определенные улучшения в положении церквей всех конфессий наметились после встречи И.В. Сталина в сентябре 1943 г. с иерархом Русской православной церкви, а также представителями Грузинской православной церкви и мусульманами. Однако на этой встрече Сталин высказал пожелание превратить Москву в центр оппозиционного Риму «вселенского православия»⁸²⁷. В последующие годы советское правительство было вынуждено принять ряд мер по расширению прав религиозных организаций, был установлен порядок открытия церквей, организован Совет по делам Русской православной церкви и упорядочены государственно-церковные отношения с другими конфессиями. В августе 1945 г. Совет народных комиссаров предоставил религиозным объединениям право юридического лица, которого они были лишены с 1929 г. Впредь объединения верующих могли заключать договоры аренды, купли-продажи недвижимости, транспорта и богослужебной утвари, а также заниматься строительством церковных зданий.

Изменения в политику государства по отношению к церкви необходимо было внести и учитывая нормы международного права и мировой опыт. Статья 18 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., а также статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, другие международно-правовые акты, действующие и в настоящее время, провозгласили право каждого человека на свободу мысли, совести, религии или убеждений. Статьи 55 и 56 Устава Организации Объединенных Наций, разработанного в 1944 г., обязывали членов ООН содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех без различия религий.

В послевоенное время возрождение церкви в СССР началось с законного признания десятков религиозных организаций, но сотни католических общин по-прежнему существовали нелегально. В конце 1940-х гг., тогда как официальный статус получили религиозные объединения мусульман, старообрядцев, многих протестантских деноминаций – баптистов, адвентистов, пятидесятников и др., католицизму не было сделано практически никаких уступок со стороны Советского правительства. Более того, после опубликования Ватиканом в 1949 г. декрета об отлучении коммунистов от церкви, последовала новая волна репрессий по отношению к Римско-католической церкви СССР⁸²⁸.

По утверждению польских историков, в этой акции Русская православная церковь не была нейтральной. Один из исследователей послевоенной

⁸²⁷ См.: Голованов С., свящ. Католичество и Россия (Исторический очерк). СПб., 1998. С. 43.

⁸²⁸ См.: Великович Л.Н. Черная гвардия Ватикана. М., 1985. С. 204.

истории Католической церкви в СССР прямо указывал, что «Московская патриархия приняла в этой разрушительной деятельности активное участие, она инспирировала, поддерживала и расширяла насилие советских органов»⁸²⁹. Не случайно в докладе Синоду Русской православной церкви по поводу интронизации нового патриарха Алексия в феврале 1945 г. прозвучали нападки руководства Православной церкви на Ватикан и Папу Пия XII. Кроме того, журнал Московской патриархии опубликовал ряд статей, осуждающих католицизм и Святой Престол. Римско-католическая церковь вновь потеряла все связи с папской курией и, как и ранее, не имела единого руководства.

Все же в послевоенное время первые католические церкви были открыты во многих советских городах, где они существовали исторически, в том числе в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Житомире и Одессе⁸³⁰. Началось медленное поэтапное возрождение католической религии и церковной иерархии.

В то время места компактного проживания католиков на территории СССР в основном имелись в национальных республиках – в Литве, Латвии, в Белоруссии, на Украине и в Молдавии. Немецкая католическая диаспора в остальной части СССР, образовавшаяся в годы войны в Сибири и Средней Азии, по одним данным насчитывала более полумиллиона католиков, по другим, – более 450 тысяч, а именно, около немецких 200 тысяч католиков проживало в РСФСР, еще примерно 200 тысяч насчитывалось в Казахстане, остальные проживали в Киргизии и Таджикистане⁸³¹.

Среди союзных республик по численности католического населения первое место занимала Литва, на территории которой проживало около 2 миллионов католиков, объединенных в середине XX века в 7 епархий и 1 100 общин. Епископская иерархия Литвы распространяла свою власть только на Литву и не могла управлять католическими общинами остальной части России. Вторыми по численности были латыши, среди которых насчитывалось 400 000 католиков, объединенных в 180 религиозных общин. Ординариат архиепископства Риги осуществлял управление не только католической епархией на территории Латвии, но и обслуживал католическую диаспору по всему Советскому Союзу, за исключением Минска, где в 1989 г. возникла самостоятельная Минская епархия.

Кроме Прибалтики наибольшее число общин – около 115 имелось в Белоруссии, примерно 40 общин существовало на территории Украины, все они были польскоязычными. Около 15 000 немецких, польских и украинских католиков проживало в Бессарабии на территории Молдавской ССР. В

⁸²⁹ Hrynioch I. Die Zerstörung der Ukrainisch-Katholischen Kirche in der Sowjetunion // Ostkirchliche Studien. 12. Band. März 1963. Heft 1. Würzburg: August-Verlag, 1963, S. 6.

⁸³⁰ См: Hutten K. Christen hinter dem eisernen Vorhang. Stuttgart, 1962, S. 76.

⁸³¹ См: Kahle W. Frömmigkeit und kirchliches Leben // Eisfeld A. (Hg.) Die Russlanddeutschen. München, 1992, S. 193.

36 католических общинах, зарегистрированных в Закарпатье, к 1988 г. насчитывалось около 50 тысяч прихожан венгерской национальности⁸³².

Католические общины Сибири и Средней Азии состояли из депортированных немцев, поляков, украинцев и литовцев. Уже с 1953 г. существовала немецкая община в Караганде в Казахстане. В 50–60-е гг. прелат М. Келер, рукоположенный в 1922 г. и арестованный в 1934 г., проводил нелегальные богослужения в немецкой католической общине во Фрунзе и в Новосибирске. В 1957 г. он впервые публично совершил Святую мессу среди немцев-католиков в Красноармейске.

В Караганде в 1969 г. появилась первое зарегистрированное в СССР религиозное объединение немецких католиков. В этом же году была зарегистрирована и немецкая католическая община во Фрунзе (Бишкек) в Киргизии, возглавлял которую прелат М. Келер, получивший официальное разрешение для ведения проповеднической деятельности. На богослужения Келера со всей Киргизии приезжали немцы-католики, которых в 1970 г. здесь насчитывалось около 22 тысяч человек. В Алма-Ате до начала 90-х гг. действовал священник Георги. Кроме того, в Сибири существовали общины польских католиков, сосланных сюда после восстания 1863 г., их число колебалось между 20 и 30. Называть точное число общин, пожалуй, не имеет смысла, так как незарегистрированные общины в РСФСР появлялись также быстро, как и исчезали.

Известно, например, о нелегальных католических богослужениях, которые проводил приезжий священнослужитель в Красноярске в 1955–1956 гг. В отличие от лютеранских общин, которым разрешалось выбирать проповедника из собственной среды, католическая община практически не могла существовать без священнослужителя. В некоторых случаях прихожане сами проводили литургии, а общины собирались пожилыми женщинами.

Лишь некоторые католические священники, выпускники Рижской семинарии тайно проводили богослужения в общинах России, постоянно находясь под угрозой ареста. По данным на 1969 г., в СССР действовали почти 1 000 католических священников, подготовка которых велась в двух духовных семинариях – в Каунасе и Риге, где в 1969 г. насчитывалось 20 кандидатов в священники⁸³³. До 1989 г. ни один латышский епископ не получил официального разрешения проповедовать за пределами Латвии на территории СССР.

Лишь во второй половине 80-х гг. в СССР произошли существенные изменения во взаимоотношениях церкви и государства. Начался период воссоздания церковных структур, возрождения религиозных общин и обретения веры в Бога большинством населения страны.

---

⁸³² См: Stricker G. Katholizismus in Russland vor 1917 // Religion in der UdSSR. Unbekannte Vielfalt in Geschichte und Gegenwart. Herausgegeben von O. Basse und G. Stricker. Zollikon: G2W-Verlag-Zollikon, 1989, S. 120–124.

⁸³³ См: Stets nur eine Minderheit // Heimat im Glaube. 1969. №2; Katholiken in Kasachstan: Glaube blieb lebendig // Volk auf dem Weg. 1980, №2.

Процесс адаптации советских немцев к условиям спецпоселения (1941–1945 гг.)

Процесс адаптации к новой среде является сложным даже при благоприятных условиях переселения и требует мобилизации всех психологических ресурсов личности. Успех адаптации зависит от ряда причин: природно-климатических условий; культурных отличий от местного населения – в менталитете, религии, обычаях и традициях, а также от психологических и социально-экономических причин. Наиболее ярко это проявляется в случаях вынужденной эмиграции, что в полной мере ощутили на себе советские немцы, депортированные в годы Великой Отечественной войны.

Социально-психологическая адаптация переселенцев в новой среде может быть успешно реализована, если она происходит на двух взаимосвязанных уровнях: групповом и индивидуально-личностном⁸³⁴. На групповом уровне обретение переселенцами позитивной социальной идентичности в новой социокультурной среде невозможно без позитивной идентификации себя со своим этносом, сохранения позитивных отношений к представителям своей группы и формирования позитивных отношений к представителям принимающей группы. На индивидуально-личностном уровне успешность адаптации определяется актуализированными потребностями высшего уровня – в самоуважении и самоактуализации – что, в свою очередь, ведет к выбору и реализации стратегии интеграции.

Процесс вживания немцев-спецпереселенцев в инонациональную среду протекал весьма болезненно как на индивидуально-личностном, так и на групповом уровнях. Воздействующие на спецпереселенцев экстремальные нагрузки в условиях хронической стрессогенной ситуации, часто граничили с выживанием в непривычном экологическом, политическом, социокультурном пространстве. Как вспоминают участники депортаций – в течение первых двух лет шло психологическое привыкание к новому образу жизни. Именно этот период стал самым тяжелым для переселенцев с физической и моральной точек зрения.

Режим спецпоселения для немцев СССР формировался постепенно в течение 1941–1945 гг., однако период войны характеризуется неоформленностью законодательно-нормативной базы, регламентировавшей права и свободы немецких спецпереселенцев. Депортированные немцы могли свободно перемещаться внутри районов и даже из одного района в другой, отыскивая сносные места для жизни и работы. Все действия властей в

---

⁸³⁴ Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья в России: дис... д-ра психол. наук: 19.00.05. М., 2002. С. 7.

эти годы были направлены лишь на максимально быстрое проведение выселения немцев из мест их постоянного проживания и на организацию их трудового использования для нужд воюющей страны.

После проведенных в 1942 г. массовых мобилизаций всего трудоспособного немецкого населения, в местах проживания остались лишь старики, инвалиды, дети до 15–16 лет, женщины, имевшие детей до трех лет. Они оказались в тяжелом материальном положении, поскольку большинство из них было нетрудоспособно, не имело своего жилья, государство же никакой помощи им не оказывало⁸³⁵.

Вынужденное переселение немцев неизбежно породило такое явление как «культурный шок» или «стресс аккультурации»⁸³⁶ – это неотъемлемая составляющая миграционного процесса, связанная не только с материальными трудностями и неустроенностью быта, но и с особенностями культурной адаптации. В этих условиях от возможностей приспособляемости зависело культурное сохранение этноса. Однако очевидно, что сразу после переселения задачи культурного развития, образования для самого народа не были первоочередными, на первый план выдвинулись проблемы хозяйственно-бытового устройства.

Быт всех спецпоселенческих групп долгое время оставался неустроенным, климатическая и хозяйственная адаптация протекала тяжело. На новых местах переселенцы столкнулись со многими трудностями. Основными проблемами для большинства переселенческих семей стали дефицит жилья, отсутствие одежды и обуви, голод, недоступность медицинской помощи. Нехватка продуктов питания приводила к тому, что многие семьи самовольно переезжали из колхоза в колхоз в поисках лучших условий жизни.

Прибывшие семьи размещали в малопригодные для жизни помещения, либо подсаляли в дома местных жителей, что являлось причиной многочисленных конфликтов между приезжими и хозяевами. Многие жили в бараках и землянках, которые сами построили. Воспоминания немцев дают возможность понять всю остроту проблем. Например, Лейман Берта Георгиевна вспоминает, что по прибытию их расселили на конюшенном дворе, где они прожили около двух недель, а потом им выделили комнату по соседству с русской семьей»⁸³⁷.

---

⁸³⁵ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плевне И.Р. История немцев России. М.: Изд. «МСНК-пресс», 2005. С. 479.

⁸³⁶ Шустова Н.Е. Копинг-поведение в контексте социально-психологической адаптации переселенцев к новым условиям жизни // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: Материалы Межд. науч. конф. / Отв. ред. В.В. Гриценко. Балашов, 2003. С. 381.

⁸³⁷ Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): дис...канд.ист. наук: 07.00.02. Красноярск, 2006. С. 79.

Несмотря на тяжелое материальное положение переселенцев, вопросы обеспечения немецких семей необходимым центральными органами государства не решался. В результате немецкие семьи были поставлены на грань вымирания. Так, в сообщении из Новосибирской области говорится: «В деревне Степановка Ижморского района несколько семей из-за отсутствия у них хлеба дошло до истощения. В Чановском районе из числа прибывших немцев, переселенных в количестве 6000 человек, большинство рабочих и служащих своего хлеба не имеют...»⁸³⁸.

Воюющей стране необходимы были трудовые ресурсы и поэтому все законотворчество в отношении немцев ограничивалось лишь документами, регламентирующими их участие в трудовой армии. В 1943–1945 гг. власти не предпринимали никаких специальных мер по отношению к депортированным немцам, не призванным в ряды трудовой армии. Финансирование их неотложных нужд прекратилось, фактически они были брошены на произвол судьбы.

Большая часть немцев до выселения была занята в сельском хозяйстве, что позволило им быстро включиться в аналогичный трудовой процесс. Советские немцы были трудоустроены в местных колхозах и совхозах, но фактически многие немецкие семьи были обречены на голодную смерть. Бенгард Эмма Александровна, вспоминает: «Работали с утра и до вечера, одеть было нечего, за труд ничего не получали. Питались в основном травой и ждали весны, чтобы на поле собрать прошлогоднюю мороженую картошку и накормить семью»⁸³⁹.

Труднее пришлось бывшим горожанам и представителям творческой интеллигенции, которые в большинстве своем не могли устроиться на работу по прежней специальности. Лишь некоторые немецкие учителя и врачи были привлечены к работе на новом месте жительства в условиях нехватки квалифицированных кадров⁸⁴⁰. Они находились под особым контролем со стороны местных властей и при любом удобном случае вызывали подозрение.

Несмотря на столь тяжелое положение, отличительными чертами немцев-переселенцев в новой социокультурной среде были трудолюбие, дисциплинированность и ответственность. Эти качества помогали им преодолевать климатические, хозяйственные и бытовые трудности⁸⁴¹. Но трудовые успехи переселенцев власти признавать не спешили. Только в послевоенное время

---

⁸³⁸ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 439.

⁸³⁹ Зберовская Е.Л. Указ. соч. С. 80.

⁸⁴⁰ Там же.

⁸⁴¹ Вибе П.П. К вопросу о факторах, определявших колонизационные возможности немцев-колонистов в Сибири (кон. 19 – нач. 20 вв.) // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. Международ. науч. конф. Анапа, 20–25 сент. 1995 г. М., 1996. С. 238.

представители спецконтингента попадают в число передовиков производства, стахановцев.

Еще одной острой проблемой было обучение немецких детей. Школа играла ведущую роль в образовании российских немцев, не только обучала грамоте, но и в условиях иноязычного окружения способствовала сохранению родного языка, национальных традиций. Но запрет в 1938 г. немецких национальных школ, события военных лет привели к плачевному состоянию языка и культуры немцев, к исчезновению образования на родном языке⁸⁴².

Трагедия советских немцев военных лет – это, прежде всего, трагедия детей. Среди депортированных в начале войны дети составляли почти 50%⁸⁴³. Они вместе со взрослыми переносили все тяготы и невзгоды депортации. Дети гораздо сильнее подвергались влиянию со стороны иноязычного населения, поэтому в их среде более активно протекали ассимиляционные процессы. Впоследствии это приведет к утрате немецким этносом части своих национальных традиций, родного языка.

Один из аспектов удачной адаптации – это отношение местного населения к прибывшим. Видя бедственное положение переселенцев, многие местные жители старались им помогать. По свидетельству Б.Г. Лейман, когда заболел ее брат, русская женщина каждый день приносила кусочек хлеба, что помогло ему встать на ноги⁸⁴⁴. Были, конечно, случаи негативного отношения к немцам. Так, Э.А. Бенгардт рассказывает: «Когда мы стали приближаться к деревне, местные ребята кричали «Немцы с рогами!», называли нас «Геббельсом», «Герингом», а мы даже не знали, кто это»⁸⁴⁵. Но необходимо отметить, что в целом местные жители не испытывали к немцам негативных чувств.

Естественно, что неустроенность быта, существование на грани голодной смерти порождали недовольство немцев и критику советской власти: «Советская власть довела до того, что на коленях ползаем, да работаем. Когда же советской власти придет конец» (1943 г., Коми АССР)⁸⁴⁶. Однако, как отмечает Н.М. Игнатова, антисоветские настроения, содержащие критику советского правительства, можно назвать больше эмоциональными, чем по сути антисоветскими⁸⁴⁷. Это утверждение представляется справедливым, поскольку в годы войны существовал фактор, помогавший немцам-спецпереселенцам

---

⁸⁴² Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. М., 2004. С. 11.

⁸⁴³ Там же.

⁸⁴⁴ Зберовская Е.Л. Указ. соч. С. 78–80.

⁸⁴⁵ Там же.

⁸⁴⁶ Игнатова Н.М. Настроения спецпереселенцев на Европейском Севере в 1940–1950-е гг. // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2009. С. 102.

⁸⁴⁷ Там же.

и трудармейцам переносить сложности, дававший силы для налаживания жизни. Этим фактором было ожидание скорой победы, ожидание коренных, эпохальных перемен, надежда на лучшую жизнь после окончания войны. Э. Гриб вспоминает: «Мы все работали для фронта, для Победы. Мечтали о том дне, когда война кончится и мы сможем вернуться к своим семьям на свою малую родину»⁸⁴⁸.

В целом процесс адаптации в условиях спецпоселения в 1941–45 гг. был направлен на физическое выживание этноса, адаптация рассматривалась немцами-спецпереселенцами только как вынужденное материальное и трудовое обустройство, не предполагавшее замену культурных ценностей. Лишь с 1945 г., после принятия СНК СССР 8 января двух секретных постановлений «О правовом положении спецпереселенцев» и «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД», этот процесс получает иное значение – приспособление к инонациональной среде на длительный срок.

---

⁸⁴⁸ Герман А.А. «Если останусь жив...»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М.: «МСНК-пресс», 2007. С. 38.

О немцах Киргизской ССР в контексте 65-летия окончания Великой Отечественной войны

Германский город днем готовился к воинскому параду. Вечером, когда освещенные факелами под барабанный бой по булыжной мостовой маршировали высокие молодые арийцы в касках, это бы вызвало у меня шок от исторических ассоциаций, если бы не дневная репетиция. Тогда вдоль рядов солдат, покрикивая, вышагивал их командир, в облике которого проглядывали явно неарийские корни. Провокационно задаю вопрос на среднеазиатском «койне»: «Кандай?» (Как дела?) и получаю «автоматический» ответ: «Орто!». После того, нервно оглядываясь, офицер прошелся туда-сюда, и лишь затем решился выяснить: «Где он прокололся?» Успокоился и рассказал, что у него бабушка немка, а все остальные родственники – киргизы, русские. Эмигрировав ребенком, сделал карьеру, но то, что впитал в детстве в киргизском аиле, неожиданно проявилось спустя десятилетия. Это и стало поводом для последующих размышлений автора.

Киргизская Республика (бывшая Киргизская ССР) – небольшая по территории, но пестрая по расовому, этническому, ментальному и конфессиональному составу населения, где немцы живут с 1880-х годов, что позволяет на их примере проследить многие тенденции. Ныне количество немцев в Киргизии почти сравнялось с тем, что было в 1939 году (11 741 чел. или 0,8% от общей численности населения республики), и в десять раз меньше численности в относительно благополучном 1979 году (101 129 чел.). Но в 1951 году немцев было 15 997 чел.: 528 чел. – репатриированных, выселенных – 36 чел., мобилизованных – 230 чел., немцев местных (тех, кто оставался жить на своих прежних местах – в Таласской и Чуйской долинах) и «других» – 14 958 чел.⁸⁴⁹. Впрочем, некоторые из них записывались голландцами, австрийцами, меннонитами, но с августа 1941 года все они органами НКВД были причислены к «немцам». На этот промежуток времени пришлось испытания, оценка которых в отечественной (подразумеваемой советскую, российскую и киргизскую) истории уже во многом произошла, но остались «за рамками» диаспоральные процессы, заслуживающие внимания.

Особенно это касается периода Второй мировой войны, когда стала «размываться» замкнутая ранее по этноконфессиональным характеристикам местная сельская община, которую не могла «разомкнуть» ни советская власть, ни внедряемая ею колхозная система. Тому ранее способствовали:

---

⁸⁴⁹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: хрестоматия. М., 2005. С. 309.

столетняя изоляция в экономических и социальных контактах, действительная служба в советских немецких воинских частях, общение на plattdeutsch с соплеменниками из числа партийной и советской элиты, хозяйственных руководителей, медиков, агрономов, ветеринаров и культпросветработников. Вне сел жила лишь небольшая часть немецкого населения (в 1939 году – 9,7%), успешно адаптировавшихся к городским социальным условиям и конструирующих свою «новую» идентичность – к тому времени 8% немцев республики уже назвали родным язык другого этноса.

Жители села Ленинполь рассказывали, что общение, в том числе в клубе и закрытом лишь накануне войны молитвенном здании, помогало сохранять самосознание. Функционировавшее до 1938 года в школах образование на литературном немецком языке сближало с культурой Германии, в людях которой долгое время видели только товарищей по классовой борьбе. Да и произведения классиков немецкой литературы, и, прежде всего Гейне, звучали уже и на киргизском языке. На одной из сохранившихся фотографий местные немцы-комсомольцы даже бравируют своим происхождением, выступая на агитконцерте в юнгштурмовках и с тельмановским взмахом руки Рот Фронт. Все, и почти разом, прекратилось летом 1941 года, оказав серьезное воздействие на этническое самочувствие...

Тогда некоторым немцам из Киргизской ССР удалось повоевать только первые два месяца, затем ощутив себя «потенциальными предателями». Между тем из 11 немцев села Каирма, призванных в 1940 г. для службы на западной границе СССР после войны домой вернулись только трое. Патриотом оказалось легче стать, отринув родство, но именно благодаря родителям обозначенный в метрике «русским» Леонид Деймант, уже будучи членом Союза художников Киргизской ССР, с первого до последнего дня – в действующей армии, где стал автором зарисовок и акварелей: «По дорогам войны» (1942), «Город Фастов» (1944). Меньше повезло его родному брату, записанному немцем. Полуеврей (по матери – учительнице) и полунемец (по отцу – красному командиру) «русский» Анатолий Беккер прошел войну танкистом и разведчиком (знал язык), избежав преследований по происхождению. Андрей Бусс – крупный партийный и хозяйственный руководитель, приехал во Фрунзе в 1940 году и проработал здесь всю войну, поскольку от давно ушедшего из жизни отца – уральского инженера-путейца ему досталась только фамилия.

Помимо воли иные немцы-кыргызстанцы оказались в зоне одного из действующих фронтов – Арктического. Дело в том, что высланные в 1936–1939 годы или отправленные в трудовые колонны в 1942–1944 годах в Архангельскую область, Красноярский край и Омскую область, они оказались вблизи акваторий Белого и Карского морей, куда заходил крейсер «Адмирал Шеер», блуждали 11 подлодок Kriegsmarine. Родственники плотника Егора Лофинка узнали, что в праздник – 7 ноября 1938 года

скорый суд НКВД вынес ему приговор – расстрел, но в 1943 году получили «утешительное» известие: «Е.Е. Лофинк умер на Земле Франца-Иосифа от воспаления легких»⁸⁵⁰. Потенциально там Лофинк мог встретиться с гитлеровскими моряками – далекими родственниками – по месту исхода предков из немецкоязычных земель. И если уроженцы единой (с 1869 года) Германии ощущали себя *deutsche*, то советские граждане были советскими немцами из Киргизии, ибо в ценностных ориентациях советских людей существенную роль играл внешний импульс: внедряемые хорошо отлаженной политико-просветительной работой социалистические нравственные идеалы. Интернациональное и патриотическое воспитание приносили свои результаты. Идеологемы «советский народ», «социалистическое отечество», «родная партия большевиков» отнюдь не были пустым звуком для немцев Киргизстана, выросших при советской власти.

Не подверглись притеснениям и не объявлялись врагами СССР лечившиеся в годы войны в санатории интербригады в г. Ош около 40 политических эмигрантов из Германии, в том числе супруги Вайнбергер и Дебо Виланд⁸⁵¹. Эти люди играли слишком заметную роль в Коминтерне.

Никого не депортировали из Киргизская ССР. Не была указана республика и в качестве места высылки по Постановлению СНК и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года, но депортированные оказались здесь и, несмотря на предписания, иногда использовались на руководящей работе: Иван Клипенштейн «аккуратно работает с 1941 г. сентября м-ца» главным бухгалтером транспортной конторы; Леонид Фрейлих из Курской области – начальником снабжения эвакогоспиталя⁸⁵². Им, как выходцам из городской советской среды, без акцента владевшим русским языком, очевидно легче было затеряться в суматохе того времени. Потребность же в квалифицированных кадрах позволяла руководству закрывать глаза на этническую принадлежность. Возможно, это объясняется и тем, что в условиях небольшой республики людям различного происхождения в тесном и взаимовыгодном общении пришлось выработать иной тип отношения между собой и к немцам, нежели в опаленной войной европейской части страны.

Декларативно власти осуждали национализм и шовинизм, а председатель бюро республиканского филиала антифашистского Комитета ученых академик АН СССР Алексей Бах говорил в октябре 1942 года: «В этот грозный час все силы советского народа направлены на разгром врага мировой цивилизации, мы, представители интеллигенции великого советского народа, выражаем свою непреклонную волю и готовность оказать

---

⁸⁵⁰ Ярков А.П. Немцы в Кыргызстане // Газета немцев Кыргызстана. 1993. №11.

⁸⁵¹ Кенешбеков К.А. Из истории международных отношений Кыргызстана и Германии (конец XIX – XX в.). Бишкек, 1999. С. 14.

⁸⁵² Из истории немцев Кыргызстана: 1917–1999 гг.: сб. док. и матер. Бишкек, 2000. С. 111.

поддержку нашей героической Красной армии в разгроме ненавистного врага»⁸⁵³.

Такие немцы как композитор Владимир Фере вообще не испытывали в Киргизии ограничений гражданских прав. Не акцентируя происхождения, в начале 1942 г. он из патриотических соображений обратился к наркому Военно-морского флота СССР, попросив «призвать его по музыкальной, журналистской или политической части»⁸⁵⁴. Просьбу отклонили, но композитор «использовался по прямому назначению», сочиняя патриотические оперы и песни, за что в 1944 году удостоен звания народного артиста Киргизской ССР. Любопытно, что за личный взнос в фонд обороны, немец Фере удостоился в марте 1943 года телеграммы Иосифа Сталина со следующими словами «Примите мой привет и благодарность Красной армии, Владимир Григорьевич, за вашу заботу о бронетанковых силах Красной армии и о восстановлении разрушенных немецкими (**подчеркнуто А.Я.**) захватчиками наших городов»⁸⁵⁵. В тот период, очевидно, еще у власти не выстроилось различие дефиниций «немец», «фашист», «гитлеровец», а подписавший телеграмму Верховный главнокомандующий мог и не знать об этническом происхождении адресата.

Оказался востребованным в Киргизском театре оперы и балета эвакуированный во Фрунзе студент Театрально-музыкального училища имени Глазунова Иоганн Краузе. Вернувшись в Москву в 1943 году, он не подвергся преследованию, но позже поменяв, по совету И.В. Сталина, имя и фамилию, став Иваном Петровым, народным артистом СССР и солистом Большого театра⁸⁵⁶. Изменение декларируемой этничности, впрочем, имело общую природу для «солистов» и «экономистов». Почти анекдотичной выглядит ситуация с начальником планового отдела Киркоопинсоюза Францем Энгельсом, просившего в марте 1942 года признать его евреем, так как из-за немецкого происхождения его «переводят с одной работы на другую». Заявление Ф. Энгельса Секретариатом ЦК ВКП(б) было признано «неправильным и необоснованным»⁸⁵⁷. Если ранее совпадение фамилии с одним из соратников Карла Маркса, очевидно, спасало от репрессий («кто же осмелится – почти по Владимиру Войновичу – арестовать основоположника»), то в 1943 году его отправили в трудармию, где на утренних и вечерних поверках рождался повод для шуток: «Энгельс! Где Энгельс?» – «Ушел к Марксу редактировать «Капитал»!».

---

⁸⁵³ Цит. по: Петровец В.М. Научные исследования в Киргизии в годы Великой Отечественной войны. – Ф., 1969. С. 24.

⁸⁵⁴ Там же. С. 108.

⁸⁵⁵ См.: Советская Киргизия. 1943. 18 апреля.

⁸⁵⁶ Немцы России: энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 63.

⁸⁵⁷ Из истории немцев Кыргызстана: 1917–1999 гг.: сб. док. и матер. Бишкек, 2000. С. 112.

Будучи голландцем (по записи в паспорте, но женатый на немке), Теодор Герцен из С. Орловки был отправлен на Урал, а затем в Казахстан вместе с односельчанами-немцами⁸⁵⁸. Мобилизация немцев, австрийцев и голландцев не была исключительной: по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения» на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт было направлено 3010,4 тыс. чел., основную часть которых составляли женщины⁸⁵⁹.

Оставшиеся немки «...мужественно разделяли тяжкую долю многих и многих крестьянок Таласской долины и всей страны...»⁸⁶⁰. Из воспоминаний Пауля Крекера: «Отец на Трудфронте. Мать день и ночь работали в колхозе, но прокормить троих малолетних детей была не в состоянии. Летом она находилась со скотом в горах, и мы вообще остались бы без присмотра, если бы не сосед наш Одуракай-ата. Простой колхозник, уже в летах, сам обремененный немалой семьей, он делился с нами буквально последним, будь то кусок хлеба или небогатая одежда. Под его началом и к труду приобщились. Я почитаю за ближайшую родню детей давно умершего Одуракай-ата. Оттуда, из военного времени, и признание Пауля Крекера: «Владею киргизским лучше, чем немецким»⁸⁶¹, отражая сформировавшуюся установку: «лучше говорить на киргизском, чем выдать себя как «фашиста».

Очевидцы рассказывали, что демонстрировавшая в сельском клубе кино-новелла «У старой няни» оказал негативное воздействие на взаимоотношения детей, ведь шпионом там оказался советский юноша-немец, выданный бдительной «доброй старой няней». Бытовой национализм особенно остро стал проявляться с увеличением числа эвакуированных в сельской местности с уже устоявшимся уровнем толерантных отношений. Вот как один из ленинпольских немцев отнесся к стоявшим в очереди: «евреи приехали кушать наш хлеб»⁸⁶². Недружелюбие немцев к евреям проявлялось и в пренебрежительной фразе местных о «жидовских огородах». Мало принималось во внимание то обстоятельство, что эвакуированные евреи, чтобы прокормить себя, вынуждено занимались сельским хозяйством в непривычной для себя обстановке. Из архивных документов известно, что для отоваривания карточек выстраивались две очереди – из немцев и евреев, где с обидой высказывалось: «немцам – больше». Вряд ли это соответствовало истине.

---

⁸⁵⁸ Мосолова Л.М. Теодор Герцен: творческий портрет. Фрунзе, 1990. С. 9.

⁸⁵⁹ История советского рабочего класса. Т. 3. М., 1984. С. 365.

⁸⁶⁰ Мосолова Л.М. Теодор Герцен: творческий портрет. Фрунзе, 1990. С. 10.

⁸⁶¹ Крекер П. Многонациональным было село Шверник... // Сельская трибуна. 1988. 5 января.

⁸⁶² См.: Ярков А.П. Евреи в Кыргызстане: историко-культурологический очерк. Бишкек, 200. С. 83.

Скорее всего, ситуация объяснялась тем, что немецкие семьи были многодетными и получали продукты по количеству едоков.

Напряженность во взаимоотношениях (несмотря на активное интернациональное воспитание в довоенное время) представителей двух этносов – немцев и говорящих на идиш (относится к германской группе языков) ашкенази объясняется множеством факторов. Это и религиозная конфронтация, существовавшая в местах их прежнего проживания в период Средневековья – на немецких землях. Это и политический фактор – геноцид евреев в Третьем рейхе (не случайно в письме к родственникам во Фрунзе Леонид Покрасс писал об ужасе сбитых германских летчиков, узнавших, «что начальник караула, то есть я – еврей»⁸⁶³).

Тяжелые испытания выпали на долю мобилизованных в трудовые колонны, объединенные именно по происхождению. Вместе земляки направлялись на Урал и в Сибирь, иные поближе – в Узбекистан и Казахстан, где оказались вместе с поволжскими и кавказскими немцами. Диалектные различия, профессиональные и бытовые традиции оказались вторичным фактором на фоне общего подневольного труда, «единения» на фоне психологического дискомфорта и морального унижения, неизвестности о судьбе оставшихся без надзора детей. Лишь немногим повезло: они оставались в Киргизстане, направленные на участок военно-строительных работ № 367 Среднеазиатского окружного военно-строительного управления, где исполняли обязанности каменщиков, лесорубов, разнорабочих. На строительстве Ворошиловской (Аламединской) ГЭС-1, введенной в строй в 1943 году, численность немцев была самая большая – 200 чел.⁸⁶⁴ Некоторые даже имели возможность общаться с родными, поскольку работали в десятке километров от дома, или получать посылки с оказией – из далекой (по киргизским меркам – 200 км) Таласской долины.

Вообще следует различать степень ассимиляции и аккультурации немцев по времени проживания в Киргизстане (местным уроженцам легче было переносить невзгоды военного времени, имея земельные участки), образовательному цензу, отрыву от «деревенских корней», где, очевидно, в большей степени сохранялись родной язык и традиционная культура, чем у оказавшихся здесь уроженцев Москвы и Ленинграда. Путь этих «путешественников поневоле» был продолжен в январе 1944 года, поскольку вместе с представителями «национальностей, воюющих против Советского Союза», они подлежали высылке в Томскую область⁸⁶⁵.

---

⁸⁶³ Покрасс Л. Судьбы черное крыло // Мааян. 1997. №4–5.

⁸⁶⁴ Абдыкадыров Т.А., Джумалиев С.Р. Источники по истории немцев в архивах Кыргызстана // История немцев Центральной Азии: материалы Междунар. науч. конф. – Алматы, 1998. С. 219; Чуйская область: энциклопедия. Бишкек, 1994. С. 454.

⁸⁶⁵ Из истории немцев Кыргызстана: 1917–1999 гг.: сб. док. и матер. Бишкек, 2000. С. 116.

Лишь у незначительной части немцев наблюдались антисоветские настроения⁸⁶⁶, хотя не исключено, что это было оговором. Так, в одном из писем привлекалось внимание к проживавшему на улице Заводской во Фрунзе портным Гердерам, к которым «не все клиенты одинаковое время проводят на примерке, что вызывает подозрение». Но в целом такие присущие немцам качества, как трудолюбие, пунктуальность, добросовестность, способствовали тому, что они быстро включались в работу. Иные немцы стали передовиками, трудились вместе со всеми под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» В частности, немецкие, по основному составу работников, колхозы «Первое мая» (в Чуйской долине) и «Красная заря» (в Таласской долине), несмотря на массовую отправку сельчан в Трудармию, неизменно выполняли планы сдачи сельхозпродукции.

С 1944 года облегчилось положение больных трудармейцев, которых стали отправлять на место призыва, а мобилизованных учителей вообще отпустили – на прежнюю работу. Для трудившихся на разработке рудника Кумбель, машиностроительном заводе имени Фрунзе, Большом Чуйском канале были улучшены бытовые условия, выделены земельные участки для самоснабжения, но одновременно был ужесточен режим – для предотвращения дезертирства, которое тоже случалось.

Попавшие в Киргизию накануне и во время войны крестьяне-немцы Поволжья, Украины, Кавказа в абсолютной степени являлись представителями традиционного общества. Их происхождение, уклад жизни и незнание русского языка затрудняли инкорпорацию даже в среду соплеменников. Препятствовали тому и религиозные различия (еще с дореволюционного времени здесь селились протестанты, в основном меннониты), хотя вера в Бога помогала выстоять и надеяться. В селе Сузак роль религиозного наставника, ведущего молитвенное собрание за неимением католического священника (да и вообще мужчин в общине) выполняла женщина – Мария Клейн⁸⁶⁷. То есть строго закрепленное в сознании многих католиков, что мужчина-священник – глава общины, в процессе адаптации верующих к конкретно-исторической ситуации заменилось новой нормой: «Глава и наставник тот, кто не боится наказания властей за убеждения».

Не всегда разрешения на создание общин удовлетворялись. Свидетельство тому – направленная вскоре после войны в адрес руководства Киргизской ССР просьба лютеран – строителей Ворошиловской ГЭС об открытии молитвенного дома, хотя «ни пастора, ни кистера у них нет»⁸⁶⁸. Тогда же поступило обращение 259 лютеран открыть молитвенный дом в колхозе «Первое мая», но ответ был отрицательным. Одновременно

---

⁸⁶⁶ Из истории немцев Кыргызстана: 1917–1999 гг.: сб. док. и матер. Бишкек, 2000. С. 113.

⁸⁶⁷ См.: Ярков А.П. Очерк истории религий в Кыргызстане. Бишкек, 2002. С. 69.

⁸⁶⁸ Из истории немцев Кыргызстана: 1917–1999 гг.: сб. док. и матер. Бишкек, 2000. С. 139.

отказали Ленинпольской, Бергтальской, Гринфельдской меннонитским общинам в регистрации «по причине отсутствия в СССР их религиозного центра». Ответ на вопрос о причинах отказа лежит на поверхности – меннонитские, католические, лютеранские общины были, в основном, моноэтническими, а для властей это было опасным симптомом этноконфессиональной консолидации. Отслеживая ситуацию, увлеченные идеей слияния советских людей в новую историческую общность, идеологические органы активизировали антирелигиозную пропаганду и усилили репрессии. Выдвинувшиеся довольно быстро в разрешенных общинах в пресвитеры немцы стали облагаться налогами как единоличники. Брали их на учет и как политически неблагонадежных. Не легче приходилось и верующим – жителей Кантского района, отлучающихся на молитвенные собрания, оштрафовали на 5 трудовых, несмотря на то, что они выполняли установленные в колхозе нормы.

Поскольку облегчена была регистрация общин евангельских христиан и баптистов, то часть немцев решила удовлетворять свои религиозные потребности в их рядах. Так, из сибирской ссылки в с. Ленинполь на постоянное место жительства приехала вдова известного еще в дореволюционное время лютеранского священника из Ташкента Ю. Юргенсена. Не имея возможности посещать кирху, она стала ходить в баптистскую общину. Там женщина узнала о нашедшихся спустя десятилетия детях, также осужденных по «антирелигиозным» статьям⁸⁶⁹.

Каждая из названных групп выступала в той или иной форме, но участником диалога культур. Специфика его, даже в условиях идущей войны и ограничений послевоенного времени, состояла в том, что в процессе взаимодействия рождались новые явления, обогащавшие, в конечном итоге, всех участвовавших (явно или косвенно) в диалоге сторон. Заметим, что понятие диалог не всегда трактуется правильно, так как слишком часто используют его применительно к любой ситуации. Между тем диалог предполагает наличие двух сторон, заинтересованных во взаимодействии, но если одна из сторон не может, не хочет, не рассчитывает на диалог, то любые рассуждения о нем бесполезны. По сути, не могли выступать участниками диалога 740 военнопленных гитлеровской армии, строивших в 1943–1945 годах железную дорогу в Боомском ущелье и цеха хлопкового завода в городе Кара-Суу, содержавшиеся в жестких условиях лагерного контроля, но в качестве политработников и переводчиков среди них работали антифашисты из санатория интербригады, проводя идеологическую работу, в том числе и через диспуты⁸⁷⁰.

---

⁸⁶⁹ См.: Ярков А.П. Очерк истории религий в Кыргызстане. Бишкек, 2002. С. 74.

⁸⁷⁰ См.: Галицкий В.Я., Ярков А.П. Немцы в Кыргызстане // Газета немцев Кыргызстана. 1994. № 12.

Диалог активнее проходил среди советских немцев. Позиционируя различия по вере («Мы – протестанты, – свидетельствовала Эльза Нейман, а они – семья невестки – католики», находя в этом причину семейных неурядиц⁸⁷¹), то при близком знакомстве с этой семьей убеждались, что конфессиональные различия носили скорее формальный характер, поскольку в тот период многие молодые немецкие или смешанные семьи уже состояли из стихийных атеистов, а от сочетавшихся браком не требовали в обязательном порядке перекрещиваться, как до войны, по вере жениха. Таким образом, даже отрицая диалог между католиками и протестантами, на уровне немецких семей он существовал, объединяя, к тому же общим положением «спецконтингента» и зависимостью от комендатуры.

Относительно легче было положение у смешанных семей и у рожденных в них детей, которых родители, во избежание будущих неоприятностей, записали в метриках русскими, украинцами или киргизами. Это было мотивировано тем, что немцы и «немцы» (голландцы, австрийцы и те, кто признавал себя лишь «меннонитом») оставались на особом счету, а время органы госбезопасности констатировали: «В то время, когда все силы нашего народа направлены на восстановление разрушенного немецкими захватчиками народного хозяйства, враждебные нашему строю реакционеры из числа спецконтингента будут всеми мерами и всеми средствами, путем диверсий, террора и других контрреволюционных провокаций намереваться опорочить великое торжество советского народа»⁸⁷². К тому же с целью предупреждения всевозможных антисоветских эксцессов в предпраздничные и праздничные дни, обеспечения государственной и общественной безопасности в приказах и постановлениях НКВД СССР рекомендовалось укреплять режим спецконтингента, проводить внезапные обыски и тщательный досмотр всех личных вещей, усилить контроль за перепиской⁸⁷³. И хотя в меньшей степени, нежели в других регионах СССР, послевоенные репрессии коснулись киргизстанских немцев, на все последующие годы в сознание их (как и потомков) поселилось убеждение, что лучше не обозначать свое происхождение.

Этим и объясняется, что, несмотря на массовую миграцию, с 1989 года по 1-е полугодие 1995 года из Киргизии выбыло 83 317 тыс. чел. (15%), численность оставшихся немцев – 70 тыс. чел.⁸⁷⁴ Простое арифметическое действие – сложение – показывает не только несовпадение с данными Всесоюзной переписи 1989 года, но и результат «восстановленной детьми этничности», истоки утраты которой и в событиях 1941 года...

---

⁸⁷¹ Там же.

⁸⁷² См.: ИЦ ГУВД ТО. Ф. Ф. 27. Оп. 20. Д. 12. Л. 18–19.

⁸⁷³ Там же. Л. 27.

⁸⁷⁴ Социально-экономические проблемы миграции населения Кыргызской Республики (1991–1996 гг.). Бишкек, 1997. С. 40, 42.

Гражданская идентичность и внутренний мир советских немцев в Узбекистане в годы войны

История российских немцев, в том числе немцев, проживавших на территории Узбекистана, в советский период, все еще полностью не воссоздана. Долгое время, особенно с 1941-го по 1980-е годы в средствах массовой информации Советского Союза, в том числе и Узбекистана, практически не было публикаций по истории советских немцев, их культуре, обычаях, проблемах. Как известно, в силу целого ряда обстоятельств, история немцев не изучалась, специальных исследований о жизни немецкого населения учеными Узбекистана практически не проводилось. Литература тех лет представлена весьма немногочисленными статьями и отдельными страницами в трудах, посвященных в основном передовикам производства или «отщепенцам», решивших выехать из страны.

И лишь с конца 1980-х гг., в условиях изменения политической ситуации в стране и мире, эта тема начала приобретать популярность. В узбекистанской историографии первой публикацией, раскрывающей занавес истинного положения советских немцев в годы войны явилась книга журналиста Александра Фитца «Боль в наследство», изданная в Ташкенте в 1990 г. Для того периода это был по истине смелый поступок, обличить культ Сталина и его систему. Благодаря его кропотливому труду мы можем проследить судьбу советских немцев в самые сложные периоды их истории на всем советском пространстве. Однако, не умаляя достоинств этого произведения, отметим, что оно лишь фрагментарно касается узбекистанских немцев.

Принятие Кабинетом министров Республики Узбекистан постановления от 27 июля 1998 г. «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан», а также постановления Кабинета министров от 22 июля 1999 г. «Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу Родины и народа» имело большое значение в реабилитации народов Узбекистана. Это был новый шаг к разработке в научном плане проблемы репрессий, депортаций народов, ее последствий, анализу и мер по их реабилитации.

Как известно, в Узбекистане было свое местное немецкое население, обосновавшееся здесь еще во второй половине XIX в., со времени завоевания и присоединения среднеазиатского региона к России. Прибывали немцы и позже, по разным причинам, к примеру, в 1920-е годы в связи с неурожаем в Поволжье, в 1929–1933 годы в связи с раскулачиванием. По данным 1939 г., здесь проживало около 10 тыс. немцев, в том числе в Ташкенте более 5 тыс. Среди них были представители абсолютно всех социальных слоев и профессий: военнослужащие, строители, ремесленники,

рабочие, крестьяне; представители интеллигенции: учителя, ученые, врачи, фармацевты, юристы, художники, инженеры, архитекторы, и другие служащие. Большая часть немецкого населения проживала в основном в городах, меньшая в сельской местности. Немцы, проживавшие в городах, были полностью обрусевшими, говорили и писали на русском языке, в отличие от сельских немцев, которые говорили на родном языке, не знали русского языка, строже сохраняли свои традиции и обычаи. Несмотря на то, что многие представители немецкой диаспоры во втором или третьем поколении проживали в Узбекистане и считали его своей новой родиной, генетически сохранили в себе исконно традиционные черты своего народа: исполнительность, пунктуальность, трудолюбие, скрупулезность и щепетильность в исследованиях. Почти во всех научных и общественных организациях имелись представители немецкого этноса, более того, они занимали высокие должности, были руководителями научных институтов, крупными учеными. Каждый на своем месте достойно трудился и гордился своим трудом, надеясь, что своим трудом приближают то великое будущее, о чем мечтали миллионы людей. Бесспорно, своим трудом они вносили весомый вклад в развитие не только Узбекистана, но и Союза. Большая их часть была комсомольцами и коммунистами, и возглавляла как комсомольские, так и партийные организации. Они, как и остальное население страны, верили в идеи коммунизма, в лучшее будущее. Сталин был частью этой идеи – он был вождем, воплощавшим эти идеи в жизнь, поэтому они верили и ему до последнего. Разочарование пришло гораздо позже...

До войны немцы были юридически равноправными гражданами СССР, так как «немецкого вопроса» как такового не существовало, они были равными в семье советских народов, проходили те же основные исторические периоды в развитии Советской страны, что и другие народы. Как и все остальные нации и народности, немцы подвергались чистке от кулацких элементов, производилась экспроприация имущества. В частности, «Ак-Мечетские» меннониты за отказ вступать в колхоз 27 апреля 1935 г. были депортированы в Таджикистан в Вахшскую долину. Репрессии середины 1930-х гг. затронули почти каждую семью, в том числе и немецкую из среды городской интеллигенции. Выдвинутая в 1930-годы теория слияния наций давала установку всей национальной политике, и проводила репрессивную чистку не по национальному, а по классовому принципу. Однако с приходом к власти в Германии фашизма, а затем и началом войны, обстановка для советских немцев усложнялась. И хотя в официальном названии этого народа присутствует слово «советские» отношение к ним властей на местах стало резко ухудшаться. Свидетельством тому являются и данные всесоюзной переписи населения 1939 года, в программе которой впервые был поставлен вопрос о национальном составе, где численность немцев, проживающих в Узбекистане, в том числе и Казахстане, отсутствует. Позже

во всесоюзной переписи населения 1959 года также нет данных о немцах в Узбекистане. В один миг были забыты все заслуги советских немцев. Шпиономанию, доносительство, борьбу с «внутренними врагами» ощутила на себе практически каждая семья. Хотя до настоящего времени их вина не доказана.

Действия правительства по отношению к советским немцам в России непосредственно влияли и на положения немцев в Узбекистане. С началом войны их положение резко изменилось, для них был установлен ряд суровых ограничений, полное бесправие – лишение всех человеческих и гражданских прав. Как отмечает исследователь А. Шадт⁸⁷⁵, до августа 1941 г. статус советских немцев не носил этнической специфики по сравнению с другими этносами и определялся с позиций классовых, социальных и идеологических интересов государства. Война явилась пограничным рубежом в трансформации правового положения и условий жизни немецкого этноса, что на долгие годы определила судьбу этноса. Целый народ без доказательств вины заранее был обличен в измене и пособничестве фашистским аггессорам и репрессирован.

Как ни далек был Узбекистан от места боевых действий, но и здесь был нарушен весь жизненный ритм. С первых дней войны весь многонациональный узбекский народ воспринял эту страшную трагедию как собственную. Для народа Узбекистана начались тяжелые испытания. Уже с 26 июня 1941 года были введены обязательные сверхурочные работы, отменялись отпуска. Самовольный уход с производства карался заключением на срок от 5 до 8 лет.

Патриотический порыв охватил широкие массы народа. В военкоматах образовались очереди добровольцев, требовавших отправки в действующую армию. В первый же месяц войны более ста тысяч наших соотечественников взяли в руки оружие и отправились на фронт⁸⁷⁶. Одновременно с перестройкой экономики республике на военный лад, приходилось заниматься созданием боевых резервов для армии, оборонно-массовой работой. Важную роль сыграл Среднеазиатский военный округ (САВО), готовивший боевые резервы и командные кадры для фронта. Здесь только с ноября 1941-го по март 1942 г. были сформированы 14 национальных дивизий и бригад, из них 9-стрелковых батальона и 5 кавалерийских дивизии.

---

⁸⁷⁵ Шадт А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.). Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции. Серия: История и этнография российских немцев. М., 19–22 октября 2000. С. 288.

⁸⁷⁶ Всего приняло участие более 1,5 млн. человек. «Если вспомним, что население Узбекистана в 1945 г. составляло всего-навсего 6,5 млн. чел., то отчетливо увидим, сколь великое испытание выпало на долю народа нашей республики. А если взять в расчет то, что половину населения составили дети и пожилые люди, то будет ясно, что 40–42% трудоспособного населения оказалось на войне». Каримов И.А. Родина священна для каждого. Т.3. Т.: Узбекистан, 1996. С. 73–74.

Воспитанные в духе «шапкозакидательства» люди верили в быструю победу, ловили скудные сведения о событиях на фронтах. По городу поползли слухи о решительном контрнаступлении советских войск, якобы прорвавшихся уже к Варшаве. Желаемое охотно выдавалось за действительное. Тем горестнее и тяжелее было осознать реальное положение дел. Сообщение о взятии врагом Минска и стремительном продвижении гитлеровцев на Восток казалось невероятным. Не укладывалось в голове поражение советских войск, которые по довоенным заверениям руководства страны должны были разбить любого противника, малой кровью и на его территории. Сводки с фронтов становились все тревожнее, газеты были переполнены сведениями о зверствах фашистов на оккупированных территориях⁸⁷⁷.

Продвижение врага к центру вызвало необходимость эвакуировать в восточные районы крупные промышленные объекты. В Узбекистан было эвакуировано более 100 предприятий с западных окраин страны⁸⁷⁸, эксплуатация которых была проведена в крайне сжатые сроки. За годы войны в республику прибыло около 1 миллиона эвакуированных людей разных национальностей, в том числе около 200 тысяч детей. Комсомольские и партийные организации были вовлечены в работу по размещению эвакуированных людей, особенно детей. Им было предоставлено жилье, проводилось их трудоустройство. В связи с этим жизнь населения резко ухудшилась. В городах ввели карточную систему. Рабочие и служащие получали по 400–500 г. хлеба в день, иждивенцы по 300–400 г. Нормированное распределение было введено на мясо, рыбу, жиры, крупы, макароны, но и оно часто не выдерживалось, карточки оставались не отоваренными. Но, несмотря на трудности, жители Узбекистана делились с эвакуированными людьми последним куском хлеба, одеждой, жильем. Более 4,5 тысячи детей было принято в семьи узбекистанцев. К примеру, семья Шамахмудовых усыновила 14 сирот, среди которых был немецкий мальчик, Х. Самадова – 13, Ф. Касымовой – 10 и т.д. Особенностью менталитета узбекских семей является оказание помощи нуждающимся, в особенности детям-сиротам. Не последняя роль в оказании помощи семьям отводится махалле (общине), где совет старейшин видит свою одну из главных ролей в поддержании многодетной семьи и воспитании подрастающего поколения.

Среди наших соотечественников, ушедших в первых рядах на фронт, были и немцы. Даже те, кто по некоторым причинам были признаны негодными к

---

⁸⁷⁷ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. Р-2855. Оп. 1. Д. 5. Л. 96.

⁸⁷⁸ Ленинградский завод текстильных машин, «Ростсельмаш», «Красный Аксай», Сумской компрессорный и Днепропетровский карборундовый заводы и другие. Их пуск в действие потребовал больших усилий от узбекистанцев. В Ташкенте и Ташкентской области разместилось 55 предприятий, в Самаркандской области – 14 заводов и фабрик, в Ферганской долине – 22 предприятия, в Бухарской области – 2.

несению военной службы, тоже рвались на фронт, считая, что там, на фронте они принесут больше пользы в скорейшей победе над врагом. Они, как и подавляющая масса советских людей, твердо верили в победу над фашизмом. Примеров таких порывов можно привести достаточно много. Приведу только один эпизод из воспоминаний Льва Владимировича Гентшке. (Автор мемуаров, ныне хранящихся в ЦГА РУз, использовал имя Леонид, оставив факты своей жизни без изменений, но художественно их обработав. Утаив факт снятия его с воинского учета по болезни, он обратился к руководству с просьбой отправить его в действующую армию. В августе 1941 г. его желание было удовлетворено, его направили курсантом в военно-политическое училище Среднеазиатского военного округа. Через три месяца по окончании училища был назначен военкомом 1-го батальона 37 отдельной стрелковой бригады, готовившейся к отправке на фронт под Москву. В течение двух недель, вникая в дела батальона, он провел несколько полевых учений и был преисполнен надеждами. Ему казалось, что «синяя птица» снова оказалась у него в руках. Но это был печально закончившийся миф⁸⁷⁹.

За три дня до отправки на фронт Леонида вызвали в штаб бригады и после выяснения немецкого происхождения фамилии откомандировали в штаб военного округа. Все доводы о том, что он осознает себя по воспитанию и культуре, русским и по паспорту числится русским, ни к чему не привели. В страшном смятении Леонид вынужден был возвратиться в Ташкент. В штабе округа ему сообщили о директиве Сталина, предписывавшей удаление из армии немцев. Это было унижительно. В одно мгновение Леонид был низведен до положения человека, не заслуживающего доверия. Вся предшествующая его жизнь, пронизанная искренней верой в общественный строй и безупречной службой пошла на смарку. От полного увольнения из армии Леонида спасло лишь то обстоятельство, что в свое время при получении паспорта он избрал русскую национальность по матери.

Он был направлен в распоряжение Семипалатинского областного военкомата, формировавшего вневойсковые части. В результате Леонид был понижен в должности и зачислен в строительный батальон политруком роты. Вскоре батальон был отправлен в город Новосибирск на строительство мощного комбината боеприпасов. Все это казалось Леониду крайне несправедливым, но он понимал всю безвыходность своего положения⁸⁸⁰. Родители Л.В. Гентшке были высланы из Ташкента, а его младший брат был направлен в трудовой лагерь. Жена с маленькими детьми смогла, нелегально покинув Ташкент, добраться до Сибири, где нашла своего мужа, и они там жили до 1944 года.

---

⁸⁷⁹ Он с детства мечтал стать военным. Его сильная близорукость не дала осуществиться его мечте, он был снят с воинского учета в 1936 г.

⁸⁸⁰ ЦГА РУз. Ф. Р – 2855. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.

На узбекистанских немцев распространились все репрессивные меры, обрушившиеся на немцев всего Советского Союза. Так, в соответствии с Постановлением № № 196 от 6 января 1942 «О переселении лиц немецкой национальности в УзССР из Ташкента и областных центров» все немцы и члены их семей были высланы из Ташкента и крупных городов, имеющих стратегическое значение, в отдаленные сельские районы Бухарской, Самаркандской Джизакской области⁸⁸¹, была проведена так называемая внутренняя депортация. Самые тяжелые испытания для советских немцев начались с осени 1942 г., после принятия Госкомитетом обороны постановления от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР⁸⁸²». Это один из самых трагических документов в судьбе советских немцев. Многие немцы были мобилизованы в так называемые трудовые колонны. Это практически все взрослое трудоспособное немецкое население. Не подлежали этому призыву только женщины, имевшие детей до трех лет, рабочие и служащие предприятий, за которых ходатайствовала администрация, мужчины, жены которых были русскими, или женщины, мужа и дети которых были русскими⁸⁸³.

Главным образом трудармейцы были заняты на строительстве дорог, нефтепроводов, на карьерах, на лесозаготовке и лесовывозе, прокладке мостов через реки. Немцев мужчин отправляли из других регионов в Узбекистан и Таджикистан на шахты Кызыл-Кия, Исфары, Шураба, Канибадама и Кима и на строительство нефтеперегонного завода, а также из Узбекистана на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь».

Женщин-немок направляли по разверстке Наркомнефти в Узбекистан. В докладе наркома внутренних дел Узбекской ССР А. Кобулова⁸⁸⁴ от 24 февраля 1950 г. сообщалось, что на станции Ванновка, железной дороги Ташкент и на нефтеперерабатывающем заводе в Фергане работали 992 женщины-немки, направленные из Киргизской ССР в декабре 1942 года⁸⁸⁵. Из них оставалось в штате строительного треста 680 женщин, организованные в 27 бригадах, из них 370 на вспомогательных работах, а остальные без работы. Работающие получали по 800 грамм хлеба в день и двухразовую горячую пищу, неработающие по 400 грамм хлеба⁸⁸⁶. Обратите внимание, – 310 женщин, согласно докладу, не работали, но к семьям, домой их и 5 лет после окончания войны не отпускали. Далее, 274 женщины жили в палатках и спали на сыром полу,

---

⁸⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 56. Д. 48. Л. 202.

⁸⁸² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 138–140.

⁸⁸³ См. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 138–140.

⁸⁸⁴ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов (1940-е годы) / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Готика, 1998. С. 323–324.

⁸⁸⁵ Из Киргизии в Узбекистан на принудительные работы были отправлены именно женщины – потомки тех меннонитов, которые поселились в Средней Азии в конце XIX в.

⁸⁸⁶ Фризен Р. Auf den Spuren der Ahnen. Minden, 2000.

а 250 женщин жили в теплой конюшне колхоза им. Сталина, но спали они тоже на сыром полу.

Картину мобилизаций невозможно восстановить по отчетам и справкам НКВД. За сухими цифрами не видно горя и отчаяния. Судьба немцев и немцев трудармейцев схожа с судьбой и других народов, мобилизованных в трудовую армию. В частности об этом вспоминают на страницах Интернета корейцы-трудармейцы, поселенные в Каракалпакии: «Недалеко от нас в бараке жили женщины-немки. Они работали, как и мы, с утра до вечера под конвоем. Жизнь в трудовой армии не отличалась от жизни заключенных. Кстати, они работали рядом с нашим баракком. Общаться с ними запрещалось, но заключенные жалели нас. Условий никаких. Жили в клоповнике, ночью не могли уснуть. Все тело было искусано. Однажды к нам заехал генерал Бурдаков Семен Николаевич и ужаснулся, увидев наши покусанные тела. Он поругал нашего начальника Насакова и заставил сделать химическую обработку в бараке. Мы были унижены, загнаны, оторваны от семей, работали по 12 часов, зимой заготавливали лес, летом сплавляли. Кормили нас баландой, однообразно: давали суп из прокисшей капусты и хлеб, выпеченный из жмыха. Никто не знает, сколько мы выстрадали. Голодали, ходили в лохмотьях, вместо валенок зимой носили чуни. Трудовая армия для нас, молодых, оказалась страшнее депортации»⁸⁸⁷. Воспоминания корейцев-трудармейцев свидетельствуют, что по тяжести условий, схожести быта и формы организации труда их жизнь ничем не отличалась от жизни заключенных исправительно-трудовых лагерей.

Приведу несколько фрагментов из книги журналиста Александра Фитца, собиравшего и записавшего трагические истории истинного положения трудармейцев. «Наша семья до войны жила в Ташкенте. Наш дом и сейчас стоит на улице Новоульяновской. Ночью, в феврале 1942 г., всех немцев Ташкента погрузили в товарные вагоны и отвезли в Самарканд, Бухару и окрестные сельские районы. С собой разрешили взять только то, «что унесем в руках». Все наше имущество осталось. И куда делось – не знаю. Дома нам уже не вернули... Работал я на Самаркандском суперфосфатном заводе. На каждого работника в день выдавали 300 граммов муки. Те, кто не работал, в том числе и дети, ничего не получали. Умерших хоронили в братских могилах». Мария Зайберт, колхозница сообщила, что «Когда началась война из нашего села Тоболино Сарыагачского района всех мужчин-немцев, а наше село было почти полностью немецким, увезли в Сибирь. Женщин и детей не тронули. Мы работали на хлопковых плантациях. Бесплатно. Так поступили с жителями и соседних немецких сел в Казахстане, и в Узбекистане. Раз в неделю мы ходили в комендатуру отмечаться, так

---

⁸⁸⁷ Хван Л.И. – профессор Каракалпакского госуниверситета им. Бердаха. http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u2-1.shtml

как считались спецпереселенцами, хотя и родились здесь... Иоган Фрезе, житель Ташкента сообщил: «В феврале 1942 года привезли 15 тысяч мобилизованных немцев в Ивдельлаг НКВД. Работали мы на лесоповале. Через год нас осталось 3 тысячи. Остальные погибли». Георгий Гейер, рабочий из Ташкента вспоминал: «Мы работали в прокладке железной дороги и на никелевом руднике в Актюбинской области. Первыми из-за мизерных норм питания умирали самые рослые и самые сильные. За ними – люди интеллигентного труда – учителя, врачи, инженеры, музыканты, военные специалисты... У этих людей не было рабочих специальностей и их ставили на самые тяжелые работы. Как правило, умышленно, чтобы поиздеваться над „интеллигентной немчурой“»⁸⁸⁸.

Можно привести бесконечное множество примеров, но даже те не многие, приведенные нами, достаточно убедительно показывают трагическую судьбу немецкого народа, которую они пережили в эти суровые годы в нечеловеческих условиях. Горечь трагедии советских немцев была в том, что гибли они, не сражаясь с врагом на передовой, а глубоко в тылу. Не ради интересов родины, а вопреки им. Поэтому поражаешься, что даже в этих условиях они проявляли трудовой героизм.

Даже победа над фашистской Германией не принесла советским немцам ожидаемого утешения и избавления от мук. Трудармии были заменены спецпоселениями. Только начиная с 1956 г. будут сняты ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении, без права возвращения им имущества, конфискованного при выселении, а так же без права возвращаться в места, откуда они были выселены. Разрешение возвращаться в родные места они получают только в 1972 г.

Возвращаясь в родные края, они сталкивались с новыми проблемами: в их домах жили другие люди, им фактически некуда было идти. Имущество, нажитое большим трудом, кануло в неизвестность. И даже устроится на работу было очень сложно. Необходимо было все начинать с нуля. И кому-то в этом везло больше, кому-то меньше. Ведь еще долгие годы советские немцы не имели права учиться в институтах, служить в Советской Армии.

Приведу эпизод из жизни Льва Гентшке, характерный для сотни тысяч немцев, возвращавшихся в родные края после трудармий и спецпоселений: «Поздним вечером семья прибыла из трудармии в Ташкент. И только здесь стоя на перроне вокзала, он осознал всю сложность и авантюризм своего поступка. Куда поехать? Где переночевать, да еще с детьми? Как примут в университете и примут ли вообще? Эти и другие безрадостные вопросы теснились в его сознании. Впервые так ярко перед ним предстояло реальное положение семьи. В городе ставшим для него родным ни оказалось ни крыши

---

⁸⁸⁸ Фитц А. Боль в наследство. Советские немцы: история через судьбы. Ташкент, 1990. С. 40–42.

над головой, ни средств к существованию. Он не знал, что предпринять. Благо приютили родственники, по линии жены, которая была русской...

Сутра пораньше пошел искать работу. Увидев издалека товарища по работе обрадовался, но был удивлен, что тот, увидев его, сделал вид, что не узнает его и быстро перешел на другую сторону улицы. Боль защемила в сердце – за что, почему? Ведь работали вместе, и я помогал ему всем, чем мог? Вместе воспитывали комсомольцев в патриотическом духе, веруя в идеи коммунизма. Было обидно, страшно. Но, постепенно срабатывало сознание, он, ни в чем не виноват, ведь у него, тоже есть семья и он боится за нее. Ведь на нас клеймо «врага народа»⁸⁸⁹.

Заметим, что до войны Лев Гентшке был коммунистом, секретарем Ташкентского областного комитета комсомола, депутатом городского Совета первого созыва, отмечен правительственной наградой – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, и, наконец, в 1940 г. он вошел в состав городского комитета коммунистической партии. Был студентом 3-го курса исторического факультета университета. Как большинство своих сверстников он безгранично верил, и, после всего случившегося, продолжал верить в коммунистическую партию, которая думала за них, определяла пути их действия.

Документы свидетельствуют о том, что, не смотря на предыдущие заслуги, не взирая на должность – ученые, профессора, инженеры, художники или артисты, наконец, преданные комсомольцы и коммунисты, вчерашние красноармейцы и командиры Красной армии, имевшие ранения и боевые награды за заслуги перед родиной, оторые могли принести существенную пользу своим трудом в тылу или на фронте, только за то, что они были немцами, или имели немецкую фамилию, отправлялись в трудармию. Все они испытали на себе горечь унижительного положения человека в условиях лагеря НКВД при абсолютном отсутствии конкретной вины и преданности своей родине.

Пытаясь понять и разобраться в судьбе советских немцев в самый сложный период их истории – период войны, я встречалась с трудармейцами, проживающими в Ташкенте, а их остались считанные единицы. Я уже не удивляюсь тому, что они могут часами и с любовью рассказывать о жизни в Ташкенте, Узбекистане. Но, когда вопрос касается периода войны, и особенно жизни в трудармии и спецпоселении, они замыкаются в себе и отказываются об этом говорить. И это понятно, такое забыть, стереть с памяти невозможно, обида быть без вины виноватым, а так же боль потерь близких еще свежа, и словно страх преследует их.

Война сама по себе разрушительная, страшная сила, сметающая все хорошее на своем пути. Война порождает такое чувство, как страх. Страх за своих детей, за своих близких, за себя, за страну, за будущее человечества и т.д.

---

⁸⁸⁹ ЦГА РУз. Ф. Р-2855. Оп. 1. Д. 5. Л. 120.

Чувство страха не дает тебе свободно дышать, творить, развиваться, радоваться жизни. Ведь человек появляется на свет, чтобы жить, творить, любить и быть любимым, помогать близким, радоваться жизни, а главное верить. Так вот эти советские люди, они верили до последнего, что октябрьская революция, которую они завоевали кровью и потом, это их новое светлое будущее, их новая жизнь. И, конечно же, никто из них не предполагал, что такое страшное может случиться с ними. Находясь в таких нечеловеческих условиях, обвиненные в предательстве, без вины виноватые, они были поражены в самое сердце. Их душа была ранена. Как доказать что ты не предатель?

Изучая период Второй мировой войны, мы длительный период верили в то, что депортированные народы, были наказаны не случайно, ради победы. Но настали другие времена, и у исследователей появилась возможность на документальной основе, используя ранее засекреченные документы, разобраться, найти истинные причины наказания целых народов, но не для того, чтобы кого-то обвинить, а для того чтобы такое злодеяние больше никогда не повторялось, а главное реабилитировать людей, которые оказались без вины виноватыми.

Но, все больше вникая в эту тему, и, видя гнусную политику сталинизма, убирать на своем пути все, что ему мешало, задаешься вопросами: «А как же было на самом деле? Нужно ли было депортировать целые народы, без конкретных доказательств их вины? Срывать их с насиженных мест, отправлять неизвестно куда?» Есть мнения исследователей о том, что было бы с немецким народом, если бы его не депортировали и пришел враг, а они, проявляя патриотизм, оказали бы сопротивление фашистам, то их всех Гитлер мог уничтожить. И что политика Сталина была единственным спасением для советских немцев, который вместе с тем решал и экономический вопрос, отправляя их в Казахстан и Сибирь.

Но тогда почему, в таких нечеловеческих условиях, за колючей проволокой, как самых заядлых преступников, приговоренных к смерти? Разве в таких условиях человек мог давать продукцию? «До сих пор в ушах стоит страшный лай собак, – вспоминает трудармеец. – Когда тебя ведут на работу или обратно в барак, а по дороге сердобольные люди пытаются тебе кинуть кусок хлеба. Но ты плетешься еле-еле, измученный голодом и холодом. И ты не можешь поднять этот кусок хлеба, потому что собаки с лаем готовы броситься на тебя. И еще, слова: «Шаг вправо, шаг влево – стреляю без предупреждения», – будто ты преступник».

Задаемся вопросом: могли ли люди, полуголодные, больные, разутые в таких условиях продуктивно работать? Хотя, нам хорошо известно, что именно этот народ, на протяжении столетий проявлял себя как один из самых образованных, культурных, трудоспособных людей. Они всегда трудились на совесть, их продукция всегда отличалась высоким качеством. Они всегда отвечали за свой труд и гордились им. Это было вложено в них генетически,

как говорится «немец везде немец», эта фраза давно подтвердила себя наглядными примерами.

Война разорвала семьи, сделала детей сиротами, разбросала их по разным частям света только потому, что они немцы? И только потому, что Гитлер тоже был немцем? Но ведь он, же фашист. Всем было хорошо известно, что немцы Германии во время войны разделились на два лагеря и не все пошли за Гитлером, т.е. фашистами. Так почему же советские немцы, предки которых жили на этой земле с XVIII века, считайте, более 200 лет должны были пойти за фашистами?

Не удивительно, что советские немцы верили до последнего и Сталину, и идеям коммунизма, верили в то лучшее будущее, и делали все для его приближения. Они, находясь за колючей проволокой, продолжали стараться трудиться и своим честным трудом приближали победу.

Думаю, в жизни каждого человека были моменты, когда тебя без вины наказывали или обвиняли, оказывая недоверие. Это действительно очень больно. В моей жизни были такие случаи, но это, ни что, по сравнению с тем, что происходило с этими людьми. И поэтому, я хорошо понимаю тех людей, с которыми беседовала на эту тему. Они не хотят говорить об этом, видимо до сих пор обида, за совершенное с ними сидит там глубоко у них в душе, боль в сердце не отпускает. И не смотря на все страдания, у них нет ненависти, злости. Они никогда не жалуется на свою судьбу и не обижаются на людей, которые в то время от них отворачивались. Они понимают, что это было действительно страшное время, когда могли любого по ложным доносам без суда и следствия отправить тройками НКВД в трудлагеря или просто расстрелять, не затрудняясь доказать их вину. Репрессиям были подвергнуты и другие народы. Они поймут, но позже, что во всем виновата система, которая была двулика, одно было на уме, другое на языке.

Таким образом, основная масса советских немцев, несмотря на гонения, идентифицировала себя со всем обществом, в котором они проживали. Их гражданская идентичность, их внутренний дух, мир сделали их едиными и поддерживающими борьбу с фашизмом.

**Кулундинские немцы и советский пропагандистский дискурс
1960–1970-х гг.: проблемы этнической и гражданской
идентичности (на примере кампании по празднованию
20-летнего юбилея победы над Германией
в южных районах Новосибирской обл.)**

Место событий Великой Отечественной войны в коллективной памяти послевоенных советских людей получило оценку в научной литературе достаточно поздно – в конце 1990–2000-х гг. – в связи с возвращением советской мифологии (и основной ее памятной даты – Дня Победы) в сознание современных россиян. Наибольшее развитие тема коллективной памяти о Второй мировой войне и ее отражение в кинематографе получила в изданиях, подготовленных совместно с немецкими коллегами⁸⁹⁰. Однако большая часть публикаций, знакомых сегодня исследователям, касается общих закономерностей послевоенной коллективной памяти, а также наиболее драматичных сюжетов военной повседневности⁸⁹¹. Обращения историков к повседневной жизни советского тыла, оккупированных вермахтом областей, пока уступают по количеству и глубине рассмотрению документальной прозе, вышедшей в 1960–1990-х гг. Рассмотрение реакций низовых слоев советского общества на советскую пропаганду, основанную на обращении к сюжетам Великой Отечественной войны, также пока находится вне внимания отечественных исследователей. На сегодняшний день наиболее фундированным исследованием, где используется современная гуманитарная парадигма по отношению к доселе периферийным для историка сюжетам советской повседневности, является монография Мальте Рольфа «Советские массовые праздники»⁸⁹².

Кулундинская степь занимает часть территории нынешних Алтайского края и Новосибирской области РФ, Павлодарской области Республики Казахстан, с момента аграрной реформы 1906–1911 гг. является приоритетным для земледельческой колонизации регионом Сибири. В первой трети XX века здесь формируются сообщества из переселенцев-славян нескольких

⁸⁹⁰ Шенк Р. Между двумя фронтами. Образы немцев и русских в военных фильмах ГДР и ФРГ. / Россия и Германия в XX веке. В 3-х тт. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. М.: АИРО – XXI, 2010. С. 848–868. Зоркая Н. Незаживающие раны войны. Великая Отечественная война на советском экране 1945–1990 гг. / Россия и Германия в XX веке. В 3-х тт. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. М.: АИРО – XXI, 2010. С. 869–892. См. также Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.

⁸⁹¹ Новиков А. Праздник нового типа. // Знамя. 2006. № 6. С. 44–67; Зверева Г. Вечная война. // Критическая масса. 2005. № 2. С. 56–68.

⁸⁹² Рольф М. Советские массовые праздники. М: РосспЭН, 2009. 440 с.

миграционных потоков: «чалдонов», «хохлов», «кацапов». Именно они в середине XX века становятся вмещающей этнокультурной средой и референтной группой для депортированного населения из АССР Немцев Поволжья и Калмыцкой АССР. Исследование, на материале которого написана эта статья, проводилось в южных районах Новосибирской области, географически относящихся к северной части Кулундинской степи. К середине 1960-х гг. как в старожильческих немецких поселениях, так и в полиэтничных переселенческих селах – местах дисперсного расселения бывших спецпереселенцев-этников – были решены основные проблемы экономической адаптации, связанные с преодолением последствий аграрной политики 1930 – нач. 1950-х гг., депортации и трудовых мобилизаций 1940-х гг. В 1960-е гг. советские немцы нуждались в большем, нежели высокий соседский и производственный статус и налаженный быт – в коммуникациях «большой» советской культуры, к которым у советских немцев не было прямого доступа.

Начиная с 1965 года основной миф Советского государства – о Великой Октябрьской революции – усилиями пропагандистов дополняется сюжетом о Великой Победе. Именно тогда 9 мая обретает статус выходного дня, а юбилейный День Победы отмечен военным парадом на Красной площади. Однако дополнение общенациональной мифологии не могло быть делом одномоментным. Документооборот Карасукского райисполкома, касающийся празднования 20-летия победы над фашистской Германией, существенно меньше объема инструктивных писем и докладных, посвященных «достойной встрече 50-летия Советской власти – и это за два года до юбилея. В перечне плановых мероприятий районной библиотеки значится единой строкой: «Провести мероприятия, связанные с 95-летием В.И. Ленина и 20-летием победы в Великой Отечественной войне»⁸⁹³. Фильмы о Великой Отечественной войне в районном прокате занимают лишь третью позицию после «революционных» (включая «чекистские») картин и кино мирной, небатальной тематики.

Запланированный комплекс мероприятий⁸⁹⁴ соответствовал стандарту обычного сельского праздника: были предусмотрены массовые гуляния и спортивные игры, в деревенских клубах района организовывались самодеятельные концерты. Инструкция областного управления культуры в 1965 г. обращает «особое внимание на необходимость приведения в образцовый порядок братских могил и других воинских захоронений, памятников,obelisks, ограды и подходов к могилам», Министерство культуры РСФСР совместно с газетой «Советская Россия» и ВЦСПС объявляет конкурс на лучший музейный уголок, посвященный землякам – труженикам фронта и тыла»⁸⁹⁵.

⁸⁹³ Отдел архивной службы (ОАС) администрации Карасукского р-на Новосибирской обл. Ф. 47. Оп. 1. Д. 47. Л. 44.

⁸⁹⁴ Там же, Л. 47–48.

⁸⁹⁵ ОАС Карасукского р-на..., Ф. 1. Д. 54. Л. 70.

В 1965 г. мы наблюдаем начало грандиозной пропагандистской кампании времен холодной войны, но пока характер мероприятий соответствует духу военного поколения – в частности, рассказы ветеранов, опубликованные в районной газете, действительно описывают ратный труд; адресованы еще не пионерам, а таким же бывалым людям, которые помнят военное лихолетье. Наиболее значимым элементом пропагандистской кампании в сельских районах являлось кино. Среди фильмов военной тематики, демонстрируемые «фестивалем» (по две картины в день в первой декаде мая) в районном кинотеатре, присутствуют такие шедевры, как «Отец солдата», несущие личностные переживания, освоенные кинематографом «оттепели».

На дальнейшую эскалацию «военного патриотизма», милитаризацию общества в 1965 году указывал лишь один пункт праздничной повестки из десятка: «оборудовать во всех сельских клубах фотовитрины, посвященные Советской армии»⁸⁹⁶.

Появление в кинопрокате последующих лет псевдогероических лент, где акцентировался клишированный образ немца-оккупанта, варвара и мародера, неспособного противостоять в открытом бою не только Советской армии, но и партизанам, должно было подпитывать ура-патриотические установки в обществе, испытывающем растущий потребительский дефицит из-за возрастающей милитаризации экономики, так и не получившем сколько-нибудь полного политического самоопределения за годы оттепели. Издание указа 1964 г. никак не отразилось на работе местных пропагандистов и структуре кинопоказа, хотя местные партийные и советские органы регулировались «сверху», реализуя кампании общегосударственного, реже – областного уровня. С интересами и инициативами номинальных избирателей райисполком и местные советы не имели возможности считаться. От шаблонов местной культурной политики страдали не только немцы: и в украинских селах по окончании посевной предписывалось проводить «праздник русской березки».

Среди исполнителей государственных пропагандистских кампаний были и местные немцы – так, среди работников Карасукской киносети на 1965 г. упоминается шесть немецких фамилий⁸⁹⁷. По воспоминаниям ветерана киносети Ю.М. Аносова, «этнической» разницы в работе на технологичных установках не было и не могло быть: специалисты, небрежно готовящие к работе и эксплуатирующие аппаратуру и инвентарь, долго в киносети не задерживались – поэтому все работали аккуратно. Кроме того, специфика оплаты в системе кинопроката требовала высокой координации деятельности. Логистика районной киносети была весьма прихотливой: киноплёнку передавали с оказией, с попутными шоферами-дальнобойщиками; существовали даже специальные тайники на развилках сельских дорог, откуда киномеханики изымали

---

⁸⁹⁶ ОАС Карасукского р-на... Ф. 47. Оп. 1. Д. 47. Л. 44.

⁸⁹⁷ Подсчитано по мат-лам ОАС Карасукского р-на... Ф. 47. Оп. 2. Д. 4.

переданные ленты. Однако в этих условиях высоко ценились навыки рационального труда и хорошее знание техники, что дало возможность, например, А.А. Мунцу сделать чрезвычайно быструю карьеру: от помощника киномеханика за 1965 г. он прошел путь до главного киномастера сети, пройдя через три должности в служебной иерархии⁸⁹⁸. Как-либо выразить свои гражданские предпочтения, либо считаться с чувствами зрителей киномеханик не мог – он действовал в жестких рамках планового показа, находился в системе внутрикорпоративных связей и варьировал репертуар показа из наличных картин, руководствуясь лишь коммерческой необходимостью, по договоренности с коллегами из соседних сел. По словам вдовы киномастера Е.И. Мунц, фильмы в семье обсуждались крайне редко, для семейного просмотра супруги предпочитали мелодрамы, Альфонса Альфонсовича Мунца значительно более занимала техническая сторона кинопоказа.

Ни на общегосударственном уровне, ни в районах проживания советских немцев не было предпринято никаких публичных акций, направленных на разграничение образов немца-солдата вермахта и российского немца – трудармейца, а затем передовика-целинника. «Каждый пьяный попрекал «фашист» да «немец»»⁸⁹⁹ – перманентное осложнение межнациональных отношений в районах бывшего спецпоселения стало одним из следствий милитаристской пропаганды. Впрочем, либерализация времен «оттепели» сказалась и на организации правопорядка в сельской местности: действенность регулярных общественных взысканий, административных арестов и штрафов подтверждают высказывания информантов: «Потом за оскорбления стали «гонять» – «десятка» штрафа, все и прекратилось»⁹⁰⁰. «Была у нас одна, Валентина – она меня при своей матери «фрицем», «фашисткой» обзывала. В 8 классе это было, в шестьдесят восьмом году. Я за коровой пошла, и тут она – одна. И опять – обзываться. У нее была длинная коса. Я ее за косу веревкой к столбу привязала. Потом иду с коровой – ее мать навстречу. «Вы за своей фашисткой на ГЭС сходите». Прибыл участковый. Разобрались. Валентину исключили из комсомола, с родителей взяли штраф»⁹⁰¹. В детские игры рубежа 1960–1970-х приходилось вмешиваться и родителям: «Прибежал как-то Витька с улицы, в слезах... «Мама, он меня «фашистом» обозвал!» Пошла, соседского мальчишку за ухо схватила: «Ну, говорю, где ты тут «фашистов» нашел? А теперь иди, отцу все расскажи». И все, больше нас на эту тему не беспокоили»⁹⁰².

Для поколения трудармейцев, Впрочем, «оскорбления по нации» воспринимались как действия пьяных либо неразумных соседей, тем более несправедливые, что мнения бывших спецпереселенцев относительно кинообраза солдат

⁸⁹⁸ ОАС Карасукского р-на... Ф. 47. Оп. 2. Д. 4. Л. 10б, 6, 18, 53, 54.

⁸⁹⁹ ПМА, М.В.А., жен., 1935 г. рожд (Купинский р-н НСО, 2001)

⁹⁰⁰ ПМА, К.В.И., муж., 1937 г. рожд. (Купинский р-н НСО, 2001)

⁹⁰¹ ПМА, Д.А.Г., жен., 1954 г. рожд (Краснозерский р-н НСО, 2001)

⁹⁰² ПМА, М.Е.А., жен., 1938 г. рожд. (Карасукский р-н НСО, 2010)

вермахта были мыслями лояльного советского гражданина: «Для нас это были прежде всего нелюди, фашисты...»⁹⁰³. Проблема здесь не только в том, что наилучшие образцы советского кинематографа годами показывали немца почти исключительно как врага. Дело в том, что сотни тысяч бывших трудармейцев и спецпереселенцев СССР нуждались в «другом кино», в котором бы нашло отражение пережитое ими: «Э-э, милый, мы в Тагиле такого навидались, что иным воякам и не снилось...»⁹⁰⁴. Отточенность риторики семейных преданий кулундинских немцев указывает на то, что они переросли круг ближних людей, которым только и можно было рассказать об ужасах высылки и мобилизаций.

«С мамой в трудармии была молодая женщина, по имени Эльвира. Она очень хорошо пела. Как-то был случай – всех ведут на прививку, полгода проходит, женских дней ни у кого нет. Они плакали, жаловаться никому не смели. «Мы больше не женщины!». А Эльвира пела – на душе становилось легче. Тогда многие поклялись назвать девочку, дочь то есть – Эльвирой. В честь той девушки и меня назвали»⁹⁰⁵.

В рассказе Лидии Яковлевны Гильц много может сказать даже топонимика: «Привезли нас в Горьковскую область, станция Сухобезводная – зеков много там было. Живые и мертвые. С голоду мерли. Опилкой их засыпали. Пухли, еле-еле «доходили». Конвойный еще и пнет под зад. Черенки лопат ломали об человека. Помню, вырыли яму под девочку. Она первая телятница была в районе»⁹⁰⁶. Выстоять, самой не превратиться в «доходягу» Лидии Яковлевне помогла память: важно было помнить, кем был иссушенный голодом человек под опилками...

Противоречие официальной истории коллективной памяти затрудняло процесс гражданской и этнической идентификации молодого поколения советских немцев. «Помню, подавала в семьдесят пятом году заявление в институт. И рядом со мной девочка сидела, заполняла анкету. И вдруг сказала мне: «А правда, ведь хорошо быть русской! Я вот русская». И я ей говорю: «Ты знаешь, а я вот нерусская» – «А кто ты?» – «А я – немка...» И тогда я задумалась, а хорошо ли быть немкой...»⁹⁰⁷ «Большая» советская культура в угоду имперским амбициям игнорировала опыт немецких колонистов – культуры, замечательно приспособленной к модернизации, культивировавшей пиетет к труду и уважение ко власти.

Более образованные, не имевшие практики противостояния репрессивным органам, воспитываемые в духе гражданской лояльности, молодые немцы находились перед сложным выбором, который при отсутствии гражданских ресурсов и невнимании государственных инстанций приводил к отказу от этничности.

⁹⁰³ ПМА, К.Г.С., жен., 1924 г. рожд. (Купинский р-н НСО, 2001).

⁹⁰⁴ ПМА, К.Г.Г., жен., 1925 г. рожд. (Купинский р-н НСО, 2001).

⁹⁰⁵ ПМА, М.Э.М., жен., 1950 г. рожд. (Купинский р-н НСО, 2001).

⁹⁰⁶ ПМА, Г.Л.Я., жен., 1920 г. рожд. (Купинский р-н НСО, 2001).

⁹⁰⁷ ПМА, Д.Э.Н., жен., 1959 г.рожд. (Купинский р-н НСО, 2001).

Языковое поведение российских немцев, переселенцев военных лет, в Алтайском крае

Важную роль играет в жизни российских немцев язык, который их предки привезли с собой при переселении в Россию и который они сохраняют уже более 200 лет в иноязычном окружении.

На Алтае сложилась комплексная ситуация, в которой часть этнических немцев, проживая компактными группами и, образуя языковые острова, сохранили немецкий диалект и считают его своим родным языком, одновременно вторым родным языком для подавляющего большинства из них стал русский, которым почти все они владеют свободно. Часть этнических немцев утратила по ряду причин диалект, перейдя полностью на русский язык. При этом различные факторы, такие как место рождения и проживания, первичная и вторичная социализация, тип семьи, профессиональная деятельность, конфессиональная принадлежность оказывают решающее влияние на самоидентификацию российских немцев и определяют степень сохранения немецкого языка и культуры⁹⁰⁸.

В Алтайском крае до настоящего времени сохранились относительно старые поселения, так называемые дочерние колонии, которые были основаны в начале XX века.

С началом Второй мировой войны связано появление в Алтайском крае наибольшего количества переселенцев. Эта волна миграционных перемещений была самой многочисленной и очень жестокой. Осенью 1941 года в Алтайский край были насильственно вывезены более 80 тысяч немцев Поволжья⁹⁰⁹, а в последующем прибывали немцы Украины, Крыма и Закавказья. Они рассредоточились по всем 58 районам края и размещались там небольшими группами. Большая часть из них была расселена вместе с русскими, небольшая часть попала в старожильческие немецкие села на Алтае.

В этих селах до сих пор, несмотря на массовую эмиграцию 1990-х годов XX века, значительную часть составляет немецкоязычное население.

Для исследования языковой ситуации в немецких селах Алтайского края в 1999–2000 гг. сотрудниками и студентами БГПУ был проведен социолингвистический опрос немецкого населения Немецкого национального и Табунского районов Алтайского края. Языковая ситуация в этих селах, использование старожильческим населением немецкого и русского языка описаны в монографиях Л.И. Москалюк «Социолингвистические аспекты речевого

---

⁹⁰⁸ Москалюк Л.И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул, 2000.

⁹⁰⁹ История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 439–441.

поведения российских немцев в условиях билингвизма». Барнаул, 2000 и «Современное состояние островных немецких диалектов». Барнаул, 2002.

Объектом данного исследования является речевое поведение немецких переселенцев, депортированных в Сибирь во время Второй мировой войны после издания указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Проведенное в 2000 г. исследование выявило, что из 1 520 опрошенных 94,5% составляют лица немецкой национальности, русских и лиц другой национальности было представлено в количестве 102 человек. Из 1 418 немцев 1 331 человек – это коренные жители немецких сел и их потомки, 87 человек, причисливших себя к немецкому этносу, являлись приезжими. 27 из них – это депортированные в 40-е годы.

Опрос населения дал возможность (в анкете был указан год рождения опрашиваемого) не только выявить современную ситуацию, сделать срез состояния языковой жизни немцев на рубеже тысячелетий, но и, используя возрастные показатели, заглянуть в прошлое немецкого населения, в том числе и в прошлое депортированных немцев, поскольку опрос 1999–2000 гг. охватывал население в возрасте от 6 до 70 лет и более. Дополнительные вопросы о месте рождения и языке родителей давали возможность оценить языковую жизнь компактных немецких поселений начала XX века и времени депортации российских немцев.

Важным социально-демографическим и социолингвистическим фактором исследования является возраст. В группе опрошенных было представлено депортированное население 1928–38 годов рождения, то есть все они входили в старшую возрастную группу. При анализе языковой компетенции и языкового поведения опрошенных данной группы представляется целесообразным деление их на подгруппы в зависимости от места проживания, конфессиональной принадлежности и характера браков.

В настоящее время все бывшие немецкие села Алтайского края, представлявшие до начала 90-х годов гомогенные и мультидиалектные типы диалектных сообществ, в которых проживало как старожильческое немецкое население, так и депортированные во время войны, превратились в мультилингвальные сообщества в результате массовой эмиграции этнических немцев в Германию. В довоенное время подавляющее большинство немецких сел на Алтае представляли собой гомогенный тип диалектного сообщества.

При переселении в 40-е годы депортированные, расселенные в немецкие села попали в гомогенные типы диалектных сообществ, языком коммуникации в которых являлся один из распространенных на Алтае немецких диалектов. Мы рассмотрим ситуацию в селах, в которых был представлен нижненемецкий диалект (с. Протасово) и средненемецкий диалект (с. Подсосново). Родным языком опрошенных, переселенцев из Республики немцев Поволжья, являлись средненемецкие диалекты.

В с. Протасово, основанном меннонитами, межгрупповые отношения между переселенцами из Поволжья и местным населением развивались по типу мультидиалектного типа сообщества, когда в одном селе представлены два в значительной мере отличающихся диалекта, в с. Подсосново по типу гомогенного типа сообществ, так как это село было основано переселенцами из Поволжья.

Семья информанта из с. Протасово была депортирована из с. Паласовки (около Красного Кута в Поволжье) в 1941 г. и расселена в русском с. Новоромановке, затем они переехали в немецкое с. Никольское, основанное меннонитами, в результате ликвидации малых деревень в 1973 г. переселились в с. Протасово, центральную усадьбу колхоза. Информант родился в 1928 г. в немецко-немецкой семье, языком общения в которой был немецкий диалект, его родители были лютеранского вероисповедания. Важным фактором, влияющим на языковую компетенцию, является уровень образования. Информант окончил 3 класса в русской школе, русский выучил в школе, по-немецки читать и писать не умеет, поскольку в начальной школе, когда он учился, отсутствовало преподавание на немецком языке, своим родным диалектом владеет свободно, он являлся языком первичной социализации, после депортации разговаривал на нем с бабушкой, мамой, братьями и сестрами. Свободно владеет нижненемецким диалектом, который освоил после переселения в меннонитское село при общении с соседями, односельчанами, на работе (работал шофером), а позже с родственниками (семья одного из сыновей меннонитско-лютеранская). В 1950 г. женился, образовав немецко-русскую семью, смешанную по национальной принадлежности, жена русская, овладела двумя немецкими диалектами. Языками коммуникации в семье были поволжский диалект и русский язык. С женой информант разговаривал по-русски, с детьми и мамой на своем родном диалекте, с внуками на своем диалекте и по-русски, т.е. он легко воспринимает информацию на обоих языках, немецком (немецких диалектах) и русском. В с. Никольском и в с. Протасово языком внутригрупповой коммуникации до начала эмиграции 90-х годов оставался нижненемецкий диалект. Поэтому дети (три сына) и внуки (3 внучки и 5 внуков) информанта лучше владеют нижненемецким, чем поволжским диалектом, все они свободно владеют русским языком, так как воспитывались в смешанных семьях, но все назвали родным немецкий язык. Четыре правнука говорят только по-русски.

В с. Подсосново было поселено 17 семей депортированных, которые прибыли в г. Славгород в сентябре 1941 г.⁹¹⁰ Среди опрошенных в 2000 г. 4 человека переселились в с. Подсосново из Поволжья в 1941 г. Все информанты 1930, 1932, 1934 и 1938 г. рождения относятся к старшей группе

---

⁹¹⁰ Schneider F. Podsosnowo. Geschichte, Gründung und Entwicklung eines deutschen Dorfes im Altai in Westsibirien von 1890 bis 2000. Stuttgart, 2000, S. 78.

опрошенных, все четверо, 3 женщины и один мужчина родились в АНР Поволжья в немецко-немецких семьях, языком общения в которых был верхненемецкий диалект, их родители были лютеранского вероисповедания. Один из них закончил 2 класса немецкой школы, в русскую школу не ходил, 3 информанта закончили 4 и 3 класса русской школы.

Все четверо родным диалектом владеют свободно, они владеют сравнительно богатым лексическим фондом, грамматической системой диалекта, они думают на немецком языке, одна по-русски не говорит и плохо понимает, троим остальным легче говорить на диалекте, чем на русском языке. Поскольку язык переселенцев мало отличался от диалекта, сложившегося в с. Подсосново за время его существования, их языковая адаптация проходила легко, как внутри семьи, так и на внутригрупповом уровне в селе языком коммуникации служил смешанный поволжский диалект.

По степени употребления у информантов диалект и на момент опроса стоит на первом месте. Его частое использование имеет свои социальные причины. Так как общение с почти исключительно немецкоговорящими партнерами, принадлежащими к этому же поколению, среди которых немецкоговорящие составляют абсолютное большинство, не относится к редким случаям, то и не было необходимости прибегать к другому языковому коду кроме немецкого диалекта для достижения взаимопонимания.

Русским языком 3 информанта овладели частично за годы обучения в русской начальной школе, а позже применяли его в процессе трудовой деятельности, хотя и ограниченно. Один информант, обучавшийся в национальной немецкой школе, русским языком не овладел. Это женщина, прожившая всю свою жизнь в немецком селе, чей образ жизни не предполагал разнообразных языковых контактов за пределами семьи.

Письменный немецкий язык 3 информанта не имели возможности изучить, а 4-я утратила способность писать латинским шрифтом, хотя и обучалась 2 года в школе с преподаванием на немецком языке.

Языковое поведение информантов во многом определяется характером браков, поскольку следует учитывать возможность использования супругами различных языковых кодов, что было характерно для описанной ситуации в с. Протасово. Этой проблемы не возникло у опрошенных в с. Подсосново. Все 4 информанта образовали чистые в этническом отношении браки. Их партнеры свободно владеют поволжским диалектом. Все четверо опрошенных показали, что пользуются немецким языком в сфере внутрисемейного общения, по-немецки они разговаривают со своими детьми и внуками. Дети свободно владеют родным диалектом и русским языком, так как обучались в русской школе с расширенным преподаванием немецкого языка, что способствовало изучению литературного немецкого языка, все они назвали родным немецкий язык. Внуки говорят на диалекте и по-русски.

Рассмотрев таким образом языковую ситуацию среди немцев, депортированных в 1941 г., можно сделать следующие выводы:

1. Попав в места компактного проживания немцев в Алтайском крае, депортированные немцы имели более благоприятные возможности для сохранения немецкого языка, чем остальные, расселенные в русских поселениях. Об этом свидетельствует тот факт, что не только они сами, но и их дети и внуки используют немецкий язык в повседневной жизни.

2. Почти все опрошенные владеют русским языком, но владение и использование его значительно различаются в зависимости от места проживания (гомогенное или мультидиалектное сообщество) и от характера браков (чистые либо смешанные в национальном отношении).

3. Все депортированные немцы, свободно владевшие поволжским диалектом, освоили диалект села, отличавшийся от их родного диалекта, и использовали его на уровне межгруппового общения в селе.

В.М. Кириллов (Нижний Тагил)

Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения)

С начала 1990-х годов Нижнетагильское общество «Мемориал» занимается подготовкой и изданием мемориальных книг, посвященных жертвам политических репрессий. В памяти участников историко-просветительской деятельности общества остались яркие эмоциональные впечатления от первых митингов, собраний, выставок, получения репрессированными документов о реабилитации, презентаций изданных книг – актов публичного покаяния и восстановления памяти о жертвах политических репрессий. На наших глазах униженные и оскорбленные люди, долгое время бывшие гражданами «второго сорта», обретали чувство собственного достоинства и начинали бороться за восстановление своих прав.

Только в начале следующего десятилетия, благодаря проекту «Gedenkbuch», начинают выходить Книги памяти, посвященные памяти немцев-трудармейцев. Первое, что нас поразило после их публикации, реакция бывших трудармейцев. Большинство из них не верило, что будет восстановлена справедливость, и их имена восстанут из небытия. На наших глазах люди как будто просыпались после длительного сна забвения и страха, буквально «оттаивали». Первой реакцией при получении Книги памяти российскими немцами были удивление и слезы, рефреном повторяющиеся слова: «Мы думали, что это невозможно и никогда не произойдет».

Характерной чертой поведения многих поколений российских немцев являлось нежелание вспоминать о тяжелых страницах своей жизни. Это можно считать проявлением защитных механизмов психики, которые выделяли З. Фрейд и его последователи. Одним из них является репрессия – «механизм, посредством которого травмирующий опыт изымается из сознания. Репрессия может сопровождаться отрицанием определенных мыслей и чувств»⁹¹¹.

Известный российско-немецкий журналист Э. Бернгардт вспоминает: «Мой отец и его поколение российских немцев несколько лет жили среди смерти и несколько десятилетий – в условиях постоянной моральной травли. Но я никогда не слышал, чтобы у кого-нибудь, кто тесно с ними общался, появлялось ощущение, что эти люди перенесли нечто несовместимое с размеренной жизнью обывателя»⁹¹².

---

⁹¹¹ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Гаудеамус, 2003. С. 100

⁹¹² Бернгардт Э.Г. Штрихи к судьбе народа. М.: Фонд «Народная память», 2001. С. 314.

Такому поведению существуют разные объяснения. С одной стороны, это типичная особенность их этнического самосознания – не говорить дурно о властях. С другой – вполне очевидное опасение не навредить подобными разговорами еще больше себе и своим детям.

В свете вышесказанного, анализ внутреннего мира и гражданской идентичности (сфер ментальности и самосознания) представляется нам чрезвычайно сложной задачей. На какие источники мы можем опираться? Основными из них являются: воспоминания и публицистические работы российских немцев; письма; следственные дела на осужденных немцев-трудармейцев, архивные материалы по депортации и спецсылке советских немцев, материалы электронных баз (44 тыс. персоналий из картотек Тагиллага, Богословлага и Бакаллага) и конкретно-социологического анкетирования российских немцев, статьи энциклопедии «Российские немцы» (в значительной части подготовленные российскими немцами), сборники научных работ участников «немецких» конференций.

Из всего перечня источников для подготовки данной статьи мы выбрали воспоминания и публицистику того поколения российских немцев, которое прошло как трудмобилизованные через лагеря НКВД Уральского региона. Сегодня наступил момент, когда мы уже не можем с помощью методов устной истории или социологии (конкретно-социологического анкетирования) изучать интересующие нас вопросы, ибо из трудармейцев в живых остались немногие (и в очень преклонном возрасте).

Мы проанализировали около 230 воспоминаний немцев-трудармейцев Тагиллага, Богословлага и Бакаллага, сконцентрированных в электронной базе данных лаборатории «Историческая информатика» НТГСПА (из них 145 с помощью книги Г. Вольтера «Зона полного покоя»). Был разработан специальный вопросник-идентификатор символов гражданской и этнической идентичности российских немцев (см.: Приложение 1).

Преобладающая часть воспоминаний отражает фактические обстоятельства депортации, материально-бытовые условия пребывания в трудармии, на спецпоселении и только около 28%, лишь частично, позволяют «заглянуть» в идеолого – политическую и этническую сферы ментальности российских немцев. Методика классического контент-анализа, в данном случае, может быть реализована лишь частично. Мы не производили подсчета смысловых высказываний в связи с их малой выборкой. Исходя из анализа воспоминаний с помощью идентификатора, мы выделили 27 сюжетов (см.: Приложение 2), объединяющие авторов и попытались на их основе воссоздать цельную картину этнической и гражданской идентичности трудмобилизованных в лагерь Урала.

Первый сюжет воспоминаний, который тесно связан с символами этнической и гражданской идентичности, – восприятие немцами своей «малой» и «большой» родины. Как известно, российские немцы, несмотря на их

разнородные компоненты на территории СССР (прибалтийские, городские, сельские: крымские, причерноморские, украинские, донские, поволжские, южноуральские, сибирские) к середине XX в. представляли собой во многом единую этническую группу населения. Депортация, трудовая мобилизация, спецпоселение еще более консолидировали российских немцев. Поэтому при анализе источников личного происхождения мы ставим на первое место признаки их этнической идентичности, а уже затем – гражданской.

Основную массу трудмобилизованных и размещенных в лагерях Урала составляли немцы, принадлежавшие к сельским религиозным общинам и проживавшие ранее в республике немцев Поволжья, на Украине и в Крыму. Учитывая, что сельскохозяйственные колонии немцев Украины, Крыма, Поволжья, Южного Урала близки по своему происхождению, мы можем причислить их к единому большинству. Поэтому проживание на определенной территории, которая в представлении немцев была их родиной, отразилось практически во всех воспоминаниях. Это же ощущение стало основой настойчивого стремления выходцев из Поволжья восстановить дарованную немцам государственность.

Буквально единичными можно считать высказывания против восстановления немецкой республики. Бывший трудармеец Я. Левен, сам не сторонник коммунизма, не был ни в партии, ни в комсомоле. Он считает, что большевики правильно выбрали форму государственного устройства – Союз республик (по аналогии с США). Время национальных государств прошло, настало время наднациональных союзов. «В перспективе понятие нация должно отпадать как организационный фактор. Отношение к ней через 1–2 столетия будет примерно таким, как мы сейчас относимся к родоплеменному фактору в организации общества». Левен не апеллирует к восстановлению республики немцев⁹¹³. И. Гейман дает заголовок своей статье-воспоминанию в газете «Так ли уж необходима немцам своя государственность?»⁹¹⁴.

Позиции по отношению к восстановлению государственности немцев порой были диаметрально противоположными. Большая часть авторов воспоминаний очень эмоционально настаивает на возврате АССР НП, выдвигая в качестве альтернативы этому выезд из СССР. Таковую позицию, по словам Г. Вольтера, твердо занимало Общество «Видергебурт»⁹¹⁵. Другие (как прави-

---

⁹¹³ Левен Я. Краткое описание жизненного пути. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА. Источник поступления: Архив исследовательской группы по изучению истории и культуры немцев в России» Института истории Восточной Европы Гейдельбергского университета. Раздел «Wolter-archiv».

⁹¹⁴ Гейман И.К. Так ли уж необходима немцам своя государственность? Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹¹⁵ Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее / Свидетельства очевидцев / Издание 2-е, дополненное и исправленное / Под ред. В.Ф. Дидендорфа. М., 1998. С. 382

ло, не выходцы из республики или родившиеся за ее пределами) вполне равнодушны к этому лозунгу. Определенная часть пессимистично уверена в том, что у немцев России один выход – ассимиляция. О том, что немцы не могут быть сами собой в СССР и будут вынуждены забыть свой язык и свое происхождение, говорит в своем стихотворении В. Штеле:

С таким акцентом необычным,
С такой печальной судьбой
Старик в толпе русскоязычной
Страхится быть самим собой.
А я боюсь его окликнуть
И соплеменником назвать,
Я только рядом с ним застыну
И буду стыд и страх скрывать.
Как научиться мне молиться,
Чтоб успокоиться на миг,
Каким богам мне обратиться
Коль чужд мне мой родной язык?
Клубятся тучи в небе тусклом,
Сгоревших жизнью это дым.
И в храме русском и не русском
Молитву шлю богам своим.
Давно Поволжье ждет дождя,
Земля лежит в ничейной зоне,
Но до сих пор глаза вождя
Суровы так и непреклонны
Я чувствую тяжелый взгляд
Моей державы и сограждан.
И буду склонен я однажды,
Мне сны об этом говорят⁹¹⁶.

Ощущение этнической идентичности тесно сопряжено с таким понятием гражданской идентичности, как родина. Длительная история проживания в России, а затем СССР развивали не только чувство малой родины, т.е. узколокального места проживания, но и чувство родины большой – всей страны. Немцы издавна служили Российскому государству. Особый акцент на верность советской родине делала большевистская пропаганда. Первоначально немцы были избавлены от военной службы и имел широкое хождение этнический принцип антимилитаризма, который стимулировало меннонитское вероисповедание. Однако еще до революции немцы были широко привлечены к военной службе, а перед началом Отечественной

---

⁹¹⁶ Штеле В. Подслушанный монолог. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

войны 1941–1945 гг. в Красной армии насчитывалось более 30 тыс. российских немцев.

Советская система воспитания пропитана патриотическими чувствами немецкую молодежь. Г. Вольтер констатирует, что немецкой молодежи был присущ обычный советский патриотизм. Все молодые немцы мечтали попасть в Красную армию, бить врага (немецких фашистов), по душе были военно-патриотические песни. Он пишет: «А ведь как хотелось попасть в Красную армию, любовь к которой у нас была поистине безграничной... Песни из тогдашних кинобоевиков с участием известных артистов были созвучны нашим по-юношески горячим и безрассудным чувствам»⁹¹⁷.

Ф. Шнейдер говорит о том, что немцы на Волге всегда были лояльны советской власти. Это объясняется этническим качеством «послушания». Кроме того, он считает, что немцы хорошо использовали возможности, данные этой властью для национального развития немецкой республики (до конца 1930-х гг.)⁹¹⁸.

Я. Левен до сер. 1930-х ощущал себя полноценным советским гражданином. Он считает, что ему повезло со временем рождения, а революция помогла вырваться из деревни. Изменилась и национальная среда, что способствовало образованию и карьере: «Я, немец, оказался среди русских. Все это было бы немисливо, родись я раньше или позже и не будь революции»⁹¹⁹.

До 1941 г. российские немцы, несмотря на все перипетии революции, Гражданской войны, коллективизации-раскулачивания, антинемецких кампаний 1934, 1936–38 гг. положительно воспринимали как малую родину, так и большую.

Например, И. Кроневальд писал, что до 1941 г. не чувствовал никакого притеснения на национальной почве. А вот раны, нанесенные в 1941 г., не заживают по сию пору⁹²⁰.

Однако депортация, трудовая мобилизация, заключение в лагеря, спецпоселение, послевоенная дискриминация по национальному признаку породили тяжелый духовный кризис и актуализировали понятие «родина предков». Характерным является высказывание А. Мунтаниола, приведенное в книге Г. Вольтера: «У нас, российских немцев, не стало родины-матери с

⁹¹⁷ Вольтер Г.А. Там же. С. 10, 11.

⁹¹⁸ Шнейдер Ф.Г. Воспоминания. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА. Источник поступления: Архив исследовательской группы по изучению истории и культуры немцев в России» Института истории Восточной Европы Гейдельбергского университета.

⁹¹⁹ Левен Я.А. Краткое описание жизненного пути. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА. Источник поступления: Архив исследовательской группы по изучению истории и культуры немцев в России» Института истории Восточной Европы Гейдельбергского университета. Раздел «Wolter-archiv».

⁹²⁰ Кроневальд И. Незаживающая рана. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

тех самых пор, как наши предки покинули Германию. В отроческие годы моей малой родиной было наше село. Такой родиной и близкий мир мы мечтали иметь и в лице нашей необъятной родины – СССР. Нам не был чужд патриотизм. Мы были готовы защищать свою страну. Но из патриотов «отец всех народов» превратил нас в предателей. Он загнал за колючую проволоку потомков тех, кто прибыл в Россию обрабатывать ее землю. Чужими они стали родине, равнодушно взирает она, как уходят из нее миллионы не самых худших граждан»⁹²¹.

Далеко не все немцы решились покинуть свою родину-мачеху и изменить отношение к ней. И. Гейман и в конце 1990-х эмоционально подтверждает отношение к СССР, как к Родине: «Заканчивая свое повествование, вновь и вновь убеждаюсь в великой силе чувства привязанности к взрастившей тебя земле-Родине. И хоть не баловала нас жизнь и в детстве, и в молодые годы, и сейчас – теперь на конце пути (очень скоро 75), оглядываясь назад, хотелось бы выразить свои чувства словами поэта-песенника В. Харитонova в песне «Позови меня, Россия!» И, не приведи, господи, чтобы из-за наших бед, невзгод, неурядиц и неуверенности в завтрашнем дне, притупилось это святое чувство!»⁹²².

В сер. 1980-х гг. российские немцы (например, М. Дистергефт, Э. Россель, Т. Грасмик, В. Гаффнер) делали патриотические заявления и отрицали желание выехать в ФРГ. В их заявлении говорилось: «И не из-за запретов мы не переселяемся в Западную Германию (о запретах, кстати, мы узнаем зачастую от тех самых зарубежных доброжелателей, которые так хлопочут о выезде советских немцев из СССР), а из за вполне понятного каждому порядочному человеку чувства любви к своему отечеству. Мы, советские немцы, его полноправные сыны, и мы гордимся своей могучей социалистической родиной»⁹²³.

Длительное время российские немцы разделяли стереотипы восприятия всех советских людей. Им был присущ интернационализм. Например, по свидетельству Р. Мелинга, трудармейцы Богословлага верили в обращение к ним Сталина по поводу их трудовых успехов: «Мы верили этому. Мы все считали, что трагедия каждого из нас – это только ошибка, что Сталин об этом ничего не знает, что все со временем разрешится, а сейчас мы должны работать во имя победы!»⁹²⁴.

⁹²¹ Вольтер Г.А. Там же. С. 10, 11.

⁹²² Гейман И. Хранят так много дорогого (некоторые жизненные вехи в документах). Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹²³ Ради мира на земле (Открытое письмо группы советских граждан немецкой национальности к правительству и общественности ФРГ. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА

⁹²⁴ Мелинг Р.Е. Город – в наследство. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

Ф. Шнейдер вспоминает, что в трудармии не было межнациональных антагонизмов: «В трудармии были все равны. Были представители различных национальностей. В 1944 году в 15-м стройотряде при общем количестве около 6000 человек были представители 16 национальностей: от немцев и финнов до евреев, русских и даже цыган. До 1941 года каждый был занят своим любимым делом. Были ученые, артисты, моряки и прочие профессии. Было удивительно видеть, как невзгоды объединяют людей – безразлично какой национальности. Конечно евреев, татар, венгров, корейцев, русских, поляков и других были единицы. Работали и размещались они со всеми вместе»⁹²⁵.

Ранее мы писали об этнических стереотипах, присущих российско-немецкому этносу⁹²⁶. Среди них базовыми являются: богобоязненность, послушание власти («власть от Бога»); трудолюбие, высокая исполнительская дисциплина, стремление к «порядку»; предпочтение общего блага индивидуальному, активная индивидуальная жизненная позиция, развитое честолюбие; восприятие себя в качестве «народа-странника», «народа-чужака»; нейтральный этнический контакт с окружающими, отсутствие межнациональных браков. Немцам России была присуща культура религиозных и сельских общин, этические и бытовые традиции протестантизма и католицизма.

Наличие вышеуказанных стереотипов проявляется во многих воспоминаниях. Например, Г. Вольтер пишет: «Российские немцы не помышляли об антигосударственной деятельности, так как стержнем их поведения был этнический стереотип «послушания власти», данной от Бога. Люди продолжали руководствоваться своими многолетними жизненными традициями, не помышляя ни о какой антигосударственной деятельности. Важное место в этих неписаных законах занимало невмешательство в «большую политику». Лояльность к государству, в том числе советскому, российские немцы выражали законопослушанием и дисциплинированностью. Нравственным стержнем большинства из них по-прежнему оставалась богобоязненность, которая, как и обязательная домашняя Библия, сохранилась даже после полного варварского разрушения немецких кирх. Главную ценность – уважение людей других национальностей – сельские и городские немцы завоевывали трудолюбием, разумным практицизмом и порядочностью»⁹²⁷.

Г. Вольтер считает, что немцы на фронте были лучшими солдатами: «По самооценке бывших фронтовиков немецкой национальности, они сражались ничуть не менее самоотверженно и упорно, чем их боевые товарищи.

⁹²⁵ Шнейдер Ф.Г. Воспоминания. Там же.

⁹²⁶ Кириллов В.М. Этническое самосознание под гнетом власти (немецко-российский этнос в условиях политических репрессий) / Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки / Отв. ред. Е.Г. Неклюдов. Н. Тагил: НТГСПА, 2006. – 224с. С. 93–113.

⁹²⁷ Вольтер Г.А. Там же. С. 37.

Помимо воинского долга, к этому их побуждали традиционная немецкая дисциплинированность и исполнительность, а также незримо висевшая над ними обязанность постоянно доказывать свою верность родине, боязнь быть обвиненными в трусости, а тем более в пособничестве врагу»⁹²⁸.

Он подчеркивает: «У немцев чувство собственного достоинства и личной чести, дом и внешний облик всегда почитались очень высоко. И вот нас ведут через селение как преступников, да еще грязных, оборванных, истощенных. Стыд-то какой! Как сквозь строй проводят, со всех сторон взгляды: тут и презрение, и злорадство, и жалость в глазах. Самое тяжелое – это жалость. От унижения плакать хотелось!»⁹²⁹.

Непротивление злу объяснялось факторами проживания «не в своем государстве» и страхом 1937 г. «Срабатывали вековые традиции проживания «не в своем» государстве, отсутствие чувства хозяина в собственном доме и, как следствие, воли к борьбе. А люди, не готовые противостоять насилию, всегда слабее насильников»⁹³⁰. Трудармеец Л. Лох пишет: «Удивляет и заставляет задуматься другое: ни в тот раз, ни при выселении из Поволжья и последующих проявлениях вопиющей несправедливости никто никакого возмущения, а тем более протеста не выразил. Ни разу за все эти годы я не слышал, чтобы кто-то из наших немцев хотя бы повысил голос. Их морили голодом, унижали, грабили, сажали в карцер, насиловали, принуждали жить и работать в нечеловеческих условиях, а они безропотно молчали. Что это?! Чувство добровольно принятой на себя чужой вины? Воспитанный советской властью комплекс национальной ущербности? Загнанный вглубь этнического самосознания постоянный страх? Или закрепленное на генетическом уровне, врожденное послушание, из-за которого наше общество понесло столько потерь?»⁹³¹.

Г. Вольтер объясняет: «Чтобы понять причины тогдашнего трудового порыва в условиях лагерного заточения, надо, кроме всего прочего, знать черты противоречивой немецкой природы, которые тоже постепенно восстанавливались после пережитого. Это прежде всего повышенное чувство собственного достоинства, стремление к первенствованию. Иметь все лучшее – дом, хозяйство, урожай, мебель, даже забор и цветник перед домом! Эти черты проявлялись у них даже в самые тяжкие дни трудармии.

– Ты же немецкий человек! – говорили опустившемуся, утратившему желание жить соплеменнику его товарищи. Дескать, держись, не теряй своего лица!⁹³² Он приводит высказывание из воспоминаний Л. Кинцеля: «Норму никто не мог выполнить, но наши немцы, как всегда, хотели

---

⁹²⁸ Там же. С. 43.

⁹²⁹ Там же. С. 103.

⁹³⁰ Там же. С. 113.

⁹³¹ Там же. С. 244–245.

⁹³² Там же. С. 300.

кому-то что-то доказать и работали до изнеможения, пока не падали с ног. Технорук на лесозаготовках, бывший политзек Гальцев говорил нам: «Так вы долго не протянете. Заключение работают иначе – им надо живыми свой срок отсидеть»⁹³³.

По убеждению Г. Вольтера: «В том-то и состоит феномен российского немца, что труд, отношение к нему, рабочая совесть у подавляющего большинства из них были и остаются самостоятельными, веками выработанными нравственными ценностями. Ими нельзя было злоупотребить, используя в качестве средства мщения ненавистным властям в лице начальника лагеря или коменданта. Иначе говоря, типичный немец просто не мог работать плохо – в этом и состоит суть ответа на поставленный нами вопрос»⁹³⁴.

Этническая ментальность может объяснить и понимание немцами причин их депортации. Г. Вольтер, в принципе, оправдывает решение о депортации российских немцев из предполагаемой зоны оккупации СССР с целью вырвать из рук противника немецких мужчин. Если бы только это не закончилось заключением в лагеря. «Коль скоро фашисты не уничтожат нас в качестве большевистских активистов, считали мы, то попытаются, как немцев в первую очередь заставить себе прислуживать. Откажемся – расстрел. А изменим своим убеждениям, продадимся врагу – расстреляют наши, когда возвратятся (в том, что Красная армия вернется, у нас сомнений не было). Как нам тогда казалось, лучшим выходом из этого критического положения была бы наша эвакуация в далекий восточный тыл»⁹³⁵.

Ф. Шнейдер говорит о том, что указ о депортации немцы ожидали по аналогии с политикой царя в годы Первой мировой войны. Все возмущались в душе необоснованностью обвинений, но никто не апеллировал к помощи Германии, отрицательно относясь к фашизму⁹³⁶.

Однако позже, в 1980–90-х гг. утвердилась эмоциональная отрицательная оценка указа о депортации. Типично в этом случае высказывание Е. Валовой (Мельхер): «Как мы выжили, не знаю, но было унизительно долгие годы ощущать себя «врагом народа» без вины виноватым»⁹³⁷.

Эволюционировало и восприятие мобилизации в трудовую армию. Первоначально для многих она не ощущалась как трагедия. Г. Вольтер свидетельствует, что вначале немцы проявили патриотизм и самоотверженность в труде, но после появления колючей проволоки и лагеря, снижения норм питания, энтузиазм поубавился. Это немцы расценили как унижение человеческого достоинства и уже не могли простить.

---

⁹³³ Там же. С. 346.

⁹³⁴ Там же.

⁹³⁵ Там же. С. 14, 17.

⁹³⁶ Шнейдер Ф.Г. Воспоминания. Там же.

⁹³⁷ Валова (Мельхер) Е.Е. Жаркое лето 1941 г. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

В дальнейшем, он оценил это так: «Мобилизация в трудармию (на самом деле заключение в ИТЛ) превратила немцев в преступников и выглядела двусмысленной, ханжеской акцией: репрессией по сути и административной акцией, не репрессией, формально. Эта была продуманная, очень далеко идущая ханжеская двусмысленность. Выходило, что трудмобилизованных немцев никто не арестовывал, не предъявлял им обвинений, не судил и будто бы вовсе не репрессировал. А между тем они на долгие годы оказались за высокими заборами ГУЛАГа НКВД СССР»⁹³⁸.

Кое-кто с самого начала заподозрил неладное. Г.(И). Гильдебрандт пишет: «Уже при призыве в военкомате стало ясно, что для немцев начался путь многолетних оскорблений. По прибытии в лагерь возникла мысль о том, что всех немцев расстреляют»⁹³⁹.

А. Горст свидетельствует, что немцы постоянно чувствовали себя униженными, находясь в лагерях, среди бесконечных оскорблений. Типичным было скандирование «за что!?» в бараках лагеря вечером. «Между соседями по нарам шли сдержанные, возмущенные разговоры, и вдруг один из голосистых где-то в середине, на верхних нарах, выкрикивает пронзительным голосом: «За что!?!». Через несколько секунд весь барак (200 человек) уже скандирует: «За что?! За что?! За что-о-о-о!»

От такого хора дребезжат стекла на фронтонах, не выдерживал начальник колонны, выскакивал из своей кабины с криком «молчать!». Но успокоить взбудораженных людей удавалось не сразу. Надо им объяснить: «За «что?»». За что за колючей проволокой в основном – честные, лояльные люди, среди которых большая прослойка комсомольцев и коммунистов, инженерно-технических работников и другая интеллигентная часть. За что оскорбляли, называя пособниками! Объяснить это никто не собирался и не мог. Ответ был краткий: «Уже за то, что вы немцы»⁹⁴⁰.

У трудармейцев создавалось впечатление заложничества, «плена у своих». В определенный момент возникла уверенность в расстрельном исходе в случае катастрофической ситуации на фронте. А. Мут пишет: «Положение трудармейцев ощущалось как положение преступников-заключенных»⁹⁴¹.

Практически все бывшие трудармейцы считали, что их материально-бытовое положение оказалось хуже, чем у заключенных. Г. Гильдебрандт: «Нас, немцев, намного хуже снабжают, чем заключенных, с которыми мы вместе работаем. Нас, по-видимому, хотят истребить...». Даже намеренно

⁹³⁸ Вольтер Г.А. Там же. С. 29, 15.

⁹³⁹ Гильдебрандт Г.(И.).Трудармия.1942–1945. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁴⁰ Горст А.Г. Годы плена у своих (воспоминания юности). Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА. Источник поступления: Архив исследовательской группы по изучению истории и культуры немцев в России» Института истории Восточной Европы Гейдельбергского университета.

⁹⁴¹ Гильдебрандт Г. (И.).Трудармия.1942–1945.

совершались мелкие преступления, чтобы быть осужденными и попасть в лагерь заключенных, где бытовые условия жизни сразу улучшались⁹⁴².

И. Кесслер свидетельствует: «В бараке политзаключенных было чисто, светло и сухо. Вокруг него (бывшего трудармейца. – В.К.) находились скромные, молчаливые, культурные люди. Да и питание в лагере оказалось получше, чем в отряде»⁹⁴³.

Значительное влияние на морально-психологическое состояние трудармейцев оказал лозунг «Убей немца!» из памфлета И. Эренбурга. Ф. Крюгер вспоминает: «Под влиянием статьи И. Эренбурга «Убей немца!» над проходными воротами в Богословлаге появился плакат: «Смерть немцам! Да здравствует славянский народ!» И хотя вскоре он был снят, очевидным было проявление великорусского национализма»⁹⁴⁴.

Г. Вольтер считает: «С помощью садистского (иначе не скажешь) пера Эренбурга сталинская пропаганда стремилась распространить «образ врага» на весь германский народ и все немецкое безо всякого разбора. Не удивительно поэтому, что клеймо врага, фашиста, презренного «фрица» пало и на головы репрессированных российских немцев, не имевших ни малейшего отношения к «коричневой чуме».

Даже лагерное начальство, вывесив такой лозунг, вскоре поняло, что перегнуло палку и вернуло прежний: «Все для фронта – все для победы!». А вот население СССР с его конформистским сознанием надолго перестало различать российских немцев и фашистов, что нанесло сильнейший удар по немецко-российскому этносу... На долгие годы в российском общественном сознании стало правилом отождествлять немецких граждан с фашистами оккупантами, врагами. Будто мы находились не дома, а в плену у своих»⁹⁴⁵.

Б. Раушенбах добавляет: «В списках на продовольствие сначала стояло начальство, потом сотрудники, потом обычные жители, потом заключенные, а потом – немцы. Наши стройотрядовцы, попадавшие после совершения краж в махровую тюрьму, всегда приходили в восторг от того, как там хорошо живется!»⁹⁴⁶.

Следующий важный для измерения гражданской идентичности вопрос – восприятие трудовой мобилизации и отношение к труду в лагерях.

Как свидетельствуют воспоминания, «Несмотря на все трагические обстоятельства, среди немцев были убежденные коммунисты, которые внушали

⁹⁴² Мут А. Трудармия. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁴³ Кесслер И.Н. Богословлаг: как это было. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁴⁴ Крюгер Ф. Так это было. Там же.

⁹⁴⁵ Вольтер Г.А. Там же. С. 101, 102.

⁹⁴⁶ Раушенбах Б.В. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (Из воспоминаний Б.В. Раушенбаха). Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

остальным установку: «Мужики, мы должны хорошо относиться к работе и этим показать, что мы не те, за которых нас обвиняют и принимают. Мы должны хорошо работать, чтобы они могли убедиться, кто и что мы на самом деле есть, тогда нас отпустят домой»⁹⁴⁷.

Г.Вольтер пишет: «Работа шла споро и аккуратно, как и подобает трудолюбивым немцам. «Конечно, – думалось многим, – здесь тоже вкалывать нужно, коли уж на фронт не пустили. Говорят ведь: чтобы красноармеец мог выстрелить, на него в тылу должны работать 7 человек. Не в колхозе же отсиживаться, когда все мужчины на фронте!». Подгоняли друг друга, торопились поскорее уйти под крышу, в тепло, примеряли построенное к самим себе»⁹⁴⁸.

Довольно скоро немцы ощутили свою дискриминацию по национальному признаку, и это осознание стало для них тяжелой травмой на десятилетия вперед. Энтузиазм в труде поубавился, появился страх массового уничтожения. Г. Вольтер свидетельствует: «Однако очень скоро настроение начало меняться. В особенности, когда стало очевидно, что строится здесь не что иное, как лагерь для заключенных, а заключенные эти – они сами. Такого никто не предполагал! Это было кощунственно, унизительно, обидно! Всякий подвох могли ожидать для себя немцы, но только не тюрьму.

Поубавился энтузиазм и потому, что питание из котлов, расположенных в одной из палаток, с каждым днем становилось все хуже, да и домашние запасы быстро иссякали при самой жесткой их экономии. А затянувшаяся «фронтная жизнь» стала просто невыносимой...»⁹⁴⁹.

Многие авторы воспоминаний убеждены, что российских немцев могли уничтожить в случае отрицательного исхода Сталинградской битвы. Этим же они объясняли катастрофически плохое питание для трудармейцев, пренебрежение их жизнями и жестокие наказания, приказы о расстрелах. Действительно, например, в ИТЛ Челябинметаллургстрой приказов о высшей мере наказания для немцев было на порядок больше, чем для заключенных. Я. Эзау пишет: «И Вольтер в своей книге и все трудармейцы единодушно отмечают особо высокую смертность среди трудармейцев до Курской битвы. Решив проверить эти наблюдения я провел статистическую обработку этой скорбной книги (Книги памяти – ВМК)... Но вот Победа в Сталинградской битве. Не знаю, улучшилось ли после этого питание в лагере. Если, даже, и улучшилось незначительно, то все равно это улучшение питания не может объяснить почти двукратное снижение смертности в феврале. Главный фактор в резком снижении смертности – моральный. Содержащиеся здесь в лагере «диверсанты» и «предатели» воспрянули духом. Появилась надежда

---

⁹⁴⁷ Мут А. Трудармия. Там же.

⁹⁴⁸ Вольтер Г.А. Там же. С. 29.

⁹⁴⁹ Там же.

на нашу конечную победу. Появились шансы остаться в живых. Надежда дорого стоит! И все же смертность оставалась еще высокой.

Все резко изменилось после Курской битвы. Через месяц после этой исторической для трудармейцев битвы смертность среди них снизилась в 10–15 раз и больше не повышалась! Не надо быть большим аналитиком, чтобы понять, что после Курской битвы норма питания была доведена до уровня, позволяющего человеку выжить и нормально работать»⁹⁵⁰.

А. Горст подтверждает: «Все победы на фронте были в нашу, трудармейцев пользу. Режим становился менее строгим. Как только на каком-то фронте наши войска отступали, отношение к нам ожесточалось. И мы молили бога о скорейшем разгроме фашистов и представляли, что бы с нами сделали в случае поражения наших войск. Нас бы всех перестреляли так же, как уничтожили поляков в лагерях. Так что мы были заложниками, пленниками у своих»⁹⁵¹.

Ему вторит Г. Вольтер: «Не стройки, рассчитанные на годы вперед, а ликвидация подозрительного немецкого «контингента» была тогда главной заботой ГУЛАГа»⁹⁵².

Пожалуй, только Б. Раушенбах не согласен с этим тезисом массовых воспоминаний и утверждает, что ситуация на фронте и положение трудармейцев не были взаимосвязаны. «То, что там, на фронте, нас никак не касалось, а вот жратва и работа были связаны напрямую»⁹⁵³.

После появления колючей проволоки труд для немцев стал настоящим испытанием их достоинства. По мнению Г. Вольтера, унижительным стало обращение «товарищ» в лагере и призыв к патриотическим чувствам, к труду «во имя победы над врагом». Он пишет: «Были у «наших» концлагерей и свои особенности, которые еще более усиливали физические и моральные муки их затворников. С одной стороны, нас со всех сторон окружали реалии лагеря строгого режима: четырехметровое проволочное ограждение, вышки с «попками» по углам, конвой, сторожевые собаки, надоедливые вечерние поверки, ночные «шмоны» и прочие атрибуты ГУЛАГовской «жизни». А с другой – в официальном обращении к нам звучало слово «товарищ» с добавлением «трудмобилизованный». Политрук стройотряда («комиссар трудового батальона») – была такая начальственная должность в лагерях – мог перед строем во время развода апеллировать к «патриотическому долгу советских людей», призывать не покладая рук трудиться во имя победы над врагом»⁹⁵⁴.

---

⁹⁵⁰ Эзау Я. Красноурьинск в сердце моем. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁵¹ Горст А.Г. Годы плена у своих (воспоминания юности).

⁹⁵² Вольтер Г.А. Там же. С. 300.

⁹⁵³ Раушенбах Б.В. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (Из воспоминаний Б.В. Раушенбаха).

⁹⁵⁴ Вольтер Г.А. Там же. С. 110.

Что же заставляло добросовестно работать и в этой тяжелой морально-психологической обстановке? Во-первых, борьба за пайку хлеба, во-вторых, фактор расстрелов и тюремного заключения 1942–1943 гг., в-третьих, генетические качества. Г. Вольтер: «Лагерный террор осуществлялся в рамках глобального антинемецкого геноцида»⁹⁵⁵. А. Мут: «Чтобы более-менее сносно питаться, приходилось работать по-стахановски»⁹⁵⁶.

Но был еще один постоянно действующий фактор – стремление к свободе, надежда на которую творила чудеса. Примером тому ударный труд бойцов стройотряда № 7 на ЧМС в 1943 г. Г. Вольтер вспоминает: «Тогда руководство стройки поставило перед комсомольско-молодежным коллективом 7-го стройотряда задачу: дополнительно к программе по запуску очередной домны и прокатного стана, построить ТЭЦ, пообещав за это из ряда вон выходящую награду – снять проволочные заграждения вокруг лагеря.

Вызов был принят. Энтузиазму и злему упорству молодежи не было предела. Работа – почти все вручную и на голодном лагерном пайке – кипела день и ночь. Об ударном комсомольско-молодежном объекте шумела вся стройка. Сводки, подобные фронтовым, ежедневно давала многотиражка «За сталинский металл». Люди падали от бессилия и умирали на рабочем месте. А, начиная с лета, когда в пайке появился знаменитый килограмм хлеба, на скоростной стройке выросли сотни передовиков, рекордсменов и даже дутых «тысячников». Всюду гремело имя Степана Вернера, зачинателя этого движения. Теперь начальственное «любой ценой» сменилось своим, лагерным, означавшим в устах затворников: любой ценой избавиться от колючей проволоки, от конвоя, от «попок» на вышках. За борьбой с «колючкой» следили «трудооблизованные» всего Бакалстроя. «Снимут или не снимут?» – этот вопрос был у всех на устах. А в том, что ТЭЦ будет сдана в обещанный срок, никто не сомневался...

Задание было выполнено в невиданные в строительной практике сроки. Руководству стройки пришлось сдержать свое обещание и совершить беспрецедентную в истории ГУЛАГа операцию – расконвоировать целый стройотряд в 5 тыс. человек... А наутро, 1 января, в 7-м стройотряде был праздник. Сразу тройной: исчезла давившая на психику трижды проклятая проволока, день объявили выходным и начался новый, вольный 1944-й год!⁹⁵⁷

Осознание нужности труда для всей страны, для Победы было порой единственным стимулом выживания и выходом из холодного одиночества.

Элеонора Дистергефт свидетельствует: «Ничто так не угнетало, как отсутствие чувства единения, братства со всеми советскими людьми, с Родиной. Мы были одни, каждый наедине с собой... «Блокадники, даже тогда, когда

---

⁹⁵⁵ Вольтер Г.А. Там же. С. 124.

⁹⁵⁶ Мут А. Трудармия.

⁹⁵⁷ Вольтер Г.А. Там же. С. 293.

норма уменьшилась до 125 граммов хлеба в день, работали, хотели выжить, боролись за жизнь. А в зоне, при сравнительно больших нормах питания, жить не хотели! Не хотели! Оклеветанные, измученные недоверием, несли на себе клеймо «фрицев», «фашистов», «врагов». Хотели – сужу по себе – забиться в угол, спрятаться, умереть...

Сознание своей необходимости многим из нас, и мне в том числе, помогло выжить и остаться людьми»⁹⁵⁸.

Символичным было отношение немцев к празднику Победы. С одной стороны, они так же, как и все советские люди, «приближали ее, как могли». С другой, ощущали себя «в плену у своих». Им и не разрешили отмечать этот праздник как всем.

Г. Вольтер пишет: «У российских немцев отняли все самое насущное – малую родину, законность, автономию, имущество, кров, семью, личную свободу, честь. Взамен наградили ненавистным клеймом пособников врага, изменников Родины, фашистов, виновников всех бед народных. Так мог ли быть еще народ, более, чем наш, жаждущий победы над гитлеровским фашизмом – одним из главных виновников его бед и горя?

Ее ждали как десницу небесную, призванную избавить российских немцев от позорного навета и принести долгожданное освобождение. О ней, вожденной, молили Бога выжившие узники трудармии, осколки разбросанных семей, малые дети в Сибири и Казахстане...

Помню и я тот день: пытаюсь выразить свои чувства, вывесил на лагерных воротах лозунг с собственноручно выведенным одним огромным, самым желанным словом – «Победа!!!»...

Но никто почему-то не кричал от радости, не обнимался и не плясал, как потом показывали в кинохронике. Встретили новость спокойно, будто усталые путники, присевшие на полпути долгой и утомительной дороги.

Победа сверкнула яркими огнями радости и тут же померкла, сменившись горьким отрезвлением. Новую подлость уготовили в тот день мобилизованным немцам дьявольские органы НКВД-НКГБ, чтобы сбить чрезмерные, на их взгляд, надежды. При сопоставлении воспоминаний трудармейцев о «праздновании» этого дня в их лагпунктах выявляется подозрительно сходная картина, свидетельствующая о том, что здесь явно руководствовались поступившей сверху единой инструкцией. Во всех лагерях праздник Победы был объявлен нерабочим днем. Все трудмобилизованные, включая «самоохрану», были собраны в «зонах». Надзирательские службы, усиленные сотрудниками местных «органов», расположились непосредственно на территории лагерей. Запрещалось проведение митингов, собраний и других массовых мероприятий трудмобилизованных. На общих построениях начальники лагерей

---

⁹⁵⁸ Дистергефт (Гронвальд) Э.П. Вспоминая пережитое. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

поздравили «контингент» с Победой и нацелили его на дальнейшую добро-совестную, ударную работу.

Кое-где было выдано дополнительное блюдо. Но ни оно, ни выходной день не могли смягчить разочарования от услышанных казенных слов. Чужло сердце: не скоро нашим невзгодам наступит конец...»⁹⁵⁹.

А. Мунтаниол вспоминает: «В ночь с 8-го на 9-е мая мы не спали: все уже знали, что Берлин пал и война кончилась. Слушали выступления по радио Сталина, Трумэна и Черчилля. Руководители стран антигитлеровской коалиции поздравляли народы мира с Победой. Наконец-то пришла она! От радости мы не знали, что делать. Смеялись и плакали. Неужели наш труд и наши жертвы никто не оценит? Ведь «этот день мы приближали, как могли».

Каково же было наше удивление, когда утром 9 мая, выйдя из барачков, мы увидели прохаживающихся по «зоне» чекистов с оружием в руках. Этого никогда не бывало, даже в черные дни 1942–43 гг. А тут, в такой день вдруг появились в полном вооружении! Глянули вокруг и увидели: на вышках снова сидят «попки». Что это и зачем? Позже мы узнали и об устроенной в городе облаве на всех наших трудмобилизованных... Никакого праздника у нас не получилось. Мы сидели за колючей проволокой и с печальной завистью смотрели на веселящихся людей за нашим забором. Прошло уже полвека, а тогдашнее унижение не выветрилось из памяти до сих пор...

А потому в нашей жизни все осталось, как было. На вахте по-прежнему восседал вооруженный вохровец, отвечавший за наличие «немецкого поголовья». Сохранялся смягченный временем, но столь же одиозный лагерный режим. О возвращении отнятой свободы и доброго имени, права на личную жизнь, семью, проявление чувств, на политическое доверие, равенство в обществе, справедливость и речи не велось. Все это было не про нас...»⁹⁶⁰.

Из интервью Михаила Дистергефта В. Чевардину: «**В.Ч.:** Чем был для вас День Победы? **М.Д.:** «Светлый день – май. Всеобщее ликование. Надежда на возвращение домой». **В.Ч.:** «И родине служить!?!». **М.Д.:** «Эта ваша фраза для газеты. Просто жить как человек, работать как человек. У каждого есть семья, близкие и свое дело. В лагере были инженеры, военные, ученые, а работали чернорабочими...»⁹⁶¹.

Для определения особенностей этнического и гражданского поведения важное значение имеют взаимоотношения внутри этнической группы и контакты с окружающим населением. Понятно, что российские немцы, несмотря на общие этнические характеристики, все же делились на городское и сельское население, обладали специфическими социальными характеристиками

⁹⁵⁹ Вольтер Г.А. Там же. С. 321–322.

⁹⁶⁰ Вольтер Г.А. Там же. С. 322.

⁹⁶¹ Интервью М.В. Дистергефта В.В. Чевардину. Gedenkbuch. Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев-узников Тагиллага. Электронное издание. Н. Тагил: Мемориал, НТГСПА, 2005. – Видеофайл в разделе «Документы».

(крестьяне Поволжья или городская интеллигенция, например), были в разной степени политизированы и образованы. По воспоминаниям прослеживается определенный антагонизм между этими группами.

Только в двух воспоминаниях мы нашли информацию о противоречиях между немцами разных регионов. Георг Гильдебрандт пишет о том, что чекисты пытались внести разлад между поволжскими, донскими и черноморскими немцами. «Впрочем, не было и тесных контактов между поволжскими и немцами с Дона. Каждая группа российских немцев в своем регионе вела свою личную жизнь». Донским немцам казалось, что среди поволжских было больше членов партии и комсомола⁹⁶².

Фридрих Шнейдер вспоминает: «Антагонизм между различными географическими группами сначала был довольно силен. Особенно «старались» немцы южного Кавказа (из Азербайджана и Грузии). Они были убеждены, что именно немцы Поволжья виноваты в том, что все немцы СССР оказались в существующем положении. И лишь после того, как один историк, доктор наук, «открыл им глаза», они успокоились». Было противоречие между рядовыми немцами их бывшими административными и партийными начальниками в Поволжье. Но в трудармии все оказались равны. «К партийным трудармейцы относились с усмешкой»⁹⁶³. Б. Раушенбах назвал один из разделов своих воспоминаний «Партийный атавизм».

В воспоминаниях прослеживается определенный антагонизм между «сельскими» и «городскими» немцами. Вот типичные высказывания подобного рода: «Верхушка» немцев, выходцы из городов, не имела связи с «основным народом». «Что эти десятки людей, которых восхваляет автор, имели общего с основной массой, которая под страхом голода трудились в описанных выше условиях. Эта верхушка, в основном выходцы из крупных городов, не только не имели связь с основным народом, а сторонились его, считая его виновником своей беды. Большинство из них старались доказать, что они вовсе не немцы. Доктор Рикерт и ученый Раушенбах, идя в столовую, говорили только на английском языке. Что они могли иметь общего с оборванным голодным простонародьем»⁹⁶⁴. Иван Браун замечает: «Военные из немцев все были при должностях и присматривали за нами. Они считали нас предателями, так же думали о немцах Поволжья и немцы, живущие в Казахстане»⁹⁶⁵.

Взаимоотношения с местным населением было особенно тяжелыми. Э. Дистергефт вспоминает: «Как смотрели на нас богословцы! Страшно

---

⁹⁶² Гильдебрандт Г. (И.).Трудармия.1942–1945.

⁹⁶³ Шнейдер Ф.Г. Воспоминания.

⁹⁶⁴ Гейман И.К., Шедель И.А., Берг П.А. Как мы ждали и чего дождались. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТСПА.

⁹⁶⁵ Браун И.И. Из воспоминаний. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТСПА.

вспомнить тяжелые, ненавидящие взгляды местных жителей. Как буравы, они сверлили наши сердца. В нас они видели убийц своих мужей, сыновей, погибших на фронте». «Мы были враги! Рабочий скот, который имел право только работать и умирать»⁹⁶⁶.

Советская пропаганда, стимулированная лозунгом «Убей немца!», сделала все, чтобы в сознании малообразованного, в основном крестьянского населения СССР, объединить всех немцев в одну национальную группу и преследовать их как фашистов. Известны случаи, когда убийство русского немца на спецпоселении расценивалось как убийство фашиста. Шпиономания породила множество так называемых «заговорщических групп» среди трудармейцев, раскрытых чекистами в лагерях и обрекла их на смертельные приговоры. Самими трудмобилизованными их положение ощущалось как положение преступников-заключенных.

Фридрих Шнейдер свидетельствует, что контакты с местным населением сначала были запрещены и отношения были сложными, а затем, после снятия запретов, наладились. «Трудолюбие, аккуратность в делах, честность в поведении, безусловно, подействовали на окружающих. Враждебность постепенно пошла на нет»⁹⁶⁷.

В самих лагерях очень часто выживание немцев было связано с гуманным поведением начальников и мастеров других национальностей. Система не смогла лишить всех людей души и элементарного сочувствия человеку, попавшему в беду. Например, А. Мут говорит о том, что выжили во многом потому, что мастера и начальники, от которых зависела работа, были хорошими людьми и видели, что норма для истощенных людей неприемлема⁹⁶⁸. И все же таких, кто шел вопреки жестокости системы, было немного. Иосиф Кесслер свидетельствует: «Хороших начальников, которых поминают добрым словом немцы-трудармейцы, были единицы»⁹⁶⁹.

Уровень образованности и политической культуры российских немецких крестьян в 1930–40-х гг. был невысок, как, впрочем, и всего населения СССР. В то время осознать ущербность, жестокость и антигуманность всей системы власти могли лишь немногие. Другие же обращали преимущественное внимание на условия быта и кличку «фашист». Г. Вольтер пишет: «Нельзя не признать, что тюремщики сталинского СССР и нацистской Германии оказались изощренными психологами. Они умели так поставить дело, что находившийся под их властью человек страдал более всего от мелких обид, привыкая в то же время к настоящему горю, которое нес с собой государственный террор.

---

⁹⁶⁶ Дистергефт (Гронвальд) Э.П. Вспоминая пережитое.

⁹⁶⁷ Шнейдер Ф.Г. Воспоминания.

⁹⁶⁸ Мут А. Трудармия.

⁹⁶⁹ Кесслер И.Н. Богословлаг: как это было.

Заключенные в лагерях немцы куда сильнее реагировали на клички, незаслуженные оскорбления типа лодырь, дармоед и т.п., чем на подлинную жестокость. Они плакали, как дети, когда их называли фашистами, гитлеровцами, фрицами, толкали прикладами или били по лицу. Но при этом будто вовсе не замечали колючей проволоки, собачьего лая, конвойного сопровождения или того, что их морили голодом и оставляли на съедение гнусу»⁹⁷⁰.

Пожалуй, только несколько сот представителей интеллигенции (в том числе, Б. Раушенбах, П. Рикерт) осознавали ущербность всей советской системы. Б. Раушенбах говорил: «Конечно, то, что немца просто за то, что он немец, посадили за решетку, не прощается и не забывается. Но когда меня брали, я отнесся к этому совершенно философски, я не расстроился. Мне было неприятно, но я не считал это неправильным и не считал трагедией. Солдагерникам я популярно объяснял, что в Советском Союзе каждый приличный человек должен отсидеть некоторое время, и приводил соответствующие примеры». Борис Раушенбах в целом оценивал советскую систему отрицательно⁹⁷¹. П. Рикерт – немец-антифашист, бежавший от Гитлера в Советский Союз и тут попавший в сталинские лагеря, не имел иллюзий и называл СССР не иначе как «Великое говно» («Die große Scheiße»).

Восприятие репрессий имело свою историю и динамику в самосознании российских немцев. Этнический стереотип «народ-странник», «немец-чужак» актуализировался в их менталитете в годы Первой мировой войны, а затем уже в ходе антинемецких кампаний 1934-го, 1936–38 гг., депортации 1941 г. и трудовой мобилизации в лагеря НКВД, жизни на спецпоселении. Мы не можем утверждать, что все российские немцы в советский период их истории осознавали свою дискриминацию по национальному признаку, направленность политических репрессий против определенной этнической группы. Восприятие дискриминации зависело от многих факторов: памяти разных поколений; социальных групп; городского или сельского происхождения. Поколения, родившееся до революции и сознательно воспринимавшее события Первой мировой войны (родители трудармейцев) ожидали депортации 1941 г. как прогнозируемого события. Но и они не ожидали повышенной жестокости этой акции советского режима. Как правило, родители не посвящали своих детей в свои взаимоотношения с властью, не критиковали вслух ее действия и потому дети не несли в себе память дискриминации.

Как же жили эти люди с раздвоенным сознанием? В. Дизендорф вспоминает: «У взрослых выработалась как бы двойная тактика: умалчивание

---

⁹⁷⁰ Вольтер Г.А. Там же. С. 249.

⁹⁷¹ Раушенбах Б.В. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (Из воспоминаний Б.В. Раушенбаха).

(наиболее характерно для отца) или уход в сугубо бытовую сферу (мать)». «Мой отец всегда избегал оценивать вслух обездолившую его советскую державу. Мне приходилось слышать от него лишь один соответствующий эпитет: грабительское государство»⁹⁷².

Поколения, родившиеся после революции и в сознательном возрасте столкнувшиеся с политикой репрессий 1940-х гг., почти всю свою жизнь надеялись на исправление ошибок государства, покаяние власти перед немцами и восстановления их государственности. В свою очередь, они старались не затруднять жизнь своих детей тяжелыми воспоминаниями времен трудармии и спецпоселения, продолжая исповедовать принцип «послушания власти». А поколения, родившиеся на спецпоселении и лишенные знания родного языка, знания истории и культуры своей рассеянной, ассимилируемой этнической группы, старались приспособиться к жизни без опоры на национальные корни. По нашему мнению, большинство трудармейцев осознано политику направленной дискриминации и репрессий по национальному признаку только в 1980–90-х гг.

Может возникнуть вопрос – а коллективизация-раскулачивание, шпиономания 1930-х гг.? Какую они оставили память в самосознании? При анализе этих феноменов следует учесть, что, во-первых, коллективизация обернулась трагедией для всего российского крестьянства и в сознании не выделялась ее немецкая составляющая. Антинемецкие кампании середины и второй половины 1930-х гг. оставили уже заметный след в менталитете российских немцев, т.к. был нанесен удар по немецкой национальной культуре (закрытие школ, сокращение территориальной автономии и т.п.). Однако жертвами шпиономании стали не только немцы. Большой террор коснулся всех социальных слоев и национальных групп населения СССР. А для большинства сельских жителей слово «политика» было вообще малопонятным. Поэтому этот этап репрессий также слабо отразился в генетической памяти новых поколений.

Г. Вольтер, рассуждая о причинах непротivления немцев, пишет: «Но было и еще одно обстоятельство, позволяющее ответить на поставленный вопрос. Это – страх 1937 года, неусыпная деятельность оперчекистских цепных псов, которые не шли по следам происходящих событий, а опережали их даже там, где таковые вообще не могли иметь места...»

Для немцев, вчерашних сельских жителей, воспитанных в строгих правилах христианской морали, не знавших блатного жаргона и не изведавших тюремных застенков (те, кто в 1937 г. попал в лапы НКВД, домой не вернулись, а единицам, которым все же удалось вырваться, заткнули рот до конца жизни), все это было непривычно, дико и чудовищно. Они никак не могли понять, что хотят найти эти люди в их пустых чемоданах и тощих уздах.

---

⁹⁷² Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. М.: МСРН, 2002. – 347 с. С. 112.

Может, «политику» какую ищут, так откуда ей здесь взяться, когда кругом заборы, а «вольные» шарахаются от тебя, как от прокаженного?»⁹⁷³.

Он же рассуждает: «Мы осознали, что террор против немцев начался в начале 1930-х годов, террор по национальному признаку по имя советского «морально-политического единства... Все это мы осознали многие годы спустя. А в 41-м и позднее происходящие большие и малые события были для нас всего лишь зловещим фоном, в соответствии с которым менялась жизнь, а с ней и личная судьба миллионов людей»⁹⁷⁴.

Я. Левен, пишет о том, что с 1935 г. немцев стали обвинять в шпионаже и среди людей укоренилась подозрительность. «Вдвойне трудно было немцам, которым всегда приписывался шпионаж. Знакомые мне по службе немцы (преподаватели немецкого языка) все были арестованы». Шпиономания продолжалась до войны. «В то время, когда повседневно арестовывались граждане СССР, особенно немецкой национальности, я остался один, из знакомых мне немцев, на свободе. Несмотря на все трудности (высылка с начала войны из города в кишлак, мобилизация в трудовую армию, спецпереселение), мне все же опять повезло. Вся моя семья и я прошли через все это целыми и невредимыми. Немногие семьи в СССР могли то же сказать о своей судьбе»⁹⁷⁵.

Элеонора Дистергефт передает свое ощущение в начале 1990-х гг.: «Вдруг поняла, что с 1937-го до конца 1989 года я, вернее, мы с мужем никогда не чувствовали себя полноправными гражданами нашей страны»⁹⁷⁶.

По-настоящему только в 1990-х гг. трудовые армейцы полностью осознали, что с ними сделала советская власть. Михаил Дистергефт говорит о том, что десятки лет репрессивной истории немцев стали годами борьбы за сохранение человеческого достоинства, «преодоление страха, недоверия и подозрительности, укоренившихся в народе в те годы»⁹⁷⁷.

В. Гейнц характеризует жизнь немцев в СССР как выживание. «При этом режиме, почти в девятилетнем возрасте, в сентябре 1944 года пришел я в школу. С началом войны до сего времени для детей нашей семьи о хорошей жизни не могло быть и речи. Мы были заняты выживанием»⁹⁷⁸.

Дети поволжских немцев, получившие образование, осознавали низкий уровень своей жизни в СССР и находились в угнетенном состоянии всю последующую жизнь. Особенно остро ощущали они это после переезда в

---

⁹⁷³ Вольтер Г.А. Там же. С. 113, 114.

⁹⁷⁴ Вольтер Г.А. Там же. С. 31.

⁹⁷⁵ Левен Я.А. Краткое описание жизненного пути.

⁹⁷⁶ Дистергефт (Гронвальд) Э.П. Вспоминая пережитое.

⁹⁷⁷ Дистергефт М.В. Вспоминая те годы. Электронный архив воспоминаний трудовых армейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁷⁸ Гейнц В. Мои школы и университеты. Электронный архив воспоминаний трудовых армейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

ФРГ. И. Вейт пишет: «Мы жили в селе Брабандер, на Волге, чуть ниже церкви. Мама говорила, что мы жили неплохо. Но я ей не возражал...

Почти семьдесят лет прожито. Многое пришлось мне испытать за мою долгую жизнь. Полвека я жил и работал в Сосновке, где городской человек и дня не захочет пробыть. Ничего хорошего нет тут и теперь. Некоторые меня спрашивают: «Затем тебе ехать в Германию, ты же и здесь хорошо живешь? «Здесь неинтересно», – отвечаю я им»⁹⁷⁹.

По мнению всех авторов воспоминаний, после трудармии, на спецпоселении положение немцев не изменилось в лучшую сторону. Все немецкое было объявлено презренным, национальное образование не восстановлено. Г. Вольтер отмечает: «Государству нужна была серая безликая масса отпущенных на «волю» рабов, которые бы воспроизводили себя под пристальным надзором «плантаторов» из спецкомендатур МВД»⁹⁸⁰.

Немцы саркастически говорили: «Каждый, кому посчастливилось здесь жить (на спецпоселении – **В.М.К.**), получил справку. Эту справку, ограничивающую свободу передвижения, немцы с сарказмом читали на свой лад: «Собакам, кошкам и немцам вход запрещен!»⁹⁸¹.

Отношения с местным населением на спецпоселении налаживались, но возникла проблема забвения национального языка. «Трудолюбие, аккуратность в делах, честность в поведении, безусловно, действовали на окружающих. Враждебность постепенно пошла на нет... В немецких семьях все реже стали говорить на родном языке. Во дворе детишек дразнили, обзывали «фрицами» и фашистами (не все люди были дружески настроены к немцам, особенно те, в чьих семьях кто-либо погиб на войне.) Дети сопротивлялись изучению родного языка. Постепенно появилось все больше немцев, особенно рождения 1949 и дальше годов, не знающих свой родной язык. Немецких школ как не было, так и нет...»

Материальное положение немецкого населения быстро улучшалось. Это вызывало зависть окружающих. «И постепенно со стороны отдельных граждан, особенно русских, появилась зависть. Стали даже поговаривать: «Немцы как кошки. Как их не кинь, все равно на ноги встанут...»

Но осталось моральное и социальное неравенство. Как бы немец хорошо ни работал, лучшим никогда не называли. Особенно это выражалось, когда производились награждения. Как же можно лучшему сталевару Кронвальду присвоить звание Героя Социалистического Труда, если он немец? Дали это звание татарину, который... был хуже»⁹⁸².

---

⁹⁷⁹ Вейт И.П. Где хорошо, там и родина. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁸⁰ Вольтер Г.А. Там же. С. 350.

⁹⁸¹ Гильдебрандт Г.(И.).Трудармия.1942–1945.

⁹⁸² Шнейдер Ф.Г. Воспоминания.

Долго сохранялась надежда, что правительство повинится перед немцами. Но этого не произошло. «Годы шли, руководители государства менялись, даже «Союз нерушимый» распался, а отношение к немцам так и не изменилось. На них все еще смотрят, как на рабочую силу»⁹⁸³.

Пожилые немцы, бывшие крестьяне из Поволжья были навсегда запуганы властью. Сын трудармейца П. Рикерта свидетельствует о немцах, оставшихся жить на окраине Н. Тагила (ему довелось вручать им паспорта в 1989 г.): «Навек испуганные люди! Не знающие языка своих отцов, почти не знающие и самих отцов, я уж не говорю о дедах»⁹⁸⁴.

Память о несправедливости сохранилась навсегда и ярко отражена в стихах трудармейцев. Например, в стихотворении А. Лира «Сыновьям»:

«Жизнь, конечно, это благо,
Если нет в той жизни зла,
Но в бараках Тагиллага
Жизнь мне тягостной была...
Сердце страшными рубцами
Покалечено давно,
И навеки подлецами
Все оплевано оно»⁹⁸⁵.

Г. Вольтер уверен, что генетическая, родовая память российских немцев вместила в себя все унижения, которые претерпел народ от советской власти и эта память сохранится навсегда. «Уйдут (да и ушли уже, и уходят!) в небытие репрессированные немцы, но из уст в уста, из поколения в поколение будет передаваться, обрастая легендами, пережитое, откладываться в национальном генетическом коде, через века будет помниться, как по чудовищному навету, лишив нажитого добра, изгнали целый народ из его родных мест и вывезли в далекие, холодные просторы, рассеяли по зернышку на огромном чужом поле. Как не пустили на фронт и бросили в концлагеря немецких мужчин, чтобы сгубить их голодной смертью. Как угнали матерей, заставив их заниматься непосильным трудом в тайге и на гулаговских стройках. Как умирали малые дети от холода и голода, без материнской ласки и тепла. Как потом уже, после войны, оставшихся в живых – всех – приговорили к вечному поселению, пригрозив 20-ю годами каторги тем, кто отважится покинуть отведенную резервацию»⁹⁸⁶.

Подводя итог нашему микроисследованию, остановимся на некоторых важных выводах. Во-первых, воспоминания российских немцев явля-

---

⁹⁸³ Там же.

⁹⁸⁴ Рикерт И.П. Пауль Эмильевич Рикерт – мой отец (1989). Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁸⁵ Лир А.А. Сыновьям. Электронный архив воспоминаний трудармейцев. Лаборатория «Историческая информатика» НТГСПА.

⁹⁸⁶ Вольтер Г.А. Там же. С. 356.

ются весьма специфическим источником. Немцы, как правило, не вели дневниковых записей по ходу событий и практически все воспоминания написаны в конце 1980–90-х гг. На публицистические работы, написанные ранее, наложила свой отпечаток внешняя – государственная, и внутренняя – самоцензура. Эти поздние по времени создания источники отразили уже совершившуюся эволюцию в сознании, в состоянии свободы российские немцы совершенно по-новому увидели свою трагическую историю. Поэтому воспоминания не являются слепком с исторической эпохи, отражением реальности происходящего. Они пронизаны мифами, стереотипами, заблуждениями и озарениями.

Во-вторых, определенные нами в вопросниках-идентификаторах символы этнической и гражданской идентичности нашли лишь частичное отражение в сюжетах воспоминаний. Поэтому мы смогли ответить не на все из них.

Нас интересовали прежде всего сопряженные понятия этнической и гражданской идентичности – отношение к «малой» и «большой» родине. Большинство авторов воспоминаний эмоционально привержены своей малой родине – Республике немцев Поволжья. Они готовы покинуть СССР, Россию, если не будет восстановлена их государственность. Многие авторы (родившиеся не в Поволжье) настроены на ассимиляцию и равнодушны к восстановлению республики. Есть пессимисты, которые понимают, что их надежды на свою государственность никогда не будут реализованы.

Подавляющее число авторов говорит о положительном восприятии «большой родины» – СССР, о своем патриотизме, желании служить в Красной армии.

В целом можно констатировать, что до 1941 г. российские немцы обладали положительной этнической и гражданской идентичностью. Репрессии 1940–50-х гг. породили духовный кризис и актуализировали понятие «родина предков» (т.е. Германия). Лишь малая часть этого поколения немцев осталась верна СССР, России, сохранив положительную гражданскую идентичность (не претендуя при этом на немецкую республику). Длительное время поколение, побывавшее в трудармии, считало репрессии против себя ошибкой, надеялось на ее исправление и разделяло стереотипы советских людей в восприятии родины, Сталина, интернациональной дружбы народов и т.п. Разочарование в политике государства вызвало переход к негативной гражданской идентичности и выезду в Германию.

В воспоминаниях (единичных) проявляется понимание этнических стереотипов, присущих российско-немецкому этносу. Среди них: послушание власти, данной от Бога; богобоязненность; трудолюбие, разумный практицизм, порядочность; дисциплинированность, исполнительность; чувство собственного достоинства, личной чести, стремление к первенствованию; немцы – «народ-странник», «народ-чужак».

Однако в воспоминаниях преобладает акцент на «послушание власти» и почти не говорится о сопротивлении режиму. Между тем, другие источники (документы НКВД-МВД, ГУЛАГа, архивно-следственные дела) свидетельствуют о нем. Советские немцы приняли активное участие в борьбе с фашизмом, в движении фронтовых бригад в тылу, сборе средств на танковые колонны и самолетные эскадрильи, работали в неимоверно тяжелых условиях. Они верили, что хорошая работа снимет с них все политические обвинения.

Другой стороной медали было дезертирство, отказ от работы, умышленный брак на производстве, духовное и физическое сопротивление власти. Поражает численность арестованных в системе НКВД за 1942 г. – 10,5 тыс. чел. и дезертировавших с предприятий разных наркоматов за 1943 г. – 5% или около 10 тыс. чел. от числа трудмобилизованных. С одной стороны, эти цифры говорят о постоянстве обычной практики НКВД – поиске «врагов народа», с другой – свидетельствуют о сопротивлении немцев насилию. Не следует думать, что все российские немцы были готовы с оружием в руках сражаться против фашистских немцев. Скорее, наоборот. Один из известных российско-немецких журналистов Э. Бернгард, например, вспоминал: «Когда мой отец услышал по радио, что началась война, он пришел домой и заявил, что собирается идти в военкомат – добровольцем защищать родину. На что мой дед отреагировал примерно так: «Тоже мне защитник... Лучше готовься к тому, что нас отсюда вышлют». И далее молодой Бернгард рассуждает: «А что касается трудармии и тому подобного, то увести нас с этой бойни в «щадящем режиме» было просто невозможно. Это была плата за неучастие в убийстве»⁹⁸⁷.

В ходе анализа источников мы выяснили первоначально позитивное восприятие немцам акта депортации (кроме предлога к ней) и трудовой мобилизации. Рубежом к негативной оценке этих актов власти стало появление колючей проволоки и лагерей. Сработал этнический стереотип, связанный с развитым чувством собственного достоинства. Его унижение и понимание того, что началась явная дискриминация по национальному признаку стали психологическим рубежом в сломе самосознания, изменении основ ментальности. Это стало травмой на всю оставшуюся жизнь и символом разлучения с родиной. Немцы расценили репрессивный акт как предательство, лишение родины, «плен у своих».

По материалам воспоминаний фиксируется ощущение более низкого, чем у заключенных, статуса трудармейцев (в бытовом, материальном смысле). Значительная часть авторов текстов пишут о боязни массового уничтожения российских немцев в период с начала войны до Сталинградской или Курской битвы. Лишь Б. Раушенбах возражает против этого тезиса. Трудармейцы

---

⁹⁸⁷ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. – 240 с. С. 140, 145; Бернгард Э.Г. Академик Б.В. Раушенбах. М.: ОАНРП, 2000. С. 122.

очень эмоционально прореагировали на лозунг советской пропаганды «Убей немца!», который отождествил их с фашистами в сознании окружающих. Наши исследования подтверждают более высокую смертность среди трудармейцев по сравнению с заключенными. Трудармейцев ИТЛ Бакаллага приговаривали к ВМН на порядок больше, чем заключенных. Однако углубленный сравнительный анализ положения двух групп спецконтингента еще не проводился, поэтому мы можем допустить, что такие ощущения трудмобилизованных являются проявлением этноцентризма. Начальство ИТЛ довольно быстро убрало лозунг «Убей немца!» на второй план, понимая, что он снижает трудовую отдачу немцев. Положение заключенных ИТЛ в 1941–1943 гг. было не менее катастрофичным, чем немцев, явных признаков планов уничтожения российских немцев в архивах не обнаружено. Кроме того, в положении немцев оказались многие другие депортированные народы и национальные группы. Перелом в войне принес облегчение всем узникам лагерей.

Российские немцы получили тяжелую психологическую травму и в День Победы. Фактически они были лишены этого праздника. Это событие также подтолкнуло их к формированию негативной гражданской идентичности.

По воспоминаниям мы можем проследить отношения внутри этнической группы российских немцев, понять степень ее консолидации, а также проанализировать взаимоотношения с окружающим населением. В текстах фиксированы противоречия между городскими и сельскими жителями, «простым народом» и интеллигенцией, бывшими начальниками и рядовыми, военными и гражданскими, беспартийными и членами партии, комсомола. Однако довольно скоро эти различия нивелировались. Таким образом, подтверждается уже давно сделанный вывод о консолидации немецко-российского этноса под влиянием депортации, трудовой мобилизации и спецпоселения.

Отношения с окружающим населением складывались трудно и имели длительную историю эволюции. Самым стойким негативным символом в них была кличка «фашист», «фриц», которая прижилась особенно прочно в травмированном сознании участников войны. Положительный вектор в налаживании взаимоотношений омрачился сохранением политизированного морального и социального неравенства российских немцев в советском и российском обществе.

В воспоминаниях отразилась низкая политическая культура, отсутствие четкого представления о системе власти в СССР, сущности советского государства, а потому и его критики в целом. В связи с этим пропагандистская машина большевиков сумела обмануть большую часть населения СССР, в том числе и советских немцев. В текстах различных авторов повторяется описание тяжелых условий быта и труда и лишь редко встречается критика системы власти в целом.

Нами предпринят анализ восприятия трудармейцами самих репрессий, укорененности памяти о них в этническом самосознании. Можно сделать вывод, что постепенно память о репрессивной дискриминационной политике советской и российской властей сформировала и закрепила негативную этническую и гражданскую идентичность в сознании российских немцев и подвинула их к выезду на «родину предков».

Приложение 1

Идентификатор идентичности

Этническая идентичность:

- 1.1. Проживание на общей территории
- 1.2. Знание национального языка
- 1.3. Кровнородственное происхождение, национальность родителей
- 1.4. Общие признаки быта
- 1.5. Тяготение к географическому и климатическому району проживания
- 1.6. Знание национальных традиций и обычаев, культуры
- 1.7. Общее историческое прошлое
- 1.8. Особенности поведения и специфические черты характера
- 1.9. Похожая внешность
- 1.10. Общая религия, межконфессиональные отношения
- 1.11. Сходный образ жизни
- 1.12. Взаимоотношения с другими этническими группами и государством
- 1.13. Информированность о национальной культуре других этносов
- 1.14. Кем себя считает – гражданином СССР, представителем своей национальности
- 1.15. Вид этнической идентичности (нормальная, этноцентричная, индифферентная, амбивалентная – «сдвоенная»)
- 1.16. Отношение к межнациональным бракам
- 1.17. Готовность к защите своих этнических интересов
- 1.18. Влияние образования, религиозности, возраста, социального статуса на сознание

Гражданская идентичность:

- 2.1. Отношение к политическим символам (позитивное или негативное осознание принадлежности к социалистическому государству-родине, отношение к конституции, государственному устройству СССР, гербу, флагу, патриотизм, уважение к партии и правительству, одобрение социалистической доктрины, морального кодекса...)
- 2.2. Экономические символы (признание общественной собственности на средства производства, государственная собственность, отсутствие безработицы, богатые полезные ресурсы...)
- 2.3. Достижения (самая могучая страна в мире, гордость успехами индустриализации, коллективизации...)
- 2.4. Межнациональное взаимодействие (СССР – семья народов, интернациональная дружба, пролетарская солидарность...)
- 2.5. Быт (довольство социалистическим бытом, коммунальные квартиры, общепит, бесплатные системы образования и здравоохранения, профсоюзы для трудящихся...)
- 2.6. География (могучая и разноликая природа, комфортные климатические условия проживания, возможность свободных миграций)
- 2.7. Литература, искусство (гордость достижениями культуры, знание лучших произведений соцреализма...)
- 2.8. Этническая культура (хорошие условия для развития этнической культуры, языка, образования, культурного досуга...)

- 2.9. Психологическое состояние (вера в победу коммунизма, уверенность в будущем...)
- 2.10. Социальные оценки (здоровое коллективистское общество, признание в обществе, хорошая зарплата, возможность социальной мобильности, открытые возможности для профессионального, экономического и социального роста; принятие или неприятие гражданской общности в качестве группы членства)

Приложение 2.

Основные сюжеты воспоминаний

1. Восприятие «большой» и «малой» родины. Проявление патриотизма
2. Понимание элементов этнического самосознания
3. Взаимоотношения с властью
4. Время осознания начала террора против немцев
5. Объяснение непротivления репрессиям
6. Отношение к депортации
7. Немцы и служба в Красной армии
8. Восприятие мобилизации
9. Восприятие трудармии и труда в лагерях
10. Восприятие лозунга «Убей немца»
11. Положение трудармейцев в сравнении с заключенными
12. Различия в труде немцев и заключенных
13. Хорошие начальники
14. Политика властей по отношению к немцам до и после Сталинграда
15. Взаимоотношения между географическими группами этноса
16. Противоречия внутри этнической группы
17. Контакты с местным населением
18. Отношение к Победе
19. Восприятие жизни на спецпоселении
20. Осознание уровня жизни в СССР
21. Отношение к родному языку
22. Отношение к государственной политике в целом
23. Реакция на условия труда и жизни
24. Ощущение морального и социального неравенства.
25. Генетическая память и репрессии
26. Отношение к восстановлению республики
27. Отношение к выезду в Германию

Воспоминания российских немцев о войне (по материалам этнографических экспедиций)

Материалы, собранные в этнографических экспедициях, содержат не только сведения по традиционной культуре, но и значительный объем информации по этнической истории. Особенностью этнографических материалов по этнической истории является то, что они, как правило, носят локальный характер, и содержат сведения о жизни отдельных людей и семей, небольших коллективов или общин. Материалы по устной истории, рассказы участников событий и воспоминания, отличаются большой долей субъективности. Тем не менее, семейные хроники и судьбы конкретных людей позволяют представить себе прошлое ярче, глубже и разнообразнее. К тому же, они позволяют уточнить многие факты «официальной» истории, поскольку реальность зачастую отличалась от той картины, которая складывается по документальным источникам.

Воспоминания о войне собирались в этнографических экспедициях Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, которые проводились, начиная с 1989 г., в районах Сибири, где немцы проживают компактными группами (Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская области). Все собранные материалы хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Омского госуниверситета. Следует отметить, что наибольший массив информации был собран в 1990-е гг., поскольку в дальнейшем оставалось все меньше и меньше людей, которые были очевидцами событий тех лет. Да и эти воспоминания относятся в основном к периоду детства и юности тех людей, с которыми мы беседовали.

Еще одной особенностью является большое количество воспоминаний о депортации, поскольку почти две трети немцев Сибири – это депортированные или дети депортированных немцев. В экспедициях было собрано некоторое количество материалов, которые относятся к периоду до депортации. Кроме воспоминаний, это документы довоенного периода. Это, например, фотография, сделанная в 1941 г. в Поволжье, в д. Семеновка, на которой запечатлена семья Блатнер – Яков, Мария и трое их детей. Из Семеновки их депортировали в Омскую область, в Горьковский район, д. Октябрьское. Также в архиве экспедиции имеются документы на имя Штибена Александра Адамовича – диплом и трудовая книжка, которые были выданы в Поволжье, последняя запись в трудовой книжке об увольнении была сделана 4 сентября 1941 г.

Большая часть материалов – это воспоминания о том, как проходила депортация. Например, жительница д. Осиповка Омской области Н.А. Шрейдер рассказывала, что их семью выселили 10 сентября 1941 г., погрузили

на баржи, везли по Волге, потом посадили на поезд, довели до Омска и опять на баржах отправили вниз по Иртышу. Часть людей высадили в Горьковском районе, а остальных отправили в Саргатский район. Ей тогда было 14 лет, и она не говорила по-русски. Она попала в мордовскую деревню Курьяновка, где местные жители тоже плохо знали русский язык. Поэтому в школе детей первым делом учили русскому языку. 19 января 1942 г. родителей забрали в трудармию, в Свердловскую область. Сама девушка работала сборщицей молока и должна была выполнять по две нормы в сутки, поэтому она редко приходила домой, так и спала по 2–3 часа на телеге, на которой собирала молоко.

В семьях сохранились фотографии, которые относятся к военному периоду. На этих фотографиях в основном изображены старики, женщины с маленькими детьми или дети. Это, например, фотография семьи Мительштет, которая была сделана в с. Хортицы Омской области в 1944 г. На фото – глава семьи Отто Юлиусович (он был контужен на финской войне, поэтому в трудармию его не взяли), его сестра, и дети. Дети были из разных семей, они жили все вместе со стариками, потому что родители были в трудармии. Также в архиве экспедиции имеются фотографии семьи Тевс, сделанные в 1940-х гг. в с. Неудачино Новосибирской области, семьи Бейфус, сделанные в 1944 г. в д. Поповка Омской области, семьи Классен, сделанные в 1940-х гг. в с. Гришковка Алтайского края. Есть и фотографии детей: братьев Адама и Андрея Бургарт из Александровки Омской области, братьев Мейцих из д. Михайловки Алтайского края, братьев Ивана и Егора Эске из с. Хортицы Омской области.

Отношения между депортированными и местными жителями складывались непросто. Депортированных размещали в основном по домам местных жителей, и многое зависело от того, в какую семью они попадали. Но многие из депортированных рассказывали о том, что часто отношение со стороны русских было даже лучше чем со стороны местных немцев, русские жалели и помогали. А местные немцы опасались, что на них тоже будут распространяться репрессии, поэтому старались держать дистанцию. Например, председатель Чучкинского колхоза (Омская область), немец по национальности, вообще заявил, что «мне здесь фашисты не нужны» и депортированных расселили в соседней Осиповке. Депортированные немцы отличались от местных и диалектами, и вероисповеданием, когда например, поволжских расселяли в менонитских селах. Но как сказал один из наших респондентов (Анрей Иванович Берх из Неудачино): «Это мы сначала были разные немцы, а трудармия сравняла всех».

Значительная часть воспоминаний посвящена периоду трудармии. География лагерей, в которых работали наши респонденты, очень широкая, это и Свердловская область, Тула, Чебоксары, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская области и т.д. В архиве экспедиций имеется фотография Вильгельма

Генриховича Кетлера, жителя д. Аполлоновка Омской области. В трудармии В.Г. Кетлер был в г. Свяжске. Фото подарил его сын, Эрвин Вильгельмович, который родился в 1940 г., а когда отца забрали в трудармию, у матери родился еще сын. Мать с детьми жила в с. Солнцевка Омской области. Когда война закончилась, В.Г. Кетлер жил в Казани (или под Казанью, сын точно не помнит), он просил жену приехать, но она сильно болела и не могла уехать из деревни. И в рассказе Эрвина Вильгельмовича речь идет о каком-то генерале, у которого в подчинении находился отец: «Отец был очень хорошим плотником и этот генерал очень часто вызывал его для выполнения всяких работ. И как-то спросил, сколько ему заплатить за работу. Но отец сказал, что ничего не надо, только бы ему вернуться домой. Тогда в Солнцевке его матери сделали справку, что она тяжело больна, местный врач сделал, и они отправили эту справку в Казань генералу». В результате весной 1947 г. Вильгельм Кетлер вернулся домой в Солнцевку.

В нашем архиве имеются фотографии из трудармии, которые были сделаны в 1943 г. в Стерлитамаке (житель с. Ананьевка Кулундинского района Алтайского края Борис Васильевич Петерс с другом), в 1946 г. в Ижевске (жители с. Александровка Омской области Андрей и Егор Беккер), в Башкирии и в Чкаловской области (по этим фотографиям подробные сведения отсутствуют). Следует сказать, что по многим фотографиям сведений нет вообще или эти сведения очень фрагментарны. Особенно это относится к экспедиционным сборам конца 1990-х – 2000 годам, потому что к этому времени уже большая часть немцев выехала в Германию, а фотографии остались (у родственников, у знакомых, частично – в школьных музеях, частично – вообще на свалках), поэтому зачастую уже невозможно выяснить, кто есть кто на этих фотографиях.

Несколько фотографий были подарены жителем д. Михайловка Алтайского края, Яковом Ивановичем Мейцихом, с которым нам удалось побеседовать лично. Эти фотографии были сделаны в трудармии, в поселке Северном в Тульской области и в поселке Ульма. Якова Ивановича забрали в трудармию 7 ноября 1942 г. в Новосибирскую область. Там они жили в землянках. Потом трудармейцев перевезли в лагерь в Тульской области. В 1946 г. убрали колючую проволоку, но поставили всех на спецучет и надо было отмечаться в Туле два раза в месяц. В 1950 г. увезли в поселок Ульма Амурской области. Там трудармейцы работали на шахтах. Жилья не было, жили в палатках с маленькой железной печкой. Яков Иванович рассказывал: «С нас взяли расписку, что мы не сбежим, иначе нам грозит 20 лет каторги. Я спросил, почему каторги, ведь она здесь была при царе? Мне ответили, что сейчас есть места и подальше, чем при царе. Потом в тайгу послали, работали на лесозаготовках. Начальники у нас все были военные, я помню подполковника Уткина. Потом взяли Берию, и после смерти Берии всех военных стали снимать. Меня тогда положили в больницу с цингой. И там врач был – Каблан Ефим

Павлович, еврей, он сделал мне такую справку, которая помогла вернуться домой. Там написано было, что я не могу физически работать. И подполковник Уткин ее подписал, так как хорошо ко мне относился. Я в 1955 г. вернулся домой, в Михайловку. Народу в деревне стало намного меньше, всех забирали 23-го года рождения, никто почти не вернулся, многие погибли в трудармии».

Большинство воспоминаний о военном периоде, собранных в этнографических экспедициях, складываются в единую схему: это депортация в очень короткие сроки, расселение по деревням в Сибири, трудное обустройство на месте вселения, мобилизация в трудармию, работа в трудармии, возвращение и жизнь на спецпоселении. Только после этих трагических событий начиналась более или менее нормальная жизнь.

Но в экспедициях мы встречали людей и с особой судьбой, которая не укладывается в эту схему. Это, например, житель д. Бабайловка Омской области Егор Егорович Тибелиус. Он был призван в Красную армию в 1940 г. Когда началась война, их части сразу бросили на передовую. Летом 1941 г. он попал в плен и согласился воевать на стороне немцев. В 1944 г. он «бежал из плена», никаких особых наказаний к нему не применяли, он все время после войны жил в Бабайловке, все думали, что он был в плену и только когда он эмигрировал в Германию, узнали, что он успел повоевать и на той, и на другой стороне. Или, например, судьба семьи Эдуарда Ветцеля. Они жили на Украине, его дедушка с бабушкой переселились в Сибирь еще в начале XX в., а родители остались. Он вспоминает: «Семья моих родителей были, как немцы, в 1944 г. вывезены отступающими немецкими войсками в Германию, где они по новому приняли немецкое подданство. Когда русские войска зашли в Германию, они разыскивали российских немцев, как предателей Родины. И кто был разыскан, был сослан на спецпоселения в Сибирь, Казахстан». Эдуард Ветцель жил в Новосибирской области и в 1989 г. уехал в Германию.

Несколько фотографий из экспедиционных архивов были сделаны в Германии. Они были подарены жительницей с. Цветнополе Омской области Ириной Александровной Билль. Она родилась в 1938 г. в Поволжье. До войны ее семья жила в Саратовской области, отец был учителем. Его направили на работу в г. Оршу (Белоруссия), и когда началась война, они оказались на оккупированной территории и их отправили в Германию. Там их перевозили с места на место, постоянного места жительства у них не было. Фотографии были сделаны в это время, в 1943–1944 гг. К концу войны семья оказалась в Варшаве, и в 1945 г. их отправили в Ижевск. В 1950 г. они уехали из Ижевска в Цветнополе.

Но таких случаев было не очень много. Большая часть материалов, как устных воспоминаний, так и фотографий, касается трудармии. В архивах экспедиции имеются фотографии, подаренные жительницами д. Миролюбовка

Омской области, сестрами Марией и Анной Энс, которые в трудармии работали на ткацкой фабрике в Свердловской области. Также есть фотографии, подаренные жительницей д. Боронск Алтайского края Эмилией Петровной Гард, сделанные в Чебоксарской области, жителем д. Поповка Омской области Иваном Христиановичем Гольмом, который работал на заводе металлоконструкций на станции Кривошеково и другие.

Кроме устных воспоминаний и фотографий в архивах экспедиций хранятся некоторые документы, письма и мемуары, дневниковые записи. Это, например, документы Евы Генриховны Руф: справка о рождении и реабилитации, справка ее мужа о рождении. Семья была депортирована в Омскую область, после войны жила в с. Литковка, сын Евы Генриховны был председателем колхоза.

К документам мемуарного характера можно отнести, например, рукописную историю села Хортицы Омской области, которая была сделана местным учителем средней школы Яковом Яковлевичем Унру. Рукопись была им написана в 1980-е гг., на основе собственных воспоминаний и тех документов, которые хранятся в школьном музее. Для этой рукописи характерны стиль и лексика 1980-х гг. Например, ни разу не встречается упоминаний о репрессиях в отношении советских немцев, не употребляется слово «депортация». Автор пишет: «В 1941 г. началась Великая Отечественная война и в сентябре месяце в Хортицу и Журавлевку прибыли 30 семей, эвакуированные из Республики немцев Поволжья. Они влились в ряды наших рабочих бригад и помогли в уборке урожая». Также Я.Я. Унру приводит списки «граждан дер. Хортицы, не вернувшихся (погибших) домой после войны 1941–1945 года». Только пометки на полях тетради, сделанные позже, позволяют понять, что эти жители Хортицы умерли в трудармии, на шахтах «Молотов-уголь» и алюминиевом заводе Краснотурьинска.

Часть документов, хранящихся в архиве экспедиций и имеющих отношение к войне, относится к 1980–90 гг. или к современному периоду. Это фотографии ветеранов, фотографии, сделанные во время встреч трудармейцев и фотографии памятников, посвященных погибшим в годы войны.

Таким образом, воспоминания российских немцев, собранные в этнографических экспедициях, можно считать важным источником по периоду Великой Отечественной войны, разумеется, при учете специфики данного источника.

Память о трагическом прошлом, ее сохранение и трансформация в поколениях семей этнических немцев Западной Сибири⁹⁸⁸

События 1940-х стали переломными для этнической истории российских немцев. Линейное развитие этнических процессов было прервано, произошли изменения, которые во многом преобразовали культуру российских немцев, в том числе и в сфере социализации младших поколений, трансляции этнически значимой информации. Воспитание ребенка это сложный процесс, сочетающий в себе как традиционный компонент, так и модернизационные наслоения, которые во многом зависят от социального, политического, экономического, психологического контекста взросления.

Основным источником для статьи послужили материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, которые проходили в местах компактного проживания российских немцев на территории Западной Сибири с 1989 г. При всей специфичности материалов этнографического интервью (беседы), на сегодняшний день они являются одним из самых информативных источников для освещения вопросов микроистории, истории семей, истории повседневности и ментальной истории.

При формировании этнической идентичности ребенка важную роль играет коммуникативная память поколений. Она мало формализована, это, скорее, устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни, – своего рода «живое воспоминание», существующее на протяжении жизни трех поколений: дети – отцы – деды, соответственно она очень недолговечна – всего 60–80 лет. В случае с немецким населением коллективная память старшего поколения во многом имеет трагический характер, отсюда и особенности ее трансляции.

В большинстве семей российских немцев присутствуют воспоминания о депортации, трудармии или спецпоселении. Естественно, что разные поколения в семье имеют разный объем информации и представления об этих событиях. Можно говорить о разрыве связи между поколениями, так как семьи, пережившие ситуации психологического, эмоционального и физического насилия, не рассказывали детям ни о потерях, ни о тревогах, ни о хороших, замечательных эпизодах семейной истории. Они таким образом «спасали» ребенка, потому что были убеждены: человеку без такой семейной истории легче выжить.

---

⁹⁸⁸ Работа выполнена в рамках реализации проекта по Лаврентьевскому конкурсу молодых проектов СО РАН на 2010–2011 г.

При анализе большого массива интервью можно построить хронологическую схему рассказа истории семьи (которая чаще всего тесно переплетается и с историей населенного пункта, в котором эта семья проживала): переселение, революция и гражданская война, организация колхозов, депортация, трудармия, спецпоселение, 1950-е гг., современность. При этом в части воспоминаний периоды депортации, труармии, спецпоселения отсутствуют или обозначены одной – двумя фразами.

Например, типичным является рассказ Абрама Абрамовича Фаста, жителя д. Полевое Немецкого национального района Алтайского края: «В эти места ехали меннонитские общины с Украины. Причина переселения – малоземелье, по реформе Столыпина ехали. В 1906 г. отправили экспедицию до Камья, чтобы она узнала местность и проверила почву. В Полевое приехали первыми Диль Исаак Исаакович и Тиссен Иван.

Весной 1909 г. было образовано Александрово поле. Так называлось место на Украине, с которого они приехали. Наша семья тоже среди первых была.

До 1929 г. существовало всероссийское сельскохозяйственное меннонитское общество. В 1929 г. была большая эмиграция в Китай через реку Амур, а потом в Канаду, Уругвай. Это было вызвано тем, что у меннонитов хотели отобрать землю, им не нужна такая советская власть, были ущемлены их права.

В 1926 г. в Чертяги образовали хутор «Коммуна им. Буденного». В 1930–31 гг. образовались колхозы.

В 1940-е гг. всех забрали в трудармию.

В 1951 г. было первое объединение совхоза, куда вошли Полевое, Угловое, Чертяги, Дягилевка. Центром хотели сделать Угловое, так как он очень развит был, но центром сделали Полевое. Активной была религиозная деятельность, хотя молитвенного дома в Полевом не было. Ходили в Орлово и Протасово. Просвитель жил в Дягилевке, звали Гильдербрант. В конце 1960-х годов очень сильно преследовали верующих»⁹⁸⁹.

Воспоминаниями, которые подавлялись десятилетиями, очень непросто делиться. В основном представителям старшего поколения нелегко возвращаться в прошлое, и они не всегда легко соглашаются рассказывать о своей жизни в эти трудные годы. Чаще всего они молчат, или переводят разговор на другую тему. При беседах со средним и младшим поколениями можно услышать, что дед или бабушка не любили рассказывать о прошлом или же говорили, что почти ничего не помнят.

Однако память о депортации, трудармии, спецпоселении присутствует – травматическая, вспоминается чаще то, что было связано с дискомфортом, со стрессом, унижением, голодом и холодом. Например, почти во всех

---

⁹⁸⁹ Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее МАЭ ОмГУ). Ф. I. 1996. Д. 174–1. Л. 36.

рассказах встречается упоминание о «скотских», «телячьих», «товарных» вагонах, в которых происходила депортация или же то, что кормили баландой и сухарями, а спали на нарах. Некоторые информаторы старшего поколения говорят, что одним из самых страшных впечатлений были смерти по пути следования в Сибирь, причем даже не смерти как таковые, а то, что этих людей не хоронили, а просто оставляли в кюветах. Характерным для этих воспоминаний является использование «пассивных» страдательных грамматических конструкций с неопределенным субъектом в сочетании с безличной глагольной формой – погнали, погрузили, распределили, накормили, расселили и т.д.

Депортация стала и новым этапом социализации, как для взрослых, так и детей. Новая социализация немцев происходила для взрослых на производстве, для детей – в школе и «на улице». Не все дети могли учиться, особенно в первые годы. Старшие дети из многодетных семей рано становились кормильцами, и не могли закончить общее образование. Основными смысловыми блоками в этих воспоминаниях являются воспоминания о сложностях посещения школы («нет одежды», «далекий путь до школы», «младшие братья без присмотра») и воспоминания о взаимоотношениях в школьном коллективе (сложности овладения русским языком, завоевание и отстаивание авторитета в детском коллективе и т.д.)

Из воспоминаний Вольдемара Ефремовича Ринглера, 1922 года рождения: «О депортации нам сообщили за 2 часа. С собой взяли минимум вещей, в основном это были одежда и продукты. До депортации жили в Саратовской области, Татищевском районе, деревне Новоскатовке. Жили зажиточно, было много овец, кур, жили в типично немецком доме, который строил сам отец, т.к. отец был плотником. Дом стоит и сейчас, об этом рассказывали люди, которые бывали на Родине. Семья состояла из 9 человек и престарелой бабушки. Во время переезда ехали наземным транспортом, в товарняках, куда сгоняли по 40–50 чел. Останавливались очень редко, примерно 1 раз в неделю. Естественные надобности справляли в ведро, которое стояло в самом темном месте вагона. Эта процедура, зачастую превращалась в пытку. В вагоне было холодно, голодно. Наша бабушка не дожидаясь приезда на новое место, похоронили мы ее у дороги, не зная толком, что это за место.

На станциях меняли вещи на продукты. Так, отец вышел на станции с целью раздобыть что-нибудь съестное, он обменял шинель на булку хлеба, но его обманули. Мякиш булки был выеден.

Приехали сначала в Павлодар, а затем пешком до места назначения. Сейчас это место называется Кутузово. Русского языка не знали, это значительно осложняло жизнь. Обживались долго. Местное население относилось с подозрением, т.к. идет война с немцами, голод, а тут приехали немцы, которых надо жалеть и более того – пугать жить в свой дом.

Я был старшим ребенком в семье, младшим, несмотря на войну, хотелось играть. В свободное время, которого было крайне мало, играли в вышибалы. Мяч самодельный, из коровьей шерсти. Позже отец выстругал кегли»⁹⁹⁰.

Не менее драматичной является память и о трудармии. В своих рассказах люди чаще всего отмечают унижающее отношение к ним, как к заключенным: «работали вместе с зеками», «лагерь состоял из 5 бараков и был обнесен колючей проволокой, жили вместе с заключенными»⁹⁹¹. Типичными являются воспоминания о трудных условиях жизни и работы: «плохо кормили, некоторые сбегали с целью раздобыть в деревнях, расположенных недалеко, еду; за что расстреливались», «тяжелейшими были условия труда, возводили дорогу, на насыпи в 20 метров. В 1942 не моей по вине произошел несчастный случай, без разрешения пустили поезд еще по недостроенной дороге, в результате он сошел с рельсов. Меня обвинили по ст. 48 – бандитизм, объявили врагом народа, посадили в карцер, но потом разобрались, выпустили»⁹⁹². «Нас привезли в Куйбышев, там работали: копали канавы зимой и летом. Зимой было холодно, особенно когда шел снег – падал за шиворот, одежда становилась мокрой. Сушить было негде. Многие умерли на работах»⁹⁹³.

Довольно часто в семейных хрониках встречаются рассказы о побегах женщин из трудармии, у которых остались дети без присмотра, например «Из родственников в трудармию попала тетя Ева. Сначала ее отправили в Омск, а оттуда в Кемеровскую область, где она работала на заводах. Забрали также тетю Милю (двоюродная сестра), но тетя Ева сбежала из трудармии. Информатор помнит, что в тот вечер все собрались у них в доме. И вдруг входит тетя. Дед выдержал это, но очень плакал. Это произошло в 1947–48 г., тете Еве было лет 45. У нее было много детей. Мне тогда 12 лет было, и помню, потом тетю Еву скрывали»⁹⁹⁴.

Впрочем, есть воспоминания и о курьезах, произошедших с людьми в эти трудные годы, например рассказ Беккер (Фрейберг) Марии Александровны, 1916 г.р. «В трудармии были разные немцы, с разными диалектами. Немцы в трудармии сначала плохо понимали по-русски. Так сестра моя рассказала такую историю.

У них в лагере одного начальника звали Егор Самойлович. Один раз послал он делать ее одну работу, а она что-то не знала (как лошадь запрячь) и она к нему обратилась – «Егор Соплевич, как мне то-то и то-то сделать». Он на нее посмотрел строго, но ничего не сказал, а вечером пришел в казарму, вызвал ее и сказал: «Вот эта девушка меня сегодня перекрестила, назвала Егором Соплевичем». Все засмеялись, а она стоит ничего понять не

⁹⁹⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 2004. Д. 167–1. Л. 4.

⁹⁹¹ Там же. 2001. Д. 152–2. Л. 13.

⁹⁹² Там же. 1996. Д. 174–1. Л. 44.

⁹⁹³ Там же. 2001. Д. 152–2. Л. 16.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 18.

может, ей кто-то перевел, что он сказал, что такое сопли, она испугалась и заплакала. А он ей сказал, извини меня старого дурака, мол он понимает, что они русского языка не понимают, он и сам может их неправильно называет. Сестра испугалась, что ее за оскорбление накажут как-нибудь, а ей через некоторое время по распоряжению «Соплевича» новое обмундирование дали и еще отрез на платье»⁹⁹⁵.

В целом, историческая память семьи является выражением процесса сохранения и воспроизводства прошлого опыта конкретного человека, семьи, народа, страны, государства. Историческая память актуализирована в разных поколениях по-разному, кроме того, она избирательна – делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие, в первую очередь это связано со значимостью исторического знания и исторического опыта для современной ситуации, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее.

---

⁹⁹⁵ Там же. 1996. Д. 174–1. Л. 7.

Российские немцы в Вятлаге (1942–1947 гг.) (из воспоминаний очевидцев)

Принудительные депортации, как мера государственного принуждения применялись советской властью практически с момента ее установления в 1917–1918 гг. Речь идет о политической ссылке, т.е. таких переселений, при проведении которых преобладали мотивы карательного характера и которые осуществлялись органами государственной безопасности. В начале 1940-х годов основным признаком и критерием депортации населения в Советском Союзе стал этнический.

Первые неудачи Красной армии в войне с фашистской Германией содействовали обострению политической ситуации во многих районах бывшего Советского Союза, некоторой дестабилизации в межнациональных отношениях. Сказывались здесь и результаты целенаправленной пропагандистской деятельности противника, которая имела цель посеять вражду, недоверие между нациями и народностями. Правительство прибегает к новым акциям по депортации для снятия напряженности и урегулирования назревавших конфликтов. Теперь вынужденной миграции подвергались не отдельные группы населения той или иной национальности, а целые народы. Меры по пресечению приобретали непрерывный характер. Альтернативы этим акциям не выработывались⁹⁹⁶.

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял «Указ о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», вследствие которого началась крупная волна депортации не только немцев, но и многих народов Советского Союза. Следует заметить, что массовая депортация со роковых годов в бывшем СССР – это новое «великое переселение народов» XX века, которое привело к тому, что целые народы оказались за считанные дни за тысячи километров от своей родины. Навсегда были поломаны многие сотни тысяч людских судеб, был безжалостно деформирован образ жизни, исторически сложившийся комплекс традиционной этнокультуры, менталитет и т.д.⁹⁹⁷.

Основными местами выселения российских немцев были определены: Казахская ССР, где предполагалось разместить 467 тыс. человек, Алтайский край – 110 тыс. человек, Красноярский край – 75 тыс. человек, Новосибирская область – 130 тыс. человек, Омская область – 85 тыс. человек. К концу 1941 г. переселение немцев было закончено.

⁹⁹⁶ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Док., факты, коммент. / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М., 1992. С. 7.

⁹⁹⁷ Вашкау Н. Депортация российских немцев в 1941 году // Проблемы отечественной истории. – Волгоград, 1994. С. 130.

Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья, благодаря которой немцы получили в 1924 году собственную национально-территориальную форму государственности, в самом начале войны решением правительства была уничтожена, а все ее немецкое население вывезено в Казахстан и Западную Сибирь в качестве мобилизованных немцев в трудовую армию.

Из воспоминаний Т.А. Юнгблуда: «Вот. Сразу нас перебросили на станцию Нахой (Нахой), аэродром строить, ведь ничего же не было. Там хлеб стоял, рос. Ну, мы приехали с пустыми руками, с нашим транспортом, правда...И нас домой, мы schon (=уже) Нахой (Нахой) были. Указ вышел о выселении. Ну, там было написано. Я давал эту газету. В связи с тем, что обнаружены тыщи (=тысячи) tausend und tausende Spionen, Diversanten. Вот. Это все вр-ра-н-нь! В этом я убедился. Народ вот даже и не думал... (Респондент пытается пересказать содержание Указа ПВС СССР от 28 августа 1941 г. и выражает свое негативное отношение к изложенному в нем обвинению российских немцев в пособничестве агрессору) И мне приходилось людей возить на вокзалах, на станциях...На нашем же транспорте. Вот, короче говоря, станция Красный Когот (Красный Кут), Орбах (Урбах), Нахой (Нахой), Либехинка (Лепехинка) – четыре станции. Затем нас привезли в Хакаси(ю), это Красноярский край. Вот. Было бы нормально. Местность даже мне понравилась. Ну, хлеб... все стоял. Все мы успели убрать. Вот. Ну, все мужики же, и все специалисты, вот. А там отсталый народ. Смешно даже было. Их одурманили, сказали дескать, немцы приедут с рогами, с хвостами. Они набежали, стоят. Да, да, да. Видят, что люди как люди приехали, а потом разбежались и смотрю, кто чего тащит. По-русски не разговаривают. Ну, редко, кто-то и с таким акцентом. Ну, кто чего мог принести...»⁹⁹⁸.

К 1942 году лагеря ГУЛАГа заметно опустели и появилась острая нехватка рабочей силы. По наряду ГУЛАГа в Вятлаг пошел этап поволжских немцев⁹⁹⁹. На новом месте жительства у вынужденных переселенцев сразу возникли серьезные трудности. Мобилизованные поволжские немцы жили как заключенные в зоне за колючей проволокой. Их прежние профессии часто оказывались невостребованными, жилье – ветхим, или неспособным для жизни. В большинстве лагерей условия жизни и труда были катастрофическими.

---

⁹⁹⁸ (В представленной статье используются расшифрованные фонозаписи российских немцев, проживающих в поселках Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области с начала 1942 года. Данные фонозаписи были получены во время диалектологических экспедиций 2001–2003 гг. в северные районы Вятского региона, и в настоящее время составляют часть звукового фонда записей устной речи жителей Вятки конца XX – начала XXI века, имеющихся в Лаборатории вятских говоров Вятского государственного гуманитарного университета и акустической базы данных «Русские диалекты» архива звучащей речи Рурского университета г. Бонна (Германия).

⁹⁹⁹ Бердинских В. Вятлаг. Киров: КОГУП «Киров. обл. тип.», 1998. С. 144.

В Вятлаге НКВД с февраля 1942 по июнь 1943 года из 6977 заключенных немцев умерли 1186. Из-за истощения, дистрофии и по инвалидности лагерная администрация освободила за это время 1308 трудармейцев или 18,7% заключенных¹⁰⁰⁰. Надзор за трудовым режимом был чрезвычайно строг. Работать, как известно, должны были все трудоспособные поселенцы. От обязательного выполнения трудовой повинности освобождались только инвалиды, многодетные матери и дряхлые старики. Бригадиры и мастера, под непосредственным началом которых трудились поселенцы, должны были незамедлительно докладывать коменданту о каждом, кто не явился на рабочее место. Отказ от работы без уважительных причин приравнивался к преступлению, которое жестоко каралось.

Вслед за переселением немцев в северные районы области последовало официальное оформление их спецпереселенческого статуса. Значившиеся ранее в документах как «поволжские немцы» или «переселенцы» они получили в январе 1945 года приставку «спец» и поступили под надзор местных комендатур НКВД. Следует отметить, что характерной особенностью политической ссылки середины XX века является наличие собственной оригинальной системы спецпоселений. Это не были тюрьмы или колонии в полном смысле этого слова, однако это были режимные объекты, специально предназначенные для проживания и трудовой деятельности спецпереселенцев. Базовым элементом системы спецпоселений являлся спецпоселок. Спецпоселками управляли комендатуры во главе с комендантами, обладавшими всей полнотой власти. Все сотрудники комендатур являлись работниками органов государственной безопасности.

Из воспоминаний И.Б. Миссаль: «Ну, что ж поделаешь, были под комендатурой. Каждый месяц комендант приезжал. Он не здесь жил, а в Рудниках. Вот нас к нему и присоединили. К нам пришли и сказали, что мы спецпереселенцы теперь, и что домой мы никогда не поедем...» (О том, что немцы будут на спецпоселении вечно, было объявлено в указе ПВС СССР от 26.11.1948 г.)

Вслед за поволжскими немцами в качестве мобилизованных немцев появились в Вятлаге переселенцы с Украины и Северного Кавказа. А в январе – феврале 1942 года на Урал и в нашу область прибывает многочисленное пополнение для трудармии из Казахстана и Сибири. В отличие от уральских трудармейцев, немцы здесь не испытывали во время войны и особенно после войны притеснений со стороны местной власти и НКВД. Нормальные отношения были у переселенцев и с местным населением. Благодаря исключительному трудолюбию и прилежности, немцы постепенно завоевали полное доверие к себе.

---

¹⁰⁰⁰ Кригер В. Патриоты или предатели?: Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942–1946 гг. // Родина. 2002. № 10. С. 95.

Из воспоминаний О.Д. Гирш: «... В Слободском вообще у нас был очень хороший комендант. Он даже, как нас сюда привезли, приезжал... На пути встречались всякие люди. От всякой нации есть всякие люди... У них была такая работа и мы это прекрасно понимали».

Из воспоминаний И.Б. Миссалы: «... Народу было людно, ой, народу было людно. Как хорошо, вот, уже когда немножко-то стало лучше жить. Карточки отменили и мы уже зарабатывали. Ну, мы только на участках были, вот, зимовка – большой участок, он примерно отсюда в пятнадцати километрах, кажется, да?... Там была одна молодежь прекрасна(я). Тяжело хоть и работали, но как они всегда пели: «Солому ешь, но фасон не теряй». (смеется) Как было весело (=весело), кто пел, кто что еще делал. Потом нам дали что-то а... патефон ли, что ли, что-то еще дали как на этот участок. Мы... этот участок план выполнял хорошо, выручал эти все подучастки, и если что, дак тогда на зимовку и... все. Ну, ой, а в отпуск придешь. Прекрасно в клубе. Еще комендатура была. У нас был э... первый комендант Штин... Иван, не Иван... забыла (Иван Филиппович, нав...)... Но он был строгий. Э... этот к... комендант. И, вот, он пойдет в клуб (на) какой-нибудь праздник, н... доклады, это, торжественно проведет, он сам в круг идет танцевать. Приостановит музыку и говорит: «Какой я богатый! У меня, – говорит, – все есть: и немцы, и эстонцы, и болгары». И начинает пере(с)читывать всех. Веселые праздники были, потому что народ из разных стран был, понимаете. Каждый что-то знал. И, вот, каждый старался на праздниках показать это, чтобы все прошло лучше, веселей. Дак, э... кто побывал здесь, всегда очень довольны мы были...» (Следует отметить, что в спецпоселениях Вятлага кроме мобилизованных немцев были и советские болгары, венгры, румыны, финны, то есть все те советские нацменьшинства, которые происходили из стран, напавших на СССР, а также прибалты и западноукраинцы, которых начали депортировать еще в 1940 году, а продолжили сразу после войны).

Спецпоселения Вятлага имелись во всех северных районах Кировской области: Лузском (бывший Лальский), Поломском, Нагорском, Омутнинском, Верхнекамском (бывший Кайский), Кирово-Чепецком и других. В некоторых жило более 1000 человек. Например, в поселке «Новый путь» в трех километрах от станции Луза на речке Луза в мае 1942 года было 1035 человек, а в декабре лишь 746. Людей тасовали как сырье для великих строек. Так, на 15 апреля 1942 года Вятлаг имел 35 подразделений, где содержалось почти 20 тысяч заключенных и около 7 тысяч – мобилизованных немцев. Немцы-трудоармейцы были размещены в основном на ЛЗО (лесозаготовительный отряд) № 12. Кроме того, небольшие группы от 100–150 человек размещены на 4, 6, 10, 13-м ОЛП (отдельный лагерный пункт)... Мобилизованные немцы

– на подкомандировке 3 ОЛП (600 человек), и сельхозподкомандировке в совхозе № 2 (свыше 300 человек)¹⁰⁰¹.

Паспорта у переселенцев отбирались, им выдавалась лишь «справка переселенца». Люди не имели права отлучаться за пределы поселка без разрешения коменданта. Ежемесячно переселенцы должны были отмечаться в комендатуре, а так же подчиняться любым распоряжениям коменданта. Брак, смерть, рождение ребенка – все это фиксировалось только через комендатуру.

Вторая волна депортации граждан немецкой национальности проходила в 1945–1947 годах, когда в нашу область была направлена многочисленная группа российских немцев, известная под названием «немцы-репатрианты». Согласно справке управления КГБ при СМ СССР по Кировской области (1974г.), «после окончания Великой Отечественной войны в течение 1945–1947 гг. в Кировскую область было выселено несколько тысяч немцев, ранее проживавших в районах, подвергшихся временной оккупации немецко-фашистскими войсками. Многие из них, как советские граждане, были репатриированы из Германии, Польши, куда они были вывезены по распоряжению властей фашистской Германии или добровольно бежали с отступавшими гитлеровскими войсками»¹⁰⁰².

Из воспоминаний Е.И. Мясниковой (Вагнер): «...Шли мы пешком по самой Сербии, шли пешком. Затем нас погрузили в поезд. Привезли нас сперва в Польшу. В Польшу мы приехали в августе... и жили мы там до января. В январе нас вывезли в Германию... Там уже был мой брат Иосиф, он еще немножко поучился, а мне совсем не удалось. Мне надо было работать... Нас привезли туда, кучками поставили. Стоим вот каждый со своей семьей. А они, немцы... им же нужна была рабочая сила. А мы стояли втроем: мама и трое детей, никому не нужные. Пожалел какой-то дедушка, взял нас к себе. Мы, конечно, и работали у него... Коров доили, свиней кормили, в поле ездили...».

Как свидетельствуют участники событий, после окончания Великой Отечественной войны российским немцам говорили в Германии, что они поедут домой. Так как очень большое количество немцев было из Причерноморья, то на вагонах составов крупными буквами было написано «На Одессу». На эту уловку клюнуло немало немцев, мечтавших вернуться на родину, хотя они имели возможность остаться на Западе. Обманутых немцев довозили до Сталинграда и на судах, на баржах отправляли вверх по Волге и Каме. В пути многие на перегруженных баржах умирали от голода и болезней. На-

¹⁰⁰¹ Чудиновских Е.Н. Немцы ковали победу в Вятлаге // Прикамская новь. Киров, 2001. № 49.

¹⁰⁰² Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. 1290. Оп. 70. Д. 122. Л. 30.

всегда были поломаны многие сотни тысяч людских судеб. Под угрозу было поставлено само существование этого национального меньшинства.

Из воспоминаний Е.И. Мясниковой (Вагнер): «...Наши пришли. Все побежали регистрироваться. Добрые люди говорили нам: «Не спешите, не спешите, не пугайте вас домой. Отправят в Сибирь(ы)». Нет, нет, домой надо. Что ты! Домой! Нас погрузили в поезд и мы приехали в Россию. У нас были документы домой. Но как только мы границу переехали, в Брест-Литовске нас выгрузили всех. Все документы переоформили и сюда в Сибирь. Домой даже и близко не подпустили... Это в Зуевский район. Село Мухино большое, дак, там совхоз большой был. Туда мы приехали, там и работали. Работала всяко: и горшки лепила, и трактор водила, и хлеб косила, и лес валила. Это в семнадцать лет я уже лес рубила со взрослыми наравне. И раз в неделю в командатуру бегала, отметиться, что я никуда не сбежала, что я еще здесь...».

Именно российских немцев было больше всего в послевоенные годы в девятнадцати спецпоселках Кировской области. Так, по данным 1951 года в 12 районах нашей области находилось 8893 спецпереселенца, из которых немцы составляли 6696 человек (2246 семей), западных украинцев – 1657 человек (641 семья), крымских болгар – 485 человек (149 семей) и т.д.

В 1955 году спецпоселенцы были, в основном, освобождены и вскоре получили паспорта. Им запретили возвращаться в те области, откуда они были высланы, и требовать возврата конфискованного имущества. И лишь в 1964 году было признано, что обвинения против немецкого населения страны были огульными. Но текст Указа был опубликован только в «Ведомостях Верховного Совета СССР», и в нем снова подчеркивалась «забота партии и правительства» о немцах. Было заявлено, что они обосновались в местах спецпоселений основательно и «нецелесообразно» разрушать сложившиеся экономические зоны. Это был прямой запрет на выбор места жительства. Только Указ 1972 года дал немцам возможность вернуться к родным местам. Однако небольшая часть российских немцев вернулась на родину в Поволжье¹⁰⁰³. К 1974 году с учетом детей от смешанных браков немцев в области оставалось около 1400 человек¹⁰⁰⁴.

Из воспоминаний И.Б. Миссаль: «... Сейчас из нашего села много немцев уехало в другие районы и в Германию. После войны мы радовались, что сможем вернуться домой на Украину, но нас не пустили. Сказали, что у нас нет паспортов... паспорта мы получили лишь в 1956 году, но уже домой не поехали, потому что у нас уже были дети, и мы привыкли к нашему поселку...».

Таким образом, депортация, трудармия и спецпоселение занимают в истории российских немцев XX века ключевое место. Трудно переоценить

¹⁰⁰³ Вашкау Н. Депортация российских немцев в 1941 году. С. 104.

¹⁰⁰⁴ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 70. Д. 122. Л. 3–30.

масштабы этих событий, их влияние на жизнь немецкого этноса в Кировской области в последующие годы. Последствия репрессивных мероприятий советского руководства особенно сказались на 1990-х годах, которые были отмечены всплеском волны переселений немцев Кировской области на Запад, прежде всего в Германию, и другие территории бывшего Советского Союза. Миграционный отток и ухудшение естественного воспроизводства привели к сокращению немецкого этноса.

В настоящее время в Кировской области проживает около 1 500 российских немцев. Следует отметить, что они не относятся к числу автохтонных этнических групп. И если до XX века представители этой нации не составляли целостного этнического массива в отличие от компактных поселений российских немцев, включавших в себя сотни деревень-колоний на Украине, в Поволжье, Закавказье, Санкт-Петербургской губернии, а также в Сибири и Средней Азии, и были не крестьянами, выходцами из сельских местностей Германии, а квалифицированными специалистами и представителями интеллигенции, то с середины XX столетия появляются районы достаточно компактного их проживания в Вятском регионе. Этнические характеристики у данного населения сохраняются особо, при этом на процесс сохранения традиционного и появление инновационного в их культуре повлиял вынужденный характер переселения, то есть депортация. Этническая специфика еще продолжает сохраняться в какой-то мере в образе жизни, культуре, повседневности, но особенно она проявляется в последнее время в сфере духовной культуры и самосознания, которые выражаются прежде всего в сохранении родного языка.

**О некоторых стереотипах, сложившихся
в российско-немецкой публицистике по теме
«Российские немцы в годы Великой Отечественной войны»**

В статьях ряда публицистов, выходцев из России, проживающих ныне в Германии, сложился определенный комплекс ненаучных стереотипов, субъективно трактующих наиболее сложные и противоречивые периоды из прошлого российских немцев. Эти стереотипы безоглядно перенимаются друг у друга или черпаются в тенденциозно подобранных источниках, которые у чуточку критически настроенных авторов должны бы вызывать настороженность или недоверие. Однажды появившись, такие стереотипы потом гуляют из одной публикации в другую, а самые недобросовестные или просто несдержанные в своих эмоциях неудержимо усиливают цифры и факты во ублажение своих представлений и чувств. Очень заметно, что громче всех рывают о трагической жизни и судьбе российских немцев те из публицистов, которые либо по возрасту, либо по своей благополучной жизни в советское время той жизни не видели, а судьбы – не испытывали.

Попробуем оценить достоверность некоторых наиболее часто применяемых в среде российско-немецких публицистов стереотипов, которые воспринимаются и выдаются авторами как проверенные и подтвержденные цифрами и фактами. Ссылками на источники, как правило, пренебрегают, а уж выводы и обобщения – самые эмоциональные и безграничные, претендующие на абсолютную истину.

В рамках моих научных интересов я проанализировал свыше десятка самых заметных из многих стереотипов, но для настоящего доклада оставляю только 3, так или иначе связанные с депортацией советских немцев в августе–сентябре 1941 г. и привлечением их в трудармию. Обе темы взаимосвязаны и являются следствием нападения нацистской Германии на СССР и начавшейся Великой Отечественной войны. Поэтому первым из разбираемых стереотипов будет следующий:

«Вторую мировую войну начала не нацистская Германия. Гитлер нанес превентивный удар Советскому Союзу с целью спасти Европу от ее порабощения большевистским режимом Сталина».

Вот как излагает основное положение такой идеологии Генрих Дауб в своем журнале *Ost-West-PANORAMA*: «...чем сталинизм был лучше гитлеризма? Может, наоборот, Гитлер и Германия защитили народы Европы от большевизации и гулагизации? Я себе уже ответил на этот вопрос: для меня нет сомнений, что так же, как в свое время Русь, приняв на себя удар монголо-татарского нашествия, спасла от него народы Европы, так же и Германия, приняв на себя удар коммунистического СССР, спасла народы Европы от

открыто планировавшей экспансии коммунизма, что в конечном счете привело к его краху через 45 лет и в самом СССР»¹⁰⁰⁵.

В этом пассаже выражена идеология ряда российский-немецких публицистов в Германии, которые здесь приняли на себя роль опровергателей общепринятой трактовки этого отрезка истории и глашатаев защиты нацистской идеологии Гитлера, сделавшего ее государственной идеологией Германии в 1933–1945 гг. Когда Г. Дауб задает совершенно некорректный вопрос, какая идеология лучше (или хуже) – большевистская или нацистская, то в самом вопросе подразумевается отсутствие преимуществ одной идеологии перед другой. Тут спорить не о чем, полярно разные идеологии Гитлера и Сталина одинаково вредны, если они вообще поддаются сравнению.

Однако, дальше у Г. Дауба Гитлер со своей идеологией нацизма выступает уже в благородной и великой роли освободителя европейских народов от большевизма с его гулаговской системой концентрационных лагерей. То, что по этой идеологии официально провозглашалась необходимость уничтожения некоторых народов целиком, умственно неполноценных и инакомыслящих среди самих немцев, а славянские народы объявлялись неполноценной расой, предназначенной для рабского труда на избранные нации – это во внимание не принимается. В конце концов, в результате войны с гитлеровской армией погибло, по разным источникам, от 26 до 32 млн. советских граждан, 6 млн. поляков, сожжена и расстреляна половина еврейского народа. Всего в результате этой войны погибло, по общепринятым данным, 54 млн. человек. Вот такая «освободительная» миссия идеализируемого автором Гитлера.

В №4 (2010) той же «Панорамы» Николай Жермаль уже без всяких оговорок рубит напрямую: «В 1941 году Германия, спасая Европу, нанесла превентивный удар по СССР, и он (СССР) вступил в войну заведомо готовым к ней, с огромными материальными и людскими ресурсами, с вооруженными силами, которые в 5–7 раз превосходили армию Германии. Несмотря на первоначальные неудачи, СССР с помощью союзников в 1945 году победил Германию»¹⁰⁰⁶. Конечно, автор тут же ссылается на «великого» Суворова и его книгу «Ледокол». На него ссылаются все, кто затрагивает тему причин войны Германии и СССР и обвиняет в этом СССР.

Редакция журнала почувствовала некоторую неловкость от прямолوبي Жермаля и выразила свое мнение, сводящееся к тому, что вместе с СССР равную ответственность за Вторую мировую войну несут и другие ведущие державы мира – США, Англия, Франция и еще некоторые силы, о которых нужно догадываться. А Жермаль сообщает читателю, что ОБСЕ

---

¹⁰⁰⁵ Ost-West-PANORAMA 2010, №. 8, S. 3–8.

¹⁰⁰⁶ Жермаль Н. Ложь, подлость и насилие – предмет гордости сталинистов // Ost-West-PANORAMA. 2010, №. 4, S. 22–23.

приняла резолюцию о равной виновности и ответственности перед историей сталинизма и гитлеризма. Какое открытие! Эту очевидную истину сейчас мало кто опровергает. Нужно только различать, кто из двух тиранов за что ответственен.

Для народа СССР война стала Отечественной при всех ужасах сталинского режима, и только потому она была выиграна, а нацистская Германия разгромлена. Тут же следует ожидать возражение, что без огромной материальной помощи Западных стран, прежде всего США, войну СССР выиграть бы не мог. Однозначного ответа на этот вопрос нет. На мой взгляд, она бы просто затянулась на неопределенный срок.

Но вот как же так получилось, что западные страны, включая США, не приняли своего «освободителя» Гитлера и не бросились громить большевистскую армию? Вот тут бы уж Советам точно не устоять, и огромную страну с ее колоссальными природными богатствами можно было бы и разделить.

Однако, никакой народ не прельщала жизнь под нацистским режимом. И сегодня во всей Западной Европе и во всем европейски цивилизованном мире принято и не оспаривается то положение, что разгром нацистской Германии явился всеобщей победой демократических сил над античеловеческой идеологией. А у Г. Дауба гитлеровская Германия приняла на себя удар большевистских орд и спасла Европу, как когда-то Русь эту же Европу спасла от татаро-монгольского нашествия.

Совершенно некорректен довод, что Сталин до самого начала наступления гитлеровских войск не знал и не ведал о том, что Германия готовит огромный военный потенциал для нападения на СССР. Уж во всяком случае за пару месяцев знал твердо, все даже внешние признаки были налицо. Я тоже не могу себе объяснить, как это через 4 месяца войны миллионы солдат и офицеров Красной армии оказались в плену, бесхозно бродили в тылу немецкой армии, прятались в лесах. Здесь нужны серьезные и идеологически незашоренные исследования при полном содействии высшего руководства России, а историки, проводящие такие исследования, должны быть профессионалами самого высокого уровня.

Во время моей службы в Советской армии в 1956–1959 гг. многие офицеры и старшины пришли в нашу воинскую часть с фронта. Они рассказывали, как в начале войны им приходилось ждать, когда выйдет из строя солдат, чтобы завладеть его винтовкой. Куда же делась вся эта колоссальная армада танков Т-34, которая, по утверждению Суворова и его последователей, была на вооружении у Красной армии задолго до начала войны с гитлеровской Германией? Как известно, серийное производство этого среднего танка с высокими боевыми показателями было налажено уже во время войны, к началу же войны таких танков в Красной армии было всего несколько сотен. Основу танкового парка составляли устаревшие машины.

Конечно, не это явилось причиной тотального и почти мгновенного разгрома сталинской армии в первых месяцах победного шествия германской армии. Противореча сами себе, сторонники «превентивного нападения Германии на СССР» фактически утверждают, что Гитлер так запросто решился напасть на впятеро превосходящую армию Сталина. Однако в действительности Гитлер знал слабости Красной армии. Их показала еще Финская война.

До самой окраины Моквы с песнями и маршами дотопала гитлеровская армия, а потом застряла и... Все мы знаем, чем кончилось гитлеровская авантюра. Не послушался Адольф Гитлер мудрого предостережения «железного канцлера» Бисмарка не пытаться идти войной на Россию.

Сошлемся еще на дискуссию в Германии в 1986–1987 гг., когда известный германский историк Эрнст Нольте предложил свою гипотезу, в которой появление национал социализма трактуется как следствие и реакция на появление большевизма. Не будь большевизма, не возник бы и национал-социализм как идеология противостояния большевизму, угрожающему свободе цивилизованного человечества. Эта гипотеза представляется сомнительной, в «библии» германского национал-социализма («Mein Kampf», Hitler) такая нить не обнаруживается, здесь вполне хватает своей ненависти к «неполноценным» или вовсе «вредным» расам и национальностям.

Стереотипы, связанные с депортацией советских немцев. Это одни из самых живучих и нещадно эксплуатируемых стереотипов. Когда авторы упоминают депортацию, то чаще всего привязывают к ней всех советских немцев в буквальном понимании. Наиболее яркий проводник этого ненаучного стереотипа – известный журналист, выходец из СССР А. Фитц (см., например, его статью «Работа немца любит»¹⁰⁰⁷, написанную в соавторстве с историком В. Кригером). К сожалению, у А. Фитца немало последователей.

Попробуем определить действительную цифру депортированных советских немцев с приемлемой достоверностью. В 1939 году, незадолго до начала Великой Отечественной войны и последовавшей в августе 1941 года депортации, в СССР, согласно переписи, проживало 1,4 млн. немцев¹⁰⁰⁸. В АССР НП в то же время проживало 366 685 немцев при общей численности населения республики 565,7 тыс. чел.¹⁰⁰⁹, данные по АССР НП не вызывают сомнений, поскольку основаны на архивных документах и корректируют официальную сфальсифицированную версию численности населения Немецкой Республики. При этом автор не интерпретирует эти данные, предоставляя делать это читателю. Таким образом, согласно статистическим данным,

---

¹⁰⁰⁷ См.: Фитц А., Кригер В. Работа немца любит // <http://rulit.org/read/386/> 12.12.2010.

¹⁰⁰⁸ См.: Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев / материалы к серии «Народы и культуры». Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1995. С. 91–93.

¹⁰⁰⁹ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. С. 247.

немцы АССР НП составляли с предельным приближением к моменту начала войны примерно 26% от всех советских немцев.

По данным транспортного управления НКВД СССР по состоянию на 25 декабря 1941 г. из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан было депортировано 856 168 человек¹⁰¹⁰, т.е. – примерно 61% от общей численности немцев в СССР по переписи 1939 г.

Ранее эти люди проживали:

1) В РСФСР (в АССР НП, Саратовской, Сталинградской, Куйбышевской, Московской, Ленинградской, Тульской, Ростовской, Воронежской, Горьковской областях, городах Москве и Ленинграде, в Крыму, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане, в Краснодарском и Орджоникидзевском краях).

2) В Украинской ССР (в Запорожской, Ворошиловградской, Сталинской, Днепропетровской областях).

3) В Грузинской, Азербайджанской, Армянской ССР.

Сами по себе масштабы депортации потрясают, но при минимально цивилизованном подходе к переселению немцев из районов предполагаемой оккупации германской армией это было бы в известной мере оправданной мерой. Однако, какую цивилизованность можно было ожидать от Сталинско-Бериевского режима?! В то же время публицисты из российских немцев нещадно усиливают реальные цифры и эмоции. Даже очень серьезные из них в порыве эмоций заявляют, что депортированы были все немцы.

Немцы не были депортированы из Башкирии, ряда северных территорий Европейской России (например, Коми АССР, Кировская обл. и др.), с Урала, где проживала значительная их часть, особенно в Оренбуржье, из Казахстана и Средней Азии, из Сибири и Дальнего Востока. Во всех этих местах немцы вполне добровольно поселились еще с царских времен и хорошо обжили эти места. Где-то они появились как раскулаченные и высланные еще в начале 1930-х гг.

Иногда хочется по ряду цифр в публикациях поставить указатель «осторожно, заминировано!». Один из алтайских авторов в своей статье приводит цифру 1 200 000 депортированных из АССР НП, из которых 95 000 попали на Алтай¹⁰¹¹. Автор совершенно не склонен к эмоциональным преувеличениям, но вот попалась ему цифра кого-то из «наших» в Германии, вот и вставил в свою статью. Так и гуляют стереотипы по всему полю пишущих на эту тему.

В ряде публикаций пишут об уничтожительно трудных условиях транспортировки депортируемых немцев ж.д. транспортом, когда чуть ли не половина умирало в дороге. Понятно, что комфорта не было никакого, но смертность при этом была относительно невысокой. Так, по данным

¹⁰¹⁰ См.: Депортация народов СССР (1930–1950-е годы. Ч. 2. Депортация немцев. С. 56.

¹⁰¹¹ См.: Ульянова Г.А. Репатриированные немцы в Сростках // Барнаул. 2010. № 3–4.

документов, приводимым в сборнике «История и этнография немцев Сибири», в 188 эшелонах, транспортировавших немцев из Поволжья в Сибирь и Казахстан, умерло 600–700 человек¹⁰¹². Из 449,2 тыс. переселенцев это составляло 0,15%. Умирили, как утверждают авторы исследования, в подавляющем большинстве дети, заболевшие дизентерией и др. инфекционными болезнями. Иногда от них заражались и взрослые. Время нахождения в пути депортируемых, как утверждают авторы, колебалось от 9 до 16 суток. Возили на Алтай и в Сибирь круглым путем через Казахстан. Некоторые эшелоны (в Кустанай, Омскую область) отправлялись прямым путем и доходили даже за 5–6 дней.

Чаще всего, а лучше сказать почти всегда, в публикациях российско-немецких публицистов в Германии на тему депортации из АССР НП людей присутствует стереотип: людей просто выгоняли на улицу и под дулами винтовок сажали в машины и повозки и отправляли на станции железной дороги или, малую часть (из Сталинградской обл.), в порт для транспортировки по воде до ж.д. По данным достаточно серьезных исследований архивных документов (А.А. Герман) депортация немцев из Поволжья была на удивление детально проработана и предусматривала почти цивилизованные формы ее проведения.

Через два дня после известного указа Президиума Верховного Совета СССР о депортации всех немцев из АССР НП, а также из Саратовской и Сталинградской областей в газетах Немреспублики этот указ был опубликован. Местные власти обязывались минимум за три дня до отъезда проинформировать каждого человека о времени его прибытия на сборный пункт. Каждой семье разрешалось брать с собой до 1 тонны груза, включающего продукты питания на 20 дней, мелкий сельхозинвентарь, фураж. Перед отъездом комиссии должны были проводить инвентаризацию оставленного скота, недвижимости, зерна с тем, чтобы по прибытии на место в Сибири и Казахстане выселенные могли получить соответствующую компенсацию. В пути следования предусматривалось горячее питание и медицинское обслуживание. В новых местах предусматривалось колхозное расселение, т.е. жители каждого колхоза должны были поселяться соответствующими группами, а местные власти обязывались подготовить жилье или силами самих переселенцев обеспечить строительство недостающего жилья. На основании справок о сданной скотине и зерна местная власть обязывалась сразу все это выдать¹⁰¹³.

Если доставка до станций и погрузка прошли относительно организованно, то уже при движении поездами начались проблемы: неприятные, но

---

¹⁰¹² См.: История и этнография немцев Сибири. Омск, 2009. С. 421.

¹⁰¹³ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 229–236.

пережить можно было. Так, не предусмотрели, как справлять естественные надобности, что весьма усложнялось тем, что в товарные вагоны загружали всех попеременно. При длительных перегонах это становилось катастрофой. Плохо организованная передача информации между диспетчерами на станциях и старшими эшелонов люди зачастую отставали от своих семей, а догонять становилось сущей проблемой. Плохо решались проблемы горячего питания и кипятка. Все это досадовало, но пережить можно было.

Настоящие трагедии начались по прибытии и расселении. Жильем, конечно же, практически не обеспечивали, свели почти все к подселению в русские или казахские семьи, что воспринималось жильцами с большим раздражением из-за естественных бытовых неудобств и неприязни к «профашистским» немцам. В этом отношении, о чем сужу по собственным наблюдениям, повезло тем депортантам, которых поселили в немецкие деревни Сибири. Принцип «поколхозного» расселения был основательно нарушен с самого начала, при всем желании это было практически неисполнимо. Так разрывались привычные связи между жильцами одной деревни.

Сильное рассеяние немцев, живших до этого в местах с достаточно сильной национальной концентрацией, привело к быстрому процессу ассимиляции в русскую среду. Для немцев АССР НП это особенно характерно, т.к. к моменту депортации они уже сильно прониклись большевистской идеологией и русской ментальностью, хотя такие черты, как деловитость и хозяйственность сохранили. Терялась идентичность и самобытность немецкого этноса в таких определяющих элементах как семья, школа, церковь.

Сданную в местах додепортационного проживания скотину, фураж и пр., конечно же, не вернули. В известной мере повезло тем, кто подоспел к уборке урожая. Здесь немцы-комбайнеры, трактористы и прочие механизаторы показали себя настоящими мастерами, без них богатый урожай 1941 года был бы в большой части утерян. Местные мужики воевали на фронте или томились в немецких концлагерях, в партизанских лесах или на службе у немецкой оккупационной власти. Переселенцы прибыли, в большей части, близко к наступающей сибирской зиме, что и предопределило трагические трудности вживания в совершенно непривычных условиях при социальном положении изгоев.

Для примерно 6% всех депортированных наступила «повторная депортация», когда часть немцев из Новосибирской и Омской областей в количестве до 45 тыс. отправили в северные части Оби, Енисея и Лены для обеспечения фронта рыбой. Судьба их постигла более, чем трудная. Заниматься рыбным промыслом немцу с Волги – совершенно неестественное занятие. Да еще в приполярных условиях, без подготовленного жилья. В тех местах на Лене мне показали «дом», который в великой спешке перед быстро наступающей зимой построили доставленные на барже немцы. В высоком отвесном берегу вырыли углубление и обшили его «плавником» – вынесенными на берег

потоком речной воды деревьями. Их и сейчас на прибрежном песке и мелководья валяется масса, что мы наблюдали при плавании по Лене. Показали и несколько домов в прибрежной деревне, где недавно еще жили потомки тех аборигенов, а сейчас уехали в Германию. О них очень уважительно отзывались. Поразительные встречи...

По подсчетам А.А. Германа, под оккупацией оказалось примерно 304 тыс. немцев, подавляющее их большинство (281 тыс.) проживало в Украине, остальные – на Северном Кавказе, в районе Таганрога, в Белоруссии, в западных областях РСФСР¹⁰¹⁴.

Достаточно спорным является вопрос о численности этих немцев, репатриированных в СССР после окончания войны. А.А. Герман говорит о примерно 150 тыс. возвращенных немцев¹⁰¹⁵. В.Н. Земсков называет число – 120,2 тыс.¹⁰¹⁶ Оба исследователя – известные и авторитетные профессиональные историки. Следовательно мы можем достаточно уверенно утверждать, что в СССР было возвращено примерно 120–150 тыс. человек, которые по терминологии НКВД-МВД стали называться немцами-репатриантами.

Об этой группе немцев, находившихся под оккупацией и их взаимоотношениях с гитлеровским режимом в среде публицистов из российских немцев разгорелись страсти высокого накала. Не беру на себя смелость судить об этом явлении, поскольку не владею соответствующими историческими фактами. Однако, я не стал бы так однозначно негативно судить учебник, вокруг которого столько эмоционального возбуждения¹⁰¹⁷.

Многие немцы, и в первую очередь в АССР НП, утратили такие определяющие черты ментальности, как общинность, религиозность, они изрядно пропитались философией пролетарской диктатуры, приняли большевистские лозунги, а попав в Германию, легко приняли идеологию нацизма. Семья моих не очень близких родственников с Днепра попала затем в Германию, где молодой сын сразу же стал активистом гитлерюгенд, затем в составе СС попал на фронт. После контузии от гранаты или снаряда он попал в плен и был осужден с отбыванием срока где-то на Колыме. Мог он убить евреев по приказу или по др. мотивам? Вполне мог! После реабилитации или отбытия срока он жил где-то в районе Кемеровской области, образовал семью. В Германию они перебрались в 1970-х годах, где я и встречался с ним в 1979-м и позже. Не следует думать, что я возненавидел его и т.п.

---

¹⁰¹⁴ См.: Герман А.А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. М., 2001. С. 258.

¹⁰¹⁵ См.: Там же. С. 264.

¹⁰¹⁶ См.: Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы. Ссылные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. №5. С. 162.

¹⁰¹⁷ См.: Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., 1999. С. 466–475; Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Хрестоматия. М., 1999. С.: 298–312.

Естественный ход событий и судеб... Не уверен, что самые эмоциональные правдоискатели из нынешних публицистов повели бы себя иначе.

Для закрытия темы депортации немцев Поволжья в этой работе привожу сильно сокращенное изложение дневниковых записей Дмитрия Дмитриевича (Дитриха Дитриховича) Бергмана, депортированного вместе со всеми немцами из АССР НП¹⁰¹⁸. Достаточно объемные ежедневные записи изложены мной предельно коротко, но таким образом, чтобы читатель получил полное представление о том, как протекал весь процесс депортации от известного указа Верховного Совета СССР и до февраля 1942 г., когда автор дневника умер в деревне Тигино Чистоозерного района Новосибирской области.

Д.Д. Бергман (30.01.1896–06.02.1942) в 1935 году переехал с второй своей женой из немецкой меннонитской колонии в Оренбуржье (Neu-Samara) в АССР НП, где закончил какие-то педагогические курсы и учительствовал в школе в районном центре Куккус. Видимо, строгая общинная мораль меннонитов его тяготила, где-то и как-то он увлекся материалистическими идеями и коммунистической идеологией и подался в Республику немцев Поволжья, где это уже стало идеологией почти всеобщей.

В меннонитских колониях, откуда и мои родители, нравы, вплоть до их разгона, оставались твердо религиозными и образование ограничивалось где-то пятью классами. Все это не устраивало беспокойный ум Д.Д. и он порвал с меннонитством и стал убежденным советским атеистом. Редчайший случай в меннонитской общине! Впрочем, нравы Оренбургских меннонитов мне мало известны и утверждать это по отношению к ним не могу. Примерно за год до депортации он заболел туберкулезом легких, а в холодной Сибири болезнь еще более обострилась и сделала его абсолютно неработоспособным. Энергичная и здоровая жена взяла на себя все хлопоты по работе и обеспечению пищи в особо сложных условиях первого года жизни с больным мужем и двумя детьми в условиях холодной Сибири и в положении депортированных.

Записи велись в дороге к месту депортации и далее до первого января 1942 г. Болезнь автора дневника все более обострялась в условиях совсем непривычного холода и он умер через месяц, когда в последний раз вышел, чтобы привезти муку. При всем своем страдальческом положении безнадежного туберкулезника Д.Д. оставался твердым атеистом до самой смерти и в душе даже как-то соглашался с необходимостью депортации немцев. Больше он осуждал бестолковое исполнение этого акта.

Из собственного жизненного опыта и наблюдения за жизнью депортированных знаю, что самая трудная жизнь у них сложилась в первый год. Прибыли они уже для Сибири глубокой осенью и не успели обзавестись коровой и огородом, а без этих двух абсолютно необходимых элементов

---

¹⁰¹⁸ Дневник Д.Д. Бергмана находится в личном архиве автора.

жизнь превращалась в выживание. Наша семья до войны жила в районном городке Исиль-Куль Омской области и жили мы вполне справно благодаря особой энергичности отца. После отсидки в Архангельском и Карагандинском лагерях он стал особенно жадным до жизни и много и неутомимо работал, и везде он был нужным. В сентябре 1941 г. его призвали в трудармию и наша жизнь в городе стала безнадежно трудной. В феврале мама оставила дом в Исиль-Куле и с 4-мя детьми (среди которых был и я), переселилась в большое немецко-меннонитское село Мирюлюбовка. Там нас приютили добрые люди в хорошем доме. Мама обменяла молочный сепаратор и что-то из одежды на картошку и пр. самое необходимое, и так мы дотянули до лета. Ну, а летом, да еще с коровой, парой овец и свиньей в сибирской деревне не пропадешь, нужно было только много работать. Так и прожили на картошке, свекле, на молоке от коровы и на мясе от свиньи и овец до самого возвращения отца в 1946 году. Так примерно жили и другие депортированные в наших селах.

А теперь короткие выписки из дневника Д. Бергмана:

30 августа 1941. Пошел по селу слух, что немцев всех будут выселять в Сибирь. Д.Д. как человек интеллигентный и высокосоциальный пресекает эти вредные слухи.

31 августа. В газете опубликован Указ о депортации немцев из АССР НП и Сталинградской и Саратовской областей¹⁰¹⁹. Радио отключено.

2 сентября. В школе отменены занятия.

4 сентября. На улицах много военных, но действий пока никаких не предпринимается.

6 сентября. Объявляется, что каждая семья может взять с собой 1 тонну груза. Всем объявили, кто куда направляется. Семье Д.Д. предписано переселиться в Новосибирскую область.

7 сентября. Д.Д. узнает, что его семья будет отправлена 10 сентября.

10 сентября. Не хватило транспорта, отъезд отодвинули.

11 сентября. Подают под погрузку много подвод и отдельные машины.

12 сентября. Погрузка в вагоны. «Тесно как сельдям в бочке». Досаждают блохи. Где-то сорвали доски и устроили полати, стало посвободнее.

16 сентября. Уральск. Дали обед. Все рельсовые пути предельно загажены испражнениями от предыдущих составов. Здесь, из-за плохой информации, отстали целые группы.

18 сентября. Едут быстро, без остановок. В Акбулаке дали сытый обед (рассчитывали только на свою пищу).

19 сентября. Проезжают мимо Арала. Жара.

---

¹⁰¹⁹ Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» опубликован 30 августа 1941 г. в двух центральных газетах АССР немцев Поволжья: «Nachrichten», и «Большевик». Возможно, 31 августа газета попала в руки автора дневника.

20 сентября. В Кзыл-Орде снова получили обед. (В общем, почти регулярно кормили обедами и что-то в запас. На больших станциях что-то покупали).

25 сентября. Поехали на север, в сторону Новосибирска. «Путешествие идет лучше, чем я думал».

27 сентября. Достигли Новосибирска.

28 сентября. Разгружают в Чистоозерном.

30 сентября. На подводах всех развозят по колхозам. Семья Бергман попадает в маленькую деревеньку, дома в большей части землянки из дерна.

1 октября. Энергичная жена Маргарита находит домик, где хозяйева согласны их принять. Поселяются в одной комнате с тремя окнами. Всего в деревне Тигино поселили 3 семьи.

4 октября. М. назначили на работу – метать стога сена. Работала много и времени по уходу за больным мужем и детьми почти не оставалось. Заботы о детях легли в основном на Д.Д. Но какие-то продукты приносила регулярно, хотя еда однообразная: молоко, чаще снятое (обрат), и скверный хлеб.

27 октября. Переселились в чуть более просторную комнату, хижину, как называет ее Д.Д., с глиняным полом. Последнее вызывает постоянную пыль, что оседает на всем и затрудняет дыхание туберкулезного Д.Д.

4 ноября. Д.Д. отмечает доброе отношение председателя колхоза, который иногда выписывает ордер на мясо, сало, картофель.

В последующие дни автор пишет в дневнике, что с наступлением настоящей сибирской зимы проблемы с питанием резко обострились. М. много работает и домой приходит поздно. Периодически выделяют пшеницу и ее научились молоть на ручных мельницах. (Мне эти мельницы в виде двух «жерновов» из отпиленных кругляшей толстого дерева с прибитыми стальными скобками хорошо известны, даже сам крутил их. – Г.Г.). Ребята быстро научились русскому языку и обзавелись друзьями. Стало совсем плохо с мукой, хлеба нет.

14 ноября. Выдали прилично муки.

15 ноября. На двоих с цыганской семьей купили барана. Великий праздник!

16 ноября. Колхоз выписал мяса месяца на два. (Автор уже безнадежно болен и все чаще отмечает это в своем дневнике. При этом он остается атеистом и подчеркивает это).

17 ноября. М. назначают счетоводом, чему оба очень рады – не нужно целыми днями работать зимой на улице.

9 декабря. М. получила два кг мяса и сало. Праздник! В запасе есть пшеница.

19 декабря. Председатель объясняет всему правлению, что прибывшие немцы имеют все права колхозников. Этим, пишет автор, обеспечивается их материальное положение хотя бы настолько, чтобы явно не голодать.

20 декабря. Есть еще заметный запас мяса, что делает пищу более вкусной.

27 декабря. М. приносит целое ведро снятого молока – большая радость.

31 декабря. Соседка приносит капусты и 2 кг мяса.

1 января 1942 г. М. дала детям по кусочку сахара.

Сын автора дневника Эрнст Дмитриевич Бергман, ныне живущий в Новосибирске на пенсии, перевел текст дневника на русский язык с многими пояснениями. До пенсии он был деканом факультета художества и скульптуры одного из Новосибирских институтов. Заодно, собрав много материалов, он написал биографию своего отца – заметной личности в АССР НП.

Ниже привожу несколько сокращенные пометки Э.Д. к дневниковым записям своего отца. Мы с Э.Д. несколько раз встречались у него дома. Двухкомнатная квартира напоминает библиотеку и музей великолепных творений его студентов и коллег, в котором книги могут стоять только в два слоя, а скульптуры и картины занимают каждый кв. дециметр оставшейся площади стен. Итак, заключительные пометки Э.Д.:

«Это была последняя запись в дневнике Д.Д. Бергмана. Он умер 6 февраля 1942 года в 7 часов вечера в деревне Тигино Чистоозерного района Новосибирской обл. в возрасте 46 лет. 3 февраля он пошел с сыновьями (старшему 6 лет) за мукой, вез этот мешок в гору на санках при 40–45 градусах мороза с ветром, надышался холодного воздуха и схватил двусторонне воспаление легких (пораженных туберкулезом!). Хоронили его в страшный мороз 8 февраля вдова, шестилетний сын(Э.Д.) и колхозный парнишка Николай Сирота, вскоре ушедший на фронт и не вернувшийся с войны. А вдове Д.Д. Бергмана в марте 1943 года мобилизовали на строительство оборонного завода в Новосибирске, детей ее – 7 и 4 лет – отдали в семью Шауэр (мужчин Шауэров и Швейцеров к тому времени взяли в трудармию), где были 2 девочки – 8 и 5 лет – и старуха мать Полины Шауэр. В сентябре вдова Д.Д. Бергмана забрала детей и пешком через всю Новосибирскую область пришла с ними в Новосибирск. Вещи тащила корова на двухколесной тележке. Корову дали в обмен оставленной в Куккусе (на Волге).

При чтении этих дневниковых записей, то совсем кратких, то слегка развернутых, нужно постоянно помнить, что писались они практически безнадежно больным человеком, родившимся и выросшем в более умеренных климатических условиях. Сибирь, да еще накануне долгой зимы и в начале ее, без запасов продовольствия, топлива, без надлежащей одежды, без жилья – эта Сибирь казалась ему гибелью. Писал он их от вынужденной из-за болезни и беспомощности интеллектуальной бездеятельности, видя в этих дневниках собеседника, которому он мог поверить свои мысли, страхи, опасения, планы».

Закljučая этот раздел, хотелось бы сформулировать свое отношение к акту депортации советских немцев, которые с большой вероятностью могли попасть в зону оккупации Германской армией. Такая практика, из понятного опасения сотрудничества населения оккупированных районов с соплеменниками, проводилась и в США, и в некоторых европейских странах, да

и вообще это историческая практика. Но цивилизованнее это проводить в форме интернирования, а не депортации. Когда в публикациях пламенно утверждают, что немцы АССР НП в массе своей яростно уничтожали бы германских немцев, то это представляется сомнительным или просто неестественным. Отдельные случаи героизма российских немцев в сражении с германскими солдатами объясняются больше их обрусением (даже фамилии брали русские), а также советским патриотизмом (особенно у молодежи). И было это на фронте, где подавляющее число сражающихся русские и представители других национальностей – не немцев. А как себя повели бы те же жители АССР НП, окажись они надолго оккупированными германской армией? Это поведение несложно спрогнозировать, зная ситуацию, которая сложилась с немцами Украины, проживавшими на оккупированной территории.

Выше я уже приводил такого рода очень типичный пример. И это не обвинение и даже не упрек. Известно, что около 1 млн. советских граждан активно служили германской оккупационной власти, в том числе и с оружием в руках. Вступать в отношения с оккупантами в той или иной мере, чтобы выжить, вынуждены были все 80 млн. советских людей, находившихся под оккупацией¹⁰²⁰. В общем, взаимные упреки и обвинения в этом плане просто неуместны и непорядочны.

Сама по себе депортация немцев из АССР НП, как видно из документов, была запланирована и проработана во всех деталях почти цивилизованно. Практика ее проведения оказалась зачастую просто трагической, большинство заложенных в инструкциях правил и действий оказались неисполнимыми не только потому, что немцев так возненавидели, а больше по массе возникавших непредвиденных трудностей и общей безалаберности. К объективным трудностям следует отнести, кроме прочего, огромные трудности в связи с опустошением мужского населения в результате повальных призывов на фронт и, особенно, громадных потерь в первый год войны. С другой стороны русскому и в целом советскому народу выпали такие безмерные испытания, что мериться несчастьями бессмысленно. Вспомним хотя бы блокадный Ленинград, массовое истребление народа на фронтах, жизнь русского народа в зонах оккупации. Какие уж тут взаимные счеты!

О потерях российских немцев в трудармии. Немцы на спецучете (под комендатурой). Я вполне согласен с общепринятым представлением среди публицистов, общественных деятелей и писателей из российских немцев, что самый трудный период для российских немцев – это трудармия во время войны СССР с фашистской Германией. Немцев из воюющей Красной армии в первые месяцы войны убрали и вместе с другими мужчинами-немцами

---

¹⁰²⁰ См.: Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 11.

направили на стройки на Урал, в Зауралье, в Коми АССР и в другие места от Урала на Восток, где срочно возводились эвакуированные и новые объекты для обеспечения фронта.

Была ли в этом необходимость? Да, была! Трудно себе представить, чтобы российские немцы в массе своей со всей ненавистью воевали с немцами Германии. Да и со стороны германской армии им бы мстили со всей жестокостью, как это принято по отношению к предателям из соплеменников. Отдельные экзотические случаи, которые так ярко разрисовывают и неправомерно обобщают некоторые авторы, не являются типичным явлением. Недавно красочно разрисовывались подвиги советского немца, будущего Героя Советского Союза, который оказался на оккупированной гитлеровской армией территории и активно, геройски сражался с немцами¹⁰²¹. Сам по себе случай такой вполне мог быть, тем более, что немцы Поволжской республики в высокой степени были пробольшевиcтски настроены, больше окружающего русского населения.

Но следует обратить внимание на интересную деталь: тот герой подполья с крайне невысоким образованием и никогда до этого не сталкивающийся с германскими немцами, переодевается в форму немецкого офицера, смело врывается в расположение немецкой воинской части и от имени высоких армейских сфер в Берлине выдает губительнейшие команды и даже расстреливает сомневающегося офицера. Язык российских немцев, и в первую очередь говорящих на *Wolgadeutsch* и *Plattdeutsch*, настолько разительно отличается от языка, на котором говорили германские солдаты и, особенно, офицеры, что такой авантюрист был бы немедленно арестован или уничтожен. Тут столько фантазии от наивного представления, что все немцы говорят на одном языке, что теряется всякая правдоподобность. Даже нас, выходцев из России, говорящих на *Hochdeutsch* (Берлинский, общепринятый в культурной среде диалект) коренные немцы отличают за версту.

Так что сама по себе идея создания трудовой армии из немцев во время Отечественной войны в данном случае оправдана. Идея, но не практика исполнения.

Рассмотрим некоторые высказывания публицистов. Авторы статьи «Работа немца любит» утверждают: «Около 350 000 юношей, мужчин и женщин были призваны через военкоматы и направлены в трудовую армию, на стройки, лесоповал, на добычу угля и нефти для фронта. Около 70 000 из них погибли»¹⁰²². Первая цифра – число призванных в трудармию – 350 000 чел. представляется несколько завышенной, но в пределах воспринимаемого. Если к моменту начала войны немцев в СССР насчитывалось 1,4 млн. человек, а в зоне оккупации с последующим переселением в Германию находилось

¹⁰²¹ Осипова В. «Именем фюрера!» // Neues Leben. 2010. № 2. С. 12.

¹⁰²² Фитц А., Кригер В. Работа немца любит // <http://rulit.org/read/386/> 12.12.2010.

304–350 тыс. чел., то процент призванных в трудовую армию получится 21–25 % от всего немецкого населения неоккупированной зоны. Из призванных, как утверждают авторы, 70 тыс. человек погибло, что составляет 20% от призванных или 5,6% от всего немецкого населения в СССР того времени. Эти цифры достаточно близки к приведенным в журнале *Volk auf dem Weg*¹⁰²³.

В содержательной статье Вормсбехера, Дашичева и Зейферта в журнале «Свободная мысль»¹⁰²⁴ утверждается, что немцев в трудовой армии и местах поселения при депортации погибло 1/3 (33%) от всех советских немцев. Допускаем, что в местах расселения погибло по численности половина людей от погибших в трудовой армии. Тогда по цифрам, приведенным в предыдущем абзаце, число погибших в трудовой армии и в местах расселения при депортации составит примерно 8% от общей численности немцев в СССР без оккупированных территорий. В этих подсчетах трудно отделить погибших от естественно умерших. И для русских эта величина, не считая громадных потерь на фронтах, в оккупированных территориях, в блокадном Ленинграде, в условиях военного времени была не меньше.

Некоторые публицисты, например С. Дебререр, утверждают, что до 1956 г. российские немцы в местах своего «казарменного» проживания были обязаны ежедневно отмечаться в комендатуре. За 15 лет (1941–1956 гг.) были уничтожены или погибли от лишения 450 тыс. человек – т.е. каждый третий российский немец! Нелогичность здесь так и выпирает. Даже в самой благополучной стране за 100 лет процент погибших и умерших при такой методике будет еще много выше, т.е. более 100%. Все зависит от того, с чем сравнивать, от какого числа людей вести счет погибшим и умершим. Если 450 000 разделить на 15 лет, то получится в среднем по году 30 000 человек. И как отделить уничтоженных и погибших от естественно умерших? Главное, чтобы в экстазе было чем размахивать. Это тот самый пример, когда всю гонят сложившиеся стереотипы и ими бездумно пользуются.

Говорят об уничтожении в годы войны всего цвета интеллигенции российских немцев. Но авторы таких высказываний должны бы знать, что академик Раушенбах со множеством самых высоких титулов и степеней никогда не скрывал, что он немец. А великий музыкант Шнитке? Таких примеров можно привести немало. Что касается врачей, учителей и т.д., то в среде моих родственников и знакомых их множество и никто их на моей памяти после трудовой армии не уничтожал. Еще в 1960-х годах и позже мои близкие учились в достаточно престижных институтах Москвы и др. Конечно, период депортации и трудовой армии здесь являются трагическим исключением, но уже в период комендантского учета положение заметно изменилось.

¹⁰²³ Volk auf dem Weg. Специальный выпуск „Deutsche aus Russland gestern und heute“. 2006. С. 18.

¹⁰²⁴ Вормсбехер Г., Дашичев В., Зейферт В. Трудные судьбы российских немцев // Свободная мысль. 2009. № 8 (октябрь).

Кстати, комендантский учет чаще всего рисуют как казарменное житье с ежедневной отметкой и огромным штатом почти конвойных, которые следили за каждым шагом немцев. Т.е. жизнь на спецучете рассматривается как элемент геноцида народа. Я сам прекрасно помню весь период спецучета и могу судить о нем не по сложившимся стереотипам, а по собственным ощущениям. Жили мы, как и во все времена, в своих домах и никаких не казармах, примерно раз в месяц в немецкую деревню приезжал уполномоченный по разным вопросам и мимоходом спрашивал у председателя, все ли на месте.

Для поездки в город Омск, куда мы ездили очень часто на базар или по др. делам, достаточно было зайти к счетоводу и та подмахивала готовую бумажку с колхозной печатью. Когда ходили в гости к родственникам в соседний район за 10–45 км, никому и в голову не приходило обращаться за какой-то справкой. А крестьяне в то время все, независимо от национальности, были лишены паспортов, чтобы привязать их к колхозам. В общем, положение о спецучете, как и многие другие законы в России, исполнялось формально, халатно. При учебе деревенских в городе комендантский учет для них вообще как-то исчезал, а при достижении 16-ти лет им выдавался паспорт. Так что ужасы комендантского геноцида советских немцев безмерно преувеличены теми, кто понятия о нем не имел.

Статьи Дебрера и многих других публицистов о закрытости ряда регионов СССР для немцев тоже страдают самыми безответственными и некомпетентными утверждениями. Две столицы СССР, особенно Москва, всячески огораживались от огромного потока желающих поселиться туда. Жизнь в провинции всегда была много тяжелее, чем в Москве. Что касается Прибалтийских республик, то немцы в период «железного занавеса» между СССР и западно-европейскими странами именно через эти республики и через Молдавию перебирались в Германию. К началу 1970-х годов в Латвии, Эстонии образовались сильные религиозные общины советских немцев и частью группы внеобщинных немцев, которые в большинстве переезжали в Германию, пока еще отгороженную почти плотно закрытыми воротами.

В числе этого раннего потока были и большие семьи моих ближайших родственников. Мой брат с многочисленной семьей уехал в Германию из латышского города Лигатне в 60-ти км от Риги в 1973 году. А поселился он там из района под Алма-Атой в 1970 году. Сюда же и с этой же целью тогда переезжали многие немцы и из Сибири. Всего по разным каналам в Германию перебралось немцев из СССР: в 1973 г. – 4493 чел.; 1974 г. – 6541 чел.; 1975 г. – 5985 г.; 1976 г. – 9704 чел. и т.д. с нарастанием.

А вот еще цифры погибших в «в истребительных лагерях трудармии СССР» и их интерпретация в журнале *Ost-West-Панорама* Nr.08, 2010: «500 тысяч российских немцев погибли в истребительных лагерях-трудармиях СССР.

Это в процентном отношении больше, чем павших под пулями во Второй мировой войне. Это был жесточайший геноцид.

Трудармия – самая черная, самая трагичная полоса в истории российских немцев. **В этих лагерях погиб каждый второй трудармеец** (выд. мной. – Е.Г.). Их умышленно уничтожали голодом, холодом, непосильным трудом, день за днем. Их хотели стереть с лица земли. Но не сразу – сперва из них выжимали все соки. Мы выглядели так же, как узники концлагерей, которых сегодня показывают в документальных фильмах»¹⁰²⁵.

Последнее сравнение с узниками германских концлагерей совершенно некорректно. Достаточно посмотреть фотографии из трудармии, периодически публикуемые в книгах, в журналах *Volk auf dem Weg* и других. Здесь же эмоции перехлестывают все границы здравого смысла. И далее: в приведенном пассаже приводится цифра погибших трудармейцев – 500 000 человек или, как пишет автор, 50% от призванных в трудармию. Отсюда следует, что в трудармию призвали 1 млн. советских немцев. При численности немцев на территории СССР, неоккупированной немецкой армией, в 1,25 млн. человек процент погибших составляет 40% от всего немецкого населения, а процент призванных в трудармию – 80%. Незнающему автору эмоции захлестывали, а редакция журнала не удосужилась привести эти цифры в чуточку корректный вид или приписать позицию редакции. Впрочем, позиция журнала хорошо известна: чем страшней, тем лучше.

И уж совершенно некорректно утверждение, что процент погибших трудармейцев от общей численности немецкого населения СССР того времени выше, чем павших в боях (т.е. всех погибших) во Второй мировой войне. Если принять все страны, так или иначе участвовавшие в этой войне, то процент погибших в сравнении с СССР или даже Германией очень невысок. Естественно, имелась в виду Великая Отечественная война СССР против Германии (по терминологии и идеологии журнала – война СССР против гитлеровской Германии, взявшей на себя благородную и трагическую задачу защиты Европы от оккупации Красной армией).

Какой же процент погибших можно принять для СССР в этой войне? Здесь точных цифр получить не представляется возможным: Прибалтика, Западная Украина, Бессарабия и ряд др. районов практически не участвовали в войне против германской армии, скорее наоборот; огромная оккупированная территория России тоже большую часть времени войны была исключена из военных действий. И если мы примем население СССР, непосредственно участвующее в войне, численностью в 130 млн. человек, а число погибших – 30 млн. человек (официальная цифра 26,4 млн. человек), то получается 23% погибших. Написал и засомневался: по ощущениям, которые я испытал

---

¹⁰²⁵ 28-е августа. День скорби и памяти! // *Ost-West-Panorama*. 2010, №8, S. 10.

в годы войны и десяток послевоенных лет, цифра должна быть заметно большей.

Цифры призванных в трудармию и погибших там в разных публикациях колеблются в широких пределах в прямой зависимости от эмоционального настроя пишущего или выступающего и от его идеологического настроя, но прежде всего от уровня ответственности и профессионализма.

Попробую и я на примере большого немецкого села в Омской области, в котором я прожил с февраля 1942-го по 1956 год, спрогнозировать эту цифру. По моей просьбе мне оттуда очень близкие люди прислали поименный список призванных в трудармию и умерших там. Многие, пережив трудармию, в деревню не вернулись, а устроились на работу на заводах или шахтах. Эти тоже все учтены.

Насколько такая выборка, по понятиям теории вероятностей и математической статистики, представительна при переносе на соответствующие масштабы всей страны, судить не берусь, но слишком большого отклонения быть не должно, уж очень типичное и большое немецкое село. Мои ближайшие родственники: отец, старший брат, многочисленные дяди и близкие знакомые всю войну провели в трудармии на Северном Урале (отец), в Прокопьевске на шахте (брат), на уральских стройках, в Котласе Архангельской области, в Воркуте, в Орске...

И если подсчитать всех ушедших и вернувшихся, то получается, что не вернулись примерно 22% из призванных. Это не значит, что все они погибли от голода и холода, кто-то мог умереть и естественной смертью, но эту возможность в расчет не берем. Всего было призвано 71 мужчина и 38 женщин, не вернулись (умерли) соответственно 21 и 3 человека. В трудармию призывалось примерно, с достаточным приближением, $\frac{1}{4}$ всего немецкого населения. Это с учетом непризыва большинства женщин, стариков, детей обоего пола до 16-ти лет, инвалидов и хронических больных.

В итоге, по этим расчетам во время войны и годом позже умерло непосредственно в трудармии $0,22 \times 0,25 = 0,055$ часть или 5,5% от всех немцев в Миролюбовке. Я не говорю об умерших от голода и болезней «на воле» – это трагическая участь всего народа СССР. В русских деревнях война выкашивала мужчин в значительно большем процентном отношении и голодали все не меньше нашего.

В публикациях на эту тему очень часто мелькает величина $\frac{1}{3}$ (33%) погибших в трудармии российских немцев от всей их численности на тот момент в СССР. Если эту цифру перевести на призванных в трудармию, а призывалось примерно 25% от всего населения немцев, то выходит, что погибли как минимум 100% всех призванных. И вообще, дележ выпавших страданий в общей беде – дело в высшей степени неприличное.

Таблица 1

Сравнительная таблица данных, приводимых в публикациях и характеризующих потери немцев в трудовой армии

Авторы	Призвано в трудармию (кол-во)	Призванные в процентах от численности всех немцев на неоккупированной территории	Погибло в трудармии	Погибшие в процентах от призванных в трудармию	Погибшие в процентах от численности всех немцев на неоккупированной территории
А. Фитц, В. Кригер Работа немцев любит. Эти цифры близки к привед. в Volk auf dem Weg	350 000	28	70 000	20	5,6
Г. Вормсбехер и соавторы «Трудные судьбы российских немцев»	–	–	–	–	33,0*
С. Деблер	–	–	–	–	33,0**
Ost-West-Panorama	–	–	500 000	50	40
Подсчеты автора этой статьи по немецкому селу Мирюлюбовка Омской обл.	109	25	24	22,0	5,5
Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии. М., 1998.	Свыше 315 тыс.	25	Свыше 60 тыс.	19,0	4,8

* Сюда включены и немцы, погибшие в местах депортации, что представляется некорректным, поскольку их численность еще научно не определена.

** Число погибших за годы трудармии и спецпоселения.

Из таблицы видно, что разброс данных о проценте погибших в трудармии немцев, которыми оперируют приведенные авторы, огромен (от 4,8 до 40%). Вместе с тем в таблице в трех случаях показатели потерь немцев схожи и лишь незначительно отличаются друг от друга (1, 5 и 6 строки таблицы). Очевидно, в этих реалистичных пределах и находится реальная смертность немцев в трудармии.

Анализ стереотипов, связанных с положением немцев в годы Великой Отечественной войны убедительно показывает их несостоятельность. Остается лишь гадать, какие цели преследуют люди, формирующие эти стереотипы и активно их тиражирующие. Ясно одно: эти цели далеки от стремления создать объективную и беспристрастную картину положения советских немцев в годы войны.

Трагические страницы истории в романах Г. Бельгера

Романное творчество Г.К. Бельгера удивительным образом соединяет прошлое и современность. Тревога за судьбу казахского аула, где он вырос и окончил среднюю школу, – отличительная черта его эпических произведений. В романе «Разлад» – современный аул и современный город, неприкаянность старшего поколения, аксакалов, потерявших опору и цель в жизни. Прежние ценности и идеалы остались позади, что впереди – люди преклонного возраста, всю жизнь прожившие в благородном труде, понять не могут. Разлад в доме, в ауле, в себе самом – так определяет главную тему романа сам автор.

Архетип дома в романе «Туюк су» расширяется до архетипа аула, некогда зажиточного, благополучного, но захиревшего на глазах, словно неизлечимый больной. Расцвет аула пришелся на послевоенные годы, тогда это был совхоз имени Кирова. За последние годы аул переименовали в Туюк су (тихую заводь), и все пошло вкривь и вкось. Очутился аул в тупике. Г.К. Бельгер описывает историю аула, население которого всегда было разноликим: казахи, киргизы, сарты, таранчи, татары. В годы войны появились сначала корейцы («малорослые, молчаливые, изможденные, желтолицые, узкоглазые» трудяги), еще раньше поляки («на всех взирали надменно, гордо, будто все вокруг были виноваты перед ними»). Потом привезли в аул немцев (покладистых, терпеливых, послушных и безотказных). Немцы прижились, стали говорить по-казахски. Поляки после войны уехали.

Но на исходе войны привезли чеченцев и ингушей, карачаевцев, греков, турок, кумыков, крымских татар и прочий люд. На склонах холмов стали лепить свои «плоскокрышие сакли, точно птичьи гнезда» чеченцы. Когда чеченцы вернулись на родину, «глиняные времянки, лишённые человеческого присутствия, быстро разрушались, развалились, дожди и ветры разровняли их с землей, а редкие проплешины на холме вскоре заросли травой и кустарником». Лирическое отступление о судьбе аула, о переменях в его внешнем облике звучит в авторской речи: «Изменился он ... еще и чем-то неуловимым: многоязычной речью и песнями, новым обхождением разных племен, новыми отношениями между людьми, взаимной терпимостью, диковинной мешаниной нравов и обычаев, манерами в быту, раздольным и задушевым тамырством».

Концепт исторической памяти является определяющим в романе Г. Бельгера «Туюксу», как и мотив пути: «Люди – песчинка, перекасти-поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает». Роман начинается с описания дома, в котором когда-то жил главный герой Эдмунд Ворм, писатель из Германии, очутившийся в Казахстане не по своей воле осенью 1941 года. «Дом свой

Эдмунд не узнал. Осевший, обшарпанный, замызганный, дом лишь по общим очертаниям напоминал некогда вымечтанный и по кирпичику собственноручно сложенный добротный особняк». Прожив десять лет в Германии, он возвращается в родные места, воочию видит перемены, вспоминает былое, задается извечным вопросом: «Что значит родина? Что ему казахстанская земля? И кто он на этой земле?» Писатель через внутренний монолог главного героя передает его раздумья о жизни соотечественников на исторической родине: «Мы там, в Германии, на родине предков, за это время точно десять жизней прожили. И в лагерях теснились, и всю немецкую изнурительную бюрократию извели, и Notwohnung, временное обиталище познали, и на тягостных языковых курсах изнывали, и на социале пожили, и не раз впадали в отчаяние, даже подумывали о возвращении, и душу перелицевали, и безработицу хлебнули, и каких только мытарств не прошли, а былой дом наш в этом азиатском захолустье все эти годы стоял сиротой-сиротинушкой, заброшенный, запущенный, лишенный внимания и сострадания».

И еще один дом – саманная постройка в форме курджуна. Старый, приземистый, скособочившийся. И хозяйка его Кумис похожа на осевший по весне сугроб. Не ладятся дела у его хозяев, и дом приходит в запустение.

Далее в тексте художественного произведения по мере развертывания событий встречаются дома-сакли, дом – убогая хибара, одинокая келья странника, дом – дуken (комок).

В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы, волновавшие Г.К. Бельгера на протяжении всего его творчества. Эти произведения, являющиеся многоплановыми, с разветвленными сюжетными линиями, обладающими стройной своеобразной композицией, подводят, на наш взгляд, своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения, так как в этих произведениях отражены целые пласты истории (репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность).

Начало романа «Дом скитальца» предваряет выписка из плана Государственного комитета обороны о вселении немцев в Казахскую ССР согласно указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 года. Оценка указа неоднозначна. Беседующий с Давидом Эрлихом заведующий райздравотделом размышляет: «И указ, на который ссылается запись в трудовой книжке, ему известен. Известен да непонятен. То, о чем говорится в том указе, не укладывается в его сознании. Никак не укладывается. Но кто знает... Время смутное. Помнится, в том указе так и сказано: «По законам военного времени...», «во избежание кровопролития...» Бес его знает, что это за законы такие... Нет, обо всем этом не поговоришь. Тем более с человеком, которого и видишь-то впервые. Может, когда-нибудь позже, при случае, вне этих стен. А пока лучше держать язык за зубами». Несобственно-прямая

речь передает сомнения, закравшиеся в душу персонажа, и в то же время отражает тот холодок недоверия, царивший в стране.

В тексте романа зловещий указ будет цитироваться и упоминаться не раз и чаще всего в сочетании с указательным местоимением «тот», придающим несколько отстраненный оттенок и в то же время вполне конкретный. Указ – это своего рода образ-символ репрессий, депортации немецкого этноса, рефреном проходит он через все творчество Г.К. Бельгера, включая очерки, эссе, повести и рассказы.

Г.К. Бельгер и ранее обращался в своих разножанровых произведениях к теме репрессий. Судьба спецпереселенцев волновала его на протяжении всего творчества. Но в романах «Дом скитальца» и «Туюк су» она решена на такой щемящей ноте, что вновь и вновь возвращает читателей в те страшные годы. Один из героев романа «Дом скитальца» – Христьян, спецпереселенец, вернувшийся из трудармии из Сибири, тяжело больной и предчувствующий свою близкую смерть, воспроизводит по памяти рисунок дома на Волге, где прошло его детство. В его уста писатель вкладывает взволнованные слова о родине: «...Тоска по родине, по родному дому, невозможность иметь родину, вынужденное странствие по белому свету, неприкаянность, неизбывная тяга к родному очагу, одинокая судьба вечного скитальца, трагизм чувства бездомья – самый распространенный, душераздирающий мотив немецких песен. Мечется немец по всему свету, везде он пускает или, точнее, стремится пустить корни, обосновывается крепко, обустраивается, строит дом, но все равно это не его земля, все равно он точно чужеземец, изгой, странник, и дом его, где бы он ни стоял, – дом скитальца, который у него каким-то фатальным образом непременно норовят отобрать».

Картины настоящего и прошлого, причудливо переплетаясь в структуре романа «Туюк су», помогают Г. Бельгеру полнее воссоздать событийный ряд. Рассказ о детстве Эдмунда Ворма идет от имени автора. Заброшенный закуток возле колхозного амбара Карл Ворм («здоровенный детина, русоголовый и добродушный») превратил в приличное жилье. Уважением пользовался умелец на все руки Карл Ворм в ауле, но новая беда обрушилась на немцев – трудармия. И вновь картины настоящей жизни аула сменяются трагическими страницами мобилизации в трудовую армию. Приказ не просто жесток. Он бесчеловечен. Шесть мобилизованных в трудармию, насильно оторванные от своих детей, сбились в тесный кружок в кузове. «Одетые в самое теплое, что у них осталось, с дряблыми котомками у ног, все одинаково серые, безликие, с испуганными, измученными глазами, они сидели на замызганном брезенте, смиренные, безмолвные, обреченные». Употребление в одном предложении трех эпитетов усиливает ощущение безысходности. Паулина Ворм жила надеждой, что кончится война, вернется из трудармии ее Карл, потом все они, депортированные и эвакуированные, переедут в родные места, и жизнь опять наладится. В самый отчаянный момент, когда она понимает, что некому оставить своего маленького

сына, неожиданно в облике ангела-хранителя появляется ее подруга и соседка Хадиша: «Будет он братиком моей Асимы. В обиду твоего сыночка не дам».

Через год порог мазанки Хадиши переступила «изможденная старуха с потухшими глазами, в рваной фуфайке, в сапогах, во фланелевой юбке, в измызганном платке из мешковины». Полину не узнали ни дети, ни Асима: «Незванная гостья жутковато улыбнулась, из белесых, полубезумных глаз покатались слезы, рот искривился, плечи затряслись... И голос ее был больной, деревянный. Слова вырывались из нее со свистом, натужно, дряблые и мертвые». Переболев сыпным тифом, она уже не представляла никакого интереса в качестве работницы и была отправлена, обессиленная, изможденная, домой. Она страдала «куриной слепотой», зрение возвращалось к ней лишь с восходом солнца.

Тяжелее всего привыкал к ней сын, он так и рос между двумя женщинами, а сверстники завидовали ему: ни у кого из них не было двух мам. «Весь аул испытывал трогательную радость при виде, как смугленькая дочурка Хадиши и рыженький мальчик Полины, взявшись за руки, точно брат с сестренкой, щечбеча по-казахски, ходили между домами, нежно заботясь друг о друге». Но скряга-судьба (такой необычный немного фольклорный образ избирает Г. Бельгер) позавидовала их радости. Хадиша получила похоронку на мужа, а Полине привезли мешок с запихнутым в него мертвецом («желтая, дряблая кожа лица, обросшая серой щетиной; запавшие глазницы, почти голый, с кулак череп; плотное сжатые лиловые губы, несуразно огромный нос, уставившийся в небо»).

Сколько ни пыталась Полина вернуть истощенного Карла к жизни, ничего не получалось. С осенними дождями запахло в хибаре «нежитью и одиночеством». Перед последним вздохом Карл позвал Паулину: «...кто-то позвал ее издалека, из далекой юности, с такой нежностью и забытой любовью...» Игра света и тени на фоне вечерних сумерков передает страшное дыхание смерти: «... тень пробежала по его лицу. Тень шла неумолимо, неотвратимо явственной межой от лба к глазам, к носу, ко рту, к подбородку, к шее».

Война вмешивается в судьбы героев и после ее окончания. Вернувшийся живым Жуматай не нашел ни дочери, ни жены, которая второй женой была просватана к его родственнику, двоюродному брату Кайролле. Жуматай вернулся из плена «несчастливым, побитым, помятым жизнью». Жуматай понимает, что плен навсегда вошел в его жизнь: «Ничто не забудется. Не дадут забыть. Не позволят. И не все позади. На нашу долю горестей хватит». Трудно пришлось Жуматаю даже в родном ауле, он вскоре понял, что из всех изгоев – он самый изгой, даже там, на «чужбине, в лагерях, он не чувствовал себя таким одиноким и несчастным. Здесь надежды не было никакой. Он был вне закона. Он был никому не нужен».

Буквально на следующий день жители аула стали избегать его, распространять всякие небылицы. Он не мог никуда устроиться на работу. Жуматай с горечью понимал, что «отмыться ему от позора и сплетен никогда уже не удастся». В ауле знали одно: пленный – значит предатель. Предатель родины.

Отшельником живет Жуматай в своей убогой хибаре, в том доме, где некогда был счастлив с Хадишой. Удивительно теплые и доверительные отношения установились у Жуматая во время его недолгого пребывания в родном ауле с Эди, который из школы сразу бежал к соседу. В диалогах героев причудливо переплетались реплики на трех языках. Жуматай, прошедший через горнило войны и ужасы плена, учил Эдмунда помнить о своих предках, о своей родине: «Длинна, долга дорога до дому. Волгу помнишь?» Так и он, наверное, сам вспоминал в плену свой родной аул, который отторгает вернувшегося, опустошенного, неприкаянного своего жителя.

Когда приехали за Жуматаем с приказом доставить его в Кумкель, он сник, растерялся, стал собираться, как во сне. Мальчик бежал изо всех сил за повозкой, увозящей Жуматая навсегда. Он «точно летел над иссохшей, покрытой жесткой травой степью, и с отчаянным надрывом кричал: «Ага, Жуматай-ага! Агатай!» Он бежал из последних сил, но расстояние все увеличивалось, тогда он с размаху упал в траву. Он теряет навсегда близкого человека, родственную душу, поэтому и «степь, солнце, холмы, темный аул, небо – все казалось чужим и враждебным». Долго еще звучит голос Жуматая, «печальный, одинокий, отравленный тоской и горем».

Г.К. Бельгер показывает казахстанскую и немецкую действительность глазами главного героя, который сопоставляет, сравнивает и делает выводы, порой неутешительные. Германия не стала землей обетованной. На встречах российских немецких писателей (дойче шрифштеллер аус Руссланд) Эдмунда поражала склочная, завистливая атмосфера. «Каждый старался показать и доказать, что он более немец, чем кто-либо другой, более современный, чем его коллега». Берлинец, глухой и капризный старец, выдававший себя за непревзойденного знатока старого и современного немецкого языка, горячо, с неистовым азартом убеждал: «Кто не пишет по-немецки, тот, разумеется, не немецкий писатель». Все просто и ясно.

Путешествуя по просторам Средней Азии, Эдмунд, любуясь степным пейзажем из окна вагона, обратил внимание на то, что не бродят по степи тучные стада, не видно ни отар овец, ни задумчиво отрешенных чабанов. И оттого степь кажется ему «пустой, безжизненной, невеселой. И эта пустота навевала невольную печаль, неизменную спутницу путешественников». Встречный тугой ветер доносит до купе запахи казахской степи, пропитанные «вечным ароматом горькой полыни и вольной ширью. Эти запахи, особенно по весне, как бы возрождали человека, придавали ему силу и ощущение свободы, беспредельности бытия, предвкушение удачи, радости, надежды». От них, степных запахов, «ширится грудь и веселится душа». Не ощущал Эдмунд этого в Германии, с ее дивными, ухоженными полями, зелеными холмами, множеством рек и речушек.

Автор романа передает странное ощущение главного героя, живущего одновременно как бы в двух измерениях: «нынешний зрелый мужчина, на исходе

шестого десятка, седой, помятый жизнью, встретился невзначай с собой, когда он был совсем еще малец, мало что соображавший в жизни, но крохотным своим сердцем понимавший, чувствовавший, что в ней много горя и несурзаицы». Но не все так плохо, как показалось Эдмунду вначале, вызревает и новое, хорошее. Вновь появляется в романе «Туюк су» знакомый образ учителя Франц Фризенга, собирателя фольклора поволжских немцев. Родом из поволжских менноитов, которые отличались зажиточностью, строгим порядком, молчаливостью, подозрительностью, суровостью нравов, очутился Франц в Кумкентской области. Проработав три года колхозным бухгалтером и наведя образцовый порядок в бумагах, он стал преподавать пение, историю и географию, немецкий и русский языки в школах. Стал заслуженным учителем республики. Из заброшенной, полуразрушенной мазанки, которую превратил в игрушку, перебрался в отстроенный дом, главным достоянием которого были книги.

Он уверен, что мало что немецкого осталось в Германии, куда любит ездить только в гости к дочери. «Что-то все скособоцилось», – убежден Франц Оттович. После долгой разлуки старый учитель напоминает Эдмунду старого льва. Своими духовниками и собеседниками он считает Гете, Шиллера, Гегеля и Гейне. Их портреты украшают мансарду. В уста Франца Оттовича автор романа вкладывает самые важные размышления о российских немцах. Он – дитя двух культур. «Русскую или российскую ментальность надобно в нем сберець..., а немецкую терпеливо и настойчиво культивировать».

Множество актуальнейших вопросов ставит автор в новом романе, некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость писателя, что одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа – бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...»

Главный герой нового романа Г.К. Бельгера «Зов» размышляет о том, что такое литература. Безусловно, они отражают точку зрения самого автора, всю жизнь посвятившего служению слову. «Литература – это то, чем болит душа, чем болит общество, это тот самый коржун людских бед, который литератор добровольно взвалил себе на плечи. Это клубок неразрешимых проблем. Это сплошные несчастья, которые ты тщетно пытаешься развеять, развесть руками. Это опять-таки напрасные потуги разбудить человека в человеке, разбудить его ум и сердце, сделать его благородным, сердобольным. Разве объяснишь, что такое душа, мечта, любовь, жизнь, небесный свет? Все это и есть литература». Ее Величеству Литературе и Художественному Слову, укрепляющему взаимопонимание людей, толерантность и проникновение культур, вот уже более полувека служит Герольд Карлович Бельгер, тонкий прозаик, страстный публицист, чуткий переводчик, творчество которого – ярчайшее явление в современной литературе Казахстана.

Тема войны в произведениях немцев Красноярья (на материале стихов В. Эккерта и воспоминаний Р. Майера)

Российские немцы – это часть населения нашей страны, нашего края, и моральный долг каждого человека – пристально и внимательно посмотреть на исторические судьбы наших земляков, проникнуться сочувствием и пониманием их настроений и трудностей, не проходить равнодушно мимо судьбы целого народа, а вместе с ним и мимо судьбы своей родины.

Несмотря на вызванную политическими причинами географическую разделенность, российские немцы второй половины XX – начала XXI вв. создали единую литературу. Ее отличает «сложное ментальное мироощущение», особое «мотивное поле» – отражение тем депортации, трудармии, войны, эмиграции. Политическая судьба сделала российских немцев субкультурным народом. На особый характер литературы *Russlanddeutsche* указывает также известный исследователь российско-немецкой литературы, германский славист А. Энгель-Брауншмидт, считающая двументальных российских немцев «жертвами истории», обретшими уникальную культуру. Исследователь отмечает особенную судьбу советских немцев, их субкультуру¹⁰²⁶.

Судьба российских немцев полна исторических событий, требующих отображения в российско-немецкой литературе. Вместе с тем ученые-исследователи (в частности, Е.И. Зейферт) отмечают в целом «преобладающий массовый характер российско-немецкой литературы», который свидетельствует о «стремлении интеллигенции (и не только! – В.А.) сохранить этнос в младших поколениях, используя воспитательную силу литературы, а также о необходимости отражения на бумаге тягот, выпавших на долю народа, и путей их преодоления»¹⁰²⁷.

Одна из доминант российско-немецкой литературы – это ее подчеркнутый автобиографизм. Очень часто авторы делятся своими воспоминаниями о прожитой жизни, о депортации, размышляют о сегодняшнем дне. В произведениях можно встретить красочные сравнения, которые позволяют образно представить себе, какой была судьба немецкого народа в целом и отдельных людей, в частности. Например, роман Нестеренко В.Л. «Перекасти-поле»¹⁰²⁸, описывающий жизнь депортированных немцев Поволжья в далекой Сибири.

¹⁰²⁶ Цит. по: Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. ВМВ Verlag Robert Burau, 2009. С. 45.

¹⁰²⁷ Там же.

¹⁰²⁸ Нестеренко В.Г. Перекасти-поле. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. – 488 с.

Или простые стихи-размышления человека, который хочет помочь соседям, окружающим его людям¹⁰²⁹:

Вот сижу над тетрадкой в полночь
Может, кто погибает с тоски,
Я хочу, чтоб как «скорая помощь»
К человеку спешили стихи.

Особенностью авторов российско-немецкой литературы является их билингвизм, как в устной речи, так и в письменной. Однако большее количество произведений пишется на русском языке, т.к. немецкого языка авторы не знают, причем, очень часто по независящим от них причинам. Вкрапление немецких фраз в современные российско-немецкие и русскоязычные стихи высокочастотно: это доказывает тяготение русскоязычных немцев как к немецкому, так и к русскому языку. К примеру, цитата из стихотворения «Mein Moskau» В. Эккерта:

Ich sage dir: Mein Moskau, do swidanja!

[Я скажу тебе: Моя Москва, до свиданья!]

Такие строки были вызваны культивацией в советское время русского языка, его высокой миссией как языка межнационального общения. Показательна и другая фраза из цитируемого выше стихотворения Вольдемара Эккерта:

...doch schöner als in allen andern Sprachen

klingt russisch das «Moskwa» aus deinem Mund.

[...ведь красивей, чем во всех остальных языках,
звучит по-русски «Москва» из твоих уст.]¹⁰³⁰

Исследователь российско-немецкой литературы Е.И. Зейферт приводит в своей монографии мнение литературоведа и критика Герольда Бельгера, считающего, что «немыслимо развивать родную литературу без родного языка», но «способствовать ее развитию, служить ей можно и с помощью другого языка»¹⁰³¹.

Родной язык
Из-за тебя я потерял свой отчий дом,
Был выброшен из мира.
Но песни отчие я часто напевал,
Хотя расправа мне за то грозила.
Из-за тебя валялся я в пыли,
Из-за тебя меня мальчишки били,

¹⁰²⁹ Александр Фишер, род. в г. Палласовка Волгоградской обл., депортирован в Алтайский край, с 1970 г. живет в с. Атаманово Сухобузимского р-на Красноярского края. Сейчас ветеран труда, стихи пишет всю сознательную жизнь // Литературный альманах «Истоки», Изд-во «Поликом». – Красноярск, 2009. С. 226.

¹⁰³⁰ Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. С. 60.

¹⁰³¹ Цит. по: Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. С. 49.

А я был предан истинной любви
К таким же мальчикам из Западной Сибири.
Для языка готовили гробы,
И убивали, запуская в зону риска.
Но даже зверь вздымает на дыбы,
Когда с ножом к нему подходят близко.
Перестрадал любимый мой язык.
Завяз по горло в озере позора,
И только очень маленький родник
Опять стремится выйти на просторы¹⁰³².

В свое время Герольд Бельгер обращал внимание на то, что слова Родина, Мир, Любовь, Дружба, Природа, Память, Красота, Добро, Детство пишутся в немецком языке с большой буквы не только потому, что по правилам орфографии немецкого языка все существительные пишутся с большой буквы, но и потому, что эти понятия очень много значат для немцев. Это те темы, мимо которых не может пройти ни один из поэтов¹⁰³³. Г. Бельгер сетовал также на явно недостаточное освещение темы Отечественной войны и вклада российских (тогда: советских) немцев в победу. Большую помощь в этом плане призваны оказывать литература, писатели и поэты-современники. Такие, например, как В.К. Эккерт, выходец из российских немцев, человек-борец, творчество которого всегда отличалось высоким нравственным содержанием:

Mein Schicksal trieb mich weit
ins Lebensmeer hinaus...¹⁰³⁴.

Вольдемар Эккерт (Владимир Корнеевич Эккерт) родился 29 ноября 1910 года в деревне Кеппенталь на Волге в семье крестьянина (1910–1992). После школы он закончил педагогический техникум в Зеельмане, далее получил высшее образование в государственном немецком учительском институте в Одессе. В начале Великой Отечественной войны ему удалось эвакуироваться с семьей в Красноярский край, откуда его забрали в трудармию, где он пробыл до 1947 года. После трудармии он сначала работал учителем в средней школе, затем в пединституте старшим преподавателем, далее – заведующим кафедрой немецкого языка, деканом факультета иностранных языков; позднее он перешел на работу в институт цветных металлов старшим преподавателем, доцентом. Много времени, здоровья и усилий В. Эккерт уделял педагогической, научно-исследовательской и методической работе, всего – сорок шесть лет! Вплоть до ухода на пенсию в 1975 году.

¹⁰³² А.Фишер, С. 227.

¹⁰³³ Герольд Бельгер. Мотивы трех струн: Лит.-критич.статьи, портреты, эссе. Алма-Ата: Жазушы, 1986. С. 223.

¹⁰³⁴ «Московская немецкая газета» №23 (45) декабрь 2000.

По мнению Г. Бельгера, В. Эккерт был не просто «хорошим, вдумчивым преподавателем, лектором, педагогом, методистом»¹⁰³⁵. Педагогам известны его научно-исследовательские работы: «Немецкая орфография» (Москва), «Хрестоматия по немецкому страноведению» (Красноярск), «Пословицы, поговорки, идиомы, фразеологические обороты с русскими эквивалентами» (Красноярск), «Путь к устной речи через устную речь» и тд.

Вольдемара Эккерта знают как литературного историка и критика, но он сочинял также стихи, писал эссе, короткие рассказы, учебники. Из воспоминаний Г. Бельгера: «... давняя и неизменная страсть Вольдемара Эккерта – поэзия. В моем представлении его стихи просты, добры, светлы и по-настоящему душевны. В них, пожалуй, не найдешь вычурности, экстравагантности, претенциозности, современного изыска. Есть главное, мысль и чувство. В его стихах чудится простор, широта, в них много света, добра, оптимизма, радостное восприятие мира, чуткость и благородство чувств, образное, поэтическое видение»¹⁰³⁶:

In einem grünen Tale,
da ist mein Heimatort,
von da ging ich als Jüngling
ins große Leben fort.
Heimat, o Heimat,
unendlich groß,
aber auch Heimat
Birkensteg bloß!

Символом Родины для Эккерта стал не просто его дом, место, где он находится, но и пространство, которое его родину представляет, а это может быть всего лишь березовая роща. Повторы Heimat, Heimat усиливают лиричность, сентиментальность автора, его тоску по родным местам, людям, природе, воспоминаниям о жизни на Волге: Dir will ich singen, mein Heimatort!

In meinem Herzen
Lebst du immerfort:
Dir will ich singen,
mein Heimatort¹⁰³⁷!

Самое тяжелое для человека – потеря родины, лишение его отчего дома, своих корней, своей опоры:

Und manchmal sehe ich den schwersten aller Träume:
Ich such, mein Elternhaus, das ich nicht finden kann.
... Und ich schrei auf im Traum!
... Und du, mein Köppental,

¹⁰³⁵ Бельгер Герольд. Мотивы трех струн: Лит-критич.статьи, портреты, эссе. Алма-Ата: Жаушы, 1986. С. 290.

¹⁰³⁶ Там же, С. 293.

¹⁰³⁷ Dir will ich singen, 1960. – W. Ekkert. Ausgewähltes, Krasnojarsk, 2006, S. 7.

Dich grüß ich tausendmal¹⁰³⁸!

В. Эккерт не был на войне; это время, как и большинство его соотечественников, он провел в трудармии (до 1947 г.). Тема войны в его произведениях представлена либо в воспоминаниях, либо о ней можно прочитать между строчек, т.к. В. Эккерт жил в то время, когда говорить открыто об участии российских (советских) немцев было достаточно затруднительно, поэтому и литература того периода называлась «литературой чтения-между-строчек»¹⁰³⁹. Одно из стихотворений, посвященных им теме войны, было «HIER WAR ICH 1941», написанное в 1970 г.¹⁰⁴⁰:

Das war im Jahre einundvierzig,
Der Krieg trieb uns von Hof und Haus,
Wir ruhten hier in diesem Dörfchen
Vom letzten Bombenhagel aus.
Dann kroch ich fünfzehn Kilometer
Zurück nach Kleidung in die Stadt,
Im Keller lagen meine Kinder,
Barfuss und hungrig, krank und matt.
Die Weizenfelder knisternd lohnten,
Melonengelb stand der August,
Und Hass und Wut und Rachensinnen
Zerrissen mir die wunde Brust.
Vom Himmel spieen plötzlich wieder
Faschistenflieger Qual und Tod,
Und das Gesicht der toten Mutter
Schien von den Felderbränden rot.
Ich nahm die Kinder bei den Händen,
Wie liefen durch das Feuertal...
Der Kinder schreckerfüllte Augen
Sah ich im Geist noch manches Mal.

Часто поэт размышляет о цене победы в войне, о чудесном чувстве победы, о необходимости жить в мире и согласии, об объединении сил в борьбе с общим врагом.

GEDANKEN IM ZUG (1958)
Alles atmet Frieden, Leben,
frohes Schaffen, Vorwärtsstreben.
Viel hat dieses Glück gekostet,
viel ist dafür hingegeben.
Neben mir am Fensterrahmen

¹⁰³⁸ Kindheit, 1989. Там же. С. 103.

¹⁰³⁹ Lexikon der russlanddeutschen Literatur. Ein einmaliges Lesebuch und gleichzeitig eine Einführung in die Kunst des zwischen-den-Zeilen-Lesens (ZfD), Nr. 1–2, 5. Januar 2005.

¹⁰⁴⁰ Hier war ich 1941 (1970) // W. Ekkert. Ausgewähltes. Krasnojarsk, 2006.

steht ein Mann und schaut in die Weite.
Enger schmiegen wir zusammen
unsre Schultern. Nichts kann brechen
unsre Wahrheit, unsern Willen.
Damit soll'n die Feinde rechnen¹⁰⁴¹!

DEM UNBEKANNTEN SOLDATEN (1970)
Der Krieg hat ihn aus dem Leben gerissen.
Man nennt ihn nun
den Unbekannten,
den Vermissten...¹⁰⁴²

В российско-немецкой поэзии наблюдается ярко выраженный, острый интерес к теме и мотивам родины и дома, к воспоминаниям детства. Одним из ярких примеров является стихотворение «Kindheit», написанное автором в 1989 году¹⁰⁴³. С грустью подчеркивает В. Эккерт, что желания его отца вырастить сына более счастливым, остались неисполненными и причина тому – злые времена, вынужденная жизнь вдали от родных мест в постоянном страхе.

KINDHEIT
Wie liebe ich das Lied
„Im schönsten Wiesengrunde“ –
Dort stand vor langer Zeit
Des Dichters Elternhaus.
Ich sang mir dieses Lied
In mancher schweren Stunde:
Mein Schicksal trieb mich weit
Ins Lebensmeer hinaus ...
Der Zeiten böser Lauf
Mit steter Angst und Bangen
Euch nie mehr bannen soll –
Das darf nicht mehr zurück!
Er wollte, dass auch ich
Das Musizieren lerne,
Dass ich das werden kann,
Was ihm sein Los durchstrich.
Doch riss das Leben mich
Gewaltsam in die Ferne,
Und Vaters Wunsch zerran,
Und nichts erfüllte sich ...

---

¹⁰⁴¹ Gedanken im Zug (1958). W. Ekkert. Blätter, vom Leben beschrieben. Almaty, 1977, S. 5–6.

¹⁰⁴² Dem unbekanntem Soldaten (1970). Ibid. S. 27.

¹⁰⁴³ Kindheit (1989). Ibid. S. 92–103.

Второй писатель-красноярец, чей труд хотелось бы представить – Майер Роберт Адольфович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры математического анализа ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева. Родился 21 декабря 1921 г. в Саратове. В 1952 г. окончил Тамбовский педагогический институт, физико-математический факультет. Специалист по проблемам методики преподавания математического анализа, теории вероятностей и статистики в школе. Автор более 100 научных работ, из них 20 книг. Р.А. Майер – Почетный профессор КГПУ им. В.П. Астафьева – не профессиональный писатель – написал воспоминания о своей семье, о предшествовавших поколениях, представил родословную семьи Майеров на российской земле с 1776 года¹⁰⁴⁴.

Почему он написал эти воспоминания? Что послужило толчком к появлению данной книги? Как он сам пишет: «Было неумное желание поведать о пережитом»¹⁰⁴⁵. При этом он с болью говорит о невыполнении им своего долга перед предками: «не приобщил я детей ни к немецкому языку, ни к немецкой культуре».

Книга написана на русском языке, состоит из 4-х частей, обращения и эпилога. Каждая часть разделена на главы, всего – 29 глав. Общий объем книги – 632 с. Часть I – ТРЕВОЖНАЯ ЮНОСТЬ, заканчивается главой 7 «Война», часть II – ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ останавливается на расставании автора-героя книги с женой – глава 14 «Расставание», часть III – ССЫЛКА заканчивается главой 21 «Реабилитация», часть IV – ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ – главой 29 «Примирение» и далее следует ЭПИЛОГ.

Из обращения: «Вот и пришла ко мне старость... Пора подводить итоги, пора прощаться. В молодые годы меня не очень интересовало, кем были мои деды, прадеды, бабушки и прабабушки, кем будут мои внуки и правнуки. Разрушились и исчезли семейные традиции, привычки, интерес к языку и немецкой культуре»¹⁰⁴⁶.

С чисто немецкой (или математической) педантичностью ведет Роберт Адольфович рассказ о своей семье, о роде Майеров. Поскольку герой книги и автор – это одно и то же лицо, то повествование в книге ведется от 1-го лица.

Рассмотрим более подробно освещение в книге темы войны. Скрупулезно, шаг за шагом, пытается автор вместе с читателями понять и проанализировать, что же произошло в стране Советов? Почему такой трудолюбивый и законопослушный народ, как немцы, вдруг стали синонимами фашистов? По его словам, «отождествление фашизма с немецкой нацией в сознании людей произошло в 1938–1939 годах, когда стало ясно, что ведущую роль среди фашистских стран (Испания, Италия, Германия) заняла Германия. Этот сдвиг

¹⁰⁴⁴ Майер Р. Судьба российского немца (семейная хроника). Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 632 с.

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 275.

¹⁰⁴⁶ Там же. С. 3.

в общественном сознании я переживал болезненно»¹⁰⁴⁷. «В школе то и дело стала мелькать кличка «немец» в смысле «фашист». Мальчишки рисовали на ладонях мелом свастику и, похлопывая по спине, ставили позорное клеймо. Правда, в те годы в понятие фашизма еще не вкладывалась та жуткая ненависть, которая появилась в годы Великой Отечественной войны. Скорее, была насмешка и презрение, чувство морального превосходства. И почти никакого страха. Была уверенность, что граница надежно защищена... Я, как и все советские люди, ненавидел фашизм, зачитывался антифашистскими романами Фейхтвангера и болезненно переживал отождествление немцев с фашистами»¹⁰⁴⁸, «... верил в коммунистическое будущее мира»¹⁰⁴⁹.

Рассказ героя о войне можно условно разделить на три части: жизнь до войны, война и после войны. До войны автор книги жил, как все мирные граждане того времени (независимо от национальности). После окончания школы в 1940 г. хотел поехать в Москву, чтобы продолжить обучение, но не было денег, поэтому поступил в Тамбовский пединститут на физико-математический факультет. И вдруг: война! Он пишет: «22 июня 1941 года! Во скольких романах и повестях, рассказах и стихах описан этот день и связанные с ним переживания людей! А что помню я о нем? В памяти моей хранится много событий, часто незначительных, по непонятной причине отложившихся в моем подсознании. А этот день!? Казалось бы, его я должен был помнить до мельчайших подробностей. Ведь помню же я некоторые эпизоды раннего детства. А здесь событие, потрясшее всю страну, и мне не 5 и не 7, а девятнадцать лет. Но сколько ни роюсь в закоулках старческой памяти, ничего в ней не нахожу»¹⁰⁵⁰.

Вскоре после начала войны Роберт Адольфович получил повестку, но на фронт его не взяли, сказали, чтобы шел в институт и учился, что при необходимости его вызовут. Начались будни военного времени: получение карточек, стояние в очередях, заготовка на зиму не дров (они для большинства тамбовчан стали недоступными), а хвороста и сосновых шишек. Взметнувшиеся на рынке цены заставили искать какой-нибудь приработок.

Далее в романе много страниц, конечно, отведено годам депортации. Поскольку его дальнейшая судьба связана с Красноярским краем, то он пытается описать, как попали немцы в таежный и – далее рыбный – край: «В целях моего повествования необходимо проследить судьбу немцев, волею судеб попавших в Красноярский край. Многих из них в 1942 году с июня по сентябрь вывезли под конвоем на Енисейский Север. Везли в трюмах и на палубах лихтеров и барж, в страшной тесноте и антисанитарных условиях. Везли женщин, детей и стариков. Мужчины находились в трудармии.

---

¹⁰⁴⁷ Там же, С. 119.

¹⁰⁴⁸ Там же, С. 120.

¹⁰⁴⁹ Там же, С. 126.

¹⁰⁵⁰ Там же, С. 138.

Высаживали на пустынные, часто безлюдные берега Енисея, на острова. Здесь выселенным пришлось начинать буквально с нуля, на чистом месте, голыми руками. Жили в землянках и лачугах, сараях и палатках, на чердаках и складах, без теплой одежды и обуви, на голодном рационе, без света, тепла, медицинского обслуживания, в полной изоляции от родственников, от мира, без радио, газет и книг. Все, от мала и до велика, находились под надзором комендатуры НКВД. Многие не знали русского языка, а на родном им запрещали общаться. Немки, в большинстве своем привыкшие к земледельческому труду, теперь, чтобы выжить, были вынуждены строить землянки, заготавливать дрова, ловить и обрабатывать рыбу»¹⁰⁵¹.

Автор воспоминаний прошел, к тому же, тюрьмы НКВД «как преступник и враг»¹⁰⁵² с полной неизвестностью «За что?», с многочисленными допросами. Затем – жизнь и работа в Усольлаге, Туруханская ссылка, спецпоселение и, наконец, реабилитация. «В сутолоке повседневных забот теряло остроту, но никогда не забывалось наше прошлое: мрак лагерных ночей, лай сторожевых собак, окрики часовых, стекленеющий от мороза воздух и, казалось, лишённые плоти люди, жадно вылизывающие давно опустошенные миски»¹⁰⁵³.

Два автора, две судьбы, два преподавателя Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, два российских немца, внесших посильный вклад в историческую память своего народа. Наша задача сегодня – сохранить для потомков и исследователей произведения писателей – российских немцев, для этого надо создать корпус произведений писателей, пишущих о немцах, сделать переводы на русский / немецкий языки, продолжить научные исследования данных произведений.

---

¹⁰⁵¹ Там же. С. 144.

¹⁰⁵² Там же. С. 158.

¹⁰⁵³ Там же. С. 443.

«Маленькая поэма» в поэзии российских немцев: масштабность исторических проблем (война, депортация)

До Великой Отечественной войны потребность в отображении исторической, в том числе российско-немецкой тематики активно удовлетворяла проза, в том числе крупного объема (Закс А. *Im Wirbelsturm* – В вихре времени и др.).

Изменение условий жизни российско-немецкого народа приостановило рождение романов и повестей.

Однако новый пережитый исторический опыт, столь горький для российских немцев (депортация, трудовая армия, спецпоселение, комендатура), начал настойчиво искать путь к выражению через эпические произведения – и не только в прозе, но и в поэзии. Возрождается активность эпических и лиро-эпических стихотворных жанров.

По убеждению Ю. Тынянова, «соотнесенность литературы с социальным рядом ведет к большой стиховой форме»¹⁰⁵⁴. В то время как в прозе российских немцев, впитывая историческую российско-немецкую тематику, восстанавливаются роман (Клейн В. *Die erkämpfte Scholle* – Завоеванная земля), повесть (Вормсбехер Г. *Deinen Namen gibt der Sieg dir wieder* – Имя тебе вернет победа), рассказ (Больгер Ф. *Ein Stückchen Brot* – Кусочек хлеба), в поэзии формируется поэма.

1940 годы, тяжелые для всего советского народа, для российских немцев оказались особенно трагическими. На их долю выпали не только физические, но и моральные мучения, связанные с нападением на советскую родину врага-соплеменника и депортацией. Представители советского немецкого этноса согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. подверглись массовой депортации, большинство трудоспособных немцев, особенно мужчин, оказались в трудовой армии.

Депортация и война, безусловно, нашли отражение в российско-немецких произведениях различных жанров – в романе Г. Бельгера «Дом скитальца», цикле поэм Н. Ваккер „*Kleine Poeme*“ (Маленькие поэмы), поэме Г. Арнгольда „*Wir sind nicht Staub im Wind*“ (Мы не пыль на ветру), балладе Н. Пфедфер „*Die Ballade vom Besen*“ (Баллада о венике) и мн. др.

Как видно уже из перечня произведений, к историческим темам депортации и войны тяготеют эпические и лиро-эпические жанры, немаловажное место среди которых занимает поэма (всего в российско-немецкой литературе исследуемого периода обнаружено 79 поэм). «Со времени романтизма

---

¹⁰⁵⁴ Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 276.

специфически «поэмное» событие – само столкновение лирического и эпического начал как судьбы и позиции личности с внеличными (историческими, социальными или космическими) силами («Медный всадник» А.С. Пушкина). В поэме XX в. эпическое требование «зримой» событийности согласуется с открыто выраженным лирическим пафосом; автор – участник или вдохновенный комментатор события (В.В. Маяковский, А.Т. Твардовский); «горизонты авторского «я» расширяются, интимнейшие человеческие переживания соотносятся с историческими событиями и как бы изнутри проникаются ими»¹⁰⁵⁵.

Рассмотрим цикл из 5 поэм Нелли Ваккер „Kleine Poeme“.

Н. Ваккер родилась в 1919 г. в Крыму. В 1939 г. в г. Энгельсе окончила педагогической техникум, получив диплом учителя немецкого языка и литературы. В 1941 г. была депортирована в Казахстан¹⁰⁵⁶.

Цикл „Kleine Poeme“¹⁰⁵⁷ написан на немецком языке¹⁰⁵⁸. Цикл состоит из 5 стихотворных произведений – „Ich bitte ums Wort!“ (Я прошу слова!), „Gedichte aus der Kriegszeit (1941–1945)“ (Стихи военного времени (1941–1945)), „Der Planet Tanja“ (Планета Таня), „Zum ersten Mal im Krankenhaus. 1982“ (В первый раз в больнице. 1982) и „Meine Trauerlieder (1991–1993)“ (Мои печальные песни (1991–1993)). Дату, стоящую в конце текста, имеет только первая поэма („1988 г., Pawlodar, Kasachstan“). В названиях 2, 4 и 5 поэм, как видим, имеется указание на время, однако это не даты написания произведений, а годы, в которые произошли изображаемые в поэмах автобиографические события – депортация, работа в Казахстане в военное время и др. Подчеркнутый автобиографизм – одна из доминант российско-немецкой поэмы о судьбе этноса, важная черта ее художественного мира.

Во всех 5 поэмах цикла „Kleine Poeme“ от первого лица выступает одна и та же героиня: события, предметы, явления поданы через ее чувства и ощущения. За героиней несомненно стоит автор: это доказывают многочисленные автобиографические элементы. Н. Ваккер перечисляет имена родственников (брат Эрих, сестры Берта и Эльза, старшая сестра матери Фрида), знакомых («крымчанин Дубровский», «директор Винс», «кулаки Валяевы»), незнакомых людей (актриса Луиза Миллер, которая когда-то играла на сцене, где потом шел открытый суд над отцом героини и другими «врагами народа»), отмечает, что семья героини состояла из 8 человек (отец, мать, братья, сестры), среди

¹⁰⁵⁵ Пульхритудова Е.М. Поэма // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – Т. 5. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – С. 934.

¹⁰⁵⁶ Бельгер Г.К. Российские немецкие писатели. Биобиблиографический справочник. – Алматы: Жибек Жолы, 1996. – С. 26.

¹⁰⁵⁷ Тексты поэм цитируются по изданию: Wacker N. Es eilen die Tage... Gedichte. Stuttgart, 1998. S. 32–59 [Ваккер Н. Дни спешат... Стихи. Штутгарт, 1998. С. 32–59].

¹⁰⁵⁸ Перевод, близкий к оригиналу, сделан автором статьи. Существует перевод на русский язык поэмы „Ich bitte ums Wort!“, выполненный Р. Лейноненом. Поэт перевел один из вариантов поэмы (см.: Лейнонен Р. Мой путь в ничто по шпалам Отечества. Книга 4. С. 78–84).

которых были братья-близнецы. Указаны место жительства в детстве (Крым), этапы, длительность и условия депортации (Баку – Красноводск – Казахстан, 4 недели; сначала депортированных везли на судне через штормовой Каспий, потом в вагонах для скота, затем на санях), место возможной смерти отца (Оренбург), место, откуда пришло письмо от отцовского товарища по несчастью (Средняя Азия), места захоронения родственников (отец – где-то в Оренбурге, мать – где-то в казахском ауле под Майском, Фрида – в Туле, Берта – в Кокшетау, Эльза – в Тюлькубасе, Эрих – в Талды-Коргане), сетует на незнание точного места могил родителей. Эти и другие факты совпадают с фактами жизни Н. Ваккер¹⁰⁵⁹.

Художественность „Kleine Poeme“ зависит не только от их поэтической формы.

Наблюдается продуманность общей композиции (цикла) и частной композиции (отдельных поэм). Последовательность 5 поэм задана автором. Цикл дискретно прослеживает жизнь героини с детства до старости: в первой поэме ребенком героиня теряет отца (описывается арест отца, суд над ним и разлука с сосланным в трудармию отцом: он пропал без вести, в последний раз его видели полумертвым), в пятой – уже пожилым человеком героиня теряет мужа (описывается смерть тяжело больного мужа и горечь утраты). Между отдельными поэмами имеются явные мотивные скрепы: к примеру, «падающий звездочками снег», возникающий в конце 4 поэмы, повторяется и в начале 5. В общем построении цикла „Kleine Poeme“ обнаруживается определенная симметрия: первые две поэмы написаны Н. Ваккер о себе, третья – центральная – о жизни другого человека (ленинградской девочки-блокадницы Тани Савичевой, которая в период блокады вела трагический дневник, где зафиксировала смерть своих родственников и поставила итоговую фразу «Умерли все»), последние две – вновь о себе. Изолированные от цикла, поэмы самодостаточны, несмотря на то, что теряют переключку между собой, общий лирический сюжет, циклические обертоны. Каждая поэма представляет собой гармонично организованный художественный мир.

Книга Н. Ваккер „Es eilen die Tage...“ (Дни спешат...), в которую входит цикл „Kleine Poeme“, состоит из 9 рубрик, 8 из которых, исключая „Gedichte verschiedener Jahre“ (Стихи разных лет), по нашим наблюдениям, являются циклами: это, к примеру, „Gedankensplitter“ (Осколки мыслей), „Legenden des blauen Berges“ (Легенды голубой горы), „Die Jahreszeiten“ (Времена года) и другие, в том числе „Kleine Poeme“.

Поэмы обозначены автором как «маленькие» („kleine“): наименование «маленькая (малая) поэма» употребляется автором в общем заглавии цикла и

¹⁰⁵⁹ Н. Ваккер лично подтверждает автобиографичность перечисленных в поэмах фактов в телефонном разговоре от 4 июня 2004 г. и в личном письме от 28 июня 2004 г.: Письмо Н. Ваккер Е. Зейферт от 28 июня 2004 г. по поводу истории создания и бытования в печати произведения „Kleine Poeme“. Кельн – Караганда // Личный архив Е. Зейферт.

во вступлении к 3 поэме („<...> Darüber schrieb ich einst das kleine Poem“ («<...> Об этом написала я когда-то маленькую поэму»). Объем «маленьких поэм» составляет соответственно 190, 240, 132, 64 и 173 строки. Средний объем «маленьких поэм» Н. Ваккер равен 159,8 строки. Сравним с величиной классических русских и немецких поэм: к примеру, «Медный всадник» А. Пушкина включает в себя 481 стих, «Мцыри» М. Лермонтова – 751 строку, «Герман и Доротея» И.В. Гете – 2043 стиха, «Германия. Зимняя сказка» Г. Гейне – 1904 строки. Как видим, классический объем поэмы значительно превышает величину «маленьких поэм» Н. Ваккер, при том, что российские немцы во многом ориентируются на классику.

Факт существования небольших поэм, тем более в новейшее время, очевиден (к примеру, объем произведений «Вечное мясо. Поэма» и «Зодчие речи. Медная поэма» А. Вознесенского равен соответственно 276 и 162 строкам, «Коррида. Поэма» Е. Евтушенко – 224 строкам, «Поездка в деревню» С. Шюлер-Шуберт – 188). Исследователи разрабатывают поэтику «маленькой поэмы» XX века¹⁰⁶⁰. Однако столь же очевидно, что бытуют современные поэмы и большого объема: так, отдельные поэмы Е. Евтушенко – «Казанский университет», «Братская ГЭС», «Под кожей статуи свободы» – по объему превышают 1000 строк.

Безусловно, не только величина поэм Н. Ваккер вызвала в сознании автора дефиницию „Kleine Poeme“. Здесь может иметь место и напоминание о том, что данные поэмы отражают лишь ничтожно малую часть страданий, выпавших в военное и послевоенное время на долю советского и, в частности, российско-немецкого народа¹⁰⁶¹ (к тому же любое произведение кажется малым для выражения боли), и эстетический акт принижения собственной значимости (небольшой личный вклад в литературу), и влияние литературной традиции (вспомним, к примеру, цикл А. Пушкина «Маленькие трагедии»). Пушкин в своих «маленьких трагедиях» «идет вглубь», «погружается в «микромир», во внутреннюю жизнь человека», «сосредоточивает внимание на психическом движении страстей» (цитаты взяты из наблюдений Д. Благого над поэтикой «маленьких трагедий» Пушкина¹⁰⁶²).

В центре внимания Н. Ваккер – внутренние переживания героини (“я”), связанные с арестом отца (1 поэма), депортацией (2), войной (3), собственной болезнью (4), смертью мужа (5). Как уже было отмечено в связи с общей композицией цикла, в 1, 2, 4 и 5 поэмах центральным персонажем является

---

¹⁰⁶⁰ См., к примеру: Зайцев В.А. В поисках жанра: о «маленьких поэмах» А. Галича // Галич. Проблемы поэтики и текстологии / Сост. А.Е. Крылов; ГКЦМ В.С. Высоцкого. М., 2001. С. 32–56.

¹⁰⁶¹ Упомянутая поэма Г. Арнгольда „Wir sind nicht Staub in Wind“ («Мы не пыль на ветру»), не обозначенная в названии как «маленькая», также изображает депортацию и имеет объем всего 247 строк.

¹⁰⁶² Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М.: Сов. писатель, 1967. С. 571–579.

сама героиня, в 3 поэме – 11-летняя ленинградская школьница Таня Савичева. Однако и в 3 поэме наблюдаются глубокие личные переживания героини, от первого лица повествующей о жизни Тани Савичевой в блокадном Ленинграде. Горе девочки воспринимается героиней как собственное горе: „Mir wird kalt, wenn ich die Botschaft lese. / Wieder einmal tut das Herz mir weh. / Ganz vergebens stehe ich am Ofen – / Vor den Augen flimmern Eis und Schnee“ («Мне становится холодно, когда я читаю это известие. / Опять болит сердце. / Напрасно стою я у печи – / Перед глазами блещат лед и снег»). Героиня мысленно переносится из 1997 года в то далекое время („Eis und Schnee. / Nawa-Eis, worin man damals Löcher hackte...“ («Лед и снег. / Лед Невы, в котором в то время делали проруби...»)), по отношению к Тане используются слова, указывающие на психологическое «присвоение» объекта изображения, в том числе через местоимение «моя» („meine kleine Schülerin“ («моя маленькая школьница»), „die arme Kleine“ («бедная малышка»), „armes Kind“ («бедный ребенок»), героиня восхищается Таниным мужеством („Wo nur fand das kleine Mädchen Tanja / Mut zum Weiterleben?“ «Где нашла маленькая девочка Таня / Силы для дальнейшей жизни?»), „keine Träne in den Augen, keine Klage“ «ни слезинки в глазах, ни жалобы», „kleine Bürgerin“ «маленькая гражданка»), выражает к ней сочувствие и нежность.

Личностное отношение героини к изображаемому, наблюдающееся в каждой из 5 «маленьких поэм», наталкивает на мысль о том, что относительно небольшой объем данных поэм есть непрменная лирическая характеристика. Темы войны и депортации требуют изображения событий, исторических фактов и реалий, возможно – бытописания. Жанр поэмы удовлетворяет этим условиям. Однако только жанровая разновидность «маленькой поэмы», с одной стороны, сюжетна, бытописательна и фактографична, а с другой – представляет собой некий концентрированный сгусток страдания, лирический краткий «крик». Автор стремится совместить возможности лирики и эпоса.

В цикле поэм Н. Ваккер – антиномия личного и исторического: героиня – российская немка из-за войны и депортации теряет отца, мать, сестер, братьев, малую родину, покой, здоровье и – уже в мирное время – изнуренного трудармией мужа. Героиня – участница и одновременно вдохновенный «комментатор» происходящего. Лирическая атмосфера чувств сопрягается с эпическими событиями и бытописанием. 1, 2, 3 поэмы являются лиро-эпическими, 4 и 5 – лирическими, с немногочисленными эпическими элементами в ретроспекциях в прошлое героини.

На возможный частично лирический характер тематической композиции «Маленьких поэм» указывают уже авторские дефиниции в названиях: „Gedichte...“ «Стихотворения...» (2 поэма), „...Trauerlieder“ «...печальные песни» (5 поэма).

Композиционные принципы первой („Ich bitte ums Wort!“) и второй („Gedichte aus der Kriegszeit“) поэм Н. Ваккер близки поэтике романтической

поэмы, практикующей чередование «вершин» (эпических событий) и «отрывков» (лирических описаний)¹⁰⁶³. Эпические ситуации (1 поэма: обыск и арест отца, выселение из деревни немцев, открытый суд; 2 поэма: депортация, снежная буря, заставшая героиню в поле, получение письма от мужа) чередуются с лирическими пассажами: мысленным диалогом с отцом, требующим с того света правды; негодующим монологом героини в лицо тем, кто виновен в трагической судьбе советских немцев; сном, в котором героиня видит «домашний хор и оркестр» – мертвые отец, мать, братья и сестры поют и играют на музыкальных инструментах, а сама героиня и оставшийся в живых младший брат слушают их (1 поэма); пассажами о войне, любви, победе (2 поэма). В обеих поэмах прослеживается несколько сюжетных планов, поданных от лица героини, но соотнесенных с разными пространственными координатами: в 1 поэме одновременно рассматривается жизнь героини и ее отца, во 2 поэме – жизнь героини и ее мужа. Описание судьбы героини опирается на реальные факты, судьбы ее отца и мужа – на факты, воображаемые героиней по скудным известиям о близких людях. Любовная коллизия пунктиром проходит по всей поэме „Gedichte aus der Kriegszeit“: с помощью лирических пассажей создается второй эпический план – любовный роман. Слово „Gedichte“ в названии 2 поэмы указывает и на разрозненность неких «стихотворений» внутри целого: общим стержнем для «стихотворений» является любовный сюжет. Его движение продолжается в 4 и 5 поэмах: воображаемое лирическое «ты» поддерживает героиню во время ее болезни; если во 2 поэме любимый человек выживает и возвращается к героине, то в 5 поэме героиня теряет его и бесконечно страдает.

3 поэма в композиционном плане представляет собой мозаику реальных и воображаемых сцен из жизни Тани Савичевой в блокадном Ленинграде: Таня пишет дневник; Таня идет с кружкой за водой; Таня вспоминает свою мирную детскую жизнь; возникает лирический образ учительницы Тани Линды Августовны; девочка дома, соседский мальчик приносит ей поленья; встреча одноклассников в школе; мать Таниной подруги Орлинской зовет ее жить к ним; Таня находит свою тетю; тетя отправляет девочку в детский дом в Горький; вместо умершей Тани осталась планета, названная в честь маленькой стойкой ленинградки. Планы изображения колеблются от крупного („Dünne Beine, Dünne Arme, Dünne Finger“ – «Худые ноги, худые руки, худые пальцы») до дальнего („Grauer Himmel kalte Sternchen siebt“ – «Серое небо просеивает холодные звездочки»). «Покадровый», зрительный принцип изображения обнажен уже в начале – в 24 строке этой поэмы: „Vor den Augen flimmern Eis und Schnee. / Nawa-Eis...“ – «Перед глазами блещут лед и снег. / Лед Невы...». Героиня становится рассказчиком и как бы свидетелем

---

¹⁰⁶³ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. С. 43–114.

событий, случившихся с девочкой в блокадном Ленинграде, она следует за Таней и ее мыслями. Лирикоэпические кадры, включающие в себя и элементы диалога с прямой речью и словами автора (Таня и одноклассники, Таня и мать Орлинской), последовательно воспроизводят линию жизни Тани Савичевой в военном Ленинграде. Пиком лиризации становится момент, когда автор пытается заглянуть в воображение девочки, возможно, видящей в стволах деревьев в парке будущие гробы. Как и в поэмах о себе, в поэме о ленинградской девочке Н. Ваккер приводит массу точных фактов, имен и фамилий из жизни главной героини, указывая даже ее место жительства – «2 линия Васильевского острова». Дневниковость поэм Н. Ваккер дает ей возможность процитировать короткий дневник Тани (слегка изменив лексику и опустив точное время смерти родственников девочки), не завычивая ее слова. Не маркированные кавычками, начало („Schenja...“ – «Женя...») и конец („...Alle Sawitschews sind tot...“ – «...Все Савичевы умерли...») дневниковых записей ленинградской девочки сливаются с основной тканью поэмы („Um wie viel Uhr. Schenja... Oma... <...> Alle Sawitschews sind tot... / Alle haben sie den Hungertod erlitten. / Unerbittlich ging hier um der Tod“ – «Во сколько. Женя... Бабушка... <...> Все Савичевы умерли. / Все умерли от голода. / Безжалостно смерть ходила вокруг»).

В 1, 2 и 3 поэмах нередко элементы бытописания, к примеру, в ситуациях обыска, семейного ужина, работы на гумне, занятий в школе, возвращения Тани Савичевой с водой в кружке домой и др. Но в эпическую ткань и в подобных ситуациях вливается лирическая струя: возникают образные, парадоксальные контексты („Dann gingen sie und – nahmen Vater mit... Zurück – / blieb Leere“ – «Потом они ушли и – забрали с собой отца... Осталась – пустота»), аналогии (депортированные немцы – «срубленные деревья», «опавшие листья»), упоминаются и даже цитируются немецкие песни (песня о лужайке, песня о липе, рождественская песня „Stille Nacht, heilige Nacht...“). Отдельные эпические ситуации в поэмах отражаются в лирических: например, рождественский семейный ужин («праздник прощания героини с детством») перекликается с лирическим сновидением героини, в котором возникает образ хора и оркестра призраков ее родных.

4 и 5 поэмы – лирические, они являются сгустками трагических ощущений героини, тяжело заболевшей (4) и потерявшей горячо любимого мужа (5). 4 поэма состоит всего из 64 строк: практически, это возможный средний объем лирического стихотворения. В 4 и 5 поэмах отсутствуют имена, фамилии, топонимы, а также динамические события, кроме тех, что послужили импульсом для развертывания страданий – болезни героини и смерти ее мужа.

Еще одной чертой художественности «Маленьких поэм» является нередкое в них обобщение. При обилии мелких фактов, попадающих в авторский объектив (см., к примеру, указание на то, что близнецы учились в четвертом

классе во время скитаний семьи после ареста отца¹⁰⁶⁴), при самой внимательной фиксации имен и фамилий реальных людей в поэмах, Н. Ваккер ни разу не упоминает имен матери, мужа и сына героини. Имя отца встречается однажды, но не внутри текста, а в рамочном элементе – в посвящении, предпосланном к первой поэме („Meinem Vater Reinhold Bäurle gewidmet“ – «Моему отцу Рейнгольду Бойрле посвящается»). Если родителей обычно не зовут по именам, то к мужу и ребенку обращаются по имени. Однако муж героини всегда предстает как безымянное «ты», а сын зачастую обозначен просто как „das Kind“ – «ребенок». Автор не просто боится растерять что-то личное, драгоценное, он создает обобщенно-символическую картину, на своем примере описывая жизнь сначала советской немецкой девочки, потом женщины во время войны. Этот прием обнажен и иногда даже маркирован прописными буквами¹⁰⁶⁵: „Ich sage: MEINE Kindheit? Unsre! UNSRE!“ – «Я говорю: МОЕ детство? Наше! НАШЕ!», „Wer hätte geglaubt, dass die Frau so viel kann“ – «Кто мог подумать, что женщина так много может».

Изображение пейзажа в поэмах художественно и даже относительно условно. Природные элементы углубляют гамму внутренних переживаний героини. Состояние, вызванное разлукой с мужем-трудармейцем, изнурительной, «до тошноты» работой на гумне, порождает серую действительность, „eine Welt ohne Sonne“ – «мир без солнца»: „grau in grau ist der Himmel“ – «серое-серое небо», „grau in grau ist der Tag“ – «серый-серый день», „immer dichter der Nebel“ – «все гуще туман», „schwer wie Rauch ist die Luft“ – «тяжелый как дым воздух», „keine Blume im Garten“ – «ни цветка в саду», „kein Vogel mehr ruft“ – «птицы больше не поют». Субъективное восприятие природы подтверждается при повторе мотивов: автор вводит местоимение «мой» и объясняет причину восприятия мира в сером тоне – разлука с мужем, отсутствие известий о нем:

Grau in grau ist mein Himmel.
Grau in grau ist mein Tag.
Tot sind Freude und Hoffnung,
seit ich dich nicht mehr hab.
[Серое-серое мое небо.
Серый-серый мой день.

¹⁰⁶⁴ Появление в тексте поэмы таких элементов вполне оправдано: любящее сердце бережно хранит и самые малые воспоминания. Любой, самый незначительный элемент в поэме обретает порой неоднозначную художественную семантику: например, упоминание об актрисе Л. Миллер, которая еще недавно ходила по сцене, где сегодня идет открытый суд, указывает не только на жестокие перемены к худшему, но и на инсценированный характер «открытого» суда.

¹⁰⁶⁵ Прописными буквами в тексте поэмы автор маркирует не только обобщенные места, но и события и факты, вызывающие особую боль: „OFFENES Gericht“ – «ОТКРЫТЫЙ суд», „es spricht MEINE Sprache der mächtige Feind“ – «сильный враг говорит на МОЕМ языке», „die ewige Ferne des Abschieds für IMMER“ – «вечные дали прощания НАВСЕГДА» и др.

Мертвы радость и надежда
с тех пор, как у меня больше нет тебя].

Контрастом «серому дню» становится «светлая ночь», изображение которой сопутствует получению героиней письма от мужа:

Die zärtliche Nacht umhüllt sorglich die Häuser.
Geräuschlos umschmeichelt die Bäume der Wind.
Schlau zwinkert des Monds appetitliche Fratze
aus Wolken mir zu wie ein schelmisches Kind.
Die Sterne am Himmelszelt glänzen und flimmern
wie kostbare Perlen, mit lässiger Hand
verstreut auf des schlafenden Meeres Fläche,
von Wellen getragen wie billiger Tand.

<...>

Die Sterne erstrahlen
noch heller. Und höher steigt langsam der Mond.
Ich denke an dich.

[Нежная ночь заботливо окутывает дома.

Ветер бесшумно качает деревья.

Лукаво подмигивает из облаков

манящая луна-шалун, как проказник-ребенок.

Звезды на куполе неба мерцают, светятся,

как рассыпанные небрежной рукой

на спящие морские просторы драгоценные жемчужины,
которые волны качают, как дешевые безделушки.

<...>

Звезды светят

еще сильнее. И медленно луна поднимается выше.

Я думаю о тебе.

Природа изображается и жестокой (ситуация снежной бури), и милосердной, жизнерадостной (ликование природы на день Победы): пейзаж сопровождает человека, становясь свидетелем и соучастником его событий и эмоций. С целью усиления внутренних переживаний автор отождествляет с природой психофизические явления („Die Seele düsterte wie eine Wüste, / voll unfruchtbarem Hungersand...“ – «Душа темнеет, как пустыня, / полная бесплодного голодного песка...»), олицетворяет („schlau zwinkert des Monds appetitliche Flatze“ – «хитро подмигивает манящая луна-шалун») или овеществляет („Wasser stieg wie eine steile Wand“ – «Вода поднималась, как отвесная стена») явления природы. Порой Н. Ваккер создает несколько необычные пейзажные образы, быть может, привлекая внимание читателя к

переживаниям героини: например, об иве, низко склонившейся к окну палаты, в которой лежит тяжело больная героиня, поэт пишет: „der Wind kämmt ihr grünes Gefieder“ – «ветер расчесывает ее зеленые перья».

Странными, необычными ситуациями и образами Н. Ваккер вовлекает читателя в силовое поле страданий героини: в «Маленьких поэмах» звучит мистический голос отца с того света; изображается хор и оркестр, состоящий из призраков умерших родных; героиня беседует со своим сердцем. Нередко реальный и метафорический планы скрещиваются: обращение героини в форме второго лица к своей звезде (2 поэма) или своему сердцу (4 поэма) внезапно переходит в обращение также на «ты» к мужу.

С помощью тропов Н. Ваккер вводит новые темы или обновляет уже звучащие. Так, оксюморон и гипербола знаменуют начало темы войны („Krieg... Grelle Blitze aus blauendem Himmel. / Aus tausenden Kehlen – der Schrei vereint“ – «Война... Яркие молнии с голубого неба. / Из тысяч глоток – единый крик»), оксюморон прорезает картины из жизни Тани Савичевой („Ganz vergebens stehe ich am Ofen – / Vor den Augen flimmern Eis und Schnee“ – «Напрасно стою я у печи – / Перед глазами блестят лед и снег»), олицетворение углубляет трагедию депортации („Die “Bäume” wurden abgehackt und fortgefahren... / Wir Kinder stoben wie die Späne auseinander“ – «Деревья срубили и вывезли... / Мы, дети, как щепки, разлетелись далеко друг от друга...»; „So wurden wir verstreut – wie lose Blätter“ – «Так мы осыпались – как опавшие листья»), сравнение еще более омрачает ситуацию написания девочкой страшного дневника („Kurze Sätze. Wie auf frischen Gräbern“ – «Короткие фразы. Как на свежих могилах»), аллегория обостряет ностальгию по мирному времени (der Krieg „reißt unser Kleeblatt aus friedlichem Boden“ война «вырывает наш лист клевера¹⁰⁶⁶ из мирной почвы»), символом звезды как счастливой фортуны, света Н. Ваккер сопровождает 2 и 5 поэмы.

Отдельные темы и мысли маркируются анафорами („Krieg...“, „Krieg...“, „Krieg...“ – «Война...», «Война...», «Война...»), эпифорами („...trotz alledem“, „...trotz alledem“ – «...несмотря ни на что ...несмотря ни на что»), синтаксическим параллелизмом:

Liebe ohne Hoffnung ist ein Frühling ohne Sonne,
ein Himmel ohne Blau...

<...>

Liebe ohne Hoffnung ist ein Feuer ohne Speise,
eine Flamme ohne Glut...

Любовь без надежды – весна без солнца,
небо без лазури...

<...>

---

¹⁰⁶⁶ Четырехлистный клевер, как, к примеру, пятилепестковая сирень, является аллегорией счастья (по примете, исполняет желание того, кто его съест).

Любовь без надежды – огонь без пищи,
пламя без жара...

В начало стихов вынесены вехи депортации: „Baku – Krasnowodsk...“ – «Баку – Красноводск...», „Ein Russendorf in Kasachstan...“ – «Русская деревня в Казахстане...». Но нередко стилистические фигуры маркируют именно светлые ноты в «Маленьких поэмах»: см., к примеру, использование стыка „Es lebe die Hoffnung!“ – **«Да здравствует надежда!»** в контексте мотивов отсутствия вестей от мужа героини, тяжело травмированного на лесоповале.

Несмотря на трагизм описываемых событий, Н. Ваккер стремится фиксировать внимание на всем добром и светлом, что происходит вокруг: благодарит тех, кто помог ей или ее родственникам – фрау W., директора Винса, кулаков Валяевых, казашку, спасшую героиню во время бури, и др., находит место для юмора (к примеру, проказник-ученик, пишущий гусиными перьями и сажей, сравнивает себя и своих товарищей с Пушкиным, тоже в свое время писавшим пером). Автор не описывает смерти Тани Савичевой, а лишь отмечает, что вместо девочки теперь живет одноименная планета. Финал последней поэмы и всего цикла относительно оптимистичен. Это заметно по композиционному кольцу 5 поэмы: строки повторяются, но суровые мотивы сменяются на смягченные («ледяная ночь» / «морозная, спокойная ночь»).

Разнородный графический материал поэм (неравновеликие астрофические сегменты со строками разной длины) иногда прослаивается подобиями строф: так, во 2 поэме наблюдаются повторения стиховых сегментов по 12 (подряд дважды) и 8 (подряд трижды) строк с одинаковой схемой рифмовки. На протяжении всего цикла автор, прозаизируя стих, то теряет, то вновь обретает рифму. Разноиктный тактовик с вкраплениями дольника и даже силлабо-тонического стиха, к примеру, 3-стопного амфибрахия, составляет полиметрическую палитру «Маленьких поэм», также призванную своеобразно соединить эпическое и лирическое начала, сочетая относительно свободный и строгий стих.

Таким образом, номинация Н. Ваккер „Kleine Poeme“, по всей вероятности, связана не только с формальным объемом, но и с глобальностью явлений, ставших предметами изображения (война, депортация), авторской самооценкой дарования, литературной традицией, ориентирующей на передачу «внутренних событий» («маленькие трагедии»), родовой спецификой поэм (лиро-эпос). В «маленьких поэмах» сопряжены лирическое и эпическое начала: хрупкая и одновременно стойкая героиня сталкивается с тяжелыми историческими событиями – войной и депортацией. Н. Ваккер, безусловно, волнует не только собственная судьба.

«Маленькая поэма», с одной стороны, обретает возможность эпической передачи исторических событий, с другой – не теряет лирической способности выражения чувства.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX В.

Е.В. Лебедева (Санкт-Петербург)

От имперского патриотизма к гражданской идентичности. Немцы России и проблема формирования общероссийского самосознания в XVIII – начале XX в.

Проблема формирования общероссийского самосознания у многонационального населения Российской империи является предметом оживленной дискуссии в научной литературе. Она естественным образом увязывается с проблемой формирования российской нации, относительно которой у отечественных и зарубежных исследователей не существует единой позиции. Полемика связана, частности, с различием теоретических подходов к феномену национальной идентичности и, соответственно, с различием критериев, на основании которых выносятся суждение о ее наличии либо отсутствии.

Так, один из ведущих российских социальных историков Б.Н. Миронов считает, что Российская империя никогда не была нацией-государством, подчеркивая, что «этнос, конечно, взаимодействовали, в большей степени на уровне элит, чем на уровне народов, но не жили единой жизнью, общими мыслями и настроениями, не существовали как единое общество»¹⁰⁶⁷. Его оппонент известный этнолог В.А. Тишков, придерживающийся конструктивистской позиции, полагает, что при обсуждении данного вопроса следует рассматривать не столько «реальную» социологическую и культурную унификацию российского общества, сколько степень распространенности российской идентичности среди элитных слоев¹⁰⁶⁸.

Нет единого мнения и по поводу характера общероссийской идентичности. Если В.А. Тишков отождествляет понятия национальной, государственной и гражданской идентичности, то активно разрабатывающая данную проблематику Л.М. Дробизица, являющаяся одним из основателей отечественной этносоциологии, проводит между государственной и гражданской идентичностью четкое различие и соотносит их с различными стадиями в

---

¹⁰⁶⁷ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. XXVIII.

¹⁰⁶⁸ См.: Тишков В. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. Май–июнь 2007. С. 34.

историческом развитии общества. Она полагает, что государственная (национальная) идентичность формируется в период складывания национальных государств политической волей лидера и элитой посредством имеющихся в распоряжении власти социальных институтов в достаточно короткие сроки. Гражданская же идентичность формируется в ходе складывания гражданского общества по мере переориентации его членов с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих¹⁰⁶⁹.

Говоря о формах коллективного самосознания применительно к дореволюционному периоду, необходимо отметить, что приоритетной в иерархии идентичностей человека, жившего в условиях традиционного общества, являлась сословная идентичность, т.к. прежде всего принадлежность к соответствующему сословию определяла спектр его жизненных возможностей, задавала рамки профессиональной деятельности и повседневной жизни, формировала картину мира, оказывала влияние на менталитет и культурные потребности, а также на характер связей между индивидом и государством.

В настоящей статье делается попытка, не претендуя на полноту раскрытия темы, рассмотреть некоторые особенности формирования общероссийского сознания у трех основных групп немецкого населения России – дворянской элиты, средних городских слоев и немецких колонистов – обратив особое внимание на взаимосвязь форм этого сознания с культурой и менталитетом соответствующей социальной группы, с ее местом в социальной структуре российского общества и реализуемыми ею функциями.

При этом эволюция идеологии, скрепляющей многонациональное население Российской империи, рассматривается в контексте перехода от имперского патриотизма, предполагающего лояльность подданных правящей династии, к российской национальной (государственной либо гражданской) идентичности, предполагающей лояльность государству либо нации-согражданству.

При рассмотрении проблемы учитывается также то обстоятельство, что в исследуемый период у немцев, как и у других народов страны, параллельно развивались два (в определенной степени противоположных друг другу) процесса: формирование надэтнической общероссийской идентичности и становление этнической (национальной) немецкой идентичности, приходившей на смену групповому сознанию отдельных социальных, конфессиональных и региональных групп.

Государственная (гражданская) и этническая (национальная) идентичности понимаются в статье как частные формы социальной идентичности, предполагающей осознание себя индивидом (группой) частью некоего сообщества,

¹⁰⁶⁹ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 13–14.

принятие системы ценностей, предлагаемой этим сообществом, и деятельность, направленную на поддержание его существования.

Дворянская элита. Как и многонациональная элита Российской империи в целом, ее немецкая часть формировалась двумя основными путями: за счет кооптации в российское дворянство элит присоединяемых в ходе реализации имперской политики территорий, а также за счет приглашения на императорскую службу подданных иностранных государств. Недостаток российских национальных кадров, необходимых для проведения в жизнь политики социально-экономической и культурной модернизации, делал государство зависимым от службы представителей других национальностей. Поскольку модернизация шла в форме вестернизации, наиболее значительную по численности в составе российской элиты категорию составили представители европейских государств, взятых за образец для проведения преобразований. Подавляющее большинство из них приходилось на долю уроженцев германских государств, многие из которых были связаны с Россией династическими узами. Второй группой немцев в составе российской элиты стало дворянство вошедших в состав России по итогам Северной войны 1700–1721 гг. прибалтийских территорий, образовавших Остзейские губернии. Как и другие нерусские элиты, остзейские дворяне сохранили при присоединении к империи свой статус и положение, а также господство над местным крестьянством, и продолжали осуществление управленческих функций в своих регионах. Со временем все более значительная их часть привлекается на службу в имперский центр.

Ведущими сферами деятельности представителей обеих названных групп в составе российской элиты являлись административная, военная и дипломатическая служба. На государственной службе находилась и большая часть приглашенных деятелей науки и культуры. На протяжении XVIII–XIX вв., независимо от колебаний внутри и внешнеполитического курса сохранялась закономерность, согласно которой на каждой более высокой ступени гражданской и военной иерархии доля немцев была выше, нежели на предыдущей. В середине XVIII в. (1762 г.) немцы и остзейцы составляли 30% высших офицеров российской армии¹⁰⁷⁰. В середине XIX в. чиновники – немцы составляли лишь 4% всего чиновничества, но на их долю приходилось 12% высших государственных постов, в том числе около 20% постов членов Государственного совета и губернаторов¹⁰⁷¹. И в пореформенный период немцы сохранили свое влияние: в 1867 г. среди всего офицерского корпуса лютеране составляли 7%, а среди генералитета – 27%¹⁰⁷². В начале XX в. доля немцев в составе элиты сократилась, но названная закономерность продол-

---

¹⁰⁷⁰ Kappeler Andreas. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 2001, S. 112.

¹⁰⁷¹ Ebenda, S. 114.

¹⁰⁷² Ebenda, S. 248.

жала действовать: в 1903 г. среди полковников лютеран было 7,2%, среди генералов – 10,3%, а среди высшего генералитета – 14,7%¹⁰⁷³. Констатируя эти факты, нельзя, вместе с тем, не согласиться с мнением немецкого исследователя А. Каппелера, что не немцы управляли российским государством, а оно использовало немцев в своих целях. Государство не могло обойтись без их участия в осуществлении важнейших функций в административном управлении и армии, но и они зависели от государства и эти отношения взаимной зависимости сохранялись на всем протяжении дореволюционного периода¹⁰⁷⁴.

При сохранении высокой численности немцев в рядах российской элиты состав немецкого представительства со временем менялся. Происходили и изменения в характере коллективной идентичности этой социальной группы.

В первое столетие модернизации, а отчасти и за его пределами (в дореформенный период), несмотря на известную ассимиляцию, элита Российской империи оставалась в целом космополитичной и многоязычной. Факторами, лежавшими в основе ее внутренней и внешней интеграции, были не русская культура и язык и не православная религия, а привилегированное происхождение, государственная служба и европейский образ жизни. Главным же, что объединяло иностранцев на русской службе, являлась лояльность императорскому дому, под покровительством которого они состояли, и на благосклонности которого основывались их привилегии, особый статус, карьерные перспективы в России¹⁰⁷⁵.

В последующем в составе элиты постепенно уменьшается доля немцев – подданных других государств в пользу имевших российское подданство представителей остзейского дворянства, а на смену характеризовавшему элиту первого столетия модернизационной политики космополитизму приходит ее представление о своей российской принадлежности. В отличие от уроженцев германских земель, поступавших на русскую службу взрослыми сформировавшимися людьми, значительная часть остзейских немцев проходила социализацию в российских гражданских и военных учебных заведениях, где происходила их интеграция в русскоязычную культурную среду и формировалась соответствующая иерархия идентичностей. В частности, подавляющее большинство морских офицеров-остзейцев являлись воспитанниками Морского кадетского корпуса в Кронштадте. При составлении послужных списков остзейские немцы чаще всего определяли свое происхождение как российское, записывая себя «российскими дворянами». Примечательно, что самоидентификация остзейских немцев как россиян

---

¹⁰⁷³ Ebenda.

¹⁰⁷⁴ Ebenda, S. 115, 263.

¹⁰⁷⁵ Ebenda, S. 135, 118.

уже в первой половине XIX в. в значительной степени совпадала и с их идентификацией извне¹⁰⁷⁶.

Понятие дворянской чести и верности престолу оставалось важнейшим регулятором отношений между олицетворявшей государство правящей династией и поступившим на государственную (императорскую) службу дворянином (независимо от этнической принадлежности) на всем протяжении дореволюционного периода. Вместе с тем, то обстоятельство, что немцы в составе военной и гражданской элиты по роду своей деятельности представляли и защищали интересы страны в целом, способствовало идентификации себя с этой страной, трансформации отношений личной преданности в государственную идентичность. Это отражало общую тенденцию постепенного распространения в среде элиты общероссийской идентичности и лояльности государству, дополнявших собой чувство символического единства вокруг правящей династии¹⁰⁷⁷.

Реализуя такую функцию элиты, как выработка идеологии, ее немецкие представители принимали активное участие в общественном дискурсе по вопросу о сущности и характере общероссийского самосознания, о факторах интеграции населения многонациональной империи, выражая при этом позиции разных общественных сил. Так, уроженец Гессена выдающийся государственный деятель эпохи Николая I министр финансов Е.Ф. Канкрин выступал активным поборником наднационального по своей сути официального имперского патриотизма, основывающегося на лояльности самодержавию, и предлагал отразить интегрирующую роль царствующей династии в названии многонациональной страны, переименовав ее из России в «Романовию» или «Петровию»¹⁰⁷⁸. Носителями зарождающегося в дворянской среде нового самосознания, основанного на лояльности нации, а не династии, являлись немцы – участники движения декабристов. «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного...» – считал руководитель Южного общества П.И. Пестель¹⁰⁷⁹. При этом формирование российской (русской) нации, по мысли Пестеля, предполагало не только административную, но и культурную унификацию всех частей российского государства.

В пореформенный период, по мнению В.А. Тишкова, российская многоэтническая элита в постоянных дебатах и конкурирующих проектах в целом

---

¹⁰⁷⁶ Подробнее см.: Копелев Д. На службе Империи. Немцы и российский флот в первой половине XIX века. СПб., 2010.

¹⁰⁷⁷ Тишков В. Что есть Россия и российский народ. С. 36.

¹⁰⁷⁸ Kappeler Andreas. Russland als Vielvölkerreich, S. 199.

¹⁰⁷⁹ Цит. по: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 226. П.И. Пестель был выходцем из семьи крупного российского сановника саксонского происхождения, сенатора И.Б. Пестеля (1765–1843 гг.).

сконструировала представление о нации как об интегрированной по государству общности¹⁰⁸⁰. Особую роль в становлении российской национальной идентичности ученый отводит немецко-балтийской элите, называя ее одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государственных и этнических элементов в составе основополагающей общности, поддерживавшим понятие российской нации¹⁰⁸¹. Заслуживает упоминания и вклад в развитие российского национального самосознания выдающегося реформатора С.Ю. Витте. Будучи последовательным сторонником идей экономического национализма, разработанных теоретиком «промышленного воспитания нации» немецким экономистом Фридрихом Листом, Витте в предисловии к русскому переводу книги Листа выразил свое понимание национализма: национализм «здоровый, убежденный, сильный» – есть «высшее проявление любви и преданности государству, составляющему отечество данного народа»¹⁰⁸². Теоретическое осмысление проблемы российской национальной идентичности получили отражение в работах П.Б. Струве – экономиста, историка, философа и общественного деятеля, происходившего из немецкой семьи, представлявшей как управленческую, так и научную элиту России (отец П.Б. Струве был пермским губернатором, дед – выдающимся ученым-астрономом). В известной работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. „Российская“ (имперская) и „русская“ (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» он высказывал точку зрения, что «то, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи»¹⁰⁸³. Свое же кредо П.Б. Струве сформулировал следующим образом: «Я западник, а потому – государственный. Я западник, а потому – националист»¹⁰⁸⁴.

Таким образом, российская элита немецкого происхождения (имея в виду прежде всего ту часть немецкой и немецко-балтийской элиты, которая была занята осуществлением управленческих функций в центре либо находилась на военной службе) в силу своего места в российском обществе и роли в системе государственного управления Российской империи являлась последовательным носителем идеологии имперского патриотизма, а в пореформенный период стала активным субъектом формирования общероссийского самосознания в форме государственной идентичности.

Городское население. Городское немецкое население концентрировалось в основном в таких российских городах, как Санкт-Петербург (по данным переписи 1897 г. – более 43 тыс. чел.), Москва (около 17 тыс. чел.),

¹⁰⁸⁰ Тишков В. Что есть Россия и российский народ. С. 32.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 34.

¹⁰⁸² Цит. по: Тишков В. Что есть Россия и российский народ. С. 33.

¹⁰⁸³ Цит. по: Тишков В. Что есть Россия и российский народ. С. 30.

¹⁰⁸⁴ Цит. по: Тишков В. Что есть Россия и российский народ. С. 34.

Одесса (более 10 тыс. чел) и Саратов (более 8 тыс. чел)¹⁰⁸⁵. Как и немецкая элита, городская диаспора реализовала восполняющую функцию в российском обществе в исторический период, когда социальная структура страны-реципиента не позволяла эффективно решать задачи экономической и культурной модернизации. Этим обстоятельством объясняется, в частности, высокая концентрация немцев в профессиях, требующих высокого уровня образования. Так, по городской переписи населения Санкт-Петербурга 1869 г., на долю немцев, составлявших чуть более 7% населения города, приходилось более 20% занятых в сфере искусства и науки (включая учителей музыки и рисования), 20% занятых в образовании и воспитании и более 15% занятых в здравоохранении¹⁰⁸⁶. Помимо интеллигенции, значительную долю немецкого населения составляли предприниматели, купцы, ремесленники – т.е. представители верхних и средних слоев городского населения.

Говоря о месте общероссийской идентичности в иерархии идентичностей немецкого населения крупных российских городов, необходимо учитывать его выраженную социальную и профессиональную неоднородность. Как подчеркивается в монографии исследовательницы М. Буш, посвященной немцам Санкт-Петербурга, было бы сильным упрощением говорить об охватывающей всех немцев коллективной идентичности. Скорее можно вести речь о множестве частных идентичностей, которые конституировались через принадлежность к той или иной группе внутри немецкой городской диаспоры. На процесс группообразования и формирования специфической идентичности соответствующих групп, по мнению М. Буш, оказывали влияние прежде всего такие факторы, как происхождение, время переселения, социальное положение, принадлежность к общественной организации, к определенному поколению¹⁰⁸⁷.

Вместе с тем на протяжении всего существования диаспоры (и особенно во второй половине XIX – начале XX в.) шли процессы ее внутренней и внешней интеграции, сопровождавшиеся, соответственно, формированием немецкого этнического (национального) и общероссийского надэтнического самосознания. В целом, чем выше был социальный и образовательный статус представителей диаспоры, тем быстрее шла их интеграция в принимающее общество различными путями (в т.ч. через смешанные браки), в ходе которой происходили формирование российской надэтнической идентичности, постепенное замещение немецкой этнокультурной идентичности русской и переход в православие, обозначивший смену конфессиональной идентич-

---

¹⁰⁸⁵ См.: Pinkus Benjamin, Fleischhauer Ingeborg. Die Deutschen in der Sowjetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jh. Baden-Baden, 1987, S. 36; Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Essen, 1995, S. 37.

¹⁰⁸⁶ Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg, S. 28, 46.

¹⁰⁸⁷ Ebenda, S. 231–232.

ности¹⁰⁸⁸. Инструментом кооптации представителей городского населения недворянского происхождения в привилегированные слои российского общества являлся институт личного дворянства и почетного гражданства.

Упомянув о данной общей закономерности, нужно, впрочем, подчеркнуть, что в каждом конкретном случае действовал целый комплекс обстоятельств, оказывавших влияние на жизненные планы человека и предопределявших его принадлежность к различным группам внутри диаспоры, одна из которых шла по пути ассимиляции, формируя российскую надэтническую и русскую этническую идентичность, другая – рассматривала свое пребывание в России лишь как один из этапов биографии и сохраняла исходную немецкую (германскую) идентичность, а третья – приобретала российскую идентичность как надэтническую, но при этом стремилась к сохранению немецкой этнокультурной идентичности.

Социальная и культурная интеграция представителей верхних и средних слоев городского немецкого населения и, соответственно, формирование у них сознания принадлежности к российскому государству и обществу, происходили естественным образом, в процессе повседневной жизни и профессиональной деятельности членов диаспоры, предполагавшей, как правило, тесное взаимодействие с окружающим социумом.

Вместе с тем, целенаправленное влияние на характер коллективного самосознания диаспоры оказывали, в частности, такие социальные институты, как церковь, школа и общественные организации. В научной литературе традиционно рассматривается роль данных институтов в сохранении и развитии исходной культурной (этнической, конфессиональной) идентичности. В связи с тематикой данной статьи представляется важным обратить более пристальное внимание на значение их деятельности для становления в среде городских немцев российского патриотизма в различных его формах.

Подавляющее большинство городского немецкого населения принадлежало к лютеранской церкви, отношение к которой российского государства на протяжении большей части дореволюционного периода отличалось терпимостью. Ей было предоставлено право на самоуправление в некоторых областях (благотворительность, содержание учебных заведений), частично выводившее ее из-под государственного контроля. Вторая половина XIX в. была отмечена определенным давлением на лютеранскую церковь со стороны государственных органов и синода, однако императорский дом в целом сохранял по отношению к ней покровительственную позицию. Лютеранское духовенство в своей деятельности стремилось демонстрировать лояльность престолу и государству и объективно способствовало формированию в среде прихожан российского имперского патриотизма. Основу

---

¹⁰⁸⁸ См., напр.: Дальманн Д. Менталитет московских немцев // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 337–354.

этого патриотизма церковь видела в идее богоданности верховной власти. Так, в одном из церковных печатных изданий отмечалось: «Мы, евангелисты, знаем и учим, что мирская власть установлена Богом., и поскольку мы боимся Бога, постольку мы почитаем императора... В этой священной почве наша любовь к отечеству укоренена неизменно, верно и прочно. Нам не требуется внешних средств принуждения, языкового единства или церковного единства, чтобы побудить нас к верности и покорности власти, данной Богом»¹⁰⁸⁹.

Активно выступая за сохранение немецкого языка и лютеранской веры как основы культурной идентичности членов диаспоры, церковь, в то же время, вынуждена была признавать как данность ускоряющийся с течением времени процесс ассимиляции и проявляла в этой связи готовность к компромиссам. Поскольку языковая ассимиляция, как правило, предшествовала перемене конфессии, среди прихожан лютеранских храмов во второй половине XIX в. было немало тех, кто уже не владел немецким языком. Стремясь сохранить паству, лютеранские священники добивались разрешения читать проповеди на русском языке¹⁰⁹⁰.

Гибкостью отличалась и позиция церкви в вопросах образования. Немецкая школа являлась важнейшим институтом воспроизводства конфессиональных и – шире – культурных норм и ценностей в рамках диаспоры. Вместе с тем деятельность школ, существовавших при протестантских приходах в крупных городах, выходила далеко за названные рамки, а их двери с самого начала существования были открыты для детей всех христианских конфессий, и, соответственно, разных национальностей. Во время, отведенное в программе для преподавания основ религии, они могли заниматься предметами по выбору. Значительную долю учеников приходских школ составляли учащиеся православного вероисповедания. Частью это были дети от смешанных православно-евангелических браков, которые в соответствии с существовавшими законами должны были быть крещены по православному обряду. Однако среди них было и большое количество детей из русских семей, поскольку немецкие школы имели высокую репутацию среди представителей образованных слоев городского населения как учебные заведения, дававшие качественное образование западного образца.

Важнейшим фактором привлекательности городских немецких школ являлась их включенность в российскую образовательную систему, обуславливавшая возможность продолжения обучения в университетах. Так, все школы при протестантских (лютеранских и реформатских) храмах в Санкт-Петербурге добились присвоения статуса коронных гимназий, выпускники которых могли без экзаменов поступать в высшие учебные заведения

---

¹⁰⁸⁹ Цит. по: Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg, S. 129.

¹⁰⁹⁰ Ebenda, S. 133.

страны. Первой в 1836 г. данную привилегию получила крупнейшая и наиболее известная из немецких школ России – Петришуле при соборе Св. Петра и Павла на Невском проспекте. По этому же пути пошли и возникшие во второй половине 19 в. частные немецкие школы, такие, как знаменитая гимназия К.И. Мая на Васильевском острове, среди выпускников которой были А.Н. Бенуа, К.И. Рерих, Д.С. Лихачев и другие представители российской культурной элиты¹⁰⁹¹. Предпосылкой получения статуса коронной гимназии являлось приведение программы немецких школ в соответствие с таковой в российских государственных учебных заведениях. Соответственно, в них уделялось большое внимание изучению русского языка, среди обязательных дисциплин были российская история и география – предметы, формирующие знание о стране проживания, чувство сопричастности к ее прошлому, патриотическую позицию, т.е. когнитивную и эмоциональную составляющие государственной идентичности. Социализация в разнородном в национальном и конфессиональном отношении коллективе, а также принципы, положенные в основу гуманистического по своей направленности немецкого классического образования, способствовали воспитанию в учениках толерантности и навыков конструктивного межкультурного общения – важных составляющих гражданского самосознания.

В формировании коллективного самосознания городских немцев наряду с традиционными социальными институтами значительную роль играли диаспоральные структуры, работа которых была построена на принципе самоорганизации – благотворительные и культурно-просветительские общества, клубы, творческие союзы¹⁰⁹². Деятельность данных структур, будучи направленной прежде всего на внутреннюю интеграцию разнородного в социальном и конфессиональном отношении сообщества городских немцев, в то же время вносила значительный вклад во внешнюю интеграцию немецкой диаспоры в российское общество, служила фактором становления и формы проявления российской государственной и гражданской идентичности.

Немецкие общественные объединения, основывавшиеся как национальные, со временем приобретали интернациональный характер. Показательным примером такого рода является возникший в 1819 г. как общество универсального характера «Московский немецкий клуб». К середине XIX в. он превратился в крупнейшее общественное собрание старой столицы, которое посещали более 60 тыс. человек в год, а в 1870 г. официально объявил себя открытым для лиц всех сословий и национальностей, включив в устав

---

¹⁰⁹¹ Ebenda, S. 140–146.

¹⁰⁹² Подробнее см.: Лебедева Е.В. Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII – начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2007 г. С. 11–16.

соответствующее положение¹⁰⁹³. В новой столице аналогичная ситуация была характерна, к примеру, для «Санкт-Петербургского немецкого общества 1801 года», среди членов которого в 1880-е гг. немцы составляли лишь третью по численности национальную группу. Устав общества требовал соблюдения его членами взаимного уважения и ставил под запрет любые необдуманные высказывания относительно национальной, сословной и религиозной принадлежности¹⁰⁹⁴. Все немецкие общества активно демонстрировали лояльность правительству, неизменное место в ежегодном календаре их мероприятий занимали празднования именин императора, отмечались и другие события, связанные с историей и политической жизнью России. Общества творческой направленности (музыкальные, хоровые, литературные и др.) играли важную роль не только в поддержании исходной культурной идентичности городского немецкого населения, но и в транслировании лежавшей в ее основе высокой (профессиональной) немецкой культуры в русскую аудиторию. Особого внимания, в частности, заслуживает деятельность певческих обществ «Лидертафель», ставшая ярким явлением в культурной жизни обеих российских столиц.

Общественная инициатива в сфере благотворительности, основной целью и результатом которой являлось создание независимой от государства системы социальной поддержки немецкого населения, также со временем вышла за рамки немецкой диаспоры и способствовала вовлечению ее представителей в жизнь российского государства и общества. Так, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на средства основанного в Санкт-Петербурге благотворительного общества под названием «Евангелический полевой лазарет» было построено одиннадцать фронтовых госпиталей в районе боевых действий на Дунае, а после окончания войны оказывалась помощь вдовам и сиротам погибших солдат и офицеров немецкого происхождения. Во время неурожая 1880 г. это общество оказывало продовольственную помощь немецкому населению Поволжья, а в последующие периоды голода предоставляло продовольствие всем нуждающимся, независимо от национальной и религиозной принадлежности¹⁰⁹⁵. Уже упомянутое хоровое общество «Лидертафель» ежегодно давало благотворительные концерты, средства от которых шли не только в пользу организаций, оказывавших поддержку членам немецкой диаспоры, но и на помощь голодающим крестьянам, раненым в годы русско-японской войны солдатам, заключенным в тюрьмы и другим нуждающимся без различия их национальности и вероисповедания¹⁰⁹⁶.

---

¹⁰⁹³ См.: Келлер А. Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. С. 80–87

¹⁰⁹⁴ Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg, S. 98.

¹⁰⁹⁵ Ebenda, S. 94.

¹⁰⁹⁶ Подробнее см.: Томан И.Б. Московский «Лидертафель» (из истории музыкальной культуры московских немцев второй половины XIX – начала XX в.) // Немцы Москвы:

На волне подъема национальных движений, связанных с событиями первой русской революции, появляются общественные объединения, ставившие своей прямой целью формирование немецкой национальной идентичности – такие, как «Московский немецкий союз» и петербургское «Германское образовательное и благотворительное общество», немецкие союзы в Одессе и Саратове. Вместе с тем (в значительной степени с целью предупредить недоверие со стороны российских властей), их лидерами подчеркивалось, что осознание принадлежности к немцам ни в коем случае не идет в ущерб пониманию ими себя как исполненных чувства долга граждан России¹⁰⁹⁷.

Итак, применительно к основному периоду существования городской немецкой диаспоры в рамках российского общества можно, как представляется, говорить о параллельном формировании и непротиворечивом сосуществовании у значительной части ее представителей (имея в виду прежде всего не подвергшихся ассимиляции российских подданных) немецкой этнической и российской надэтнической идентичности. Российская идентичность складывалась и проявлялась прежде всего в форме имперского патриотизма. Вместе с тем, в силу особенностей образовательного, профессионального и социального состава, сформировавшегося под влиянием модернизационных потребностей принимающего общества, немецкое население российских городов представляло собой благоприятную в социокультурном отношении среду для формирования гражданской идентичности – социального феномена, который теоретики данной проблемы связывают прежде всего с самоорганизацией в категориях общественных групп и движений, существующих относительно независимо от государственной власти.

Крестьяне-колонисты. Обращаясь к вопросу о формировании общероссийской идентичности наиболее многочисленной части немецкого населения России – немецких колонистов – целесообразно рассматривать их как сельское сословие в целом и как часть российского крестьянства в частности, но, вместе с тем, учитывая присущие им особенности.

Важнейшим фактором, определявшим иерархию идентичностей крестьянина, являлась его принадлежность к общине, выступавшей как социальный институт, регулировавший внутреннюю жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, хранитель и транслятор производственного и социального опыта, всей системы ценностей крестьянства. Мироприятие крестьянина – это мировосприятие члена малого сообщества, вся жизнь которого проходит внутри замкнутого социального пространства¹⁰⁹⁸. Родина в его представлении – это то место, где он родился, и где проходит его жизнь¹⁰⁹⁹. Разделение мира на «своих», к которым относились жители

исторический вклад в культуру столицы. С. 316–336.

¹⁰⁹⁷ Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg, S. 111.

¹⁰⁹⁸ См.: Зольникова И.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 123.

¹⁰⁹⁹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. С. 330.

своей деревни и, возможно, нескольких соседних деревень, и «чужих» (всех остальных) лежало в основе коллективной идентичности любого локального крестьянского сообщества в доиндустриальный период, вне зависимости от его этнической и конфессиональной принадлежности. Обособленность группы от внешнего мира естественным образом усиливалась в случае наличия у нее значимых культурных (языковых, конфессиональных) отличий. Крестьянский локализм и общинное групповое сознание затрудняли формирование в сельской среде макроидентичности в любых ее формах. Трудности отождествления себя с более крупными общностями, нежели собственная община, предопределялись и узостью кругозора крестьянина, недостатком объективной информации о стране и «большом» обществе. Таким образом, более длительное, по сравнению с элитой и городскими немцами, сохранение социальной и культурной обособленности немецких колонистов и доминирование в их среде группового сознания являлось естественным следствием их принадлежности к крестьянству и свойственной этому социальному слою иерархии идентичностей.

В дореформенный период социальную и культурную обособленность дополняла и закрепляла через комплекс льгот и привилегий (включавший в себя, в том числе, право на самоуправление, свободу вероисповедания, свободу от рекрутской повинности) правовая обособленность. Подобная ситуация была характерна не только для немцев, но и для большинства нерусских этносов Российской империи, особенностью которой по сравнению с «классическими» империями было более благоприятное в правовом и социально-экономическом отношении положение населения присоединенных периферийных территорий по сравнению с «государствообразующим» русским народом¹¹⁰⁰. Это обстоятельство существенно снижало для нерусского сельского населения привлекательность социального сближения с русским окружением и приобщения к русской культуре в ее крестьянском варианте, воспринимавшейся как более отсталая по сравнению с собственной. Подобная позиция была в полной мере свойственна немецким колонистам, важной чертой сословной идентичности которых являлось базировавшееся на приоритете в экономическом и культурном развитии и предоставленных государством привилегиях чувство превосходства по отношению к местному крестьянскому населению¹¹⁰¹.

---

¹¹⁰⁰ Принципы политики в отношении нерусских народов в дореформенной России включали в себя сохранение существовавших до вхождения в ее состав административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры, сотрудничество с элитами, преимущества в правовом положении, в т.ч. отсутствие рекрутской повинности, отсутствие препятствий для социальной мобильности, особый порядок налогообложения. Подробнее см.: Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи. С. 30–36.

¹¹⁰¹ См., напр.: Neutatz Dietmar. Die „deutsche Frage“ im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien. Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und

Наличие привилегий, оговоренных в лежавших в основе колонизационной политики манифестах Екатерины II¹¹⁰² и Александра I¹¹⁰³, а также закрепление конкретных условий поселения в контрактах, заключавшихся отдельными группами колонистов с действовавшими от лица российской короны представителями опекунских структур на местах¹¹⁰⁴, оказывали влияние на характер связей между колонистами и государством в лице царствующей династии, придавая им черты построенных на взаимных обязательствах договорных отношений. Показательный пример выполнения долга перед взявшей переселенцев под свое покровительство российской короной – их активное содействие русской армии в ходе Крымской войны 1853–1856 гг.¹¹⁰⁵ Свидетельством положительной оценки итогов почти столетнего периода жизни колонистов в России и благодарности царствующей династии явилось установление в поволжской колонии Екатериненштадт в 1851 г. на собранные по инициативе колонистов средства памятника стоявшей у истоков основания иностранных поселений императрице Екатерине II, созданного знаменитым скульптором П. Клодтом.

Во второй половине XIX в., под влиянием задач модернизации центральная власть берет курс на социальную интеграцию многонационального населения страны, важнейшей предпосылкой которой, наряду с унификацией системы управления и выравниванием правового положения, выступает формирование общероссийского самосознания. В условиях проведения реформ по инициативе государства и при сохранении самодержавия как формы правления задача формирования общероссийского самосознания реализовалась на пути укоренения во всех социальных слоях и этнических группах традиционного имперского патриотизма, предполагавшего приоритет лояльности подданных правящей династии по отношению к лояльности государству. Этот принцип был зафиксирован, в частности, в Манифесте Александра II от 1 января 1874 г., изданном по поводу введения в действие устава о всеобщей воинской повинности: «...Защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного...»¹¹⁰⁶. В период правления Александра III (1881–1894 гг.) под влиянием роста национального самосознания русских набирает силу идеология, в соответствии с которой

Modernisierung (1856–1914). Stuttgart, 1993, S. 379.

¹¹⁰² Полное Собрание законов Российской империи: Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 1–45. (Далее – ПСЗ-1) Т. 16. № 11880.

¹¹⁰³ ПСЗ-1. Т. 28. № 21163.

¹¹⁰⁴ См., напр., контракты с колонистами, поселенными в 1765–1766 гг. под Санкт-Петербургом (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 13–17, 20–22).

¹¹⁰⁵ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., 2005. С. 107.

¹¹⁰⁶ Цит. по: Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 18.

единство государства должно было основываться как на имперском, так и на национальном принципах, что предполагало необходимость культурной интеграции нерусских этносов на основе русской культуры.

К ведущим инструментам формирования чувства принадлежности к государству в России, как и в других странах, проходивших схожий исторический этап, относились, в частности, такие социальные институты, как школа и армия.

Последовавшее в ходе реформ второй половины XIX в. распространение на немецких колонистов новых принципов государственной политики в названных сферах, означавшее отмену важнейших из дарованных при поселении привилегий, было воспринято ими как нарушение властью договора, соблюдение условий которого являлось основой их лояльности российской короне.

Конфессиональные школы в немецких колониях традиционно рассматривались руководившим ими духовенством и содержавшими их на свои средства сельскими общинами прежде всего как приходские учебные заведения, задачей которых являлась подготовка юношества к конфирмации¹¹⁰⁷. Обозначившееся в пореформенный период стремление государства сообщить колониcтской школе общеобразовательные функции и использовать ее как средство формирования общероссийского самосознания, сделав обязательным изучение государственного языка и расширив учебную программу, вызвало у значительной части духовенства и немецких крестьян негативную реакцию. Требование изучения русского языка воспринималось колонистами как попытка «сделать немцев русскими», что означало в их глазах понижение социального и культурного статуса. Традиционная для немцев связь школы и церкви порождала опасения в том, что изменения в системе обучения являются первым шагом на пути к насильственной смене вероисповедания¹¹⁰⁸. Решимость сопротивляться русификации нашла свое отражение в колониcтском фольклоре. «Und schließt man uns in Ketten ein,/ Wir wollen sie zerreiben,/ Wir wollen keine Russen sein,/ Wir wollen Deutsche bleiben», – говорилось в последних строфах народной песни под названием «Манифест императрицы»¹¹⁰⁹.

---

¹¹⁰⁷ Подробнее см., напр.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в России: исторический опыт функционирования // Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 8–28.

¹¹⁰⁸ См.: Herdt Victor. Russifizierung in der Wahrnehmung der nichtrussischen Völker des Wolgagebiets (am Beispiel der Wolgadeutschen und der Tataren). In: Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches in multiethnischen Regionen am Schwarzen Meer und an der Wolga. Herausgegeben von Victor Herdt und Dietmar Neutatz. Wiesbaden, 2010, S. 207.

¹¹⁰⁹ Ebenda.

При отсутствии осознанной мотивации к изучению русского языка, характерной для большей части немецких крестьян, не нуждавшихся в нем в проходившей преимущественно в границах сельской общины повседневной жизни, эффективность предпринимавшихся властями мер оставалась невысокой. Как свидетельствуют, например, данные о грамотности немецких призывников, в Поволжье вплоть до начала XX в. читать и писать по-русски могли менее 15% молодых колонистов¹¹¹⁰.

В использовавшихся в пореформенный период в колонистских школах универсальных учебных пособиях – хрестоматиях – содержались тексты о различных сторонах жизни Российского государства; в рассказах, посвященных отдельным царствованиям, систематически излагалась история страны, что должно было содействовать формированию когнитивной составляющей общероссийской идентичности¹¹¹¹. Однако эта цель достигалась далеко не в полной мере. Так, в известной книге Дж. Лонга «От привилегированных до ссыльных: немцы Поволжья, 1860–1917»¹¹¹² относительно переселенцев из поволжских колоний в Америку упоминается, что «большинство колонистов мало что знали об истории России, скорее, они что-то слышали о «кайзере» Николае и семье Романовых»¹¹¹³.

Столь же неоднозначными с точки зрения задач формирования общероссийского самосознания были последствия распространения на немецких колонистов воинской повинности в ходе военной реформы 1874 г.

Как отмечает немецкий исследователь М. фон Хаген, «в течение второй половины XIX в. военная служба рассматривалась в России (как и в большей части Европы) как важный компонент формирования нации. Значение армии в этом процессе, быть может, нигде не проявлялось столь очевидно, как в ходе военных реформ, проведенных в России в 1870-е гг. Д.А. Милютиным»¹¹¹⁴. В отношении немецких колонистов авторами военной реформы прямо указывалось, что значение их привлечения к несению воинской повинности состоит прежде всего в том, что оно доказывает их общность с Россией, то, что они не являются «особым государством в

---

¹¹¹⁰ Доля грамотных на русском языке среди немецких призывников составляла на 1881 г. – 13,0%, на 1893 г. – 14,7%, на 1904 г. – 14,4%, на 1907 г. – 31,6%. Доля грамотных среди русских призывников на эти же годы составляла, соответственно, 15,8%, 40,8%, 53,0%, 50,0%. См.: Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах. С. 57.

¹¹¹¹ См.: Томан И.Б. Хрестоматия по родному языку для немецких колонистских школ в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-Германской научной конференции. М., 1995. С. 351.

¹¹¹² Long J.W. From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860–1917. Lincoln/London, 1987.

¹¹¹³ Цит. по: Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах. С. 28.

¹¹¹⁴ Хаген М., фон. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. №5. С. 38.

государстве»¹¹¹⁵. Важным в этой связи представляется замечание о том, что привлечение к несению службы с оружием в руках представителей того или иного нерусского этноса (а реформа 1874 г. затронула не все народы Российской империи) может рассматриваться как показатель уверенности государства в его лояльности¹¹¹⁶.

Немецкими колонистами, в особенности меннонитами, религиозные убеждения которых не позволяли держать в руках оружие, введение воинской повинности было расценено как нарушение главного условия их договора с верховной властью. Реакцией на этот шаг государства стала массовая эмиграция колонистов из России, прежде всего, в Америку. На начало 1880-х гг. численность российских немцев в США достигла 20 тыс. человек¹¹¹⁷. Основную часть эмигрантов дали менонитские колонии Юга России. В Поволжье эмиграционные настроения (хотя и не всегда реализовавшиеся на практике) также получили широкое распространение. После некоторой нормализации ситуации, связанной с успешной адаптацией колонистов к службе в мирное время, в период русско-японской войны 1904–1905 гг. она вновь осложнилась: уклонение от призыва в армию приобрело массовый характер, последовал новый всплеск эмиграции, причем часть колонистов актуализировала свое германское происхождение и добивалась разрешения выехать на историческую родину (на деле направляясь в Америку)¹¹¹⁸.

Данные факты служили основанием для обвинений в антипатриотизме, звучавших в адрес немецких колонистов в российской прессе, для усиления контроля над призывом со стороны военных и гражданских властей. В этой связи следует отметить, что негативное отношение к военной службе не являлось особенностью колонистов, а было присуще всему российскому крестьянству, не имевшему (либо не реализовавшему), однако, возможности избежать ее подобным способом. Его причины коренились в крестьянском менталитете. Если для дворянина в России XIX в. военная служба была делом личного выбора, связывалась с понятиями сословной чести, долга перед престолом и Отечеством и являлась наиболее престижным способом продвижения по социальной лестнице, то крестьянин, воспринимавший действительность через призму собственных практических интересов, видел в службе тяжелую повинность, отрывающую его от работы на земле, наносившую ущерб семье и хозяйству, терявшему работника. То обстоятельство, что

¹¹¹⁵ См.: Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941 гг.: Материалы международной научной конференции. Москва, 17–19 сентября 1999 г. М., 2000. С. 365–366.

¹¹¹⁶ Хаген М., фон. Пределы реформы. С. 40–41.

¹¹¹⁷ См.: Dönninghaus Victor. Das Verhältnis von Deutschen und Russen zum Militärdienst (1874–1914) am Beispiel des Wolgagebiets. In: Gemeinsam getrennt, S. 109.

¹¹¹⁸ Ebenda, S. 104–118; Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах. С. 27–32.

как до реформы 1874 г., так и после нее призыву в армию подлежало не все мужское крестьянское население, а лишь его часть, привносило в процесс набора новобранцев элемент случайности, которая трактовалась крестьянами как «(несчастливая) судьба», «жеребий». Важной причиной отрицательного отношения к службе было и связанное с узостью кругозора непонимание смысла той или иной войны, невозможность соотнести ее цели с интересами государства, остававшегося для крестьянства абстрактным понятием. Как отмечается в упомянутой статье М. фон Хагена относительно периода первой мировой войны, «обычный новобранец, в отличие от его социального идеала, слабо представлял себе, кто именно его враг, и плохо понимал цели России в войне. При этом многие новобранцы идентифицировали себя не с нацией, а с той местностью (губернией или уездом), где они жили»¹¹¹⁹. Неприятие службы усиливалось в случаях, когда тяготы и лишения войны усугублялись некомпетентностью руководства и пренебрежением потребностями солдат. Такая ситуация была характерна для первого военного конфликта, в котором в массовом порядке пришлось принимать участие солдатам из числа колонистов – Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Тем не менее, в России, как и в других многонациональных государствах, институт всеобщей воинской повинности сыграл значительную роль в процессе интеграции общества. В том числе и для десятков тысяч колонистов, прошедших армейскую службу, она, как свидетельствуют результаты исследований, действительно становилась важным фактором формирования общероссийской идентичности (имперского патриотизма), способствовала овладению русским языком, и в ряде случаев делала их проводниками интеграционной политики в своих крестьянских общинах¹¹²⁰.

Усилия центральной власти по интеграции немецких колонистов в российское общество и формированию у них общероссийского самосознания привели, таким образом, к противоречивым результатам. Насажение нововведений сверху вызывало у большей части немецкого крестьянства отторжение в значительной мере в силу того, что оно опережало складывание экономических, социальных и культурных предпосылок интеграции.

Вместе с тем, по мере развития в колонистской среде тенденций модернизации, урбанизации, социальной дифференциации, естественным образом набирал силу процесс «интеграции снизу», начавшийся еще в дореформенный период. Этот процесс выступал одновременно как предпосылка и как следствие восходящей социальной мобильности, и соответственно, охватывал в первую очередь верхний слой колонистского сообщества, формирующуюся на его основе интеллектуальную, экономическую и политическую элиту российских немцев.

---

¹¹¹⁹ Хаген М., фон. Пределы реформы. С. 43.

¹¹²⁰ См.: Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах. С. 47.

В данном случае аккультурация шла на пути приобщения к русской высокой (городской) культуре, обладавшей в глазах части колонистов более высоким статусом, нежели немецкая крестьянская культура¹¹²¹. Дети многих зажиточных хозяев получали образование в русских гимназиях и продолжали его в университетах. В крупных поселениях Юга России, а затем и в Поволжье по инициативе и на средства их жителей основывались общеобразовательные учебные заведения, статус и программа которых позволяли их выпускникам включаться в государственную образовательную систему¹¹²². Благодаря все более активному использованию образования как канала социальной мобильности, к концу XIX в. в местах компактного поселения колонистов сформировалась прослойка интеллигенции, вышедшей из крестьянской среды¹¹²³.

Важнейшим механизмом повышения социального статуса являлась предпринимательская деятельность¹¹²⁴. Предприниматели из числа колонистов, переселяясь в город, становились полноправными членами городского сообщества, интегрируясь в русскоязычное окружение как через профессиональную, так и через общественную деятельность¹¹²⁵. Примечательно, что и для экономической элиты, принадлежавшей к отличавшейся особой закрытостью этноконфессиональной общности меннонитов, свойственные данному вероучению этические установки не являлись препятствием к сопровождавшей повышение социального статуса аккультурации, а, напротив, сами подвергались трансформации под влиянием модернизационных процессов¹¹²⁶.

---

¹¹²¹ См., напр.: Neutatz Dietmar. Die „deutsche Frage“ im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien, S. 379.

¹¹²² К примеру, некоторые из основанных в Поволжье во второй половине XIX в. с целью обучению русскому языку товарищеских немецко-русских училищ со временем были преобразованы в частные прогимназии, окончание которых давало право поступления в высшие классы государственных гимназий. См.: Веснина С.Г. Частные товарищеские русско-немецкие училища в немецких колониях Поволжья // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-германской научной конференции. Анапа, 22–26 сентября 1994 г. М., 1995. С. 326–327.

¹¹²³ См., напр.: Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 407–411.

¹¹²⁴ См., напр.: Венгер (Осташева) Н. Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний Юга Украины (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.): Материалы 8-й международной научной конференции. Москва, 13–16 октября 2001 г. М., 2002. С. 157–172

¹¹²⁵ См., напр.: Венгер Н.В. Династия Нибуров и ее вклад в экономическое развитие региона // Немцы Приазовья и Причерноморья: история и современность: Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Приазовье и Причерноморье. Донецк, 27–28 сентября 2003 г. Донецк, 2003. С. 55–65.

¹¹²⁶ См.: Венгер Н.В. Предпринимательский этос и меннонитская община в условиях российской модернизации второй половины XIX века (на примере южно-российского региона) // Немцы Сибири: история и современность: Материалы V международной научно-практической конференции. Омск, 16–18 мая 2006 г. С. 8–12.

Формирование политической элиты (в том числе представлявшей в начале XX в. интересы колонистов в Государственной думе) происходило прежде всего в процессе участия представителей колоний в работе органов земского самоуправления на местном и региональном уровнях.

Следствием повышения уровня образования, расширения сферы деятельности, и, соответственно, социального горизонта становилось изменение иерархии идентичностей данной социальной группы, увеличивавшей свою численность с течением времени. Преодоление локальной и конфессиональной замкнутости сопровождалось формированием чувства принадлежности к немцам России и российскому обществу в целом.

Ударом по патриотическим чувствам всех социальных слоев немецкого населения России стали события, связанные с первой мировой войной – запрет на употребление немецкого языка и культурную жизнь, ограничения экономической деятельности, законы о ликвидации землевладения, перевод военнослужащих с западных фронтов на Кавказский и др. Поставив под сомнение лояльность немцев и подвергнув их санкциям по этническому признаку, верховная власть способствовала тому, что у определенной их части сформировавшаяся к этому времени положительная российская идентичность действительно трансформировалась в отрицательную. Одновременно правительственные меры косвенно придали дополнительный импульс формированию немецкого национального самосознания.

К исходу дореволюционного периода немцы России, как и другие народы многонациональной империи, находившиеся в процессе становления современных наций, сделали важные шаги на пути интеграции этнической группы через сословные, конфессиональные и региональные барьеры.¹¹²⁷ Носителем национальной идеи являлось прежде всего немецкое дворянство Прибалтики, стремившееся стать выразителем интересов всего немецкого населения страны¹¹²⁸. Национальная идентичность стала реальностью и среди неассимилированных верхних слоев городского немецкого населения¹¹²⁹. Она сложилась также у части политической и культурной элиты, вышедшей из среды колонистов, которая стала, таким образом, связующим звеном между существовавшими прежде обособленно друг от друга сельским и городским слоями диаспоры.

Если обратиться к конструктивистской точке зрения на нацию как на элитарный дискурс, то можно констатировать, что элита, включавшая в себя представителей всех социальных и региональных групп немецкого населения, активно формировала представление о немцах России как о едином сообществе, а также о путях его развития в рамках многонациональной

---

¹¹²⁷ См.: Pinkus Benjamin, Fleischhauer Ingeborg. Die Deutschen in der Sowjetunion, S. 51.

¹¹²⁸ Ebenda, S. 48.

¹¹²⁹ См.: Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg, S. 233–235.

страны. После Февральской революции, остановившей реализацию дискриминационных мер, это развитие виделось большей ее части в общем контексте шедших в стране демократических преобразований. В названиях претендовавших на представительство национальных интересов немцев общественно-политических организаций отразилась их самоидентификация как «российских граждан немецкой национальности», объединившая немецкую национальную и общероссийскую гражданскую составляющие¹¹³⁰.

Вместе с тем, у большей части немецкого крестьянства ведущее место в иерархии идентичностей сохраняли локальная, конфессиональная и региональная. Региональные и групповые интересы оставались приоритетными и для значительной части лидеров национального движения, ограничивших развернувшуюся в 1917 г. борьбу за национально-культурную автономию местными рамками¹¹³¹. Активное вовлечение в процесс внутренней и внешней интеграции представителей широких слоев немецкого населения и формирование у них немецкого национального и российского гражданско-го самосознания, для становления которого демократическими преобразованиями были созданы благоприятные рамочные условия, являлось делом будущего. Данная перспектива, однако, осталась нереализованной в силу изменения общественно-политической обстановки в стране. События, последовавшие за октябрьским переворотом 1917 г., исключили из процесса становления немецкой национальной идентичности основную часть городского немецкого населения, которая вынуждена была покинуть Россию, и направили формирование надэтнической идентичности оставшегося в стране немецкого крестьянства в русло советского патриотизма – идеологии, предполагавшей приверженность политическому режиму в лице его лидера как символа единства многонациональной общности, и, таким образом, по своей форме схожей с имперским патриотизмом.

Исследование проведено при поддержке Фонда им. Герды Хенкель (ФРГ)

---

¹¹³⁰ См., напр.: Нам И.В. Культурно-автономистское движение российских немцев в условиях революций 1917 года // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы международной научной конференции. Москва, 17–20 сентября 1998 г. М., 1999. С. 249–270.

¹¹³¹ Там же.

Национальная идентичность и карьера в истории и современности российских немцев

Выезд немцев из германских княжеств в Россию был в свое время обусловлен страстным стремлением этих людей, которые на родине из-за архаичных законов оставались ограниченными в своих правах, осуществить себя, проявить свое мастерство, накопить капиталы, получить в качестве старта землю или место службы для дальнейшей карьеры – в политике или экономике.

Стремление вперед и вверх – удивительное качество любого иммигрантского сообщества. Собственно, сам выезд с родины – это заметный вызов сложившимся, часто окостеневшим установлениям. У немцев этот латентный протест был связан также с тем, что за границей, в России, они видели возможность сделать собственную жизнь заметно лучше, занять хорошее положение в обществе, подняться по карьерной лестнице. В сочетании с национальными качествами и этнокультурными традициями это способствовало возникновению успешных династий государственных чиновников, военных, предпринимателей.

Все карьеры немцев в советское время были локализованы в Автономной Республике немцев Поволжья, и только отдельные примеры активной общественной и профессиональной жизни российских немцев, такие как судьба радиста Эрнста Кренкеля, лишь подчеркивали общее правило.

Что же случилось после революции 1917 года? Куда пропал тот большой слой известных чиновников Российской империи – министров, губернаторов, военных, профессоров, инженеров из числа немцев, о которых знала страна, которые длительное время, подчас целыми поколениями служили России?

Дореволюционная Россия активно использовала кадровые ресурсы привлеченных иностранцев. Десятки выходцев из германских княжеств занимали в разные годы посты министров империи, генерал-губернаторов и губернаторов, были заместителями царя. Почему же Российское государство было привлекательным для выходцев из германских земель?

История Российского государства и история Германии, на первый взгляд, совершенно не совпадающие величины. Немцы на своей земле провели все мыслимые и немыслимые эксперименты по организации своего общества: там были большие сильные государства, такие как Пруссия, Саксония или Бавария, крошечные города-государства с курфюрстом, который был близок народу, там знали религиозные правления, бюргерскую власть (магистраты), в затем и Рейнскую республику, Германскую империю, Третий рейх, социа-

листическую ГДР – словом, все виды и формы государства мы найдем на пространстве между Рейном и Одером.

Но идея своего большого государства, своей сильной страны не оставляла германских мыслителей и политиков. Собственно, протогосударство – Священная Римская империя германской нации, которую возглавляли Габсбурги, была ориентиром для собственного государственного строительства. Немцы смотрели на Восток, на Российскую империю, сложившуюся в своих основных чертах еще при Иване III, как на пример этого успешного строительства. И если во всех прочих сферах – экономике, военном деле, социальном развитии, институтах народного представительства, Россия на протяжении всего Нового и Новейшего времени была позади немцев, то в этой важной общественно-политической сфере – строительстве государства – она, безусловно, была лидером. С интересом, завистью, с мыслью все сделать так же, как русские, по своей истории шли германские земли.

Россия была интересна немцам, она их притягивала, она соответствовала представлениям о том, как должна быть устроена жизнь. Раздробленность германских княжеств формировала особые качества для устройства карьер: например, прусский образ – чинопочитание, тотальная иерархия и потому архаичность форм управления, так прекрасно показанные в «Верноподданном» Генриха Манна и «Человеке в фуляре» Антона Павловича Чехова, в полной мере были в практике государственного управления Российской империи. И здесь трудно понять, что чему предшествовало: утверждение в России порядков верноподданничества или массовый прием на русскую службу немцев из-за рубежа, которые эти порядки поддерживали, пестовали, оправдывали, благодаря которым двигались по служебной лестнице вверх.

Интересно, как это выразил уже наш современник – нобелевский лауреат по экономике Фридрих фон Хайек:

«Структура английской нации основана на разграничении богатых и бедных, прусской – на разграничении руководящих и подчиненных»¹¹³².

В организации службы государю немцы сыграли ключевую роль. Благодаря рекрутам Петра идеи совершенствования института административной власти укрепляются в России. Усилиями Андрея Ивановича Остермана 24 января 1722 г. была принята Табель о рангах – закон, упорядочивавший иерархию должностей, сделавший сопоставимыми гражданские, воинские и придворные чины, создавший стройную систему службы государю, он представлял собой вариант подобных актов германских княжеств и Швеции. Вот почему подавляющее большинство названий должностей, вошедших в Табель, было транслитерациями из немецкого и шведского.

---

¹¹³² Хайек Ф.А. ф. Дорога к рабству / Пер.с англ. М.: Новое издательство, 2005. С. 176.

Ключевую роль в укреплении немецкого влияния на дела государства сыграло, конечно, то, что на протяжении веков на троне были фактически иностранцы – те цари, которые по своему рождению принадлежали к европейскому правящему дому, этакому мировому правительству, члены которого состояли в родстве друг и другом, для которых брачная политика была сердцевинной внешней курса страны.

Это, безусловно, способствовало тому, что европейцы находили в России приложение своим силам, принимались на службу, были в свите царей и цариц, выполняли ответственные и деликатные их поручения.

Но поскольку все цари осознавали свою миссию в России и искренне «делались русскими», то того же самого они требовали и от подданных, и для карьеры иностранцам нужна была преданность интересам династии, безоговорочное выполнение своего долга.

Контент-анализ биографий тех, кто добился в империи высокого положения губернатора или министра, показывает, какие именно качества должны были быть присущи иностранцам (людям с немецкими фамилиями), чтобы сделать карьеру.

Карьеру делали, прежде всего, выходцы из семей дворян, «династические» чиновники. Многие виды государственной службы были «приватизированы» семьями, в том числе и дипломатическая служба, на которой находилось немало потомственных дипломатов. Однажды попавший на службу в Россию иностранец становился родоначальником целой ветви придворных, статских или военных чинов.

Впрочем, немало успешных карьер было и у тех, у кого в германских княжествах практически не было перспектив. Приехав в Россию, они начинали жизнь заново, с чистого листа, и здесь можно было подправить себе биографию и без оглядки на прежнее окружение идти вперед.

В 1890-х гг. император Александр III решил проверить подлинность титулов своих сановников, и многие из его приближенных, в первую очередь из числа выходцев из Европы, не смогли подтвердить своих генеалогий. Император приказал попросту упразднить таких самозванцев, сделав почему-то исключение для бывшего в тот момент российским послом в Париже Артура Павловича Моренгейма: «Бог с ним, пусть остается бароном»¹¹³³.

Большое значение для карьерного роста, помимо родственных связей, имели и земляческие отношения. Особым регионом, давшим для империи множество чиновников-немцев самого высшего уровня, была Прибалтика – Эстляндия, Лифляндия и, особенно, Курляндия. Земляки помогали друг другу, их семьи состояли в многовековых дружеских отношениях друг с другом,

¹¹³³ Рыбаченок И.С. Дипломатическое ведомство и российская дипломатия от Берлинского конгресса до Портсмутского мира (1878–1905) // Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. / Редкол.: И.С. Иванов (председатель) [и др.]. Т.1. 860–1917 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 463–464.

хорошей характеристикой того или иного претендента на должность служило место его рождения. Правда, для тех, кто покинул край, кто служил в Петербурге прибалтийские родственники бывали и источником неприятностей, потому что в этих землях по-иному относились к Центральной России, иными глазами смотрели на Запад, прежде всего на Германию. Когда свое продвижение наверх, к креслу министра иностранных дел империи, начал Владимир Николаевич Ламздорф, он очень болезненно отнесся к тому, что его свояченица в 1894 г. захотела перейти в немецкое подданство. В.Н. Ламздорф в письме к двоюродному брату Карлу писал: «Вы не можете себе представить, насколько неприятное, чтобы не сказать больше, впечатление производят здесь переходы в иностранное подданство членов семьи, которая всем обязана России; меня лично это тем более коробит, что мое положение «русского Ламздорфа» очень близко моему сердцу». Ламздорф отмечал при этом, что его «курляндские однофамильцы невыносимы, а их непостижимые переходы в иностранное подданство способны оказать самое прискорбное воздействие»¹¹³⁴.

Тем не менее, курляндская, лифляндская или эстляндская фамилия означала, что человек принадлежит к древнему рыцарскому роду, что он и есть самая настоящая знать, которой и надлежит управлять страной.

Доминик Ливен по-другому взглянул на эту проблему:

«Стратегия союза с нерусской аристократией началась с кооптации татарской знати в пятнадцатом веке и впоследствии включала в себя, к примеру, чрезвычайно успешную инкорпорацию балтийского немецкого дворянства и украинского казачьего мелкопоместного дворянства в имперский правящий класс.

Такая инкорпорация означала для них возможность делать карьеру на имперской службе, которой и балтийские немцы, и украинцы воспользовались в таких масштабах, что это иногда вызывало зависть и неприятие в представителях чисто русской элиты. Однако с государственной точки зрения балтийская элита и украинцы были в восемнадцатом веке не только лучше образованны, чем россияне, но и с меньшей вероятностью могли стать членами оппозиционных аристократических сообществ и фракций. Царское правительство давало местной аристократии гарантии безопасности ее собственности и статуса, а в некоторых случаях даже улучшало их»¹¹³⁵.

Далеко не все из тех, кто служил, делал это из любви к царю, России или самой службе. Очень часто побудительным мотивом для поступления в министерство или в канцелярию губернатора было то, что просто не хватало средств для достойной жизни, материальная обеспеченность некогда гром-

¹¹³⁴ Ламздорф Владимир Николаевич // Очерки истории Министерства иностранных дел России... Т. 3: Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. С. 207.

¹¹³⁵ Ливен, Доминик. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. Арона Козлика и Александра Платонова]. М.: Европа, 2007. С. 398.

ких фамилий к середине XIX выглядела более чем скромно. Немцы служили ради жалования – как когда-то те, кто приехал при Петре или Екатерине: у этих мигрантов ничего не было в кармане, и все их благополучие зависело от службы, от усердия, исполнительности, преданности, работоспособности.

Предшественник Ламздорфа на посту министра иностранных дел Николай Карлович Гирс дорожил службой именно поэтому: при полном отсутствии личных средств он мог благодаря службе содержать свою большую семью¹¹³⁶. По свидетельству современников, он себя неловко чувствовал в компаниях богатых русских вельмож, но Александр III ценил скромность и даже застенчивость своего министра.

Для многих чиновников в царской России совершенно необязательно было хорошо говорить по-русски. Некоторые из тех, кто со своих вершин управляли Россией, до конца своих дней так и не освоили письменной и устной русской речи. Один из них – легендарный министр иностранных дел империи при Николае I, который почти 40 лет был во главе министерства, Карл Васильевич Нессельроде: он достаточно быстро и хорошо овладел французским, «но с русским языком у него были некоторые проблемы до конца жизни»¹¹³⁷.

Это подтверждает и пример другого иностранца времен Николая I – А.Г. Жомини: он начал службу в МИД в 1835 г. в Департаменте внутренних сношений, в 1845 г. перешел в Азиатский департамент, в 1856 г. получил чин действительного статского советника и был назначен старшим советником министерства, в этой должности он пробыл до самой своей смерти. «По происхождению он был швейцарец, «по складу ума, образованию и образу мыслей – француз», как свидетельствовали современники. «Прожив всю жизнь в России, он так и не выучил русский язык. Но французским владел в совершенстве и был блестящим стилистом. Жомини редактировал все важнейшие бумаги, исходившие из министерства, предварительно рассматривал текст всех нот и конвенций»¹¹³⁸.

То есть для тогдашнего государственного управления русский не был основным официальным языком. И это тоже было условием, способствовавшим тому, что на российской службе было немало выходцев из Европы: русскому дворянину нужно было много учиться, чтобы хорошо заговорить по-немецки или по-французски, тогда как немцу или французу этих усилий нужно было прилагать несколько меньше. Хотя, конечно, все не было так примитивно и просто. Среди тех, кто занимал высшие административные посты, были высоко образованные люди, полиглоты (тот же Гирс), обладав-

¹¹³⁶ Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 443–444.

¹¹³⁷ Нессельроде Карл Васильевич // Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. Т. 3. С. 101.

¹¹³⁸ Хевролина В.М. Министерство иностранных дел России в период реформ (1856–1878) // Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. Т. 1. С. 397.

шие огромными знаниями, лично умевшие и грамотно документ составить, и добиться, чтобы все в нем записанное было выполнено.

Кроме того, такое ведомство, как министерство иностранных дел, а ранее Посольский приказ, Коллегия иностранных дел, благодаря профилю своей деятельности, требовало людей особого уровня и подготовки:

«Среди служащих приказа были татары, греки, поляки, шведы, лифляндцы, итальянцы и т.д., которые чаще всего выполняли обязанности переводчиков. Некоторые из них крестились повторно в православную веру. Присягу принимали в присутствии подьячего Посольского приказа, заведовавшего его личным составом, все – независимо от их вероисповедания – как православные, так и протестанты, и католики, и магометане. Католики и протестанты присягали в присутствии живших в Москве в Немецкой слободе ксендзов и пасторов...»¹¹³⁹.

Вообще из небольшого числа глав внешнеполитического ведомства Российской империи за два с лишним века свой след оставили:

1781–1797 – Остерман (Толстой) Иван Андреевич – вице-канцлер, начальствующий над Коллегией иностранных дел, государственный канцлер.

1806–1807 – Будберг Андрей Яковлевич (1750–1812) – министр иностранных дел.

1814–1816 – Вейдемейер Иван Андреевич (1752–1820) – управляющий Коллегией иностранных дел в 1814–1816 гг.

1816–1856 – Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – министр иностранных дел.

1882–1895 – Гирс Николай Карлович (1820–1895) – министр иностранных дел.

1900–1906 – Ламздорф Владимир Николаевич (1844\45–1907) – министр иностранных дел России.

1916 – Штюермер Борис Владимирович – министр иностранных дел России¹¹⁴⁰.

Но «территория» несения немцами российской службы не ограничивалась только внешнеполитическим ведомством. До революции немцы на разных этапах развития страны возглавляли такие министерства, как:

- Министерство внутренних дел;
- Министерство иностранных дел;
- Военное министерство;
- Морское министерство;
- Министерство финансов;
- Министерство юстиции;

---

¹¹³⁹ Рогожин Н.М. Колыбель российской дипломатии – Посольский приказ //Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. Т. 1. С. 114–115.

¹¹⁴⁰ http://www.hrono.ru/biograf/bio_r/russ_ruk.php

- Министерство народного просвещения
- Министерство путей сообщения;
- Главное управление ревизии государственных счетов
- Министерство императорского двора;
- Министерство государственных имуществ;
- Министерство торговли и промышленности.

Были и другие важные для государства службы, где длительное время в качестве первых руководителей были немцы. Среди них – фельдъегерская служба. Из 13 человек, которые до революции стояли во главе этой службы, шестеро были немцы:

Богдан Карлович Тизенгаузен (1814–1817 гг.)

Яков Иванович Дитерихс (1827–1832 гг.)

Яков Иванович Сакс (1832–1850 гг.)

Эмилий Мартынович Краузе (1858–1878 гг.)

Карл Карлович фон Мейер (1878–1888 гг.)

Адольф Васильевич фон Витт (1888–1905 гг.)¹¹⁴¹.

Впрочем, был и целый ряд ведомств, в которых на протяжении веков не было ни одного немца.

В кадровой политике царского времени действовали некоторые принципы, и среди них такой: немцы на постах руководителей часто сменяли немцев. И было это связано с тем, что обычной практикой того времени становилась подготовка министром или управляющим службой своей сменны. Нередко выбор падал на родственника, земляка или рекомендованного представителя хорошего, знакомого семейства. Возле руководителей немцев трудились подчиненные-немцы, из них и происходили назначения новых руководителей на освободившиеся места министров или губернаторов. И при этом не очень много внимания обращалось на подданство, веру, материальное положение нового кандидата на должность.

Впрочем, с формированием губернаторского корпуса все было несколько иначе. Немцы служили в Тверской, Псковской, Смоленской, Калужской, Тульской, Ярославской, Костромской, Новгородской, Могилевской, Полоцкой, Орловской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской, Нижегородской, Воронежской, Вологодской, Симбирской, Пензенской, Курской, Харьковской, Вятской, Казанской, Саратовской, Тобольской, Пермской, Киевской, Новгород-Северской, Черниговской, Уфимской, Иркутской, Колыванской, Архангельской, Олонецкой, Минской, Брацлавской, Изяславской, Волынской, Подольской, Виленской, Слонимской, Астраханской, Витебской, Оренбургской, Полтавской, Томской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской губерниях, в Таврической области, на Кавказе, на Дальнем Востоке. В некоторых регионах они также сменяли один другого, в некоторых назначенцев из

¹¹⁴¹ <http://www.gfs.ru/index.php?id=165>

немцев были единицы; в некоторых губерниях на протяжении истории не было вообще ни одного человека с немецкой фамилией.

Значительный интерес у служивых людей был, конечно, к столице. В Санкт-Петербурге в ранге генерал-губернаторов, военных губернаторов, гражданских губернаторов, градоначальников была целая плеяда известных людей.

После смерти Петра I первым этот пост занял Христофор Антонович Миних (Буркхарт Христофор фон Миних) – генерал-губернатор в 1727–1728 гг.

Во времена Екатерины посты в столице занимали: Петр Август Фридрих Голштейн-Бек – генерал-губернатор, 1761–1762 гг.; Яков Александрович Брюс – генерал-губернатор двух столиц, 1782–1786 гг.; с 1786 г. только генерал-губернатором Петербурга; Карл Карлович Унгерн-Штернберг – гражданский губернатор 1774–1779 гг.

При Павле I там были: Федор Федорович Буксгевден (Фридрих Вильгельм фон Буксгевден) – военный губернатор Санкт-Петербурга, 1797–1798 гг.; Петр Алексеевич фон дер Пален – военный губернатор Санкт-Петербурга и начальник остзейских губерний, 1798–1801 гг.; Гревенс Иван Ильич – гражданский губернатор, 1797–1798 гг.

При Александре I один только Александр Яковлевич Будберг получил в 1803 г. назначение на пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга, но из-за болезни к обязанностям не приступил¹¹⁴².

При Николае генерал-губернатором Санкт-Петербурга был 12 лет знаменитый Петр Кириллович Эссен (с 1830 по 1842 гг.)¹¹⁴³

Александр III во главе столицы стояли: Петр Аполлонович Грессер – градоначальник Санкт-Петербурга, 1883–1892 гг.; Виктор Вильгельмович фон Валь – градоначальник Санкт-Петербурга, 1892–1895 гг.; Сергей Александрович Толь – гражданский губернатор, 1889–1903 гг.

Наконец, в эпоху Николая II городом руководили: Николай Васильевич Клейгельс – градоначальник Санкт-Петербурга, 1895–1904 гг.; Иван Александрович Фуллон – градоначальник Санкт-Петербурга, 1904–1905 гг.; Александр Васильевич Адлерберг – гражданский губернатор, 1911–1915 гг.; Николай Николаевич Медем – гражданский губернатор, 1915–1916 гг.; Александр Павлович Балк – градоначальник Петрограда, 1916 – 25 октября 1917 гг.

В царствование Александра II, по исследованным нами источникам, немцы не были среди первых руководителей города. Но это не значит, что государь-реформатор в чем-то изменил общему вектору дореволюционной политики. При анализе биографий тех, кто занимал посты губернаторов, можно увидеть некоторые закономерности. Первый большой «призыв» немцев на государственную службу был произведен, конечно, Екатериной II, она строила свою кадровую политику с опорой на выходцев из Европы и

¹¹⁴² Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. Т. 3. С. 55

¹¹⁴³ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BD_%D0%9F.

Прибалтики. Ее сын Павел I уделял внимание отдельным регионам, где после своего восшествия на трон произвел новые назначения. Александр I и Николай I были более последовательны и методичны в своих назначениях. Как правило, люди, попадавшие на пост губернатора, оставались там на длительное время – 10 лет и более.

«Век» губернатора (как и министра) ограничивался сроком пребывания у власти царя. Всякий раз при смене императора начиналась «чистка»: в отставку отправлялись те, кто служил предшественнику, на постах руководителей губерний (как и министерств) появлялись новые лица. Лишь отдельные карьеры говорят о служебных долгожителях, которые находились у власти при нескольких императорах. Среди них – оренбургский военный губернатор Петр Кириллович (Отто Карлович) Эссен (1817–1830 гг.); генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорд (Гасфорт) (1851–1861 гг.).

Но после того, как очередная кадровая революция завершалась, люди оставались на своих постах десятилетиями: например, Н.В. Адлерберга был генерал-губернатор Финляндии с 1860 по 1881 гг.; К.П. Кауфман – туркестанским генерал-губернатором с 1867-го по 1882 г.

Но не всегда выбор царя был удачным: много было и тех, кто оставался на своих постах год – два, потом их меняли, видимо, из-за того, что не справлялись со своими обязанностями, сами просились в отставку. Некоторые их назначенцев «путешествовали» из губернии в губернию, надолго нигде не задерживаясь.

Особенностью кадрового корпуса империи было, конечно, то, что все эти чиновники связывали свою жизнь с самодержцем. Наилучшим образом это сформулировал В.Н. Ламздор, отношения которого с Николаем II строились совсем непросто. «Владимир Николаевич, высказывая свое мнение в мягкой форме, не пытался отстаивать его во что бы то ни стало, а тем более переубеждать царя. Но не робость была тому причиной. На сей счет он говорил весьма откровенно: «Одно из двух – или наш государь самодержавный, или не самодержавный. Я его считаю самодержавным, а потому полагаю, что моя обязанность заключается в том, чтобы сказать государю, что я о каждом предмете думаю, а затем, когда государь решит, я должен безусловно подчиниться и стараться, чтобы решение государя было выполнено»¹¹⁴⁴.

Эти чиновники были элементами, механизмами режима, их российская история закончилась вместе с падением этого режима. Куда делись губернаторы и министры из числа немцев? В революционные дни 1917 года и, особенно, после начала Гражданской войны они должны были сделать свой

---

¹¹⁴⁴ Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 496–497.

выбор: оставаться и умереть или уехать. Большая часть бежала, многие пали жертвами восставших.

Трагична судьба Роберта Николаевича Вирена. Известный, смелый, бескомпромиссный офицер, адмирал. На Дальнем Востоке в русско-японскую он командовал крейсером, потом целым отрядом крейсеров. Прошел японский плен. Затем в Петербурге был на разных высоких должностях. 1 марта 1917 г. после объявления на кораблях и в гарнизоне Кронштадта о переходе власти к Временному комитету Государственной думы в городе вспыхнули матросские беспорядки, сопровождавшиеся расправой над офицерским составом. Одной из первых жертв этих событий стал Р.Н. Вирен. Его полураздетым вывели из квартиры на улицу. Издеваясь и избивая адмирала, матросы довели его до Якорной площади Кронштадта, где закололи штыками¹¹⁴⁵.

Не менее печален был конец карьеры и Бориса Владимировича Штюрмера. 20 января 1916 г. царь заменил председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, не пользовавшегося поддержкой Думы, на преданного монархии Б.В. Штюрмера. Затем он стал по совместительству еще и министром внутренних дел, министром иностранных дел. Отзывы об этом человеке в обществе были самые негативные.

Считая его выдвигенцем Г. Распутина, многие отмечали хитрость Штюрмера, его беспринципность, умение хорошо ориентироваться в придворной среде. «Этот православный немец, писал граф И.И. Толстой, мне давно известен: неглупый, но бессердечный человек, он всегда являлся типичным карьеристом... Спрашивается только, какое впечатление произведет и в России, и в армии назначение «премьером» немца как раз в это время: Штюрмер все же Штюрмер, а там доказывай, что он православный и по-русски говорит лучше, чем по-немецки»¹¹⁴⁶.

Во время Февральской революции Б.В. Штюрмер по распоряжению Временного правительства и с согласия Думы был арестован. Умер в заточении в Петропавловской крепости 20 августа 1917 г.¹¹⁴⁷.

Всех этих людей – бессердечных карьеристов и добросовестных служак – не стало вместе с революцией. Как и царская империя они ушли в прошлое. И немцы, как часть населения России, по своему демографическому составу, по своим местам проживания и характеру труда уже совершенно не напоминали тех, кто когда-то управлял страной.

---

¹¹⁴⁵ <http://flot.parus.ru/biogra03.htm#Vaksmut>.

¹¹⁴⁶ Штюрмер Борис Владимирович // Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. Т. 3: Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. С. 269.

¹¹⁴⁷ Штюрмер Борис Владимирович // Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. / Редкол.: И.С. Ива нов (председатель) [и др.]. Т. 3: Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 278.

В России (СССР) осталось немецкое крестьянство – в Поволжье, на Украине, в Сибири, других колониях, разбросанных по огромной территории пережившей социальный катаклизм страны. Революция оказалась не только бунтом неимущих против богатых и знаменитых, это было восстание национальностей, в результате которого за российские рубежи выехали сотни, тысячи представителей русской элиты немецкого происхождения. К началу Великой Отечественной войны прежней «немецкой проблемы», как ее формулировали черносотенцы в 1914–1916 гг., больше не существовало.

Тем труднее понять и принять депортацию, осуществленную против труженников-крестьян, рассматривавшихся советской властью как социальная база, как основа нового строя.

Только сегодня мы видим, как меняется административный ландшафт России, и среди тех, кто несет ответственность за дела государства, все больше и больше людей разных национальностей, в том числе и немцев.

Российские немцы – пионеры исследования Средней Азии

Бросая ретроспективный взгляд на российскую историю последних трех веков, нельзя не отметить весьма значительную роль в ней этнических немцев. Они достойно проявили себя в экономике и культуре, в развитии научных знаний, в медицине и военном деле, во многих других отраслях человеческой деятельности. И где бы не находились эти люди – в городах и селениях Европейской России или на далеких окраинах громадной империи, чем бы ни занимались, они всегда ощущали себя гражданами своей новой родины, верно служа ей и проявляя при этом завидную гражданскую идентичность и лояльность.

Само появления лиц немецкого происхождения в Средней Азии объясняется их гражданской принадлежностью к Российской империи. Первоначально подавляющая часть их побывала на этих восточных землях либо в посольских, либо в научных экспедициях, либо в составе российских воинских частей. Причем преимущественно в XIX столетии. Так, например, в 1820 году российское правительство по согласованию с властями эмирата направило в Бухару для заключения торгового соглашения специальное посольство во главе с А.Ф. Негри.

Вполне естественно, что названному посольству было поручено попутно собирать сведения о военном, политическом и экономическом состоянии среднеазиатского ханства, его природных ресурсах, географии, истории и религии. Именно с этой целью в состав экспедиции были включены не только высокообразованные офицеры, но и ученые различного профиля. Были среди них и немцы – Э.А. Эверсман и Е.К. Мейендорф.

Первый из них, родившись в 1794 году и пройдя обучение в престижных университетах Германии, в 1816 году перебрался в Россию, где стал преподавателем Казанского университета. Спустя несколько лет Эдуард Александрович, получив в Дерптском университете степень доктора медицины, очутился на восточной окраине империи – Оренбурге, всецело посвятив себя медицинской практике. В 1820 году опытного натуралиста (помимо медицины, Эверсман обладал обширными познаниями в области зоологии и ботаники) пригласили войти в состав миссии, направлявшейся в Бухару.

И уже довольно скоро – после возвращения этого посольства – в российском журнале «Северный архив» (1822, с. 512–517) появилось «Письмо доктора Эверсмана, находившегося при Российской миссии в Бухарию, полученное 1 марта 1821 года в Санкт-Петербурге», повествующее о традиционной медицине восточного ханства. А уже в 1823 году в Берлине на немецком языке была издана объемистая книга Эдуарда Александровича под названием «Путешествие из Оренбурга в Бухару». Эта монография сразу же

приобрела известность в Европе, ибо явилась первым обстоятельным трудом о Бухарском эмирате.

И хотя книга Эверсмана была, по существу, лишь путевым дневником, ей все же нельзя отказать и в научной значимости. Автор собрал в ней массу весьма ценных наблюдений о городе, о доходах богоугодных заведений и духовенства, он великолепно описал бухарские базары и нравы торговцев. Особо следует упомянуть о том, что Эдуард Александрович очень подробно, со знанием дела рассказал в своей книге о бухарском рынке драгоценных камней. Можно констатировать, что наиболее ценной частью этого труда являются именно сведения о торговле.

В России отрывки из этого труда в переводе на русский язык публиковались в различных журналах в 1823–1824 годах. Э.А. Эверсман прожил в Оренбурге целых семь лет, после чего вернулся в Европейскую Россию. Опубликовав значительное количество работ по зоогеографии и фауне Урала, Кавказа, Прикаспия и Туркестана, он в 1842 году был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Скончался Эдуард Александрович в 1860 году.

Другим деятельным участником названной экспедиции был Егор Казимирович Мейендорф (1794–1863), блестящий офицер гвардейского Генерального штаба. Капитан Мейендорф, обладая обширными познаниями в математике, топографии и астрономии, имел явную склонность к науке. Именно ему петербургские власти поручили тщательнейшим образом описать не только путь посольства от Оренбурга до Бухары, но и все пройденные экспедицией маршруты.

Кроме того, офицеру, назначенному «начальником ученых работ» экспедиции, вменили в обязанность вести подробный журнал всего путешествия в Азию и обратно, а также осуществлять всяческие астрономические наблюдения. Помимо всего прочего, Мейендорф должен был составить «общую генеральную карту» казахских степей и Бухарии.

Все поручения были им выполнены весьма добросовестно, с истинно немецкой педантичностью. После возвращения в Петербург капитан Мейендорф, переполненный впечатлениями от поездки, изложил все виденное на бумаге. А несколько лет спустя – в 1826 году – его труд «Путешествие из Оренбурга в Бухару» был издан на французском языке в Париже и по существу впервые предоставил европейскому читателю столь подробные сведения о восточных владениях России. Интерес к этой монографии был столь велик, что уже в том же году она была издана в Йене (Германия) на немецком языке.

Книга эта содержала весьма подробные и чрезвычайно ценные сведения. Она поразительно точно для своего времени описывала не только сам столичный город Бухарии, но и характеристику его населения, торговли и промышленности, чиновничества и купечества, административного деления

и организации войска. К книге нашлось место и для описания городского быта, нравов и обычаев, народных костюмов, будней и праздников бухарцев. Особое внимание барон Мейендорф уделил религиозным представлениям жителей Бухары, роли ислама в жизни города и страны в целом. Впоследствии барон Мейендорф продолжил научные исследования и стал активным и деятельным членом Русского географического общества.

На русском же языке в XIX столетии публиковались лишь отрывки из книги Мейендорфа. Однако отечественное востоковедение ощутило нуждалось в столь ценных сведениях очевидца. И потому в начале минувшего века известный ташкентский библиограф-краевед Е.К. Бетгер (тоже этнический немец), восполнив этот пробел, перевел полный текст монографии. Но еще несколько последующих десятилетий рукопись его оставалась невостребованной. И лишь в 1975 году книга эта, хорошо известная в Европе, была издана в Москве и стала доступной отечественному читателю.

Наблюдения Эверсмана и Мейендорфа стали ценным вкладом в европейскую и российскую ориенталистику. И если первый из них, вкратце описав столицу восточного ханства, сосредоточил свое внимание на описании медицинского дела в означенном регионе, то разносторонне образованный офицер подробнейшим образом познакомил читателей с географическим положением трех среднеазиатских ханств, с их городами и селеньями, сельским хозяйством и промышленностью, полезными ископаемыми и ремеслами. Мейендорф дал и весьма точные этнографические сведения о населении этих мест, об архитектурных памятниках Самарканда и Бухары, о базарах и караван-сараях, торговле и внешних сношениях азиатских государств.

В отличие от своих предшественников, капитан сумел объективно оценить и описать Бухару – столицу крупнейшего ханства Средней Азии, с которым Россия предполагала начать регулярные торговые отношения. Так, например, сообщая в своей книге сведения о прошлом этого города, Мейендорф свидетельствует, что в средние века Бухара была весьма процветающим центром империи Саманидов.

Демонстрируя свою осведомленность в истории и наблюдательность, он пишет: «Расположенная в очень удачном для торговли месте, она быстро разбогатела, возбудила алчность варваров, была ограблена, затем сожжена ордами Чингизхана, не разрешавшего восстанавливать ее до конца своей жизни. При Тимуре она расцвела снова, несмотря на то, что этот завоеватель оказал предпочтение Самарканду, где обыкновенно пребывал. Со времени окончания господства Тимуридов в Самарканде узбекские ханы обосновались в Бухаре, и некоторые из них велели построить там мечети и медресе...

Вследствие того, что оазисы Бухары покрыты аллеями деревьев и многочисленными садами, взор не в состоянии проникнуть далеко. Однако вид столицы поражает европейца. Купола, мечети, высокие фасады, медресе, минареты, дворцы, возвышающиеся среди города, зубчатая стена вокруг них,

пруд, расположенный возле стен и окруженный домами с плоскими кровлями или красивыми дачками, опоясанными зубчатыми стенами, наконец, поля, сады, деревья и движение, господствующее всюду в окрестностях столицы, – все способствует весьма приятному впечатлению.

Но эта иллюзия исчезает тотчас же, как вступаешь в город, так как, за исключением бань, мечетей и медресе, видны только глинобитные строения сероватого цвета, нагроможденные без всякого порядка друг подле друга и образующие узкие, извилистые, грязные и проведенные кое-как улицы. Дома, обращенные фасадами во двор, представляют со стороны улицы сплошь однообразные стены, без окон, без чего-либо, что могло бы привлечь внимание и порадовать прохожих...»¹¹⁴⁸

Вполне естественно, что труд Е. Мейендорфа не был свободен от недостатков, ибо офицер воспринимал все «виденное сквозь призму взглядов и суждений окружавшей его общественной среды» (Б.В. Лунин), однако же, несмотря на это, можно констатировать, что в целом детище гвардейского офицера до сих пор сохраняет свое научно-познавательное значение.

Нашему современнику довольно трудно представить себе, что должен был чувствовать человек первой трети девятнадцатого столетия, отправляющийся из России в Бухарский эмират. Далекая азиатская страна, практически не известная и потому малопонятная. Побывавшим там людям из Европы казалось, что само время здесь как бы навсегда остановилось тысячу лет тому назад. И за прошедшие столетия тут вроде ничего не изменилось, ибо жизнь подчинялась все тем же древним законам и обычаям. Свидетельство тому можно обнаружить и в упомянутой книге самого барона Мейендорфа, писавшего: «Мне показалось, что я перенесен в другой мир»¹¹⁴⁹.

В самом начале 1840-х годов эмир Бухары обратился к российскому императору с просьбой оказать помощь «в исследовании руд, отыскании металлов и дорогих камней» в этом среднеазиатском государстве. Согласие было получено, и уже весной 1841 года в Бухарский эмират была отправлена специальная миссия горных чиновников. В ее составе находился еще один российский исследователь немецкого происхождения – натуралист и естествоиспытатель, кандидат философии Александр Леман (1814–1842). Несколько раньше он, в качестве исследователя, успел уже побывать на восточных окраинах Российской империи – в прикаспийских степях и Хорезме.

Леман тоже, подобно своим предшественникам, собрал здесь довольно богатый материал, воплотившийся затем в книгу под названием «Путешествие в Бухару и Самарканд» („Reise nach Buchara und Samarkand“). Труд этот был издан в Петербурге на немецком языке в 1842 году – сразу же после смерти автора. Ученый осветил в своей книге различные стороны

---

¹¹⁴⁸ Цит. по: История Узбекистана в источниках». Ташкент: «Фан», 1988. С. 195.

¹¹⁴⁹ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 154.

городского быта: он описал бухарские медресе и существовавшую в эмирате систему мусульманского образования, свадебные и похоронные обряды местного населения, знахарство и искусство врачевания. Стоит отметить и то важное обстоятельство, что сопровождавший миссию Лемана топограф Яковлев снял первый подробный план Самарканда, который был опубликован уже в 1843 году Н. Ханыковым.

Побывавший тогда же в Средней Азии вышеупомянутый российский ориенталист Н. Ханыков рассказал позднее в своей книге о встрече с А. Леманом в Самарканде. Пребывая в этом городе, Ханыков с гордостью отмечал, что он является вторым, после посланца испанского короля Рюи Гонзалеса де Клавихо, посетившим в 1404 году Самарканд, европейцем, «посетившим эту знаменитую местность». Однако уже через несколько дней он свел знакомство с Александром Леманом и сделал приписку в своей рукописи:

«Думая это, я не знал, что уже 1-го сентября гг. Леман и Богословский были в Самарканде. Леман, приехавший ко мне 3-го (сентября. – Р.Н.) в цитадель (Самарканда. – Р.Н.), предлагал мне, шутя, купить у него право первенства посещения города, и, конечно, я не думал тогда, что скорая смерть этого замечательного талантливого молодого ученого и его спутника доставит мне, без покупки, печальное преимущество быть первым, еще живым после Клавихо, свидетелем отживания Самарканда»...¹¹⁵⁰

Блестяще выполнив свою задачу в Бухаре, Александр Адольфович, отдохнув некоторое время в Оренбурге, выехал в свой родной Дерпт. Однако многочисленные и весьма непростые экспедиции, в которых принимал самое активное участие Леман, сказались на его здоровье: так и не добравшись до дома, Александр в возрасте 28 лет внезапно скончался в Симбирске.

О жизни и деятельности безвременно умершего исследователя в журнале «Географические известия» (СПб., 1850) была опубликована пространная заметка под заглавием «О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран Азии». А уже в советское время историк М. Соловьев издал монографию «Экспедиция в Бухару в 1841–1842 годах при участии натуралиста А. Лемана» (М.,-Л., 1936).

Названные выше ученые – этнические немцы – стояли у самых истоков продвижения России в Азию, способствуя тем самым в целом приобщению Европы к тайнам и загадкам Востока...

---

¹¹⁵⁰ Ханыков Н.В. Самарканд (Рассказ очевидца) // Русский инвалид, СПб., 1868. № 161.

Меннониты и власть в конфликте 1860–1870-х гг.: pros и cons реформ унификации

Модернизационный переход, на пороге которого Российская империя оказалась в середине XIX стол., затронул ранее спокойный и, казалось бы, устоявшийся мир менонитских колоний Юга России. Монархия, которая впервые всерьез задумалась о практических мерах сохранения устойчивости империи, ресурс которой, как показала Крымская война и в дальнейшем польское восстание, истекал, продемонстрировала твердые интенции реформирования с целью стабилизации социально и этнически-гетерогенного общества. Для колонистов в целом это означало ликвидацию их статуса, для меннонитов конкретно – лишение их привилегий. «Легенда о привилегиях» являлась важной составляющей исторической традиции меннонитов, частью семиотического кода их представлений о своем прошлом в России. «Привилегии» интерпретировались ими как решающее условие эмиграции конгрегаций, предмет их гордости, свидетельство особенного положения колоний в обществе, которое предоставлялось им, как они полагали, взамен за особые заслуги перед монархией. Привилегии («Просительные статьи»), составленные представителями прусских меннонитов и Григорием Потемкиным, были одобрены Екатериной Великой, а затем законодательно подтверждены в 1801 и 1838 гг. – недалеко прошлом. Известие о готовящихся реформах было воспринято конгрегациями как неожиданное «предательство» со стороны российского правительства, отказ властей выполнять принятые на себя обязательства, нежелание принимать во внимание уже неоднократно подтвержденные договоренности по бескомпромиссным для меннонитов вопросам – их конфессиональным свободам и пацифистским убеждениям. На данный шаг со стороны властей они ответили не этническим отчуждением и смирением, а активными действиями в духе «мобилизованной диаспоры»¹¹⁵¹ – организованной и сплоченной эмиграционной группы с традициями микрогражданского коллектива. Фрустрация недопонимания спровоцировала, пожалуй, первую конфликтную ситуацию между меннонитами и властями. Трансформировалась ли она в активный конфликт? Конфликт между кем? Каковыми были итоги конфликта? Каковой была степень их плодотворности, либо же это был безрезультатный обмен «холостыми выстрелами» со стороны оппозиционных сил? На эти вопросы нам предстоит ответить в данном выступлении.

---

¹¹⁵¹ Венгер Н.В. Теория Дж. Амстронга «О призванной диаспоре» как объяснительная модель истории меннонитских общин в Российской империи (1789–1914) // Этнические немцы России: исторический феномен народа в пути. М.: МНСК-пресс, 2009. С. 32–52.

Этнический конфликт: теория и анализ выбранной ситуации. В современной этноконфликтологии нет консенсуса относительно того, какие конфликты следует относить к этническим, а какие квалифицировать иначе. Российский исследователь В.С. Малахов, рассматривая этнический конфликт как проявление и разновидность социального, находит истоки этнических конфликтов в двух измерениях: 1) исторической перспективе, в глубине прошлого каждой из групп и истории их взаимодействия; 2) как явление, произрастающее из материальных интересов, которые побуждают элиты определенной этнической группы прибегнуть к конфликтным стратегиям поведения¹¹⁵². Важной причиной, вызывающей этнические конфликты, следует рассматривать фактор «неравномерно распределенной легитимности», упоминаемый в исследовании американского ученого Д. Горовица. Данный мотив конфликта особенно важен для традиционных обществ, и имеет тенденцию ослабевать по мере вовлечения традиционного общества в процесс индустриализации и вестернизации¹¹⁵³.

Предполагая, что именно фактор «неравномерно распределенной легитимности» являлся главным мотивом данного конфликта, не сложно будет ответить на вопрос о его инициаторах и, выражаясь языком современной социологии, основных акторах – участниках событий. Идея «неравномерного распределения легитимности» в данном случае связана с вопросами о социальной справедливости и объяснимо исходила из внешней меннонитскому и колониистскому социуму группы – российского общества. Как отмечают исследователи, в национальном конфликте никогда не бывают задействованы все члены этнической группы либо групп. Со стороны российского общества функцию представительства в процессе развертывания конфликта осуществлялось радикально настроенными представителями раннего национализма, которые в период «Александровской оттепели» получили социальное пространство и возможность заявить о себе. В этой связи особая роль в возникновении и усилении данного конфликта принадлежала российской интеллигенции, которая идеологически обосновывала и подогревала данный конфликт, формировала те «идеологические конструкции», которые, будучи переданными массам, определяли трансформацию общественного сознания¹¹⁵⁴. Со стороны меннонитов ей противостояла формирующаяся светская элита колоний. Какую же роль играла власть и насколько активной была ее роль? Оценка анализируемой нами ситуации подтверждает убеждение некоторых российских исследователей о том, что правящая династия России дольше, чем в большинстве европейских государств сопротивлялась национализму. Как заметил Ричард Уотман, «...

¹¹⁵² Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М. : КДУ, 2005. С. 241.

¹¹⁵³ Horovitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1985. P. 134–135.

¹¹⁵⁴ Малахов В.С. Указ. Соч. С. 246.

русский национализм – поле постоянной борьбы, контестации. Эта борьба развернулась в XIX – XX веках между монархией и образованной частью общества, когда каждая из сторон претендовала на право представлять народ»¹¹⁵⁵. Общественный национализм на данной стадии был агрессивнее национализма официального, и это значит, что «официальный национализм» должен был искать консенсус с «национализмом общественным».

Однако при всей значимости идеологических факторов их не следует абсолютизировать, поскольку почву для конфликта создавали конкретные исторические обстоятельства социально-структурного свойства. При этом мы не можем исключать из числа акторов и представителей законодательной и исполнительной власти, поскольку они не только выдвинули официальную позицию ликвидации привилегий, но и их деятельность была постоянным фоном разворачивания конфликта.

Причины конфликта – идея о реформах административной и военной унификации. Содержание «Привилегий» во многом было предопределено задачами предмодернизационного периода. Колонизация объективно служила общим целям трансформации России, то есть приближала Россию к модернизационному переходу. Будучи колонистами, меннониты выполняли определенную хозяйственную функцию – решали задачу освоения новых территорий. «Микро-гражданские» коллективы меннонитских колоний развивались в условиях «отдельной экономической зоны» и имели льготные условия налогообложения¹¹⁵⁶. Оказывая влияние на развитие модернизационных процессов в регионе, колонисты способствовали не только трансформации окружающего экономического пространства, но и изменению своего статуса.

Вопрос о необходимости изменения правового статуса колонистских поселений впервые поднимался на официальном уровне в 1840-х гг. В августе 1841 г. П. Киселев лично посетил Хортицкую группу колоний, где состоялась встреча с администрацией селений¹¹⁵⁷. Данный визит был вызван необходимостью изучения опыта развития исследуемых нами конгрегаций в России. В частности изучалась система льготного обложения колоний. Уже после инспекции колоний П. Кеппеном (1841) власти задумались об изменении некоторых льготных условий, в том числе податных, для меннонитских поселений, что было воплощено в жизнь в 1862–1863 гг.¹¹⁵⁸ Вместе

¹¹⁵⁵ Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 335.

¹¹⁵⁶ Венгер Н.В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920). Днепропетровск: ДНУ, 2009. С. 124–145.

¹¹⁵⁷ A Mennonite in Russia: A Dairy of Jacob D. Epp / Ed. Dyck Harvey. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 20.

¹¹⁵⁸ Российский государственный исторический архив (СПб., Россия) (РГИА). Ф. 1181. Оп. 17. Д. 71. С. 133.

с тем именно в период 1840–1860-х гг. вопрос о социальной справедливости по отношению к отдельным этническим группам впервые прозвучал на самом высоком уровне. И хотя его решение тогда не было актуализировано должным образом, он заложил некоторые основы будущей поляризации общества.

Суть реформы 1871 г., ее характер и социальные задачи, невозможно понять без учета дискуссии, которая сложилась в те годы в России вокруг вопросов о важности формирования единой русской нации, роли окраин и проблем отдельных этнических групп империи. Не исключая важности колониетской проблематики в общественном мнении дореформенной и пореформенной России, отметим, что в комплексе национальных проблем исследуемого периода она занимала не самое центральное место. В начале 1860-х гг. одной из ведущих тем публицистики становится остзейская проблема – проблема немецкого населения западных провинций. Вызвав определенный резонанс в обществе, она не только оказала влияние на формирование общественных настроений вокруг колонистов – представителей отдельных этнических групп, но и стала одним из факторов, подготовивших почву для развития «немецкого вопроса» в России в целом¹¹⁵⁹. Одними из ключевых фигур в обсуждении остзейской проблемы являлись Ю.Ф. Самарин (1819–1876) и И.С. Аксаков (1823–1886), М.Н. Катков (1818–1887) – публицисты и общественные деятели.

Первым проблему окраин России в контексте особенного статуса немецкого населения поднимал Самарин в публикациях «Рижские письма» (1848), «Окраины России: Русское Балтийское поморье (1868–1876)». И. Аксаков, высоко оценивая «Окраины России», утверждал, что работа Самарина, будучи посвященной Балтийской окраине, «выражает глубоко осознанную им необходимость подобного же разоблачения русской государственной политики и на прочих... окраинах. Самарин надеялся, что если ему самому не удастся совершить эту задачу, то пример его вызвал [бы] других на такую же работу»¹¹⁶⁰. Анализу проблем остзейских немцев посвящены работы И. Аксакова, опубликованные в журналах «Москва», «День» с 1862-го по 1885 г. Близкими позиции Самарина и Аксакова были передовые статьи Каткова в его издании «Московские ведомости». Публицисты рассматривали остзейский вопрос как часть более широкой проблемы о государстве и национальности, перспективах формирования единой русской нации, безопасности государства, совершенстве его социально-правовой систе-

---

¹¹⁵⁹ Исаков С.Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. – Тарту: Изд –во Тартуского гос.ун-та, 1961.

¹¹⁶⁰ Аксаков И.С. По случаю сенаторской ревизии в Курляндской и Лифляндской губерниях в 1882 // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Т. 6. С. 158.

мы, призывали отказаться от капитуляционной политики¹¹⁶¹. Вместе с тем, голоса Аксакова, Самарина, Каткова не были одинокими. Их поддерживали другие издания: «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Современная летопись».

Самарин, Катков и Аксаков рассматривали свою деятельность как важную упредительную работу, направленную против идей пангерманизма. Как полагал Самарин, балтийские немцы к середине столетия выработали определенную тактику взаимоотношения с центром, а немецкая народность «при насильии, насильственном онемечивании достигает торжества немецкой национальности»¹¹⁶². Эта народность, обращает внимание Аксаков, с каждым днем захватывает все больше политической силы, формируя из немцев «политическую национальность»¹¹⁶³. Суммируя свои рассуждения о положении немецкого населения Прибалтийского края, Аксаков называет немцев «паразитами и чужедью», которые развивают племенной инородческий патриотизм и сепаративные стремления на окраинах¹¹⁶⁴. Говоря об окраинах и немцах – российских подданных в целом, он продвинул остзейскую проблему на грань ее перехода на проблему российских немцев в целом, включая и колониальный вопрос.

Проблема остзейских немцев, окраин и колонистов была сведена воедино в рассуждениях М.Н. Каткова. В отношении правового положения отдельных этнических групп в рамках одной нации Катков стоял на позициях унификации. В этой связи он позитивно оценивал предстоящие реформы, аргументируя, что все этнические группы в пределах одного государства должны иметь одинаковые права, категорически отрицал возможность каких-либо привилегий¹¹⁶⁵. Оценивая результаты южно-российской колонизации, Катков не выступал ни против программы переселения, ни против развития отдельных этнических групп, но видел проблему в несовершенстве государственной политики, в результате которой «немцы и меннониты, болгары резко выделились по созданному для них положению». Колонисты «по необходимости» составили «государство

---

¹¹⁶¹ Венгер Н.В. Колонизация и проблемы реформирования колонистов в российском националистическом дискурсе // Немцы Сибири: история и культура. Омск: Наука, 2010. С. 264–271.

¹¹⁶² Аксаков И.С. В праве ли прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности (23.09.1867) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн.собр.соч. С. 30.

¹¹⁶³ Аксаков И.С. В каком смысле Остзейские немцы ...// Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн.собр.соч. С. 102.

¹¹⁶⁴ Аксаков И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина (10. 09. 1868) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 63.

¹¹⁶⁵ Московские ведомости (МВ). 1864. №51. С. 136.

в государстве», и ныне, привыкнув к своему обособленному состоянию, они, негативно относятся к перспективе реформ¹¹⁶⁶. И остзейские немцы, и колонисты, как утверждал Катков, противятся реформированию, тем самым «парализуя национальные стремления русского государственного организма»¹¹⁶⁷. Катков требовал от колонистов подчинения интересам государства. Он убежден, что страна, принимающая инородцев, надеется и имеет право видеть в них и верных слуг, и любящих детей. Только тогда колонизация имеет смысл¹¹⁶⁸.

Катков называл правительственной ошибкой тот шаг, что иностранным колониям было позволено сохранение собственного языка. В том числе и по этой причине, как полагает публицист, колонии ныне оказались в изоляции и жестоко платят за нее¹¹⁶⁹. Вместе с тем, Катков позитивно отзывался о практике меннонитов, у которых проблема изучения русского языка решается более успешно.

Несмотря на тот факт, что в дальнейшем воззрения данных общественных деятелей станут идеологической основой практической национальной политики, в 1860-е гг. она еще не была поддержана ни властями, ни императором Александром II. Александр II был возмущен «злоупотреблениями печатного слова в прибалтийском вопросе»¹¹⁷⁰. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев попытался воздействовать на содержание изданий, но, когда Аксаков не внял совету, «Москва» была закрыта¹¹⁷¹.

Тем не менее, в условиях «Александровской оттепели» публицисты в течение долгого времени могли выражать свою позицию достаточно открыто. Анализируя полемику внутри российского общества в целом, Аксаков заметил, что на самом деле «борьба происходит не между правительствами России и Германии, а между российским и русским обществом...», не столько о политическом, сколько о духовном преобладании в России иноземного или народного [Н.В.: читай, русского] начала»¹¹⁷².

Российское общество также раскололось в оценке происходящего. Оппозиционную аксаковскую точку зрения выражала газета Российской Импера-

---

¹¹⁶⁶ Там же.

¹¹⁶⁷ Аксаков И.С. Немецкая вода в русском вине (11.09. 1868) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 70–76.

¹¹⁶⁸ МВ. 1865 № 137 С. 372

¹¹⁶⁹ Московские ведомости. 1871. № 190. С. 562.

¹¹⁷⁰ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н.И. Цимбаев. МГУ, 1978. С. 148.

¹¹⁷¹ Там же.

¹¹⁷² Аксаков И.С. Не немецкий немец нам опасен, а немец, что сидит в душе всякого образованного русского (День, сент. 1865) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 306.

торской академии наук „St. Peterburger Zeitung“¹¹⁷³. Подобные рассуждения звучали со страниц «Вестей», «Нового времени»¹¹⁷⁴. Оппоненты Самарина, Каткова, Аксакова убеждали: «Ненависть – самый плохой советчик, вражда ослепляет. Вы не организуете, а дезорганизуете наши силы. Московский фанатизм только портит дело и мешает нам его вести. Мы не хотим насильственных способов. Только путем мира и собственного развития можем мы удержать наши окраины»¹¹⁷⁵.

Анализируя данную ситуацию, следует признать, что поднятая проблема иноэтничного населения России была объективно связана с проблемами развития государства на этапе предмодернизационного перехода, и эти дебаты были далеки до завершения. По мнению Аксакова, самая главная проблема российского общества состояла в отсутствии патриотизма, и почти в каждом представителе русской интеллигенции «сидит немец», то есть «непатриот». Аксаков видит во всем и везде «неусыпный труд германизации и денационализацию русского рубежа»¹¹⁷⁶. И действительно, Аксаков полагал, что отношением к коренной русской народности определяется отношением к инородцам: «чем меньше веры в свою народность и в ее право, чем меньшим уважением пользуется она у себя дома от своей государственной власти, чем стесненнее ее внутреннее развитие и вообще деятельность внутренней органической жизни, – тем успешнее деятельность паразитов или чужады, – тем сильнее преобладание иноземцев, тем удобнее и легче развиваются, искусственно выгоняемые из почвы, племенной инородческий патриотизм и сепаративные стремления на окраинах»¹¹⁷⁷. Катков поддерживает данный тезис, обращая внимание общества на то, что правовое неравенство во многом определялось отношением чиновников и власти к своему народу¹¹⁷⁸. Считая сетования властей на «естественные свойства» [читай, несовершенство характеристик и качеств] русского народа совершенно неоправданными, публицист призывал власть имущих действовать в ключе,

---

¹¹⁷³ Аксаков И.С. В праве ли прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности (23. 09. 1867) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн.собр.соч. С. 30.

¹¹⁷⁴ Аксаков И.С. По поводу речи г. Скарятин, редактора «Вести» (15.10.1868) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 125–126.

¹¹⁷⁵ Аксаков И.С. По поводу речи г. Скарятин, редактора «Вести» (15. 10. 1868) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 125.

¹¹⁷⁶ Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн.собр.соч. С. 413–416.

¹¹⁷⁷ Аксаков И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 691.

¹¹⁷⁸ МВ. 1865. № 137. С. 138.

создающем благоприятные условия для развития «позитивных качеств народной жизни».

Публицисты убеждали, что Россия находится в ситуации, когда несовершенство внутренней политики грозит трансформации во внешнеполитические проблемы. При этом речь шла не только о вышеупомянутой кампании обсуждения политики в отношении инородцев, развернутой в иностранной печати. Самарин, например, поясняет: «Наше положение на окраинах разнится с положением внутри России... Там имеются наготове, в полном сборе, силы нам враждебные, с тою именно целью вышколенные, чтобы обращаться в наступление против нас всякую нашу ошибку и пользоваться каждою потерянною нами минутою»¹¹⁷⁹. Аксаков предупреждает: «В случае войны с нашими соседями наша окраина, преимущественно северо-западная, призвана играть важную роль. Это давно уже призвано всеми стратегами: как западными, так и заграничными. В последние десять лет наш западный рубеж усеялся по ту сторону всевозможными военными укреплениями...»¹¹⁸⁰.

Внимание Каткова привлекла работа немецкого экономиста Рошера о значении расселения представителей немецкого этноса на территории европейских государств за пределами Германии. Немецкий ученый, ставший объектом разбирательства в статье Каткова, анализирует ситуацию в Польше, Пруссии и Турции. Рошер убежден, что в результате активного расселения немцев в Европе возникает перспектива «основания Новой Германии, которая превзойдет старую и величиной и богатством, и образует верный оплот»¹¹⁸¹. Придавая большое значение данной публикации, Катков посвятил разбору высказанных в ней идей один из выпусков издания. «Верный оплот» – одно из первых (если не первое) упоминание о внутренней угрозе со стороны немецкого этноса, которая в дальнейшем будет развита, например у А. Палтова (Велицина)¹¹⁸². Катков был убежден, что в случае военного конфликта с Германией «внутренние немцы» России откликнутся на голос крови и будут действовать в интересах своей этнической Родины.

Критикуя власти за их «капитуляционную» политику на окраинах (понятие, которое, исходя из задач труда Самарина, следует рассматривать более широко, а не только как остзейские), публицисты призывали правительство и монархию к решительным практическим действиям. Можно спорить о характере регуляторных действий правительства в последующий период, но в середине столетия Самарин и Аксаков предлагали программу

---

¹¹⁷⁹ Аксаков И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина (10.09.1868) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 67.

¹¹⁸⁰ Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн.собр.соч. С. 413–416.

¹¹⁸¹ МВ. 1871. №193. С. 587.

¹¹⁸² Велицын А.А. Немцы в России. СПб.: Общественная польза, 1893. – 282 с.

наступательно-русификаторского характера. Никогда не излагая ее последовательно, они, тем не менее, в различных публикациях перечисляли меры противодействия «внутренней германизации», среди которых предусматривалось: введение общерусского законодательства и управления по общероссийскому образцу, легитимация русского языка в качестве государственного; уравнивание коренного населения края в правах с остзейскими немцами; проведение земельной, судебной и реформы городского управления; введение в школах обучения на русском языке с тем, чтобы подготовить в будущем обрусение края; поддержка православия в крае¹¹⁸³. Данные меры воспринимались как справедливые большей частью российского общества.

В отдельных публикациях Катков затрагивал проблемы реформирования колоний. Рассуждая о реформе земских учреждений (1869), в ходе которой за колонистами сохранилась привилегия освобождения от земского сбора, публицист выражает свое несогласие с законодательным решением¹¹⁸⁴. Анализу административной реформы 1871 г. Катков посвящает публикации от 25 июня и 4 сентября 1971 г. Разбирая содержание реформы, он доказывает, что закон мало изменил привилегированное положение колонистов.

Те дискуссии, которые происходили вокруг статуса Остзейских губерний и колонистов, несомненно существенно влияли на латентное состояние реформ унификации, их разработку, содержание и обоснование. Вопрос реформирования стал последовательно изучаться властями с 1860-х гг., что было связано с реализацией закона о государственных крестьянах. Как пояснил в своей записке относительно данных проектов управляющий Министерства государственных имуществ, цель будущих нововведений состояла в «полном по возможности объединении колонистов с крестьянами-собственниками как по правилам личным, так и по состоянию, так и по земледелию, общественному управлению и суду, не препятствуя дальнейшему хозяйственному преуспеянию колонистов, что вполне согласовывалось бы с общими коренными началами, лежащими в основе общего законодательства об устройстве сельского состояния»¹¹⁸⁵. В журнале «Комиссии об устройстве общественного управления иностранных поселян», заседание которой состоялось в июне 1867 г., необходимость реформ обосновывалась следующим образом: «Окружившее колонии русское население по-

---

¹¹⁸³ Аксаков И.С. По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций // Аксаков И.С. Полн. Собр. Соч.. Т.6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 16; Его же. В праве ли прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности? // Аксаков И.С. Полн. Собр. Соч.. Т.6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 32; Аксаков И.С. Еще об «Окраинах» // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Полн.собр.соч. С. 167.

¹¹⁸⁴ Московские ведомости. 1865 №40 С. 118.

¹¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1181. Оп. 18. Д. 71. Л. 4.

ложило естественный предел дальнейшему расширению колонистами их землевладения. Напротив того, приумножившееся, даже удесятирившееся колониственное население, скучиваясь все более в пределах первоначального надела, по необходимости должно искать и ищет выхода, стремится к расширению за пределами колоний хозяйственной и промышленно-торговой деятельности, а без более тесного сближения колонистов с общим государственным строем удовлетворение этой естественной потребности для них крайне затруднительно. Наконец, дарованием всему сельскому состоянию прав общественного самоуправления, призвание всех сословий, в том числе и колонистов, к самостоятельному заведыванию местными хозяйственными нуждами, и введение в действие новых судебных уставов 1864 г. устраняют все те коренные препятствия...»¹¹⁸⁶.

На этапе принятия административной реформы задача специальных законодательных комиссий сводилась к тому, чтобы применить к колониям, с одной стороны, общее положение 19 февраля 1861 г. о вышедших из крепостной зависимости крестьянах, а с другой – Именной указ Правительственному Сенату 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян». Анализ данной задачи через призму вышеописанной дискуссии показывает, почему власти считали невозможным механическое переподчинение колонистов уже разработанным указам. Причиной этому, видимо, были некоторые политические мотивы и настроения. Государство, которое в свое время приняло на себя определенные обязательства в отношении колонистов – бывших иностранных подданных, как это достаточно показательно следует из документов, опасалось негативной реакции не только со стороны колонистов, но и европейской общественности.

Наблюдая за публикациями западных изданий („Allgemeine Zeitung“, „Neue Presse“, „National Zeitung“, „Monde“, „Opinion Nationale“), Аксаков сообщал: «Почти ежедневно в большей части прусских газет помещаются статьи, проповедывающие крестовый поход на Россию из-за братьев немцев...»¹¹⁸⁷. «На наших глазах, – продолжает Аксаков, – совершается любопытное, многозначительное явление. Русские немцы апеллируют к матери-Германии и мать-Германия вступает за свою утробу в России»¹¹⁸⁸. Внутренний спор, таким образом, как был убежден Аксаков, переносится на общеевропейскую арену и становится общенемецким делом, связывающим метрополию и диаспоры¹¹⁸⁹. Объективной причиной появления данных публикаций, кроме проявления

---

¹¹⁸⁶ Там же. Л. 118.

¹¹⁸⁷ Аксаков И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 688.

¹¹⁸⁸ Аксаков И.С. Не немецкий немец нам опасен, а немец, что сидит в душе всякого образованного русского (День, сент. 1865) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 306.

¹¹⁸⁹ Там же.

имперских настроений, характерных для Германии в рассматриваемый период, было опасение повторения польского синдрома и того, что «Россия поступит с немцами также, как с поляками»¹¹⁹⁰.

Один из главных тезисов, который прозвучал в печати, был о том, что Россия не в состоянии оценить той важнейшей цивилизаторской миссии, которую выполнили представители немецкого этноса в России: империя всегда будет нуждаться в притоке новых духовных сил, а следовательно, вынуждена будет вновь и вновь прибегнуть к способу, «который с таким успехом постоянно использовался со времен Петра Великого – выписке из-за моря новых учителей»¹¹⁹¹, «Россия всегда жила чужим умом и без него обойтись не может»¹¹⁹².

Российское правительство едва ли желало подбрасывать хворост в костер данной полемики, усиливая его разговорами о том, что в империи притесняют и других немцев – колонистов. В связи с этим вначале был поднят вопрос о создании специального положения (или закона), которое должно было бы заменить действующий «Устав о колониях». Похоже, как это часто случается в политике, государство скрывало свои истинные цели, пытаясь выждать некоторое время, пока «протестные» настроения в обществе улягутся, намеревалось «приучить» колонистов к самой мысли о неизбежности перемен, причем, как оказалось, перемен весьма кардинального характера. Власти, видимо, полагали, что они имеют моральное право на данные изменения, поскольку последним правителем, подтвердившим Привилегии, был Николай I. Не следует отрицать, что, находясь на пороге конфликта, правительство стремилось избежать его. Вместе с тем, оно не мешало активному обсуждению реформ, и характер дискуссии принимал формы не в пользу колонистов.

Какой же была позиция меннонитов – наиболее активной из колонистских групп? Европейский опыт менонитских конгрегаций неоднократно подтверждал, что предоставленные монаршей милостью привилегии могут быть отобраны с наименьшей легкостью. В этом отношении они могли бы быть морально готовыми к изменениям подобного свойства, после каждой смены монарха. Если сообщение о подготовке административной реформы вызвало общие опасения меннонитов, то известие о включении их в число лиц, подлежащих под применение закона о всеобщей воинской повинности, то накал беспокойства достиг своего апогея вокруг военной реформы. По инициативе отдельных общин в Санкт-Петербург были отправлены петиции и депутации, но, по воспоминаниям меннонитов, они не достигали

---

¹¹⁹⁰ Аксаков И.С. Об угнетении немцев в России (21.10.1867) // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. С. 44.

¹¹⁹¹ Аксаков И.С. Не немецкий немец нам опасен... С. 306.

¹¹⁹² Там же.

поставленной цели, а делегируемые лишь осознавали свое бессилие и наивность, незнание и неумение разбираться в сложной административно-бюрократической системе¹¹⁹³. Цель первой делегации состояла в донесении и напоминании властям пацифистских принципов меннонитов. Одна из последующих депутатий состояла из представителей общин, которые не сумели изъясниться на русском языке должным образом. В составе третьей находились молодые менонитские учителя, которые, хотя и неплохо говорили на русском, но выглядели неубедительно. Каковой была реакция властей на подобную тактику меннонитов? По понятным, в том числе и по объективным причинам, скорого ответа не последовало. Вначале официальные лица объясняли свое молчание тем, что реформа находилась в состоянии разработки, что исключало наличие ясного ответа¹¹⁹⁴. Затем в дальнейшем поступило сообщение о том, что для меннонитов вообще не предусмотрены какие-либо исключения. Когда в феврале 1873 г. меннониты наконец добились аудиенции Великого князя Константина Николаевича, реформа находилась на последних этапах подготовки, и никаких изменений данные переговоры не принесли¹¹⁹⁵.

Во время одной из первых встреч в Санкт-Петербурге Леонард Зудерман, предприниматель и глава Бердянской общины, который эмигрировал в Россию из Пруссии в 1841 г., категорически заявил, что меннониты не готовы ни к каким компромиссам, и никогда не примут никакого варианта реформы. Столь резкое заявление вызвало не менее резкие ответы со стороны властей. Конгрегациям напоминали, что меннониты, как и другие подданные царя, должны подчиняться монаршей власти. Им сообщили также, что для них может быть предоставлена служба в составе армии, не предусматривающая обязанностей прямого участия в военных действиях. Ответ властей вызвал неоднозначный отклик и в среде сообщества. Зудерман выражал позицию лишь одной, наиболее консервативной части сообщества, тех радикальных общин, которые подобно «Кляйне гемайнде», противились компромиссам. Его поддерживали другие менонитские лидеры – К. Янцен, Д. Гадрт, И. Петерс, Г. Вибе¹¹⁹⁶. Другая же часть была готова продолжить переговоры¹¹⁹⁷. Позицию, направленную на консолидацию, поддерживал известный менонитский историк и общественный деятель П.М. Фризен. В дальнейшем Зудерман возглавит ту часть сообщества, которая стала на путь эмиграции. Странники Зудермана более не доверяли

---

¹¹⁹³ Urry J. *Mennonites, politics, and peoplehood*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 2006. P. 97–98.

¹¹⁹⁴ *Ibid.* P. 98.

¹¹⁹⁵ *Ibid.*

¹¹⁹⁶ Loewen H. *A house divided: Russian Mennonite non-resistance and emigration in 1870s // Mennonites in Russia, 1788–1988*. Winnipeg: CMBC publication, 1989. P. 133.

¹¹⁹⁷ Loewen H. *A house divided: Russian Mennonite non-resistance and emigration in 1870s // Mennonites in Russia, 1788–1988*. Winnipeg: CMBC publication, 1989. P. 127–143.

властям, и, как объяснял ситуацию один из тех, кто выбрал переселение в Америку, Якоб Гардер: «Мы видели опасность для будущего нашего молодого поколения. Даже если государство предоставит для нас льготы, всем понятно, что они не будут сохранены на период ведения военных действий»¹¹⁹⁸.

Дальнейшие события известны. Перспектива появления закона вызвала активные эмиграционные настроения некоторой, радикально настроенной части меннонитского общества, в начале 1870-х гг. Россию покинуло 17 000 чел. Таким образом, эмиграция стала побочным результатом конфликта. Побочным, но не единственным.

Результаты реформ. Прямым результатом конфликта стали сами реформы. Высочайше утвержденные правила «Об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, и области Бессарабской», были утверждены 14 июня 1871 г., спустя 5 лет после начала его разработки¹¹⁹⁹. Основные положения реформы 1871 г. состояли в следующем: 1) колонисты получали статус поселян-собственников; 2) была упразднена система попечительства; 3) поселяне подчинялись местным, губернским и уездным по крестьянским делам учреждениям; 4) сохранялись прежние привилегии; 5) колонистские округа образовывали особую волость; 6) все поселяне, включая безземельных, участвовали в сельском сходе, но безземельные – на основе представительства: 1 чел. на 10 взрослых работников; 7) вводилось правила возможности «малого» сельского схода; 8) поземельное устройство осуществляется по правилам, действительным для государственных крестьян; 9) устанавливается государственная оброчная подать; 10) наследование имущества осуществляется на основании собственных традиций. Согласно данному закону каждая волость имела свое страховое общество, ссудно-сберегательную кассу, фельдшера, врача. Меннонитские округа сохраняли систему образования. Волости делились на отдельные сельские общества, которые «могли и впредь сохранять существующую между ними связь по делам хозяйства». Власти вводили практику «малого сельского схода». Его созыв допускался, если отдельный населенный пункт либо «имел многочисленное население», либо квота членов схода не могла быть обеспе-

---

¹¹⁹⁸ The Schardau Heritage / Ed. A. Flaming. North Newton (Ks) : Cop. L. Harder, 2001. P. 7.

¹¹⁹⁹ Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и в области Бессарабской (14 июня 1871) // ПСЗРИ. Изд. II. Т. XLVI. С. 813–819.

чена ввиду отсутствия жителей по причине их вовлеченности в торгово-промышленную деятельность.

Последовательный анализ основных положений реформ 1871 г. в целом демонстрирует их соответствие первоначальным целям реформирования. Ситуация не носила тупикового характера и вовсе не исключала возможности диалога менонитской элиты с государственными структурами. Этот вывод подтверждают события не только второй половины столетия, но и раннего советского периода. Реформа 1871 гг. не остановила поступательной эволюции хозяйственного механизма поселений. Успешное развитие колоний наблюдаемое в последующий период, еще раз существенно «реабилитирует» не только реформу 1871 г., но, и, в определенной степени, российскую национальную политику в целом. «Административная унификация», бесспорно, прежде всего, учитывала интересы государства, однако, как осознавали власти, не должна была разорвать окончательно доверительные отношения государства с отдельными этническими группами, находившимися в подданстве Российской империи.

Таким образом, переход к новому правовому и социальному статусу привел к нескольким объективным последствиям для менонитских общин: 1) активизировал их общественную, социальную, хозяйственную деятельность; 2) ликвидировал условия сепаратизма; 3) законодательно способствовал развитию мелких форм предпринимательства в бывшей колонистской среде и повышению статуса предпринимательства. Наконец, анализируя значение административной реформы в рамках общеимперского дискурса, следует признать, что данные нововведения оказали опосредованное влияние на процесс формирования гражданского общества в России. Отдельные колонистские группы нарабатывали свой собственный опыт общения с другими социальными и этноконфессиональными группами в государстве, а также учились вести эффективный диалог с властью.

Оценивая содержание реформ, Катков с сожалением отметил, что закон мало изменил привилегированное положение колонистов: «Трудно придумать более льготные условия»¹²⁰⁰. Начало 1870-х гг. Самарин назвал временем «самых малодушных уступок протестантизму, сделанных отчасти из-за фальшивого либерализма, отчасти из-за боязни варваров»¹²⁰¹.

Не смотря на то, что момент формирования военного устава выглядит более контroversивно, даже самый беглый анализ событий вокруг принятия «Устава о воинской повинности» показывает, что он не был «окончательным и бесповоротным» решением властных структур. Эмиграция, которая последовала вслед за принятием закона, заставила правительство подумать о последствиях прежде всего для экономики региона. Как писал

---

¹²⁰⁰ Московские ведомости. 1871..№148. С. 422.

¹²⁰¹ Аксаков И.С. Еще об «Украинах»... С. 160.

барон Медель, автор одной из докладных записок, «едва ли правительство может безразлично отнестись к выселению меннонитов. Нельзя отрицать благотельного влияния меннонитских поселений на развитие рационального сельского хозяйства... Меннониты всегда отличались примерным трудолюбием, чистотою нравов и доказали свою преданность нашему правительству»¹²⁰².

Тогда, когда большинство меннонитов, желая остаться в России, все же обдумывало возможность эмиграции, в апреле 1874 г. Александр II отправил на Хортицу и Молочную генерала Тотлебена. Последний был уполномочен уведомить конгрегации о новых возможностях альтернативной службы, которая не только не противоречила пацифизму меннонитов, но и позволяла сообществу сохранять контроль над воспитанием юношей, привлеченных к выполнению новых обязанностей. В результате встречи главы общин не только благодарили царя, но и обещали в будущем продолжать изучение и использование русского языка¹²⁰³. Тотлебен также имел намерения встретиться с лидерами, возглавившими эмиграцию. Последние объяснили свой окончательный выбор тем, что они, более не доверяя царю, «опасаются будущего»¹²⁰⁴.

Государство неохотно, но все же шло на существенные уступки меннонитам. 1 января 1874 г. был утвержден закон, освобождавший меннонитов от службы в действующей армии и от ношения оружия, но обязывающий их к несению нестроевых должностей в мастерских, госпиталях, «Лесных командах». Указом 8 апреля 1875 г. меннонитам вверялось в обязанность отбывать службу в мастерских морского ведомства, пожарных командах и в особых подвижных командах лесного ведомства¹²⁰⁵. 8 апреля 1875 г. были приняты правила, согласно которым меннониты подлежали отбыванию военной службы преимущественно в пределах Новороссийского края и смежных с ним губерний, а с 23 июня 1880 г. – только в пределах трех Новороссийских губерний¹²⁰⁶. 25 мая 1882 г., 19 января 1883 г., 7 мая 1885 г. Особым мнением Государственного совета место службы для меннонитов, которые прибыли в Россию до 1 января 1874 г., ограничивалось «Лесными командами». Характерно, что указ 1874 г. утверждал легитимность совместных богослужений. Таким образом, в указах о воинской повинности сохранялись условия для сохранения религиозной идентично-

---

¹²⁰² РГИА. Ф. 381. Оп. 17. Д. 21366. Л. 18.

¹²⁰³ Loewen H. A house divided: Russian Mennonite non-resistance and emigration in 1870s // Mennonites in Russia, 1788–1988. Winnipeg: CMBC publication, 1989. P. 133.

¹²⁰⁴ Ibid. P. 137.

¹²⁰⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 276.

¹²⁰⁶ РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68783. Л. 19.

сти, которая для меннонитов находилась в тесной связи с их этнической идентичностью¹²⁰⁷.

Таким образом, проведение реформ унификации 1871–1874 гг. привело к неоднозначным и достаточно амбивалентным для дальнейшего развития колоний и распространенным на их территориях социальным практикам результатам.

Таблица 1.

Pros (+)	Cons (-)
Новые обстоятельства активизировали общественную, социальную, экономическую активность общин, что подняло общины на новый уровень модернизации	Ликвидированы льготные условия «отдельной экономической зоны»
Влияние на процесс формирования гражданского общества в России. Меннониты получили опыт диалога с властями. Опыт важен для государства в целом	Ликвидация органов опеки
Консолидация меннонитских общин и сохранение меннонитской идентичности	Антиколониистская пропаганда и колониофобия – новый имидж «социальной презентации колоний (элементы негативизма)

1. Вследствие прекращения правомочности «Устава о колониях» произошло юридическое «переподчинение» деятельности отдельных социальных групп меннонитского социума различным разделам имперского законодательства. Таким образом, отдельные группы меннонитского сообщества могли более свободно интегрироваться в многочисленные экономические и социальные подсистемы российского общества, проявляющие себя в разнообразных сферах общественно-полезной деятельности.

2. Несмотря на то, что социальная и экономическая жизнь колоний приобрела более сложный и комплексный характер, административные нововведения не повлекли за собой социальной сегментации общин. Определенную роль в этом, кроме традиционных доминантных установок «картины мира» меннонитского социума, сыграл закон «О всеобщей воинской повинности», который затрагивал не только религиозные чувства меннонитов, но и подрывал доверие конгрегаций к власти.

При всем закономерно негативном восприятии данного закона со стороны меннонитов, он оказывал консолидирующее влияние на характер внутриобщинной жизни. В течение всего предшествующего периода происходило неизбежное «убывание» социальной гомогенности меннонитского общества. Данное явление было вызвано динамичными процессами экономического развития колоний. Введение закона о воинской повинности,

¹²⁰⁷ ПСЗРИ II. Т. 1. С. 146–147.

который меннониты рассматривали как враждебный по отношению к их конгрегациям и культурно-религиозным традициям, оказало охранительную, цементирующую роль для сохранения общины – парадигмального понятия всей меннонитской доктрины.

Возможности, представленные общинам административным законодательством 1871 г., нашли своеобразное преломление в меннонитской повседневной практике и привели к появлению структуры, названной Рэмпелем «меннонитское сообщество»¹²⁰⁸. Появление системы межобщинных институтов явилось результатом сочетания внешней «угрозы» и нововведений общероссийского административного законодательства, которые, несмотря на самые негативные прогнозы, не привели к уничтожению самоуправления меннонитских конгрегаций и сохранили право меннонитов на альтернативную военную службу. Образ внешнего врага и представление об опасности, возможной извне, закреплённый в культурной легенде конгрегаций, нашел еще одно подтверждение и на российской почве.

Для общества, подобного меннонитскому, данный мировоззренческий стресс был объективно необходим для реактивации конгрегационной идентичности. Такие события, напоминая представителям данных общин об их ментальной сущности, способствовали сплочению различных социальных групп вокруг конгрегационной идеи. Эмиграция была результатом фактора «опережающего отражения» – попытки поиска в настоящем возможной будущей опасности и подготовки к ней.

3. Реформа, обострив проблему этнического отчуждения, создала прецедент процессов формирования гражданского общества. Одним из логически предусмотренных последствий реформы была ликвидация органов попечения. Данная инновация оказала амбивалентное влияние на будущее меннонитских общин. С одной стороны, реформа привела к отчуждению колонистов и меннонитов от власти, усложнила возможности диалога с государственными органами управления. Вместе с тем, она не исключала возможности диалога меннонитской элиты с государственными структурами.

4. «Великие реформы» внесли существенные изменения во взаимоотношения меннонитов и российского правительства. Объясняя и оправдывая свои действия по реформированию колоний и отмене сословного статуса колонистов, власти впервые использовали элементы «антиколонистской пропаганды». В свою очередь, вышеупомянутый Катков агитировал: «В России есть силы, которые враждебны русским людям. Паразиты, которые вошли в кровь. Нации, которые пользуются политическими привилегиями...». Данное заявление, не будучи направленным на меннонитов

---

¹²⁰⁸ Rempel D.G. The Mennonite Commonwealth in Russia: A sketch of its Founding and Endurance, 1789–1919/ D. G. Rempel // MQR. 1973. №4. P. 259–308.

конкретно, создавало определенный социальный климат, в том числе и для антиколониистских настроений. Наиболее показательно эти настроения проявились на этапе принятия указа, подчиняющего меннонитов закону о всеобщей воинской повинности, а также в связи с общественным резонансом, вызванным эмиграцией, последовавшей за принятием указа 1874 г. Таким образом, выпуская колонистов из изоляции, предоставляя им в целом позитивные условия для развития, власти невольно создавали условия для их изоляции.

Наконец, проецируя данные события на процесс развития националистического дискурса в целом, заметим, что в том числе и в результате разработки реформ унификации в России формировалась полная вертикаль российского национализма как структурной системы, состоявшей из трех составляющих. Национализм бытовой и официальный, таким образом, добавлялся национализмом отдельной этнической группы. Данное явление было проявлением собственных интересов нетитульных этносов и в результате приводило к активизации, по выражению П. Бурдые, их «символического капитала»¹²⁰⁹, то есть того культурно-идеологического и экономического ресурса отдельных народностей империи, который был столь необходим государству на этапе модернизационного перехода.

---

¹²⁰⁹ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С. 61.

Гражданская позиция меннонитов Канады и США в период Первой мировой войны

Вопрос восприятия общественностью конфликтных ситуаций, таких как войны, остается актуальным, как для социологов и психологов, так и для историков. Но более всего он затрагивает тех, кто, являясь гражданами одной конфликтующей страны, этнически принадлежат к народу второй стороны конфликта. В таких случаях, нередко, общественность воспринимает этих граждан как врагов и перекладывает на них ответственность за все невзгоды и потери.

В данной работе, впервые в отечественной историографии, будут рассмотрены взаимоотношения между североамериканским обществом и этноконфессиональной группой меннонитов в период Первой мировой войны.

Война, в которой США и Канада, как доминион Великобритании, приняли участие, привела не только к росту благосостояния меннонитов за счет военных поставок, но и к изменению отношения общественности этих стран к немецкоговорящим гражданам. Несмотря на то, что премьер-министр Канады Р. Борден еще в начале войны фактически подтвердил гарантии правительства относительно непривлечения меннонитов и квакеров к военной службе, враждебное отношение общественности вызывало у них законное беспокойство. В 1914 г. Генерал-губернатор Канады Д. Коннаут согласно закону о военных действиях издал указ о регистрации, задержании и аресте вражеских лазутчиков¹²¹⁰. Это действие спровоцировало кампанию шпионмании в средствах массовой информации, которая быстро сформировала негативное мнение о всех немецкоговорящих гражданах. Меннониты и этнические немцы автоматически превратились из «бережливых, трудолюбивых, интеллектуальных и лояльных граждан»¹²¹¹ в подозреваемых в сочувствии к австро-германскому военному союзу. И если немцы, не имея возражений по отношению к военной повинности с первых месяцев войны доказывали свою лояльность, вступая в ряды стотысячного экспедиционного корпуса, то меннониты и в Канаде, и в США твердо отстаивали свои принципы пацифистской группы. Старейшина меннонитов-аманитов Э. Фрей из штата Огайо пребывая в Онтарио заявил: «...мы не принимаем никакого участия в войне. Война недопустима в любой стране. Любой член нашей церкви, который бы приветствовал насилие был бы немедленно нами осужден»¹²¹².

¹²¹⁰ Epp F.H. *Mennonites in Canada* / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: *Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People*. P. 367–368.

¹²¹¹ A peaceful army of Mennonites coming // *The New York Times*. 1879. 2 January.

¹²¹² Epp F.H. *Mennonites in Canada* / F.H. Epp: in 3 vols. – Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: *Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People*. – P. 369.

Проповедник Дж. Китчинг из Конференции Братских меннонитов, наиболее либеральной церкви по отношению к воинской повинности изложил свою позицию так: «...мы оппозиционно настроены к воинской службе. Меннониты могли бы согласиться рыть окопы, но мы предпочтем умереть, но не будем убивать»¹²¹³. В августе 1915 г. в г. Арчибалд (штат Огайо) прошла Общая конференция меннонитов на которой, в частности, говорилось: «Мы полагаем, что по примеру жизни и учения Иисуса Христа и апостолов ни один христианин не должен участвовать в войне, ни при каких обстоятельствах и ни по какой причине. Ни в коем случае мы не должны допустить вербовки наших детей в солдаты. Лучше самим перенести несчастья и невзгоды, чем причинить насилие другим. Нужно заявить о нашем неучастии в войне кратко, но решительно»¹²¹⁴.

По результатам конференции были направлены письма президенту США В. Вильсону и Генерал-губернатору Канады лорду Конауту¹²¹⁵. Позднее, уже после вступления США в мировую войну, в августе 1917 г. в г. Гошен (штат Индиана) была собрана представительная конференция, на которой присутствовали 48 старейшин и 126 проповедников и дьяконов, и где было заявлено: «...мы не можем участвовать в войне ни в какой форме. И это не проявление нелояльности, неповиновения или трусости. Это вопрос веры и мы просим предоставить нам полную свободу совести и готовы подчиниться любым штрафным санкциям, которые правительства сочтут необходимым и целесообразным»¹²¹⁶.

В декабре 1916 г. военное ведомство Канады предприняло действие по регистрации всех мужчин в возрасте от 16 до 65 лет¹²¹⁷. Меннониты обеспокоенные этим указом направили делегацию, состоящую из четырех старейшин в Оттаву за разъяснениями по этому поводу, где имели встречу с генеральным директором национальной службы Р. Беннетом, на которой еще раз получили заверение о намерении правительства придерживаться договоренностей 1873 г. «О пацифистском статусе меннонитов», с одновременной просьбой не уклоняться от регистрации. Получили они и официаль-

---

¹²¹³ Rather Die Than Slay, so Mennonites Will not Fight // Toronto Daily Star. 1916. November 25. P. 1.

¹²¹⁴ Mennonites in the World War [Электронный ресурс] / [ed. by Jonas Smucker Hartzler]. – P. 56. – Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Mennonites_in_the_World_War.

¹²¹⁵ Mennonites in the World War or Nonresistance Under Test / by J.S. Hartzler. Mennonite Publishing House, Scottdale, Pa. 1921. P. 57–58.

¹²¹⁶ Epp F.H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 368–374.

¹²¹⁷ Delegation of Mennonites in Ottawa. Apply for protection against judicial process: Conference with Sir Robert Borden // fonds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 11 // Archive of Mennonite Heritage Center // fonds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 11.

ное подтверждение по этому вопросу¹²¹⁸. В благодарность делегаты внесли в Канадский патриотический фонд 5 577 долларов. В дальнейшем финансовые пожертвования стали нормой в выражении лояльности меннонитов в течение всей войны¹²¹⁹.

Между тем война требовала дополнительных людских ресурсов, которых канадская армия, формируемая в то время за счет вербовки добровольцев, дать не могла¹²²⁰. Поэтому, 29 августа 1917 г. был принят «Закон о всеобщей воинской повинности»¹²²¹. Закон содержал также перечень категорий граждан, освобождаемых от военной службы, в том числе меннонитов, духовоборов и квакеров. Был, однако, неясен и неприемлем для большинства общин меннонитов пункт Закона по поводу «обслуживания воюющей стороны».

6 ноября 1917 г. министр юстиции Канады Е. Ньюкомб разъяснил этот пункт в пользу меннонитов¹²²². В ответ на последовательную позицию правительства, которое на деле доказывало уважение к их вере и религиозным запретам, меннониты в декабре 1917 г. сформировали Организацию помощи (NRRO), целью которой являлось создание фонда в 100 тыс. долларов для благотворительных целей с предоставлением средств в распоряжение государства. Формирование фонда имело большое объединительное значение для всех меннонитских фракций разделенных в XIX в. многочисленными разногласиями.

Однако в то время когда правительство Канады в лице Министерства юстиции выражало уважение к пацифистскому статусу меннонитов, общественное мнение в этом вопросе было в оппозиции к официальной Оттаве и настроено враждебно, с чем не могли считаться провинциальные администрации. Призывные пункты на местах были поставлены в трудное положение, когда людских ресурсов для армии не хватало, а поток желающих поступить на военную службу иссяк. Согласно «Закону о всеобщей воинской

---

¹²¹⁸ Written Reply from the Government at Ottawa Re-Interview of the Mennonite Delegation in regard to Military Service. Ottawa, 8th January 1917 // Archive of Mennonite Heritage Center // funds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 11.

¹²¹⁹ Letter to Rev. Jacob Weins, the 29th January 1917 // Archive of Mennonite Heritage Center // funds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 14; A statement and petition of the Mennonites of Ontario and Western Canada to the Honorable Charles Stewart, Minister of Immigration and Colonization, 29 March 1922 // Archive of Mennonite Heritage Center // funds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 15; Epp F.H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 371.

¹²²⁰ В то время канадская армия формировалась за счет добровольцев, которые получали на содержание 1,1 долларов в сутки. В условиях массовой безработицы, которая началась в стране с 1912 г., в начале войны было много желающих вступить в армию [The First World War and Saskatchewan / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://esask.uregina.ca/entry/world_war_i_and_saskatchewan.htm.].

¹²²¹ The Military Service Act of Canada, 1917 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cesferesch.com/.../Acts/msa/htm>.

¹²²² Ibid.

обязанности», каждый гражданин в возрасте от 20 до 45 лет был автоматически потенциальным солдатом и подлежал мобилизации. В то же время, на фермах и в сфере производства возник дефицит рабочих рук. В негодующем канадском обществе, и в первую очередь среди фермеров, закономерно и жестко встал вопрос: «Почему, в то время как наши дети, оторванные от семьи, земли и от работы вынуждены воевать, немецкоговорящие меннониты имеют льготы и не хотят служить, но богатеют на военных поставках за наш счет?». Учитывая эти обстоятельства, провинциальные власти и лица ответственные за призыв в армию воспользовались пунктом «Закона о всеобщей воинской повинности» по которому меннониты были «освобождены» от воинской службы, а не «исключены»¹²²³. В этом случае они были обязаны зарегистрироваться и доказать что являются представителями одной из семи категорий граждан, подлежащих освобождению. В некоторых случаях приходилось доказывать не только факт принадлежности к вере, но и факт членства в церкви до даты начала призывной регистрации, т.е. до 6 июля 1917 г. У меннонитов, нередко, крещение с занесением в церковную метрическую книгу происходило в возрасте бракосочетания, т.е. примерно в 21–22 года. Это означало, что эти молодые люди достигали призывного возраста до обряда крещения и не имели подтверждающей их веру официальной записи. Был прецедент, когда молодой человек Абрахам Дик не смог сразу доказать что он меннонит и с призывного пункта его забрали в казармы¹²²⁴.

Для меннонитов было два выхода из этой ситуации. Первый заключался в снижении возраста крещения, против чего резко выступали консервативные фракции, особенно конгрегация Фюрстенландер. Второй – удостоверить молодых людей как меннонитов на основании того, что их родители являлись крещеными меннонитами. Когда эти факты стали известны враждебно настроенной общественности, они обвинили меннонитов, в частности Дэвида Тэвса, старейшину из Саскачевана, «в превращение многих бездельников в меннонитов», т.е. в подлоге. Апеллируя по этому поводу к Генерал-губернатору Канады Д. Девонширу в середине 1918 г. члены конференции старейшин Саскачевана в частности писали: «Мы обвинены в мошенничестве и упомянуты лидерами «Общественной платформы» как «паразиты в государстве». Мы честно зарабатываем хлеб своим трудом, и наш труд существенно помог материальному благосостоянию нашей страны. Мы не едим чужой хлеб. Мы не хотим, чтобы другие проливали за нас кровь. Мы предпочитаем умереть или томиться в тюрьме, или снова оставить свой дом

---

¹²²³ The copy of letter the Honorably Minister of Justice, May 29th 1918 // Archive of Mennonite Heritage Center // founds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 11; The letter from Rev. S.F. Coffman to Brethren, 30 April 1918 // Archive of Mennonite Heritage Center // founds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 11.

¹²²⁴ Epp F.H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 381.

и поселиться в дикой местности, нежели предать заповеди предков. Каждый знал во время последних выборов в Доминионе, кто меннонит, а кто нет. Ни регистраторы призывных пунктов, ни общественность, кажется, не знают это теперь»¹²²⁵. В результате этого обращения к официальной власти старейшин Манитобы вызвали в г. Виннипег для решения вопроса о статусе некрещеных меннонитов. В объяснении своей позиции представители меннонитов Абрахам Дерксен (община Саммерфельд) и Джекоб Хоппнер (община Бергталер) указали на то, что: 1) родители меннонитов и общество (Gemeinschaft) всегда считали своих детей меннонитами; 2) имя ребенка введено в метрическую церковную книгу в день его рождения; 3) учение о несопротивлении внушалось детям дома, в школах и церквях; 4) повторное крещение проводилось примерно в 21 год тем, кто добровольно принимал веру; 5) некрещеные молодые люди принимали участие во всех церковных действиях, исключая голосование; б) некрещеные люди, также как и крещеные нуждаются в божьем спасении¹²²⁶. Данное объяснение было принято правительством. В дальнейшем все меннониты Западной Канады были освобождены от необходимости доказывать свою идентичность.

Чтобы избежать появления новых претендентов на статус пацифистов Генерал-губернатор Канады Д. Девоншир 15 октября 1917 г. издал указ, по которому вновь прибываемые иммигранты, в том числе меннониты, не будут впредь освобождаться от военной службы¹²²⁷. Указ был направлен прежде всего против беженцев меннонитов и гуттеритов из США¹²²⁸, где и законодательство и, особенно, общественность относились к немецкоговорящим пацифистам гораздо непримиримее, чем в Канаде.

Соединенные Штаты вступили в войну (6 апреля 1917 г.) гораздо позже, чем Канада, а в мае 1917 г. был подписан закон о призыве в армию¹²²⁹. В своем выступлении президент В. Вильсон обещал в ближайшее время определить категории граждан, отнесенных к «невоюющим». Тем не менее, согласно закону, все молодые люди в возрасте от 21 до 31 года, в том числе меннониты, до 5 июня 1917 г. были обязаны встать на учет на призывных

---

¹²²⁵ Petition to His Excellency. The Governor-General of Canada in Council. Ottawa, 22 pp., 14 exhibits // Epp F.H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 389.

¹²²⁶ B. Ewert. Bemuehungen zur Sicherung der Wehrfreiheit fuer unsere ungetauften Juenglingen // Der Miarbeiter, XII (June 1918). P. 3–7.

¹²²⁷ Regulation from Governor General in Council, 25th October 1918 // Archive of Mennonite Heritage Center // founds of William Janzen collection. Vol. 5109. File 14.

¹²²⁸ Memorandum to Mr. Cory from Superintendent of Immigration W.D. Scott, June 13, 1918 // Archive of Mennonite Heritage Center // founds of William Janzen collection. Vol. 5111. File 11.; Memorandum to Mr. Iroland from February 4th 1918 // Archive of Mennonite Heritage Center // founds of William Janzen collection. Vol. 5111. File 11.

¹²²⁹ President Woodrow Wilson's Proclamation Establishing Conscriptioin 1917 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.firstworldwar.com/source/usconscriptioin_wilson.htm.

пунктах¹²³⁰. Зарегистрированных молодых меннонитов направляли в лагерь для прохождения обучения, где их, по заверению правительства, не будут принуждаться к службе против совести¹²³¹. Американские меннониты, принадлежавшие к разным конгрегациям были административно децентрализованы и культурно разобщены. В столь короткий срок единственное, что смогли предпринять главы общин, это направить делегатов (июль 1917 г.) в Вашингтон к Секретарю вооруженных сил Н.Д. Бейкеру для выяснения вопроса о конкретизации служебных обязанностей призывников.

Но оказалось, что никакой программы для альтернативной службы призывников в то время не существовало – она была только в стадии разработки. Зарегистрированным меннонитам предложили заполнить специальные анкеты, согласно которым они были разделены на пять групп: 1) холостые, безземельные, нанятые на фермы; 2) женатые фермеры; 3) холостые, управляющие сельскохозяйственным производством; 4) женатые, имеющие малолетних детей, и единственные кормильцы на фермах; 5) проповедники, студенты Богословия или физически непригодные к службе в армии¹²³².

Призывники в учебных лагерях имели некоторые возможности в выборе работ, не противоречащих на их взгляд религиозным устоям. Однако с самого начала офицеры в учебных лагерях дали понять, что они имеют дело не с церковными льготниками, а с призванными в армию солдатами. От призывников требовалось неукоснительное выполнение дисциплины и служебных обязанностей¹²³³. Кроме того, устав требовал остричь волосы и бороды, что оскорбляло их достоинство, религиозные чувства и вызывало негодование.

Поэтому были случаи неповиновения, что приводило к наказаниям и отправке в специальные лагеря задержания, где их «учили» дисциплине методом побоев, голодовки и содержания в наручниках¹²³⁴, о чем свидетельствуют опубликованные письма за июль 1918 г. – июнь 1919 г.¹²³⁵. Только с 20 марта 1918 г. пацифистам разрешили регистрацию в призывных пунктах как военнообязанным в статусе «невоющих персон», при этом, только люди отнесенные к пятой группе зарегистрированных, освобождались от службы¹²³⁶. Согласно данным «Меннонитской энциклопедии» секретарь во-

---

¹²³⁰ Ibid.

¹²³¹ Juhnke J.C. World War (1914–1918) [Электронный ресурс] / Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. 1989. Retrieved 13 October 2009. Режим доступа: <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/W6766.html>.

¹²³² Unruh A.J. The Helpless Poles / Abe J. Unruh. Freeman, South Dakota: Pine Hill Press, 1973. P. 58–59.

¹²³³ Unruh A.J. The Helpless Poles / Abe J. Unruh. Freeman, South Dakota: Pine Hill Press, 1973. P. 59.

¹²³⁴ Ibid. P. 62.

¹²³⁵ Mennonites in the World War or Nonresistance under Test / [ed. by J.S. Hartzler]. Scottdale, Pa.: Mennonite Publishing House, 1921. P. 123–131.

¹²³⁶ Ibid. P. 90.

енных сил Н.Д. Бейкер умышленно задержал этот документ к обнародованию с целью выполнения плана мобилизации¹²³⁷. Таким образом, в течение десяти месяцев меннониты являлись военнообязанными на общих основаниях и их отказ служить подпадал под действие военных трибуналов. За это время 360 меннонитов были осуждены на срок от одного года до пожизненного заключения¹²³⁸. 1 июня 1918 г. была назначена Комиссия во главе с секретарем военных сил Н.Д. Бейкером, имеющая цель выявить и разделить религиозных отказников от прочих нежелающих служить. Критерием такого разделения являлось свидетельство от религиозной общины, о том, что верующий принадлежал церкви до 6 апреля 1917 г.

Комиссия принимала решение, на какие альтернативные работы можно определить верующего призванного. Многих направляли работать на фермы и, это было для меннонитов лучшим решением вопроса. К этому времени, в пик сбора урожая, в сельском хозяйстве США ощущалась острая нехватка рабочих рук, и фермеры были готовы платить за квалифицированных рабочих. Поэтому, должностные лица лагерей, где содержались призванные были заинтересованы передать альтернативников на фермы и получить компенсацию за них, размер которой составлял от 40 до 60 долларов за каждого¹²³⁹.

Что касается осужденных, то после вынесения приговоров военными трибуналами, они были помещены в т.н. «дисциплинарные бараки» обычно в фортах Ливенворт (штат Канзас) или Алькатрас (штат Калифорния) и подвергались издевательствам и пыткам. Двое из них, братья Майкл и Джозеф Хофер, в результате этого умерли¹²⁴⁰.

Но несмотря на то, что с марта 1918 г. закон давал возможность альтернативной службы¹²⁴¹, американская общественность и должностные лица продолжали относиться к пацифистам нетерпимо. Это выразилось в запрещении использования немецкого языка в школах, церквях и на улицах, в постоянном давлении прессы, экономических санкциях, преследовании

---

¹²³⁷ Juhnke J.C. World War (1914–1918) [Электронный ресурс] / Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. 1989. Retrieved 13 October 2009. Режим доступа: <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/W6766.html>.

¹²³⁸ Epp F.H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 396.

¹²³⁹ Mennonites in the World War [Электронный ресурс] / [ed. by Jonas Smucker Hartzler]. – P. 105. Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Mennonites_in_the_World_War.

¹²⁴⁰ Mennonites in the World War or Nonresistance Under Test / by J.S. Hartzler. Mennonite Publishing House, Scottdale, Pa. 1921. P. 113–114.

¹²⁴¹ Закон определял службу в подразделениях, обслуживающих действующую армию в тылу фронта, т.е. интерпретировал отказ меннонитов от службы не как принципиальный религиозный запрет подчиняться военным офицерам и носить униформу, а как трусость [Mennonites in the World War or Nonresistance Under Test / by J.S. Hartzler. Mennonite Publishing House, Scottdale, Pa. 1921. P. 51–52].

меннонитских и гуттеритских общин, вплоть до их остракизма¹²⁴². Насилие толпы (англ. mob violence, нем. Mob-Gewalt) набирало серьезные обороты в период Первой мировой войны в США, которое проявилось в антинемецких и антипацифистских выступлениях в разных штатах. Кроме того, антигерманские настроения поддерживались правительством. Уже 16 ноября 1917 г. президент подписал указ о регистрации всех немецкоговорящих граждан мужского пола, а также въехавших в страну из Германской империи возрастом от 14 лет и старше. В регистрационную карту кроме фотографий вносилось: дата и место рождения, имена родителей, отпечатки пальцев, место проживания. Регистрация проводилась в местной полиции. Каждый зарегистрированный должен был носить карту с собой. При переезде в другой населенный пункт он был обязан регистрироваться в местной полиции. 19 апреля 1918 г. президентский указ ввел аналогичную регистрацию для женщин¹²⁴³.

В 1917 г. был создан «Комитет общественной информации», а в 1918 г. издан «Акт о шпионаже», согласно которому 197 лидерам меннонитов, подписавших меморандум Общей конференции 1917 г., было предъявлено обвинение в нарушении этого закона на основании трех пунктов содержащихся в меморандуме, а именно: 1) не помогайте войне и не агитируйте за нее ни в какой форме; 2) не получайте никакой оплаты за время проведенное в военных лагерях; 3) не вносите денег в фонды, которые используются для помощи ведения войны¹²⁴⁴. Согласно этому закону были осуждены два меннонитских лидера Сэмюэль Х. Мюллер (штат Огайо) и Люис Дж. Хитоул (Вирджиния)¹²⁴⁵.

Военные чиновники имели некоторые основания подозревать меннонитов, если не в шпионаже, то в симпатиях к Германии. Есть факты, подтверждающие, что еще в период до вступления США в войну, некоторые американские меннониты собирали помощь для немецкого Красного Креста¹²⁴⁶. В колоссальных размерах мобнасилие проявилось в Канзасе, где проживало наибольшее количество меннонитов. Дальнейшего накала страстей удалось избежать, когда меннониты согласились пройти процедуру регистрации,

---

¹²⁴² Epp F.H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 396.

¹²⁴³ Registration of German Alien Enemies 1918. Newton, Kansas. Harvey County, Kansas [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://www.bethelks.edu/mla/holdings/indexes/alien_reg.html.

¹²⁴⁴ Mennonites in the World War [Электронный ресурс] / [ed. by Jonas Smucker Hartzler]. P. 105. Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Mennonites_in_the_World_War.

¹²⁴⁵ Juhnke J.C. World War (1914–1918) [Электронный ресурс] / Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. 1989. Retrieved 13 October 2009. Режим доступа: <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/W6766.html>.

¹²⁴⁶ Ibid.

однако все немецкоговорящие граждане продолжали оставаться в глазах общественности врагами американского народа.

Многие меннониты отказывались покупать облигации военного займа, некоторые проповедники в знак неприятия войны отказывались вывешивать американский флаг, чем провоцировали общественность. Так, из воспоминаний Ч. Диннера (округ Макферсон) «...двое мужчин грубо схватили меня. Они требовали, чтобы я купил облигации на поддержку Красного креста и других военных нужд. Я отвечал, что это против моей веры и я не могу это сделать»¹²⁴⁷. Дом Ч. Диннера был ограблен и обрисован желтой краской¹²⁴⁸. Боясь за свою жизнь, Ч. Диннер вынужден был купить облигации. Подобная ситуация произошла с Густавом Хардером и Джоном Шрагом когда их обвинили в неуважении к американскому флагу и обрисовали желтой краской их дома, а также со многими другими, о чем свидетельствуют письма того времени¹²⁴⁹.

Вымогательство денег для потребностей войны неоднократно сопровождалось угрозами суда Линча, для чего толпа имела при себе все необходимое: веревки, смолу, деготь и перья¹²⁵⁰. Также были заклеены церкви, издательская компания «Herald» в г. Ньютон, предприятия во многих городах на которых была сделана надпись «Мы американцы и обязаны говорить на американском языке». Многие историки называют массовые вспышки насилия в стране 1918 г. «Американский террор» и считают, что долгое молчание президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона по этому поводу послужило распространению насилия толпы¹²⁵¹. В результате в течение 1917–1918 гг. около двух тысяч меннонитов и гуттеритов иммигрировали в Канаду, создав дополнительные проблемы канадскому правительству.

Позиция враждебности к немецкоговорящим гражданам в Канаде проявилась раньше чем в США (введение цензуры, запрещение изданий средств массовой информации на немецком языке). По данным Фрэнка Эппа¹²⁵² уже в феврале 1915 г., т.е. в течение шести месяцев после вступления Канады в войну 67 изданий на немецком языке издававшихся в США, в том числе меннонитские, были запрещены к ввозу в Канаду. Были запрещены канадские издания – ежемесячник «Der Mitarbeiter» издавшийся в г. Гретна Г. Эвертом, освещавший в основном вопросы образования, и общественная газета «Post

¹²⁴⁷ Juhnke J.C. Mob Violence and Kansas Mennonites in 1918 [Электронный ресурс] / James C. Juhnke. Режим доступа: http://www.kancoll.org/khq/1977/77_3_juhnke.htm.

¹²⁴⁸ Желтая краска символизировала трусость и враждебное отношение к народу Америки.

¹²⁴⁹ Mennonites in the World War [Электронный ресурс] / [ed. by Jonas Smucker Hartzler]. P. 52–57. Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Mennonites_in_the_World_War.

¹²⁵⁰ Ibid. P. 151.

¹²⁵¹ Juhnke J.C. Mob Violence and Kansas Mennonites in 1918 [Электронный ресурс] / James C. Juhnke. Режим доступа: http://www.kancoll.org/khq/1977/77_3_juhnke.htm.

¹²⁵² Epp F. H. Mennonites in Canada / F.H. Epp: in 3 vols. Toronto: Macmillan of Canada, 1974. Vol. 1: Mennonites in Canada, 1786–1920. The History of a Separate People. P. 393.

Steinbach» – на основании заключения цензуры как «издания на вражеском языке».

Враждебное настроение к меннонитам достигло своей кульминации, когда отслужившие в армии солдаты стали возвращаться домой к своим фермам, которые выглядели (от недостатка рабочих рук) брошенными по сравнению с добротными хозяйствами меннонитов. Враждебность большинства общества к меннонитам была столь серьезна, что местная политическая власть приложила максимум усилий для того чтобы к концу 1918 г. закрыть их частные школы, где преподавание велось на немецком языке. Назначенный школьным опекуном Дж. Гринвей под предлогом несоответствия школ государственным стандартам, реквизировал все школьное имущество этих заведений в пользу общественных школ. Родители детей и проповедники, которые протестовали, были оштрафованы, а в некоторых случаях заключены в тюрьму. Особенно это коснулось общин Фюрстенландер, которые не разрешали функционировать общественным школам в пределах их земли¹²⁵³.

Закрытие частных школ было частью последовательной национальной политики, нацеленной на ускоренную ассимиляцию этнических групп, с целью сформировать национальное единство и культурную однородность. Правительство считало, что воспитание детей в английских школах наиболее эффективный путь отлучения от традиций этнической группы и внесения в умы идеалов доминирующего большинства.

В дополнение к прежним ограничениям 1 мая 1919 г. правительство Канады издало декрет, запрещающий иммиграцию в страну духоборов, меннонитов и гуттеритов¹²⁵⁴. В создавшихся условиях часть меннонитов приняло решение о невозможности своего пребывания в Канаде и начало активный поиск стран реципиентов.

Таким образом, с началом Первой мировой войны (1914 г.) в Канаде, а позже, с 1917 г. в США, произошла быстрая милитаризация гражданского сознания, которая выработала иные критерии и принципы в оценке общественной лояльности и патриотизма. Критике, притеснениям и унижению подверглись те группы граждан, которые в мирное время считались примером добросовестности и трудолюбия. Это были немецкоговорящие меннониты и гуттериты, которые последовательно отстаивали свои пацифистские взгляды.

---

¹²⁵³ Francis E.K. The Mennonite School Problem in Manitoba / E.K. Francis // *Mennonite Quarterly Review*. 1953. July. №3. Vol. XXVII. P. 204–236.

¹²⁵⁴ Order from Governor General in Council, 1th May 1919 // *Archive of Mennonite Heritage Center // funds of William Janzen collection*. Vol. 5109. File 11; *Inter-Mennonite Cooperation and Promises to Government in the Repeal of the Ban on Mennonite Immigration to Canada 1919–1922* / [ed. by Peter H. Rempel] // *Mennonite historian*. 1993. March. №1. Vol. XIX.

Решительный отказ от участия в любых действиях по поддержке войны, образ жизни в закрытых общинах и приверженность к немецкому языку, поставили эти этнические меньшинства в глазах общественности в ряд подозреваемых в пособничестве вражескому военному союзу, что в свою очередь, создало конфликт с обществом и привело к проблемам в социально-экономической и политической сферах. Все это проявилось в запрете изданий меннонитской прессы, в препятствии бизнесу, а в Соединенных Штатах, в полном запрете использования немецкого языка, физических расправах, грабежах и притеснениях, вплоть до остракизма.

Канадское правительство проявило большую лояльность в отношении проблем религиозных запретов и в период войны последовательно выполняло взятые на себя в 1873 г. обещания относительно не привлечения меннонитов к военной службе, в отличие от американских штатов, которые отказались от взятых на себя обязательств. В результате этого, молодые меннониты были отправлены в учебные военные лагеря, а сотни из них осуждены трибуналами к разным срокам заключения. Это привело к массовой нелегальной миграции в Канаду, где враждебность никогда не проявлялась в таких жестких формах.

Общественность в своем проявлении враждебности к меннонитам, как в США, так и в Канаде была более непримирима и агрессивна, чем официальная власть. Напряженное отношение в обществе породило принятие после войны ряда дискриминационных законов, которые ограничивали въезд в эти страны определенных категорий иммигрантов, в том числе меннонитов и гуттеритов, а также усилила ассимилятивную внутреннюю политику по отношению к этническим меньшинствам.

Первая мировая война сильно пошатнула веру меннонитов в возможность остаться одновременно преданными их анабаптистскому наследию и быть лояльными к националистической демократии милитаризованного общества. Меннониты столкнулись с проблемой снова стать мучениками и изгнанниками, или снизить уровень собственных этических стандартов для достижения совместимости с «таким» демократическим обществом. Испытав сильное давление доминирующего большинства, меннониты выразили свое несогласие с ним в оценке справедливости националистического милитаризма, как политического курса, показав тем самым, иную гражданскую позицию.

Дискуссия о лояльности немецких колонистов в годы Первой мировой войны

Участие Российской империи в Первой мировой войне на стороне Антанты заметно отразилось на положении немецких колонистов, проживавших на территории страны со второй половины XVIII в. Военное время спровоцировало рост ксенофобии в российском обществе. Начался целенаправленный поиск «врагов внутри страны». Представители власти и общественности живо включились в эту работу. Первыми на себя «приняли удар» подданные стран Тройственного союза, оказавшиеся на момент начала боевых действий в пределах Российского государства. Вскоре в число «подозрительных элементов» были отнесены и немецкие колонисты. Началась кампания по «борьбе с немецким засильем», которая включала в себя целый ряд различных мероприятий от переименования населенных пунктов, носящих немецкие названия, до ликвидации немецкого землевладения. Все эти меры довольно активно обсуждались в российской прессе центрального и местного значения. Со страниц газет до читателей доносились громкие обвинения в адрес российских немцев. Их обвиняли в нелояльности и предательстве, неблагодарности и лицемерии, чрезмерной зажиточности и нежелании «становиться русскими». Но эти выпады не оставались безответными: были попытки оправдаться, и даже имело место некоторое заступничество. Однако в литературе «стороне защиты» уделено значительно меньше внимания, отчего может создаться впечатление единодушия в оценке «внутренней немецкой угрозы» со стороны властей и общественности. Чтобы избежать подобной однобокости, необходимо полное представление о развернувшейся внутри страны полемике вокруг «немецкого засилья». Только так можно сделать выводы о характере «борьбы» с ним и определить, насколько распространены были в России антинемецкие настроения.

Ареной столкновения мнений становилась зачастую периодическая печать, различная по своим политическим и национальным «оттенкам». Места двух противоположных полюсов заняли периодические издания российских немцев и пресса националистического толка. Газеты, издаваемые южнорусскими и поволжскими немцами, неустанно призывали к борьбе с Германией, освещали деятельность колонистов в этом направлении и всячески подчеркивали верность российских немцев стране, давшей им некогда приют¹²⁵⁵. Их оппоненты не скупались на обвинения и призывы к борьбе против «засилья немцев». Промежуточное положение занимала либеральная пресса. Там появлялись публикации как в пользу, так и против немецких колонистов.

---

¹²⁵⁵ Русские ведомости. 1914. 6 ноября.

Российские немцы в тот период консолидировались в основном по конфессиональному, а не по этническому признаку, поэтому первая их реакция на начало военных действий была напрямую связана с тем вероисповеданием, которого они придерживались. Почти сразу же после объявления войны в церквях и молитвенных домах, чьими прихожанами являлись немцы, были отслужены молебствия «о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома и о даровании победы русскому воинству»¹²⁵⁶. Показательной в этом отношении была деятельность российских лютеран, в числе которых состояло немало лиц немецкого происхождения. Упомянутые торжественные молебны имели место как в столичных церквях, например, евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге¹²⁵⁷, так и в провинциальных, например, кирхи Св. Марии в Томске¹²⁵⁸. В отчете Евангелическо-лютеранской генеральной консистории о положении церковных дел за 1913–1914 гг. даже говорилось, что «серьезность военного времени привлекла приходы на богослужения и наполнила церкви молящимися»¹²⁵⁹, а «торжественные молебны по возникновению войны, увеличение числа богослужений для отправляющихся на войну воинов, освященный словами Божьими патриотизм, воссоединенная в серьезной вере преданность Царю и отечеству воодушевляли наши приходы»¹²⁶⁰. И после такого всплеска воодушевления лютеранами «с глубокой скорбью было ... воспринято, что во многих случаях пасторы и отдельные прихожане и тайно, и явно были ... заподозрены в недостаточно серьезной преданности отечеству»¹²⁶¹.

Подобные подозрения объясняются тем, что лютеранское вероисповедание воспринималось зачастую как оплот «немецкой угрозы». В газете «Голос Руси» за 26 мая 1916 г. в заметке об евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петрограде прямо сообщалось, что она «должна была служить кафедральным собором для всех вообще лютеран столицы без различия национальности. Однако ... всецело оказалась в немецких руках»¹²⁶². На этом основании автор публикации обращал внимание властей на существующую при церкви вспомогательную кассу, «которая по уставу имеет целью оказывать материальную поддержку евангелическо-лютеранским приходам в Империи и духовенству их». Отмечалось, что «на собираемые кассою в России крупные средства содержатся в Германии ряд стипендиатов кассы. Правда, многие из этих стипендиатов по окончании образования получают места пасторов евангелическо-лютеранских церквей в империи. Но непонятным

¹²⁵⁶ Там же.

¹²⁵⁷ Новое время. 1914. 30 июля.

¹²⁵⁸ Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. С. 69.

¹²⁵⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Л. 335-об.-336.

¹²⁶⁰ Там же. Л. 336.

¹²⁶¹ Там же.

¹²⁶² Там же. Л. 356.

остаётся, для каких целей на русские деньги в Германии воспитывается остальная пользующаяся поддержкой кассы молодежь?»¹²⁶³ Подозрения в финансовой помощи воюющим с Россией державам привели к тому, что в декабре 1914 г. лютеранским приходом воспретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий»¹²⁶⁴.

Подозрения чередовались с открытыми обвинениями. В прессе приводились примеры предательства со стороны колонистов, когда немцы, состоящие в русском подданстве и имеющие земельные владения в России, оказывались в составе германской армии¹²⁶⁵, радушно встречали германские войска¹²⁶⁶, и даже нашумевший случай предательства со стороны Мясоедова был объяснен тем, что он «сын немца»¹²⁶⁷. Муссировались слухи о шпионской деятельности немецких колонистов в пользу Германии¹²⁶⁸, которые вылились в настоящую шпиономанию. Ярчайшей иллюстрацией этого явления стали многочисленные «свидетельства очевидцев» о германских аэропланах-разведчиках, которые якобы приземлялись в немецких колониях России. Любопытно, что подобного рода сведения поступали не только из губерний прифронтовой полосы, но даже из удаленной от боевых действий Сибири¹²⁶⁹.

Таким образом, заявления немецких колонистов о преданности России и патриотическом воодушевлении были встречены с явным недоверием. Чтобы быть более убедительными, российские немцы стали подкреплять слова делом. Они развернули широкомасштабную деятельность по организации помощи России в войне. В первую очередь, это были немалые пожертвования, которые они делали на нужды фронта, и та непосредственная помощь, которую они оказывали воинам и их семьям, оставшимся в тылу.

Каждый помогал в силу своих возможностей. Например, меннониты Томской губернии «добровольно собрали и отправили на свои средства для нужд русского войска несколько десятков тысяч пудов пшеницы»¹²⁷⁰. Благотворительное общество дам-лютеранок г. Томска накануне Рождества в конце 1915 г. отправило в действующую армию «70 рождественских подарков (белье, рукавицы, чай, сахар, табак и проч.) на сумму около 300 р.»¹²⁷¹. Кроме того, в немецких колониях открывались лазареты для раненых воинов. Даже в такой скандальной газете, как «Новое время», сообщалось, что меннониты предложили Красному Кресту сформировать госпиталь на 200 кроватей¹²⁷². Практиковалась также помощь в

---

¹²⁶³ Там же.

¹²⁶⁴ Сибирская жизнь. 1914. 30 декабря.

¹²⁶⁵ Новое время. 1914. 5 ноября.

¹²⁶⁶ Там же. 1915. 2 мая.

¹²⁶⁷ Там же. 14 апреля.

¹²⁶⁸ Там же. 2 мая.

¹²⁶⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 2290. Л. 1.

¹²⁷⁰ Там же. Оп. 44. Д. 4204. Л. 185-об.

¹²⁷¹ Сибирская жизнь. 1915. 17 декабря.

¹²⁷² Новое время. 1914. 13 августа.

уборке хлеба семьям, чьи мужчины были призваны на войну, для чего немецкими колонистами специально создавались местные комитеты¹²⁷³.

Опровергнуть такие доказательства преданности российских немцев интересам страны, казалось, было уже нельзя. Однако сторонники борьбы с немецким засильем нашли, в чем усомниться. Признавая факт многочисленных пожертвований на нужды войны со стороны немецких колонистов, они выражали сомнения по поводу их щедрости и искренности. Например, в ответ на опубликованную в «Русских ведомостях» статью профессора Линдемана в защиту немецких колонистов, где красочно описывалась их благотворительная деятельность, в «Новом времени» попытались произвести некоторые подсчеты: «сосчитав все эти цифры (пожертвований южнорусских немцев. – Г.А.), найдете в сумме более 400 тыс. руб. Следовательно, колонисты, владея 2 000 000 десятин лучшей земли, сделали отчисление по 20 коп. с десятины. Не знаю, при их зажиточности и земельном богатстве, можно ли считать такое пожертвование щедрым»¹²⁷⁴. Еще один упрек озвучил Екатеринославский губернатор, который хоть и признавал, что пожертвования немецких колонистов на благотворительные цели действительно достигают приличных размеров¹²⁷⁵, но в то же время настаивал, что «взносы этих пожертвований всегда обставляются декоративно, очень рекламируются в печати и почти всегда служат аргументом при всякого рода ходатайствах перед Правительством»¹²⁷⁶.

Последним аргументом немецких колонистов в пользу их преданности Российскому государству стало непосредственное участие в боевых действиях. Многие немецкие юноши и молодые мужчины призывного возраста отправились воевать на стороне России. Это касалось, прежде всего, немцев, исповедовавших лютеранство и католичество. Куда сложнее обстояли дела с меннонитами, которые в силу своих религиозных убеждений были пацифистами и не могли взять в руки оружие. Об этой их особенности российским властям было известно, и для меннонитов была предусмотрена альтернативная гражданская служба в составе лесных команд. Видимо предчувствуя, что в условиях военного времени их принципиальный пацифизм станет поводом для нападков, меннониты сами предложили дополнить службу в лесных командах службой в действующей армии, но в качестве санитаров¹²⁷⁷. Это их предложение было принято властями, тем более что санитаров во время войны катастрофически не хватало¹²⁷⁸. Есть свидетельства, подтверждающие,

¹²⁷³ Русские ведомости. 1914. 1, 6 ноября.

¹²⁷⁴ Новое время. 1914. 14 ноября.

¹²⁷⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 319. Л. 25.

¹²⁷⁶ Там же.

¹²⁷⁷ Русские ведомости. 1914. 6 ноября.

¹²⁷⁸ Нелипович С.Г. Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М.: «МСНК-пресс», 2009. С. 91.

что к своим военным обязанностям меннониты относились очень ответственно. Описывая их службу в лесных командах в таежных частях Томской губернии, корреспондент газеты «Сибирская жизнь» отмечал, что эти своеобразные «русские воины» «старательно исполняют возложенные на них обязанности»¹²⁷⁹. О высоких моральных качествах санитаров-меннонитов рассказывали вернувшиеся из германского и австрийского плена врачи¹²⁸⁰.

Однако даже выполнение воинского долга не спасло меннонитов от обвинений в антимилиитаризме¹²⁸¹. Их вероучение иронично называли «удобным» в условиях войны¹²⁸², настаивали, что «исходным основанием русского подданства должно быть поставлено участие в обороне государства. Кто не желает, ссылаясь на свое вероучение, защищать Россию, т.е. кто отказывается нести наиболее священную обязанность, тот не может быть ее гражданином, тот не имеет права владеть землей»¹²⁸³, и возмущались: «Скажите на милость, какие нашлись еще господа! Они могут жиреть на русской земле, а как доходит дело до защиты их очагов – так для этого подавай им русских!»¹²⁸⁴. Обвинители дошли до утверждения, что служба в лесных командах и в качестве санитаров на фронте является «совсем легкой по сравнению со службой в войсках»¹²⁸⁵.

Дискуссия о лояльности немецких колонистов велась на протяжении почти всей войны на страницах газет, заседаниях Государственной Думы¹²⁸⁶ и других «трибунах». Как видно из рассмотренных сюжетов, у российских немцев были не только обвинители, но и защитники. Кроме того, сами немцы прилагали значительные усилия, чтобы продемонстрировать свою верность и преданность Российскому государству. Однако, несмотря на все их старания и весомость аргументов, значительная часть из числа представителей власти и общественности прочно занимала антинемецкие позиции. Тем не менее, крайне важно отметить, что даже в столь непростых условиях военного времени у немецких колонистов была возможность оказаться услышанными и вступить в дискуссию с обвинителями. Но в то же время безрезультатность их усилий порождала недовольство властью, которая упрямо не желала замечать вклада немецких колонистов в общее дело. Можно предположить, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль при определении отношения немецких колонистов к революционным событиям февраля 1917 г.

---

¹²⁷⁹ Сибирская жизнь. 1914. 11 октября.

¹²⁸⁰ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 91.

¹²⁸¹ РГИА. Ф. 821. Оп.133. Д. 1016. Л. 1.

¹²⁸² Там же. Д. 319. Л. 78.

¹²⁸³ Там же.

¹²⁸⁴ Там же.

¹²⁸⁵ Там же. Л. 26.

¹²⁸⁶ Там же. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–11-об.

Планы реорганизации церковной организации лютеран Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1919 гг.)

Проблема гражданской идентичности, являющаяся одним из фундаментальных оснований сохранения государственного единства, особенно обостряется в периоды социальных трансформаций. В таком поликультурном государстве, каким является Россия, в условиях революционных потрясений и гражданской войны 1917–1920 гг., когда рухнули все государствообразующие устои, чрезвычайно важно было решить проблему взаимоотношений государства и конфессиональных институтов, способных обеспечить необходимый баланс интересов государства и его граждан, придерживающихся разных религиозных убеждений. Эта проблема со всей остротой встала и перед Всероссийским правительством, образовавшимся в ноябре 1918 г. в Омске.

Проблема восстановления церковной организации и урегулирования отношений с властью со всей остротой стояла в эти годы и перед лютеранским духовенством. Революция и гражданская война привели к разрушению органов управления Евангелическо-лютеранской церкви России. Лютеране Сибири оказались отрезанными от Генеральной консистории, располагавшейся в Петрограде, и Московской консистории, которой подчинялись сибирские приходы. В этих условиях с инициативой учреждения временной Сибирской евангелическо-лютеранской консистории с центром в Томске, которая могла бы обслуживать все лютеранские приходы, находившиеся на территории, подведомственной Всероссийскому правительству А.В. Колчака, выступил Церковный совет кирхи Святой Марии в Томске. На должность президента предлагался председатель церковного совета А.Г. Гернгардт, управляющий делами «Всеобщей электрической компании» в Томске, а пастор прихода Томск-Барнаул¹²⁸⁷ Л.Г. Гессе¹²⁸⁸ выдвигался кандидатом в вице-президенты и генерал-суперинтенданты¹²⁸⁹.

Но на пути этого проекта неожиданно возникло препятствие со стороны латышей и эстонцев. В это время в Томске по инициативе Ф.П. Апсена, инспектора 2-го реального училища, образовался отдельный от немцев латышский приход – «первая в Сибири самостоятельная латышская религи-

¹²⁸⁷ С 1889 г. Томск являлся центром лютеранского прихода Томск – Барнаул, включавшего Томскую губернию и Семипалатинскую область. Половину прихожан составляли немцы, другую половину – эстонцы и латыши.

¹²⁸⁸ Гессе Леонард Густав. Родился в 1856 в г. Сарате (Бессарабия). С 1884-го по 1886 г. – пастор в приходе Томск-Барнаул, с 1886-го по 1888 г. – в Галке, с 1888-го по 1914 г. – в Пензе, с 1914-го по 1923 г. – снова в Томске. Умер в 1933 г. в Саратове. (См.: Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство. М., 1999. С. 347).

¹²⁸⁹ Цит. по: Курило О. Лютеране в России. XVI–XX вв. М., 2002. С. 219.

озная община». Учитывая это, Совет немецкой общины решил привлечь к совместной работе в консистории по одному представителю латышской и эстонской колоний. Но латыши это предложение не приняли и выработали свой проект – «Положение о Временной Ев.-лют. консистории», который получил поддержку и со стороны местных эстонцев¹²⁹⁰. По этому проекту «Временная Ев.-лют. консистория» создавалась как высшее «духовное учреждение» с правами «Генеральной» консистории, которой подчинялись бы все евангелическо-лютеранские приходы на территории Омского правительства¹²⁹¹.

Доказывая необходимость учреждения особой сибирской консистории по проекту немецкой общины, пастор Л.Г. Гессе писал в докладной записке 24 марта 1919 г.: «Самостоятельных латышских приходов в Сибири нет, кроме одного только, ныне образующегося Томского латышского прихода, состоящего главным образом из беженцев-латышей Прибалтийского края. Образующийся латышский приход в Томске не имеет ни своей собственной церкви или молитвенного дома, ни собственного пастора. Самостоятельных эстонских приходов в Сибири совсем нет. Ввиду того, что Сибирь отрезана от Московской общей Ев.-лют. консистории и от Петроградской недавно учрежденной национальной латышской консистории¹²⁹², желательно, чтобы учреждаемая временная Сибирская Ев.-лют. консистория была общая для лютеран всех национальностей. В списке кандидатов на должности предполагаемой консистории есть члены, знающие немецкий, эстонский и латышский языки. Сибирская Ев.-лют. консистория предполагается не как немецкое или эстонское или латышское учреждение, но как русское учреждение, обслуживающее как интересы Российского правительства, так и интересы Ев.-лют. церкви в Сибири». В записке подчеркивалось: «В случае несогласия эстонцев, латышей с учреждением общей консистории, им предоставлена возможность ходатайствовать об учреждении своих национальных консисторий»¹²⁹³.

27 марта 1919 г. последовало новое обращение церковного совета кирхи Святой Марии в Омск, в котором подробно разбирался латышский проект. По мнению церковного совета, его осуществление могло бы войти в противоречие с желаниями немцев-лютеран освобождающихся территорий Поволжья и Южной России иметь свои национальные консистории. Второе возражение было связано с тем, что по латышскому проекту консистория должна быть выборным учреждением, избираемым на съезде представителей всех евангелическо-лютеранских приходов, что, по мнению немецкого церковного совета, в условиях гражданской войны невозможно было

¹²⁹⁰ Там же. С. 221–222.

¹²⁹¹ Там же. С. 224.

¹²⁹² Латышская консистория в России была образована в 1917 г.

¹²⁹³ Цит. по: **Курило О.** Лютеране в России.... С 225.

осуществить по техническим причинам. Не соглашались немцы и на то, чтобы должности вице-председателя и суперинтенданта были выборными, а не пожизненными, как прежде. И последнее возражение сводилось к тому, что содержание консистории по латышскому проекту в 2 раза превышало сумму, предусматриваемую немецким проектом. С учетом этих замечаний, Совет церкви Святой Марии решил не присоединяться к латышскому проекту и просить управляющего по делам вероисповеданий П.А. Прокошева представить «на утверждение Высшей Власти» проект учреждения временной Сибирской консистории, которая бы обслуживала лютеран только немецкой национальности¹²⁹⁴.

В нашем распоряжении нет документов, характеризующих отношение Омска к этой инициативе Церковного совета кирхи Святой Марии. Но есть документ¹²⁹⁵, свидетельствующий о том, что группирующиеся вокруг латышского лютеранского прихода в Томске люди пользовались полным доверием Омского правительства: «В эту организацию входят «исключительно латыш-интеллигенты и люди с имущественным достатком и с благоустроенным хозяйством, как в городе, так и в деревнях. Считая себя проживающими оседло в России, эта группа латышей признает без всяких оговорок Всероссийское Временное правительство и готова следовать всем его требованиям...». Причина заключалась в том, что Омское правительство, позиционирующее себя как «Всероссийское», в это время рассматривало вопрос об образовании Всероссийской лютеранской консистории при Главном управлении по делам вероисповеданий, и проект томского латышского прихода, который в этом вопросе «охотно» пошел навстречу Омску, правительство Колчака устраивал в большей мере, чем немецкий проект¹²⁹⁶.

В этой ситуации представляется сомнительным, чтобы Омск поддержал идею об образовании отдельной немецкой лютеранской консистории в Сибири. После установления советской власти лютеранам потребовалось целое десятилетие, чтобы восстановить единство Лютеранской церкви в России. А период с 1928 по 1938 год стал временем тотального уничтожения церковного лютеранства. Лютеранская церковь как институт гражданского общества в России перестала существовать.

---

¹²⁹⁴ Там же. С. 224.

¹²⁹⁵ Циркуляр Департамента милиции управляющим губерниями и областями от 18 июля 1919 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-147. Оп. 10. Д. 1а. Л. 18–18 об.).

¹²⁹⁶ ГАРФ. Ф.Р-147. Оп. 10. Д. 1а. Л. 18.

Особенности формирования советской партийно-правительственной элиты из среды немецкого населения Казахстана в 20–30-х гг. XX в.

Формирование адекватной гражданской идентичности в любом государстве требует участия самого государства и входит в сферу его идеологической деятельности. Эту задачу выполняют властные органы разного уровня, начиная от центра и кончая периферией.

Советскому государству с первых дней его существования нужно было выстроить не только систему управления, но и заполнить ее на всех уровнях идеологически выверенными кадрами. Функционирование созданной системы с самого начала требовало постоянного рекрутирования новых кадров, преданных и исполнительных, способных проводить и утверждать «линию партии». Целью подобной политики становится так называемый классовый подход к «взрачиванию» партийной, советской и хозяйственной элиты всех уровней.

Известно, что на первом этапе Советского государства особенно остро стояла проблема нехватки кадров на местах, в периферийных органах. И уж совсем плохо обстояло дело с национальными кадрами, что составляло предмет особых забот центральной власти.

В Казахстане, где уже в начале XX в. сформировалось полиэтничное население, привлечение этносов на сторону советской власти было действительно жизненно важно. Здесь, как и по всей стране, с середины 1920-х гг. началась политика коренизации, целью которой было включить коренные национальности в государственное управление. В сферу коренизации попадали и немцы, проживавшие в Казахстане компактными группами в отдельных областях. В 1926 г. бюро Казкрайкома постановило «поручить Орграспредотделу в ближайшее время подыскать соответствующих товарищей из нацменов для Семипалатинского губкома и Кустанайского окружкома на работу среди немцев»¹²⁹⁷.

Но реально эта задача оказалась невыполнимой из-за отсутствия должных кадров на местах. Именно немецкое население республики в те годы упорно игнорировало «вхождение во власть».

Причины коренились в том, что, как известно, немцам бывшей Российской империи в целом была присуща специфическая ментальность, связанная с европейскими ценностями: почитание частной собственности, индивидуализм, протестантская этика и т.п. Исходя из этого, А. Герман делает вывод, что «идеология большевизма и национальная психология российских немцев

---

¹²⁹⁷ Архив Президента Республики Казахстан (далее АПРК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 488-6. Л. 125.

практически не имели точек соприкосновения»¹²⁹⁸. Немцы в основной массе избегали сотрудничества с советской властью, не говоря уж о прямом участии в ее органах. Парадоксально но, число органов, где должны были бы работать представители немецкого этноса, росло год от года. Так, по официальным данным в 1926 г. в Казахстане было 20 немецких сельсоветов, а в 1927 г. – уже 42¹²⁹⁹.

Видимо, в подобных условиях жизненная необходимость вынуждала немецкое население изобретать какие-то формы сосуществования с властью. Примерно до начала 1930-х гг. немцам в Казахстане удавалось или полностью игнорировать членство в местных органах или же участвовать в них формально. В одних случаях все должности на уровне села занимали преимущественно иноэтничные представители – русские или же из числа бывших немецких или австрийских военнопленных. Сами немцы при этом во властных органах не участвовали. В других случаях органы власти в немецких деревнях существовали чисто номинально. Так, в пос. Долинское Акмолинского окружкома, населенном немцами, по сообщениям партийных органов «советский аппарат ... совершенно бездействует и, больше того, относится отрицательно ко всем мероприятиям советской власти»¹³⁰⁰. Статистические данные демонстрируют низкий уровень членства немцев в Казахстанской организации ВКП(б). В 1926 г. эта цифра была равна 59 чел., а в 1927 г. – 106 чел., что составляло 0,2% от 51 тыс. всего немецкого населения¹³⁰¹.

Подобные негативные факты, ставшие типичными, заставили партийные и государственные органы республики с 1927 г. обратить особое внимание на работу среди немцев. До этого времени основной упор делался на так называемые «меньшинства восточных национальностей»¹³⁰².

В целом секретариат ЦК ВКП(б) в 1929 г. отметил «слабое проведение колонизации советского аппарата в немецких колониях» и поручил окружным и районным парторганизациям обратить на это особое внимание¹³⁰³.

Партийные и советские органы казалось бы усилили контроль над немецкими селами, но и в этой ситуации немцы смогли найти некие способы адаптации к ситуации. Так, уже в 1930 г. ОГПУ Казахстана констатировало, что «аппарат управления в немецких поселках по внешности как будто советский. Пред. с/советов и в целом с/советы беднячко-среднячки. Общие

---

¹²⁹⁸ Герман А.А. Большевизм и российские немцы // Немцы России в контексте отечественной истории. М., 1999. С. 285.

¹²⁹⁹ АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2242. Л. 12.

¹³⁰⁰ Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): Сб. док-тов. Алматы–М.: Готика, 1997. С. 23.

¹³⁰¹ АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1545. Л. 133.

¹³⁰² Там же. Д. 1543. Л. 33.

¹³⁰³ Из истории немцев Казахстана. С. 27.

собрания граждан разрешают те или иные вопросы большинством голосов. Но на самом деле, прежде чем разрешить тот или иной серьезный вопрос, в большинстве случаев с/совет получает от руководящей кулацкой верхушки установку, как должен быть разрешен вопрос и как его проводить в жизнь»¹³⁰⁴. Подобных фактов в архивных документах встречается довольно много и их можно расценивать как адаптационные формы выживаемости немецких сельских общин. Однако партийные власти трактовали это явление как отсутствие классов и классовой борьбы в немецкой деревне¹³⁰⁵. Вывод был сделан соответствующий: силой партийной власти добиться классового расслоения и, через это, внедриться во внутреннюю структуру немецкой деревни.

Задача вполне соответствовала политическому моменту в масштабах всего СССР. Усиление господства тоталитарного государства в конце 1920-х гг. в сочетании с политикой раскулачивания и насильственной коллективизации обозначило переход к прямым репрессиям. Ответный социальный и политический протест в республиках Советского Союза дополнился национальным компонентом.

В Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х гг. также возникла напряженная обстановка. Бюро Казкрайкома в марте 1929 г. в решении по Актюбинской парторганизации отмечало «наличие обостренных межнациональных отношений в отдельных районах на почве земельных отношений»¹³⁰⁶.

Это, а также целый комплекс негативных причин, привело к массовому эмиграционному движению немцев, как по Союзу, так и в Казахстане. Власть совершенно правильно расценила отъезд немцев из страны как открытую форму протеста коммунистическому режиму и понимала реальный идеологический урон для всей системы.

Но реальных рычагов действия среди немецкого этноса советские и партийные органы по-прежнему не имели. Нужна была опора в виде партийно-государственной элиты разного уровня.

Правящий режим наметил два пути инкорпорации немцев во властные структуры. Один из них состоял во ввозе в Казахстан готовых партийно-государственных кадров немецкой национальности. В 1930-е гг. республиканские и местные органы усилили просьбы в инстанции о направлении в Казахстан кадров немецкого происхождения, имеющих к тому же определенный опыт работы. Так, начальник политотдела Полуденской МТС Карагандинской области Я. Ром сообщает, что он несколько раз уже просил Крайком и ЦК ВКП(б) о присылке «трех-четырёх немецких работников: секретаря партиячейки, женработника-избача и двух председателей колхозов-немцев»,

---

¹³⁰⁴ Там же. С. 51.

¹³⁰⁵ Там же. С. 35.

¹³⁰⁶ Там же.

но никаких ответов он не получал¹³⁰⁷. Редким примером может служить Николай Львович Волленберг, член ВКП(б) с 1917 г. Судя по его анкетным данным, он до революции окончил сельскохозяйственное училище, что считалось низшим образованием. Затем участвовал в Первой мировой войне, видимо, был в рядах Красной армии. С 1918 г. он работал в органах ЧК и ГПУ¹³⁰⁸. Примерно с марта 1929 г. он командирован в Казахстан в качестве председателя ОГПУ, а в марте 1930 г. откомандирован в Москву в распоряжение ЦК партии¹³⁰⁹. Однако такие факты были единичны, что объясняется нехваткой подобных кадров в масштабах всего Союза и их нежеланием ехать в далекий Казахстан.

Другим путем власти избрали метод социального раскола немецкой общины изнутри. Перед партийными органами районного звена была поставлена задача «принять все меры к обеспечению в ближайшие 1–2 месяца классового расслоения в немецких селах», для чего командировать туда партийных работников из округа¹³¹⁰.

Специально существовавшие формуляры требовали от колхозного начальства выявить среди колхозников-немцев бедняков, середняков и кулаков. Те, кто оказался в графе «кулаки», планомерно попадали под различные формы репрессивных акций государства.

Полярная же группа, отнесенная к беднякам, стала предметом особых забот партийных органов. Именно бедноту попытались вовлечь в борьбу с теми, кого отнесли к кулакам. В партийных предписаниях об этом говорилось совершенно определенно: «При проведении репрессивных мероприятий, связанных с хлебозаготовками в немецких селах, ... нажим на кулацкую часть населения [проводить] через группы и собрания бедноты». Таким образом, система стремилась не только изолировать или ликвидировать часть немецкой общины, но сокрушить ее моральные каноны. Однако для большей гарантии, видимо, не вполне надеясь на успех, тогда же перед ГПУ была поставлена задача «в немецкой деревне принять меры к изоляции наиболее вредных кулацко-зажиточных элементов и представителей духовенства с целью окончательной ликвидации их влияния на немецкую бедняцко-середняцкую часть крестьянства»¹³¹¹.

Сами группы бедноты находились под постоянным контролем. Согласно директивам «создание групп бедноты должно ярко собой отражать формирование бедняцких масс среди партии, для чего инициатором этой работы должна быть только партиячка»¹³¹².

---

¹³⁰⁷ Там же. С. 76.

¹³⁰⁸ Там же. С. 28.

¹³⁰⁹ АПРК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2388-а. Л. 201. Д. 2926. Л. 240.

¹³¹⁰ Там же. Д. 2468. Л. 13.

¹³¹¹ Там же. Л. 13–14.

¹³¹² Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 488-б. Л. 184.

Наряду с этим, необходимо было искать и растить конкретных лиц для управленческой элиты. Местные партийные руководители должны были заняться «своевременным подбором кандидатур из бедноты, батрачества и наиболее активной части середняков» среди немцев¹³¹³. В качестве проверенного способа использовали известный механизм «выдвижения кадров».

Эта политика Советского государства применялась еще с середины 1920-х гг. и дала вполне успешные результаты. Теперь ее следовало применить и в немецкой деревне. Бюро Казкрайкома в 1926 г. отмечало, что выдвижение «рабоче-крестьянских масс на ответственную работу является основной формой решения задачи борьбы за кадры»¹³¹⁴. Из всех форм выдвижения (привлечение рабочих и крестьян к работе местных организаций, участие в выборных органах, съездах и т.п.) Казкрайком особо рекомендовал «напирать в Казахстане на индивидуальную вербовку выдвиженцев». В том же документе сформулированы семь условий «вращения» выдвиженцев парткомом, своего рода программа действий. Среди них находим такие, как «создание обстановки товарищеского отношения и доверия к выдвиженцу», «улучшение его материального положения», но в то же время и «хорошо поставленный учет работы выдвиженца»¹³¹⁵. Из этого следует, что завербованного «выдвиженца от сохи» держали под постоянным контролем и окружали возможной заботой.

Необходимо констатировать, что отработанный механизм исправно работал и на этот раз. Архивные документы показывают все большее участие отдельных представителей немецкого населения в партийных, советских и государственных органах. Правда, вначале это встречало явное или скрытое неодобрение со стороны основной массы немецких крестьян. Так, в 1930 г. активист Майзингер (с. Надеждинское Кустанайского округа) был избит односельчанами со словами: «Кому ты стал работать, ты был хороший паренек, а теперь что делаешь?»¹³¹⁶

По протоколам Тельмановского районного комитета ВКП(б) (Карагандинская обл.) за 1932 г. удается проследить карьеру некоторых выдвиженцев из немцев. Например, Круч Готфрид Готлибович, 1898 года рождения, середняк, член партии с 31 марта 1929 г. До 1928 г. занимался сельским хозяйством, затем до 1929 г. был председателем сельпо, до 1930 г. председателем животноводческого товарищества, в 1930–1931 гг. – председатель Райпотребсоюза и управляющий Госбанком. С этой должности, говоря языком того времени, его перебросили в колхоз им. Тельмана. Колхозники-немцы этого колхоза отказывались переселиться со своих земель, которые собирались отдать совхозу ОГПУ «Гигант», что было расценено властями как проявление

¹³¹³ Там же. Л. 13.

¹³¹⁴ Там же. Д. 487-б. Л. 180.

¹³¹⁵ Там же. Л. 181.

¹³¹⁶ Из истории немцев Казахстана. С. 54.

«кулацкого протеста». Партийные органы постановили: «командировать тов. Круч председателем колхоза как способного мобилизовать немецких колхозников против кулацкого настроения»¹³¹⁷. Видимо, он успешно справился с заданием, потому что следующая его должность – в МТС, а в итоге партийные органы послали его учиться в Москву в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского¹³¹⁸.

Другой пример – житель этого же района Вагнер (инициалы ни разу не указаны), член партии. Его фамилия вначале мелькает в 1931 г. в протоколах заседаний районных органов власти на вторых ролях, но постепенно он участвует в таких важных кампаниях в районе, как посевная, организация МТС, поставка зерна на голодающие казахские аулы, оседание казахских хозяйств и т.д. В 1932 г. был назначен на довольно высокую должность районного масштаба – председателем Райколхозсоюза. При выселении кулачества в 1932 г. входил в состав так называемой тройки¹³¹⁹. Руководил также хлебозаготовками в районе.

Отдельных примеров множество, хотя последовательно проследить судьбу конкретного человека довольно сложно. Анализируя в целом архивные документы, можно констатировать, что примерно с 1931–1932 гг. в периферийных органах власти участвует довольно большое количество немцев. В местах компактного проживания немецкого населения партийные и советские органы на уровне района и села теперь почти сплошь состояли из немцев. Войдя в состав периферийной элиты, представители немецкого этноса выполняли возложенную на них задачу проведения политики Центра на местах. Партийно-правительственной системе удалось не только среди немцев, но и среди представителей других этносов создать действенные структуры, способные и стремящиеся занять новые стратификационные позиции и, наконец, выработать и внедрить в родную среду новый тип сознания.

---

¹³¹⁷ АПРК. Ф. 141. Оп 1. Д. 5255. Л. 3.

¹³¹⁸ Там же. Л. 145.

¹³¹⁹ Там же. Л. 71.

Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения 1897–2000-е гг.)

Российские немцы – социально-этническая общность, формирование которой началось около 250 лет назад, после того как Екатерина II пригласила на заселение и освоение окраинных земель России иностранцев. С тех пор вся история развития российских немцев, так или иначе, связана с политической волей различных государственных деятелей и политическими событиями, происходящими в Российской империи, а затем в СССР, СНГ и Германии. Миграционный фактор на протяжении всей истории формирования и развития российских немцев играл одну из ведущих ролей в этнических, социальных и расселенческих процессах, происходящих в их среде. Историческая память народа также формировалась под действием значимых для всех, принадлежащих к этой группе людей, политических событий, которые, к сожалению, часто были связаны с притеснением их прав и свобод.

В данной статье выделены основные этапы географии расселения российских немцев на территории бывшего СССР, а также прослежена связь между принятием основных политических решений в отношении российских немцев в течении XX века и трансформацией их расселения в СССР, СНГ и Европе. В территориальном охвате мы не стали ограничиваться Россией, так как считаем, что общая историческая судьба, несмотря на множество различий, сформировала и общие социальные и миграционные установки. И на современном этапе развития российские немцы тесно связаны, как с бывшими республиками СССР, так и с Германией. Дать объяснение итогам миграционных процессов у российских немцев РФ возможно только при рассмотрении, как внутренней, так и внешней миграционной ситуации.

Основными статистическими данными о расселении российских немцев стали данные переписей населения в Российской империи (1897 г.), СССР (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989), РФ (2002 г.), а также данные переписей населения стран СНГ и данные управлений статистики стран СНГ и ФРГ. Большая часть проанализированных статистических данных взята на сайте электронной версии бюллетеня «Население и общество»¹³²⁰. Данные об исторических событиях взяты из учебного пособия «История немцев России»¹³²¹,

¹³²⁰ Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – <http://demoscope.ru>

¹³²¹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., Издательство «МСНК-пресс», 2005.

а также из работ таких исследователей данной тематики, как А.А. Герман, Т.Б. Смирнова, Е.Ф. Тюлюлюкин и др.¹³²².

Нами были выделены основные этапы миграции и расселения российских немцев, которые совпадают во многом с историческими этапами, определяемыми авторами учебного пособия по истории немцев России. Но в данной работе акцент сделан на изменении основных регионов расселения российских немцев и изменении количественных соотношений их расселения по макрорегионам СССР.

Анализ данных переписей населения позволяет на уровне макрорегионов увидеть основные временные и пространственные закономерности расселения немцев в России в XX веке. В течении XX века можно выделить пять основных этапов изменения географии российских немцев, во многом вызванных массовой сменой мест проживания данной этнической группой. Шестой этап начинается уже в XXI веке.

Во второй половине XX века теме истории расселения российских немцев и этнических процессов, происходящих в среде российских немцев, было посвящено относительно немного работ. Изменения произошли в начале 1990-х гг., в то время когда немцы России и других бывших республик СССР стали активно выезжать в Германию на постоянное место жительства. С начала 1990-х гг. в России сформировалось несколько крупных региональных исследовательских центров изучения истории и этнографии российских немцев в Саратове, в Омске, в Новосибирске, в Барнауле и т.д. В это же время вышло значительное количество монографий, посвященных истории российских немцев в различных регионах России¹³²³.

Наиболее полно история расселения российских немцев по территории всей Российской империи до начала XX века отражена в работе С.О Терехина «Поселения немцев в России. Архитектурный феномен»¹³²⁴. Автор рассматривает историю кампаний поселения иностранцев в России в XVIII-XIX вв., он выявляет объективные и субъективные мотивы иммиграционной политики России в этот период. По его мнению, к объективным политическим причинам можно отнести следующие: заселение и возможная охрана окраинных территорий; внедрение в отдаленные неоднородные по социальному составу регионы, относительно стабильной в социальном плане группы

---

¹³²² См. работы: Герман А.А. Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 2004; Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003; Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX в.), Оренбург, 2006.

¹³²³ Более детально обзор исследований и исследовательских центров немцев России смотреть в докторской диссертации Смирновой Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспоральной группы. Омск, 2009.

¹³²⁴ Терехин С.О. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. Саратов, 1999.

населения; возможность миссионерской деятельности. К практическим мотивам С.О. Терехин относит: земельный подъем целинных территорий; создание хозяйственной инфраструктуры; относительная территориальная мобильность переселенцев. Немецкие исследователи среди важных причин эмиграции называют также: политическое давление на население со стороны властей; принудительную военную службу; налоги; малоземелье, голодные годы (в этот период в Европе только закончилась Семилетняя война); реформирование в религиозно-образовательной сфере¹³²⁵.

В итоге заселение Российской империи немцами переселенцами произошло в два основных этапа. 1 этап – 1764–1773 гг., когда по данным, приводимым С.О. Терехиным, в Россию перебрались около 30,6 тыс. переселенцев, преимущественными регионами размещения стали Поволжье, Петербургская и Черниговская губернии. 2 этап был более продолжительным – 1789–1824 гг., в Новороссию вместе с Бессарабией, в этот период переселилось около 41,6 тыс. человек. Основными территориями размещения переселенцев стали Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. Оба этапа характеризовались достаточно компактным расположением поселений.¹³²⁶

В итоге переселения немецких колонистов из Германии, а также в результате их переселений внутри российской империи к концу XIX в. в Российской империи (без Привислинских губерний и трех Прибалтийских губерний) сложилось несколько крупных ареалов немецких поселений: Поволжье (Саратовская и Самарская губернии), Причерноморье и Приазовье (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии), Санкт-Петербургская губерния. В этих регионах проживало более 700 тыс. немцев, что составляло более 55% всех немцев европейской части империи.

По данным, которые приводит С.О. Терехин и по данным переписи населения 1897 г., которая учитывала жителей по родному языку, в Саратовской и Самарской губерниях численность немцев в период с 1858–1897 гг. выросла с 210,9 тыс. до 390,8 тыс. человек. В Екатеринославской губернии в 1897 году насчитывается 80,9 тыс. немцев, в Херсонской, Таврической губерниях проживало 201,7 тыс. немцев.

В Санкт-Петербургской губернии проживало 63,5 тыс. немцев, из них 50,8 тыс. приходилось на Санкт-Петербург, в отличие от Поволжья, и Причерноморских и Приазовских губерний, где большинство немцев составляли крестьяне – до 84%.

Еще двумя значимыми ареалами расселения немцев к концу XIX в. стала Волынская губерния, в границах губернии проживало 171,3 тыс. немцев, и

---

¹³²⁵ Терехин С.О. С. 18.

¹³²⁶ Там же. С. 25.

Прибалтика, где проживало 92,7 тыс. немцев. Но большая часть из них не относилась к немцам переселенцам.

Всего на европейской части Российской империи, вместе с территориями относящимися к современной Украине, Белоруссии, Молдавии и Прибалтике, без Привислинских губерний, по данным переписи 1897 года, проживало 1 352,5 тыс. немцев, то есть почти 95% всех немцев Российской империи были в этот момент сосредоточены на ее европейской части. (рис. 1)

Численность немцев в колониях увеличивалась быстрыми темпами, вызывая аграрное перенаселение и малоземелье, что и стало одной из основных причин первой волны миграции немецкого населения в начале XX века. Миграции конца XIX – начала XX вв. стали началом восточного вектора миграции немцев, который был основным для расселения немцев в СССР.

1 этап охватывает период с конца XIX века (1890-е гг.) до 1918 г. Всего по данным переписи населения 1897 г. в Российской империи без Привислинских губерний проживало 1383,3 тыс. человек, считавших своим родным языком немецкий язык, поскольку перепись не содержала вопроса касающегося этнической принадлежности. В Привислинских губерниях проживало еще 407,3 тыс. немцев. Соотношение численности немцев по макрорегионам России представлено в таблице 1.

Таблица 1

Численность немцев в макрорегионах и отдельных губерниях России по данным переписи населения 1897 г.

Регионы	тыс. человек	%
Европейская Россия	1312,2	94,9
в том числе:		
Вольнская губерния	171,3	12,4
Екатеринославская	81,0	5,9
Лифляндская	98,6	7,1
Самарская	224,3	16,2
Санкт-Петербургская	63,4	4,6
в т.ч. Санкт-Петербург	50,8	3,7
Саратовская	166,5	12,0
Таврическая	783	5,7
Херсонская	123,4	8,9
Кавказ	56,8	4,1
Сибирь	5,4	0,4
Средняя Азия	8,9	0,6
Российская империя	1383,3	100,0
Привислинские губернии	407,3	–

Составлено по данным переписей населения, представленных на сайте www.demoscope.ru

Этот этап характеризуется тремя основными миграционными волнами сопоставимыми по масштабам, каждая из них охватывала более 100 тыс. человек. Две миграционные волны были добровольными, и характеризовались преимущественно экономическими мотивами, они были направлены в Азиатскую часть России и в страны Северной Латинской Америки. Третья волна представляла собой насильственную миграцию – депортацию немецкого населения в 1914–1915 гг. во время первой мировой войны из западных прифронтовых территорий в Поволжье и Центральную Россию. Миграции немцев начала XX века существенным образом поменяли географию их расселения, сложившуюся к концу XIX.

Внутрироссийские миграции немцев получили начало еще в 1860-х гг., но наиболее масштабный поток российских немцев на Урал и в Сибирь приходится на самый конец XIX и начало XX века. Это миграционное движение было добровольным и носило преимущественно экономический характер. Оно было вызвано рядом объективных причин. Во-первых, были исчерпаны возможности освоения старых ареалов расселения немцев в Европейской части России. В конце XIX века произошло подорожание удобных земель, были введены административные ограничения на переселение, а в 1871–1874 гг. отменили самоуправление и другие преимущества колониетского статуса поселений немцев¹³²⁷.

Многие исследователи среди факторов, влияющих в этот период на принятие немцами решения о переезде, называют и антинемецкие настроения. По мнению, Е.Ф. Тюлюлюкина антинемецкие настроения в российском обществе появились задолго до первой мировой войны. И их основная причина заключалась в росте немецкого землевладения, что происходило за счет скупки земель разорившихся русских помещиков и крестьян. Антинемецкие настроения транслировались СМИ и усилились после начала первой мировой войны¹³²⁸. Естественно, что эти настроения наиболее активно проявлялись в местах концентрации немецкого населения, и часто выражались в организационных препятствиях со стороны банков и местных чиновников приобретению земельных участков.

В итоге антинемецкие настроения в российском обществе вылились в «отчуждение» земель у немцев колонистов и первую депортацию немецкого населения из западных прифронтовых территорий. По оценкам специалистов, масштабы депортации оцениваются в сотни тысяч немецких переселенцев, что сопоставимо с масштабами аграрной миграции в Азиатскую часть России и масштабами переселения в страны Северной и Латинской Америки.

---

¹³²⁷ Там же. С. 58.

¹³²⁸ Тюлюлюкин Е.Ф. С. 51.

В 1914 г. были выселены немцы из Лифляндии, Курляндии, Риги, Сувалкской губернии. Во время депортации 1914 г. из Привислинских губерний также были выселены свыше 200 тыс. немцев. В 1915 г. были выселены немцы с территории современной Украины и Белоруссии расположенной западнее линии Ковель–Ровно–Шепетовка–Староконстантинов–Жмеринка–Могилев на Днестре, а потом и западнее территорий по линии Мозырь–Овруч–Житомир–Казатин–Умань. Из Волыни немцев депортировали в Нижегородскую, Ярославскую, Тульскую, Орловскую и Курскую губернии; из Подолии в Орловскую губернию; из Приднепровья в Курскую губернию¹³²⁹.

Миграции немцев на восток империи стали частью мощного крестьянского переселенческого движения по освоению Сибири и Дальнего Востока, которое проводилось в рамках колонизации Азиатской части России и было призвано перераспределить внутри страны людские ресурсы из трудоизбыточных перенаселенных европейских губерний. В это же время в 1891 году началось строительство Транссибирской железной дороги, которая также сыграла важную роль в экономическом освоении востока, не говоря уже о ее стратегическом значении.

Активная политика государства в вопросе переселения из европейской части России в восточные земли привела к небывалым масштабам аграрных миграций внутри России в начале XX века. Если в течении 1896–1905 гг. правительственная статистика зафиксировала около 1 млн. переселенцев, то в следующее десятилетие в 1906–1914 гг. уже было зарегистрировано 3 млн. крестьян-переселенцев¹³³⁰.

Таким образом, к началу XX века к уже упоминавшимся ареалам «материнских» колоний немцев России добавились новые ареалы, освоенные российскими немцами. К этим ареалам относятся: Южный Урал (Оренбургская и Уфимская губернии, район Челябинска); Западная Сибирь и Северный Казахстан (районы Омска, Акмолинска, Караганды, Семипалатинска, Кустаная, Кулундинская степь (на Алтае); а также Средняя Азия.

Если в «материнских» колониях, как в Поволжье, так и в Причерноморье и в Приазовье, в большинстве случаев сохранялся принцип разделения поселений по религиозному принципу, то есть отдельно существовали поселения меннонитов, отдельно поселения католиков и лютеран. Первый этап переселения на восток стал и началом смешения различных религиозных групп и возникновения сложных по конфессиональному составу и географии выхода ареалов расселения.

Основными регионами выхода немецких мигрантов в Сибири и на Южном Урале были Поволжье и Причерноморские и Приазовские губернии. Значительная часть переселенцев, особенно в западную Сибирь прибывала и из

---

¹³²⁹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 229–230.

¹³³⁰ Терехин С. Указ. соч. 61.

Волынской губернии. Т.Б. Смирнова, детально описывающая в своей работе заселение немцами Западной Сибири, указывает, что для этого региона одними из основных немецких переселенцев стали немцы Волыни и немцы Южно-российских губерний¹³³¹.

Хотя основной этап переселений немцев России в ее Азиатскую часть закончился в 1914–1914 гг., то есть еще в дореволюционный период, итог этих перемещений и изменение соотношения численности немцев России зафиксировала перепись 1926 г. Сравнение данных переписи 1897-го и 1926 гг. наглядно показывает изменение ареалов расселения немцев в России.

На Южном Урале (Оренбургская и Уфимская губернии) в 1897 г. проживало не более 2 тыс. немцев, а в 1926 г. в Оренбургской губернии проживает уже 10,6 тыс. немцев, в Башкирии – 6,4 тыс.

В Сибири в 1897 г. проживало 5,4 тыс. немцев, причем 37,5% немцев проживало в городах Сибири, то в 1926 г. немцев в Сибирском крае насчитывается 78,8 тыс. человек и большая часть – 91,3% проживали в сельской местности. Основными ареалами проживания в Сибири немцев в этот период стали Славгородский округ, расположенный на Алтае, где проживала 31,7 тыс. или 40,3% всех немцев Сибири и Омский округ, где насчитывалось 34,6 тыс. немцев или 43,9% немцев Сибири.

На территории Средней Азии и Казахстана в 1897 г. проживало 8,9 тыс. немцев, из них максимальное количество немецких поселенцев приходилось на Акмолинскую область (4,8 тыс.), Сыр-Дарьинскую область (1,9 тыс.) и Закаспийскую область (1 тыс.). Перепись 1926 г., даже с учетом административно-территориальных преобразований, показывает, что в этом макрорегионе проживает 55,4 тыс. немецких переселенцев. В 1926 г. основными регионами концентрации немцев стали: Акмолинская губерния (21,1 тыс.), Семипалатинская губерния (11,9 тыс.), Сыр-Дарьинская губерния (4,4 тыс.) и Кустанайский округ (10,8 тыс.).

В Европейской части основным ареалом расселения немцев осталось Поволжье, численность населения этого макрорегиона увеличилась в 1926 г., по сравнению с 1897 г. на 42,4 тыс. человек, и составила 433,2 тыс. человек. Численность немцев в Причерноморье и Приазовье за счет активной миграции существенным образом сократилась и составила около 40 тыс. человек, тогда как в 1897 г. в этом регионе проживало около 300 тыс. немцев.

Статус крупного ареала расселения к 1926 г. утратила Санкт-Петербургская губерния и г. Санкт-Петербург (Ленинград), в Ленинградской области по данным переписи населения проживало 25,2 тыс. человек, что более чем в 2 раза меньше, чем по данным 1897 г.

Таким образом, основными ареалами проживания немцев в России, где их численность превышала 50 тыс. человек на Европейской части России

---

¹³³¹ Смирнова Т.Б. Докторская диссертация. С. 74–75.

остались Поволжье, Волынь, Причерноморье с учетом Одесского округа, где в 1926 г. насчитывалось 71,4 тыс. немцев, а в Азиатской части появились новые ареалы Западно-Сибирский и Северо-Казахстанский.

На этом этапе немцы России в подавляющем большинстве проживали в сельской местности и основным их занятием, как в Европейской части России, так и в ее Азиатской части было земледелие и различные промыслы.

Помимо восточного вектора миграции немцев России, начало XX века характеризуется первым массовым эмиграционным движением немцев Российской империи в страны Северной и Латинской Америки, которое по объемам превосходило объемы внутрироссийских перемещений немцев.

С.О. Терехин в этом движении выделяет два миграционных потока, первый поток был направлен из «материнских» колоний европейской части России и формировался уже с середины 1870-х гг., второй поток, сформированный в 1910-е годы состоял из мигрантов дочерних колоний Азиатской части России.

По мнению исследователей, в Америку российских немцев, привлекали те же мотивы, что и их предков привлекало в свое время в Германии. После окончания гражданской войны в 1861–1865 гг. в Соединенных Штатах начинался период экономического освоения новых территорий. В стране были приняты законодательные документы, дающие возможность иммигрантам принявшим гражданство приобретения государственной земли в ряде новых штатов. Кроме этого часть миграций в Канаду и США меннонитов, проживающих в России, были вызваны введением всеобщей воинской повинности, что противоречило религиозным убеждениям меннонитов.

Регионами выхода новых мигрантов в США были страны Европы, в 1870-е гг. и немцы из России стали выезжать в Северную Америку. Часть из них продолжала на новом месте заниматься земледелием, также как и переселенцы в Азиатской части России, часть оседала в городах. Пик переселений немцев из России в США пришелся на 1906–1907 г., которые к 1916 г. практически прекратились.

В итоге к 1920 г. в США насчитывалось 116,5 тыс. переселенцев, родившихся в России, а вместе со вторым поколением число немецких переселенцев превышало 303 тыс.¹³³²

Другим местом переселения немцев из России в этот же период (1890–1900-е гг.) стала Канада, куда по данным статистики непосредственно из России переехало 57,3 тыс. немецких переселенцев и 23,4 тыс. из США.

Третьим направлением эмиграции немцев из России в конце XIX – начале XX в. стали страны Латинской Америки – Бразилия и Аргентина. Куда также переселилось несколько десятков тысяч переселенцев из «материнских» немецких колоний России.

---

¹³³² Терехин С.О. указ. соч. С. 67–69.

2 этап приходится на время существования автономии немцев ССР и достаточно активного проявления автономистского движения немцев других регионов СССР, он охватывает период с 1918-го по 1941 г.

В этот период произошло временное «закрепление» ареалов расселения немцев, сложившихся к 1918 г. и более рельефно проявляющихся при анализе переписей населений 1926 г. и переписи населения 1939 г. Была создана сначала область, а затем республика немцев Поволжья, и значительное количество немецких районов и немецких сельсоветов. Массовых добровольных миграций на этом этапе не происходило. Практически все миграции носили вынужденный, либо принудительный характер.

Автономия немцев Поволжья была образована 19 октября 1918 г., в результате подписания Председателем Совнаркома РСФСР В. Лениным Декрета о создании Области Немцев Поволжья. Изначально область включала в себя только немецкие села и поэтому ее территория имела очень сложную конфигурацию, затруднявшую связь между различными частями области. В 1922 г. 22 июня был издан декрет ВЦИК РСФСР о изменении границ области за счет присоединения части уездов Саратовской губернии, что позволило «округлить» территорию области. В результате этого площадь области увеличилась на 39% и составила 25,7 тыс. кв. км, а население выросло на 64% и составило 527,8 тыс. человек¹³³³.

В конце 1923 г. область немцев Поволжья была преобразована в АССР немцев Поволжья. 13 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило «реорганизовать» автономную область немцев Поволжья в автономную республику немцев Поволжья¹³³⁴.

Необходимо отметить, что только в период существования автономной области и автономной республики, в СССР существовала административно-территориальная единица первого порядка, где преобладало немецкое население, хотя за этот период доля немцев в населении республики снизилась. Среди других регионов доля немцев не превышала нескольких процентов.

На момент создания АССР немцев Поволжья в этнической структуре населения республики немцы составляли 67,5%, русские – 21,1%, украинцы – 9,7%; по данным переписи населения 1939 г., доля немцев в составе населения республики сократилась, они составляли 60,5%, русские – 25,7%, украинцы – 9,6%. За этот период численность русского населения выросла от 111,4 тыс. человек до 156 тыс. человек (на 40%), тогда как численность немцев республики увеличилась от 356,3 тыс. человек, до 366,7 тыс. человек (на 2,9%), что практически в пять раз ниже общесоюзных темпов прироста немецкого населения.

---

¹³³³ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 282.

¹³³⁴ Там же. С. 289.

Сокращение доли немецкого населения может быть вызвано несколькими причинами: более быстрым естественным приростом русского населения, по сравнению с немцами; миграционным оттоком немцев из республики или миграционным притоком русского населения; сменой немцами этнической идентичности.

Помимо АССР немцев Поволжья практически во всех ареалах компактно-го проживания немцев в СССР были образованы немецкие национальные районы или немецкие национальные сельсоветы. (см. таблица 2) В конце 1930-х гг. немецкие национальные районы были ликвидированы по всему СССР.¹³³⁵

Составлено по: Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. С. 293–295.

Хотя современные исследователи отмечают определенные недостатки релевантности данных переписи населения 1939 г., все же ее данные позволяют судить о расселении и основных регионах проживания немцев в СССР накануне Великой Отечественной войны.

Как уже упоминалось выше, в течение этого этапа развития немцев России наиболее значимыми массовыми миграциями этого народа стали принудительные миграции «раскулаченных» и бегство от голода и коллективизации. Таким образом, немцы России в очередной раз разделили судьбы других народов и социальных групп нашей страны. По приблизительным подсчетам исследователей, в 1920–1922 г. в области немцев Поволжья от голода погибло более 100 тыс. человек¹³³⁶. К сожалению, пока нет возможности точно оценить количество высланных и раскулаченных немцев по регионам СССР.

По мнению А.А. Германа, коллективизация и процессы раскулачивания в республике Немцев Поволжья, где проживали не только немцы, привели к массовому бегству населения в города и на стройки. В массовом количестве это происходило в 1930–1933 гг., что подтверждается данными о миграции приводимыми исследователем. В 1933 году из АССР немцев Поволжья выехало 110,4 тыс. человек, среди которых были не только немцы, но и русские и украинцы, проживающие в АССР немцев Поволжья. Количество раскулаченных также нельзя точно установить¹³³⁷.

Данные переписей населения, представленные в таблице 3 позволяют судить о не очень высоком темпе естественного воспроизводства немецкого населения СССР, что говорит о сложностях пережитых народом в 1920-е – 1930-е гг. Это и военный коммунизм, и голод и коллективизация, сопровождавшаяся различными репрессиями.

---

¹³³⁵ Герман А.А. Указ. соч. С. 391.

¹³³⁶ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 275.

¹³³⁷ Герман А.А. Указ. соч. С. 231–232.

Таблица 2

Создание в 1924–1935 гг. автономий немцев в СССР

Год создания	Регионы возникновения	Название и статус автономий
1920-е гг.	Ленинградская область	2 немецких сельских совета
1924–1925 гг.	Северный Кавказ: Терский округ, Армавирский округ, Ставропольский округ, Таганрогский округ, Донской округ, Сльский округ, Кабардино-Балкария, Донецкий округ, Черноморский округ	25 немецких сельских советов
1928 г.	Северный Кавказ: Армавирский округ	Ванновский немецкий национальный район (18,5 тыс. человек, немцы – 47,2%)
1924–1925 гг.	Западная Сибирь: Славгородский округ, Омский округ	Немецкие сельские советы, немецко-русские сельские советы (96% немцы)
1927 г.	Западная Сибирь: Славгородский округ	Немецкий национальный район
1927 г.	Украина	Семь немецких национальных районов и немецкие сельские советы
1930 г.	Крым	Биюк-Онларский немецкий национальный район (36,7 тыс. человек, немцы – 42%)
1935 г.	Крым разделение Биюк-Онларского немецкого национального района	Тельмановский немецкий район (28 тыс. человек, немцы – 50%)
1930 г. 1934 г.	Оренбуржье	Кичкасский район (1930–1934 г.) существовал как подрайон Покровского района в 1934 г. выделился в самостоятельный район (5,8 тыс. немцев)
н/д	Киргизия	Немецкие сельские советы Недолго существовала Ленинская немецкая волость
1927 г.	Казахстан	42 немецких сельских совета
н/д	Грузия	Люксембургский немецкий район
н/д	Азербайджан	Немецкие сельские советы

В итоге за этот период (1926–1939 гг.) количество немцев в СССР выросло на 188,5 тыс. человек или на 15,2% (1,17% ежегодно). К 1939 г. регионами максимальной концентрации немецкого населения в СССР были – Поволжье, области, Приазовье и Причерноморье, Западная Сибирь и Северный Казахстан, а также Урал¹³³⁸.

¹³³⁸ Наиболее полную информацию о расселении немцев накануне Великой Отечественной войны дает справочник «Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население». Составитель Дизендорф В.Ф. М., Общественная академия наук российских немцев, 2002.

Таблица 3

Динамика численности немцев СССР
по данным переписей населения 1926 г., 1939 г.

Макрорегионы	1926		1939	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Европейская Россия	626	50,5	694,2	48,6
Сибирь	81,3	6,6	117	8,2
Украина, Белоруссия, Молдавия, Крым	444,6	35,9	452,2	31,7
Закавказье	25,3	2,0	44,1	3,1
Средняя Азия	10,2	0,8	27,2	1,9
Казахстан	51,1	4,1	92,6	6,5
СССР в границах 1926 г./ 1939 г.	1238,5	100	1427	100

Составлено по данным переписей населения, представленных на сайте www.demoscope.ru

В Поволжье, прежде всего в АССР немцев Поволжья, проживало 366,7 тыс. немцев, в Саратовской области насчитывалось 42,3 тыс. немцев, в Сталинградской и Куйбышевской областях 23,6 тыс. и 11,1 тыс. немцев соответственно, то есть всего более 400 тыс. человек.

Приазовье и Причерноморье, разделенное на РСФСР и Украинскую ССР также еще оставалось крупнейшим ареалом расселения немцев. В России это, прежде всего – Ставропольский край (45,7 тыс. российских немцев), Краснодарский край (34,3 тыс. человек) и Ростовская область (33 тыс. человек), Крым (51,3 тыс. человек).

На территории Украины этот ареал продолжали Запорожская область (89,4 тыс.), Сталинская область (47,2 тыс. немцев), Николаевская область (41,7 тыс. немцев), Одесская область (91,5 тыс. человек). Также немцы проживали в Ворошиловградской, Днепропетровской и Житомирской областях.

В Западной Сибири большая часть немецкого населения в предвоенный период проживала в Омской области (59,8 тыс. человек), Алтайском крае (33,2 тыс. человек) и Новосибирской области (8,4 тыс. человек). В Казахстане основными территориями проживания российских немцев были Северо-Казахстанская область (23 тыс. немцев), Карагандинская область (14,8 тыс. немцев) и Акмолинская область (10,1 тыс. немцев).

На южном Урале сложившийся ареал расселения немцев приходился на Чкаловскую (Оренбургскую) область, где проживало 18,6 тыс. российских немцев и Челябинскую область, там насчитывалось 6 тыс. российских немцев.

3 этап (1941–1964 гг.) Предыдущий этап заканчивается в 1941 г. с началом Великой Отечественной Войны. Промежуток с 1941 по 1964 гг. охватывает период, во время которого произошли резкие и необратимые сдвиги в географии немцев СССР. Начало ВОВ, депортация немцев, ликвидация республики немцев Поволжья, а также последовавшие после ВОВ меры государственной политики в отношении немцев кардинальным образом изменили географию расселения немцев на территории бывшего СССР.

Естественно, что российские немцы не единственный народ, который в СССР подвергался депортациям, но это народ у которого в ходе этих переселений, и «благодаря» этим переселениям формировалась общая этническая идентичность, возникало осознание единства их судьбы. Именно поэтому, на наш взгляд, необходимо уделять внимание изучению исторической географии российских немцев. В частности, немцы СССР единственный из депортированных народов, имевших до депортации собственную автономию, и не восстановивших ее после депортации на прежней территории и в прежнем статусе.

Первым «звонком» в отношении депортации немцев стала их эвакуация из Крыма в Орджоникидзевский край, куда переселили 50 тыс. немцев. Массовая депортация немцев началась после принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Это был первый в СССР Указ, о переселении целого народа. После этого в сентябре-октябре 1941 г. были приняты постановления о депортации немцев из остальных регионов европейской части России. 7 сентября 1941 г. вышел специальный Указ по которому территория республики немцев Поволжья была разделена между Саратовской и Сталинградской (Волгоградской) областями, таким образом, была ликвидирована, просуществовавшая 23 года, автономия немцев Поволжья¹³³⁹. Затем последовали указы о депортации и других народов¹³⁴⁰.

По данным источников о депортации народов СССР, обнародованных в начале 1990-х гг., в 1941–1945 гг. всего было насильственно переселено 949829 немцев, то есть практически все немецкое население, проживавшее в Европейской части СССР и оказавшееся в августе 1941 г. не на ок-

---

¹³³⁹ Полян П.М. в своей монографии отмечает, что официально АССР немцев Поволжья упразднена не была. См. Полян П.М. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. М., ОГИ – Мемориал, 2001 С. 108.

¹³⁴⁰ Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XII. Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 1. М., 1992. Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 11.

купированных территориях¹³⁴¹. По другим данным, переселению подлежало 904 255 немцев, учтенных местными органами осенью 1941 г. Фактически к январю 1942 г. было переселено 856 168 человек¹³⁴².

Из Поволжья всего было выселено 438,6 тыс. немцев, из АССР немцев Поволжья – 365,7 тыс. человек, из Саратовской области 46,7 тыс. человек, из Сталинградской области – 26,2 тыс. человек¹³⁴³. Основными регионами переселения немцев стали: Сибирь (Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская области), Казахстан и Средняя Азия.

После депортации немцев Поволжья были проведены операции по выселению немцев и из других регионов РФ. Среди этих депортаций первой стало переселение немцев (89 тыс.) и финнов (96 тыс.) из Ленинградской области. Регионы вселения были те же. Затем вышли постановления о переселении немцев из Москвы и Московской области, из Ростовской области, немцев Северного Кавказа и Тульской области, далее были постановления по Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской областям. Из этих регионов немцы выселялись в Казахстан.

По следующему постановлению были высланы немцы из Воронежской области и Закавказья в Новосибирскую и Омскую области. Немцы из Дагестана, Чечено-Ингушетии, Калмыкии и Куйбышевской области переселялись в Казахстан. В марте 1942 г. выселения немцев проводились в Харьковской, Крымской, Одесской, Днепропетровской и Калининской областях¹³⁴⁴.

Помимо выселения Российских немцев из Европейской части СССР, был, в августе 1941 г. началось создание трудармейских формирований российских немцев, которое впоследствии распространилось и на депортированных немцев. В это время прошел призыв немцев-мужчин в рабочие отряды, которые направлялись на строительство, на лесозаготовки, на шахты и т.д. По данным, которые приводит П.М. Полян, к началу 1944 г. в рабочий колоннах НКВД насчитывалось 222 тыс. немцев-трудармейцев. А к моменту ликвидации рабочих колонн в январе 1946 г. в них побывало около 316,6 тыс. российских немцев¹³⁴⁵.

В течение Великой Отечественной войны постепенно формировался для переселенных народов, в том числе и немцев, режим спецпоселений, который юридически был закреплен в начале 1945 г., когда Советом Народных Комиссаров СССР были приняты два закрытых постановления «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД» и «Оправовом положении спецпоселенцев». Среди прочего эти постановления «закрепляли» депортированные народы на местах выселения. Запрещалось без разрешения

¹³⁴¹ Материалы к серии «Народы и культуры». С. 109.

¹³⁴² Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России... С. 437.

¹³⁴³ Там же. С. 433.

¹³⁴⁴ Полян. П.М. Указ. соч. С. 113.

¹³⁴⁵ Там же. С. 115.

отлучаться за пределы территории, обслуживаемой комендатурой. Режим спецпоселений был отменен только в 1955 г.¹³⁴⁶, по сути он стал механизмом ограничения, как территориальной, так и социальной мобильности российских немцев и повлиял на закрепление ареалов расселения немцев по итогам их насильственного переселения в военные годы.

Иллюстрацией к трансформации довоенной географии расселения немцев, служат данные 1949 г. о наличии выселенцев-спецпоселенцев, состоящих на учете спецпоселений. Всего на этот период было учтено 1 035 701 немец-спецпоселенцев. Из них 393,5 тыс. приходилось на Казахстан, помимо этого крупные группы немцев-спецпоселенцев находились в Сибири и на Урале: Алтайском крае (36,7 тыс.), Красноярский край (56,1 тыс.), Кемеровская область (49,4 тыс.), Молотовская область (39,9 тыс.), Новосибирская (70,7 тыс.) и Омская (38,1 тыс.) области, Свердловская область (45,5 тыс.), Челябинская область (38,4 тыс.). На севере Европейской части России в качестве новых ареалов расселения выделялись Архангельская область (11,3 тыс. немцев-спецпоселенцев) и Вологодская область (9,5 тыс.)¹³⁴⁷.

В противоположный по направлению миграционный поток оказались вовлечены немцы, оказавшиеся на территориях занятых германскими войсками, которых не успели депортировать до осени 1941 г. По подсчетам экспертов, к моменту окончания войны за границами СССР оказалось от 300 до 350 тыс. немцев – граждан СССР. После капитуляции фашистской Германии было принято решение о репатриации немцев – граждан СССР обратно. В СССР было возвращено около 200 тыс. немцев-репатриантов, которые расселялись по всей территории Советского Союза, как в РСФСР (70% репатриантов), так и в Казахстане (20% репатриантов). По данным на 1953 г. на учете состояло 208 388 тыс. репатрированных немцев¹³⁴⁸.

Таким образом, практически исчез один из основных ареалов проживания российских немцев на Украине, и появилось немецкое население в тех регионах СССР, где оно ранее не проживало. По разным оценкам 100–150 тыс. немцев из СССР остались в Западной Европе¹³⁴⁹.

Режим спецпоселений был ликвидирован Указом Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом отношении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Указ предписывал снятие с учета спецпоселения и освобождение из-под административного надзора органов МВД депортированных и репатрированных. В указе отдельным пунктом было прописано, что немцы и члены их семей не имеют права возвращаться на места, откуда они были выселены¹³⁵⁰.

¹³⁴⁶ Там же. С. 480, 484–490.

¹³⁴⁷ Материалы к серии «Народы и культуры». С. 136–138.

¹³⁴⁸ Материалы к серии «Народы и культуры». С. 208.

¹³⁴⁹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. С. 475–476.

¹³⁵⁰ Материалы к серии «Народы и культуры». С. 14, С. 85.

Многие связывают ликвидацию спецпоселений и начало установления дипломатических отношений между СССР и Германией. В сентябре 1955 г в Москве проходили переговоры канцлера Германии К. Аденауэра и Н. Булганина. Во время этих переговоров возникал вопрос и о желании вернуться в Германию, тех российских немцев, которые в годы ВОВ получили немецкое гражданство. Канцлером Германии была озвучена цифра в 130 тыс. немцев¹³⁵¹.

Перепись населения 1959 г. зафиксировала, практически прямо противоположную предвоенной, картину расселения российских немцев. В местах ранее массового расселения немцев на Украине осталось менее 2% все немцев СССР, в европейской части РФ проживало – 18%, а основной новой территорией проживания немцев России, оказался Казахстан (40,7%) и Сибирь (32,6%) от всех немцев СССР. (см. рис. 1,2, табл. 4)

В Европейской России основным ареалом расселения немцев стал Урал, где в 1959 г. проживало 71,9% (210 тыс.) немцев Европейской части РФ, а в традиционном регионе для немцев, в Поволжье проживало 5,8% (17 тыс.) немцев Европейской части России. В Сибири 90% немцев оказались в шести регионах: 27% (143 тыс.) в Алтайском крае, в Омской области 20% (105,7 тыс.), Новосибирской области 14,9% (78,8 тыс.), в Красноярском крае 12,6% (66,7 тыс.), в Кемеровской области 12,3% (65 тыс.) и в Тюменской области 4,6% (24,2 тыс.).

Завершением данного этапа в истории и расселении немцев СССР можно считать 29 августа 1964 г., в этот день вышел «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», который отменял указ 1941 г. При этом в указе говорилось о нецелесообразности возвращения немцев в регионы прежнего проживания и не говорилось о возвращении автономии немцев Поволжья¹³⁵². Таким образом, произошло закрепление немцев СССР на новых территориях их расселения и начался новый этап в истории и географии немцев СССР.

4 этап 1964–1989. Этот период, наверно, наиболее спокойный, в течение всего 20 века для российских немцев. В это время не происходило насильственных миграций немецкого населения СССР. До начала массового выезда немцев из СССР, а затем из стран СНГ, в географии расселения немцев продолжались тенденции, заложенные в итоге драматических событий 1940-х гг.

В период с 1959-го по 1979 г. и далее до 1989 г. в целом продолжала расти доля Казахстана, Средней Азии и доля восточных регионов России в расселении немцев СССР. Перепись населения 1970 г. показывает

---

¹³⁵¹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. С. 491–492.

¹³⁵² Там же. С. 101.

снижение численности немцев в РСФСР, по сравнению с 1959 г., численность немцев России в этот период снизилась на 58,1 тыс. человек или на 7,1%. Вероятнее всего, это связано с миграцией немецкого населения в Украину, а также в республики Средней Азии и Казахстан, где численность немцев за этот же период увеличилась. Возможно, новым мотивом для массового переселения немцев внутри СССР, стало бы создание, планировавшейся автономии немцев в Казахстане, которая так и не была реализована (Табл. 4).

Таблица 4

Распределение немцев по макрорегионам СССР, по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Регионы	1959		1970		1979		1989	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Европейская Россия	292,1	18	290,1	15,7	315,2	16,3	340	16,7
Сибирь и Дальний Восток	527,9	32,6	471,8	25,6	475,6	24,5	502,3	24,6
Украина, Белоруссия, Молдавия	28,3	1,8	41,2	2,2	48	2,5	48,7	2,4
Закавказье	4,1	0,3	4,1	0,2	3,4	0,2	2,6	0,1
Средняя Азия	94,1	5,8	184,3	10	184	9,5	178,2	8,7
Казахстан	659,8	40,7	839,6	45,5	900,2	46,5	957,5	47
Прибалтика	13,4	0,8	15,2	0,8	9,8	0,5	9,3	0,5
СССР	1619,7	100	1846,3	100	1936,2	100	2038,6	100

Составлено по данным переписей населения, представленных на сайте www.demoscope.ru

Внутри России в период с 1959-го по 1979 г. ареалы массового проживания немцев также существенным образом не изменились. По-прежнему регионы Западной Сибири и Урал оставались местами массового проживания немцев России.

Несколько увеличилась численность немцев проживающих в Поволжье. Так, если в 1959 г. Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областях проживало около 17 тыс. немцев и их доля среди немцев России не превышала 5,8%, то в 1979 г. в Куйбышевской, Саратовской и Волгоградской

областях проживало 33 тыс. немцев. Но массового возвращения немцев в места выселения не произошло.

Из-за благоприятного климата области и края Северного Кавказа также привлекали немцев, то и тут увеличение их численности не стало существенным. Так, если в 1959 г. в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области проживало 8,8 тыс. немцев, в 1979 г. в этих регионах их численность достигла 28,3 тыс.

Уже с середины 1950-х гг., после визита Аденауэра в Москву, среди немецкого населения Советского Союза все сильнее и сильнее стали проявляться эмиграционные настроения.

График 1

Составлено по: Dietz B., Hilkes P. *Russlanddeutsche: Unbekannte im Osten*. München 1992, S. 112, *Heimat und Diaspora. Russlanddeutsche in der Bundesrepublik Deutschland 1950–2000. Chronik 50 Jahre Landsmannschaft der Deutschen aus Russland*, S. 14.

На Графики 1 видно, что в 1950-е гг. наблюдалась волна активного выезда немцев в ФРГ. Эмиграция немцев возобновилась после 1972 г., когда окончательно были сняты ограничения, наложенные на немецкое население СССР. В 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»¹³⁵³. За 1955–1979 гг. из СССР в ФРГ выехало 77 тыс. немцев.

¹³⁵³ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 508.

Именно с эмиграционными настроениями, историки связывают идею создания немецкой автономной области в Казахстане. Область предполагали создать в 1979 г. на базе пяти районов областей массового проживания немцев: Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей с центром в г. Ерментау. Но эта идея была встречена митингами протеста жителей этих областей других этнических групп и замыслу возникновения новой автономии не суждено было реализоваться. После этого до конца 1980-х гг. эмиграция немцев из СССР снизилась до минимального уровня. В период 1980–1986 гг. только 16,4 тыс. немцев выехали из СССР в Германию¹³⁵⁴.

В 1989 г. в Казахстане проживало 957,5 тыс. немцев, в России 842,3 тыс. немцев, в Киргизии проживало 101,3 тыс. немцев. Всего же на территории СССР насчитывалось 2038,6 т. немцев, это был пик численности немцев СССР.

В Казахстане основными регионами расселения немцев оставались северные и восточные области республики.

В России в 1989 г. также сохранились те же, что и раньше ареалы расселения немцев: Поволжье (55, тыс. немцев в трех областях Волгоградской, Саратовской и Куйбышевской); Урал (136,1 тыс. немцев в пяти областях Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской), Сибирь (Алтайский край (127,7 тыс.), Омская область (134,2 тыс.), Новосибирская область (61,5 тыс.), Кемеровская область (48 тыс.) и Красноярский край (54,3 тыс.).

В 1989 г. почти половина немцев России (47%) являлась жителями сельской местности, тогда как средний по РФ показатель составлял (27% селян). В Казахстане 51% немцев проживал в сельской местности, в Киргизии 58%. Подавляющими горожанами были только немцы Таджикистана – 93% из них в 1989 г. проживали в городах¹³⁵⁵.

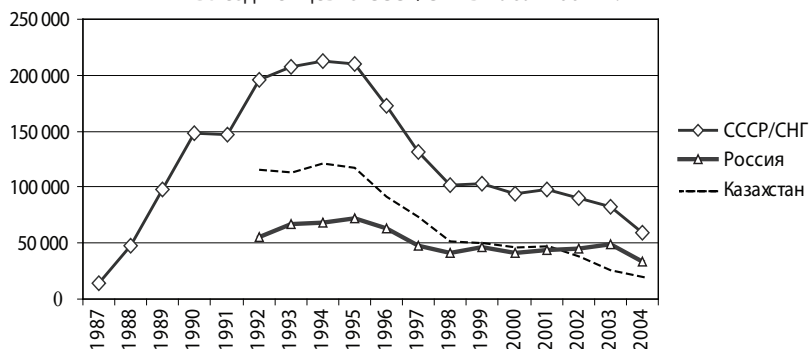
5 этап (1989–2004 гг.) характеризуется небывалой по масштабам добровольной эмиграцией российских немцев в Германию, которая в начале 1990-х гг. заявляла о готовности принимать новых граждан. Эмиграция началась до распада СССР в 1991 г., и усилилась параллельно с осложнением как политической, так и экономической ситуации в странах СНГ, достигнув пика в 1994 г, когда из бывших республик СССР выехало в Германию 213,2 тыс. этнических немцев и членов их семей. Всего по данным статистики за 15 лет с 1989-го по 2004 г. в Германию из бывшего СССР выехало 2152 тыс. этнических немцев и членов их семей.

---

¹³⁵⁴ Dietz B., Hilkes P. Russlanddeutsche: Unbekannte im Osten. München 1992, S. 112.

¹³⁵⁵ Некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации. (Информационно-демографические обзоры). М., Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1992. С. 17–24.

График 2
Выезд немцев из СССР/СНГ в 1989–2004 гг.

Составлено по данным сайта Министерства внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern – www.bmi.bund.de)

Из рисунка 3 видно, что максимальное количество выехавших пришлось на Казахстан, причем миграционные потоки немцев из Казахстана были направлены помимо Германии в Россию. Всего за этот период из Казахстана в Германию выехало более 900 тыс. немцев и членов из семей, из России выехало в Германию более 700 тыс. немцев и членов их семей.

Данные социологических исследований, проведенных автором, как в Германии, так и в России, говорят, что для большинства немецких мигрантов этого этапа основной мотивацией для переезда в Германию были экономические причины и желание стабильной жизни. Кроме этого особенностью немецкого населения СССР были тесные родственные и дружеские связи внутри этнической группы, которые также оказывали существенное влияние на принятие решения о эмиграции в Германию.

Начиная с 2005 г. завершился период массового выезда немцев в Германию, это связано как с исчерпанием миграционного потенциала самих немцев, так и с ужесточением миграционной политики Германии в отношении российских немцев. По данным немецкой статистики в 2005 г. из России в Германию выехало 20,6 тыс. немцев и членов из семей, в 2006 г. – 6,8 тыс., в 2007 г. – 5,5 тыс. Из Казахстана в 2005 г. выехало 10,5 тыс. немцев членов их семей, в 2006 г. – 2,1 тыс., в 2007 г. – 1,9 тыс.

Выезд из России немцев уже не смогло остановить восстановление в начале 1990-х гг. двух немецких национальных районов, в Алтайском крае и в Омской области. Хотя отчасти эти районы привлекли на свою территорию немцев из Казахстана.

Эмиграция немцев из СССР/СНГ очередной раз за последние сто лет кардинальным образом изменила география российских немцев на пост-

советском пространстве. Резко сократилась как доля, так и абсолютные показатели численности немецкого населения в Средней Азии и Казахстане.

О численности немцев на постсоветском пространстве можно судить по данным переписей населения в странах СНГ. Сложность возникающая при страновом сопоставлении данных связана с тем, что после распада СССР переписи населения в странах СНГ и Прибалтики проводятся в разные годы. Но так, или иначе общее представление о соотношении ареалов расселения немцев на новом этапе развития российских немцев на постсоветском пространстве из этого анализа мы можем получить. Сложно дать оценку общей численности немцев на постсоветском пространстве, по нашим подсчетам она может составлять от 750 тыс. до 800 тыс. человек.

Так, по данным переписи населения, проведенной в России в 2002 г. в РФ проживало 597,2 тыс. немцев, РФ стала страной преимущественного проживания немцев на постсоветском пространстве. Внутрироссийская география немцев сохранила свои основные ареалы, снизилась абсолютная численность немцев в Российских регионах. Так, в Омской области численность немцев в 2002 г. составила 76,3 тыс., в Новосибирской – 47,3 тыс., в Алтайском крае – 79,5 тыс. Снизилась численность немцев на Урале: в Оренбургской области до 18 тыс., в Пермской до 10 тыс., в Свердловской области до 22,5 тыс. человек. В Саратовской области проживает 12 тыс. немцев, в Самарской – 9,6 тыс. немцев.

Немецкое население Казахстана за счет миграции в Германию и Россию сократилось практически в пять раз и доля Казахстана в общей численности немцев на постсоветском пространстве снизилась примерно до одной пятой. На 1 января 2009 г. по данным статистики Казахстана в Казахстане проживало 221 тыс. немцев, из них основными регионами расселения стали Акмолинская область (30,2 тыс.), Карагандинская (39,5 тыс.) и Кустанайская области (33,4 тыс.), Павлодарская (24 тыс.), Северо-Казахстанская область (24 тыс.) и Восточно-Казахстанская (20 тыс.)¹³⁵⁶. Массовый выезд немцев из Средней Азии снизил численность немцев в этом макрорегионе до 19 тыс.

В заключении хотелось бы подвести некоторые итоги, нашего обзора. Почти за сто лет с 1897 по 1989 г. численность немецкого населения, проживавшего в Российской Империи и СССР увеличилась практически на 700 тыс. человек. Сначала вследствие экономических причин, затем по политическим мотивам резко поменялась география расселения немцев. В начале XX века, значительная часть немцев проживала на территории современной Украины, в Поволжье, и в Приазовье и Причерноморье. К 1989 г. эти ареалы потеряли свое значение, а появились новые, прежде всего это юг Сибири, северные и восточные регионы Казахстана и Урал.

---

¹³⁵⁶ Регионы Казахстана в 2008 г. Статистический сборник. Под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2009. С. 81.

Немцы России за сто лет, из-за государственной политики СССР, не прошли полностью путь урбанизации и остались на 50% сельскими жителями, достаточно компактно проживающими. Этот факт сыграл решающую роль в сохранении языка, культуры и этнической идентичности российских немцев.

Последним этапом расселения немцев в XX веке стала массовая эмиграция в Германию, в результате чего их численность на постсоветском пространстве сократилась более чем в два раза. Помимо Германского вектора, для немцев из Казахстана и Средней Азии, после распада СССР, привлекательной страной стала Россия, которая на настоящий момент является на постсоветском пространстве страной преимущественного проживания российских немцев.

На данный момент миграционный потенциал немцев из бывшего СССР в Германию исчерпан. В Германии проживает более 2 млн. этнических немцев и членов их семей. Так завершился очередной исторический этап миграции «народа в пути», ждет ли немцев обратное переселение в Россию из Германии, или дальнейший путь на запад...? На этот вопрос смогут ответить только сами немцы.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ И ДЕПОРТАЦИИ

К. Менг (Мангейм)
Е.Ю. Протасова (Хельсинки)

Русаки в Германии. Изменения культурного самопонимания российских немцев после переселения в Германию

1. Культурное самопонимание

Около 2,3 миллионов российских немцев переехали после Второй мировой войны в Германию, по большей части с конца 1980-х гг. Их интеграция в немецкое общество связана, как и всякая миграция, с глубокими изменениями культурного самопонимания. Под культурным самопониманием (идентичностью) мы подразумеваем представления человека или некоторой совокупности людей о том, к какой социальной группе они принадлежат. Культурное самопонимание формируется как особая ментальная конфигурация, состоящая из элементов знаний и установок. Предмет знания – собственная и другие культурные группы, с которыми проводится сравнение в плане нахождения как сходств, так и различий, а также категории **свое** и **чужое**. **Своим** и **чужим** приписываются определенные свойства, типы поведения, опыт, убеждения как по отношению к самим себе, так и к другим. Группы могут самоопределяться по различным основаниям, в т.ч. этническому, географическому, языковому, государственному, профессиональному и иным признакам¹³⁵⁷. Сошлемся на подход этнометодологической социологии, где говорится о категориях членства, коллекциях категорий членства и категориально-связанных видах деятельности (**membership categories, collections of membership categories und category-bound activities**)¹³⁵⁸. Культурное самопонимание человека или группы людей является важной составной частью их внутреннего мира.

Культурные идентичности, будучи ментальными конфигурациями, не могут быть подвергнуты непосредственному анализу. Однако поскольку они лежат

---

¹³⁵⁷ О концепте культурной идентичности см. среди прочего Reitemeier U. *Aussiedler treffen auf Einheimische. Paradoxien der interaktiven Identitätsarbeit und Vorenthaltung der Marginalitätszuschreibung in Situationen zwischen Aussiedlern und Binnendeutschen*. Tübingen: Gunter Narr, 2006, а также Kiel S. *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien*. Münster etc: Waxmann, 2009.

¹³⁵⁸ Sacks H. *Lectures on conversation*. Ed. by Gail Jefferson. Oxford etc.: Blackwell, 1992.

в основе языкового и неязыкового взаимодействия и проявляются в его ходе, то можно попытаться реконструировать их на основе того, как они в нем выражены. Особенно наглядно проявляется культурное самопонимание в самообозначениях и в том, как они применяются в дискурсе или тексте. Под самообозначениями мы понимаем обозначения категорий, которые некто может приписать себе. Это своего рода обозначения (апеллятивы), служащие для называния людей и их качеств.

Нельзя сказать, что культурное самопонимание – нечто фиксированное и неизменное; напротив, поскольку оно всегда связано с положением своей группы в социальных констелляциях, оно изменяется по мере того, как изменяется положение группы в обществе. Это особенно заметно у групп мигрантов, поскольку в их ситуации изменяются сами условия существования. Но не только актуальное положение группы определяет самопонимание: важна также личная биография и история данной группы в том виде, как она отложилась и хранится в групповой памяти ее членов.

В настоящей статье мы приводим обзор наших предыдущих исследований относительно изменений в культурном самопонимании российских немцев и дополняем их новыми наблюдениями. При этом отправной точкой являются самоназвания российских немцев, которые употребляются ими в разговорах друг с другом, с коренными немцами или с гостями из СНГ, а целью – выяснить, какое понимание собственной группы в них проявляется. Прежде всего, мы анализировали следующие самообозначения и их немецкие, русские или смешанные по языку варианты, обнаруженные в собранных записях или опубликованном материале: немец, русский **немец, русак, переселенец, Deutscher aus Russland, Russlandsdeutscher und (Spät-)Aussiedler**.¹³⁵⁹ При анализе данных мы пользуемся дискурс-аналитическим подходом: мы устанавливаем, какие самообозначения используют наши информанты – российские немцы, соответственно, в какой коммуникативной ситуации они это делают. Затем мы пытаемся по контексту употребления заключить, какое самопонимание связывают информанты с соответствующим самообозначением. Далее, нам интересно, появились ли самообозначение и выраженное через него само-

---

¹³⁵⁹ Результаты наших предыдущих исследований опубликованы в работах: Meng K. **Wir sind ja Deutsche. Zum kulturellen Selbstverständnis einer russlanddeutschen Aussiedlerin** // Hartung W., Shethar A. (Hg.) *Kulturen und ihre Sprachen. Die Wahrnehmung anders Sprechender und ihr Selbstverständnis*. Berlin: trafo, 2002, S. 107–122; Meng K., Protassowa E. *Zum ethnischen Selbstverständnis in einer russlanddeutschen Familie* // Keim I., Schütte W. (Hg.) *Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für W. Kallmeyer zum 60. Geburtstag*. Tübingen: Gunter Narr, 2002, S. 261–280; Менг К., Протасова Е.Ю. Этническая группа российских немцев в Германии: варианты самообозначений. В: *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2002. Серия 2. Языкознание, №2. С. 144–154; Meng K., Protassova E. *Cultural self-conceptions and group designations of Russia-German immigrants in Germany* // Cornillie B., Lambert J., Swiggers P. (eds.), *Linguistic identities, language shift and language policy in Europe*. Leuven, Paris, Walpole, MA: Peeters, 2009. Pp. 135–149.

понимание действительно в группе российских немцев, или же они представляют собой реакцию на обозначения и определения, данные им другими группами, т.е. на чужие обозначения и чужие определения. Правда, в настоящей статье мы не можем показать наш метод в деталях, относительно применяемого подхода отсылаем к более ранним своим публикациям.

2. Испытуемые и данные

Наш интерес к изменению культурного самопонимания российских немцев возник в рамках проекта «Языковая интеграция переселенцев», который осуществлялся в 1990-е гг. в Институте немецкого языка в Мангейме (Германия). Основной упор в нашей части проекта делался на развитие немецко-русского двуязычия у молодых родителей и их маленьких детей. Переезд в Германию семей, которые мы наблюдали, происходил преимущественно между 1990 и 1993 годами. К моменту переселения родителям было от 20 до 44 лет, в среднем 30 лет. На то время дети еще не ходили в школу. Пять семей мы наблюдали в течение шести лет, ежемесячно делая аудио- и видеозаписи, начиная с первого или второго года их пребывания в Германии. Бабушки и дедушки, а также прабабушки и прадедушки из семей, где проводились наблюдения, позже также вовлекались в лонгитюдное исследование. Кроме того, в 37 семьях записи делались лишь один раз. Делая записи, мы сосредоточивались на следующих ситуациях: а) интервью по поводу языковой биографии с взрослыми, переехавшими в Германию, когда интервьюер (Катарина Менг) выясняла, в каких условиях, когда и в какой степени респонденты овладевали немецким, русским или другими языками или даже забывали их; б) общение и взаимодействие между родителями и детьми в связи с рассматриванием книги с картинками на русском и немецком языках, а также в) разговоры за столом в семье. Разговоры за столом вначале не были предусмотрены в плане исследования. Они развивались по инициативе испытуемых, ощущавших большую потребность в обсуждении своих жизненных историй и опыта интеграции в Германии с заинтересованными партнерами, «местной немкой» (КМ) и иногда также с гостьей из России (ЕП)¹³⁶⁰. В застольных разговорах выбор тем беседы и языка общения оставался за испытуемыми. Именно в автобиографических интервью и застольных разговорах мы в первую очередь много узнавали о культурном

---

¹³⁶⁰ Подробную информацию о цели исследования языковой интеграции, его участниках и структуре можно найти также в книге Meng K. *Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*. Unter Mitarbeit von Ekaterina Protassowa. Tübingen: Narr, 2001 и статье Менг К., Протасова Е.Ю. Языковая интеграция российских немцев в Германии // Известия Академии наук. Серия литературы и языка, 2002. Т. 61. № 6. С. 29–40.

самопонимании иммигрантов и его изменении в Германии и признали его значение для языковой и социальной интеграции.

Наши первые размышления о культурном самопонимании основываются на этом материале. Результаты касаются, как это следует из сказанного, прежде всего определенной группы российских немцев¹³⁶¹: той, которая по причине своего возраста уже не могла испытать на себе депортацию, спецпоселения под комендатурой, но была с ними знакома по рассказам родителей, бабушек и дедушек; в раннем детстве члены этой группы по большей части еще немного выучивали немецкий, но не могли выстроить его систематически и гораздо больше теряли его; они указывают на то, что русский является языком, который они лучше всего знают и чаще всего употребляют; хотя они еще и состоят в браке по большей части с российскими же немцами и немками (30 из 42 отцов и матерей с детьми в исследованных семьях), однако они уже не считают заключение брака с не российско-немецким партнером нарушением табу; они переехали в Германию сравнительно поздно и одновременно с сотнями тысяч других российских немцев, так что настроение местного населения все в большей степени обращалось против приезжих, а немецкие чиновники принимали меры, чтобы ограничить возможности въезда. Эти признаки нашей группы испытуемых могут иметь значение, когда речь идет о том, чтобы объяснить изменения в культурном самопонимании.

В дополнение к нашему первоначальному материалу из Мангейма мы привлекали к анализу немецко- и русскоязычные издания, выходящие в Германии и адресованные иммигрантам из бывшего СССР, а также материалы интернет-форумов. Разбираясь с данными медиа-опосредованной коммуникации, мы часто почти ничего не знаем об испытуемых, их возрасте, поле, этнической принадлежности, статусе, времени проживания в Германии, образовании, короче говоря, о тех факторах, которые могут повлиять на культурное самопонимание.

3. Обзор форм, содержания и стадий меняющегося культурного самопонимания

Из самообозначений молодых взрослых – российских немцев – и их коммуникативного употребления мы можем реконструировать следующие формы и содержание культурного самопонимания. Последовательность их описания соответствует приблизительно стадиям процесса метаморфоз.

---

¹³⁶¹ Культурное самопонимание более старшего поколения российских немцев в данной статье не разбирается. Один из примеров анализа культурного самопонимания пожилой российской немки, родившейся в 1924 г., приведен в статье Meng 2002 (см. сноска 3).

3.1. *Deutsche* – доминантность этнического самопонимания

По прибытии в Германию иммигранты – российские немцы – называют себя с очевидностью **Deutsche** или **немцы** (в зависимости от собеседника). При этом они продолжают использовать ту речевую практику, с которой они были знакомы в Советском Союзе или странах, возникших после его распада. **Deutscher** и **немец** были нормальными, нейтральными самообозначениями, и никто ни внутри группы, ни вне нее не сомневался, что значит **немцы**: с немцами из Германии почти никто не встречался, там никто не бывал, различать эти группы между собой не было необходимости. Выражения **Deutscher** и **немец** как нечто само собой разумеющееся были также теми обозначениями, которые имелись для немцев в качестве обозначения чужих в Советском Союзе со стороны большинства.

3.2. *Deutsche aus Russland* (немцы из России) – потребность в спецификации и обосновании этнической принадлежности (немецкости)

Иммигранты ожидали, что вновь найдут в Германии свою историческую родину, что там им больше не нужно будет жить в качестве меньшинства. Однако Германия и немцы едва ли сходны с немецкими поселениями на Черном море или на Волге и их жителями, о которых рассказывали бабушки, дедушки и родители. Немцы в Германии выглядят иначе, они иначе говорят, живут по-другому. Более того: многие немцы держатся по отношению к вновь прибывшим отстраненно и отказывают им в принадлежности к немцам. Российско-немецкие иммигранты реагируют на это таким образом, что они настаивают на своей немецкости, но одновременно они осознают специфику своей немецкости и пытаются объяснить это себе и другим. Они приводят, среди прочего, следующие аргументы в пользу принадлежности к немцам: свои немецкие фамилии (и имена), происхождение от немецких предков, запись их «немецкой» национальности в советском паспорте, но прежде всего истории жизни их семей во время и после Второй мировой войны. В отношении наших испытуемых также справедливо то, что С. Киль установила относительно своих информантов – российских немцев: центральным элементом этнического измерения культурной идентичности российских немцев является восприятие себя как **жертвы**¹³⁶².

Для коренных немцев явная разница между собой и российскими немцами состоит в недостатке владения немецким языком у иммигрантов и их предпочтении русского языка. В концепте немца у местных немцев владение немецким языком и его употребление занимают центральное по значимости место, что обосновывается и практически, и символически. В концепте

¹³⁶² Ср. Kiel 2009, S. 182, сноска 1357.

немца у молодого поколения российских немцев немецкий язык в момент прибытия едва ли играет существенную роль.¹³⁶³ Они обычно заканчивают языковые курсы без энтузиазма. Лишь постепенно они осознают практическое значение немецкого языка для своей жизни в Германии и рефлектируют относительно собственного языкового развития в Советском Союзе: об общении с бабушками и дедушками на немецком языке в раннем возрасте, о возможных причинах все большего отстранения от немецкоязычной коммуникации. Все это выражается в самообозначениях типа **Deutsche aus Russland** (немцы из России), которые используются в общении с немцами. Обозначение происхождения **aus Russland** (из России), впрочем, примечательно тем фактом, что едва ли хоть один из наших информантов прибыл в Германию из России; большинство приехало из Казахстана. Указание **из России**, должно быть, – это уступка ограниченным знаниям местных немцев – адресатов их речи, которые – особенно в начале 1990-х гг., – как правило, не различали Россию, Казахстан, Киргизстан, а название **Россия** употребляли как синоним для СССР.

Замеченные различия между местными немцами и собственной группой постоянно всплывают в разговорах и требуют своих обозначений, например, противопоставляются друг другу **немцы из Германии** и **немцы из России**; **ich bin Deutsche, aber ich bin in Russland (bzw. Kasachstan) geboren** «я немка, но я родилась в России»; **Deutscher wie wir**, «немец как мы» или **немцы с России**. Для местных немцев существуют обозначения: **richtige Deutsche** «настоящие немцы», **richtig deutsche Leute** «настоящие немецкие люди», **Leute von Deutschland** «люди из Германии», **коренные / местные / настоящие немцы**. Если поначалу свои категории кажутся более «нормальными, общепринятыми», то через некоторое время коренные жители начинают восприниматься как эталон, а российские немцы – как особый случай; соответственно, **Deutscher** и **немец** применяются для обозначения местных, причем настоящим немцем становится тот, кто говорит по-немецки без акцента, не выделяясь среди других и на адекватные темы. Переселенцы понимают, что их непохожесть на местных проявляется даже в сфере привычек и поведения. Во всяком случае, категория «мы, немцы» в редких случаях может объединять местных и приезжих, например, когда о каких-то событиях рассказывают представителям других стран (о победе немецкой сборной в международном футбольном матче, о результатах выборов и т.п.).

---

¹³⁶³ Н. Шнар было показано, что так бывает не только с бытовыми концептами этничности, но это вообще справедливо для некоторых теоретических концептов этничности, см.: Schnar N. Sprache als Kriterium ethnischer Identität. Eine empirische Studie zum Stellenwert des Russischen im Ethnizitätskonzept russlanddeutscher Jugendlicher in der Diaspora Deutschland. Magisterarbeit. Berlin: Humboldt-Universität, Philosophische Fakultät II, Institut für Slawistik, 2007.

Потребность в различении и различном назывании немцев-старожилов и тех немцев, которые переехали из Советского Союза и СНГ, естественно, была и в немецком обществе, и еще задолго до того, как наши информанты переехали в Германию. То, как следует называть приезжающих немцев, стало даже предметом публичных дискуссий и политических обсуждений. После развала Советского Союза закрепилось как общеупотребительное обозначение выражение *Russlanddeutsche* (российские немцы), причем несмотря на неточное употребление определяющего слова **Russland-** (российский). Для самих российских немцев обозначение **Russlanddeutsche** – это чужое обозначение, с которым они знакомятся вскоре после своего переезда в Германию и которое они также перенимают, но только в коммуникации с местными немцами. Во внутригрупповой коммуникации оно мало употребительно, а если и встречается, то в искаженной форме **Russlands(!)deutsche**.

3.3. Русский немец – выражение двойной принадлежности

Аутентичное, подлинное, собственное наименование российских немцев в Германии, достаточно нейтральное и широко употребляемое самообозначение – **русский немец**. Это выражение уже существовало в классической русской литературе. Сознательно ли продолжают российские немцы в Германии эту традицию или считают выражение собственным изобретением, мы точно сказать не можем. Во всяком случае, у нас не имеется высказываний информантов об этом. Выражением **русский немец** говорящие отсылают во внутригрупповой коммуникации к тому, что становится им все очевидней в Германии при размышлении о самих себе и своей этнической принадлежности: они проникнуты как русской культурой и ментальностью, так и немецкой культурой и ментальностью. Во многих интервью подчеркивается смешанность данной категории, обладание какими-то типичными чертами обоих народов. Промежуточными категориями оказываются те, кто наполовину русские, наполовину немцы, а также восточные немцы, учившие когда-то русский язык. Одновременно расширяется категория русских: в нее попадают все, кто имеет что-то общее в ментальности и владеет русским языком. **Русскоязычный** встречается, скорее, как исключение и не в среде российских немцев: им кажется чужеродным это определение, распространившееся в России и уже после их отъезда. У отдельных представителей группы встречается псевдоностальгическое наименование **советские немцы**.

Наши информанты хотели бы выразить результат своей авторефлексии – причастность как к немецкой, так и к русской культуре, – разумеется, также для местных немцев. Для этого они образуют наименования типа **Russe-Deutscher, Russen-Deutscher** и **Deutsche-Russe** («русско-немец»). К сожалению, все эти самообозначения не соответствуют правилам немецкого

словообразования, так что им нет места в общеупотребительном лексиконе. Структура языка позволяет дать обозначение Deutschrusse («немец-русский»). Оно иногда встречается в германской прессе, однако ни разу не встретилось нам в общении российских немцев между собой.

Самообозначение **российский немец** нашими информантами не используется. Идея «российскости» достаточно посторонняя для тех, кто переехал из Азии: некоторые никогда не бывали в России и не имеют желания отождествлять себя с ней. В то же время русский язык ощущается как общее достояние всех народов бывшего СССР: то обстоятельство, что кто-то говорил в Советском Союзе по-русски, не отменяло его этнической принадлежности как немца, корейца, туркмена, азербайджанца. Именно это фиксировали паспорта, а русский все учили в школе как язык межнационального общения, обеспечивающий равный доступ к образованию и путешествиям по республикам. Русский язык не воспринимался как этнически обусловленный, хотя определенные преимущества у тех, кто говорил на нем как на родном, все же были. Но еще больше их было у тех, кто сохранял и свой родной язык, если он был иным, чем русский, и русским овладевал в совершенстве. В Германии же переселенцы встречаются с грустным фактом: если они говорят по-немецки с русским акцентом или вообще по-русски, то местное население отождествляет их с русскими. Осознание невозможности осуществить свою мечту – стать в Германии своими среди своих – приводит к стремлению стать членами довольно большой группы русскоговорящих и получить таким образом внутрigrupповую защиту.

3.4. Русак – выражение деэтнизации и самоутверждения

На протяжении наших наблюдений над языковой интеграцией к нашему собственному удивлению мы все отчетливее замечали, что многие переселенцы в ходе русскоязычной коммуникации определяют своих близких и знакомых при помощи лексемы **русак**. Это прежде всего (но не исключительно) касалось молодого и среднего поколения приехавших. Чтобы понять, что скрывается за этой практикой, мы предприняли следующие шаги: а) мы проанализировали значение и употребление слова **русак** в коммуникации внутри России; б) мы собрали информацию о том, кто из русскоязычных переселенцев в Германии употребляет слово как самообозначение и кто его отвергает; в) мы обсудили с нашими информантами значение и функцию этого выражения в коммуникации среди российских немцев в Германии.

Полученные результаты мы можем подытожить следующим образом:

На фоне поисков новой автохарактеризации в среде российских немцев в Германии происходит переосмысление уже существующей категории **русак** с новыми целями.

Исходное словоупотребление характеризуется следующими особенностями:¹³⁶⁴ **русак** означает прежде всего зайца со всеми коннотациями, связанными с ним как с персонажем, например, быстротой, плодовитостью, трусостью, туповатостью, умением выходить из сложных ситуаций; **русак** – самый большой среди зайцев, но слабый и беззащитный перед более крупными обитателями леса. Кроме того, это еще и чисто русский человек (**русак** – как существительное, соответствующее прилагательному **русский**), обладающий, среди сугубо национальных черт, азиатскими особенностями поведения, т.е. вполне соответствующий идее евразийства русских. «Русак» недавно названо военно-националистическое движение в России и среднетоннажный грузовой автомобиль. Это слово часто использует в своих романах Б. Акунин. **Русак** – это не нейтрально окрашенное слово, в нем соединяется насмешливость с огорчением, радость с презрением и т.д.

Однако употребление этого слова российскими немцами в Германии отличается от общепринятого в России. Как мы установили, это употребление осознается другими категориями русскоязычных в Германии как специфическое, относящееся к российским немцам¹³⁶⁵. Ближайшая к российским немцам группа – контингентные беженцы, евреи из бывшего СССР, свидетельствуют следующим образом (цитаты из писем контингентных беженцев к ЕП):

– Мой ответ на Ваш вопрос сугубо эмоциональный. Назвать себя – еврея из России русским, даже живя в диаспоре, я в национальном плане не могу. А вот в плане культурном, языковом могу утверждать, что я – русский. Родной и любимый мною язык – русский, литература, музыка, живопись, воспитавшие меня, – русские. Но при этом я все же остаюсь евреем: мне свойствен еврейский скептицизм, во мне отсутствует безоглядная вера в авторитеты, я не принимаю распространенного среди русских людей веры в то, что «начальству виднее» и т.д. Знаю, что в США и Израиле слово «русский» по отношению к выходцам из бывш. СССР распространено шире, чем в Германии.

А вот относительно слова «русаки»: многие российские немцы в Германии (и никогда русские евреи) называют себя «русаками». Я несколько раз задавал им вопрос: Что это значит, «русак»? Ответ был приблизительно таков: это мы, немцы из России (Казахстана, Киргизии), живущие сейчас в Германии. Так как такой национальности, как русак, не существует, мне кажется, что слово обозначает «как бы русского», русского, но не совсем, и в то же время не немца. Т.е. слово «русак» несет в себе элемент ущербности. Вот таковы мои ощущения.

Специально обратился к своему внуку (ему 20 лет, из них 14 лет живет в Германии). Он ответил, что ни еврейские, ни немецкие ребята его круга русаками себя не называют. Его круг – студенты и выпускники университетов. Повторяю, в этом слове, по моему мнению, есть некий элемент ущербности. Внук на вопрос о его происхождении отвечает, что он еврей, приехавший в Германию из Украины, его друг Артем называет себя в подобном случае немцем, родившимся в Казахстане.

¹³⁶⁴ См. Менг К., Протасова Е. Кто такой «русак»? // Никипорец-Такигава Г. (ред.-сост.) *Integrum: точные методы и гуманитарные науки*. М.: Летний сад, 2006, 354–363.

¹³⁶⁵ См. Гусейнов Г. Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии // 11. *Fortbildung für Russischlehrer an bayerischen Gymnasien, Regensburg*, 1997.

– По-моему, русаками называют друг друга (гораздо реже самих себя) выходцы из постсоветского пространства. При этом они могут быть реально немцами из Казахстана или евреями с Украины. О себе так не скажу, потому что это слово мне не симпатично. Мне этот русак представляется таким неотесанным субъектом, в этом слове есть пренебрежительный оттенок: вроде такой простак российского разлива.

Наблюдения этих информантов совпадают с теми, которые мы получили в Мангеймском проекте. Слово «русак» используется как самообозначение прежде всего российскими немцами и другими русскоязычными иммигрантами, которые социально близки российским немцам. Они не принимаются в качестве самообозначения русскоязычными иммигрантами с академическим образованием и городским происхождением.

Для значения слова «русак» характерно, что этническая принадлежность обозначаемых им лиц становится безразличной; вместо этого их объединяет то, что они происходят из бывшего Советского Союза, говорят друг с другом по-русски и занимают в Германии сходную социальную позицию. Эти неустранимые из собственной жизни факты могут подчеркиваться при помощи самообозначения русак разнообразными стилистически-эмоциональными способами: легко, свободно, играючи, насмешливо, даже агрессивно, но не патетически. В соответствии с этим, самообозначение русак является выражением самопонимания, самопризнания и самоутверждения.

4. Новые наблюдения над употреблением слова *русак*

Представляя результаты в отношении употребления слова **русак**, полученные нами на основе анализа данных Мангеймского корпуса, мы часто сталкивались с возражениями. Прежде всего нас спрашивали о том, насколько наши наблюдения репрезентативны. Мы не претендуем на статистическую достоверность, но считаем, что вправе говорить об эмпирической достоверности в плане качественного социального исследования, а именно, это эмпирическая репрезентативность для молодого поколения взрослых российских немцев, в начале 1990-х гг. переехавших в Германию. Наши испытуемые тех лет, возможно, сегодня больше не называют себя **русаками**. Все-таки с момента сбора основного материала Мангеймского корпуса прошло больше десяти лет, а такой период времени имеет большое значение для индивидуальных интеграционных процессов. Но для общественных интеграционных процессов десять лет – это не большой срок. Поэтому мы предполагали, что самообозначение **русак** все еще употребляется среди русскоязычных иммигрантов. Чтобы проверить свое предположение, мы обратились к сегодня легко доступным явлениям коммуникации: к интернет-форумам. Поиск велся по ключевому слову **русак**.

Мы нашли два следующих форума: forum.33b.mobi/viewMessage265085714.html (2007–2010) и l.stepashka.com/lofiversion/index.php/t287568.html (2010).

Мы не знаем, кто организует эти форумы и с какой целью, но складывается впечатление, что для русскоязычных лиц вне Германии обозначение **русаки** новое и странное, и они хотят больше узнать об особенностях его употребления. В результате в дискуссию оказываются втянутыми и те, кто живет в Германии по разным основаниям, будучи разной этничности, и те, кто туда приезжает на разные сроки. Вначале указывается тема о **русаках** в Германии и о приветствии **салам**, а затем идет дискуссия, в которой есть и очень грубые, и националистические, и повторяющиеся рассуждения. Мы не занимаемся специально установлением того, кто именно какие реплики произносит и какие точки зрения отстаиваются. Мы сосредоточиваем свое внимание на спектре рассуждений по поводу самообозначения российских немцев и обозначения этой группы извне – русскоговорящими. В результате подборки выясняется, какие мнения приписываются коренным немцам, русским и русскоязычным вне Германии и внутри этой страны. Слово **русак** оценивается с точки зрения его звучания, референциальной и денотативной отнесенности.

Ниже мы выбираем с обоих форумов тематически зависимые реплики по теме **русак**¹³⁶⁶ и объединяем их в пять групп для удобства представления. Каждую группу мы предваряем комментарием. Сохраняется орфография источников; некоторая обценная лексика удалена.

1). Первая группа состоит из реплик пяти авторов. Все знакомы со словом **русак**, и оно вызывает в них разные установки. Его употребление в качестве самообозначения приписывается в первую очередь российским немцам, переехавшим из бывших советских азиатских республик в Германию. Подчеркивается отнесенность слова ко всем выходцам с прежнего пространства СССР, независимо от их национальности, и то, что приехавших из Азии отделяет от приехавших из России слово **салам** – заимствование из речи мусульман, ставшее еще более частотным после распада СССР в процессе возрождения исламской религиозной идентичности. Тот факт, что люди, говорящие друг другу **салам**, обнимаются при встрече, сближает их, по мнению автора, с турками, а не с выходцами из России. Российские немцы, таким образом, противопоставляются не только германским немцам, но и немцам из Казахстана и Киргизии. Авторы подчеркивают смешанный характер языка, на котором общаются российские немцы в Германии.

---

¹³⁶⁶ В интернет-форумах встречается и правописание ключевого слова с двумя С, и в транслитерации латиницей. Слово **руссак** с двумя С больше похоже на слово **пруссак**, соответственно, звучит как-то более по-немецки; с одним С оно должно было бы читаться, будучи написанным по-немецки, как **рузак**, т.е. похоже на **рюкзак**, и не ассоциировалось бы с русским языком.

Слово «руссак» обозначает всех приезжих из стран СНГ, не зависимо от национальности. Салам-приветствие «руссаков» из Казахстана или Киргизии. Оренбургские, Омские или Алтайские немцы очень редко или вообще не применяют сие приветствие. И насчет «русского языка». Он здесь перестал быть великим и могучим и деградировался до уличного слэнга, с очертаниями «русско-немецкого» эсперанто, насыщенный вдобавок англицизмами.

Бывшие россияне не приветствуют друг друга саламами и чуть ли не обнимаем... Siehe Türken... А **русак**, мне кажется, принесли с собой переселенцы из бывших народных республик, ведь кого ни спроси, **русак** ли он, только те, кто приехал из России, говорят, что они русские, а то и немцы.

А что плохого в названии «руссак»? Какая разница, как себя называть? Вот я, к примеру, наполовину русская, наполовину немка. Как мне себя называть? Немкой? Русской?

Почему в Германии повелось слово «русак»? Хм... Может, просто легче выговаривать, зная хорошо 2 языка именно слово «ру-сак», чем «рус-с-кий»?

Не ненавижу это слово «русак». Нет такой национальности. Если меня русачкой называют, ууу как я злюсь.

2). Следующая группа – довольно длинная реплика одного автора в процессе дискуссии. Он отмечает устойчивый характер употребления слова **русак**, каким бы оно ни было странным и отсылающим к русскому языку. Слову придается функция отделения «нас» – русскоязычных от «них» – местных. При этом принадлежность к каждой из групп не зависит от этнической идентичности: «мы»-группа определяется через употребление русского языка, «они»-группа – через рождение в Германии. Германским немцам приписываются обычные российские стереотипы: «мы страдали-страдали, строили-строили, а потом эти приехали, и сказали, что они немцы». Т.е. за германскими немцами закрепляется такая же, но перевернутая идентичность, как у бывших советских людей, плохо относящихся к приезжим. В то же время осознается, что идентичность российских немцев формируется через общие страдания, которых как бы не было у тех, кто не прошел через сталинские репрессии и трудармию. Вероятно, автор – молодой человек, которого лично эти перипетии не коснулись. Он и не скрывает того, что приехал не искать корни, а к родне и чтобы испытать себя (задним числом приписывает себе такие мысли). Он пользуется русифицированным обозначением русскоязычных на немецком языке, в том числе и во множественном числе: **руссе – руссен** (но с маленькой буквы). Автор высказывает мысль, что противопоставление «мы» и «они» проходит через совокупность стереотипов, являющихся стереотипами о том, как германские немцы думают о русскоязычных, живущих в Германии. Отрицательные качества приписываются другим членам группы (и они оказываются общими с качествами низших классов германского общества), но не себе. Категорию детей российских немцев, выросших в Германии, он относит к полностью интегрируемым иммигрантам второго поколения. Акцент мешает ему осуществлять некоторые

свои желания (ходить на дискотеку, например). Высказывается предположение о политическом характере приглашения российских немцев в Германию и отрицается желание простых немцев видеть российских немцев равными себе и вообще в Германии.

Согласен с тобой. Но слово «русак» все равно из словарного обихода не прогонишь. Почему? Да хрен его знает, приелось оно. Просто это слово отделил «НАС» – русскоязычных от «НИХ» – местных. Просто «они» – германские немцы (и даже не немцы, а так родившиеся в Германии) – нас очень даже не долюбивают, ИМ вообще похрену немец ты по национальности, или нет. Многие так вообще, когда узнают что по национальности немец, а не русский *Ausländer*, так вообще еще хуже относятся, особенно те кто в «возрасте», типа как «вот мы НЕМЦЫ тут страдали-страдали, строили-строили, а потом приезжают ЭТИ – и говорят что они тоже немцы?! Ага, сейчас!!!» И вообще сложно тоже понять кто ты, когда мать – 100% немка, отец – 100% русский, когда живя в России ты в школе был «фрицем и фашистом», когда учительница-еврейка в институте тебе ставила 3, когда все получали 4–5. Когда получая паспорт ты выбрал национальность «немец», но приехав в Германию вдруг стал «руссе». И когда друзей из местных завести не удастся, не потому что ты такой тупой дибил, а потому что «ОНИ» не такие как «МЫ», потому что если ты с России – то ты преступник, связан с мафией, потому что «они» смотрят на «нас» всегда с высоко. Если у твоего соседа тачка AUDI или BMW, не schrott, а нормальная, то никто ничего не скажет. Но если у тебя – «руссе» получает социал, «руссе» живет не по средствам. То что ты работаешь что бы гонять на такой тачке – да им пофигу!!!! Не важно чем ты занимаешься, не важно от куда ты именно приехал, им вообще не важно КТО Ты, «они» уже все про тебя знают. «ты» для «них» – человек второго сорта, даже если «они» – это алкашня, неудачники, сидящие на <...> Hartz 4-Empfänger. Когда я ехал в Германию, не буду <...> что я «хотел найти Родину» и прочее. Просто поехал к родне, сменил обстановку. Мне было как то пофигу, но приехав я думал стать хоть немного, но похожим на «них», влиться в среду. Но все «руссен» которые давно уже переехали, говорили мне «забуди про это». И прожив не мало лет, я могу сказать одно – эти люди были правы, «принимать» нас здесь как братьев и сестер НИКТО не собирается. наших детей – да, но не нас. Не спорю, многие «русски» сами виноваты в таком отношении, но ведь не все! Тебя когданибудь не пускали на диско только по тому что ты говоришь с акцентом? А вот меня не пускали. Просто там парочка «наших» на прошлой недели драку устроили, вот и извени парниша. А я то тут причем?!?!? они мне чего братья, мож я сам там кого пинал?! Им пофигу, ты не «их», ты «чужой», не враг, но и не друг. П.С.: блин, много написал, извеняй. Просто накопилось. Просто я каждый практически день вижу как нас держат за людей 2го сорта. Мы были «фашистами» там, мы стали «руссен» здесь. ППС: кто в этом всем виноват? я считаю что правительство. Знаешь почему нас вызвали то? CDU нужны были избиратели, которые были бы против SPD, потому что считали что «руссланддойче» будут невидеть социалистов, после СССР. Оказалось что «руссланддойче» вообще <...> хотели на CDU и на политику в большемстве своем тоже. И остались мы предоставлены сами себе.

3). Следующий фрагмент – подборка реплик нескольких авторов. Утверждается, что особые признаки группы российских немцев в Германии могут позволить ей считаться особой народностью, однако в силу сходства слова **русак** с наименованием зайца, а также с этнонимом **русский** оно звучит для некоторых ушей невыносимо. Молодое поколение получило определенную

порцию ненависти (когда национальностью объясняются моббинг, неудачи, неустроенность), что отчасти позволяет ему примкнуть к пожилым людям. Общая история все еще может послужить основанием для сближения и разных поколений внутри иммигрантской группы, и всех немцев вообще. Опыт жизни в СССР подсказывает, что быть представителем большой нации во многих отношениях удобнее, вызывает меньше вопросов.

Русаки это как отдельная народность...

<...> «Русак» – это звучит некрасиво, и я никогда не скажу такое про себя или про кого-либо. Я скажу просто: «Я русский и, по-моему, это просто звучит гордо.

Ну ну... я немец по национальности (как и родители)... и жил в Казахстане. И как мне себя называть?? Казахом? Русским??? Нет уж... увольте... Я немец, такой какой я есть... Пусть я приехал откуда-то, но это так. Я еще помню школу, когда на меня пальцем показывали... Так что и называть себя по-другому не собираюсь.

Правильно ! Ты – НЕМЕЦ ! при чем тогда РУСАК ?

Если называют русской, могу объяснить что это не так, рассказать историю моих предков, а когда называют русачкой, не стану же я объяснять, почему не похожа на зайку?

4). Далее, мы приводим реплики нескольких участников форума, в которых речь идет эксплицитно о том, как следует обозначать российских немцев в Германии и какие свойства этой группы должны образовывать основу для обозначения. Самообозначение **русак** относится преимущественно к тем российским немцам, которые – по разным причинам – не готовы или не в состоянии интегрироваться в германское общество: **русак** – это выражение из гетто. Предлагаются и другие, описательные наименования: **русскоязычный гражданин Германии; немка, рожденная в России; наши, aussiedler'ы; русскоговорящие; русские; переселенец / переселенка**. Отрицается не только наличие выражения **немецкоговорящий гражданин СССР**, но сообщается, что в СССР были просто **немцы** (не **российские немцы** и не **русские немцы**). Сопоставляется решение вопроса на основе этничности и на основе языка. Российские немцы – не иммигранты, а репатрианты. Как всегда, трудно определить национальность человека от смешанного брака или того, кто говорит по-русски, но из другой страны родом.

Русские сами себе придумывают название... сами придумывают эту культуру общения... кто виноват-то? Мало кто из русских хочет интегрироваться в немецкое общество... мало кто изучает немецкий язык так, чтобы говорить на хорошем уровне... мало кто изучает СВОЮ немецкую историю и культуру...

А вот это ты зря... У меня высшее инженерное образование, скоро я пойду на углубленные курсы немецкого, а потом меня ждет оплачиваемая практика. И немецкий я доведу до уровня, без этого я по профессии работать не смогу. Так что не все такие как ты думаешь... Я не спорю что такого народа дофига, но для примера, мои сестры (двоюродные) здесь уже давно живут (7 и 10 лет)... У одной жених коренной немец, а другая только с ними щас и общается... среди русаков

мало интересных собеседников... Короче вывод, всех под одну гребенку ровнять не надо.

Я и мои друзья никогда не употребляем этих слов! 1 – это некрасиво 2 – унизи-тельно. Так говорят в основном жители русских гетто (ну и те кто с этими жителями общаются), у которых хватает травм, нанесенных тяжелой жизнью, как грустно... А я кстати себя даже русским не называю. Максимум «русскоязычный гражданин германии»))) ЭТО тупой и безпунктовый сленг. П.С.: У них это не с возрастом не пройдет!

Лично для меня это не нормально... Я не считаю себя русачкой... Я немка, рожденная в России... И в общем-то я горжусь тем, что знаю русский язык (хоть и не очень хорошо), что не забываю русскую культуру и свою родину, но не хочу, чтоб меня называли русачкой... я вообще-то не против, если кому-то нравится так себя называть – пожалуйста. Только не при мне и не про меня и моих друзей.

Приветствие салам является как бы визитной карточкой места, откуда человек переехал в Германию. Услышав салам дос, понимаешь, что человек переехал в Германию из азиатских бывших республик СССР, почти земляк. Заставлять кого-то говорить салам, никто не пытается. Не хочешь, не говори. Лучше говорить салам, чем русскоязычный гражданин Германии. Почему-то в СССР я не слышал выражения немецкоговорящий гражданин СССР. Были просто немцы, русские, поляки и т.д. и т.п.

А зачем их называть? «Наши» могу назвать, aussiedler'ы, русскоговорящие... На крайняк – русские (и то лучше).

Переселенка – тоже вариант. Да и от «русскоговорящей» у вас язык не сломается.

Я не считаю себя чистокровной немкой, и на слово «русская» не обиделась бы, так как меня с Россией не один год связывает, хотя тут я уже больше прожила, чем в России, но русак/русачка, для меня не вариант... Эмигрант для нас не подходит, т.к. мы не эмигранты. Потому что у нас немецкие корни.

Ну а что мне подружку, которая из Латвии, но родители немец/русская русачкой называть??? Так она в России-то ни разу не была, хотя, честно говоря, я людей по имени, а не по «кликухам» и месту рождения называю, и не вижу необходимости русачьем называть.

Да! Но переселение на историческую родину – это не иммиграция (и не эмиграция), а репатриация! Поэтому если говорить эмигрант, то это может быть чистокровный русский, к примеру, но никак не российский немец.

Какие тогда вы нахрен немцы, если вашим родным языком и языком общения вы считаете русский язык? А на немецком языке разговаривали ваши предки.

Никогда не знал, что принадлежность к нации определяется по языку общения.

5). Привычка жить в многокультурном, многоязычном, полиэтническом обществе трансформируется в желание сопоставить свою группу не только с теми, кто приехал вместе (например, в составе семей или другим путем), но и с различными группами принимающего общества. Нечистый русский язык в роли языка-посредника, лингва франка, средства межнационального

общения оказывается центром притяжения. Именно для тех, кто им пользуется, формируется обобщающее понятие – **русаки**. Общность представительниц Азии под общим понятием «глаз с косым разрезом» сродни объединению русскоязычным под зонтиком **русак**ов, но это должно свидетельствовать о неразборчивости того, кто пользуется этим псевдоэтнонимом. В ноябре 2010 года нам пришлось слышать длинное рассуждение российского немца о том, почему русские женщины (в широком понимании) лучше немки: они ухаживают за собой, всегда красиво одеваются, вкусно готовят, убирают, не выйдет из дома, не сделав макияж, и т.п.; с его точки зрения, именно это свойственно всем переселенкам. Однако многие из тех, кто адаптируется, принимают стиль одежды и прически, свойственный большинству.

Да и почему называем? Очень просто... все мы из бывшего СССР. Русскими большинство нас не назовешь, потому-что это будет НЕПРАВИЛЬНО, т.к. русских – именно русских – тут очень мало. Здесь проживает народ из бывшего СССР по разным причинам. Одни вернулись на историческую родину, другие контингентные беженцы, третьи приехали сюда учиться, четвертые тут просто временно работают, пятые иммигрировали. ВСЕ говорят (боле-мене) на русском языке, но далеко не всех можно назвать русскими. И что теперь бегать и каждого спрашивать: «Ты переселенец? Да? Хорошо, значит ты немец. Ты кто? Контингентный беженец? Хорошо, значит еврей. А ты сюда вообще временно на учебу приехал, и все равно не русский, а башкир? Чтобы этой канители не было, есть Oberbegriff – РУСАКИ. Смиритесь с этим.

У нас тоже один кореец есть. Я его уже давным-давно в ряды русак

ов приписал. Я приветствую по-разному и на разных языках. По настроению... Servus, салам, здорово, hi и т.д.

У нас вьетнамцев хватает, и их фичами кличут, но есть и китайцы, есть другие азиаты. Просто человек, уважающий другого, если надо, спросит, откуда, из Вьетнама или из Китая, или еще откуда, а которому наплевать, тот назовет фичи или шлиццауге / глаз с косым разрезом /. Всех в один топф. Также и с русскими, и русак

ами. Если я русский, то слово **русак** такое же погоняло, как шлиццауге для азиата, обобщающее разных людей из разных культур под одну гребенку.

Зато нам есть, чему у них <турков> поучиться в плане национальной самобытности и еще взаимовыручки внутри своей национальной группы. И не только у них, но и у албанцев, арабов, армян и других нац. диаспор, которые процветают в Германии. Они всегда помогают друг другу во всем, в отличие от многих русак

ов, которые если чего-то добьются в Германии, то сразу неожиданно становятся «местными», и с другими русак

ами даже не здороваются.

Это, на ваш взгляд, русачки ухоженные, а я вот где-то читал мнение западных женщин (немки, итальянок, англичанок) о русских женщинах. Так они их называли новогодними елками из-за чрезмерного применения косметики, колец и цепей и что они надевают обувь на высоком каблуке идя в лес на прогулку. Насколько это правда, не знаю. Так что каждый судит о другом по мере своей испорченности.

Оба форума, на которых мы побывали, еще продолжают существовать в интернете, там появляются новые реплики, т.е. они вполне современны. Они свидетельствуют о том, что самообозначение русак и выраженное через

него самопонимание продолжают оставаться в высшей степени актуальными и горячо обсуждаемыми темами среди русскоговорящих жителей Германии. Анализ интернет-дискуссии наглядно показал, что наблюдения, сделанные нами в 1990-е гг. в рамках Мангеймского проекта, можно экстраполировать и на непосредственно настоящее время, и на поколение молодых взрослых – пользователей интернета.

5. Заключение

Познание собственной культурной принадлежности происходит на основе различных критериев категоризации (этнических, языковых и т.п.), имеющих различный вес и ранг по отношению друг к другу, в результате приобретения опыта коммуникации с разными партнерами в разных ситуациях. Поначалу при переезде в Германию российские немцы относят себя прежде всего к категории Deutsche или немцы. Национальность для них все еще означает принадлежность к этнической группе, а не гражданство, как в Германии, и не уровень владения немецким языком. Но вскоре они сталкиваются с тем, что для местных важнейшим обстоятельством оказывается доминантный / основной язык, общество происхождения и опыт социализации. Таким образом, по этим критериям российские немцы отдаляются от местных, но сближаются с другими, не-немецкими иммигрантами из бывшего СССР, а отчасти и с другими приезжими. Попытки создания и последовательность применения самообозначений немец, немец из России, русский немец и русак отражают поиски значимых критериев идентичности: их много, они сочетают в себе опыт жизни в русскоговорящем пространстве и немецкой этничности; они связаны с самооценкой и оценкой восприятия себя другими группами. Они возникают в постоянном контакте немецкого и русского языков. Можно удивляться тому, как устойчиво самообозначение русак, хотя оно и не всеми принимается и употребляется. Оно демонстрирует большой вес русского языка и социализации в русскоязычном обществе для самопонимания, которое развивается у иммигрантов – российских немцев в Германии; и все же, возможно, в один прекрасный день они от него откажутся.

О национальной идентичности российских немцев: вчера, сегодня... завтра?

Об идентичности сегодня говорится так много, и этих идентичностей в научном, общественно-политическом и просто болтологическом обороте столько, что определимся: у нас речь пойдет только о национальной идентичности российских немцев. И под ней будем понимать то, что отличает их от других: родной язык, национальная культура, национальный характер, образ жизни, обычаи и традиции. И речь пойдет не об анализе этих ее составляющих, а о том, что оказывало на нее воздействие, приведшее к ее сегодняшнему состоянию.

Идентичность, как можно заметить, не является чем-то неподвижно-постоянным. К тому же как явление, протяженное во времени, она предстает и субъектом (в действиях, интересах, целях народа, его различных групп и отдельных представителей), и объектом (воздействия различных исторических, политических, экономических процессов и сил), и одновременно сама является непрерывным объемным процессом. Так что говорить о ней – значит говорить о постоянно движущемся-меняющемся субъекте-объекте-процессе. В этом она схожа с летящей стрелой, которая «неподвижна» только в условной отдельно взятой точке своей траектории. Хотя отличается от стрелы минимум тем, что в своем «полете» испытывает воздействие не только ветра и силы тяжести...

Будем также исходить из того, что национальная идентичность, надо полагать, характеристика достаточно условная, особенно национальная идентичность народа. Ведь она складывается из национальных идентичностей различных групп этого народа – территориальных, социальных, возрастных, которые в свою очередь складываются из идентичностей еще меньших общностей и отдельных личностей. И как рост, вес, цвет волос, умственное и физическое развитие у каждого индивидуальны, к тому же изменчивы в течение жизни (на смену пышной шевелюре иногда с возрастом приходит сияние лысины), так и национальная идентичность каждого (а значит и отдельных групп, всего народа) является характеристикой весьма подвижной, зависящей и от жизненных обстоятельств, в которых личности пришлось родиться, вырасти, жить и работать, и от отрезка времени, на котором она рассматривается.

И вряд ли есть две одинаковые национальные идентичности даже у представителей одного народа (какой ряд волшебных изменений она может претерпевать всего лишь от видения бюджетной морковки, мы наблюдаем сегодня хотя бы на примере некоторых действующих лиц в национальном движении российских немцев). Однако вполне допустимо, наверное, говорить

о национальной идентичности и этнических групп, и целого народа, пусть и как об усредненной характеристике. Потому что составляющие ее в той или иной степени присущи если и не всем, то все же большинству представителей народа, устойчиво определяя отличия от «других». Благодаря чему соответствующий образ всплывает уже при одном упоминании национальности (например, итальянец или эстонец, танец индийский или чеченский, баскетбольные команды Вьетнама или США). Будем это иметь ввиду. Как и то, что национальную идентичность невозможно (пока?) выразить в сантиметрах, граммах, герцах или килобайтах.

* * *

Понять феномен национальной идентичности российских немцев нельзя, не проследив ее «полет» с запуска несколько веков назад. Именно тогда в Россию по приглашению государства прибыли сначала различные специалисты, ученые, каких Россия, «силы напрягая», еще не успела подготовить себе сама, но в каковых остро нуждалась для своего становления и развития. Потом из разных германских земель приглашались-завывались-вербовались уже крестьяне и ремесленники – для заселения, освоения и защиты окраинных тогда земель в Поволжье и на Юге России.

Национальные идентичности представителей этих двух потоков очень различались по культурным, образовательным составляющим, по составляющим образа жизни, труда. Различию было суждено сохраниться и настолько развиться, что эти два потока в дальнейшем практически не соприкасались. Потому что первые стали в России городскими, в основном столичными, немцами, приобретая на государственной службе, в науке, культуре, искусстве, медицине все больше «общероссийскую идентичность» вплоть до принятия православия и утраты немецкого языка; а вторые надолго стали колонистами-землепашцами и, проживая изолированно, сохраняли родной язык, вероисповедание, традиции и обычаи, не смешиваясь с «другими».

Но и колонисты имели далеко не единую национальную идентичность. Потому что они прибыли в Россию из разных германских земель, когда Германии как государства еще не существовало; когда немцы в разных землях говорили на разных диалектах, имели свои традиции и обычаи, и отличались друг от друга не меньше, чем, допустим, великороссы от малороссов. Различия были даже конфессиональные: колонисты представляли собой неравные по численности группы лютеран, католиков, меннонитов. Исходя из этих различий, они стремились и на новой родине селиться, создавая островки своей привезенной идентичности, своей прежней жизни; островки, где все было бы родным и привычным как на прежней родине.

Разность условий жизни и деятельности у городских немцев и колонистов определяла и разность их судеб, их идентичности. Городские рождались, учились, жили и работали среди русских, впитывая в себя русский язык, культуру и сами внося немалый вклад в жизнь страны и столиц (50 тысяч

немцев в Санкт-Петербурге – вполне можно себе представить, какое влияние они оказывали на жизнь города!); они вступали нередко в смешанные браки, и в их национальной идентичности все большее место получала российская составляющая, весомо дополняя, а нередко и весомо замещающая их немецкую идентичность, ведя к их обрусению.

Колонисты же с первых своих шагов на новой родине жили, как и раньше, в своей, немецкой среде: они рождались среди немцев, учились в немецких школах, ходили в немецкую церковь, мало соприкасались с «другими» (сельский труд этого не требовал); они практически не знали русского языка, и только воинская повинность, введенная для них через 100 лет после их прибытия в нарушение начальных договоренностей, вырывала их из немецкой среды.

Таким образом, у российских немцев даже на первом этапе их жизни в России национальная идентичность имела немало и общих, и различающих черт. К общим относилось то, что они (в старших поколениях) были рождены на германской земле; что они выросли, получили образование в немецкой среде; они все были приглашены заинтересованным в них российским государством; они все связывали с переездом в Россию надежды на востребованность своих умений, способностей, трудолюбия и талантов; они все проделали нелегкий путь переезда, длиной иногда чуть ли не в год; они уже на этом пути понесли первые потери «ради интересов России»; они знали только свой родной язык; и они не знали практически ни слова по-русски.

Различали же их происхождение из разных германских земель; языки-диалекты; конфессиональная принадлежность; образовательный уровень и сфера труда; время (с разницей в века), пути (сушей, Балтийским морем, Дунаем), опыт (даже через турецкий плен на Дунае) и условия переселения в Россию; материальное положение при въезде (если первых колонистов в середине XVIII века вербовали, оплачивая им даже переезд, то позже они должны были уже показывать наличие средств, позволяющих самим и переехать, и завести хозяйство).

Существенные различия вносила в идентичность и география расселения: Москва, Санкт-Петербург, другие крупные города; и – колонии-поселения в скудном Поволжье, на благодатном Юге России, в Крыму, в Закавказье. Но даже не проживая все вместе, российские немцы проживали компактно – в пределах городов или чисто немецкими поселениями и группами колоний, что и позволяло сохранять свою немецкую идентичность, на которую еще не оказывалось направленного воздействия извне.

В дальнейшем, по мере увеличения их вклада в становление и укрепление российского государства, в освоение и развитие его территорий, в товарное производство и экспорт сельхозпродукции; по мере все большего их включения в жизнь страны, развития у них национального образования, издания газет и книг; по мере роста материнских колоний и образования

многочисленных дочерних колоний, – территориальная распространенность их компактных образований увеличивалась, а российская составляющая в их идентичности возрастала.

Несмотря на то, что городские немцы и колонисты по-прежнему представляли собой мало общающиеся общности, и те, и другие приобретали еще одну общую черту: все большее значение для страны. Городские – в управлении государством, в его политической, экономической, военной, научной, культурной жизни; колонисты – в освоении и развитии территорий, в повышении их отдачи, в экономике страны. Теперь они по праву могли уже считаться одним из народов России, не меньшим по численности и значению, чем многие другие ее народы. Тем более что как народ они даже были не присоединены к России, не завоеваны, а рождены ею. Стрела их национальной идентичности набирала высоту по мере увеличения их укрепляюще-развивающего вклада в жизнь страны, – до первых всплесков борьбы с «немецким засильем» и распространения на них в годы первой мировой войны отношения как к противнику – за их национальность. Хотя им, может быть, не меньше, чем русскому народу, была присуща активная преданность своей новой родине. Преданность, которая вполне позволяла им солидаризироваться со Столыпиным в его фразе, брошенной разрушителям России: «Им нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия!». Поэтому служение российских немцев величии России и продолжалось до последнего часа этого величия, – до самой Октябрьской революции.

* * *

Октябрьская революция и все, что за ней последовало, стало резким поворотным пунктом и в роли, положении, судьбе российских немцев, и в их национальной ментальности. Так получилось, что именно наиболее «государственнная» их часть – городские немцы, после революции вдруг разом лишились своей прежней, так всегда нужной стране, государствоукрепляющей роли, и вообще будто исчезли. Немцы-военные – генералы, офицеры, нередко еще сражались в Белой армии (в Красной тоже попадались), в том числе среди казачества, где составляли значительную часть офицерства. Но гражданские городские немцы были уже не у дел – ведь свое предназначение они видели в службе царю и отечеству, а не цареубийцам и разрушителям отечества.

Этот феномен – почти мгновенное отторжение, выключение из жизни страны прежде таких заметных и востребованных городских немцев, их исчезновение вместе с жизнью дореволюционной России и их неприход в жизнь новой России, – трудно объяснить иначе, чем их верностью своей исторической роли, их неспособностью, после веков служения России, стать разрушителями России, крушащими все под вседозволяющим лозунгом «грабь награбленное»; неспособностью стать разрушителями порядка, культуры, храмов, веры. Это была не их роль, поэтому они оказались не только

лишними, а, надо полагать, «враждебными» («кто не с нами, тот против нас») для новой власти, которую на стадии разрушения старого мира массово оккупировали теперь на всех уровнях и во всех сферах уже люди другой ментальности – Швондеры и Шариковы.

Так городские немцы исчезли «как класс» вместе со своей еще не совсем утраченной немецкой ментальностью и давно укрепившейся в них общероссийской ментальностью. Исчезли, как и научная, культурная элита страны («дерьмо» для новой власти), которая, если еще не была расстреляна, то вышвыривалась из страны «философскими пароходами», чтобы не мешала разрушать до основания хотя бы своим немым укором. Исчезли, как позже «исчезли» казачество и самая работающая часть крестьянства – опора аграрной страны.

Так самая значимая в течение веков часть российских немцев, – весь их верхний, наиболее образованный культурный слой, с огромным опытом работы во всех сферах государственной жизни, – была для них как народа и для государства утрачена. Навсегда. И остались практически только колонисты, которые, будучи расселены по окраинам прежней империи и привязаны к земле, не очень-то влияли на политические события в стране ни раньше, ни теперь, но все же оказались нужны и новой власти. Чтобы в самые тяжелые для революции часы, когда вообще решалась ее судьба, было у кого вымести подчистую запасы хлеба «для голодающих рабочих Петрограда», проводить порезультативнее продразверстки и коллективизации, обрекшие колонистов в 1921-м и 1933 гг. на массовое вымирание от голода; нужны были и как пример того, что колхозы тоже могут немало дать, особенно если загнать в них немцев-колонистов.

Образование АССР немцев Поволжья с «округлением» ее территории, сделавшим ее население вмиг на треть ненемецким; создание национальных районов; развитие нового школьного образования с более активным изучением русского языка; освоение новых профессий; совместный труд с представителями других национальностей; обязательная воинская повинность; новая система органов власти, где были теперь и колонисты; а также новые возможности для получения высшего образования, – все это привнесло в до того мононемецкую идентичность колонистов существенные изменения.

Государственная политика требовала теперь и от них подготовки национальных кадров, представительства в органах власти, и они, впервые в истории, приобретали, пусть локальный, опыт «управления государством» как когда-то городские немцы. (О том, приобретали ли бывшие городские немцы при новой власти опыт хлебопашества, история пока умалчивает). Одновременно, после прихода в Германии к власти фашизма, против российских немцев начались репрессии, основанные на перепуганно-мстительном отождествлении национальности и нации, национальности и идеологии. В ходе этих репрессий почти все национальные кадры – партийные, советские,

хозяйственные, интеллигенция, были расстреляны или отправлены в тюрьмы. Еще до начала войны были упразднены все национальные районы; преподавание в тамошних немецких школах было переведено на русский язык – при отсутствии для этого необходимого знания русского языка у школьников и учителей...

Отсюда вполне можно себе представить предвоенную национальную идентичность российских немцев как народа. Как и национальную идентичность каждого российского немца в отдельности – от измученных неспособностью осваивать школьную программу на русском языке учащихся до стариков, по-прежнему не знавших почти ни слова по-русски, но всем своим крестьянским опытом чувствовавших приближение катастрофы.

* * *

Катастрофа не заставила себя долго ждать: слишком быстро продвигалась гитлеровская армия в благоприятные для нее летние месяцы; слишком громадными были потери Красной армии, несмотря на неожиданное для германских генералов упорство и героизм ее сопротивления с ярким примером Брестской крепости (среди ее защитников оказалось немало и российских немцев). И хотя о боевых подвигах российских немцев газеты писали даже в те первые месяцы войны; хотя на фронте защищали свою Родину наравне со всеми и 33 тысячи российских немцев; хотя в АССР НП, как и по всей стране, у военкоматов молодежь требовала направить ее добровольцами на фронт, – 28 августа был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, которым немцы Поволжья обвинялись ни много, ни мало, как в укрывательстве тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов и – в недонесении о своем укрывательстве властям. На основании чего их предписывалось выселить в районы Сибири и Казахстана и наделить там «земельными угодьями». Фактически это было обвинением всех российских немцев в пособничестве с предписанием принять меры по условиям военного времени.

И меры были приняты. Немцы Поволжья, а затем и из других еще не оккупированных европейских регионов страны, были депортированы. Российские немцы были сняты с фронта, вмиг превратившись из защитников родины в ее «потенциальных предателей». А после депортации все взрослое население – мужчин с 15 до 55 лет, женщин с 16 до 45 лет, – «мобилизовали в рабочие колонны», т.е. отправили в лагеря, где они под конвоем, за ключей проволокой, со смертностью, сопоставимой (особенно на начальном этапе) с потерями на фронте, работали в тайге, на шахтах, на строительстве оборонных заводов – работали на Победу, до Победы и, кто выжил, и после Победы...

Депортация, трудармия, невиданные репрессии за национальность, послевоенный режим спецпоселения и дискриминация на десятилетия практически во всех сферах жизни не могли не сказаться самым драматичным образом на национальной идентичности.

То, что депортацией все были разбросаны, распылены от Урала до Магадана, от Южного Казахстана до Заполярья; то, что их селили уже не селами, не колхозами, как намечалось, а семьями, где как удастся пристроить, – растерзало в клочья не только народ, но и коллективы бывших немецких сельхозхозяйств. И теперь «укрыватели шпионов и диверсантов» проживали среди людей, чей язык мало кто из них знал, и чьи сыновья, отцы, братья сражались и гибли на войне с немцами. В трудармии же всех ждала незнакомая прежде работа, колючая проволока, конвой да смертность, противостоять которой не помог и полученный от голода в 1921-м и 1933 гг. «иммунитет»...

* * *

Как же сказалась депортация на идентичности российских немцев? Для ответа на этот вопрос надо сначала понять, чего они в результате нее лишились. А лишились они столько, сколько ни один другой народ в стране.

В результате депортации российские немцы лишились статуса одного из народов страны. Лишились всех условий, необходимых для нормальной жизни любого народа, в т.ч. главного условия – совместного проживания. Лишились государственности, а с ней – равных прав и равных возможностей с другими народами. Лишились своих органов власти и самоуправления, своего представительства в органах власти страны, лишились вообще представительства как народ – по сей день. Как народ они лишились экономической базы своего существования. Обвинениями в пособничестве врагу они были лишены доверия других народов страны: уже не делалось различия между российскими немцами – гражданами и защитниками страны, и немцами-гитлеровцами, нападшими на страну. Отождествление слов «немец» и «фашист» было распространено и на российских немцев. Недоверие к ним, запреты на профессии, на учебу во многих вузах, жесткие ограничения в продвижении по службе, представлении к наградам, дискриминация по национальному признаку, – стали государственной политикой.

Депортация лишила российских немцев социально-культурной инфраструктуры, национальных школ, средних и высших учебных заведений, газет, книг, радио на родном языке. Лишила даже общественных организаций (партийные и комсомольские «собрания» в трудармии, за колючей проволокой, на которые водили под конвоем и которые проводились под конвоем, вряд ли можно считать таковыми).

Разрушение национальной идентичности произошло и на уровне бывших территориальных групп. Потому что были ликвидированы все территориальные образования: автономная республика, национальные районы, существовавшие физически до самой войны, отдельные поселения. А с ними и складывавшиеся в течение полутора веков региональные, поселенческие общности-организмы с их историей, культурой, обычаями и традициями, своим языком. Эти общности-организмы были теперь оторваны от родной почвы, раскрошены до семей, до отдельных индивидов, рассеяны по

огромной территории, чуждой по климату, по населению, его языку, образу жизни и ментальности. Уже не было в стране поволжских, украинских, крымских, кавказских, ленинградских или московских немцев как общностей; был только «немецкий спецконтингент». Трудармией также на годы были разделены мужчины и женщины, дети и родители, внуки и деды.

Вдобавок депортировать успели в начале войны не всех российских немцев: значительная часть украинских немцев попала под оккупацию, проделав затем свой путь к сибирским «угодьям» через депортацию-угон в Германию, через «репатриацию» под конвоем за колючую проволоку в те же трудармейские лагеря и под комендантский надзор на долгие послевоенные годы.

Ломка национальной идентичности на уровне народа, его территориальных групп и поселений не могла не сказаться на личностной национальной идентичности. Кроме общих изменений, коснувшихся каждого как представителя репрессированного народа, на нее влияли и факторы, связанные с принадлежностью к той или иной социальной или возрастной группе. Если бывший колхозник должен был теперь добывать уголь, учитель или преподаватель вуза – рыть лопатой траншеи под фундаменты, если 15–16-летние девушки и оторванные от своих детей матери должны были валить лес в тайге, заниматься подледным ловом рыбы на сибирских реках у Полярного круга и толкать под землей вагонетки с «черным золотом», и все вдобавок терпеть несправедливости и издевательства потому, что были немецкой национальности, то можно себе, наверное, представить, в какую сторону развивалась их идентичность.

Свое воздействие испытал и каждый возраст. Так, дети, оставшиеся на годы одни среди чужих людей без всяких средств к существованию, в своих далеких зимних одежонках, без знания русского или казахского языка, должны были научиться выживать, чтобы пройти жесткий «естественный отбор». (Как много общего и какие различия в этом были у них с детьми других национальностей, чьи отцы были на фронте, а матери с утра до ночи на работе, – наверное, тема особого исследования). У дошколят их выживание зависело почти полностью от того, остались ли с ними братья и сестры постарше, 9–13 лет, которые уже могли что-то зарабатывать в колхозе. У стариков – от того, насколько после коллективизаций, репрессий, депортаций и мобилизаций они могли еще быть полезными другим и способны к освоению языка мимики и жестов, – потому что практически не знали ни слова по-русски.

Ну, а у представителей среднего возраста, которые должны были совершать трудовые подвиги ради Победы почему-то непременно за колючей проволокой, – многое, даже жизнь, зависело от условий, в которых они теперь оказались. В значительной степени от того, каким было их лагерное начальство, насколько оно стимулировало результаты труда не урезанием и без того голодного пайка при невыполнении нормы, не приговорами к расстрелу «за саботаж» неспособных уже передвигаться от истощения, а

заботой о поддержании трудоспособности «контингента». Зависело и от того, насколько «довольствие» трудармейцев (по нормам заключенных) было для начальства неприкасаемым; от того, сколько грузовиков-«полупорок» пустых консервных банок вывозилось позже из сараев этого начальства. И от того, насколько это начальство воспринимало как руководство к действию призыв самого именитого и признанного тогда сеятеля ненависти, писателя Ильи Эренбурга, – «Убей немца!».

В любом случае, для всех возрастных групп общим стало усвоение простой истины: быть российским немцем и при этом выжить в условиях войны с гитлеровскими немцами, даже работая на Победу, – шансов не больше, чем у этих гитлеровских немцев. Отличие лишь в том, что издевательств, унижений, страданий и оскорблений до гибели приходится пережить гораздо больше, чем им...

* * *

Депортация самым катастрофическим образом сказалась и на языковой, образовательной составляющих национальной идентичности российских немцев. (Не только потому, что они были полностью лишены системы национального образования и уже 70 лет не имеют ни одного учебного заведения). Нагляднее это увидеть по возрастной шкале. Так, дети дошкольного возраста, оставшись без родителей в возрасте, когда ребенок наиболее восприимчив к усвоению языка, оказались фактически выключенными из сферы употребления родного языка: в русских деревнях и казахских аулах (основных местах подселения депортированных) никто по-немецки, естественно, не говорил (можно добавить: и очень не хотел слышать немецкий язык). Лишенные общения с родителями, со взрослыми, в течение всех военных и даже ряда послевоенных лет, они, если выжили вообще, могли сохранить из родного языка только скудный набор слов из своего довоенного детства, слов, которые от неупотребления все больше вытеснялись русским и казахским деревенско-аульным лексиконом.

Дети школьного возраста, уже знавшие родной язык, в новых условиях также лишены были возможности сохранять и развивать его знание. И, включенные в трудовой процесс той же деревенско-аульной жизни, оставались и в тесных рамках ее лексикона.

Два поколения взрослых (от 15 до 55 лет), находившиеся 4–5–6, а то и больше лет поголовно в трудармии, за колючей проволокой, на примитивных тяжелых работах, могли поддерживать свои знания родного языка разве что воспоминаниями о довоенной жизни. Потому что трудармейская жизнь, от мата конвоиров и начальства до стремления экономить силы даже молчанием, опять же вела к пассивизации родного языка и пополнению знаний русского языка лишь в пределах лексикона лагерной жизни, подконвойной работы, приговоров и сообщений о приведении их в исполнение.

Так и получилось, что после войны, когда выжившие оказались опять вместе (если оказались), повзрослевшие дети еще кое-что понимали иногда по-немецки, но когда родители, так и не научившиеся достаточно русскому языку, обращались к ним по-немецки, отвечали им уже по-русски...

Говорить о том, как депортация сказалась на интеллектуальном развитии российских немцев, – а ведь это тоже не последняя по значимости составляющая национальной идентичности народа, занимавшего до войны одно из первых мест по образованию, – сегодня, наверное, вообще «некорректно», поэтому посмотрим лучше, как она сказалась на их общем развитии. Тут много схожего с тем, что происходило в сфере родного языка.

Так, дети, лишённые общения с родителями, старшими братьями и сестрами, дедушками и бабушками (которые часто попадали почему-то в другие села-аулы), не могли и перенимать их жизненный опыт, их образ и уровень мыслей, их знания, и оставались в основном в сфере собственного «жизненного опыта».

Дети школьного возраста были в военные годы фактически лишены возможности ходить в школу, не только потому, что им надо было работать, чтобы выжить, или потому, что не в чем было ходить в школу, тем более зимой, да нередко в другое село. Но и потому, что они до депортации учились в немецкой школе; теперь же им в русской школе приходилось «учиться дальше» без знания ее программы по-русски за уже пройденные ими классы по-немецки. А после войны они в основном могли продолжить образование только в вечерней школе, – ведь они уже работали. Отсюда они, как правило, не могли себе позволить ни закончить среднюю школу, ни поступить в техникум или институт. Так на всем младшем поколении сказались и слабое знание родного языка, и сдерживание общего развития – и на родном, и на русском языке.

Трудармейская молодежь была разделена по своей идентичности как минимум на три группы, неодинаковые и по численности. Одна – из уцелевших городских немцев, многие со средним образованием, иногда и со студенческим опытом, вполне владевшие русским языком и не всегда – немецким, с более широким кругозором и жизненным опытом. Вторая – образованная молодежь из колонистов, которая тоже овладела русским языком, но успела впитать и родной диалект, и литературный немецкий язык, и национальные обычаи и традиции, чем очень отличалась от городской молодежи. И третья – та сельская молодежь, которая не смогла до войны преодолеть традиционные для села материальные барьеры в получении образования: она должна была начать рано работать и в лучшем случае имела семилетку немецкой школы.

Вся эта молодежь в условиях трудармии не только не получала дальнейшего пополнения знаний и тем более образования, но, каждодневно стоя перед суровой задачей выживания через выполнение взрослых норм на

заготовке леса, добыче угля и т.п., постепенно забывала и знания, полученные до войны. А после трудармии практически была лишена возможности учиться дальше, – с немецкой национальностью, на режиме спецпоселения, без должного знания большинством русского языка, а также создав теперь уже и семьи. Тяга к образованию все же помогла некоторым преодолеть преграды, стать специалистами сельского хозяйства, техниками, учителями немецкого языка. Из последних потом вышли нештатные корреспонденты и сотрудники немецких газет, даже писатели и поэты с немалым личным опытом жизни, который, однако, до самого конца перестройки практически не мог быть отражен в их творчестве – цензура для немецкой национальной идентичности была непреодолимей чем колючая проволока в трудармии.

Самой устойчивой возрастной группой носителей национальной идентичности были, несомненно, взрослые трудармейцы. Потому что у них она была сформирована годами жизни в немецкой среде. И в трудармии они носили ее в себе, будучи лишь ограничены в возможности ее проявления. Изменение их идентичности происходило в основном в форме пополнения ее тем, что вызывалось их новым «статусом», их национальным и человеческим унижением, условиями их лагерной жизни и работы, новым осмыслением ими своей роли, значения, своего будущего. Размеры утрат в знании родного языка или приобретений в знании русского языка определялись «ареалом» их проживания, обозначенного караульными вышками; тематикой их общения друг с другом и с «внешним миром» в лице конвоиров и лагерного начальства; а также их возрастом, замедлявшим процессы усвоения нового. Поэтому после трудармии, уже на спецпоселении, и до конца своей жизни, они оставались главными носителями довоенной национальной идентичности российских немцев: в них было живо то, что они впитали в себя в детстве, юности и зрелости; то, что помогало выживать в трудармии; то, что не давало угаснуть надеждам на возвращение к прежней жизни.

В отсутствие у российских немцев во время войны, после войны и практически до сегодняшнего времени национальных очагов культуры (Немецкий драмтеатр, открытый в 1980 г. в загазованном Темиртау, и эстрадный ансамбль при Карагандинской филармонии – лишь исключения-эпизоды), зрелое поколение российских немцев было и оставалось последним хранителем и носителем основных составляющих национальной идентичности: диалектов, культуры, фольклора, обычаев и традиций, живой национальной истории. Именно они превращали общение в воспоминания о том, как было «дома»; в соревнование, кто расскажет лучшую историю из «прежней» жизни; в конкурс на лучший шванк; в устный обмен прочитанными когда-то произведениями, – что в условиях, когда до 1980-х гг., как впрочем и сегодня, в немецких семьях не было немецких книг кроме чудом сохраненной иногда семейной Библии, означало очень много и для самого этого поколения, и для следующих поколений, узнававших из этих воспоминаний, что до войны,

оказывается, у российских немцев тоже была какая-то жизнь, и что она очень отличалась от нынешней.

Это же поколение неизменно удивляло своих инонациональных соседей в праздники тем, что праздники, оказывается, можно проводить практически трезвыми и все же очень весело, с не всегда виденными танцами – полька, краковяк, быстрый вальс, и с многоголосым пением красивых старых песен. Из этого поколения вышла основная инициативная часть первых двух делегаций советских немцев, добивавшихся в 1965 г. в Москве восстановления их государственности.

* * *

Мы пока не касались национальной идентичности еще одной, довольно большой, группы российских немцев – жителей дочерних немецких колоний, образовавшихся на рубеже XIX–XX вв. на Алтае, в Омской области, в Оренбуржье, в Казахстане и в Киргизии. Это десятки сел, где национальная жизнь и идентичность, привезенные из материнских колоний, сохранялись порой даже лучше, чем позже в некоторых материнских колониях, уже подвергавшихся основательному воздействию извне. Дочерние колонии тоже испытали на себе прелести гражданской войны, когда белые придут – грабят, красные придут – грабят, да еще уводят с собой мужчин с лучшими лошадьми. Но их жителей хотя бы не сжигали, по приказу комиссаров в кожанках, живьем, заперев в амбарах, как это бывало в колониях на Юге Украины.

В ходе раскулачивания и после прихода Гитлера к власти они тоже попали под репрессивную волну: иногда больше половины мужчин в селе было арестовано, осуждено, расстреляно – за то, что в Германии очередной канцлер пришел к власти, не заключив сначала пакта Молотова–Риббентропа. Они тоже лишились в тридцатые годы образования на немецком языке, когда из школьных библиотек выбрасывали на улицу и сжигали все, что там было на «фашистском языке», даже произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, – немецкий язык превращал во врагов даже классиков...

Тем не менее, обитателей дочерних колоний не успели обвинить в укрывательстве шпионов, как немцев Поволжья и всех, кто говорил, лепетал и дышал по-немецки в европейской части страны. Поэтому их не выселяли – некогда было? или дальше уже некуда было? – и у российских немцев оставались островки с немецкими диалектами, традициями, обычаями, образом жизни. Жители этих сел не коснулась и первая мобилизация в трудармию: она касалась только переселенных, которые даже на новых «земельных угодьях» осмеливались высказывать невесторженный образ мыслей по поводу несправедливых (на их некомпетентный взгляд в отличие от всегда компетентного взгляда компетентных органов) обвинений и невыполнения обещаний, данных при выселении: о компенсациях за сданную недвижимость, скот, хлеб и проч., а также по поводу своего положения. Причем осмеливались высказывать не про себя, как положено патриоту, а вслух, что

сразу становилось известным уже местным компетентным органам. И что заставляло эти органы думать, как предупредить опасное развитие невосторженных мыслей. Что привело к новой компетентной мысли: изъять из прибывшего контингента для начала всех наиболее опасных, т.е. мужчин, и локализовать их тягу к не тем мыслям в другом месте, огражденном колючей проволокой...

Так первая мобилизация местных немцев не коснулась, что позволило им получше подготовиться к трудармии. И прибыли они в нее уже когда ужас, через который прошли первые эшелоны мобилизованных, обогатил и трудармейцев, оставшихся в живых, и их начальство опытом: одних в выживании, других в организации содержания и работы «контингента».

Им повезло и в том, что в трудармию они смогли приехать в гораздо более приспособленной одежде, чем депортированные, – все же сибиряки, и могли получать продуктовые посылки – ведь у них «дома», в отличие от переселенцев, оставались и дома, и личные хозяйства. У них и дети после мобилизации родителей оставались в родной немецкой среде, часто с бабушкой и дедушкой, в родном доме, с совсем другой, чем у депортированных, материальной базой. Поэтому и выживаемость у этих трудармейцев была, слава Богу, повыше (что дает сегодня некоторым даже повод утверждать, «на личном примере» и «примере родного села», что смертность в трудармии вообще была «намного ниже», чем другие «некоторые» пишут).

Дочерние колонии играли важную роль в сохранении национальной идентичности и в послевоенное время. Потому что их жители, не будучи выселенными, не утратив экономической базы в виде колхозной собственности, избежав конфискации имущества, сохранили и национальные коллективы-организмы своих сел. И оставались в атмосфере родного языка: даже десятилетия спустя дети из этих сел, приходя в первый класс, не знали иногда русского языка. Именно в этих селах было потом легче ввести преподавание немецкого языка как родного: можно было без труда набрать нужное число детей для открытия групп и найти преподавателей.

Зато в конце перестройки и после развала СССР, после полученного отказа в восстановлении государственности российских немцев, именно из этих сел выезд в Германию был особенно разрушительным. Потому что родственные, соседские, религиозно-общинные связи сказывались на принятии коллективных решений о выезде. И потому, что знание немецкого языка – одно из основных требований германской стороны при приеме российских немцев, у жителей этих сел было гораздо лучше. В результате некоторые дочерние колонии вообще закончили свою вековую историю; а остальные почти утратили свою немецкость после смены выехавших пополнением из иноязычного окружения или из немцев Казахстана, ассимилированных гораздо больше.

Но на самом излете вековых усилий, позволивших этим селам сохраниться даже в годы Советской власти, на Алтае и в Омской области удалось еще создать на их базе, под дальний рев «Люфтганзы», увозящей все новые тысячи российских немцев, два немецких национальных района. Сегодня, когда и здесь произошла основательная смена населения (немцев уже меньше трети), коренным образом изменилась и национальная идентичность этих районов, сел, жителей. Что ставит и серьезнейшие задачи по ее сохранению. Задачи, решить которые самим районам уже не по силам.

* * *

Война опалила все народы СССР. И мало было семей, в которых никто не погиб на ней. У российских немцев тоже. Только их погибло больше не на фронте, а в трудармии, работая на Победу, да в местах депортации – в ожидании Победы и родителей. И можно, наверное, сказать, что как трагедия войны и отношение к немцам-гитлеровцам вошли на генетическом уровне в память каждой клетки у каждого советского человека и стали постоянной болевочной составляющей его и общесоветской, и национальной, и личностной идентичности, так трагедия войны, трудармии, репрессий, бесконечной дискриминации и отношение ко всему этому (будем надеяться, без «национальной персонификации») вошли в память каждой клетки у каждого российского немца. И живы до сих пор. Живы, потому что до сих пор поддерживаются, активируются до нестерпимой боли отсутствием реабилитации. И стали существенным моментом их национальной идентичности. Что как прорыв плотины и проявилось в выезде в 1990-е годы...

По официальным германским данным, на «историческую родину» выехало около 2,5 млн. российских немцев. Это на полмиллиона больше, чем насчитали советских немцев по последней переписи населения в СССР вообще (такие уж были тогда переписи; впрочем, раньше бывало немцев и вовсе «не находили»). Тем не менее, в одной России уже по первой переписи оказалось без малого 600 тысяч тех, кто еще осмелился записаться немцем. И около 300 тысяч российских немцев оставалось в Казахстане, Киргизии, Средней Азии (впрочем, они из политкорректности называются теперь не российскими немцами, а немцами Казахстана, Кыргызстана и т.д.). Таким образом, выезд еще раз, и как никогда, разорвал народ, переместив две трети его уже в «дальнее зарубежье». Навсегда? – это вопрос, который не может не волновать. Полагаю, не только российских немцев.

Но выехавшие – неотъемлемая часть народа, и их жизнь, их будущее обойти тоже нельзя. Остановимся на германском отрезке полета стрелы. Прежде всего на причинах выезда, которые, на наш взгляд, были теснейшим образом связаны с тогдашним положением, состоянием, с тогдашней национальной идентичностью как всего народа, так и его отдельных групп, индивидуумов. (Сразу скажем, что среди этих причин были, конечно, и чисто экономические; об этом говорит хотя бы тот факт, что инициаторами выезда

в смешанных семьях нередко были русские супруги, которых трудно заподозрить в стремлении путем выезда сохранить, или приобрести, немецкую идентичность. Но вряд ли можно соглашаться с теми, кто пытается причины выезда свести только к «бегству за колбасой». Нас же интересует в основном национальный аспект (выезда).

Пройденный с 1941 года путь репрессий, несправедливостей, дискриминации; невозможность восстановления государственности российских немцев, когда у других народов она была восстановлена, что фактически означало продолжение политики ассимиляции до конца, – это, надо полагать, уже вполне достаточный повод, чтобы решиться на выезд. А если учесть, что этот опыт наложился еще и на опыт из времен первой мировой войны, революции и гражданской войны; на опыт голода 1921 и 1933 гг.; на опыт довоенных репрессий с привязкой их к фашизму в Германии; наложился на схожий во многом опыт других народов России; наложился и на многолетнее преследование тех, кто после подавления попыток добиться реабилитации в 1965 году пришел к выводу, что единственный выход теперь – эмиграция; и если вспомнить еще заключительный аккорд: как после принятия в России Закона «О реабилитации репрессированных народов», возродившего было надежды на восстановление справедливости, «гарант Конституции» во время своего пребывания в Саратовской области сделал полупьяное «ответственное заявление», что «ни один дом не будет снесен ради немцев Поволжья», и предложил им вместо республики «селиться на военном полигоне, выкапывать там снаряды, и Германия пусть поможет», – то «повод» для выезда превращался уже в откровенное, издевательское выталкивание в эмиграцию.

А ведь нельзя еще забывать о том, что творилось в стране до и после ее распада. Как обрушился жизненный уровень в ней. Какой беспредел буйствовал во всем. А также какие небывалые прибыли приносил выезд российских немцев быстро образовавшейся мафиозной «системе сопровождения» этого выезда: от местных крутых ребят, которым выезжающие в установленные сроки «дарили» свои дома и автомобили; от чиновников, оформлявших документы, до замыкающего таможенника в аэропорту, изымавшего последние сбережения, – то выезд был превращен фактически в садистское вышвыривание государством своих граждан, виновных разве что в том, что они не все погибли от прежних издевательств. И можно себе представить, чем такой выезд «обогастил» национальную идентичность, – не только выехавших, но и оставшихся...

Однако голубые мечты выезжающих о том, что уж на исторической-то родине... среди немцев... после всего, что мы пережили... нам, немцам... и т.д. – во многом так и остались мечтами. Потому что для многих, если не для всех, выезд оказался лишь бегством от одних проблем к другим. Что еще раз существенно обновило национальную идентичность и выехавших,

и оставшихся. Так, очень скоро выяснилось, что на «исторической родине» российские немцы, оказывается, если и немцы еще, то совсем другого сорта, чем местные; а чаще они уже и не немцы, а «русские»; что здесь для них хотя и нет официального запрета на профессию, но все их дипломы и диссертации не признаются; что местное население смотрит на них с таким чувством превосходства, с каким не смотрело русское или казахское население со времен окончания войны; что незнание литературного немецкого языка является, оказывается, их виной, и лишает их многих возможностей эффективнее, чем лишала их немецкая национальность в России.

Особенно тяжелой ломка национальной идентичности была у школьников и молодежи – по той же причине незнания немецкого языка ввиду отсутствия раньше возможностей для его изучения. Но дети в школах стали быстро осваивать его, что привело к повторению послевоенного феномена, когда вернувшиеся из трудармии родители и их подростки дети говорили уже на разных языках: родители с ними по-немецки, а дети им отвечали по-русски. Только теперь стало наоборот: по-немецки говорят дети, а по-русски отвечают им родители... Богата идентичность российских немцев яркими развитиями!

Тем не менее, сегодня основные трудности (на верном пути к ассимиляции) для многих выехавших вроде уже позади. «Интеграция» младшего поколения (которое и определит будущее российских немцев в Германии) идет вполне успешно, и российская составляющая вытесняется из его национальной идентичности с каждым днем быстрее. Меньше поддается интеграции среднее поколение: его российсконемецкость и русскость еще держатся, и германской немецкости пробиться через них трудно – она, если и не ограничивается уже осторожным стуком во входную дверь, дальше прихожей проникает не так уж часто. А что касается старшего поколения, то от него и не требуется особой «интеграции»; трудности же его новой жизни вполне компенсируются социальной обустроенностью, о каковой на прежней родине до сих пор не приходится и мечтать.

Надо также отметить, что с выехавшими была вывезена значительная часть еще имевшегося потенциала немецкой идентичности народа в виде знания родных диалектов и литературного языка, немецкой культуры, немецкого образа жизни, традиций и обрядов, – так ярко вспыхнувших напоследок в актерах Немецкого драмтеатра и в немецкой самодеятельности. Этот потенциал, так трудно сохранявшийся десятилетиями, теперь почти весь оказался на «исторической родине». Как почти и все учителя родного языка, работники культуры, журналисты и писатели, ученые. В Германии этот потенциал пригодился разве лишь чтобы лучше «интегрироваться»; в России, где даже то небольшое, что было у российских немцев в советское время, практически «исчезло», – восстановить эту потерю собственными силами, тем более

при бездействии, а чаще противодействии тех, в чью компетенцию входит «забота о народе», выглядит уже маловероятным.

* * *

Для полноты картины еще несколько слов о национальной идентичности российских немцев в других странах СНГ. По хронологии и силам воздействия она во многом схожа с ее «развитием» в России. Отличия в том, что во времена СССР российские немцы находились там в среде функционирования еще и этнической власти, языков и культур. После развала СССР этнократичность власти там резко усилилась, и гораздо радикальней сократилось число российских немцев: если в России на треть, то в Казахстане, например, в четыре раза, в Киргизии – в 10 раз. Там меньше было и дочерних колоний как островков сохранения немецкой идентичности. Не было и надежд на создание национально-территориальных образований, а значит, и стремления добиться их, отсюда уклон немецкого движения в подрядно-коммерческую деятельность. Поэтому немецкое движение там не вызывало у властей такого беспокойства как в России, а значит, и забот о его нейтрализации через создание и подпитку сил противодействия ему: ведь иной дороги, чем к «естественной» ассимиляции, у немцев там нет. А то, что избежать ее можно бы лишь при восстановлении их государственности в России, немцы давно понимают; не случайно же многие из них после развала СССР хотели переехать в Россию, где их прием, однако, был ограничен еще жестче, чем в Германии. О понимании единственности этого варианта избежать ассимиляции свидетельствуют и прорывающиеся иногда в прессу высказывания, как, например, епископа Евангелической лютеранской церкви в Узбекистане Корнелия Вибе. На вопрос журналиста, о чем он мечтает, он ответил: о республике для немцев в России. И добавил, что лично знает тысячи людей, которые поедут туда, если такая республика будет образована. «Будущее за этим. Мы будем молиться за автономию», – таково его мнение, а он-то уж должен знать, чем живет его паства.

* * *

Одно из самых зримых изменений в национальной идентичности российских немцев – смешанные браки. Если до депортации они у колонистов были редким исключением, то в результате депортации, ликвидации совместного проживания и распыления по огромной территории; в результате разделения мужчин и женщин на годы в трудармейских лагерях; в результате закрепления распыленности и разделенности режимом спецпоселения; в результате постепенной урбанизации до половины российских немцев в послевоенное время; и в результате запрета на возвращение в довоенные места жительства, невозможности их прежних территориальных образований, – российские немцы были просто вынуждены вступать в смешанные браки. Число их неуклонно росло, и сегодня, по разным данным, их уже за 80%. Надо ли говорить, что при всех остальных воздействиях на личностную

национальную идентичность смешанные браки почти не оставляли шансов на сохранение ее главных составляющих: родной язык, национальная культура, традиции и обычаи? Тем более при жизни в иноязычной, иноэтнической среде, в условиях отсутствия ее внешней поддержки? Ведь воспроизводство и сохранение национальной идентичности – у личности, группы, народа, – как и продолжение рода, воспроизводство народа, в одиночку не обеспечишь. Нужно жить вместе – национальной паре, общине, народу.

* * *

Чтобы оценить последствия депортации для российских немцев и их национальной идентичности, достаточно двух слов: национальная катастрофа. И трудно воспринимать сегодня утверждения «ученых» о том, что депортация «объективно» имела и положительные последствия, а именно: «депортация объединила разрозненных до этого российских немцев в единый народ»; «депортация спасла российских немцев, в первую очередь мужчин, от гибели на фронте и приблизившихся к самой Волге боевых действий»; и даже – «российские немцы и сами положительно воспринимали депортацию».

Трудно себе представить, что позволяет делать такие выводы. Да, российские немцы проживали до депортации в разных регионах. Но это совсем не означает, что они не были единым народом: ведь они проживали компактно, чисто немецкими селами, группами сел, районами, и даже в своей республике. Между этими регионально рассредоточенными немцами было мало контактов? Допустим. Но – много ли имелось в стране тогда и имеется сегодня народов, целиком проживающих вместе? Например, сколько татар, башкир, чувашей, мордвы проживает в разных регионах России? Их тоже нельзя считать народами? И даже русские, которые живут в разных областях и краях, а миллионы – за пределами России, тоже не народ? Кто тогда вообще на Земле является народом кроме племени умба-юмба, собравшегося в полном составе вокруг костра, чтобы мясо белых братьев жарить?

И – что, «разрозненные» российские немцы были депортацией наконец объединены на одной территории? Или они были ею лишены даже рассредоточенно-компактного проживания? Даже селами? Даже полными семьями? Лишены возможности общения кроме как за колючей проволокой? Это и следует считать «объединением в народ»?

Физически, территориально депортация раскрошила и размазала российских немцев как народ до состояния этнического графена, а «объединила» их только как контингентный объект репрессий и дискриминации по национальному признаку. Если считать, что именно это ведет к «объединению народа», то самыми едиными народами являются, надо полагать, обитатели концлагерей. Так что, сегодняшней «национальной политике» пора применить это к еще не до конца «объединенным» народам? Хотя бы чтобы не вызвать у них зависти к «объединенности» российских немцев и предупредить очередной всплеск борьбы с «немецким засильем»?

Еще большее отторжение вызывает вывод о том, что депортация для российских немцев была спасением. Потому что уж очень специфичным выглядит научное мышление, способное трактовать потерю (а точнее – уничтожение) трети народа в тылу, сопоставимую с потерями живой силы на фронте, как спасение народа...

И – действительно ли российские немцы восприняли депортацию «положительно»? Хотелось бы узнать имя хотя бы одного российского немца из той репрезентативной группы, анкетирование которой дало такой результат. Можно, наверное, допустить, что умудренные жизнью немцы-старики, наблюдая за начальным развитием Великой Отечественной войны, не исключали повторения депортационной практики времен Первой мировой войны; возможно, были даже убеждены в ее неизбежности. Но считать это «положительным восприятием» депортации!..

* * *

В самом начале мы предложили, для краткости, считать национальной идентичностью российских немцев то, что отличает их от «других». Наверное, сейчас можно уже более подробно остановиться на отличиях. И тем самым попытаться ответить на еще один нередкий вопрос: мол, всем в России было нелегко, чем же труднее было российским немцам? Ответить на него надо совсем не для того, чтобы, показав страдания российских немцев (о которых так любят говорить наши сегодняшние подрядные «национальные лидеры», чтобы выдать у двух государств очередную слезу в виде бюджетных средств на «проекты»), вызвать к ним особое отношение. А чтобы ясней, понятней были они и другим народам страны, и властям, – потому что национальная идентичность, хотим мы этого или нет, очень определяет состояние, цели, интересы, поведение народа, его отдельных групп, каждого его представителя. А значит, ее знание может помочь и в национальной политике, хотя бы в понимании проблем народов, что совсем не лишне в многонациональной стране.

Неоспоримо, что нелегкий путь прошли все народы России. Невозможно и не признать (причем совсем не из соображений «политкорректности» или из естественного долга меньших в семье выказывать свое уважение старшим), что самым драматичным был этот общий путь для русского народа. И по масштабам – по абсолютным цифрам жертв в двух мировых войнах, в гражданской войне, в периоды индустриализации, раскулачивания, расказачивания, коллективизации и репрессий; и по неизмеримо большому грузу ответственности за судьбы страны, всегда лежавшему и сегодня лежащему на нем; и по его вкладу в подъем и развитие экономики, культуры, уровня жизни других народов страны (в немалой степени за счет собственного развития); и по тому, что власть в стране почему-то никогда не давала повода хоть иногда, хоть чуть-чуть, заподозрить ее в прорусскости. А ведь от самочувствия русского народа больше всего зависит самочувствие страны и ее

народов. И не может быть, – а если по справедливости, то и не должно быть, – хорошо другим в настоящей семье, если ее основной работник живет и чувствует себя хуже других...

Несомненно, в идентичности народов нашей страны, после многовековой общей истории, совместной жизни, пережитых вместе бед и радостей, очень много общего! Тем не менее, в идентичности каждого народа и немало присущего только ему. И российские немцы тут не исключение.

Так, в отличие от других народов (сопоставимых хотя бы по численности) только у них нет сегодня своей территории, нет возможности проживать вместе, нет своей экономической базы, нет своих учреждений национальной культуры, нет ни одной национальной школы, практически не изучается родной язык, нет национальной печати, нет издательства, нет радио- и телепередач, нет своих национальных кадров.

Только у них уже 70 лет нет своих органов власти, нет представительства в органах власти страны. (Единичные депутаты, высокопоставленные чиновники и менеджеры, хотя и немцы по национальности, представляют не немцев, а регионы или партии; и попали на свои места не благодаря, а несмотря на то, что они из российских немцев, просто по своим деловым качествам; к тому же они чаще всего стараются – отзвук прежних времен? – всеми силами дистанцироваться от проблем своего народа).

Только у российских немцев сегодня такой высокий процент смешанных браков (в основном с русскими); только у них процент утративших родной язык преодолел всякий мыслимый рубеж; только им недоступна их дореволюционная, довоенная, послевоенная и сегодняшняя литература; только у них нет ни одной библиотеки, ни одного музея своего изобразительного искусства; только у них нет ни одного национального архива (архив АССР немцев Поволжья в г. Энгельсе – это архив только дореволюционных, довоенных документов, причем только о немцах Поволжья; о российских немцах других регионов России, т.е. большинстве народа, там практически ничего нет; и принадлежит этот архив, закрытый с 1941-го и до конца советской власти, совсем не российским немцам; и будущее его зависит совсем не от российских немцев, а от все той же буйствующей везде и всюду рыночной экономики и ее представителей во власти).

У российских немцев уже 70 лет нет даже места, где уходящие из жизни писатели, ученые, деятели культуры и искусства могли бы оставить потомкам свои архивы, что уже привело к невосполнимым утратам и с каждым годом продолжает их увеличивать. Даже уход из жизни не позволяет российским немцам преодолеть свою прижизненную разбросанность: на территории СНГ есть ухоженные кладбища солдат вермахта и немецких военнопленных, но нет ни одного кладбища российских немцев; могилы даже членов одной семьи рассеяны по разным областям, краям, а теперь и странам.

«Ассимиляции» подверглись даже бывшие поселения российских немцев, – не только тем, что в них давно живут не немцы, а и тем, что у них даже названия давно иные, и из сотен, даже тысяч этих бывших поселений найдется ли еще хотя бы два десятка, сохранивших свои немецкие имена?

Российские немцы прошли путь репрессий и депортаций, режим спецпоселения и годы дискриминации вместе с другими депортированными народами. И вряд ли кто лучше поймет сегодня российских немцев, чем эти братские по несчастью народы, на которых репрессии были обрушены после того, как были опробованы на советских корейцах и отработаны на российских немцах. Но и здесь есть существенные отличия. Так, российские немцы были обвинены в укрывательстве «тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов» превентивно, без единого доказательства этой вины. И выселены были тоже превентивно, еще до прихода (или не прихода вовсе) гитлеровских войск на их территорию. И обвинены были по принципу отождествления понятий национальность и нация, национальность и идеология.

Другие репрессированные народы были обвинены уже после освобождения их территорий от гитлеровских войск, обвинены тем же методом введения коллективной вины. За факты сотрудничества с врагом. И если обвинения, выдвинутые против немцев Поволжья, невозможно было представить себе реальными, и тем более применимыми к другим народам России, то обвинения против репрессированных народов могли с не меньшим основанием быть предъявлены уже многим народам. И возникает вопрос: если фактов сотрудничества с врагом отдельных представителей народа (что во время войны, да еще под оккупацией, практически неизбежно), достаточно, чтобы наказать (выселить) за это весь народ, то почему такие же факты (хотя бы участие в армии Власова) не стали основанием для обвинения и депортации русского, украинского, белорусского народов? Потому что это абсурдно? Безусловно. Тогда почему абсурдное наказание за одинаковую вину все же было применено, причем избирательно?

Каждому понятно: основная тяжесть войны легла именно на плечи русского, украинского, белорусского народов. И основной вклад в Победу, основные жертвы – тоже этих народов. Но ведь и основная часть сотрудничавших с врагом – из этих народов.

Хорошо известно и то, что среди представителей репрессированных народов были и Герои Советского Союза (даже у российских немцев их насчитывается как минимум 11). Почему же к этим народам была применена практика распространения лишь вины на весь народ? Почему не была применена практика распространения заслуг на весь народ?

Отличия в репрессиях и судьбах были и в другом. Так, российские немцы, вдобавок к необоснованным обвинениям, еще и необоснованно отождествлялись с врагом, потому что были с ним «одной национальности». Все их

трудоспособное население было направлено в трудармию, чего другим депортированным народам удалось все же избежать. Они были на годы разделены по половому признаку, что тоже не коснулось, слава Богу, других народов. Они были распылены от Урала до Владивостока; разбросанность других народов была намного меньше. За годы войны и после нее российские немцы стали для регионов их проживания таким нужным трудовым потенциалом, что лишиться их регионы категорически были против; другие депортированные народы по ряду причин не успели стать таковыми, и это, надо полагать, облегчило потом решение вопроса об их возвращении в родные места. Автономные республики большинства других репрессированных народов были восстановлены в 1957–1958 гг., АССР немцев Поволжья не восстановлена до сих пор. Другие репрессированные народы смогли после восстановления своих автономий начать возрождение своей национальной жизни, культуры, поддержание своего родного языка; российские немцы лишены этой возможности и сегодня.

То есть избирательность в отношении российских немцев была проявлена дважды: и в наказании, и в нереабилитации. Этот факт также не мог не оставить глубокого следа в их национальной идентичности...

Все эти отличия ни в коем случае не умаляют ни значения, ни глубины трагедии, пережитой другими репрессированными (и не только репрессированными!) народами; они всего лишь показывают, что по отношению к российским немцам эта прежде общая трагедия продолжается по сей день. И можно только порадоваться за народы, которые, проделав с нами часть пути репрессий, смогли опять вернуться на родную землю. Наверное, они вполне могут понять состояние российских немцев, по-прежнему вынуждаемых идти по тому пути, ибо хорошо могут представить себе, в каком положении были бы сегодня сами, если бы до сих пор должны были жить там, куда были депортированы, и не имели бы своих республик, если бы проделали свой крестный путь только в один конец, оставляя на нем вдоль железной дороги, как перед ними российские немцы, тела своих детей, родителей, стариков, чьи души не вынесли разлуки и вернулись к родным очагам...

Из всего этого можно, наверное, представить себе и самочувствие российских немцев как народа, и их «национальную идентичность». А также одну из составляющих этой идентичности: замороженное восприятие ими власти, которая уже 70 лет, несмотря ни на какие культы личности, волюнтаризмы, развитые социализмы, застои, перестройки и ускорения, суверенные демократии и ваучерные олигархизации-раоеэсизации-нанофикации всей страны, – остается неколебимо стабильной только в отношении к их реабилитации. Может, в этой хотя бы микро- или нано-стабилизации родной до гроба власти и состоит их очередное высокое предназначение?

Полтора века назад классик новой идеологии-философии сказал, что до сих пор ученые лишь объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить. Вроде и у нас уже напрашивается зовущий к действиям вывод: мало только говорить о трагедии российских немцев; задача состоит в том, чтобы возродить народ. Через возрождение их национальной идентичности.

Но какую же идентичность требуется возродить? Ведь вряд ли ту, которая была у них во времена прибытия в Россию? Или до Октября 1917 года? И даже до Великой Отечественной войны?

Российские немцы – один из народов России. И чтобы жить в России полноценной жизнью, чтобы иметь возможность реализовать себя, свои знания, способности, таланты – на благо своей страны и на собственное благо, – они, как и другие ее народы, должны хорошо знать государственный язык своей страны, ее историю, жизнь, ее культуру, ее народы. Чем глубже будут знать, тем лучше, – и для них, и для страны. Одновременно они должны сохранять и развивать в себе то, что всегда ценили в них, за что их и пригласили в Россию, – свои национальные качества.

Национальная идентичность у любого народа в многонациональной стране имеет как минимум две составляющие: этническую и «общегосударственную». В идеале обе они должны бы быть развиты в каждом народе и в каждом его представителе по максимуму. Потому что утрата одной из них, или слабая их выраженность, резко уменьшают и возможности народа (человека), и «пользу» от него государству (народу); снижают национальное самосознание, чувство полноценности, внутреннюю гармонию личности (народа). А для российских немцев, давно и основательно бинациональных, утрата одной из этих составляющих означала бы еще и то, что они вообще перестают быть народом. Потому что при утрате своей немецкости в России они превратились бы просто в часть русского населения; при утрате рускости в Германии – в часть немецкого населения.

Нужно учесть еще одну особенность российских немцев. Дело в том, что их немецкая идентичность, хотя и была привезена из германских земель, мало похожа на немецкую идентичность сегодняшних немцев Германии. Потому что слишком разные пути прошли за последние века российские немцы и немцы Германии. Российские немцы сохраняли ту, и только ту свою немецкую полиидентичность (т.е. свои разноземельные, разнодиалектные, разноконфессиональные идентичности), которую привезли с собой; немцы же германских земель, объединившихся позже в единое государство, от той своей полиидентичности ушли далеко.

Сегодня, после смешения российских немцев депортацией и всем, что за ней последовало; после того, как и для них немецкий литературный язык в какой-то мере (в какой – отдельный вопрос) стал «языком межнационального общения» прежде разных диалектных групп; и когда еще больше

такowym стал для них русский (второй родной) язык, – сегодня их национальная идентичность имеет фактически три национальные составляющие. А именно: российсконемецкую (то, что еще сохранилось от привезенного из Германии); германонемецкую (то, что понемногу входит сегодня в идентичность российских немцев в России и активно – в их идентичность в Германии); и российскую (в основном русскую). О балансе этих составляющих и должна, видимо, идти речь, когда мы говорим о возрождении и сохранении национальной идентичности российских немцев, о создании условий для их будущего как народа. Потому что эти условия прямо зависят от того, что требуется для сохранения каждой из этих составляющих.

Так, условия для поддержания и развития их российской составляющей (как и у других народов России) имеются и вряд ли исчезнут, пока есть Россия. Потому что есть повседневная российская реальность: русский язык, русская культура, литература, радио, телевидение, газеты, книги, школы, вузы, театры, – т.е. все, что, можно сказать, автоматически будет поддерживать и развивать российскую составляющую. Отсюда проблема поддержания национальной идентичности сводится фактически к поддержанию этнической составляющей. Что для российских немцев означает создание условий для поддержания их двунемецкой составляющей, – условий, которых у них нет уже 70 лет.

Главное из этих условий очевидно: как любой другой народ, российские немцы должны проживать вместе, – минимум критической массой, необходимой для сохранения идентичности. Потому что в распыленном виде ни возродить, ни сохранить этническую идентичность невозможно. То есть у народа должна быть опять своя территория – как у других народов России. На этой территории должна быть национально-культурная, образовательная инфраструктура. И экономическая база, позволяющая решать задачи в национально-культурной сфере собственными силами – чужими силами и на «помощь» других эти задачи не решаются.

И еще народ не должен быть выключен (как те же 70 лет) из всех сфер жизни страны. А значит, он должен иметь не только равные права с другими ее народами, но и равные возможности. Включая представительство во власти. Что опять же предполагает государственность. И пока ее нет, все разговоры о равноправии российских немцев и развитии их культуры являются лишь демагогией, прикрывающей их дискриминацию и ассимиляцию. И задаваемый иногда в ходе этой демагогии такой же демагогический вопрос: «А нужна ли еще российским немцам государственность?» – отражает лишь нетерпеливый интерес службы этноритуальных услуг в лице сегодняшней «национальной политики», которая вместо поддержки, развития и гармонизации национальных культур в многонациональном симфоническом оркестре страны имеет, похоже, лишь одну цель: заменить все эти культуры в оркестре на бубны «общегражданской идентичности». Согласен ли русский

народ, чтобы его культура, удивляющая и возвышающая мир, была заменена таким бубном? Согласен ли на это хоть один другой народ страны? Ответ, думается, ясен. Поэтому содержание вопроса о государственности российских немцев на деле таково: а нужно ли им как народу еще право на жизнь? нужно им как народу еще будущее? т.е. нужны ли они вообще? И этот вопрос, как можно догадаться, касается не только российских немцев. Потому что никогда не надо спрашивать, по ком звонит колокол. Особенно службе этноритуальных услуг...

* * *

Давайте мы лучше сами зададим вопрос, пусть и супер-риторический: а что же делается сегодня для сохранения этнической идентичности российских немцев? И посмотрим на «движущие силы» в этой сфере.

Так, национальное движение российских немцев еще 45 лет назад сформулировало, предельно коротко, свое видение решения вопроса: реабилитация российских немцев через восстановление их государственности. А сегодня конкретизировало его с учетом «рыночной экономики», которой глубоко плевать не только на разные идентичности, но и на всю страну, на все ее народы. Сегодня предлагается совместить реабилитацию российских немцев с решением экономических задач, стоящих перед страной, а именно: подготовить пакет крупных актуальных задач (в промышленности, сельском хозяйстве, передовых технологиях), привязать их к конкретному региону, который устроит «все заинтересованные стороны», и – пригласить для их решения в основном российских немцев. В ходе реализации этих задач будут созданы необходимая экономическая база, инфраструктура соцкультбыта, а главное – будет обеспечено совместное проживание определенного числа российских немцев. Придать затем новому территориально-экономическому образованию должный статус – «дело техники». То есть российские немцы свое слово еще раз сказали, в духе времени. И даже не привязывают решение вопроса к территориям своего прежнего проживания, – чтобы избежать очередных демонстраций под лозунгом «Лучше СПИД, чем немецкая автономия!», как в 1989-м в Поволжье и не лишать никого права свободного выбора того, что ему нужней...

Чем же отвечает на это предложение «национальная политика» страны? А ничем. Точнее, стремлением вообще уйти от вопроса реабилитации. А еще точнее – четким противодействием его решению. Так, несмотря на принятый еще в 1991 г. Закон «О реабилитации репрессированных народов», по которому вопрос о государственности российских немцев должен был быть решен в течение года; несмотря на подписание в 1992 г. с Германией Протокола о поэтапном восстановлении государственности российских немцев, – по сей день не сделано ничего. Наоборот: уже почти двадцать лет идет лишь суета под лозунгом «заботы о российских немцах», о развитии их «общегражданской идентичности». Идет с помощью «федеральных

целевых программ» (первая выполнена за 10 лет аж на 4%) и «проектов», давно выродившихся в бесконечные форумы, съезды, конференции, семинары, трех-пяти-дневные «академии» и все более затратные «фестивали», которые положительно сказываются разве что на кошельках исполнителей этих «проектов». Даже Межправительственная российско-германская комиссия вместо исполнения Протокола давно занята лишь согласованием этих «проектов» между двумя Высокими Договорившимися когда-то совсем о другом Сторонами.

Стремление бездействовать-противодействовать наблюдается и в «идеологической» сфере «реабилитации». Так, «национальная политика» в лице ее двух представителей, заменяющих ныне собой упраздненное Министерство по национальной политике (надо полагать, как вредное для многонациональной страны возбуждением ненужных надежд) выдает сегодня такие масштабные философские откровения, каких в прошлом целое Министерство не могло выдать, а именно:

«Создание Республики немцев Поволжья и сталинские репрессии в отношении целых народов – это звенья одной цепи сталинской национальной политики»; (Интересная получается «цепь национальной политики»: сначала создает свои «звенья», потом сама же их разрушает. Да и логика железобетонная: если бы АССР НП не создали, то ее и не ликвидировали бы. И – создание других автономий-«звеньев» после создания АССР НП превратило ее в такое вредное «звено», что пришлось и ее ликвидировать, и несколько других «звеньев» на всякий случай репрессировать... Ультрановая философия! Модернизационный переворот во вконец устаревшем всемирном уголовном праве! Отныне если человека убили, то сам виноват: не родился бы – не убили);

«В основе предпринимаемых усилий правительства Российской Федерации лежит желание государства обеспечить этнокультурные права граждан»; (А права народов, которые состоят из граждан, обеспечивать не надо?);

«Российские немцы должны прежде всего ощущать себя гражданами Российской Федерации, иметь гражданскую идентичность, общую с другими народами, проживающими на территории России»; (А разве российские немцы еще не «ощущают» себя гражданами Российской Федерации? Что, их великое княжество Монако, занятое своими казино, никак не соберется реабилитировать? И разве у них еще нет, после всего вместе пройденного, общей с другими народами России гражданской идентичности? Разве они не имеют права и на национальную идентичность? Разве наличие национальной идентичности исключает возможность «ощущать себя гражданами Российской Федерации»? И как же быть, если и в России, и за ее пределами люди, даже будущие светила национальной политики, рождаются прежде всего представителями своей национальности, своего народа, а потом

уже становятся гражданами России, США, очередного Бантустана... или «гражданами мира?»).

Понятно, что у такой «национальной политики» главная забота – не многообразии культур российских народов, число которых так велико, что затрудняет сохранение ее традиционной ориентации. Главная забота ее, по отношению к российским немцам, – организовать среди самих российских немцев нужную поддержку этой философии и ее авторов. Для чего все больше используются те же бюджетные средства, выделяемые «в пользу российских немцев», чтобы на них привлечь подрядные структуры, которые под видом «общественных организаций российских немцев» все громче заявляют «от имени российских немцев», что российские немцы давно реабилитированы, что никакой государственности им уже не нужно, что Закон и Протокол пора «актуализировать», и что главное, что сегодня нужно российским немцам, – это проекты для укрепления их «общегражданской идентичности», дабы обеспечить «межнациональный мир в стране» (видимо, без российских немцев достичь великих целей опять ну никак не удастся)...

О том, что возрождение национальной идентичности российских немцев, т.е. их будущее как народа, без их реабилитации невозможно, говорилось не раз, – и не только лидерами движения российских немцев, их делегациями, конференциями и съездами, но и громче некуда сказано было их массовым протестным выездом, нанесшим стране такой ущерб, что десятой доли от его суммы хватило бы с лихвой на восстановление их государственности. Признано это и Законом «О реабилитации репрессированных народов», и российско-германским Протоколом, и давним восстановлением автономий других репрессированных народов, и сохранением автономий не выселявшихся народов. Что же тогда мешает восстановить автономию российских немцев?

В послевоенные и в 1960–1970-е годы главным препятствием, как уже отмечалось, было категорическое противодействие руководителей республик, краев и областей, где были российские немцы. Они хорошо понимали: без российских немцев (в одном Казахстане миллион!) у них существенно снизятся экономические показатели. В те времена этого было достаточно, чтобы республику не вернули. (Из чего можно сделать вывод: работали бы тогда наши отцы похуже, наверняка бы сегодня жил наш народ получше). Но что же сегодня мешает восстановить их автономию?

Посмотрим еще раз на предложения о путях реабилитации. Если действительно создать пакет актуальных экономических задач и с помощью российских немцев их решить, то ведь и страна, и конкретный регион будут в большом выигрыше: экономическом, демографическом (ведь могут приехать немцы из Казахстана, Киргизии, Средней Азии, не исключено и из Германии, в т.ч. «коренные», а также сократится дальнейший выезд – когда Германия

опять «откроет ворота»), внутривнутриполитическом (все увидят, что национальная политика в стране проводится опять не только через прицел северокавказских событий; что снова есть и внимание к народам), внешнеполитическом (какой резонанс вызовет реабилитация российских немцев в мире – в пользу России, ее руководства!). Так что вроде не должно быть сегодня противников реабилитации российских немцев, наоборот: она выгодна всем, кто будет задействован в ней. Остается только вспомнить давний призыв: «За работу, товарищи!»

* * *

В начале мы сравнили изменения в национальной идентичности российских немцев с полетом стрелы. Сейчас можно, наверное, сказать, что для избранной темы этот образ слишком светел. Потому что с полетом стрелы неизбежно связываются упругая тетива лука, взмывание стрелы вверх, прозрачный воздух и солнечный свет, сладкое замирание в точке невесомости, и – снова встреча с родной землей, не желающей отпускать «свою» стрелу в никуда. Национальная идентичность российских немцев лишена всех этих радостей, наоборот... Поэтому точнее будет, наверное, сказать, что долгий путь ее изменений – это путь на Голгофу. Путь, который наш народ прошел, неся свою национальную идентичность как свой крест. Прошел, оставляя кровавый след от обрушиваемых на него ударов; прошел частично вместе с другими народами, оказавшимися на этом же пути; прошел под конвоем тех, кому были отданы в руки российские немцы и другие народы для исполнения преступных указов.

И до сих пор народу не дали донести крест своей национальной идентичности на родную землю. До сих пор находится он в своем бесконечном бесприютном движении – народ в пути. Суждено ли ему припасть опять к родной земле и набраться от нее сил? Или так и упадет он под тяжестью своей ноши, обессилев от бесконечных ударов, репрессий, депортаций, спецпоселений, дискриминаций и эмиграций? Упадет, и уже не сможет больше удерживать свою измученную национальную идентичность – незримый ковчег завета и жизни народа? И покинет она, наконец, его обессиленное тело? И вознесется туда, где уже не будет ударов, крови, расстрелов и издевательств за невыбираемую, непокупаемую, непродаемую национальную идентичность? И останется отмучившееся тело лежать на этом пути – как первый результат большого эксперимента по привитию народам «общегражданской» идентичности вместо живой национальной души, по созданию «новых общностей», по разрушению всего, что делает людей и народы интересными друг другу, обогащающими друг друга и весь мир своей неповторимостью? Останется лежать как предупреждение другим народам о их недалеком будущем, если позволят себе хоть на грамм ослабить свою любовь и заботу обо всем бесконечно дорогим и ничем не заменимым, что

называется сегодня двумя такими заболтанными словами – национальная идентичность?

* * *

В заключение еще один, и совсем не риторический, вопрос: а зачем и кому в нашем таком осовременившемся мире нужна еще эта «отсталая» национальная идентичность? Не анахронизм ли она? Не прах ли она, который давно уже надо было отряхнуть с наших ног? Не проще, не лучше, не спокойнее ли без нее? Не понятнее, не ближе были бы друг другу народы, люди?

Иногда возникает ощущение, что национальная идентичность дается как новорожденному первичный иммунитет от матери: для защиты от опасностей, которыми его, совсем беззащитного, встречает мир. Рождаясь в «национальной среде», взрослая в ней, познавая через нее нужные для выживания в конкретных условиях накопленные веками мудрость, умения, навыки, запреты, каждый своей национальной идентичностью приспосабливается к жизни в этих условиях. И даже если исчезнут границы, государства, правительства, исчезнут «специалисты», получившие где-то права на вождение народов по вконец раздолбанным дорогам национальной политики, – различия условий сохранятся, а значит, нужен будет и опыт проживания в них, т.е. знание того, что входит в национальную идентичность народа.

И если это хоть в какой-то степени верно, то возникает вопрос: кому же и почему мешает национальное многообразие? Мешает так, что хочется всех вокруг лишить этой веками, тысячелетиями наработанной приспособленности к жизни? Лишить через устранение «национальных границ», через ликвидацию «национальных квартир», через превращение всех (людей, народов) в постоянных мигрантов, носящихся по стране (миру) в поисках очередного места, где кто-то чуть повысил прожиточный минимум в виде зарплаты с целью привлечь рабочую силу для получения новых прибылей? Лишить родного языка, национальной культуры, включенности в любую общность (тем более национальную), способную отстаивать общие интересы? Лишить, чтобы каждого сделать максимально беззащитным, т.е. максимально управляемым по максимально простой схеме: «вот работа – вот кусок хлеба; все остальное – наплевать и забыть»...

Вряд ли уж так трудно предвидеть, куда ведет такая «национальная политика». Потому что ее в глобальном масштабе у нее впереди – цивилизационная катастрофа, давно и успешно вуалируемая повышением «прожиточного минимума». А в масштабах «отдельно взятой страны»? Причем в ситуации, когда некоторые другие народы, не страдающие от демографических проблем, совсем и не думают отказываться ни от своего национального своеобразия, ни от своей сплоченности как народа, ни от своих границ, ни от своих давних мечтаний об изменении чужих границ? Остается только вопрос на засыпку: какой же народ в этой ситуации окажется таки более

способным выжить? И отсюда: кому больше грозит радость получить новую «общегражданскую идентичность» – хотя бы в цвете кожи и разрезе глаз, не говоря уже о статусных, социальных, правовых ее составляющих? Так кому же и зачем все это нужно?

Наверняка такие рассуждения могут показаться сегодня несвоевременными. Ведь сейчас так модно, так «государственно» говорить о приоритете «общегражданской идентичности», об очередной «новой общности»! Хотя вроде и была уже одна «новая общность», которая в момент истины оказалась настолько неспособной к самоорганизации и самозащите, и даже к пониманию происходящего, что потребовалось совсем немного воздействия извне для развала и этой общности, и великой страны.

Что же еще намечается развалить, превращая народы страны в безнациональное население, не привязанное ни к родной почве, ни к соплеменникам, ни к родному очагу? Лишая эти народы всего, что делает их народом? И тем самым лишая давний союз народов способности к сложению сил, лишая даже самих этих сил, для противодействия опасности, если опять возникнет, их общей родине, превращенной в территории перманентно временного проживания «трудовых ресурсов».

И если не будет у человека родного очага, не будет в мире уголка земли, где родились и выросли его предки и он сам; если у него не будет уже родных и близких, кто говорит с ним на таком дорогом родном языке (вспомним Расула Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть»); если кругом лишь не помнящие родства, что тоже мотаются по стране в поисках «прожиточного минимума» повыше, т.е. конкуренты в борьбе за кусок хлеба, – то что же заставит такого «общегражданского идентичника» защищать страну? В мире «рыночной экономики», где все приобретает свою рыночную стоимость: отношения между людьми, «любовь», «служебные полномочия» чиновника и место депутата, военные секреты государства (сколько их продано за последние двадцать лет?!), и сама Родина? А значит, и защита страны будет, как у наемника, лишь вопросом оплаты и шансов получить ее?

Может быть, на подвиг вдохновит «общегражданская идентичность»? И за нее будут готовы умереть? Или за тех, кто под бесконечную демагогию про демократию и права личности, про «опыт цивилизованных стран», отнял у народа все и заставляет теперь каждого платить с каждым днем все больше за пользование отнятым: за когда-то честно заработанное жилье, за приватизированные кем-то газ, свет, воду (скоро, надо полагать, и за воздух?), за все более опасные продукты, товары, услуги? Или на амбразуры пойдут с криком «За нашу любимую рыночную власть! За наш суд, самый гуманный в мире! За нашу милицию – крышу для всех, кто заплатит!»? Будут умирать за то, чтобы кто-то и дальше мог покупать заграничные футбольные клубы, яхты, замки; мог учить своих детей за рубежом, когда в родной стране

миллионы безпризорных и нищих; мог переводить «заработанные честным трудом» миллиарды за рубеж, становясь полностью управляемым оттуда под страхом замораживания личных счетов?

Вообще рынок и национальная идентичность, рынок и выживание народов предстают все более несовместными. Как рынок и законопослушность, честность, мораль. Ведь на рынке главное это прибыль, – любой ценой. Отсюда он – постоянно подключенный к каждому генератор обмана и преступности, везде и во всем. И надеяться, что какие-то силы смогут так же активно и неустанно контр-генерировать честность, порядочность, законопослушность; смогут хотя бы неотвратимо наказывать тех, кто обманывает и совершает преступления, – наивно. Особенно если учесть, что и сама система наказания давно превращена в доходный бизнес.

Рынок генерирует преступность, задействуя инстинкты на личностном уровне, а бороться с нею пытаются – в рамках того же рынка – с помощью витающих где-то на уровне государства и общества права и морали. Но ведь к каждому носителю инстинктов не пристегнешь, как подключенный к системе ГЛОНАСС браслет слежения, надзирателя. Да еще такого, который в процессе надзора не предпочел бы сам гораздо более доходную преступность малоприбыльной, на окладе, борьбе с ней. А значит, этих надзирателей тоже надо подключить к круглосуточному контролю – с помощью видеокамер к кабинету премьера? или к «ядерному чемоданчику» президента? Что уж говорить о национальной идентичности при рынке – без системы защиты, без внимания лично президента...

В общем, если взглянуть на проблемы с национальной идентичностью поглубже, нетрудно заметить, что они имеют вполне стратегическое значение – для страны. И все больше превращаются в суровое «быть или не быть?» – для народов. Народов, чье будущее все жестче зависит от того, насколько адекватно они оценивают происходящее, насколько держатся вместе, насколько понимают и уважают друг друга, насколько могут противостоять стремлению лишиться их «не той» идентичности. И если кому-то очень хочется увидеть, к чему ведет успешное преодоление своей нехорошей национальной идентичности, можно поехать... ну хотя бы в Германию – не обязательно на ПМЖ. Просто посмотреть, как когда-то великая нация перестает существовать.

Поехать и увидеть, как под флагом преодоления двенадцатилетнего «нацистского прошлого» переименована и дискредитирована многовековая великая история народа и страны; как все национальное отождествляется в ней с нацизмом и подавляется; как немцев превратили в генетически виновных, в обязанных без конца каяться и не сметь свое суждение иметь, когда им указывают, как им себя вести.

«Россиянам» это вроде тоже уже знакомо: ведь и их уже 20 лет пытаются заставить забыть все великое в истории своей страны и ее народов; их тоже

пытаются заставить свести эту историю лишь к преступлениям сталинизма, к ГУЛАГу; их тоже хотят заставить каяться... перед кем? перед теми, кто их ограбил? кто развалил их страну? И за что каяться? За перенесенные страдания и за подвиги, совершенные во имя Родины несмотря на эти страдания?).

Поехать в Германию и увидеть, как там даже «большие политики» стараются максимально громко и гордо заявлять, что они лично уже не немцы, а – бери выше! – европейцы! Увидеть, к чему ведет пресловутая «политкорректность». Как во многих немецких школах немецкие дети давно уже в меньшинстве и как их терроризируют дети бесчисленных иммигрантов – за все еще светлые иногда волосы, за все еще голубые порой глаза и за все еще имеющееся у них знание немецкого языка. И как новые хозяева школьной жизни своих учительниц называют в лицо «немецкими шлюхами», и те, не находя поддержки и защиты у своей «политкорректной» власти, уходят из школы.

Поехать и увидеть, как ежегодно страну покидает более ста тысяч ее граждан в поиске места на планете, где можно реализовать свои способности и умения, никому не нужные на «родине»; места, где детей не подвергают с младших классов «сексуальному воспитанию», не вдалбливают им «нормальность однополой любви», не приводят с полицией на уроки, когда родители против такого «воспитания».

Поехать и понаблюдать, как в очередную годовщину первой Хиросимы – чудовищной бомбардировки мирного Дрездена, испепелившей прекрасное творение немецкого народа и сотни тысяч его жителей и беженцев, искавших в городе укрытия, – параллельно демонстрациям тех, кто еще сохранил в себе боль от той трагедии, организуются другие демонстрации, с лозунгами: «Все, что падает сверху – от Бога!» (т.е. бомбы были от Него, а не от славных наших «союзников», геройски воюющих там, где нет сопротивления) и «Сдохни, Германия!».

Ну, а о мелочах типа того, что у трех миллионов российских немцев на их «исторической родине» нет ни одного представителя в бундестаге (нам ли привыкать!), зато они давно есть у иммигрантов, – и говорить не стоит. Ведь «политкорректность» в «цивилизованных странах» – это не просто поддержка тех, кто, «понаехав», совсем не думает отказываться от своей идентичности; это одновременно и разрушение национальной идентичности, а значит и национального будущего, собственного народа.

Хотим ли мы этого для России? Если нет, то не пора ли нам всем вместе поглубже задуматься, наконец, над тем, к чему ведет иногда «опыт цивилизованных стран»? И чего на деле хотят те, кто России этот опыт навязывает? Не пора ли предложить им определиться, наконец, правильно ли они решили, выбрав «эту страну» для своего пребывания в ней?

А также не пришло ли время всем нам подумать о необходимости новой национальной политики в стране? Политики, отвечающей интересам страны

и ее народов, а не обрекающей страну и ее народы на исчезновение? Подумать о том, что разные народы и культуры, как разные драгоценности в Алмазном фонде, – не беда, а богатство страны? Что каждый народ, как и каждый человек, уникален, и надо дать ему возможность свою уникальность сохранить и развить – на благо всех? Только тогда у человечества будут такие общие сокровища, которые создаются лишь народами со своей, а не «общегражданской» и не «общемировой» идентичностью: египетские пирамиды, светлая эллинская цивилизация, итальянское искусство, голландская живопись, немецкая философия, музыка и наука, русская литература ... и далее бесконечно до китайского монастыря Шаолинь, дагестанского аула Кубачи, русского Палеха, неповторимой кавказской лезгинки.

И чтобы такие сокровища у человечества были, каждый народ должен пройти путь своего полного развития и раскрытия. Как проходит его ребенок: через воспитание в семье, через обучение в школе, вузе, через приобретение умений в трудовой деятельности, через включение во все более широкое жизненное пространство. И даже если на этом пути национальное в идентичности будет, естественно, занимать все меньше места по сравнению с «общегражданским», с общечеловеческим, – оно не будет никому мешать, а позволит сделать общечеловеческое многограннее, богаче, интереснее. Поэтому не подавлять надо национальное, а поддерживать и развивать его; не смешивать народы в очередном плавильном котле рыночной экономики, а давать им возможность достичь высшего уровня своего естественного развития, чтобы достойно войти во все более единую общность других развитых народов страны и мира, а не пополнить собой общаги атомизированных, обезнациональных, вечных и бесправных гастарбайтеров даже на собственной родине.

Поволжские немцы глазами современных саратовских студентов (попытка историко-психологического анализа)

Немцы России – «российские немцы», «поволжские немцы» – понятия, которые давно и глубоко вошли в русскую историю и непосредственно в историю нашего края и Саратова. До начала Великой Отечественной войны в Саратовском Поволжье в городах, а также более чем в 200 селах проживало свыше 450 тыс. немцев. Их потомки поселились на Волге еще в 1760-х гг. по приглашению Екатерины II.

28 августа 2011 года исполняется 70 лет со дня издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», который разделил судьбу всех российских немцев на «до» и «после» Указа и сформировал глубокий социокультурный и психологический барьер во взаимоотношениях между немцами и другими народами России, во многом не преодоленный и до настоящего времени.

С целью выяснения вопроса, каким видится облик российского (поволжского немца) в нашей совместной исторической и социальной памяти был предпринят опрос части саратовской учащейся молодежи.

В опросе приняли участие 213 человек, учащиеся и студенты Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратовского художественного училища им. А.П. Боголюбова, Негосударственного образовательного учреждения «Саратовский юридический институт адвокатуры». Из общего числа опрошенных студентов 5 оказались российскими немцами.

Студентам было предложено ответить на 6 вопросов:

1) Знакомы ли вам имена Карла Мюфке, Альфреда Шнитке, Якова Вебера, Эдуарда Губера? Если да, то в каких сферах жизнедеятельности они себя проявили? Дополнительно студентам предлагалось составить свой список известных им представителей российских (поволжских) немцев.

2) Какие «немецкие места» в Саратове и в Саратовской области вам известны?

3) Какие в вашем представлении существуют или существовали главные черты характера или поведения российских (поволжских) немцев?

4) Хотелось бы вам, чтобы в Саратове и в области сохранился «немецкий» колорит? Если да, то что для этого следовало бы сделать?

5) Знаете ли вы о том, что на части территории нынешней Саратовской области до Великой Отечественной войны существовала АССР немцев Поволжья и как вы оцениваете ее ликвидацию в 1941 году и принудительную депортацию всего немецкого населения в Сибирь и Казахстан?

6) Укажите источники информации о российских (поволжских) немцах, из которых вы черпаете свои знания, в том числе, личное общение,

художественная и историческая литература, СМИ и ТВ, музейные экспозиции, спецсеминары и лекции в вузе, занятия по иностранному языку и т.д.

В ответах на первый вопрос, выявляющий степень знакомства с именами известных лиц немецкой национальности, тесно связанных с Саратовской губернией (родившихся либо работавших здесь), знания студентов представлены следующим образом: композитора А. Шнитке отметили – 117 чел. (54, 9%), архитектора К. Мюфке – 100 чел. или 46. 9%. Далее следуют: Я. Вебер, художник – 25 чел. (11,7%) и Э. Губер, поэт. переводчик – 23 чел. (10,7%). 30 опрошенных (14,1%) ответили, что они не знают этих имен.

В преобладающей степени имена Э. Губера (1814–1847), поэта, переводчика стихов А.С. Пушкина и Г. Гете и Я. Вебера (1870–1858), живописца, известны студентам филологического факультета и учащимся художественного училища. Филологи лидируют и в области знакомства с представителями «российских немцев» в целом, дополнив список следующими именами В. Даль В. Кюхельбеккер, А. Дельвиг, братья Брюлловы, З. Гиппиус, (1869–1945). Последняя по своей известности (отметили 6 студентов) обошла А. Герцена, Г. Нейгауза, А. Фета и императрицу Екатерину II (известны 4 студентам). Саратовский архитектор Шехтель выделен в 3 анкетах, Г. фон Альбрехт (1891–1976), один из немногих и самых значительных музыкантов из числа российских немцев, И.Г. Гмелин (1709–1855) ученый ботаник, исследователь Сибири, и Е.Ф. Керн (1765–1841) упомянуты по два раза, а И.Ф. Крузенштерн, (1770–1846), русский мореплаватель, адмирал, руководитель первой русской кругосветной экспедиции в 1803–1806 гг., Ф.И. Литке (1797–1882), русский мореплаватель и географ, в 1826–1829 – руководитель кругосветной экспедиции, один из основателей Русского географического общества, президент Петербургской академии наук, Б.А. Пильняк (Воган), писатель (1894–1941) выявлены один раз. Наряду с А. Шнитке был упомянут и его брат В. Шнитке (1937–1994) – поэт.

В знании немцев-современников предпочтительнее выглядят студенты историки: ими названы профессор А.А. Герман А.Г. Карл, основатель Центра немецкой культуры (г. Энгельс) затем следуют Георг Дингес, известный этнограф, один из основателей немецкого педагогического института в г. Энгельсе в период существования АССРНП, Я. Дитц, депутат 1-й Государственной думы в России, исследователь истории поволжских немцев, профессор, доктор геолого-минералогических наук СГУ М.Г. Миних и ректор Саратовского государственного технического университета профессор И.Р. Плеве. Показательно, что отсутствуют имена современных российских ученых, писателей, художников, музыкантов, и поэтов, имевших «немецкие корни» и представлявших советскую культуру на мировом уровне, как, например, Святослав Рихтер.

Не смогли определиться в первом вопросе 30 чел., (14%).

«Немецкими» местами были названы: проспект Кирова (бывшая ул. Немецкая) –58 чел., (27,4%), Немецкий информационный центр – 22 чел., (10,3%). Далее по количеству ответов следовали: немецкий читальный зал

– 20 чел. (9,3%), консерватория – 18 чел., (8,4%). В список вошли трофейная военная немецкая техника на Соколовой горе и языковой центр Лингва (в 9-ти анкетах, 4, 2%), здания СГУ, построенные по проекту арх. К.Л. Мюфке – 8 чел. или 3,7%. «Немецкое подворье» в национальной деревне на Соколовой горе разделило степень известности с немецкими автобусами – 5 чел. (2,3%), католический костел на ул. Волжской – 6 чел. (2,8%). 4 респондента (1,8%) в анкетах отметили здание бывшего католического костела на пр. Кирова (ныне – кинотеатр «Пионер»), здание бывшего германского консульства на ул. Рабочая 22, кладбище немецких военнопленных периода Великой Отечественной войны (4 Дачная, Ленинский район г. Саратова), краеведческий музей с экспозицией «Поволжские немцы», рестораны «Брудершафт», «Бавария», Zerpelin, наконец, 2 чел. из числа опрошенных, указали на мельницы Бореля на ул. Чернышевского, особняки Рейнеке и Мюфке, гостиницу «Волга» (бывшая «Астория», арх. С. Каллистратов, рассматривается специалистами как образец т.н. «переселенческого искусства»), место расположения лютеранской кирхи на ул. Радищева (ныне на этом месте располагается здание Саратовского государственного аграрного университета), магазины «Grau» и «Немецкая Обувь», Поволжский немецкий банк, фирмы Rehau и Thyssen, а также городской Центр немецкой культуры Freundschaft. Замыкают список «точечных» упоминаний особняки И. Шмидта, Э. Бореля, здание табачной фабрики и Райффайзенбанк. Всего по мнению студентов в список «немецких мест» вошли 32 объекта, из которых памятники архитектуры, жилые здания либо производственные объекты, принадлежавшие «саратовским немцам», либо стилизованную под немецкую архитектуру – 8 объектов, культовых зданий и ритуальных мест – 4, музейных и краеведческих экспозиций – 3, существующих в Саратове иных учреждений и организаций – 14 наименований.

Необходимо, на наш взгляд, отметить, что преобладающая часть указанных в анкетах архитектурных объектов построены в стиле модерн на рубеже XIX–XX вв., но немецкие фамилии архитекторов или владельцев предопределили их соотношение в обыденном сознании к «немецким местам». Энгельс (Покровск) (бывшую столицу АССР НП) в качестве «немецкого» места определили только 5 респондентов (2,3%) от общего числа опрошенных, тогда как в самом городе к ним были отнесены: экспозиция в краеведческом музее и Центр немецкой культуры – 7 чел. (3,2%), затем архив немцев Поволжья – 6 чел. (2,8%), еще несколько человек назвали проспект им. Энгельса и фирму Henkel. Обращает на себя внимание тот факт, что если о существовании фирмы Bosch в Энгельсе знают 4 респондента, то о наличии дома-музея А. Шнитке – только один. Город Маркс (бывший Екатерининштадт) отнесен к «немецкому» 5 (2,5%) респондентами. В самом Марксе к «немецким местам» отнесены: католическая церковь, памятник Екатерине Великой, Российско-немецкий дом и экспозиции в местном краеведческом музее. По одному разу упоминаются в анкетах лютеранский костел (г. Маркс), собор

(с. Привольное Ровенского района Саратовской области), а также села Урбах, Ней Урбах, Майдорф, Гусенбах, Розенштайн.

Из общего числа опрошенных не имеют представления о «немецких мечах» 84 студента (30,9%).

Отвечая на 3 вопрос анкеты студенты выделили 29 главных черт характера, последовательность которых в порядке убывания числа отметивших данную черту представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Главные черты характера, присущие немцам, выявленные по опросу студентов

№ № п/п	Главные черты характера немцев, названные студентами	Кол-во студентов, назвавших данную черту характера
1.	Пунктуальность	71
2.	Аккуратность	52
3.	Педантизм	39
4.	Твердость	19
5.	Практичность	19
6.	Строгость, серьезность	17
7.	Бережливость	15
8.	Трудолюбие	14
9.	Чистоплотность	14
10.	Целеустремленность	11
11.	Фанатичный патриотизм	11
12.	Дисциплинированность	10
13.	Сдержанность	9
14.	Вежливость	7
15.	Замкнутость	6
16.	Уравновешенность	6
17.	Предприимчивость	5
18.	Упорство	5
19.	Честолюбие	5
20.	Законопослушность	4
21.	Несгибаемость	4
22.	Порядочность	3
23.	Тактичность	3
24.	Доброжелательность	3
25.	Чувство собственного достоинства	2
26.	Толерантность	2
27.	Преданность делу	1
28.	Склонность к риску	1
29.	Понимание	1

Интересно то, что «серьезность», которая является своеобразной визитной карточкой немцев вообще и с точки зрения студентов, уступает пунктуальности, скорее всего просто дополняет аккуратность и пунктуальность. Вполне естественно также, что если педантизм на первом месте, то склонность к риску – на последнем. Толерантность, как показывает практика человеческого общения, достаточно сложно сочетается с «фанатическим патриотизмом», да и само понятие «фанатический патриотизм» нуждается в дополнительном объяснении. Трудолюбие и чистоплотность – входят в «десятку», но преданность делу – на последнем месте, что косвенно подтверждает тот факт, что студенты считали возможным выделить те черты, которые входят в их собственное представление как обязательные. Следовательно, в сознании современной учащейся молодежи нет непреодолимых препятствий для нормального диалога и понимания.

Знания и представления студентов по 4 вопросу представлены в Таблице 2:

Таблица 2

Отношение студентов к вопросу сохранения немецкого колорита в регионе

Вопрос	Ответы (количество ответивших / % от всех студентов, участвовавших в опросе)			
	Да	Нет	Не знаю	Все равно
Хотели бы вы, чтобы сохранился немецкий колорит в городе и области?	140 65, 9	48 22, 5	10 4, 6	15 7, 0

Желание почти двух третей студентов сохранить в регионе немецкий колорит свидетельствует об их толерантном и уважительном отношении к немцам и их культуре, желании знать ее и приобщаться к ней.

По своему содержанию и характеру ответ «да» в развернутом изложении студентов свидетельствует об их убеждении, что сохранение «немецкого колорита» возможно и желательно, поскольку:

а) Россия – многонациональная страна и в связи с этим желательно, чтобы в Саратовской области обращалось бы внимание на каждую из проживающих здесь национальностей. Наряду с сохранением интернациональности, важно обеспечить особенности национальных меньшинств;

б) феномен немецкой культуры необходимо воспринимать и понимать как один из элементов общенациональной культуры;

в) немецкий колорит – отличительная черта Саратовской области;

г) история поволжских немцев – часть истории Саратовского края.

Студенты, которые высказались отрицательно, уверены в том, что:

а) исходя из сложившихся условий в России необходимо в первую очередь озаботиться сохранением и развитием русской культуры и языка, что в свою очередь выступает гарантом сохранения и развития других национальных культур;

б) поскольку у «поволжских немцев» существует понятие «историческая родина», постольку «немецкая культура» должна развиваться в Германии.

Содержание ответов «не знаю» свидетельствует, во-первых, о значительной неосведомленности студентов в вопросе о роли и месте российских немцев в общероссийской истории и культуре; Во-вторых, о сохранении на бытовом уровне в подсознании готовности поставить знак равенства между «российскими немцами» и немцами – солдатами вермахта в период Великой Отечественной войны. Обнаружение нами данного обстоятельства свидетельствует о том, что дух и буква Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 во многих случаях все еще являются основанием для формирования стереотипа оценки в отношении российских немцев и в начале XXI века.

Имеющаяся в ответах студентов оценка «не знаю» можно расценить как «настороженное да»: «русские немцы имеют право на сохранение и развитие собственной культуры, но не в ущерб основному русскому населению». Полагаем, что в данном случае играет мощный фактор незавершенности обсуждения вопроса «Русские немцы – кто вы?» в период подготовки решения о воссоздании немецкой автономии в Поволжье. Решение данного вопроса может происходить только на основе исторического образования, свободного от политизированных подходов. В любом ином случае российские немцы, как показывает практика, оказываются заложниками исторических обстоятельств.

Наконец, точка зрения «Все равно» изложена в форме, что «я не возражаю против сохранения «немецкого колорита», но при условии, что решение не будет принято в навязчивой форме». В обыденном сознании современных студентов сохраняется опасение централизованного решения сверху (этого российского условия для всех времен) и предпочтение отдано иным ненадлежащим мерам.

В качестве подтверждения данного положения приведем предложения, которые высказаны студентами в качестве мер по сохранению «немецкости» в нашем регионе:

Радикальные:

- организовать отдельный автономный район поволжских немцев;
- возродить автономную республику немцев Поволжья («пусть живут»);
- воспроизвести целое самобытное немецкое поселение;
- вернуть немецкое консульство.

Постепенные:

- всемерная поддержка немецкого землячества и других объединений поволжских немцев в том числе за счет спонсорства со стороны Германии;
- создание условий, при которых немцы не станут покидать Поволжье и в их числе – распространение немецкого языка, открытие немецких детских садов, школ и театра. Сохранить культуру и памятники культуры немцев Поволжья очень важно, но важнее – сохранить оставшихся немцев, для чего

необходимо восстанавливать фамильные родословные и освещать этот вопрос в прессе;

- изучать историю немцев Поволжья в школе, в вузе, расширить масштаб проводимых мероприятий, касающихся истории немцев Поволжья. Привлечь к решению вопроса, связанного с историей поволжских немцев, СМИ, рекламу, чтобы все узнали, что наш край тесно связан с немцами;

- решение вопроса должно осуществляться на правительственном уровне в Москве, поскольку на уровне правительства Саратовской области в этом направлении делается мало.

Ответ на вопрос 5. Из 213 анкет в 156 было подтверждено, что студентам известно о существовании АССР НП и ее ликвидации в 1941 году. Почти треть (57) указали на отсутствие знаний по этому вопросу. Еще 15 студентов не определились в своем отношении.

Обращает на себя внимание разброс полученных мнений по вопросу квалификации действий властей в отношении к советским немцам :

Политическая ошибка – 30 (19,2%)

Военная целесообразность – 38 (24,3%)

Оправданная необходимость – 40 (25,5%)

Преступление – 40 (25,5%)

Акт беззакония – 4 (2,5%)

Несправедливые действия – 14 (8,9%)

Дискриминация прав народа,

проживающего на территории

СССР – 2 (1,2%)

Не могу дать оценку – 6 (3,8%)

Воздерживаюсь – 9 (5,1%).

Наиболее характерные мнения, высказывавшиеся студентами:

«Фашисты – фашистами, а русские немцы причем? Совершенно не понимаю действия властей»;

«К ликвидации автономии отношусь резко отрицательно. Очень жаль, что исчез «островок» национальной немецкой культуры»;

«Ликвидация республики немцев Поволжья было преступлением советской власти и исторически предсказуемым явлением при характере тогдашнего политического режима»;

«Это было необдуманном шагом. Не надо было так резко с людьми... Я против насилия и против действий, которые влекут за собой пролитие крови»;

«То, как депортировали – с этим не могу согласиться. Русские немцы нам не мешали, наоборот, было на кого равняться, ведь немцы – хорошие хозяйственники»;

«Ликвидация автономии была вынужденным шагом, но отрицательно сказалась на развитии губернии (особенно сельского хозяйства и образования)»;

«Ликвидация была predetermined ходом истории, поскольку немцы ассимилировались с русским народом».

Голоса «за» и «против» разделились следующим образом: 78 выступающих с точки зрения «военной целесообразности» и «оправданной необходимости» против 74, осуждающих ликвидацию АССР НП и депортацию народа.

Обратившись к документам, можно найти четкое определение деятельности властей того периода: «тяжелейшее преступление» и «произвол». Такие оценки приводят, например, студенты-юристы. Знаковым является тот факт, что в анкетах мнение «военная целесообразность» ничем не подкрепляется, тогда как противоположные мнения дополняются собственными рассуждениями.

Ответ на шестой вопрос показал, что, источники информации, которыми пользовались студенты, следующие. Первая группа источников информации: историческая и художественная литература – 132 студента, Интернет – 82 и СМИ – 70. Вторая – спецсеминары и спецкурсы в вузе – 63, занятия по иностранному языку – 28, уроки краеведения в школе – 26, конференции и встречи – 26, музейные экспозиции – 12, посещение библиотек – 11. Не пользуются никакими источниками, ввиду отсутствия интереса к теме – 31 чел. (14,5 %).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что студенты, посещавшие спецкурсы и занятия по иностранному языку, входят в основную группу респондентов, четко излагающих и обосновывающих свою точку зрения.

Знакомство с анкетами позволяет говорить и о существовании еще не преодоленного и порой сознательно культивируемого предубеждения против немцев вообще, особенно наглядно проявляющегося в России в период обострения социально-политической обстановки, ослабления общественной стабильности.

Одна из причин, на наш взгляд, заключается и в том психологическом наследии, с которым связано восприятие слова «немец» в послевоенном Советском Союзе, особенно в семьях тех студентов, чьи родственники воевали и погибли в Великую Отечественную войну.

Результаты опроса, разумеется, не могут объяснить весь трагизм «немецкой судьбы» в России, но в определенной степени указывают на сохраняющиеся и до сих пор не решенные проблемы восприятия российских немцев в Российском государстве.

Нам остается обратиться к стихотворению русского поэта, поволжского немца Виктора Шнитке:

...День грядет, и люди, что с рождения молчали,
Заговорят. Река взломает лед.
И ты порвешь тугую оболочку своей судьбы
И в мировой простор шагнешь не сиротливой одиночкой,
А с миллионом братьев и сестер.

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллаев Чингиз Али оглы, доктор культурологических наук. Бакинский славянский университет. Баку. Азербайджан.

Алишина Галина Николаевна, ассистент кафедры истории и документообращения исторического факультета Томского государственного университета. Томск. Россия.

Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, зав. отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы. Казахстан.

Байкова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода Вятского государственного гуманитарного университета. Киров. Россия.

Бахарева Ольга Яковлевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета. Оренбург. Россия.

Блинова Анна Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Омск. Россия.

Бургарт Людмила Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель Восточно-гуманитарного института. Усть-Каменогорск. Казахстан.

Великая Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

Венгер Наталия Викторовна, доктор исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета. Днепропетровск. Украина.

Волкова Тамара Петровна, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета социальных наук Казахстанско-немецкого университета. Алматы. Казахстан.

Вормсбехер Гуго Густавович, писатель, общественный деятель. Москва. Россия.

Гамм Герхардт, общественный деятель. Меккенхайм. Германия.

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

- Дятлова Валентина Александровна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских языков и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического университета. Красноярск. Россия.
- Зейферт Елена Ивановна**, доктор филологических наук, редактор-обозреватель «Литературной газеты». Москва, Россия.
- Иванов Александр Сергеевич**, аспирант Сургутского государственного университета. Сургут. Россия.
- Иларионова Татьяна Семеновна**, доктор философских наук, профессор, генеральный директор Института энергии знаний. Москва. Россия.
- Иноятова Дилором**, кандидат исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана. Ташкент. Узбекистан.
- Калякина Александра Викторовна**, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.
- Кахаров Нишан Нишанович**, кандидат исторических наук, доцент. Ташкент. Узбекистан.
- Кириллов Виктор Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, теории и методики обучения Социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Нижний Тагил. Россия.
- Клец Виктор Кириллович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Днепрпетровского национального университета. Днепрпетровск. Украина.
- Конев Евгений Викторович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала Института Кемеровского государственного университета. Новокузнецк. Россия.
- Кретинин Сергей Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж. Россия.
- Лебедева Елена Вячеславовна**, кандидат исторических наук, доцент экономического и социально-гуманитарного факультета Российского государственного гидрометеорологического университета. Санкт-Петербург. Россия.
- Лиценбергер Ольга Андреевна**, доктор исторических наук, профессор, проректор по международным связям Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. Саратов. Россия.
- Малиновский Лев Викторович**, доктор исторических наук, профессор Барнаульской государственной педагогической академии. Барнаул. Россия.

- Массина Светлана Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.
- Матвеева Наталья Владимировна**, аспирантка кафедры истории, теории и методики обучения Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Нижний Тагил. Россия.
- Мартыненко Владимир Леонидович**, аспирант Харьковского национального университета. Харьков. Украина.
- Маркдорф Наталья Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Новокузнецкого филиала Института Кемеровского государственного университета. Новокузнецк. Россия.
- Менг Катарина**, филолог, доктор, профессор. Мангейм. Германия.
- Месич Татьяна Ильинична**, преподаватель истории в Докучаевском техникуме Донецкого университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. Докучаевск Донецкой области. Украина.
- Мотревич Владимир Павлович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург. Россия.
- Москалюк Лариса Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка факультета иностранных языков Барнаульской государственной педагогической академии. Барнаул. Россия.
- Назарьян Рубен Гамлетович**, кандидат филологических наук, доцент Самаркандского государственного университета. Самарканд. Узбекистан.
- Нам Ираида Владимировна**, доктор исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. Томск. Россия.
- Охотников Андриан Юрьевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск. Россия.
- Плесская Эльвира Германовна**, историк. Одесса. Украина.
- Протасова Екатерина Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, лектор. Департамент современных языков Хельсинкского государственного университета. Хельсинки. Финляндия.
- Савоскул Мария Сергеевна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва. Россия.
- Серазетдинов Борис Уразбекович**, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета технологий и управления. Москва. Россия.

- Скучаева Ольга Евгеньевна**, кандидат исторических наук, начальник отдела комплектования и экспертизы документов Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Энгельс. Россия.
- Смирнова Татьяна Борисовна**, доктор исторических наук, доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета. Омск. Россия.
- Солодова Вера Владиленовна**, кандидат исторических наук, директор Одесского государственного историко-краеведческого музея. Одесса. Украина.
- Степанов Михаил Геннадьевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Хакасского государственного университета. Абакан. Россия.
- Степченко Элла Николаевна**, младший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины. Киев. Украина.
- Фаузер Виктор Вильгельмович**, доктор экономических наук, профессор, зав. отделом социально-экономических проблем, зав. лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар. Россия.
- Ходченко Елена Евгеньевна**, аспирант кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета. Днепропетровск. Украина.
- Черказьянова Ирина Васильевна**, доктор исторических наук, главный редактор научно-информационного бюллетеня «Российские немцы». Санкт-Петербург. Россия.
- Чернова-Деке Тамара**, историк, доктор. Берлин. Германия.
- Шидо Татьяна Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.
- Шульга Игорь Иванович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории отечества и культуры Саратовского государственного технического университета. Саратов. Россия.
- Шумилова Людмила Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент Поволжского кооперативного института (филиала Российского университета кооперации). Энгельс. Россия.
- Ярков Александр Павлович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором изучения этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета. Тюмень. Россия.

Научное издание

**ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И
ВНУТРЕННИЙ МИР РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ**

Материалы XIII международной научной конференции

Под редакцией Германа Аркадия Адольфовича
Корректор **Лищинская Марина**
Верстка **Мартынов Виктор**

Подписано в печать 21.07.2011. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 800 экз.

АОО МСНК, ул. Малая Пироговская, д. 5, офис 51
Тел.: (495)937-65-44, факс (499)766-48-76